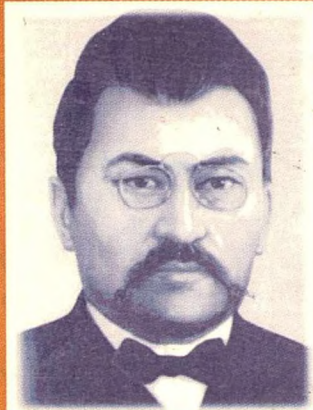

Мурат СУЛТАНБЕКОВ

СИНИЙ МЕРИДИАН
АЛАШОРДА
АТТИЛА

Мурат Султанбеков

Семей, 2013 год

Мурат Султанбеков

Семей, 2013 год

84 Каз7
С89

Мұрат СҰЛТАНБЕКОВ

СИНИЙ МЕРИДИАН АЛАШОРДА АТТИЛА

Қазақ және орыс тілдерінде
На казахском и русском языках

Матросская повесть, статьи, поэзия и пьеса

М.З.

Семей, 2013

УДК821 (574)
ББК 84(5 Каз-Рус)-7
С89

Султанбеков М.
«Синий меридиан Алашорда Аттила» 325 стр. Семей,
ПК«Семей Печать», 2013 г.

Рецензенты:

Ырысхан МУСАУЛЫ, член Союза писателей Казахстана, Заслуженный деятель Республики Казахстан, кавалер ордена «Курмет».

Людмила САВЧЕНКО, заместитель главного редактора ТОО Областной газеты «Вести Семей», член Союза журналистов Казахстана.

Айгуль КЕМЕЛБАЕВА, член Союза писателей Казахстана, лауреат литературной премии «Дарын».

Бұл кітаптің құрылымы үш бөлімді қамтиды. Бірінші бөліміне «Синий меридиан» - «Көк меридиан» атты матрос повесті енген. Осы повестің алғашқы беттерін автор Мұрат Сұлтанбеков 1964 жылы Тынық мұхит флотының аға матростық қызметін атқара жүріп, ай-шықты ой-сезімнің әсерімен ешбір суымған ізі бойынша жаза бастаған екен.

Қазақстан Республикасының тәуелсіздік және егемендік мәртебесін алғаннан соң жергілікті және республикалық БАҚ-тың тапсырмалары бойынша филология ғылымдарының кандидаты Мұрат Рахимжанұлы Сұлтанбеков бөлек арнайы топтама болған бірқатар мақалалар жазып, жариялаған еді.

Сөздердің көпшілігі «Қайта оралған есімдер» деген жалпы атпен «Алашорда» деген екінші бөлімінің негізі болды. Қазақ әдебиетінің тарихында тіпті ХХІ ғасырдың басына дейін ғұндардың атақты қолбасшысы Аттила туралы Шәкәрім Құдайбердиев (1858-1931) ғана қалам тартқан екен.

Аттила Мұңжықұлын бейімдеген тарихи пьеса және ол туралы мақалалар үшінші бөлімнің енішінде.

Сонғы «Өмір жалғасады» деген бөлімшеде Қазақстан жазушылар Одағының және журналистер Одағының мүшесі М.Р. Сұлтанбековтың кейінгі жылдардағы кейбір туындылары жинақталған.

Жанры мен тақырыбының әр түрлілігіне қарай бұл кітап мектеп оқушыларына, студенттерге, магистранттарға және көпшілік оқырманға ұсынылады.

Данная книга состоит из трёх частей. Первую часть составляет матросская повесть «Синий меридиан», первые страницы которой автор Мұрат Сұлтанбеков начал писать в 1964 году по свежим впечатлениям, будучи старшим матросом Тихоокеанского флота.

После обретения Казахстаном статуса независимой и суверенной Республики по заявкам местных и республиканских СМИ кандидат филологических наук Мұрат Рахимжанұлы Сұлтанбеков написал ряд статей, составивших отдельную серию под общим названием «Возвращённые имена», что составило основу второй части книги, названной «Алашорда».

Буквально до начала ХХІ века в истории казахстанской литературы только Шакарим Құдайбердиев (1858-1931) написал о знаменитом предводителе гуннов Аттиле Мундзукулы, историческая пьеса и статьи о котором вошли в третью часть этой книги.

В подразделе «Жизнь продолжается» - «Өмір жалғасады» собраны некоторые произведения последних лет члена Союза писателей и Союза журналистов Казахстана М.Р. Сұлтанбекова.

По разнообразию жанров и тематики книга Мурата Сұлтанбекова может послужить учебным пособием для школьников, студентов, магистрантов и широкого круга читателей.

ISBN 978-601-7195-63-2

УДК821 (574)
ББК 84(5 Каз-Рус)-7

© Султанбеков М.

50334

Предисловие.

У каждого писателя бывает такой промежуток времени, когда он сам себе задаёт вопрос «А что я сделал для родной литературы?». При таких случаях мне, непременно, вспоминается единственное крупное произведение в прозе, пока моя единственная повесть о службе на Тихоокеанском флоте «Синий меридиан». Помнится, первые страницы её написал, будучи старшим матросом во второй половине службы и даже прочитал командиру дивизиона связи, подполковнику Бочарову, который отозвался одобрительно. Так после демобилизации в конце 1964 года, как говорится, по горячим следам закончил эту повесть и предоставил республиканскому издательству «Жазушы», которое восприняло положительно, перенося в темплане из года в год, принуждая меня дорабатывать и доводить до кондиции, но света, к сожалению, она так и не увидела...

Мне повезло с наставниками на литературной и журналистской стезе. Таковыми ныне смело могу назвать Каюма Мухамедханова, Азильхана Нуршаихова и Ырысхана Мусина, который постоянно помогал, направлял и был рецензентом моих книг «Поэтическое вдохновение: Абай, Шакарим и Мухтар», «Шакарим. Казах в зеркальном отражении. Стихи и поэмы» и «Чайки Прииртышья. Избранное.» (Семей, 2011).

Эта книга также зародилась не сразу. Её приходилось долго обдумывать, обсуждать и приводить в соответствующую кондицию. Прежде всего мой главный рецензент Ырысхан Мусаулы сразу поддержал идею о том, что её надо издать на двух языках: казахском и русском. Далее в раздел «Алашорда» мы должны были включить самых крупных писателей - классиков, репрессированных в тридцатые годы, таких, как Ахмет Байтурсынов, Жусупбек Аймаутов, Магжан Жумабаев, Миржакуп Дулатов и др.

Поскольку раздел назван «Алашорда», никак не мог обойтись без основателя и лидера этой партии и движения Алихана Букейханова, поэтому преднамеренно он начинается с эссе «Звезда Алихана Букейханова», написанного в своё время по совету Ырысхана Мусаулы и опубликованного в журнале «Абай».

Будучи сотрудником редакции Республиканского журнала «Абай» (1994-2008), мне нередко приходилось советоваться и согласовывать свои творческие идеи и планы с его главным редактором, потом директором незабвенным Ырысхан-ага. Это он с самого зарождения

всячески поддерживал и помогал в реализации моего совершенно неожиданного замысла – написать историческую пьесу «Аттила»

Впервые о далёком нашем предке, гуннском хане и полководце Аттиле Мундзукулы мне довелось услышать от своего учителя, незабываемого наставника Каюма (Габдулкаюма) Мухамедханова (1916-2004).

Со школьных лет меня интересовала история родного казахского народа, которая тогда преподносилась скудно и вкратце. Не все мои современники, к сожалению, достаточно понимают, что нам предоставлена великая радость и счастье жить в независимой суверенной Республике Казахстан.

Такие высокие человеческие достоинства и черты, как патриотизм, любовь к отчужденному краю и народу, стремление к глубокому познанию родного языка, даже трёх языков (плюс русского и английского) идут от далёких наших предков: гуннов и тюрков.

Как-то по-особому наитию мы сблизились с писателем – фронтовиком, земляком, Народным писателем Казахстана, лауреатом Государственной премии имени Абая, Международной премии имени А.А. Фадеева, почетным профессором Азильханом Нуршаиховым. С юношеских лет глубоко врезались в мою память и остались навсегда в сердце его романы «Годы радости и любви» и «Истина и легенда» о легендарном полководце и Халык қаһарманы Бауыржане Момышулы. Позднее к ним присоединился его последний роман о замечательной супруге Халиме-апай «Мәңгілік махаббат жыры» - «Песнь вечной любви». Во всем этом всегда я подразумевал и предвидел связь времён и поколений...

Поньше благодарен своему первому наставнику, почётному профессору Каюму Мухамедханову и тогдашнему замдекана филологического факультета СемПИ Воиновой Наталье Михайловне, которые настояли на том, чтобы студент из экспериментальной группы, готовящей учителей широкого профиля (казахский язык и литература и русский язык и литература) вернулся и там продолжил учёбу...

После соответствующего обсуждения и художественной доработки историческая пьеса «Аттила» на русском языке была опубликована в двух номерах журнала «Абай» №2,3 за 2000 год. Резонанс среди читающей публики был заметным. Примерно через два года Ырысхан-ага выразил пожелание о публикации пьесы «Аттила» на казахском языке. Мне было лестно слышать такую рекомендацию и за несколько месяцев перевёл сам её на казахский язык с большим энтузиазмом. Ныне с особым удовлетворением отмечаю, что редактировала тогдашняя наша сотрудница и коллега, ныне известный мастер пера, лауреат литературной премии

«Дарын» Айгуль Кемелбаева, о которой положительно отозвался признанный автор учебников, известный академик Серик Кирабаев на XIV съезде писателей Казахстана (2012г.).

В журнале «Абай» №1,2 за 2003 год пьеса «Аттила» на казахском языке была опубликована. По случайному совпадению в том же году летом на базе университета «Кайнар» и института «Седимес» университета Патеон Ассос (Париж) в Алматы была проведена международная конференция, посвященная 1600-летию Аттилы. На ней довелось выступить с докладом «Об Аттиле в контексте мировой литературы». Тогда же был награжден медалью Аттилы с формулировкой «за историческую пьесу «Аттила» в двух частях и пяти актах».

Историческая пьеса «Аттила» на двух языках вошла в третий раздел книги с соответствующими статьями.

Надо сказать, что Алашорда и алашордынцы были реабилитированы дважды постановлением ВЦИКа от 4 апреля 1919 года и на пленумах Верховного суда СССР в конце прошлого столетия. Но когда закрутилось колесо репрессий в тридцатые годы XX века, почти все бывшие члены Алашорды были арестованы и расстреляны, хотя занимали довольно высокие должности и добросовестно трудились при советской власти. Здесь нечему удивляться, если даже такой активный участник борьбы за советскую власть и самый молодой председатель Совета народных комиссаров, как Сакен Сейфуллин, попал под колесо репрессий.

Хотелось бы уточнить, что бывшим алашордынцам обычно приклеивали такие ярлыки: националист, панисламист и пантюркист. Здесь ещё надо бы сказать о транскрипции термина «Алашорда». На казахском языке он всегда пишется вместе, слитно, не разделяя на два слова. Но вот на русском языке, как и сохранилось во всех старых газетах, книгах и в архивных документах, писалось: «Алаш-Орда» или «Алаш Орда». Поскольку так сложилось правописание, наверно, правомерно каждое использование.

Вместе с тем статьи на казахском языке, включенные в эту книгу, дополняют её тематику и в разное время были опубликованы в газетах «Қазақ әдебиеті», «Семей таңы» и журналах. Выполняя добрую волю автора, эта книга должна оправдать свою миссию, став необходимым учебным пособием для школьников, студентов и широкого круга читателей.

Часть I

СИНИЙ МЕРИДИАН

Матросская повесть

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Осенний призыв

Он давно готовился к поступлению в целевую аспирантуру, мечтал о продолжении учебы в Москве, привык к этой мысли и совсем забыл, что от призыва на армейскую службу всего – навсего имеет только отсрочку. В нем все бунтовало. Он объезжал все инстанции, начиная с заведующего района и кончая кабинетом первого секретаря Октябрьского горрайкома, где только год с небольшим назад главный кабинет занимал его папа. Были надежды, просветления. Но результат один – отправка в армию. Здесь были два веских и законных довода: в послевоенное десятилетие рождаемость по стране несколько снизилась, второй – напряженность международной обстановки, и никаких отсрочек призывникам. Тогда в 1962 году разразился Кубинский кризис и мир был на грани ядерной войны.

И вот Салим, угрюмый, тихий, как прирученный беркут, сидит у кабинета военкома. Медкомиссия уже позади, о которой он не думал ни «до», ни «после», потому что здоров, как бык. Налитые мускулы и крепкая, стройная фигура спортсмена вызвали уважение даже у врачей и молоденьких медсестер.

Дверь кабинета военкома отворилась и вышел юноша с модной каштановой шевелюрой с завитками на затылке. Его синие с отливом глаза запомнились редкой выразительностью, черные густые брови сливались у переносья, напоминая распростертые крылья орла. В руках он держал повестку об отправке. Прочитал, ухмыльнулся, подняв левую бровь, отчего, казалось, орел сделал крен вправо. Потом негромко сказал:

- Агзамов – к военкому.

За длинным столом, накрытым красным плюшем, сидели военком — подполковник, какой-то офицер в морской форме и один прошлогодний выпускник — казах с крупным носом, с большими глазами и прической «ёжик», он был с физмата, и Салим его знал просто в лицо, знал еще, что он работает в аппарате обкома комсомола и бывает членом разных комиссий. На остальных Салим не обратил внимания. Ему не было дела до незнакомых людей. Посыпались вопросы.

- Член ВЛКСМ?

- Член

- Спортсмен?

- Был.

- Разряд имеете?

- Да.

- Какой?

- Кандидат в мастера.

У Салима не было желания ни говорить, ни спрашивать. Отвечал односложно. Ему хотелось поскорее уйти отсюда, оставить обстановку вынужденной церемонии где-то как-то встряхнуть себя, чем-то развлечься, забыть. Все его существо не соглашалось с такой резкой переменой образа жизни, с крушением всех планов и задумок на будущее. Он все хмурился, глаза наливались досадой и сожалением, голос частенько стал срываться.

- У вас высшее образование. Вы, наверное, будете на службе неплохим агитатором, - осторожно и тихо вставил капитан третьего ранга. У него на груди справа, чуть пониже лацкана флотского кителя сиял аккуратно начищенный значок педагогического института.

- Такой значок взять с собой? — спросил Салим, кивнув на ромбик капитана.

- Конечно, возьмите. К матросской форме он очень идет.

Взгляд Салима неожиданно встретился с одобряющим взглядом однокашника — коллеги из комиссии. Салима снова обжигающе охватила притаившаяся досада, обида, и внезапно вылетело у него:

- А в аспирантуру все равно поступлю.

Военком встал и начал, нервно шевеля пальцами и шелестя отпечатанными типографским способом листками, рыться в солидной пачке бумаг.

- Перед вами вышел отсюда аспирант. Тоже призываем, - нетерпеливо и зло процедил сквозь зубы военком с заметным

казахским акцентом - ... Вот еще какой-то Еркинбаев Инабат, потерялся Инабат. – При последнем имени Салим чуть вздрогнул и удивленно протянул:

- Разве он тоже призван?

- Знаете его? С вашего района. Почему во время не прибыл в военкомат?

- Не знаю.

- Судить будем. Вот вам две повестки, ваша и Еркинбаева. Найдите его и вручите. Пусть немедленно явится сюда. Ваша команда 525-ая.

Салим сунул повестки в карман и вышел. После длительного времени пустоты и равнодушия Салима вдруг охватило волнуемое смятение чувств и мыслей, как после удачного приемного экзамена. За какие-то минуты произошло столько встреч и впечатлений, которые вызывали в нем противоречивые и хаотичные импульсы, мелькавшие в его ноющей душе, как светляки в крошечной темноте.

Зависть и горькая досада охватывали и угнетали Салима при виде преуспевающего выпускника пединститута, восседавшего важно за столом, перед которым он стоял как провинившийся мальчишка. А ведь в институте Салим пользовался куда большей популярностью и авторитетом, чем он.

Еркинбаев Инабат прошел медицинскую комиссию!.. Одна жертва шального поступка Салима с папиной «Волгой» вернулась полностью в строй. Но незабвенный сердобольный отец не знает и не узнает больше об этом...

Как был зол военком! Наверное, он знает о непростительных проделках Салима... Добродушный, доброжелательный и красивый флотский офицер... Поможет ли Салиму переломить в себе себя, переплавить характер и закалить его в морских штормах и соленых волнах? Или, может, насильно будет переплавлять этот салимовский тяжелый характер? И это насилие привлекало Салима своим таинственным, незнакомым и неизведанным мужеством, флотским мужеством, о котором поют песни еще со времен легендарного «Варяга»...

Мысли Салима остановили свое карусельное движение на призывнике – аспиранте, сообщение о котором вызвало в нем любопытство и интерес. Его взгляд, прищуренный из-за солнечных окон, искал парня с орлиным взлетом бровей.

На стенах висели военные картины, изображавшие героев и их подвиги, доска воинов – отличников, статьи уставов. На них глазели призывники. Это было их будущее. Солнце, скрытое сентябрьскими тучами, словно по сигналу вахтенного, выплыло из-за них на узкий голубой просвет и направило ослепительные лучи на эти картины и стенды.

У плаката «Подвиг моряка – тихоокеанца Вилкова» стоял тот самый аспирант – призывник, рассматривал фотографии, читал надписи, накручивая на палец ремень фотоаппарата «Звезда». Салим подошел к нему.

- Извини, ты в 525-ую попал?

Между собой призывники обращались запросто, сразу на «ты». Салим не стал изменять этому неписаному правилу. В других случаях жизни не было бы сей простоты и непринужденности в знакомстве двух в какой-то мере близких по интересам молодых людей. Сохранивший столичный лоск и привлекательные манеры юноша повернул голову и, хмуря внимательно голубые глаза, ответил утвердительно: да. Его облик покрывала воздушная вуаль вездесущей мечты, вызывающей восхищение и робость собеседника. Салим осекся и замолчал в нерешительности, как перед вспышкой фотоаппарата.

- Вместе, значит, - заключил аспирант, не отрываясь от картины.

- Выходит так. Давай познакомимся, - выпалил Салим, осмелев и решительно сбрасывая с себя пелену оцепенения, и назвал свое имя. Аспирант пожал протянутую руку и, повернувшись всем корпусом, согласно улыбнулся:

- Мирон.

Они сошлись быстро, как обычно сходятся люди одной судьбы, да и в подобной суতোлке человеческого бытия. Мирон как будто давно искал себе достойного собеседника, которому можно было бы, не опасаясь уровня его миропонимания и не ущемляя собственной чести, выложить часть накопившегося в груди, которое уже давно давило на горло. Начали разговор о всякой всячине. Болтали о разных пустяках, о погоде, о фотоаппаратах, о гитаре, о ботинках.

- Ты куда? – спросил вдруг Мирон, заметив как товарищ нетерпеливо перебирает ногами.

- Да никуда. Все равно.

- Поехали ко мне в гостиницу. Я побренчу на гитаре. Что –нибудь выпьем. А то настроение какое-то паршивое.

Салим, который вот уже год находился под толстым стеганным одеялом равнодушия, был, наконец, потревожен неожиданной стихией восторга. Это – удачный случай поговорить об аспирантуре, о Москве, о московской жизни.

В такси разговор не клеился. Каждый смотрел на гусиный ряд домов-особняков, протянувшихся вдоль обрывистого берега Иртыша, на узорные фермы огромных мостов, на современные архитектурные ансамбли в центре города.

- Хорошо строят, красиво, - заметил Мирон, указывая на девятиэтажные дома, на площадь с фонтанами и цветниками.

- Только жалко старых купеческих домов. Каменные капитальные здания были, - возразил Салим. – Еще дореволюционные. В старом архитектурном стиле... Они имели свой особый колорит. Это был мой город детства.

- Ничего. В музейных фотографиях сохранится.

- И это верно, - согласился Салим. – Некоторые старинные дома все же сохранили. Вот, кстати, дом губернатора... В нем сейчас находится краеведческий музей... В нашем городе снимали фильм «Ботагоз» по одноименному роману Сабита Муканова. На фасаде этого дома была надпись «Аптека» через «ять». Туда бегала за лекарством Ботагоз. А дальше уже съемка шла в студии.

Интересный город. Старинный, культурный, - резюмировал рассказ товарища Мирон, провожая взглядом раскрасневшихся от первого легкого морозца сверстниц, беззаботно бегающих ребятишек и за узорной железной оградой белоснежный треугольник с гербом города: «овечья шкура» на фронтоне.

У гастронома Мирон дал шоферу знак остановиться. Снял с плеча фотоаппарат, и, щелкнув дверцей «Волги», побежал в магазин. Через 2/3 минуты вернулся с бутылкой «Столичной», поехали дальше. У центральной гостиницы «Алтай» остановились, расплатились и направились к пятиэтажному зданию.

Комната для двух человек. Здесь очень уютно. Белые наволочки, белые простыни, белая скатерть, белые шторы. Беленький напиток, разлитый в две рюмки. Кругом – ослепительная белизна. Даже на наболевшей душе Салима стало как-то светлее. Он, улыбаясь, озирался по сторонам. Обозревал временный приют своего новоявленного друга.

- Между прочим, здесь обстановка напоминает мою комнату в Москве: ничего лишнего. Только книг не хватает, - вставил комментарий Мирон, заметив любопытство Салима.

- Да, мирово! Я хотел попасть в Москву. Теперь служба.

- Успеешь. Москва никуда не денется. Наоборот, станет краше и лучше. Я жалею о другом. Думал заняться семиотикой. Есть такое новое направление в кибернетике. Теорию относительности Эйнштейна знаешь?

- Да. Слышал.

Мирон открыл кожаный чемодан с экзотическими наклейками джунглей и женщин типа «модерн» и стал рыться в куче толстенных тетрадей. Одну бросил на стол Салиму. Салим не знал теорию Эйнштейна. Ему просто не хотелось выглядеть профаном перед эрудированным столичным человеком.

- Сам знаешь, сейчас миропонимание основывается на математике, - продолжал Мирон. - А семиотика изучает любые какие есть системы знаков, которые используются человеком. Вот случай. - Мирон поспешно достал записную книжку и стал читать: «Одна из важнейших задач знака - квантование опыта или, иными словами, внешних воздействии». Семиотика ищет «общее математическое выражение для прекрасного в человеческих произведениях и в природе. При этом произведение искусства рассматривается как текст, состоящий из символов, в которой каждый представляет собственное содержание». Словом, это значит, что когда-то машина сможет заменить мозг и руки человека. Вот смотри. Машина вычисляет. Машина переводит. Машина пишет. Ты слышал такое определение «алгебра - это одухотворенное перо поэта»?

Салим слушал, раскрыв рот. Он сидел, как каменный. На вопрос Мирона отрицательно покачал головой. Мирон был в своей стихии. Как человек, истосковавшийся по любимому предмету, он говорил и говорил.

- Вот именно. Такого определения человечество еще не знает. Но оно будет. Поверь мне. Станет аксиомой. А сколько еще областей в природе и деятельности человека, куда можно применить алгебру. Океан!

Салим сидел зачарованный. Его уверенность после армии стать аспирантом постепенно таяла, теряла под собой почву. Он робко осведомился:

«Наверное, трудно поступать в аспирантуру?»

- Чепуха. Знай отлично свой предмет. Изучи один иностранный. И ты – аспирант. Думаешь, все там – с головой. Есть дубы. Десять лет сидят над одной диссертацией и не могут защитить. Есть и такие, кому кто-то за что-то пишет диссертации. Да, есть еще мерзости в нашем обществе. Но как бороться? Пробовал только просто презирать и шею себе сломал.

Мирон говорил с запалом, с полной самоотдачей своим мыслям и чувствам. Видимо, много накопело в нем и долго молчал. Выражение его лица постоянно менялось. Брови то взлетали, то опускались. Вдруг они приняли свое нормальное, устойчивое положение. Мирон замер:

- Ба! Где фотоаппарат?

Салим сразу сообразил и сказал так, как будто об этом знал раньше:

- Оставили в такси. Ты номер запомнил?

- Кто запоминал?

Салим замерзал на зачехленном стуле, нахмурился, как будто он был виноват в потере. Мирон это заметил и поспешил успокоить своего гостя.

- Пустяк! Он мне больше не нужен. Я снимал им редкие материалы, рукописи, архивные документы. В армии уж этим не придется заниматься. Снимать людей и самому фотографироваться – это не по мне.

Мирон действительно меньше всего думал об утерянном фотоаппарате. Салим внушал впечатление мыслящего человека. К тому же был его спутником армейских дорог. И это – самое главное. А Салим перелистывал тетрадь, заполненную до последней страницы разными цифрами, буквами, уравнениями, схемами, и ничего там не понимал. Даже школьные знания по точным наукам и те выветрились из головы. Он почувствовал большой пробел в своем образовании и прямо заявил об этом.

- Да, в наш век нельзя быть специалистом сугубо гуманитарных дисциплин: филологом, психологом, лингвистом, историком. Отстанешь от жизни.

- Абсолютно! Ты прав, дорогой! – подхватил Мирон. – А это мой «ДЖ» - дневник жизни. В армии, говорят, не разрешают вести дневник. Сожгу.

Мирон бросил еще одну толстую тетрадь на стол. Засуетился. Взял гитару.

- Напиток-то наш остыл. Ну, за службу.

Чокнулись. Выпили. Мирон провел пальцами по струнам. Его лицо приняло мечтательное выражение. Вдохнул глубоко. Начал привычными движениями вступление песни. Комнату залили мерные, задушевные ноты. И он запел медленно, негромко.

Я понимаю, что смешно

В глазах искать ответ.

В глазах, которым все равно-

Я рядом или нет...

Салим читал отрывки из дневника. Состояние Мирона перешло и в него. У обоих было невеселое минорное настроение. Из дневника предстало запутанное и интересное прошлое Мирона: его размышления, поиски, стремления, достижения, осечки, поражения, дружба, любовь. Сердце по-дикому ныло. В памяти Салима всплывали свои ошибки, неудачи. Хотелось вывернуть себя наизнанку, вывести темные пятна и все начать сначала. Но как забыть смерть отца, самого дорогого человека и первого друга! При мысли об отце сердце непростительно и больно заныло... Отдельные абзацы дневника Салим перечитывал и даже запоминал, как настоящие стихи в прозе. Правда, заучить наизусть не мог, но смысл задерживался в растревоженной и больной памяти.

«... Ура! Победа. Я водрузил знамя на подступах к своему будущему. Прошел конкурс. Зачислен. Я – аспирант. Теперь начну штурм. Не отступлю ни на шаг, чего бы это мне ни стоило. Драться до последнего дыхания!».

«Я эту девушку встретил на лестнице третьего дня в общежитии. Я прошел мимо. Она оглянулась, что-то сказала подругам, засмеялась».

«Ее зовут Надя. Она – с нашей кафедры. Заседание кончилось поздно. Домой шли гурьбой. Надя не проронила ни слова. Один раз взглянула на меня».

«Вчера был праздничный бал. Два раза танцевал с Надей. Три раза встретились наши взгляды. У нее под правым глазом родинка. Это – необыкновенная родинка. Видел во сне. Пел что-то вроде «На щечке родинка». Пошло!».

«... Жизнь – чудесная штука. Люди рождаются, подрастают на разных точках. Потом встречаются. Надя – человек колоссального интеллекта. Разбомбила известного типа. Логика мышления,

грамматические казусы, Ломоносовские «штили», боже мой, дебри, над которыми я раньше не задумывался.

«... Сила притяжения Надюши катастрофически растет. Около нее вечно – научный руководитель. Он пишет книгу. Она – его критик. Я нажимаю на немецкий. Скоро сдача».

«... Что за молодежь пошла. При девушках матерятся. Девушки смеются. Кошмар! Или это единственный случай, попавшийся мне на Серпуховке».

«... Я пригласил Надю на концерт Райкина. Шли, взявшись за руки, как дети. Билетов не было. Стояли в надежде на возврат с касс метро. Подошел высокий, широкоплечий мужчина с восточным профилем и сказал улыбаясь:

- Алекс ла Гума, заказ. Два билета!

Я остолбенел. Легендарный изгнанник из ЮАР! Лауреат литературной премии «Лотос». Надо же столько просидеть в тюрьме, находится в изгнании и сохранить бодрость, свежессть и жизнелюбие! Надя сказала, что я немного похож на него. Наверное, кудрявой шевелюрой»...

«Были с Надей на французской выставке в Сокольниках. Абстракционизм – дикость. А Пикассо – талант. Дает пищу уму и сердцу. Когда шли по парку, в голове забила мысль: «Жениться на Наде». Раньше этого никогда не было. Неужели 23 года - этот тот критический возраст, когда одному на свете скучно. Надя говорит, что ее научный руководитель недоволен нашей дружбой. Какой вздор! Мы от души посмеялись. Я назвал его «лысым фантазером».

«Сегодня меня обсуждали на комсомольском бюро. Здорово досталось за «лысого фантазера». Надя каким-то образом проболталась. Приписали грубость, нетактичность, невоспитанность и прочие пороки. Досталось за пропуски кафедральных заседаний. Мне там муторно. Не терплю подхалимство, ложь, притворство, притворное восхищение! Меня, кажется, тоже не терпят.

Надя свела родинку в институте высшей косметики. Ее лицо стало белее».

«... Посетили в доме ученых выставку Рокуэлла Кента. Какая гамма красок! Эскимосы – мужественные люди.

Надя говорит: «Много красок, мало содержания». Мы долго спорили...»

«... Сегодня видел во сне Надю. В Сокольниках, у входа в парк, как будто мы играем в кошки – мышки. Она убегает. Я гоняюсь за

ней. Дьявольская скованность движений. Не догнал... Проснулся в 4.00. До утра не смог уснуть. Наконец решился: взял паспорт, прифрантился и, никому не сказав ни слова, потопал на третий этаж. Надя попалась навстречу. Она бежала на какую-то деловую встречу с поэтом. Я вызвался проводить. Побежал за пальто. Она обещала подождать, но исчезла. Ни в комнате, ни на улице ее не было. Я в отчаянии бежал до Курского. Кругом – масса народу, а Нади нет. Говорят, ревность – тоже порок».

...«Сдали иностранный. Последний экзамен минимума. На душе праздник. Гуртом пошли в кино. Смотрели «Вечера на хуторе близ Диканьки». Смеялись без удержу. Помянули добрым словом Гоголя. Пригласил Надю во дворец спорта на эстраду. Отказалась. У нее опять какие-то деловые встречи. Вечером сел за статью «Поэзия молодых». Молчать – нет сил. Пошли какие-то ноющие стихотворения...»

...«Мой шеф на меня – ноль внимания. Бьюсь один. Составил план диссертации...»

«... Выяснилось, что наш шеф ухаживает за Надей. Ревнует ее ко мне. Какой парадокс! Я делаю вид, что ничего не знаю...»

Салим читал и читал. Для него записи Мирона были чем-то вроде редкого романа с «черного рынка». Его черные глаза блестели, как горячие угли. Тетрадь заменил ту беседу с москвичом, в предвкушении которой Салим с радостью встретил его приглашение. А Мирон перебирал пальцами струны гитары: мастерски выкидывал на грифе разные трюки, брал фантастические аккорды. Пальцы мелькали. Грустные мелодии сменялись веселыми, жизнерадостными. Вдруг прихлопнул ладонью струны. Установилась тишина. Мирон обратился к Салиму:

- Ты брось эти талмуды. Давай лучше выпьем.

Разлил водку. Выпили. Мирон от нахлынувших воспоминаний и тихой уединенной обстановки расстроился и признание вырвалось само собой.

- Я, милый мой, сильно пострадал из-за своего характера. Я вообразил себя вундеркиндом.

Горячая струя разлилась по организму. Тянуло к откровению, к интимному разговору. Салим встал и подошел к окну. Тучи рассеивались. В просветах проглядывало светло – синими заплатами небо. Солнце еще полностью не вырвалось на расчищенные участки небесного купола. Окно сквозь облачную вуаль бросало матовый

свет, подобный свечению неоновый лампы. Впереди – четырехэтажное здание института. В нем – огромный зал с колоннами, где проходят студенческие вечера. Сколько их было за четыре года. Ни один не врезался в память так, чтоб всколыхнуть жгучее воспоминание перед расставанием. Конечно, он дружил, пел песни, остроумно шутил, бегал за девушками. Бегал в поисках развлечений, движимый не влечением сердца, а скорее инстинктом, подобно тому, как воробей – самец, чирикавая, летает за самкой. Правда, встретил Айсулу, эту безвинную аульную козочку... Теперь все рассеялось, как пыль, поднятая на степной дороге безудержно летящим всадником. Этап пройден, а вспомнить, рассказать почти нечего. Он во всем завидовал Миرونу.

- Слушай, Мирон, а где сейчас Надя?

- Не знаю.

- То есть? Вы не поженились?

Салим никак не ожидал такого ответа. Оторвав взгляд от окна, он подошел к столу. Мирон сидел верхом на стуле, развернув его на сто восемьдесят градусов. Его голова лежала на скрещенных руках, расположенных на спинке стула. Он бросил сквозь зубы:

- Поругались.

- Не помирились потом?

- Что ты? Она даже помогла мне лишиться комсомольского билета. Финал трагический.

Подняв голову, Мирон посмотрел на уставившиеся на него глаза – шарики, черные, готовые вылететь из орбит, и, приставив указательный палец к губам прошипел: «Только – ша! Никому – ни-ни, ни слова. Уговор?»

- Честное слово.

- Вот так. Ты парень, видать, умный. Мне нравишься.

- Но все-таки, как же это тебя так? – не унимался Салим.

- История печальная, – продолжал Мирон, прикурив папиросу и два раза глубоко затянувшись.

- Ее голову, очевидно, вскружил успех. Лысый шеф. Известный поэт. Звезды более яркие, чем безвестный аспирантишка. Этот поэт разошелся с женой и пропал у нас, в общежитии. Он чуть ли не жил в комнате Нади. Я захандрил, запил. Однажды со стипендии зашел в магазин – автомат. Заправился как лошадь: вино там само льется, только брось двугривенник. Прихватил с собой пару бутылок и пришел к Наде. Устроил в ее комнате всеобщее пиршество. И здесь я

громогласно изрек: «Надя, я люблю тебя». Она просто ответила: «об этом при всех не говорят». Поэт торжествовал. Когда прощались, я вызвал Надю в коридор. Да, я любил ее. Не удержался. Поцеловал. Она дала пощечину. Я – две. Со зла, конечно, спьяна брякнул: «В мире давно существует патриархат и женщине не положено бить мужчину». Тут же в коридоре, каким-то образом торчал секретарь комсомола. Вызвали на комитет. Собрали все грехи: рукоприкладство, грубость, хулиганство, пьянство, пережитки прошлого и т.д. и т.п. Вопрос стоял об исключении.

- Ну, а как же Надя?

- Вот слушай. Передо мной стояло дилемма: любит она или не любит. Ведь по сути дела решалась моя судьба.

- Ну и как же?

- Надя молчала. Говорила ее подружка по комнате. Наплела со всякой всячины, гору пороков. А она, кажется, обожала меня. Даже завидовала Наде. Я ее считал пустой, слабовольной девчонкой. Наговорила черт знает что, а сама, понимаешь, посуду воровала.

- Как воровала?

- Навалит в столовой на стол ложек, вилок, ножей. А потом незаметно смахнет в этукую модную сумочку с иностранными надписями и пляжными видами.

- Ты бы об этом и сказал, - нетерпеливо, не вовремя советовал Салим, дымя папиросой и не находя себе места в комнате.

- К чему мне это? Меня не она, а Надя интересовала. Я до последней минуты, пока не захлопнулась за мной дверь, ждал. Думал, сейчас Надя соскочит с места, скажет свое решающее слово. И я узнаю, наконец, что она меня любит или любила, по крайней мере, на худой конец, как говорят. Это был мой высший принцип. Но, увы! Значит, она не любила меня никогда. В какое-то время ей нужен был аспирант с солидным карманом для веселого времяпровождения по культурным центрам и точкам. Потом я забился в свою комнату, как побитый пес в конуру, и скулил, первый раз с тех пор, как получил паспорт, плакал. Потерял всякий интерес к жизни. Смотрю ли кино, телевизор: «Комсомольцы строят, комсомольцы решили, комсомольская бригада». Как телега, выбитая из колеи, пришлось оставить аспирантуру с правом восстановления через год, с положительной характеристикой. Решил уехать куда – нибудь подальше. И вот я здесь и ты первый человек, кому рассказываю всю правду. Единственное просветление – это моя статья в московском

журнале подбодрила. Ушел в работу в школе. Немного рассеялся. Теперь моя мечта – вот, кибернетика.

Миرون устало замолк, глубоко и бесшумно вздохнул и гостеприимно подвинул благодарному собеседнику копченую колбасу, мелко нарезанную прямо на газете.

Эти два молодых человека, уже сполна испытавшие превратности жизни и судьбы, внутренним необыкновенным чутьем угадывали друг в друге единоподушие, единомыслие. Оба росли способными незаурядными мальчишками, подростками, юношами. Окружающие люди удивлялись, цокали языками, качали головой, расхваливали за глаза, а больше в глаза, не стесняясь в подборе эпитетов и высокопарных слов: «удивительный мальчик», «способнейший ученик», «превосходный студент», «феномен», «вундеркинд», «гений». Все, даже близкие и далекие родственники, пророчили им великое будущее, восхищались, льстили и завидовали. Но когда они, расхваленные и достаточно неподготовленные, соприкоснулись вплотную с жизнью и получили первые ощутимые удары ее, низвергнувшие их с искусственно воздвигнутого пьедестала на обжитую грешную землю, где беспокойно суетились тысячи им подобных, побежали круги на реке жизни. По этим кругам разбежались, кто раньше, кто позже, недавние восторженные «доброжелатели». Они попрятались в кусты, как перепуганные зайцы, прятали глаза под трепетными ресницами, модными косынками и черными очками, скрывались за частоколом ловко придуманных, неискренних слов...

- А как ты попал в наш город? – дожевывая не первой свежести колбасу и внимательно оглядывая гостиничный номер, попытался Салим.. – Я понял, что ты не из этих мест.

- Верно ты подметил, старик. Я с Алтая. Бухтарма, бурлящая по камням. Рыба хариус. Кедровые на скалах. Вот мои детские забавы. Красотища. И лучшие воспоминания.

- А родители переехали?

- Насовсем. На тот свет. Так сказать, круглый сирота... У меня здесь сестра живет, в Бескарагайском районе. Вот я и решил забраться в глухомань, в незнакомое село. Приехал к ней. А у нее своих детей куча. Муж – тракторист. Тоже забота – стирать и мыть..

Теперь уже в душе Салим не сомневался в том, что Миرون когда –нибудь станет большим ученым. Просто он еще раз узнал, что в жизни и любви не все так просто, как кажется. Он пригласил Мирона

к себе домой. Допили остаток «столичной» и двинулись на выход в надежде «поймать» такси.

Когда Салим, наклонившись, звенел ключом в замочной скважине, захмелевший приятель зло пробурчал:

- Оказывается, в жизни так просто сломать себе шею. Даже если ты не достоин этого, совсем не заслужил...

- Это точно, – подтвердил Салим. – Благо, когда самому достается. А ведь из-за меня, неблагодарного сволоча, отец мой скончался.

- Ну, это уже мне непонятно, – недоверчиво протянул Мирон и дружелюбно взял спутника под мышку. Около буфета расстроенный Салим не выдержал и потянул Мирона за руку:

- Пойдем, пропустим по сотке...

Но Мирон решительно запротестовал:

- Хорошего помаленьку... Еще попадем туда, куда не следует.

- Ничего, мы же – будущие моряки – здоровяки. А как еще там будет, один аллах знает... Поедем на остров, искупнемся. Свеженькими будем. Я покажу тебе наши джунгли. Я наберусь духом и расскажу тебе все, как было. Всю сущую правду...

Но и без рассказа – исповеди побывавший больше в перепетиях жизни Мирон исподволь осознал неосмысленную и тяжкую долю товарища, попавшего в непоправимую беду...

... Осенний традиционный вечер посвящения в студенты был в разгаре. Перед длинным строем первокурсников проректор по учебной части, держа в правой руке микрофон, необычно громким и приподнятым голосом рассказывал «первачам» о достижениях института, об успехах студентов в учебе, стройотряде и на производственной практике. Затем не менее торжественно он вручил старосте первого курса огромную символическую зачетную книжку.

Потом был большой, чрезмерно насыщенный разными жанрами студенческий концерт. На сцене старшекурсники старались вовсю: пели соло и капеллой, плясали и танцевали, читали стихи и басни, показывали инсценировки, импровизации скетчи. Венцом концерта, как всегда, был выступление вокально – инструментального ансамбля «Армандастар». Стоял невообразимый шум, треск, оглушительный грохот барабанов. Прорываясь через всю эту разразившуюся музыкальную грозу, звенели голоса молодых самодеятельных певцов и певиц... Студенты всегда с нетерпением ждали выхода на сцену своего ансамбля «Армандастар». Его номера обычно вызывали у них

сильный восторг и радость, можно сказать, до умиления... Участники ансамбля были одеты в яркие национальные костюмы, в синих тюбетейках, украшенных казахским орнаментом. На этом вечере Салим Агзамов был одним из конферансье. Правда, он не разыгрывал публику, не шутил, не произносил юмора, а просто для заполнения одной паузы прочитал небольшое стихотворение перед закрытым занавесом и только четким голосом объявлял очередные номера, в основном, серьезные... И вот в какой-то момент глаза Салима остановились на незнакомой девушке в третьем ряду с покрасневшимся круглым лицом и свободно распущенными на спину волосами. Сердце его как будто на мгновение тоже остановилось, ощутило прилив теплой приятной струи, как ощущение ее дыхания.

Концерт затянулся, и времени для танцев оставалось совсем мало. Салим лихорадочно искал и, наконец, около стенда: «Они защищали Родину» нашел и увидел это кроткое создание с милым светом чистых глаз и нежными – пренежными губами. Сердце третьекурсника Салима Агзамова неожиданно и непривычно заколотилось. Скоро конец вечера... К концу танцев обычно играл ансамбль «Армандастар». Когда он загремел в очередной раз, Салим решительно зашагал к незнакомой первокурснице.

- Я плохо танцую, - пролепетала одними губами девушка и опять покраснела. Все – таки пошла на танец, благо, что нынче все танцы танцуют примерно одинаково, ритмично, под музыку двигая и шевеля руками и ногами, кружа вокруг себя партнера. Ее тонкая и стройная стать была чарующе привлекательна, что Салим потерял привычное равновесие и самообладание. И девушка заметила это, и она, шелестя тонким, невесомым платьем, молча, беззвучно звала и влекла так, как обворожительно тянет неумное сердце яблони со зрелыми плодами и куст черешни с красными ягодами в чужом саду...

Обычное знакомство, провожания, встречи. Айсулу была из Чингистауского аула и жила у родственников в частном доме, по улице Ауэзова. Родичи оказались образованными, культурными людьми, Салим им понравился, что называется с первого взгляда: аккуратно подстриженный, опрятно одетый, по – особенному симпатичный, с интеллигентными манерами. Они ему объявили свободный доступ в свой дом, но по вечерам Айсулу не выпускали за порог, кроме субботы и воскресенья. А в эти дни Айсулу или уезжала

домой в аул, или к ней приезжал брат, с которым они играли, резвились и были всегда неразлучными, как вместе рожденные ягнята. При брате Айсулу присутствия Салима до крайности стеснялась: что-то невнятно лепетала, невпопад двигалась, краснела. Все это злило и расстраивало Салима. Но делать нечего. Приходилось мириться, искать ее на перекрестках, встречаться в институте, довольствоваться тем, что есть...

В долгие зимние вечера по просьбе Айсулу они занимались грамматикой русского языка. Ох и сложна это грамматика! В ту зиму для Салима были долгожданные дорогие вечера. Между дел они рассказывали друг другу о себе, делились впечатлениями о прочитанных книгах, новостями дня.

Айсулу легко усвоила и запомнила, что в некоторых русских словах произносятся одни звуки, а пишутся другие. Как, например, в словах: корова, собака, дорога в первых слогах произносится «а», а пишется «о», но никак не могла она понять и представить себе, что в каких-то словах пишутся звуки, которые вовсе не произносятся, что в словах: солнце, здравствуй, сердце, как и во многих других, согласные звуки «л», «в», «д» только пишутся, но не слышатся.

...В единственном окне комнаты, отведенной Айсулу, был виден кусочек окраины зимнего города. Оголенные деревья не скрывали, как летом, окна с покрашенными ставнями дедовских домов под острыми крышами, на которых покоился толстым слоем северный снег. За белыми крышами, как на искусной декорации возвышался зеленый минарет действующей мечети. Из труб домов валил кудрявым густым клубом сизый дым, рассеиваясь и украшая тонкими мазками свежее зимнее небо. По улице бегали соседские дети, таская за собой санки и хватая вертлявых дворняжек. Изредка проезжали легковые машины и грузовики, лавируя между сугробами и завалами вывезенного со дворов обильного снега. То и дело проплывали запряженные холеными лошадьми сани, на которых ловко сидели в шубах и стеганках и в высоких тымаках, лисьих шапках, старики, как в давние годы. Общей умиротворенности и уюту в комнате Айсулу способствовала левитановская картина «Март», которая висела напротив окна. Да, не за горами весенний месяц март. Скоро радостно зачирикают воробьи, ловя первые солнечные капли с косых крыш. Скоро пойдет пар с крыш, с бугорков и на солнцепеке: зашевелиятся, наконец, застывшие томные деревья. За окном со снежным скрипом закрылись ставни и зазвякало железо задвижки.

Айсулу зажгла свет и задвинула легкие шторы. Подготовка к семинару была давно закончена, но Салим сидел и не хотел уходить.

- А теперь чем будем заниматься? – тихо и чисто прозвенела Айсулу голосом – колокольчиком.

- Просто так посидим, - ответил Салим, не сообразив ничего.

Айсулу улыбнулась и села наискосок за письменный стол. Угнетаемая тишиной она, щелкнув кнопкой, зажгла настольную лампу и снова выключила. Потом взяла руку Салима и притянула к себе.

- Знаешь что? Я сейчас выведу твою наколку.

- Только одна буква, - оправдываясь проговорил Салим. – ошибка детства.

- Я хочу, чтобы ты был совершенно чистым. Будешь терпеть?

Салим утвердительно кивнул головой. Девушка, взяв его руку, стала легонько ковырять лиловую букву «С». Она увлеклась и так склонилась над столом, что пальцы Салима ощутили прикосновение ее округлой, круглой – круглой, как хоккейный мяч, груди. Необыкновенное чудо произошло в эти минуты с юношей. Веселая волна поднималась по телу, щекоча и радуя, прерывая дыхание. Салим боялся дышать, чтобы не спугнуть волшебную птичку, сидевшую на его пальцах. О, таинства мира! Вот что значит любимая девушка, любимый человек! Чего там греха таить. Сколько раз на сельхозработках Салим хватал, держал и мял девичьи груди. А девчата били по рукам, отскакивали, отбрыкивались. Но в уединении когда кругом не было ни души, притворялись уставшими от работы. А такого чуда, как в этот тихий зимний вечер, в уединенной уютной комнатке Айсулу, не было никогда...

Наступил долгожданный март. И апрель... Прилетели перелетные птицы из далеких южных стран. На бурой и влажной земле после оттаявшего снега зазеленела трава. На деревьях набухали почки, выпуская зеленые клювы листьев.

И все-таки однажды, в один из весенних солнечных дней, Салим уговорил Айсулу поехать с ним на дачу. Договорился с другом – сокурсником, выпросил отцовскую «Волгу», сам сел за руль/благо, еще в школе получил права шофера – любителя/ и покатил на улицу Ауэзова. По пути Салим с товарищем забежали в гостиничный буфет и выпили по стакану вина. Запах зажевали пахнущим, ароматным сен – сеном и смело отправились дальше...

Когда за Айсулу захлопнулась дверца машины, откуда не возьмись заметалась посередине улицы зловещая фигура какого-то паренька. У Салима был разработан свой обширный многообещающий план. Родители его должны были предварительно поехать на дачу, подготовить встречу, соответствующую трапезу, чтобы представить им свою невесту и организовать, если удастся, что-то вроде помолвки или родительского благословения. Отец и мать Салима были только рады его такому обдуманному решению.

И вот неожиданное препятствие. Айсулу поначалу пританлась, предполагая, видимо, как и Салим, бесшумно и быстро проехать. Но паренек не уступал дорогу и метеором носился поперек улицы. И жениха взяла такая досада, что он решил тоже проявить свою виртуозность, мастерски вырулить и умчаться. Но движения его были слишком резки. В последний раз так подал назад, что машина ударилась об столб. Подстегнутый сильным ударом и испуганным криком Айсулу Салим нажал на газ и рванул машину мимо паренька и сшиб, скосил его. Но никакая скорость не могла уже удержать Айсулу в кабине. Яростно с отчаянным криком: «Инабат! Инабат! Мой брат! Негодяй!» она беспрестанно стучала кулаками по стеклам, по Салиму. Свернули за угол, проехали несколько кварталов, но истерика Айсулу все усиливалась. Стоило машине остановиться, как девушка вылетела ветром и с криком «Инабат! Инабат!» помчалась домой...

Так в один день оборвалась нить благовидной и благополучной жизни Салима и всей семьи...

Много сил и здоровья положил Темирбек Агзамович Агзамов, первый секретарь Октябрьского райкома партии, чтобы спасти единственного сына от скамьи подсудимых. Починил столб, восстановил машину, помогал лечению Инабата и пил постоянно валидол. К тому сказались последствия тяжелого инсульта, перенесенного им три года назад. Когда все злосчастные дела сына были улажены, встретила на улице Темирбеку Агзамовичу какая-то старуха, обиженная судьбой дальняя родственница, и при людях стала честить и позорить, упрекая в несправедливости. Она припомнила всевозможные обиды, нанесенные за долгую жизнь ей и ее родственникам, заслуженные и незаслуженные высокосо поставленным родичем Темирбеком Агзамовым. Выживающая из ума старушка, напичканная всевозможными слухами, разразилась целой обвинительной речью:

- Думаешь, никто ничего не знает. Все знаем. Как ты берешь взятки, как выгораживаешь преступления своей близкой родни, как ей без очереди достаешь квартиры, даже телефоны устанавливаешь. А тебе на балкон затаскивают целые туши быков и лошадей. Горло у тебя с огромной дырой. Глотаешь и не хмуришься. А сын твой Салим сделал калекой бедного аульного мальчика. Опять же ты выгородил своего щенка от возмездия и правосудия.

Но так долго не будет продолжаться. На небе есть аллах. Он все видит и возвратит все твои злодеяния и черные намерения справедливой карой!

Когда мой покойный муж жив был, ты все время крутился возле наших окон, выманивал с него денег, уводил тайком на пиво в ресторан «Алтай». А как он помер, совсем забыл своих бедных родственников, большим начальником стал. Ты совсем забыл, что его два сына – воронята совсем без куска хлеба остались. А при встрече со мной вообще отворачивался, как будто не заметил и вообще не знаешь меня... Но бог справедлив! Слава аллаху, два сына завели два своих очага. А тебя бог покарает!

Знаю, у тебя есть опора, крепкая рука. Твой зять сидит в Доме Советов в Алма-Ате. Но и это не вечно...

У окна автобуса Темирбек сидел, ссутулившись, ничем внешне не реагируя на злобные слова престарелой женщины.

Но внутренне сильно переживал, и тупая боль сковала все сознание. Он неотрывно смотрел в окно и чувствовал спиной, что пассажиры повернулись к нему и неприязненно уставились на него. Агзамов смутно вспоминал, из-за чего вышла из строя его «Волга» и почему он едет в автобусе, где бы найти толкового шофера. Но голос взбесившейся старушки то и дело прерывал его размышления и неприятно отзывался в душе:

- Ты мне ничего не сделаешь? А правду тебе никто не скажет, кроме меня, выжившей из ума старухи. А я не боюсь, потому что сама хочу умереть. А на том свете еще расскажу твоему дяде, каков ты, каким ты стал...-

Это была последняя капля, переполнившая чашу терпения Темирбека, последним толчком, которому суждено было оборвать нить жизни. Это было последним ударом. Темирбек Агзамович только смог дойти до своего кабинета, вошел и рухнул замертво...

... В переплетях огромного пирамидального моста долго стояли два задумчивых, оживленно беседующих молодых человека. Это-

будущие матросы. Салим уже показал другу тенистые аллеи, заросли и пляжи живописного острова, образованного довольно длинным иртышским рукавом, который протекает как раз под ними.

- Вот уже год как я перестал смеяться, - грустно признается Салим.

- Это, брат, нехорошо. Есть такая пословица: «Смех – родной брат силы. Улыбка – сестра радости». Мертвых не поднимаешь, а живым надо жить.

Ребята побродили по тихой роще, хорошо искупались и почувствовали себя освеженными. Слова Мирона были как никогда кстати, потому что именно сегодня начала оттаивать его обледеневшая душа. Как хорошо, что Инабат совсем выздоровел и прошел медицинскую комиссию даже на флот. Его крепкое здоровье выдержало и тяжелую травму, и сильное лечение...

Вспомнив Инабата Еркинбаева, Салим вытащил из кармана его повестку и сказал:

- Мирон, не в службу, а в дружбу. Доставь эту повестку ты. Здесь есть и городской его адрес. Он работал в районе чабаном в молодежно – овцеводческой бригаде. Потом этот случай, больница... Видимо, потом перебрался в город.

- И ты больше не встречал Айсулу? – спросил сочувственно Мирон.

- Да я сам всячески избегал встреч: сворачивал на другую улицу, отворачивался, уходил. Мне было стыдно и больно за Инабата... Разве она, дитя природы, простит! Они-то ли погодки, то ли близнецы. Они росли вместе, играли вместе. Сильно привязаны друг к другу что ли...

- Близнецами обычно называют детей одного пола, а разного пола двойней. А если больше двух, то всех называют близнецами. Это, так сказать, лингвистическая тонкость.

- Да, да, - пробормотал Салим, думая уже о другом, о своем отце. – Бедный мой папа, дорогой мой. Что он видел? Много и ничего. В тридцать лет женился, когда работал первым секретарем обкома комсомола. Потом московская ВПШ. Потом я родился. Все время был на партийной работе. Во мне души не чаял. Когда был поменьше, водил по гостям, чтобы учился разным манерам. Постарше стал, заставлял ухаживать за гостями. К его радости учился я всегда хорошо.

После его смерти я чуть с ума не сошел. В его смерти я обвинял только себя. Но, оказывается, так и не совсем так. За три года до этого он перенес инсульт. Полгода болел. Лежал в правительственной больнице в Алма-Ате, которая за оперным театром. Затем был в санатории на окраине города. И всегда хотел видеть меня... Вот это санатории, я понимаю! Кругом чистота и блеск. Отточенные камни, гранит и туковое дерево, во всех коридорах, в семейных номерах... постоянное наблюдение врачей, которые и поставили папу на ноги. Выйдешь на балкон – кругом зелень и цветы, фруктовые и цитрусовые деревья. Вдали синеют горы, чистейший воздух, родниковая вода... Не хуже ничуть Сочи и Ялты.

- Ты и там бывал? – с интересом и легкой завистью спросил Мирон.

- Благодаря отцу.

- Понятно дело. Теперь-то не здорово разъедешься.

- Как не стало его, сразу из ханов в плебей скатились. Прежние друзья даже сторонятся нас. Вот к чему он меня не подготовил. Наверно, думал, что еще рано. Не хотел лишать радости детства и юности. А ведь он был честным, справедливым человеком и дома, и на работе.

- Сколько ему было лет? – по интересовался Мирон.

- 52 года. Внешне он выглядел неплохо. А внутри уже все было изношено. Никто не думал, что он может умереть. Мне все сулили аспирантуру. Посоветовали курсовую работу по литературе переделать на вступительный реферат. А как он умер – ни звука, как будто забыли про меня...

- Жизнь – борьба..., - многозначительно протянул Салим. – Говорят еще, служба – не мед. Вот пройдешь флотскую службу, закалишь свой характер, окрепнешь физически и морально, и айда пробивать себе дорогу. Все еще впереди. Только вот на службе надо не ударить лицом в грязь. Надо сильно стараться.

- Да уж стараться придется... Но уже предчувствую, что буду сильно скучать по этому острову, по этому мосту, по этой реке...

- Есть о чем скучать, - тут же, кивнув головой, согласился Мирон.

...Вырвавшись из-за рассеянных и разлохмаченных туч, светило сентябрьское солнце на серо – голубом небе. Легкий ветер наклонял и шевелил вершины берез, карагачей, ясеней и тополей – патриархов. В недрах этой зеленой, подернутой уже осенней позолотой, массы

скрываются черемуха, шиповник, красные бусинки собачьей ягоды, богатое разнотравье и полевые цветы. Все это уже с детства знакомо Салиму. С этим островом связаны его первые впечатления непосредственного знакомства с миром растений и птиц. В школьные годы учителя приводили сюда на экскурсии на целый день. А восторженные дети собирали подорожник, грибы, составляли гербарии, ловили пестрых бабочек и прозрачных стрекоз. Свежий ветер тех далеких беззаветных дней обдувал возмужавшее лицо Салима, расправляя его нахмуренные брови.

Обмелел Холодный Бродок, где шумно ныряли взрослые и брызгались дети. Он сейчас едва течет мелкой речушкой, которую можно перепрыгнуть по камням.

Под мостом рукав Иртыша разветвлению протекает тремя прозрачными струящимися полосами. На островках, покрытыми высокими зарослями тала и ивняка, притулились на огромных бугорках одинокие рыбаки с длинными удилищами. Вода в реке настолько чиста и прозрачна что отчетливо видны каждая галька и камень в отдельности. В такой ясности и определенности, пожалуй, нелегко обмануть и подсечь рыбу. Но если сидят по берегам рыбаки – завсегда так, то, наверное, есть свои приемы и подход.

С острова плавно въезжало на мост свободное такси, отвозившее пассажиров в дом отдыха. Приятели, не сговариваясь, повернули голову в его сторону и направились к берегу...

Дома у Салима трудолюбивая и добрая по своей натуре мать хлопотала на кухне. Салим представил ей попутчика и будущего сослуживца, осведомился о сестренке и пригласил Мирона в свою комнату.

Здесь уже сидели его последние сотоварищи и друзья шаловливой юности. Разодеты они пестро, аляповато с претензиями на заграничную моду. Один из них, он сидел в глубине комнаты, лохматый, с локонами до плеч и с бакенбардами, увидев вошедших, заревел пропитым басом:

- Хе – лоу, Смит! А мы здесь заждались:

Девушка с сонными, бессмысленными глазами, в коротком платье, далеко выше колен, встала навстречу и, протягивая тонкую руку с нанизанными на пальцы дешевыми перстнями, пропищала:

- Здравствуй, пижон. Ты не забыл еще свою Джени. Меня они подняли прямо с постели. О, какой пассаж! Ты уезжаешь в армию, мой дорогой Смит!

Третий, дергаясь, как парализованный инвалид, рот до ушей, подошел к радиоле. Парень с бакенбардами, заметив его, заорал: «Маэстро, музыку!»

Салиму стало неловко, и он, выбрав момент, извинительным тоном прошептал Мируну:

- Ты не обращай внимания. Это местные «битые». Кто подумает что это девушка росла в ауле? И тот с бакенбардами.

Мирон в ответ пробубнил:

- Знаю. Известно. Все это просочилось с Бродвея.

Парень с бакенбардами, уловив конец фразы, моментально включился в разговор:

- Бродвей? О, это – экстра! У нас тоже есть свой Бродвей. Вечером прошвырнемся.

- О, шик, модерн! Еще прихватим Мими, Зузи и Натэлу, - с готовностью и нескрываемой радостью поддержала девушка.

Мируну в сущности было безразлично, на каком уровне компания: ему нужно было как-то не особенно скучно провести оставшиеся до отправки долгие пасмурные осенние дни...

Моросил нудный осенний дождь. Небо наглухо оделось серым, влажным покрывалом. Нет сомнения, что скоро этот дождь неожиданно перейдет в снег. Ударят первые морозы. Салиму было все равно. Если бы сейчас, на глазах, трижды изменились времена года то и это, наверное, не произвело б на него никакого интеллектуального или чувственного эффекта. От мороза он бы укрылся в помещении, от жары просто ушел бы в тень. Впрочем по команде! Салим уже чувствовал над собой незримую, властную руку, которая поставила его в строй и никуда не пускала без разрешения вон тех людей в военной форме.

- Наша рота – вторая. Сейчас мы разобьем вас на два взвода: первый, второй. Командиром первого взвода назначен старшина второй статьи Долишняк, командиром второго взвода – старшина второй статьи Красильников, - четко, почти на каждом слове ставя ударения, произносил кряжистый, крепко сложенный мужчина в морской форме. – Командиром роты буду я, капитан – лейтенант Забродин.

Моряки ступали твердо своими крепкими, натренированными ногами, вели себя, как полноправные посланники флота, были

подтянуты, стройны, как статуи спортсменов. От них пахло, как от картин Айвазовского, морем. В их одежде все: начиная от штиблет, до блеска начищенных, и кончая бляхой с якорем и звездой на черной подогнанной по фигуре шинели, говорило о дисциплине и флотских привычках. Где-то находится море. Там снуют по волнам крейсера и подводные лодки. Там эти люди, как дома. Несут вахту, бьются со штормами, водят корабли. Что им мелкота. Эта морось, которую, как назло, зарядила погода глубокого континента.

Забродин отрывисто произнес:

- Старшина второй статьи Долишняк!

- Я.

- Приступайте.

- Есть.

Закоренелый, задубелый моряк, отдав приказание, повернулся и твердой поступью, как шагающий экскаватор, пошел к группе командиров. Те стояли полукругом. Это было совещание, как говорили здесь, перед решающим броском. Сегодня в 5.00 – отправка.

Долишняк прошел вдоль строя оглядывая своих подчиненных, сделал несколько шагов назад, и, как вокалист перед трудной музыкальной фразой, глубоко вздохнул, набрав в легкие воздуха, и с особым подъемом гаркнул:

- Рота, равняйся!

Но в рядах новобранцев подъема не чувствовалось. Кто повернул голову вправо, кто влево. Кто успевал и туда, и сюда и выбирал ту сторону, куда смотрело больше голов. Долишняк не замедлил дать пояснение:

- По команде «равняйся» все поворачивают голову направо и чтобы каждый видел грудь четвертого человека.

- А я вижу всю половину строя, - не меня положение головы, проговорил парень с веснушками на лице. Хитровая улыбка покрыла его лицо без остатка: смеялись глаза, нос, губы и даже подбородок. Долишняк сделал вид, что не услышал.

- Смирно. На «первый», «второй» - рассчитайся!

Счет шел то громко, то тихо, то теряясь, то снова всплывая. Наконец, на парне с веснушками совсем заглох, остановился, как забуксованная машина. Неожиданно он крикнул: «третий». На этот раз улыбались и смеялись провожающие мамы, которые стояли толпой и, вытараща увлажненные глаза, следили за своими детьми, незаметно выплывающих из – под их крыла. Долишняк, как опытный

заправский службист, не смутился. Сделал еще два шага назад и повторил команду. Расчет закончился. Половину он увел сам. Половину оставил Красильникову. Салим и Мирон оказались во втором взводе. Это их радовало. Они нарочно встали через одного, чтобы попасть в одно подразделение. Ни тот, ни другой не знал, что их будут не раз распределять, что будут еще комиссии, переброски на все рода войск, включая сухопутные, что эта укомплектовка условная, не отвечает никаким нормам воинских уставов. Об этом, они узнали после, в дороге, в поезде. Красильников подровнял свой взвод. Спросил, кто имеет среднее и высшее образование. Надо было назначить агитатора взвода. Его выбор пал на Салима. Красильников казался более спокойным и терпимым, чем Долишняк. Он разъяснил задачи, которые стоят перед взводом в связи с поездкой на место назначения, и подал команду: «Взвод, разойдись».

Дождь перестал. Пепельно – серое небо, как капризный ребенок, насупившись, смотрело на землю. Смотрело на разношерстный народ, галдевший на все лады у длинного, как двенадцатиперстная кишка, состава. Время – 4.30. Призывники только что прибыли на автобусах. Здесь действительно было невообразимое зрелище. Сплошной шум, гвалт. Кто-то звал милицию...

- Салим, идем сюда. Выпей горячего чая. Мясо есть. Подкрепись. Дорога длинная.

Это мать Нурзия скороговоркой звала и тянула Салима. Она нашла где-то за штабелями укромный уголок, чтобы накормить сына на дорогу. Салим вдруг среди множества лиц заметил Еркимбаеву. Крикнул:

«Айсулу, Айсулу!» Где там: не слышно самому собственного голоса. В таком бедламе скорее потеряешь все и всех, чем найдешь. Наконец, выбрались из невообразимого хаоса. Только теперь мать могла обернуться к своему сыну:

- Вот здесь. С моего родного района. Сына провожает.

Салим увидел и понял о ком шла речь. Женщина в белом платке, повязанном под подбородком. На ней камзол старого покроя. Тот уплетает кусок баранины.

- Вот мой сын, - представила Салима мать своим новым знакомым.

- Жеребенок мой, душа моя, светик мой, и ты, Нурзия, скажи, – запричитала мать новобранца. – Сынок, ты муршид¹, ты умный человек. Посмотри за ним. Он – колхозный пастух, он – мой единственный. Он может под поровоз попасть. – Салима пронзила догадка: «это – Инабат, это, брат – Айсулу». Но где же Айсулу! Салим ел бессознательно. Беспрестанно оглядывался. Глотал мясо кусками. Тараторил одно и то же: «Хорошо, хорошо, апа. Все будет хорошо!» мозг сверлила мысль: «Где же Айсулу?» Сердце колотилось, как после марафонского бега. Салим не выдержал, подпрыгнул. Море голов. Последние минуты. В такой момент скромность неуместна. Как бы спросить? Салима выручил Инабат. Спокойно закончив свою трапезу сытым голосом осведомился:

- А где Айка?

- Сейчас придет. За сладкой водой побежала.

Салим не успокоился. Взглянул на часы: без пятнадцати пять. Неужели Айсулу не успеет. Здесь подоспели родственники Салима. Тетя, родная сестра матери, низенькая, большеглазая, как мать, суетилась больше всех. Как-то неуклюже совала в карман Салима бутылку водки. Салим соорудил недовольную гримасу. И так горело все нутро от этой гадости. Организм отказывал. Надо кончать. Обижать тетю тоже нельзя. Пускай. Охотники найдутся.

- Призывник Агзамов.

- Здесь я.

- В строй. Вагон 12.

Пассажирский состав. Чистенький пассажирский вагон. В армию обычно увозили на пульманах и «телятниках». Это было что-то новое.

В вагоне, кто-то швырнув свою торбу на среднюю полку, категорически заявил.

- Флотский порядок.

Это был тот балагур, парень с веснушками. Салим расположился внизу. Выскочил на проход. Он искал глазами Мирона. Он про него совсем забыл. Голова Мирона в клетчатой кепке показалась среди колыхающихся голов у дверей тамбура: протискивался в вагон. Салим забрался на плацкарт и заорал: Мирон! Протянул руку, Мирон – свою. Суэта захватила Салима. Спокойный,

¹ Муршид (араб.) – руководитель, воспитатель

равнодушный обычно, он сегодня разошелся. Кричал, шутил. Вытащил новоявленного друга из затора и поволок в свое купе.

- Вот наша каюта. Здесь – я. Располагайся напротив. Там успел примоститься какой –то призывник. Салим оторопел. Как же не догадался бросить что –нибудь из своих вещей.

- Друг, здесь занято.

- Не базлай. Это мое место, - отрубил непрошенный сосед –увален, прищуриив один глаз, и с ногами забрался на полку. Салим не отступал. Досада на свою оплошность донимала его. Сгоряча нажал на старое «понял».

- Здесь я занял два места, понял ? Я пошел позвать друга, понял?

Здоровяк слез с полки и выпрямился во весь свой рост.

- Ты на кого баллон катишь? Ты меня на «понял» не бери. Салим махнул рукой. Оглянулся по сторонам.

- Мирон, занимай у окна. Все равно в одной кают – компании. Бегу прощаться.

Народ на проходе рассосался. Салим летел в тамбур, на выход.

Тут ему дорогу преградил Долишняк:

- Куда? Из вагона не выходить!

- Но я не простился еще с матерью.

- Никому. Ни одной душе. Уже отправление.

Салим надеялся уговорить его. Он не простился не только с матерью. Он должен уговорить Айсулу. Смешались все мысли и чувства. Заколело в висках. Салим схватил Долишняка, затряс:

- Я погиб. Она здесь. Девушка. Я еще не встретился.

Долишняк заколебался было. В это время впрыгнул на подножку вагона капитан – лейтенант Забродин. Правой рукой придерживая кобуру на бедре, краснея от натуги, вдруг взревел:

- Назад! Всем – в вагон!

Новобранцы хлынули в вагон, к окнам. Салим остался у окна, напротив служебного купе. Подбежали мать, тетя, сестренка. Мать держалась молодцом. Шамкая беззубым ртом, она сама успокаивала сестренку Салима. Та плакала со всхлипом, хлопая большими, черными глазами. Салим кричал:

- Перестаньте! Мама, не скучай и не плачь. А то совсем ослепнешь. Я вернусь скоро...

Мать, твердя: не буду, не буду, - без конца целовала вытянутую руку Салима.

Салим губами не доставал до нее. Рядом, буквально в двух – трех шагах, он увидел Айсулу.

- Мама, мама - позови вот эту девушку. Айсулу! Айсулу! -Шум. Ничего не слышно. Но Айсулу оглянулась. От неожиданности пришла в какой-то испуг. Залилась краской. Подбежала.

- Салим, Салим Темирбекович!

Салим почувствовал прилив счастья от того, что умница Айсулу произнесла имя его отца, отчество.

Он так и не приступил к работе учителем в школе. Комитет комсомола института, членом которого бессменно был Салим в течение последних трех курсов, ходатайствовал и добился того, чтобы ректорат и ученый совет направили в целевую аспирантуру в Москву. Все вступительные экзамены, кроме специальности, надо было сдавать в Алма – Ате экзаменационным комиссиям института. Салим этот первый этап на пути в аспирантуру успешно прошел и по возвращении в свой город попал в неожиданный цейтнот: всесильный военкомат был неумолим, не снимал с учета, запретил призывнику выезжать куда – либо и, наконец, добился своего... И вот Салим, высунув бритую голову в вагонную форточку, жадными глазами ловит каждое движение любимой девушки, которая назвала его по имени и отчеству... Салим Темирбекович. Так впервые и непривычно называли его пионеры во время летней практики в лагере и ученики в период практики в школе. Какая умница Айсулу! Она незаметно, исподволь напомнила Салиму, что он уже немаленький, не мальчик, что у него есть солидный диплом, что на все отныне надо смотреть по – взрослому и что в долгие армейские будни есть ему о чем вспоминать и дорожить. Он замахал рукой, закричал матери:

- Мама, это моя...

Хотел сказать «невеста» и осекся. Мать закивала головой: знаю, знаю. Салим закачал головой: нет, нет. Но мать все равно поняла. Она любовно посмотрела на девочку. Она поняла чутьем, сердцем. Салим протянул руку. Айсулу – свою, трепетную, нежную, хрупкую, пролепетала:

- До свидания, до свидания!

- До свидания, Айсулу. Пиши!

- Пишите.

Ракетой взвился свиток кондуктора. Поезд плавно поплыл на север, в сторону соснового бора. Айсулу выдернула руку и побежала к окну брата. Салим в отчаянии пытался высунуться из окна еще

больше. Айсулу смотрела на него, Салим подозвал мать и проговорил:

- Мама я скоро приеду. Я заслужу отпуск.

Поезд тронулся. Поплыли назад дома, люди, мать, заплаканная сестренка, тетя с платочком, Айсулу. Опустив руки, Айсулу стояла совсем как взрослая. Ее завитушки трепыхались на ветру. В глазах светились бусинки недетских слез. Вот она замахала рукой. Пошла вслед за поездом. Вот она стоит рядом с матерью Салима. Салим машет им рукой, по пояс высунувшись из окна. Уходит назад город детства, город надежд и будней. Впереди – служба. Салим расстроился вконец. Последние минуты взбредили его сознание. Рука сама собой потянулась за бутылкой в карман. Пришел в свое купе, растолкал Мирона, парня с веснушками, здоровяка – шофера. Готовилось замаскированное от глаз командиров, как говорят в таких случаях, культурное мероприятие с тостами. Откупоривая белую серебристую бутылку с изображением на наклейке гостиницы «Москва», Салим как бы между прочим, прерывисто дыша, медленно произнес:

- Если бы жив был отец, меня провожала бы добрая половина Октябрьского района...

Дорожные дни текли одинаково, похоже, как близнецы. Ни на малых, ни на больших остановках из вагона не выходили. Строгость была максимальная. Назначены за пищей в вагон – кухню и за папиросами и лимонадом на больших станциях. Назначены агитаторы и командиры отделений. Каждое купе – отделение. Командиром в «салимовской каюте» назначен тот парень – здоровяк. Он стал общительней, вежливей. Каждое утро доставал из правого кармана широких, засаленных штанов вчетверо сложенную тетрадь, спокойно разворачивал и с важным видом гудел: «Сегодня дневальный в нашем отделении призывник такой-то». К обеду обычно говорил: «Ну, хлопцы, надо малость провести политическое чтение. Агитатор, бери газеты, шуруй». Но с той же важной миной он иногда говорил Салиму: «Ты – парень образованный. Тебе в армии будет легче». У Салима было другое чувство: «В армии все одинаковые. Придется поднатужиться, чтобы служба пошла нормально».

В небольшом квадратном динамике, висевшем над центральным проходом, слышались шипенье и монотонное щелканье. Потом прозвучали слова: «Призывнику Агзамову явиться в штабной вагон». Все взгляды как бы сошлись в одном фокусе: новобранцы не без любопытства устремили глаза на Салима. Сидевший рядом Мирон подтолкнул: «Иди, тебя вызывают к командиру». Салим был польщен, как это случается с любым человеком, когда его выделяют среди других, когда на него обращает внимание начальство. Но внешне он не выдал этого чувства. А, наоборот, огрызнулся: «Какого дьявола им еще надо!». Нахлобучив на голову шапку – ушанку военного или послевоенного образца, которую мать нашла на дне полуразвалившегося сундука в сарае, и остановился в нерешительности. Салим случайно бросил взгляд на «здоровяка». Тот сидел действительно, как надутый баллон: губы крепко сжаты, щеки вспухли, глаза даже покраснели от недовольства и злости. Ни Салим, ни временный командир отделения не проронили ни слова. Но каждый понял, что они сейчас могут столкнуться лбами, как два барана на узком мостике. Салим посмотрел на Мирона. Мирон кивнул головой: иди!

В тамбурах стояли дневальные из числа призывников. Они отлично проинструментированы: ни одной душе прохода ни туда, ни обратно. Салима никто не задерживал. Видно, каждый слышал объявление по радио. К тому же вид у Салима был решительный, взгляд полон ярости. Теперь он вправду не хотел идти в штабной вагон, не хотел, чтоб его фамилию называли по радио, чтоб его выделяли среди других. Но идти надо. Это приказ начальника эшелона. Мысль о встрече с начальником эшелона тоже раздражала Салима. Как-то прокралась неприязнь и к нему. Высокий, стройный, красивый, с аскетическим выражением лица, он не раз проходил по вагону. Старшины устанавливали в вагоне мертвую тишину, порядок и вытягивались перед ним. Это не нравилось Салиму. Капитан первого ранга Шкагаль блеском металла на ослепительной форме и красивым лицом вызывал впечатление полубога.

- Ваша фамилия Агзамов?

- Да.

Старшина первой статьи с широким, приятным, выразительным русским лицом показал на пятую дверь.

- Заходите сюда.

Салим постучался и вошел. Это – была радиорубка. Здесь сидели капитан первого ранга Шкагаль, замполит капитан третьего ранга Иванов – Смоленский и еще какой-то незнакомый капитан – лейтенант, которые, как бы подчеркивая свое внимание, поздоровались с Салимом за руку.

- Такое дело, - начал замполит. – некоторые призывники курят, как это опиум...

- Анашу, - дополнил капитан – лейтенант.

Из разговоров выяснилось, что он является врачом эшелона.

- Вот этот текст надо перевести на казахский язык и прочитать по радио, - закончил мысль Иванов – Смоленский.

- Дайте ему карандаш, бумагу... Не торопитесь, - дружески проявлял заботу о Салиме Шкагаль. Он сидел у окна по ходу поезда. Разговаривал запросто, смеялся. Было удивительно, как быстро человек может расположить к себе.

- Я не думал, что есть люди, которые до сих пор пристрастны к этому яству. – Шкагаль говорил по – русски громко, почти без акцента. Только слишком четко выговаривал каждое слово. – У нас в Латвии понятия не имеют об этом дурмане. Правда, там есть другие гадости, как кока – колла, разные таблетки и прочее. Запад снабжает. Люди есть люди. Не все одинаковые. – Шкагаль энергично выбросил вперед пять пальцев. – Пальцы на руке неодинаковые. Так и люди.

Салим быстро перевел текст. О стиле не заботился. Чем проще, тем лучше. Главное, чтоб было понятно всем, кто плохо знает русский язык: парням из далеких аулов и переселенцам из Китая. Командиры вышли в коридор послушать радио. Салим любил подражать Левитану. Его густой баритон подходил для этого. Прочитал старательно, с воодушевлением. Офицеры, слушавшие передачу в соседних купе по репродуктору, вошли шумно, всполошившись. Читка на них произвела эффект. Отныне все важные, экстренные сообщения и приказы передавал первый диктор эшелона Салим Агзамов. Его голос особенно торжественно, с накалом звучал конце передачи, когда сообщались имена авторов приказа: «Начальник эшелона ЭН капитан первого ранга Шкагаль, заместитель по политической части эшелона ЭН капитан третьего ранга Иванов - Смоленский». Конечно это зависело от внутреннего состояния ттеца. Салим читал с таким чувством, как будто передавал из Москвы приказ Министра Обороны.

Шкагаль забросил ногу на ногу, и, скрестив на них пальцы рук, внимательно слушал рассказ Салима о родном городе. В последние дни Салим чувствовал неизбежную потребность говорить о нем, вспоминать его.

- Его бы к нам в школу, товарищ капитан первого ранга, - спокойно сказал Иванов – Смоленский.

- Я б с удовольствием. Но ему у нас будет не интересно. 525-я команда сформирована для подводных кораблей. Там служить романтично. А у нас снова надо садиться за книжки.

- Закончит нашу школу, получит специальность и потом сможет пойти на корабль. Наслужится на море... Со специальностью на корабле легче будет. А, может быть, за год передумает и пойдет на локатор или на привод,... - основательно развивал свои доводы Иванов – Смоленский, видя хорошего помощника в Салиме по агитработе. – В морской авиации будет на целый год служить меньше.

Эта новость не тронула Салима. Точнее, не привела в восторг. Только его черные глаза перестали бегать. В них появились спокойствие и мысль. Салиму не хотелось расставаться со Шкагалем, с Ивановым – Смоленским и в то же время не очень хотелось и в армии сидеть над книгами и зубрить основы радиотехники и приобретать навыки ненужной ему специальности в ШМАСе /школе механиков и авиаспециалистов /.

- Ну, как наши старшины? – осведомился командир с плохо скрытой гордостью.

- Хорошие ребята.

- Все- с учебного отряда. Наши, - поочередно рапортовали офицеры.

Салим не знал, что такое « учебный отряд», чем он отличается от полка или дивизии. Эти понятия были для него совершенно незнакомые или поверхностно знакомые. Переспрашивать не стал. Постучался и вошел старшина первой статьи, тот самый провожатый Салима. Пружинисто выпрямился, приставив ладонь к бескозырке и щелкнул каблуками:

- Товарищ капитан первого ранга, разрешите обратиться к капитану третьего ранга.

Шкагаль вежливо кивнул головой. Старшина продолжал по инстанции:

- Капитан третьего ранга, разрешите обратиться.

- Да.

- К вам пришли участники художественной самодеятельности...

Когда за Ивановым- Смоленским и старшиной закрылась дверь купе, Салиму стало неловко. Ему казалось, что он слишком развязно ведет себя с начальником эшелона. Поежился и по- полувоенному проговорил:

- Товарищ капитан первого ранга, если разрешите, я выйду.

Шкагаль смотрел мимо Салима в левый верхний угол. Словно отвечая своим неотложным мыслям, он начал:

- Ты, дорогой мой, запомни одно: не кичись образованием. Он, например, моложе тебя и образование среднее имеет, а то и того нет. Ты старше по возрасту и образование высшее имеешь. Но он служит больше тебя и отлично служит. Он-твой младший командир. Допустим, у тебя сгоряча вылетело: «Сопляк!» И этот «сопляк» тебе всю службу может испортить. Твой диплом только по цвету синий... А бывалый моряк носит синий цвет в душе, цвет моря. Синий меридиан проходит по его сердцу...

Шкагаль вопрошающе уставился на капитан- лейтенанта. Военный врач поддакнул и посмотрел на Салима. Салиму было приятно от того, что «кап – один», как называли Шкагалья старшины, беседовал с ним просто, по – дружески, что он, Салим, завоевал его расположение.

В коридоре Иванов – Смоленский разговаривал с группой новобранцев. Они пришли с гармошкой, с гитарой. Это – участники импровизированного концерта. Иванов – Смоленский обратился к Салиму:

- Вы будете объявлять номера. После обеда дадим концерт по радио...

Поезд двигался по самому краю обрыва: с трех сторон – сопки и скалы, слева Байкал. На вершине сопки гребешком стоят таежные деревья: пихта, ель, сосна. Над поверхностью озера пелена молочного тумана. Горизонт закрыт, поэтому нельзя узнать: видно отсюда противоположный берег или нет. Берет озноб. Суровый край. Ребята прильнули к окнам и шумно делились впечатлениями. Прибайкалье. Толкались: не хватало мест. Мирон и Салим сидели одни в купе. Мирон все эти дни погружался в воспоминания. Но от них одно расстройство, то у него нервно дергались руки, то вдруг зло

сплевывал. О будущем думать не решался. Там полная неизвестность. Приедем – видно будет. Не думать тоже нельзя: как-то надо коротать время. Вот и сейчас он сидит, откинув голову, закрыв глаза и насупив густые брови.

Салим размышляет над словами Шкагала. Он был полностью согласен с ним. Салим заметил, как сосед – здоровяк, командир отделения, оттолкнул от окна какого-то призывника – карапета и сам стал обозревать Байкал.

- Эгоист, - вырвалось у Салима. Он толкнул Мирона. – Слушай, какая по-твоему у человека самая низменная черта? Мирон не сразу ответил. Открыл глаза, посмотрел на Салима и неторопливо начал:

- Я не знаю, как это назвать одним словом. Но, знаешь, вот откроешь человеку в дружеском задушевном разговоре душу, а он это потом использует против тебя же. Да еще добавит от себя, приврет.

Салим не понял. Такая человеческая черта ему было незнакома. Он думал о своем и выпалил:

- А по-моему, эгоизм. Я долго думал на этот счет и пришел к выводу: в каждом человеке живет эгоист, который все тянет к себе. Если человек победит в себе эгоиста то он станет хорошим человеком. В нем победит благородство.

- Почему ты думаешь: в каждом человеке есть эгоизм?

- По себе сужу. В школе я нормально учился. Если кто из отвечающих учеников запинаясь, мне так хотелось, чтоб он не ответил.

- Ты отлично знал урок. Тебя спросят – и ты получаешь «пятерку»- продолжил развернутое объяснение товарища Мирон.

- Да. Разве это не эгоизм?

- Эгоизм. Или по-научному червяк. Вот откуда пришел к такому выводу - Салима интересовала реакция Мирона на его слова, и он смотрел на него наклонив голову. Логично.

Ребята по-одному возвращались на свои места. Пришел и Инабат. Салим не искал встречи с ним. Перед ним ему было неловко. Первым не начинал разговора. Его сковывало что-то вроде робости, хотя Инабат был моложе его. А Инабат всю дорогу сидел у окна, смотрел на незнакомый сибирский пейзаж, на глухую тайгу и тянул грустные, степные песни.

- Байкал, говорят, самое глубокое озеро в мире,- прервал тишину первым Инабат. Он смотрел на Салима.

- Да, только не помню в мире или в Союзе,- признался Салим. Он вспомнил слова Айсулу о том, что Инабат готовился поступать в вуз. Говорят, первое впечатление о человеке бывает часто обманчивым. Салим знал это распространенное определение. Инабат, видно, вовсе не молчаливый и совсем не злопамятный паренек, а, наоборот, отходчивый, смысленый, разговорчивый. В это время, как всегда, неожиданно вклинился в разговор Шконда. Это- уже известный всем балагур, парень с веснушками. Со свойственной ему скороговоркой он протараторил:

- Кончай, разговоры. Обед! Вот это я понимаю. Флотский борщ.

Призывник посыльный входил в купе с ведром первого, от которого исходил душистый пар.

Хотя прогулок по свежему воздуху не совершали и почти не двигались, если не считать вагонных пятнадцати – двадцати метров, помноженных на 4-5 раза в день, аппетит у всех был на зависть. Быстро справились с первым и вторым. Достали из мешков и реставрированных родителями чемоданов свои продукты.

- Это вместо третьего, - пропищал Шконда /после сытной еды голос сипел и срывался/ и отхватил коренными зубами солидный кусок местной копченой колбасы.

Салим сегодня – очередной дневальный. Мытье посуды, уборка в купе – это его обязанности №1. Он понял, что сним придется заниматься три года. Надо приучаться. Стараться изо всех сил. Получалось не хуже, чем у других. Но в быстроте уступал. Никто его не упрекнул: торопиться некуда, лишь бы к ужину была готова посуда и в купе поддерживалась чистота. Для мытья посуды горячей воды нет, а холодной жир не отмывается. Единственный способ, которым пользовались в вагоне – это мыть чашки с мылом. Салим так и делал. Занятый своей работой, он не заметил, как подошел к нему агитатор другого взвода.

- Агзамов, вот ваши газеты. Надо читку провести... Обращения Советского правительства...

- Слушай, Ишантураев, - Салим, не оборачиваясь кивнул на полку, куда Марат положил кипу центральных газет, и спросил:

- Читку сегодня обязательно проводить?

- Обязательно. Распоряжение начальника эшелона. – С претензией на военную речь, четко выговаривая каждое слово, ответил Ишантураев. Салим в свою очередь заявил о согласии на

узбекском языке, использовав одну из тех немногих слов, которые заучил будучи студентом на сборе хлопка в Южном Казахстане:

- Хоп – майли!

Марат Ишантураев – юноша из Узбекистана. Имеет среднее образование. Поступал в институт. Провалился. Плохо у него с русской грамматикой. В диктантах допускает ошибок от десяти до бесконечности. Но удивительно, что разговаривает он без запинки, легко и грамотно, почти без акцента. После неудачного «дебюта» по совету отца Марат решил получить необходимый трудовой стаж. Поступил на стройку. Сперва был разнорабочим, потом – каменщиком. Закалка оставила след на его телосложении. Он не худой, но длинный, точнее с фигурой легкоатлета или баскетболиста. На нем поношенный спортивный костюм. В беретке. Лицо его скорее европейского типа, чем азиатского. Если бы не едва заметная смуглость кожи и небольшой припухлый нос, его можно было бы принять совершенно за русского. Правда, черты его лица еще не определенные или, как говорят, детские, не установившиеся. Сам начальник эшелона капитан первого ранга Шкагаль имеет к нему особое расположение. В нем кроется довольно памятная и оправданная причина, связанная со встречей с его родителями...

Первоначально эшелон Шкагаля формировался в Ташкенте. По пути вливались новые команды. И вот он от Новосибирска прямым ходом идет на Тихий океан.

В те дни в Ташкенте погода стояла не осенняя, теплая, солнечная, по – настоящему южная. Сутолока при отправке была обычная. Есть здесь свои особенности. Город большой. Народ пестрый. Тут и солдаты, и моряки, и призывники. Тут и пассажиры, сутками стоящие в очереди за компостировкой билетов и просто за билетами. Тут и узбеки, и русские, и армяне, и казахи, и цыгане. Цыгане расположились гуртом, табором со всем своим движимым и недвижимым имуществом. Последние из цыган – кочевников.

Даже в такой разноязыкой, разнородной толпе Шкагаль выделялся своей редкой в этих краях флотской формой и внешностью. Так что не стояло особого труда полковнику в отставке Ишантураеву быстро отыскать полковника, как он называл Шкагаля.

Ишантураев добивался у Шкагаля не опеки над его сыном Маратом, не ходатайства об определении его в лучшую часть. Корень вопроса – глубже. На днях два эшелона направили на Черное море. Ишантураев требовал для сына Черного моря. Он считал, что имеет

на это право. Он, полковник Ишантураев, не только влиятельный, авторитетный человек, он – знаменитый человек. В годы войны – начальник политотдела Национальной дивизии. Заслуг хоть отбавляй. Он, в черной дойне² с белым нусха – орнаментом, в серо-стального цвета кителе с отложным воротником, в сапогах, не потерял выправки. Полнота, нажитая годами, не мешала. Подвижный, как юноша. Правая половина груди полна орденов: многие – по два – три, только орден Отечественной войны один. Не доставало Звезды Героя. Во всяком случае для него свободного места не было. В честь отправки сына в армию бывший полковник Ишантураев прицепил все награды и немного выпил. Схватив Марата за руку, он шел сквозь толпу без задержки. Расчищал себе дорогу, как бульдозер.

В голове состава оживленно разговаривал с группой офицеров, милиционеров и штатскими Шкагаль. Ишантураеву никого не надо, кроме Шкагаля. Он начал сходу, с налета, без вступления:

- Полковник, ты понимаешь, вот мой сын... худой, больной. Ему Черное море...

Марат не выдержал. Вырвал свою руку. Отец не унимался. Он продолжал еще громче. Побагровел. Давал волю темпераменту и нервам, теперь уже жестикулируя обеими руками.

- Два эшелона отправили на Черное море. Ты забрал сына. Я говорил – Черное море, Черное море. Ты – Тихий океан, Тихий океан. Ты – полковник, я – полковник. Нет общего языка. Какой позор!

Шкагаль встречался с Ишантураевым на сборном пункте. Знал его заслуги. Но, как каждый человек, любящий свое дело, привык ревниво и с чувством ответственности относиться к своим обязанностям. Тем более чувствовал за собой правоту. Он связал свою жизнь с Тихоокеанским флотом и любил его. До сих пор Ишантураеву не говорил об этом. Тут не выдержал.

- Да вы видели Тихий океан? Да вы знаете, что такое Тихоокеанский флот? Это – настоящий, могучий флот. А вы Черное море... Ваше Черное море – лужа по сравнению с Тихим океаном.

Шкагаль говорил, все более и более распаляясь. Даже желваки, как два шарика, нервно забегали. Он говорил так только тогда, когда задевали что – нибудь его самое заветное, оскорбляли его идеал.

² Дойна – узбекская любетейка

-Тихий океан – раздолье для моряков. Мускулы! Настоящая закалка! А вы жили в Приморье? Знаете какой там климат? Природа? Какой край!-

Ишантураев с недоверием посмотрел на офицеров. Они всецело поддержали своего командира. Природа наделяет людей вспыльчивостью, горячим характером и, как противоядие к этому, прибавляет быструю перемену чувств. Ишантураев после столь убедительных слов капитана первого ранга сдался:

- Даешь Тихий океан! Марат держись полковника. Он- мой друг.

Офицеры весело переглянулись. Посторонние с улыбкой стали расходиться. Марат покраснел и сунул руки в карманы, чтобы не казаться зеленым мальчишкой. «Полковники»ударили по рукам. Но разговор на этом не закончился.

- Полковник, слушай. Ты- наш гость. До отправки много времени. Поедем ко мне. Национальное блюдо покушаешь. Плов. Водку не будешь пить. Один коньяк. Поедем.

В ответ Шкагаль дружелюбно спросил:

- Простите, как ваша фамилия?

- Ишантураев.

- Как ?

- Ай, зачем фамилия? Зови просто Абдурахман.

- Ну, вот Абдурахман. Ты был военным. Ты знаешь сколько забот!

Ничего я не должен упустить из поля зрения. – Шкагаль тоже перешел на « ты ».Он хотел расположить к себе Ишантураева и добиться его согласия с ним скорее. Ему надо было съездить в город. Он искал электрическую бритву марки «Харьков». Но уже поздно. Спор решило другое обстоятельство. Ишантураев, вспомнив о заседании в Академии наук, сокрушенно проговорил:

- Совсем забыл. Жены дома нет. В Академии заседает. Она- доктор наук. Плохо, когда – жена большой человек. В гости друзей звать плохо.

Шкагаль облегченно вздохнул. Посмотрел на облитое синей краской небо. А потом проводил глазами «Волгу» со стремительным оленем впереди, на капоте. «Волга» бесшумно подъехала и стала в ряд с другими легковыми машинами. Из нее вышла женщина, высокая, представительная, с благородной внешностью.

«Современная узбечка» определил Шкагаль. Ишантураев засуетился от радости:

- Вот и она. Жена моя – Фарида!

Фарида подошла и с достоинством поздоровалась. Тяжелые косы аккуратно уложены на затылке. На левой руке – плащ. В правой – сумка. В серо – стальном платке. В пиджаке. Слева – значок депутата. В ней чувствовалось усталость, какая бывает после утомительной работы. Но в глазах блестели беспокойные огоньки. В Шкагале при виде ее зародилось странное чувство, похожее на то, какое бывает у провинившегося в чем-то человека.

Ишантураев не преминул воспользоваться случаем. Он рассчитывал на помощь жены.

- Фарида, пригласи полковника в ближайшую чайхану. Он меня не слушается. Ему надо пообедать.

В чайхане былолюдно. Абдурахмана Ишантураева встретили как всеми уважаемого и почетного человека. Пообедали. Супруги Ишантураевы все – таки уговорили Шкагалья выпить сто граммов коньяку. Посетители улыбались и приветливо здоровались с большим начальником в морской форме.

Когда вошли в купе, на столике появились огромный арбуз и небольшой сверток. В свертке – бутылка коньяку и бритва марки «Харьков». Их принес незнакомый человек, родственник Ишантураевых. Шкагаль догадался, в чем дело, и предъявил ультиматум:

- Я заплачу за все или уносите.

Его друзья переглянулись. Они поняли, что Шкагаль – человек, впервые посещающий Среднюю Азию. Отказ прозвучал категорически, наотрез. Ишантураев согласился:

- Хорошо. За бритву плати. А за это денег не возьму. Как хочешь. Ты – друг, гость, пожалуйста, уважай наши обычаи.

Шкагалья тронуло внимание и гостеприимство незнакомых людей. Он увез лучшие впечатления о Средней Азии...

- В общем, Агзамов, иду, - Марат сдвинул беретку на затылок, обнажив бритый лоб. Двинулся дальше по вагону, перебирая газеты с шапкой на первой странице «Руки прочь...

Байкал остался позади. В Чите была проведена прогулка. Серые колонны, а вернее толпы молодого народа, шутя и кривляясь, как клоуны, шли и вздыхали во всю емкость легких свежий воздух. Команда «по вагонам» и снова: дорога, стук колес, песни, наряды.

В последнее время часто доставалось от старшин: « Объявляю наряд, объявляю два наряда». Порядок и наряды росли в обратной пропорциональности. Конечно, относительно. В пределах возможного и необходимого в среде новобранцев.

- Призывник Еркинбаев, за курение в неподобающем месте объявляю наряд вне очереди.

Салим метнулся в проход, услышав знакомую фамилию. Инабат спокойно сидел, зажав в кулак папиросу, и смотрел в окно. Дым просачивался сквозь пальцы и жидким, сизыми струйками тянулся к столу. Красильников отчитывал нарушителя:

- Встаньте, когда к вам обращаются. Ваше счастье, что двое уже отхватили наряды. Аврал забит. Идемте со мной.

Инабат, нехотя встал и пошел за старшиной II статьи Красильниковым. Он ясно затосковал. Заскучал по родным местам: по отарам овец, которых он гонял с восхода солнца до заката и по ковыльной степи. Красильников поставил его в коридоре:

- Никуда ни шагу. Первая работа – и вы обеспечены. -Инабата ничего не волновало. Он смотрел в окно. Там – забайкальские степи. Его чуть раскосые глаза, подернутые пеленой грусти, заметно просветлели. В вагоне поднялся шум. Красильников обернулся и увидел на проходе множество рук. Они хватали и не пускали проводницу. Девушка растерянно и зло отбрасывала их, но они снова тянулись к ней, как конечности гигантского осьминога. Красильников побежал на помощь.

- Прекратите безобразие!

Окрик оказалось недостаточно. Старшина силой вытянул девушку и пропустил перед собой.

Еркинбаев совсем отвернулся от прохода. Смотрел в окно, думал, думал. Видел забайкальские степи, представлял казахские. Видел горы – представлял родные, Чингисские. Дорога надоела. Угнетало безделье. Прошел час, другой... Ни Красильникова, ни работы не было. Стемнело. За окном вагона-чернота. Мелькают огни на полустанках. Инабат услышал возню. Обернулся. Никого нет. В отверстие на двери служебного купе заметил две ноги, по колена оголенные. Платье медленно поползло вверх.

- Укладывается спать. - подумал Инабат! Но жуткая догадка пронзила мозг. В отверстии вместо двух ног показалось четыре. Прибавилось две ноги в черных штанах со стрелками.

- Как бараны! – Инабат выругался, махнул рукой и покинул место наказания. Никому не сказав ни слова, забрался на свою третью полку, бросил под голову пустой мешок, лег и закрыл глаза.

Долишняк сидел внизу и рассказывал ребятам о флотской службе, о матросском житье – бытье. Любопытство распирало новобранцев. Вопросы задавали наперебой:

- Когда переоденут?
- Все ли попадем во флот?
- Оставят ли взвод так или распределят по – новому?
- Какие формы существуют у матросов?
- Трудно ли заслужить отпуск?

Долишняк был строг, но словоохотливый. На вопросы отвечал с готовностью.

Утро следующего, последнего дня не отличалось особо от предыдущих. Вместо суеты, сборов, обычно предшествующих конечной остановке, прибавилась задумчивость. Собирать, собственно, было нечего. Мешки и чемоданы опустели. Их выкидывали на каждой остановке. И на каждой остановке под окнами образовывалась куча утильсырья.

- Инабат, займи мне очередь.

Салим взял бритвенный прибор, полотенце и, покачиваясь в такт движения поезда, пошел к туалету. Зашли вместе. Салим заговорил первым.

- Хорошо, что ты вчера спасся от аврала. Долго стоял?

Инабат ответил по- казахски:

- Я ушел.

- Почему?

Инабат многозначительно посмотрел на Салима, подумал, но потом медленно отвернулся и уставился в стекло вагонного окна.

Мерно и привычно стучали колеса состава, легко и ритмично подпрыгивая на стыках рельсов. Бездна Уссурийской тайги все проглатывала и проглатывала основательное длинное туловище поезда. И чем дальше оставались степные просторы, тем больше давило неокрепшее юное сердце Инабата чувство безнадежности и отрешенности. Его успокаивала лишь одна мысль, что все мальчишки в концов едут на службу и здоровыми и невредимыми, окрепшими возвращаются домой. К тому же еще был рядом знакомый человек, бывший друг сестры - Салим. Правда, между ними существовал непроницаемый барьер, подкрепленный непоправимыми бедами, в

совершении которых каждый из них участвовал по-детски глупо и без злого умысла. Время излечивает раны, хотя оставляет болевые следы для поры зрелости и старости... Но как вернуть Салиму отца! Несмотря на юность, Инабат осознал свою причастность, вину перед этим непоправимым горем. Салим повернул к зеркалу левую щеку, приловчился и отхватил безопасной бритвой косой висок. Порезался. Вытер ладонью кровь, поморщился и зло, сквозь зубы, выделяя ударение в каждом слове, продекламировал щепетильные стихи одного поэта- эмигранта:

Что верно, то верно: нельзя же силком

Девчонку тащить на кровать.

Ей надо сначала стихи почитать,

Потом угостить вином.

Инабата не тронули эти глубоко интимные стихи. Его маленькие с широким длинным разрезом красивые глаза в вспухших орбитах беспокойно забегали, как маятники часов.

- Я бы их сек камчой. Как бараны, которым так легко и просто перескочить с одной овцы на другую... Камчой бы таких,...- заключил Инабат свое раздражение перед нравственным падением иных молодых людей.

Нет. Тут лекарством не поможешь.

- Чем же? Где это лекарство?

Салим нахмурился еще сильнее. Ему не нравился тон Инабата. Да и само содержание вопроса, столь неуместного именно с этим собеседником. И он чистосердечно признался:

- Не знаю. — И чтобы перевести тему разговора, как бы оправдываясь, пояснил:

- Это стихи русского поэта, эмигрировавшего из нашей страны после революции. Фамилию забыл. А стихотворение, кажется, называется «Парижские окна»- И указывая большим пальцем назад, на хвост поезда, добавил:- Наверное, это все с Запада, оттуда...

- А только ли с Запада?- увлеченно и доверительно продолжал Инабат разряжающий как- то натянутость отношений разговор.

- Значит и с Запада, и с Востока. Были же в Азии полигамные семьи: у одного мужчины несколько жен с детьми, которые обычно враждовали.

- А сейчас все делается просто, как бы по- дружески. Понять и разобраться в этом моего ума не хватает. Противно и только. Ведь я и тогда, увидев Айсулу в вашей «Волге», вспомнил про этих двуногих

баранов. Знаю, ты не можешь меня понять. Многие не понимают, как я привязан к своей сестренке Айсулу. Мы еще до рожденья были связаны одной пуповиной. Всего тридцать минут разницы в нашем возрасте. Рассказывают, что мы только начали ходить и уже стали заботиться друг о друге. Если один из нас на улице отставал, то другой возвращался и подталкивал в спину. Если одного родители ругали, то другой заступался. Правда, бывали перетяги из-за игрушек. Поэтому нам всегда покупали все одинаковое... Всегда росли и учились вместе. В институт я не прошел по конкурсу.

- Не беда, - успокаивающе произнес Салим, закрывая за собой дверь туалета. В армии еще подучишься и поступишь. Там, смотришь, и льготы будут.

Из вагона неслась струя кисловатого и терпкого запаха, к которому нужно постепенно привыкать. Форточки все открыты, но и народу в вагоне набито битком. В ближнем купе сидел Забродин. В руках у Мирона красовался тяжелый, черный пистолет. Мирон прикидывал вес, ощупывал, рассматривал со всех сторон. Пистолет разряжен. Забродин смеялся, спорил, рассказывал. Он сам сегодня, как разряженный пистолет. Строгость как рукой сняло. Расхваливал Владивосток:

- О, замечательный город! Ваш-ни в какое сравнение не идёт. Его с американским Сан – Франциско сравнивают, весь на сопках.

Мирона уже здесь окрестили «Миронычем». Увидев пистолет Шконда слетел со среднего плацкарта, будто его морским ветром сдуло, бесшумно подсел к товарищам и лукаво спросил:

- Мироныч, скажи, сколькизарядный?

Мирон с видом компетентного человека осмотрел оружие и сказал:

- Пяти.

- Семи,- поправил Забродин и, увидев подошедших после утреннего туалета ребят, сообщил:

- Агзамов, вам - к замполиту.

- Хорошо, товарищ капитан- лейтенант.

Завернув бритву в полотенце, Салим сунул сверток в карман телогрейки. Нахлобучив шапку на подстриженную голову, направился в штабной вагон. Красильников до самого Владивостока почти не показывался. Недаром говорят: земля слухом полнится. О его ночном непристойном поступке каким- то образом узнали все.

Ошалевшие от безделья и долгой дороги призывники озорно шутили, не слушались его. Вагоном командовали Долишняк и Забродин.

- Океан, - закричал Шконда, первым увидевший огромную массу воды. Справа показался водный бассейн. Вода без конца, как бескрайняя степь. Равнина пенистая, грозная. Волны накатываются на степь торопливо. Они, как сказочное морское чудовище, бегут мечутся, раскрыв зев, белый, слизистый. Где противоположный берег? Где граница бассейна? Или это действительно океан? На разном отделении – катера. Они на волнах, как спичечные коробки, качаются, танцуют. Вот – вот перевернутся. Или это просто кажется на фоне безбрежного, волнованного простора. Все это в целом – большой икс. Но здесь прежде всего пользуются тем учебником, основой которого есть не формула Ньютона, а формула Суворова: «Трудно в учении, легко в бою».

Салим прижался щекой к оконному стеклу. На улице еще светло, а в помещении – признаки ночи. Увидел впереди каскад огней. На скале – ряд стандартных новых многоэтажных домов. В окнах – точки электрических лампочек. В Салиме пробудилось веселое чувство от обнодеживающего сознания человеческого бытия: везде живут люди. Дома были светло-желтые: приятный глазу цвет. Люди везде создают уют, красоту. Замполит Иванов – Смоленский многозначительно сказал: «Вы, Агзамов, будете выступать на митинге». В выступление введите слово «форпост». «Что-то вроде: На форпостах стоять верным стражем Родины».

Обязательно скажу, решил Салим, согласно кивнул головой.

По вагону ходил комвзвода Забродин и зычным голосом комментировал, как громкоговоритель:

- Товарищи, Владивосток! А это – бухта, называется «Золотой рог». Так называли его наши предки. Потому что тянется в форме рога. И во – вторых, «Золотой» потому, что здесь порядочная глубина и не бывает бурь. Кораблям – безопасное место.

Шконда вертелся возле Инабата. Он старался навести на аульного парнишку страх.

- Вот так, друг. Прощай, ух, аул. Прощай, мама. Три года. Кругом – вода, шторм, качка. Палуба скользкая. Зазевался – волной тебя /Шконда присвистнул/ за борт.

Глаза Инабата оживились, бегали, напоминая беспокойство ласточек, когда они сидят на проводе.

- А плавать научат?

- Должны.
- А как научат?
- Очень просто. Обвяжут тебя веревкой и в воду. Барахтайся, пока не научишься.

- А если не научишься?
Еще раз бросят. Еще и еще... Им не надоест. Ничего. Три года побарахтаешься- научишься.

Инабат прикрыл глаза. Имитировал в уме движения, представляя как плавали городские ребята на Иртыше. Думал: нужна упругость Забирался же на самую высокую и трудную скалу в Чингисе. Неужели не научусь? Научусь.

- Научусь,- со всей решительностью заявил Инабат.

Шконда удивленно посмотрел на него и понял, что дальше «заводить» нет смысла.

На берегу, где выстроились новобранцы, невообразимый шум. Стоит гул, как на большой стройке. Это шумел вечерний прибой на Амурском заливе. Команда «направо», и колонны опухших, заспанных лиц побрели по незнакомым улицам незнакомого города. Под ногами- желтая жижа. Грязь ребята месили смело, а лужи старались перепрыгнуть, хотя обувь у всех далеко не модная и не первой свежести.

- Товарищ капитан-лейтенант, и вы этот город расхваливали,- не унимался Шконда.- Сзади – вода, над головой вода, под ногами- вода и грязь. Запросто ревматизм заработаешь. Хоть солнышко родненькое бывает здесь?

Призывники насторожились. Многие уже начали сомневаться том, что это светило,- неизбывный источник тепла и света-проникает сюда.

- А к вам откуда приходит солнце?- тем же шутливым тоном спросил Забродин.- Если вы не забыли географию, с Востока. Верно?

- Ну,- недовольно буркнул Шконда.

- А теперь сделайте вывод.

Шконда оглянулся на Салима и Мирона, которые шли рядом и подмигнул: жить можно. Салим молчал. Мирон тоже. Салим обдумывал выступление. А Мирон лишний раз не проронит ни слова: это его естественное состояние, или вернее, искусственное. Он приучал себя к этому. Успехи- налицо. А выступление у Салима в голове почти готово...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Служба как служба

- Призывник Агзамов.

- Я.

Старшина среднего роста с небольшими карими глазами читал список призывников. Его густые с рыжеватым отливом усы были настолько пышными, что закрывали губы совсем, когда он смотрел вниз, на лист бумаги.

- Следующий. Призывник Силаев.

Голубоглазый юноша спокойно повернулся к старшине, и, дружелюбно кивнув головой, сугубо по – штатски отозвался:

– Силаев.

Помещение мандатной комиссии, распределяющей призывников по воинским частям, состояло из двух комнат. В первой столы были заставлены буквой «Г», во второй приплюснутой буквой «П». Офицеры сидели лицом к входу, а призывники – спиной. В первой комнате свободных мест уже нет, и вошедшим пришлось пройти дальше. Взгляд Салима встретился с большими серыми глазами круглолицего офицера, на погонах которого были два просвета и одна большая звезда. Тот мизерный запас воинских знаний, который успел Салим приобрести в дороге, помогли ему точно определить звание незнакомого человека. Он – майор, а не «кап – 3», потому, что погоны темные, а не светлые.

Постепенно выяснилось, что команда эшелона была сборной: младшие командиры были направлены с экипажа, а офицеры – с учебного отряда. Иванов – смоленский и Забродин когда-то начинали службу на надводных кораблях, отдали морю многие годы. Несколько лет назад капитан первого ранга Шкагаль как опытный воспитатель и заслуженный командир был назначен начальником ШМАСа, которую вскоре вывел в число лучших по флоту. Выпускники школы служили потом на приводных станциях и пеленгаторах и на суше и на надводных кораблях – авианосцах или, как кратко называли, по ЗОС /земному обеспечению самолетов /. Служба ответственная: самолеты реактивные, сверхзвуковые, мощные и чувствительные, требуют от пилотов и всей наземной службы полных и крепких знаний и филигранной отточенности и находчивости в их применении.

Салим собрался было доложить майору, но его толкнул локтем в бок его друг:

- Смотри, Шконда химичит.

Да, это действительно был Шконда. Он вертелся около аппарата на ключе, с видом знатока совал нос то справа, то слева, то сверху. Внимание всех присутствующих обращено на него. Усатый старшина дал ему задание: передай три буквы «А», «К», «Т».

Комнату заполнили тонкие, пронизательные, телеграфные звуки. Шконда заработал на ключе, быстро – быстро двигая кистью правой руки, но сразу же сбился, смутился и, махнув рукой, встал:

- Забыл все. Я с пацанами часто играл в морзянку. Долбил – будь спок.

Старшина добродушно взял его за плечи и повернул к себе лицом. Как мать поучает ребенка, так и он, махая указательным пальцем, заговорил:

- Заруби себе на носу. Не лезь туда, о чем понятия не имеешь, мой дорогой.

Шконда, ухмыляясь, зачесал в затылке. но в душе почувствовал, что в словах старшины есть что-то более глубокое, затаенное. Салим недобровительно отвел глаза от Шконды.

- Товарищ майор, призывник Агзамов.

- Хорошо, садитесь.

- Овальное лицо майора выглядело не по – мужски милым. Прямой нос маленького размера не соответствовал большим глазам и широкому лицу. Потому он казался искусственным. Ослепительная белая кожа лица с плюшевым отблеском скрадывала этот недостаток и даже превращала его в необходимую особенность. Салим перед этим симпатичным лицом забыл о тревогах за будущее, забыл о первом осеннем морозе, который стукнул сегодня с утра и наказывал тех, кто для потехи разрезал и разорвал свою одежду в клочья, забыв о длительном отсутствии солнца. Агзамов вообще был на виду у командиров. Его выступление на митинге произвело впечатление, и ему предложили остаться здесь в экипаже, на политмассовой работе. Но Салим держал сие в резерве.

Разговор в гостинице с Мироном о премудростях кибернетики глубоко засел в сердце, и он решил как-то приобщится к технике. Майор будто читал его мысли:

- Вас возьмем в учебный отряд. Учитель. Получайте специальность радиомеханика. Дальше служба в боевых частях ВВС.

Салим понимал, что это, чего ему надо. В то же время чуть подсказывало, что больше такого разговора на равных не будет, и Салим, пока есть возможность, хотел добиться одной уступки. Какой? В чем? – он не знал. Может быть, просто хотел поставить в известность будущего командира о том, что он, Агзамов, имеет выбор в армии, что с его мнением считаются главные командиры, что его хотят оставить здесь, в экипаже, но, что он, Салим Темирбекович, хочет шагать в ногу с веком и получить радиотехнические знания. Салим потер лоб и приступил излагать свои мысли.

- Я мечтаю поступить в аспирантуру. Я обучал и воспитывал детей в школе и в пионерском лагере. Делал нужное дело. Знаю, служба – долг каждого гражданина... Приложу все силы, чтоб служить хорошо. И скажу, что моя задача – скорее отдать свой долг и вернуться в школу.

- Вам предлагали остаться в экипаже?

- Да.

- Что вы им сказали?

- То же, что и вам.

- Хорошо. Можете идти.

Майорово лицо дрогнуло в улыбке. Глаза остались неподвижными. Салим встал. Его лицо было полно решимости установить контакт с майором. Из небольшого жизненного опыта Салим знал, что, если человеку симпатизируешь, то он обязательно ответит тем же. Бессмысленно озираясь, он посмотрел в окно на серое небо, на веселую толпу новобранцев и широко улыбнулся. Опустив руки по швам, круто повернулся кругом и пошел на выход.

В дверях появились Мирон и старшина Хотимцев. Покусывая левый ус, старшина, который занимал должность начальника кабинета радиотехнических средств в военной школе, слушал Мирона, понимающе кивал головой и, нетерпеливо теребя список, сказал:

- Еще поговорим, Силаев.

К Мирону подскочил растревоженный Салим. В черных глазах его блестели веселые искорки.

- Куда?

- В учебный отряд.

- Отлично.

Друзья стукнули по рукам и Салим с напускным шиком извлек пословицу из забытого арсенала:

- Хочешь жить – умей вертеться. Клянусь, я с этим майором буду «вась – вась».

Мирон недовольно поднял брови и молча посмотрел на Агзамова. Салим не придавал значения его взгляду и пригласил в казарму, но Мирон спокойно отказался. Он неотрывно смотрел вслед уходящему Салиму и понял, что в нем происходит какое-то брожение... Лодка плывет, послушная взмахам весел... Бороздит реку против течения пароход. Поднимаются волны и лодка сбивается с курса. Сильные руки ставят ее на правильный курс, но может она и перевернуться... эта картина, знакомая с детства, со всей ясностью предстала перед глазами Мирона.

- Силаев, вы говорите: кибернетика, кибернетика. А ведь без человеческого мозга она – ничто. Ерунда на постном масле.

Улучив свободную минуту, старшина подошел к Мирону. Ему как – будто хотелось опровергнуть преклонение Мирона перед научными книгами. Хотимцев был практиком до мозга костей. Он знал наизусть все радиоустановки, которые изучали курсанты. Мечтал о большем. О вычислительных машинах. Знаний не доставало. Силаев напомнил ему об этом, безотчетно заговорив о перспективах семиотики. Идти на попятную было поздно, и Мирон решил поддержать старшину по – своему.

- Совершенно верно. Теория без практики – бесполезный груз на бумаге и в голове. Все начинается с практики. И наука... Практика – основа основ.

Такое объяснение общей точки зрения утвердило в старшине уважение к Мирону. Закручивая левый ус, Хотимцев устремил свои карие глаза, полные удовлетворения, доверия и поддержки, на молодого образованного собеседника.

Салим в это время вышел на крыльцо. Натянул шапку наперекосяк: уши торчали в разные стороны на одной линии по диагонали. На левой полусогнутой руке висел мешок с несъедобным содержимым, съедобное давно определено по назначению. Правую заложил на спину. Пнул камешек, лежавший перед ним, и заковылял, как старик – нищий или путник, перенесший бедствия дальней, трудной дороги. Салимом овладело ребячество. Ему хотелось дурачиться, кого-то разозлить, кого-то рассмешить, идти напропалую. Перед белым двухэтажным зданием сгрудились сотни таких же, как и он. Они тоже дурачились: шумели, кричали, толкались, рвали на себе одежду. Всех перещеголять не так-то легко. Никто и внимания не обратил на

Салима. Он не расстраивался, лишь бы не заскучать. Три года – как – нибудь...

Дверь в казарму была заперта изнутри. Там шла уборка. Наиболее чувствительные к морозу с посиневшими лицами толпились у входа Салим дернул дверь. Никого. Дернул энергичнее и крючок отлетел. В дверь высунулся старший матрос и простуженным голосом прохрипел:

- Чего тебе надо?
- Пусти. Постели подправлять буду.
- То палкой не загонишь. То сами лезут. Холодно? Да? Ну, иди.

Покровительственный тон старослужащего слегка задел Салима. Он стряхнул с двух одеял мусор, криво улыбнулся и, бросив под голову мешок, забрался на средние нары поглубже, чтоб никто не видел. Мысли, как бесчисленное множество электронов, беспорядочно летели в голове. Потом потянулись вереницей в определенном порядке. Первая мысль была о родной матери. Добрая, заметно постаревшая за год мать. Не знающая покоя. Салим вспомнил руки матери: заскорузлые, с потресканной кожей и разбитыми ногтями. Раньше он не задумывался почему у матери такие руки. Она работает дома и на даче, а он веселится, гуляет, читает книги, слушает музыку, ходит в кино и рестораны. А если мать скажет: полей цветы, вынеси мусор, подотри полы, ответ всегда готов: «я занимаюсь. Завтра – зачет, завтра – семинар». И мать отступала перед столь магическими словами:

- Пусть занимается: для необразованного и ночью темно, и днем темно.

Чувство стыда пронзило беззаботное сердце Салима. В глазах от мысли о матери неожиданно навернулись слезы: «Я всегда думал только о себе. Значит, я – первый эгоист. Я хуже парня – здоровяка. Может быть, он помогал матери, а я – нет». Салим сильнее прижался к матрасовке, набитой сеном, и мысленно ощущал теплоту, ту единственную, материнскую. В своих глазах он становился тем, чего больше всего боялся, беспомощным ребенком и, как ребенок, хныкал. Вот так, прижавшись к матери, он бегал за ней целыми днями. Она не покидала ни на шаг маленького Салима: взяв за ручку, водила в магазин, на базар, в гости к родным. Когда у мамы бывали руки заняты, Салим держался за широкий подол. Салим это помнит, хотя ему тогда было всего 5-6 лет, а может быть, меньше. Мальчишки начали дразнить: «любимчик, маменькин сынок, залезь под подол

мамки». И с годами отношения переменялись. Стал избегать ласки, равнодушно воспринимать материнские заботы. Теперь он даже не помнит: целовал ли хоть раз маму. Но хорошо помнит, что уезжая в армию, не поцеловал. Она - чуткая, добрая, мама. Она нравится Айсулу. Айсулу тоже понравится матери. Если Айсулу не забудет Салима, дождетса, то у них будет своя маленькая, счастливая семья: Салим, мама и Айсулу.

При мысли об Айсулу Салим ощутил прилив радости, как - будто сердце встрепенулось, как что-то живое при звуках любимой мелодии. Словно приласканный тигренок, Салим лежал тихо, безмятежно и фантазировал...

Вот он едет домой. Ему невмоготу от нетерпения перед встречей с любимыми людьми. Ему не сидится на месте. За окнами вагона - дома родного города. Над домами - рыжая каланча с надписью: о пожаре сообщи - ОI и остроконечные главы мечетей с желтой луной на шпилях. Салим выбежал в тамбур. Высунулся в дверь, держась за перила. На ветру развиваются его ленты бескозырки. На перроне нового красивого вокзала мать и Айсулу. Мать от радости засуетилась и бежит мелкими шажками. Айсулу одной рукой ведет мать, другой машет моряку из первого вагона. «Алма - кыз, Алмажан». Соседи - татары самую любимую старшую сестру зовут: алма - апай, т.е. тетя - яблоко. Салим назвал девушку «алма - кыз» / девушка - яблоко/. Облик Айсулу точно, как яблоко. Овал лица, румянец на щеках и бархатная нежность кожи. Жизнь! Как она разнообразна. Какие дебри имеются в ней. Веселые друзья - разнузданные «битые». Инабат и единственная Айсулу. Шумные пионеры и ученики. Шкагаль и Смоленский. Красильников со своей кондукторшей. Симпатичный майор Котов и усатый старшина Хотимцев. Мирон с таинственной Надей. Все - таки замечательный парень этот Мирон!... Разные картины и лица толпятся перед мысленным взором Салима. Они возникают на экране памяти, постепенно сливаются и незаметно уплывают в темноту. Салим незаметно уснул.

... Дул пронизывающий приморский ветер. Приударил морозец. В кузове громыхающего по рытвинам и камням «ЗИЛа» - группа новобранцев и сопровождающий младший сержант. Лед на рытвинах под тяжестью машины не ломался, но трещал. И на нем оставались крупным узором отпечатки шин. Ветер - на встречу, жгучий, резкий, морозный. Младший сержант по - старшинству сидел впереди. Весь

посинел и от холода втянул шею в воротник бушлата. Ленты бескозырки трепетно развевались, шурша, как голубиные крылья. Но от этой красоты на морозном ветру ушам не было легче... Младший сержант только ежился и водил шеей. Крепился, чтоб не скомпроментировать перед «молодыми» марку «флотского парня», «старика».

- Товарищ младший сержант, разрешите я сяду вперед. Все – таки я в пальто, - предложил Мирон, и, нахмутив брови, глубже укутался в пальто. Сел на место командира.

Из нескольких слов, которыми перебросились перед отъездом новобранцы, знали кое-что о младшем сержанте. Он был комсоргом роты. Его фамилия – Саенко. Служит по третьему году. К концу второго года ездил в отпуск на Украину. Саенко интересовался талантами: певцами, музыкантами, плясунами. Но таковых не оказалось. Один вез свой баян, однако будучи любителем – самоучкой, играл посредственно. Салим о себе промолчал: внезапно заболел меланхолией и предпочитал покой и отчужденность. Саенко, ехавший в экипаж с радужными надеждами на кадры самодеятельности, окончательно разочаровался и всю дорогу молчал.

«ЗИЛ» вырулил на ровное шоссе. Тряска кончилось, мороз, казалось, прибавился, потому что и нос требовал теплого укрытия. Ехали на возвышении. Город, как на ладони, если можно так выразиться о приморском городе, который весь расположен на сопках. Дома одноэтажные и многоэтажные, малые и большие, лесенкой расположились вплоть до вершины.

Телевизионная вышка стоит на самой высокой сопке. Сама природа создала такое удобство для работников телестудии и телезрителям. Вдоль шоссе густо тянутся деревья: тополя, березы, осины, сосны и дубы. Дубы стоят со сморщенными, кофейного цвета листьями, которые держатся всю зиму. Однотипные голубые дома с красивой верандой, выходящие на шоссе, и белые курортные здания говорят о том, что летом здесь можно проводить отпуск не хуже, чем в Крыму. Мирон не выдержал и нарушил молчание:

- Здорово похоже на Подмосковье!

Саенко тоже оживился, оглядел своих подопечных и предупредил:

- Приготовсь. Подъезжаем.

Территория части – на загляденья. Светлый фасад здания. Заасфальтированный плац, на котором нет ни соринки. Аккуратно постриженные деревья. «Смотреть приятно, а как будет для службы».

Пожалуй, каждый думал об этом, впервые въезжая в железные ворота с тяжелыми якорями.

Служба началась с обеда, с приема пищи. Приехали как раз во время, в час двадцать. Привели новобранцев прямо в столовую. Заломив шапки, призывники озирались по сторонам, как крестьяне в кино, прибывшие в городское учреждение с прошением. В столовой тоже чистота и блеск. Два ряда длинных столов, накрытых клеенкой. На стенах – «Девятый вал» Айвазовского, чей-то натюрморт, и Перова «Охотники на привале». Салим ухмыльнулся. Обстановка удивила его. Он представлял, что в армии, где одни мужчины, процветают грязь, сквернословие и безвкусица. Прибыл строй матросов. Тоже бритые, молчаливы. Но они – в форме. Новобранцы, переодетые в матросскую робу и вновь только прибывшие прошли за длинный стол и встали. Прозвучала команда:

- Взвод сесть! Приступить!

Первое впечатление у Салима и его спутников было очень противоречивое. С одной стороны – уют и порядок, с другой – потеря самостоятельности. Салим бросил тревожный взгляд на Мирона, который сосредоточенно ел, как будто думал только над тем, как бы лучше справиться с борщом и гречневой кашей. Кроме него из общих знакомых тут – Шконда и Ишантураев. С остальными армейские пути – дороги разошлись. Салим жалел только об Инабате: как-никак – земляк, с одного района, и самое главное – брат Айсулу.

Второе занятие которое предписывалось тоже по долгу уже начавшейся службы, оказалось столь же нетрудным. Это – мытье в бане. Ребята с удовольствием скинули с себя тряпье, которое за дорогу окончательно просолилось и отяжелело. Мылись без шума и суеты. Переодевались весело. Смешно и непривычно было смотреть друг на друга в одинаковой форме. Непригнанная и необношенная роба уродовала фигуру. У Мирона Силаева появился второй живот, поэтому он выглядел неповоротливым толстяком. А Шконду хоть сейчас бери и выставляй на арену цирка: плечи обвисли, непомерно длинные штаны валялись на полу. Он смешно болтал рукавами. Шконда входил в свое амплуа! Смешно заговорил:

- Дорогие друзья, добрый вечер! Перед вами дважды лауреатный, трижды фестивальный... Фестиваль – шестиваль...

Старшина Харитонов, недовольный шуткой, по давней привычке командирским тоном одернул Шконду:

- Товарищ матрос, прекратите баловство.

Строгий голос и еще непривычное, новое обращение «матрос» оказали магическое действие на всех.

Воцарилась тишина и до самой казармы шли молча. И вдруг по дороге за поворотом встретилась ватага мальчишек. Один из них, попустуе, крикнул, давясь от удовольствия:

- Смотрите, салаг ведут. Салаги, салаги...

Салим не выдержал и показал кулак непрошенному забияке и зло пробурчал:

- Кыш отсюда, цыпленок.

Трудности начались в казарме или, как называли ее здесь, в кубрике. Инструктором взвода был голубоглазый сержант Троеглазов с русыми волнистыми волосами, которые ближе к темени заметно поредели. Плотно сбитый, со строгим, не терпящим возражения взглядом, он на первых порах относился к новичкам вполнеоляльно, как бы сочувствующие. Сержант указывал каждому свою койку, показал способы матросской заправки постели и обмундирования на ночь, помог подшить робу, пригнать по себе. После ужина распустил взвод, дал время на письма и просмотр телевизионных передач. Матросы повалили в Ленинскую комнату. Обстановка там действительно располагала к хорошему проведению тех немногих минут, которые назывались «личным временем». На стенах — любовно, аккуратно и с эстетическим вкусом оформленные стенды, плакаты, тексты присяги и морального кодекса строителя коммунизма, портреты Карла Маркса, В.И. Ленина, министра оборона, полководцев разных времен и эпох...

На длинном столе, накрытом красным сукном лежат шашки, шахматы, подшивки газет и журналов. В глубине комнаты сверкал мелькающим черно — белым экраном телевизор. Антенна на нем была раздвинута под острым углом и торчала, как усы необычного насекомого. Но сейчас не до телевизора. Ребята спешили выполнить наказ родных и друзей и принялись за письма. Содержание у всех разное. Начало и конец почти одинаковые. «Привет с Дальнего Востока» и «С матросским приветом...» Шконда приударил на романтику и художественный домysel. Он подмигнул соседу и начал: «Привет с Тихого океана». Рядом с ним сидел матрос Галиборода. Юноша живой, общительный, постоянно смеялся и острил. Разговаривал со всеми так, как будто они давние друзья. Только вместо имени при обращении пользовался уникальным

словом «матрос». Слоняясь без дела, он искал себе соперника для шашечной битвы. Все отказывались. И вот он подошел к Шконде:

- Матрос, хочешь пронесу в шашки.

- Да некогда. Надо написать письмо.

- Девушке?

- Ну да. Гале.

- Вообще-то я тоже накаваю кому – нибудь. Пусть знают, что мы здесь скучаем по ним, - сказал с хитровой улыбкой Галиборода.

И они сели строчить послания дамам своего сердца. Шконда сравнивал Галины глаза с цветом морских волн. Писал, что волны здесь большие и страшные, но что он всю жизнь мечтал стать моряком и ему штормы не страшны... В заключение вокруг нее вывел слова: «Писал молодой моряк твой Толик». И довольный собой, он откинулся на спинку стула. Галиборода удивленно спросил:

- Ты уже?

- А что мне клопа давить. Сам знаешь, матросское сердце-не камень... Фестиваль – шестиваль...

- Матрос, дай я прочту.

Галиборода был в восторге от такого романтического текста. Он смеялся и дружески похлопывал Шконду по спине.

- Слушай, матрос, мою девушку тоже Галей звать. Только у нее не голубые глаза. Но сойдет. Дай перепишу. У тебя здорово получилось!

Польщенный Шконда великодушным жестом положил письмо перед Галибородой.

- Валий. Переписывай. Пусть девушки не забывают флот.

Сосед его скомкал свою писанину и тщательно скопировал Шкондов «шедевр». А в конце вместо «твой Толик» поставил «твой Петрусь». И новые друзья, обнявшись, вышли из Ленкомнаты чтобы опустить в ящик два одинаковых письма в разные концы огромной страны.

Агзамов не находил себе места. Давно запечатал в конверт небольшое письмо матери, а для Айсулу не стал писать. Решил немного привыкнуть к новой жизни, собраться с мыслями, потом с большим тактом и осторожностью известить о своем здравии и благополучии.

Матросы смотрели телевизор. Салим пересел поближе к экрану: передавали эстрадный концерт. Рашит Бейбутов спел «Песню первой любви» Бабаджаняна и «Песню о Баку» Кулиева. Выступил Аркадий Райкин... Гнетущее состояние, как рукой сняло. Салим даже забыл на

мгновение, что он в армии. Конферансье объявило: «Композитор Бекен Жамакаев «Вальс любви», исполняет танцевальная группа казахского молодежного ансамбля «Гульдер». Вот это здорово! Бекена – агу Салим знал и видел, когда бегал босоногим мальчишкой. Звуки знакомой мелодии приковали все внимание Салима. На сердце становилось легко, как будто он шагал по цветущим аллеям весеннего парка в родном городе. Навстречу плывет музыка Жамакаева. Кругом – улыбки счастливых людей и белые ветви яблонь... В это время открылась дверь Ленкомнаты и дежурный по роте скомандовал: «Рота, строиться на вечернюю проверку!». Выключили свет. Матросы повскакивали с мест, задвигали стульями и нехотя направились к выходу. Салим тоже встал, но трудно было оторваться от экрана, и он продолжал слушать музыку. Его блаженное состояния оборвал резкий окрик старшины:

- Товарищ матрос, вы не слышали команду?

Ничего не оставалось делать, как идти в строй. Салим заторопился на выход, но его остановил старшина:

- Выньте руку из кармана. Почему опоздали?

Выражение лица у Салима было обиженным. Он решил подействовать на эстетическое чувство старшины и взмолился:

- Товарищ старшина, любимая мелодия.

Эти слова разозлили старшину Харитонову окончательно. Его глаза забегали, измеряя Агзамова и в ширину, и в высоту.

- Я покажу тебе мелодию, мать твою так... Ты что? Приехал слушать мелодии или служить?

Салим Темирбекович, как некогда звали его пионеры, стоял перед ним, опустив руки, в синей, шуршащей робе. Голландка оттопырилась вперед трехгранной призмой. Вместо красивой, модной прически, которую Салим берег, холил и любил поправлять обеими руками враз, -чуть пробившиеся волосы. Щемящее чувство досады и отчаяния охватило его и засело камнем где-то там, в груди. Он, Салим, который воспитывал пионеров и разговаривал с их родителями, как взрослый со взрослыми, теперь стоит и сам перед старшиной, как шалун, недисциплинированный человек. Внутренний голос твердил: «Не кичись образованием». Салим промолчал. Старшина смягчил свой гнев:

- Идите в строй.

Телевизор выключили. Музыка заглохла.

Началась вечерняя проверка. Ответственный младший сержант Саенко чистым, сочным голосом, как будто пил сырые яйца, подал команду: «Рота, равняйся! Смирно!» Строй замер. О настоящем воинском строе не могло быть и речи. Но молодые матросы стояли без шума и движения.

Саенко резко вскинул руку к бескозырке и, чеканя каждый шаг, направился к Харитонову:

- Товарищ старшина, рота для вечерней проверки построена. Младший сержант Саенко.

- Проводите.

- Есть!

Саенко взял из рук дежурного старшего матроса раскрытый толстый журнал и начал:

- Сержант Троеглазов.

- Я.

- Матрос...

А матросов не десять и не сто, а больше...

... По тенистой аллее иртышского острова, безмятежно радуясь необыкновенному летнему пейзажу, взявшись за руку и идут Салим, Айсулу и Мирон. Два до блеска опрятных моряка и с ослепительной улыбкой девушка в белом платье. Кругом сказочное благолепие. Растительность на острове совершенно переменялась: высятся разлапистые, темно – серые кедры, стоят аккуратными рядами ели, как у Кремлевской стены, на цветниках источают ароматный запах красные канны, огромные гладиолусы и крупные дальневосточные розы.

Айсулу испуганно озирается по сторонам. Кругом богатый, невиданный животный мир. В прибрежном тальнике сверкнул белыми клыками хрюкающий кабан и, не обращая на никого внимания, ушел восвояси, бесшумно скрылся. Вдруг через холм перелетел, величаво распластав ветвистые рога, пятнистый марал. За ним вприпрыжку гнался огромный уссурийский тигр.

Нежная, тоненькая и гибкая, как тал, Айсулу со страху все сильнее прижимается к Салиму. Черные ленты с золотистыми якорями матросской бескозырки шелестят на ветру, обвивая лицо любимой девушки. Сладкая истома охватила тело Салима, реально ощутившего близость долгожданной невесты. А Мирон улыбается, четко отбивая на цементных плитах моста блестящими штиблетами матросский танец «Яблочко».

- Не бойся, Айсулу, - успокаивает Салим девушку, глядя ее мягкие волосы. - Эти звери не страшны. Они находятся в заповеднике. Они отгорожены железными решетками. Послушай. Вон поют райские птицы.

На кронах тальника, разросшегося по разветвлениям реки, сидят, красуясь, редкой окраски щеглы: черный, красный, белый, оранжевый цвета переливаются. Щеглы заливаются, приветствуя посланцев Тихоокеанского флота, и тонко выводят приятные звуки, высокие, превысокие ноты птичьей мелодии. Деревья широкие, пышные, перевитые лианами! Только не видно обезьян. Вот это настоящие джунгли, светящиеся изумрудными листьями под щедрым высоким солнцем. Наклонишься с моста и посмотришь на прозрачные воды реки, то ясно видно, как между пятнистыми гальками проплывает самая разнообразная рыба: тупорылые налимы, пескари и чебаки, стремительные хариусы, морская корюшка...

С острова послышались крики, вой и неистовые вопли. Туча людей, размахивая винтовками и какими-то книжками, бежала за открытой машиной. Милое лицо Айсулу исказилось в сильном ужасе обезобразилось. В замешательстве Мирон толкнул друзей вперед:

- Бегите. Я их задержу.

Обезумевшие люди совсем близко: уже различаются их закрытые глаза и разинутые пасти. Все они одинаково одеты в стеганные телогрейки и шапки - ушанки. Но их лицам обильно струится вода: то ли пот, то ли слезы. Они нахлынули и поглотили матроса в черных отглаженных брюках и белых фланельке и бескозырке. Какой ужас! Мирон погиб! Но он, отшвырнув от себя лавину людишек, налетевших, как стая прожорливой саранчи, вскочил на перила моста, что-то выкрикнул спасительное, подняв бескозырку вверх и, мастерски вытянув руки вперед, полетел вниз и нырнул в реку.

Машина уже мчалась впереди, фыркая и выпуская из-под задних колес клубы дыма. Обессилевшая Айсулу спотыкалась и падала. Салим изо всех сил тянул ее за руку за собой. Толпа уже совсем близко. Некоторые озверелые преследователи уже достигли их, достают рукой. Салим отталкивает и отбрасывает их. А машина не останавливается как назло. Ба! Ой - хой! В кузове мечется в форме офицера флота Темирбек Агзамов и в отчаянии кричит:

- Салим, Айсулу! Салимжан, бегите. Они поглотят вас! - Чувство радости и страха перемешались в Салиме, уже еле двигавшем ноги.

Движения совсем стали вялыми. Вот – вот догонят их захватчики, и он неистово кричит:

- Папа, папа. Останови машину!

- Не могу, не могу, - слышится в ответ. – Это – не моя машина.

Уже передний из толпы схватил Салима и зажал за горло. Папа бросил Салиму белый сверток. Айсулу побежала вперед одна, оглядываясь и плача.

- Беги, беги, Айка, - настаивал Салим, едва дотянувшись до свертка. В нем оказался черный семизарядный пистолет. Но он еще не умеет стрелять. Снова охватило матроса отчаяние. Ему уже так сдавили горло, что он еле дышал и хрипел. Но здесь помогла сообразительность Салима: он вспомнил привычное движение из фильмов при выстрелах и нажал на курок. Прозвучал страшный выстрел, и Салим получил полное освобождение... Он проснулся с радостным облегчением, усталым и с бисеринками пота на лбу...

Состояние Салима было крайне удручающим. Он настолько чувствовал себя расстроенным и разбитым, что не было никаких сил как – то отвлечь себя и несколько взбодриться. Что за толпа преследовала его во сне? Если люди размахивали книжками – цитатниками, то значит, это были китайцы. Салим припомнил давнюю народную сказку, рассказанную ему еще в детстве покойной бабушкой. Содержание ее он успел уже позабыть. Но, как помнится, конец ее был оптимистическим...

«... Калипа пришел в тюркскую землю и сделался там ханом», - это Чингис – хан, сын солнца, он живет теперь на облаках. Брат его по средней дороге пришел в Китай стал там царствовать, это - Ижен – хан. Левая дорога вела в царство белого царя. Белый царь умер – народ поставил две свечи и сказал: «Если кто придет такой, что при его появлении свечи загорятся сами собой, мы сделаем его своим царем». Пришла девушка. Свечи загорелись. Народ сделал ее своим царем, - это Ак – хан – Катерина, сестра Ижен – хана. Теперь в России и в Китае действуют и царствуют их дети, оттого у России с Китаем и дружба, и войны нет между ними»¹

- Значит, наши народы испокон веков стремились к дружбе, миру и согласию, - заключил про себя молодой матрос. – Но если, как во сне, нахлынут разъяренные захватчики, то Отан² бросит нам «белый сверток с черным пистолетом».

¹ Из сказок, записанных в 1914 году Алексеем Белослюдовым.

² Отан (каз.) - Отечество.

Вот так само собой пришла и разгадка неожиданно тревожного сна Агзамова...

На службе Салим старался не думать об отце, чтобы не удручать себя, и без того расстроенного в нелегких армейских буднях. Но все равно папа приснился. Значит, где-то подспудно теплилось сознание и о нем. Удивительно, что отец наставляет сына таким неправдоподобным образом. А сон был во многом поучительным, но о нем Салим не стал никому рассказывать, чтобы не выглядеть суеверным и чтобы не попасть на языки неугомонных остряков. И это был, пожалуй, последний сон, приснившийся Салиму в учебном отряде. Потому что в дальнейшем он так изматывался за день, что, казалось, только закрыл глаза и провалился под одеяло, как снова зажегся свет и звучала команда: «Подъем!»

... Над ломаной линией сопки небо заливается нежным румянцем. Это – дневное светило предвещает о своем восходе. По гребням сопки гребешками тянутся вечнозеленые колонны елей, кедров, пихты. За окном на чистой территории школы стоят попеременно березы с пятнами – мазками на белых стволах и зеленые ели-дочки, приседающие в приветствии. Во сне Салима фантастически переплелась природа Прииртышья и Приморья. «Так, действительно, бывает только во сне», – подумал Салим и как-то виновато улыбнулся. Сегодня – воскресенье, поэтому подъем будет дан на целый час позже. Салим проснулся после тяжелого сна и лежал, закинув правую руку за голову. Троеглазов уже – на ногах. По форме одетый, он нетерпеливо расхаживает по кубрику. «Черт бы его побрал... Когда только высыпается», – раздраженно думал о сержанте Салим. А сам засыпать боится. Скоро подъем. Вдруг проспит. А это может случиться, потому что совершенно очевидно, что не высыпается: тело гудит, усталость невероятная, ноги – не свои. Воскресенье воскресеньем, а по команде «Рота, подъем!» надо вскочить, одеться и встать в строй в течение одной минуты. И самое страшное, что и в мыслях не допускает Салим – это, чтоб кто-то дергал его за одеяло и говорил: «Ты что, не слышал подъема!». Все эти дни были заняты тренировкой в быстроте, четкой уставов и бесконечными построениями. Только взялся матрос за подшивку газет или занялся туалетом, слышит команду: «Первый взвод, строиться», «Второй взвод, строиться». По такой команде надо бросать все личные дела и бежать в строй. Если кто-то отлучился и вовремя не оказался в строю, то взвод стоит до тех пор, пока

дежурные не разыщут отсутствующего и не приведут к месту построения. Таков воинский порядок. Таковы требования командиров. Салим старается изо всех сил, чтобы не иметь замечаний. Ему, как бывшему воспитателю, особенно неприятно, чтоб его учили и воспитывали. Это он почувствовал сразу же, в первый день.

Там не менее нелегко привыкать к новым порядкам: к форме обращения к командирам, утреннему осмотру, к вечерней прогулке. Сержант без конца твердит одну и ту же фразу: «Главное в армии – научиться подчиняться». Салима это раздражает. Троеглазов на год моложе его, имеет среднее образование, а командует им как хочет, наставляет, учит. Салим помнит слова Шкагала и молчит. Молчит с тайной злобой, с ожесточенным упрямством. Пропал тот огонек, который зажегся в нем впервые в пионерском лагере. Учитель Салим Темирбекович проявляет упорное нежелание стать матросом Агзамовым.

Воспользовавшись таким замешательством, поднимает в нем голову пижон Смит: то мурлычет чужеземную песенку: «Сасэба», то подолгу беседует с Ишантураевым о ресторанах и девочках. И все же курс молодого матроса идет и берет свое...

... Раннее утро. Салим снова ждет подъема. С Амурского залива тянет солоноватым ветром, напоминая матросам, что они находятся далеко – далеко от родимых краев, что они на службе отдают свой гражданский долг. Салим примерился на спинку кровати и подтянул одеяло. Бросок – и оно должно оказаться на спинке аккуратно, во всю ширину, накрытое белой простыней. Пока идет физзарядка, постель проветривается. До подъема осталось пять минут, три минуты... две... одна.

- Рота, подъем!

Дежурный по роте старший матрос с красной повязкой на рукаве подает следующую команду:

- Форма – брюки и тельник.

В мгновение спинки двухъярусных коек побелели от простыней на синем одеяло. Матросы повыскакивали, срывают со сложенного конвертом обмундирования брюки и тельняшки. Самые расторопные уже бегут на выход. Салим замешкался с носками. Через койку от него еще темнеет одеяло, под которым калачиком свернулся Галиборода. Разгоряченный сержант подбежал и одним движением сорвал с него одеяло:

- Матрос Галиборода, подъем!

Галиборода вскочил и, моргая бессмысленными глазами, уставился на Троеглазова.

- За нарушение распорядка дня объявляю один наряд вне очереди! Немедленно – в строй!

Взвод уже стоял в строю и ждал своего командира. Мимо проходили другие взводы, что особенно не понравилось сержанту. По его непреклонному убеждению первый взвод должен быть всегда и везде первым.

- Взвод, равняйся! Смирно!

Троеглазов подсчитал количество людей. Все в строю, все – кроме одного. На ходу одевая тельняшку, прибежал Галиборода, встал в строй. Сержант бросил на него косой взгляд: матрос Галиборода опять нарушил устав. Он, как опоздавший, должен был спросить разрешения:

- Товарищ сержант, матрос Галиборода. Разрешите встать в строй?

Дальше все пошло по распорядку. Пробежка по стадиону. От такой изнурительной долгой пробежки в глазах рябило, ноги подкашивались и дальше движение было почти бессознательное. Салим взял себе за правило, делая многочисленные круги по стадиону, представлять перед собой студенческий актовый зал в тот незабываемый вечер, впервые в третьем ряду увидел Айсулу. И он бежал, как бы догоняя возникший перед глазами мнимый образ любимой девушки. И в какой-то момент наступала стадия «не могу», пересилив которую, человек как бы переходил на механическое движение. Так постепенно матросы приучались во время утренней пробежки давать по стадиону пятнадцать – двадцать кругов. Салим старался не отставать и не отставал от других, и в этом помог ему его тайный прием с милым, улыбающимся образом Айсулу. Оказывается, бегать так долго можно – лишь бы была система... За все время учебы только один матрос на каком-то кругу упал: подкачало сердце. Все удивлялись выносливости сержанта, но от этого никому не было легче. Никто не забывал каждый вечер тяжело вздохнуть и огорчиться: утром опять пробежка. После пробежки – первый и второй комплексы утренней гимнастики и в заключение – опять бег. Если сразу после подъема матросы бежали в строю полусонные, то после зарядки шли так, как будто трудовой день уже был позади, разгоряченные, запыхавшиеся. Определенное время отведено на туалет и заправку коек. Не успел – пеняй на себя. Потом дежурный

по роте с красной повязкой на рукаве, понизив голос на октаву ниже, извещает личный состав:

- Приступить к уборке помещения и территории.

Когда в первое утро после такой команды Троеглазов разъяснил и показал методы аврала, мытья полов, то Салим по собственному желанию принялся выполнить эту процедуру. Но выработать привычку к ней не удавалось. Аврал ему быстро осточертел: болели спина и самолюбие.

Уборка территории – занятие тоже для Салима не из приятных. Надо подметать закрепленный объект по способу «конвейер». Матросы становятся в ряд с вениками и вперед сначала уходит один, затем другой, третий и т.д. Два, три захода и вся площадь от кубрика до забора и между двумя аллеями подметена. Остается пройтись и подобрать спички и окурки, не захваченные вениками. Так каждое утро. Теперь Салим не удивлялся той необыкновенной чистоте территории школы и порядку, которые ошеломили его при прибытии и при первом знакомстве.

Утренний осмотр. Разорвись, но успевай к нему подготовиться Курсант/ в школе звание – матрос, должность – курсант/ должен быть всегда чисто побрит, подстрижен, опрятно одет. Иметь при себе документы и носовой платок. Салиму особенно не нравилось показывать руки для проверки ногтей. Ему казалось, что это равносильно тому, как в первом классе девочка – санитарка проверяет ногти у первоклассников. Старшина взвода, матрос летнего призыва Иноземцев оказался на редкость щепетильным. Он не доверял карим и круглым, как у курицы, глазам, и тербил и щупал мягкими пальцами подбородок: успела вырасти борода или нет. Больше всех доставалось Шконде. Его русая борода росла со сказочной быстротой, за ночь появлялось, как буйная поросль на пашне Микулы Селяниновича. Но воинский порядок есть воинский порядок. И терпеливый Шконда каждое утро бегал в бытовую комнату, скоблил свою бедную, в крапинках рожицу и жаловался на раздражение кожи: «Я до армии в неделю два раза брился, а то и раз... в субботу». Спокойнее всех привыкал к армейским условиям Мирон, безропотно выполняя все поручения и приказания командиров. Даже тени недовольства не было на его лице, когда он лез под койки с тряпкой и производил аврал. Вот и сейчас он стоит в коридоре у тумбочки и ежесекундно прикладывает руку к

бескозырку. Он – дневальный по роте и обязан приветствовать каждого прохожего матроса, сержанта, офицера.

Вездесущий Шконда прибежал с улицы и предупредил Мирона:

- Силаев, командир роты идет.

Мирон большими пальцами быстро провел под ремнем, глубже заправляя матросскую фланельку в брюки, подставил ладонь к звездочке и носу, чтоб они были на одной линии, и застыл в ожидании. Дверь открылась. Выставив перед грудь, поблескивая большими серыми глазами, переступил майор Котов. Силаев мгновенно нажал кнопку /сигнал в помещение дежурному по роте/. Вскинул руку к виску и густым баритоном подал команду:

- Рота, смирно!

В тишине четко раздавались медные звуки из-под каблуков. Дежурный по роте, старший матрос Колосов за два-три шага от Котова приставил ногу и спокойно начал докладывать:

- Товарищ майор, во время моего дежурства происшествий не случилось. Рота занимается по распорядку дня. Дежурный по роте старший матрос Колосов.

Майор пружинисто опустил руку и произнес: «Вольно». Дежурный сделал шаг в сторону и громко повторил:

- Рота, вольно!

Стоящий на проходе Салим залюбовался согласованностью действий, выправкой майора и статного старшего матроса. Он с уважением следил за каждым движением майора Котова, своего ротного командира. Но Котов, как назло, на него ноль внимания, как будто не знает, что матрос Агзамов – учитель и воспитатель, имеет высшее образование и мечтает поступить в аспирантуру. Салим долгим сверлящим взглядом своих черных глаз сопровождал майора, став по стойке «смирно», но и это не подействовало: не остановился, не спросил просто, по – воински: «Привыкаете, матрос Агзамов, или – служба - не институт, поднатужьтесь». Котов прошел мимо, небрежно ответив на приветствие матроса. Салим искренне огорчился: за последнее время появилась в нем чувствительность камертона.

Всякая мелочь, которую он раньше не удостоивал внимания, заставляла его раздражаться. В чем дело! Неужели трудности, новая обстановка и связанные с ней заботы действуют на характер человека. Салим заметно похудел: пали щеки, вытянулся нос. В необтертой робе, бритоголовый, он себе казался страшилищем и не

подходил к зеркалу. Но это внешняя сторона. Причем тут нервы, мозг и прочие органы чувств. Правда, Салим знал горе: неожиданная смерть отца, после которой он нашел утешение в беззаботном, разгульном образе жизни. Его обворожительная магия округлых выразительных глаз безотказно действовало на людей вообще и на девочек, в частности. При надобности пускал в ход испытанные приемы бокса. Орудия гражданского арсенала в армии не годились. А работа в пионерском лагере, школе! Разве не испытывал впервые удовлетворения от своей работы. Разве не почувствовал что – то близкое к тому, что называют громким словом «счастье». Но оно было неосознанным, неполным.

- Да, неосознанным, неполным, - как бы фиксируя эту мысль, проговорил вслух Салим и почти неслышно добавил: - Посмотрим, каково будет здесь.

Трудно стать взрослым. Трудно найти свою точку опоры. Человек даже в двадцать два года и с высшим образованием стоит на зыбкой почве и балансирует. Балансирует, как ребенок, совершающий первые шаги, может шлепнуться, перевернуться, сломать себе шею, как Мирон или хуже.

На стене висит объявление, где плакатным пером написано, что сегодня в 3-00 вечер на тему «Давайте познакомимся». Салиму поручено подготовиться на вопрос «Край, откуда я призван и который защищаю». Он - литератор и он может выступить. Но нет огонька, стимула. Не в силах воодушевиться и зажечь себя, он слоняется около этого плаката, а думает совсем о другом, о пустоте, которая снова прокрадывается в душу, как дождевой червь, и точит ее. Подошел секретарь комсомольской организации младший сержант Саенко.

- Ну как, Агзамов, подготовились?

- Не знаю. Может, другому поручите?

- Что вы? Времени – то в обрез. Да не волнуйтесь. Все будет в норме. Расскажите о достопримечательностях города, о культурных учреждениях, о вузах и техникумах, о промышленных предприятиях. Да мало ли о чем можно говорить. Тем более, что с ваших краев здесь навалом.

Живой, заразительный Саенко легко убеждал товарищей и всегда был в гуще дел и событий.

- Первый взвод, строиться!

Саенко ушел, заверил на прощанье, что все будет отлично. Сержант Троеглазов сегодня с утра не в духе: недоволен подъемом, недоволен уборкой территории и помещения. Матросы действуют медленно, не укладываются в распорядок дня.

- Взвод, учебно – боевая тревога!

Матросы бегут к раздевалке, над которой висит табличка «I-й взвод», хватают бушлаты и бескозырки и, на ходу одеваясь, стремятся на место построения. Силаев, приложив ладонь к виску, стоит, пока последний матрос не пробежал мимо. Последним был Галиборода. Он никак не сможет застегнуть крючки на галстуке и на бушлате и нетерпеливо рвет их. А что будет, когда объявят форму «пять» и оденут матросы шинели, где целый ряд крючков. Сержант смотрит на часы.

- По тревоге строитесь целых три минуты. Это – не матросы. Это – слюнтяи. Галиборода не сможет застегнуть единственного на бушлате крючка. А на шинели их будет пять. Взвод, снять и заправить бушлаты и бескозырки.

Тренировка продлится до тех пор, пока сержант, глядя на часы, не скажет: «более или менее». Галиборода посинел от злости. Лохматые брови подвинулись на глаза, закрывая их.

- Взвод, отбой!

Матросы побежали к койкам, на ходу стягивая с себя шуршащую холщевую голландку. Заправили форму на табуретку: брюки тельняшка, голландка. Ремень должен лежать сверху и пряжкой с якорем – в сторону прохода. Ботинок – под койкой вдоль спинки. На ботинках – носки для просушки. Все нырнули под простыни с одеялом. Сержант прошел, осматривая заправку обмундирования, ногой нервно подталкивал те табуретки, которые не стояли в ряд со всеми. С другого конца кубрика донесся его резкий голос:

- Взвод, подъем!

Опять та же картина, что была и утром.

На третьей койке от Салима одеяло не шевельнулось. Но в чем дело? Среди белого дня. Во время тренировок. Сержант подскочил вне себя от негодования к нерадивому и непослушному военнослужащему:

- Матрос Галиборода, подъем!

- Не встану, - спокойно ответил Галиборода из-под одеяла, - я заболел.

Троеглазов рванул одеяло и внезапно перешел на обычный тон.

- Я вам приказываю, матрос Галиборода. Форма – роба. Подъем! Галиборода приподнялся и забил себя в грудь:

- На, режь, убивай, стреляй.

Он выскочил на проход из – за двухъярусных коек.

- Сколько можно мучить. Лучше сдохнуть. На, прибей и брось в Тихий океан. У меня – нервы. У меня лопнутое сердце. Галиборода почему-то так и говорил: лопнутое сердце. «Я больше не могу!» Охватив голову руками, Галиборода заплакал, приговаривая сквозь слезы: «Не могу, не могу. Нервы... у меня – лопнутое сердце».

В дверях своего кабинета, выставив пол – туловища, стоял майор Котов. Он не подошел. Он просто сказал:

- Дежурного по роте ко мне.

Через несколько минут два вооруженных автоматами матроса повели Галибороду на гауптвахту. Галиборода заслужил. А майор Котов дал понять о своем основном методе воспитания воинов. Салим, ошеломленный непредвиденным происшествием, вытянул голову еще глубже в шею. Слоняясь по кубрику, набрел на секретаря.

- Товарищ младший сержант, я выступать не буду.

Саенко минуту смотрел на Салима, не веря своим ушам. Наконец, поняв, что уговоры бесполезны, предупредил новичка:

- Агзамов, так вам трудно будет служить.

Вечер прошел без шума, без споров, по плану. Выступали, в основном, офицеры. Майор Котов рассказал о традициях роты. Замполит капитан третьего ранга Иванов – Смоленский познакомил личный состав с офицерами. Дал им краткую характеристику. В заключение говорил о трудностях службы. Человек пронизательный душевный, он сумел вызвать на лицах молодых воинов так необходимую благодушную улыбку. По кубрику прокатился хохот, как будто вспыхнувшая молния разрядилась раскатистым громом.

Многие впервые слышали анекдот о цыгане, который три года прослужил, все понял: уставы, наставления, но не понял одного – куда в армии торопятся все время...

Сам едва успокоившись от смеха, Иванов – Смоленский откинул русую прядь и, обнажая ровный ряд ослепительно – белых зубов, сказал:

- Товарищи матросы, я не хочу говорить ничего плохого о цыганах. Цыгане тоже отлично служат. Я просто хочу сказать, что при современных условиях войны самое важное – это быстрота, скорость...

Через двое суток с гауптвахты в подразделение прибыл Галиборода. Внешне он здорово изменился. Его хищные голубые глаза ушли еще глубже в орбиты. Брови нависли, как лохматые тучи, и, казалось, стали еще гуще и длиннее. Лицо побелело. Галиборода молчал. Молчали и ребята. Ни слова о прошедшем инциденте не говорил и сержант Троеглазов. Взвод был построен на фасаде здания школы с автоматами. Первые два часа – строевые занятия. Троеглазов провел рукой незаметным движением по кончику носа. Это – его привычка перед подачей команды:

- Взвод, равняйся! Смирно! Равнение – налево.

Через плац ускоренным шагом шел капитан – лейтенант Забродин. Троеглазов его давно заметил и молча стоял перед взводом, ожидая приближения командира. Подал команду, строевым шагом направился к нему с докладом. Строевая выучка сержанта безупречная. Матросы взвода считали его лучшим строевиком школы, и сейчас он, красиво вскинув руку к головному убору, выбивал ровные и резкие звуки подкованными, до блеска начищенными ботинками.

- Товарищ капитан – лейтенант, в первом взводе происшествий не случилось. Взвод находился на строевых занятиях. Инструктор взвода сержант Троеглазов.

Забродина, который по дороге на Владивосток заменял обсмеянного Красильникова, еще мало знали как командира взвода. Его приятное холеное лицо внушало доверие, когда он в обворожительной улыбке, обнажал чистые зубы с одной золотой коронкой, которая удивительно украшала его аккуратную внешность. Но эта коронка теряла свой блеск, когда капитан был не в духе. Забродин подошел без улыбки и громко поздоровался:

- Здравствуйте, товарищи курсанты.

Раздался недружный и приглашенный ответ:

- Здравия желаем, товарищ капитан – лейтенант.

Лицо Забродина передернулось.

- Безобразие! Прошло больше месяца и вы до сих пор не научились здороваться. Здравствуйте, товарищи курсанты!

Матросы набрали полную грудь воздуха и единым духом гаркнули:

- Здрав...желаем,.. товарищ капитан – лейтенант!

- Вот это другое дело. Первая шеренга, два шага вперед шагом марш! Кругом!

По узкому проходу между двумя шеренгами шел капитан – лейтенант Забродин и проводил внешний осмотр. Матросы, приняв строевую стойку, сопровождали командира поворотом головы, как учил сержант и как требовал устав строевой службы. Капитан – лейтенант остановился напротив Шконды. Вытянувшись, молча стоял Шконда. Молчал и Забродин. Силаев незаметно дернул за руку забывчивого друга. Шконда встрепенулся и представился:

- Матрос Шконда.

- Долго доходит до вас, матрос Шконда. Даю три минуты. Немедленно побриться.

- Да я только вчера брился, товарищ капитан – лейтенант.

- За пререкание – один наряд вне очереди!

- Есть!

- Действуйте!

- Есть!

Шконда побежал в кубрик.

- Матрос Силаев, - представился Мирон, вовремя приметив задержку командира взвода.

- Побриться!

- Есть!

- Матрос Агзамов.

Салим только два часа назад побрил бороду и теперь не мог понять, почему капитан – лейтенант смотрит на него недовольно. Глаза Салима выражали недоумение. Болью в груди отозвались слова Забродина:

- Побрить... грязь под носом.

- Есть, - недовольно протянул Салим.

- Действуйте!

- Есть!

Как единственную память о гражданской жизни, Салим отрастил усы. Он дорожил ими и заботливо ухаживал. Даже стал чаще подходить к зеркалу. Теперь и эту зацепку за прошлое обрубил под корень. До обеда Салим ходил как пришибленный. На строевых занятиях он не проявлял особенного рвения, действовал вяло и получил устное замечание.

По команде: «автоматы» все снимают оружие с положения «на грудь» и ставят к ноге. А по команде «положить» первая шеренга делает два шага вперед и обе шеренги враз ложат автоматы на землю. Когда наоборот надо автоматы взять с земли в положение «на грудь»,

подходит задняя шеренга. Во время этих отходов и подходов Салим по рассеянности все время оставался на месте.

Но после занятий Салим стал совершенно другим человеком. Искрой, разжегшей в нем огонь радости, было письмо. Его принес Шконда. Взвод чистил оружие в кубрике, на табуретках лежали разбросанные автоматы. Шконда давно почистил свой автомат и поставил в «козлик», а сейчас бегал с пачкой писем среди взбудораженных товарищей и требовал носа. Салим с радостью подставил свой небольшой нос, потому что он успел заметить и прочесть на конверте: Еркинбаева Айсулу.

Шконда с меньшей радостью щелкнул Салима по носу и отдал письмо. Черные глаза Салима ожили. В них засветился луч надежды, которой давно не появлялось. Айсулу не стала дожидаться письма от Салима и написала сама первой. «Мо-ло-дец, мо-ло-дец» стучало сердце Салима. Как будто она знает, что ему сейчас так трудно. Значит, думает о Салиме. Значит, Салим не ошибся в ней. Да, можно не ошибиться, если ее выбрал не он, Салим, а его сердце. Письмо было коротеньким, но каждое слово, каждое предложение в нем фантазия Салима превращала в песни и поэмы, которые бесконечно любимы его добрым и мужественным степным народом.

В конце письма было приписано: «Больше не знаю, о чем писать. Мы скучаем по тебе и ждем». Взволнованный Салим с удовлетворением отметил про себя, что Айсулу стала писать по – русски довольно грамотно. Она даже запомнила произносимые буквы в словах: здравствуйте, солнце. Правда, в письме не было слова «сердце». Правописание этих трех слов когда-то объяснял ей Салим в ее уютной комнате, в доме по улице Ауэзова.

Айсулу в письме обращалась к Салиму во множественном числе, как бы от имени себя и еще кого-то. Конечно, матери. И это понятно, все – таки они познакомились и, должно быть, подружились. Закончив чистку оружия, Салим увлек Мирона в дальний угол к окну и рассказал о письме Айсулу... Мирон долго смотрел своими пронизательными глазами на взволнованного Салима, и, как всегда, неторопливо сказал:

- Без любви нельзя. По – моему, хорошая любовь бывает только у хороших людей. По всей вероятности, так оно и есть.

После обеда первый взвод заступал в наряд на камбуз. Салим шел в первый раз. Работа там большая, с приличной нагрузкой. Сержант Троеглазов молча, никому не выдавая, даже самому Салиму, делал

ему уступки. То, что Салим неприучен к физическому труду, Троеглазов заметил еще на первых порах, но все – таки в душе почему-то симпатизировал Салиму.

Старшина взвода Иноземцев построил взвод и повел в санчасть на медосмотр. Осмотр прошел быстро. В основном, проверяли ногти и чистоту рук. Низенькая симпатичная брюнетка, о которой матросы сочиняли всевозможные анекдотические истории, связанные с ее не стопроцентным слухом, осведомилась: нет ли больных. Таковых не оказалось. По дороге на камбуз Шконда не в первый раз рассказывал случай с этой брюнеткой – врачом и с младшим сержантом Саенко «Младший Саенко:

- Вырвите больной зуб.

Она:

- Нет, подождем. Примите лекарство.

Младший в следующий раз зажался от боли, ни впритык:

- Ну, вырвите зуб!

Она:

- Хорошо. Это нетрудно.

Бац – и вместо больного здоровый выдернула. -

И в десятый раз матросы не могли удержаться от смеха. Салим недовольно одернул товарища:

- Кончай одно и то же сотый раз травить. - Иноземцев вставил и свой голос:

- Матрос Шконда, прекратите разговоры!

Дальше пошли молча. Шконда на Салима не огрызнулся. Салима во взводе побаивались и уважали: одно отделение до сих пор без командира. И все были уверены, что им назначат Салима Агзамова.

В гардеробной было шумно. Старый наряд, закончив последние работы, переодевался в свою повседневную робу. Новый – в их рабочую. Салим не думал, не гадал, что здесь встретится с Инабатом. Он не увидел, скорее почувствовал: это – земляк Инабат Еркинбаев.

Курсант Еркинбаев стоял спиной и что – то отрывисто, односложно говорил товарищам. Высокий, широкоплечий, он был в такой же матросской одежде, как и все. Только черный затылок от крепкого загара и смолисто – черных волос выделял его среди других. Как человек, идущий обернувшись назад, вдруг, почувствовав перед собой препятствие, резко поворачивает голову, так и Салим мгновенно устремил взгляд в сторону знакомого голоса:

- Инабат!

- О, земляк! И ты сюда попал?

- Так точно.

Оба рассмеялись, потому что были рады неожиданной встрече, потому что новые обстоятельства жизни переменили их взаимоотношение и оба в эту минуту подумали, ... наверное, о родине, об Айсулу, об Иртыше. Время не располагало к долгой беседе. О письме Айсулу Салим предусмотрительно умолчал. Перекинувшись несколькими общими фразами, земляки разошлись. Салим узнал, что Инабат будет учиться на оператора – пеленгаторщика, что он назначен командиром отделения и что в работе и занятиях находит спасение от скуки, которая, как в вагоне, могла сделать его первым нарушителем.

Иноземцев построил взвод, готовый к исполнению своих обязанностей и доложил старшине Демину. /Демин – заведующий матросской столовой. Человек средних лет, очень подвижный, требовательный/. Он строго осмотрел матросов и сказал:

- Ваша рота всегда отличается добросовестной работой на камбузе. Думаю, что не уроните эту марку. Кто в первый раз?

Салим поднял руку.

- Один. Хорошо, земляк. Проинструктируйте его сами. Новичка – рабочим по столовой.

- Есть!

Иноземцев с присущей ему командирской стрункой, которую он прививал сам себе и ревниво оберегал, стал распределять матросов. Двоих назначил поварятами /помощниками шеф - повара/. Шконду – кочегаром, Дергалова – дневальным, Ишантураева и Агзамова – рабочими по столовой.

- Остальные - в «плавсостав». Матрос Силаев - старший, закончил команду старшина взвода.

«Плавсоставом» в шутку матросы называли тех, кто работал на мойке посуды, потому что постоянно имели дело с водой. После распределения матросы разошлись по своим местам и принялись за привычное дело. Салим растерянно стоял в узком коридоре. К нему подошел Дергалов и как бы заметил:

- Высшее образование и собирать объедки. Незавидно, Салим Темирбекович!

Физиономия Дергалова изобразило деланное сочувствие и Салим не обиделся. Отзвуки его слов неприятно отдались в сердце и скоро

заглохли: надо же, даже узнал его отчество, чтобы напомнить лишний раз об его синем дипломе, о высшем образовании.

- Что ж? Служба... - простодушно ответил Салим не едкую реплику.

Из кухни прибежал Ишантураев и затормошил Салима за руку:

- Ты что стоишь? Пойдем принимать объект.

Рабочие по столовой побежали. Дергалов, смотря вслед за ними, ухмыльнулся: интеллигентик! Дергалова понять нелегко. На работе не утомим. За словом в карман не лезет, остроумен, имеет среднее образование. Его обязанность дневального – постоянно поддерживать чистоту в коридоре, в гардеробной, в красном уголке и во всех отсеках пищеблока, которые тянутся в коридоре со всевозможными надписями на дверях. К этому надо добавить, что целый день там ходят, топчут и работают, режут, рубят мясо, льют, переливают масло и прочее. По сути дела дневальный от приема до сдачи не должен расставаться с тряпкой: авралить, подтирать полы, вытирать пыль. Со всем этим Дергалов справляется на «пять с плюсом», как выразился старшина Демин. Но в какой – то период своей жизни /ему всего двадцать лет/ облил свои внутренности ядохимикатами: не по возрасту завистлив, и в осуществлении личных замыслов шел на хитрости...

Ишантураев и Агзамов через кухню прошли в столовую. Вот оно, знакомое помещение, которое так поразило Салима в первый день чистотой и уютом и в которое теперь ежедневно три раза с ротой ходил он принимать пищу. Ишантураев коротко разъяснил задачи Салиму, новичку в этом наряде. Мимходом ругнул прежних рабочих за то, что оставили пустые графины. Салим последнее пропустил мимо ушей. Один ряд столовой – владение Ишантураева, второй Салима. Собрали пустые и полупустые графины, под краном наполнили их водой и поставили на место. Ишантураев, не переставая, хвалил пост рабочего по столовой:

- Раз, раз... сделал свою работу и гуляй на здоровье. «Плавсостав» упирается до самой сдачи: посуды – не пересчитать...

Ужин прошел благополучно. Личный состав кушал в две смены. Рабочие разносили по столам тряпки, собирали пустые бачки, чтобы в посудомойке успели подготовить их к следующей смене. Вытирали столы и раздавали чашки, ложки матросы сами. Непредвиденные курьезы начались на следующий день. В обед после первой смены у Салима разыграла гордыня. Со всех сторон кричали: «Рабочий, тряпку.

Рабочий, воду». Когда подходил за бачками, некоторые горячие головы кричали:

- «Исчезни! Не стой над душой. Дай порубать по - человечески». А в амбразуре посудомойки выходили из себя: «Рабочий, скорей, бачки». Первая смена ушла. Салим, изнуренный морально и физически, отошел в сторонку и сел у стены прямо на пол, опустил голову. Как это непохоже на то, чему он учился и к чему готовился в жизни, отправляясь в армию. Человек, думая о далеком и близком будущем, упускает его трудные моменты и представляет только легкие и красивые, порой романтические. Погруженный в свои размышления и подавленный, Салим не заметил, как к нему подошел старшина Демин. Не подошел, а подскочил и одним рывком поставил матроса на ноги:

- Ты чего расселся? Не видишь – стол убран? Ты должен бегать.

Салим пришел в отчаяние. Терпение его лопнуло. Никто так не хватал его за грудь. Если хватал, то пробуждался в нем кандидат в мастера по боксу. Но этого допускать нельзя. Это-в армии тягчайшее преступление. Салим знал к сему соответствующие статьи, и отчаяние овладевало им до боли в висках. Он забыл о приличии, о сдержанности, о словах Шкагала и дрожью в голосе заговорил:

- Вы знаете, никто не хватал меня за грудки. Я пятнадцать лет проучился. Я – учитель. Вы пользуетесь своим положением...

Не менее раздраженный Демин перебил его:

- Здесь, в столовой, большого образования не надо. Ты служить приехал и с тобой никто нянькаться не будет. Бери тряпку и делай свое дело...

Обед кончился. Рабочие по столовой приступили к уборке. Необходимо помыть клеенки на столах с мылом и горячей водой. Сделать аврал. У входа пол из кафельных плит разного цвета: там мыть нетрудно. Зато пол во всей столовой из цемента, перемешанного с мелкими камушками, зерна которых цеплялись за тряпку и больно карябали руки.

В большие широкие окна смотрело солнце. Ослепительно яркий свет ромбом падал на столы. Салим изрядно устал, но все мылил мочалку, потом клеенку. Его раздражало даже солнце, хотя любил его веселый отсвет в помещении, любил «зайчиков», которые, случайно вырвавшись, прятались по углам. А сейчас было не до солнца и не до «зайчиков». Салим ожесточенно тер столы и оглядывался на дверь: не появится ли старшина Демин. К счастью, старшины не было.

Ишантураев не унывал. К удивлению Салима он был весел и шутил. Это злило Салима. У Ишантураева работа спорилась. Пока Салим вымыл два стола, он – четыре. Марат весело покрикивал:

- Жми, Агзамов, жми. Приедешь, расскажешь своим ученикам.

Вскоре Ишантураев закончил со столами и принялся за аврал. Салим одновременно мылил два стола и бегал как ошпаренный, перепрыгивая через скамейки. Это был его рационализаторский метод. Но и он не помог. Когда Салим закруглился со столами, Ишантураев уже вымыл полстоловой. Спина у Салима ныла. Вялость во всем теле, и всего с ног до головы прошив пот. Салим минуту присел и буквально через минуту взялся за столовую тряпку. С уборкой непростительно запоздали. В дверь уже стучались матросы – заготовщики, которые накрывали и готовили столы для очередного приема пищи.

Пришел старшина Демин. Он ходил взад – вперед, морщился:

- Это – не аврал. Развезли грязь....

Как бы там ни было, Салим и Марат в последний раз протерли пол сухой тряпкой и впустили нетерпеливых заготовщиков обеда. Здесь уже сновали рабочие следующего наряда. Ишантураев водил их по столовой и что – то говорил. Подошел к Салиму:

- Ты что, Салим, раскис?

- Я зол на все и на всех.

- И на себя тоже?

- На себя тоже.

- Это хорошо. В первый раз, конечно, трудно. Научись. В любом деле есть навыки, которые приобретаются не сразу...

Салим понимал свой недостаток. Он вполне и определенно не занимался физическим трудом, даже в стройотряде не бывал: всегда находил повод и отлынивал. Голова – не руки. Ишантураев после школы работал на стройке. К труду, как говорится, набил руки, что ему здорово помогало сейчас. Салим старался изо всех сил и на первых порах не мог уловить той разницы, которая существовало между ним и Ишантураевым:

- Ты же видел, я бегал, метался, и все равно... Потом кричал со всех сторон.

- Ты не обращай внимания. Не без этого. Ну, пошли... Кажется, все...

Ребята направились в курилку. Салим еле волок ноги. Едва дойдя до курилки, грохнулся на скамейку, как сброшенный с плеч мешок.

Закурили. Салим с наслаждением затаился. Он даже не думал и забывал о куреве за эти сутки. Мимо промелькнул, как падучая звезда, старшина Демин. Никто на него не обратил внимания. Распаленный до крайности старшина прямым ходом прошел в кабинет командира роты майора Котова.

- Товарищ майор, разрешите обратиться? Ваш этот наряд на камбузе работал отвратительно. Особенно рабочие по столовой. Пол не мыли, а мокрой тряпкой развезли грязь и оставили. В графины вода не налита.

- Ясно. Приму меры.

После этого разговора майор Котов в свою очередь вызвал к себе сержанта Троеглазова.

Не успел Салим докурить папиросу, как к нему побежал Шконда, размахивая конвертами:

- Агзамов, подставляй нос. Целых два...

Салим оживился, но не встал.

- Толик, устал, как кули. Не мучь – отдай.

Шконда сжалился над сослуживцем и, повертев письмами перед носом, отдал:

- Так уж быть... - Долг за тобой. Фестиваль – шестиваль...-

Одно письмо было от матери, второе – от сестры, которая написала отдельно по глубоким таким соображениям и пониманию, доступным только девичьему сердцу. Письма матери начинались одинаково: «Самый уважаемый мой единственный жеребеночек и свет моих очей, как живешь, как служба? За меня не беспокойся...» Как Салим понимал теперь смысл этих незамысловатых материнских слов. Читая их, он чувствовал, как поднимается в нем теплая струя ответных чувств. Мать была в курсе всех событий на международной арене, в Иране, Кубе, Ближнем Востоке и Никарагуа.

Она писала и об арабо – израильских сложных и трудных отношениях. Прочитав, это Салим подумал о смутном положении в Японии, названной ее премьер – министром «непотопляемым авианосцем» и о соседнем Китае. В письме сестры Салим с жадностью читал строки, посвященные Айсулу. Их было до обидного мало: «... жива, здорова. Учится хорошо». Прочитав оба письма, Салим пошел в кубрик. Отдал честь дневальному и шел по узкому длинному коридору с легкой душой оттого, что окончил наряд, оттого, что получил письма из далекой Родины. А в это время из кабинета комроты вышел Троеглазов. Он был весь красный: глаза

беспокойно бегали, отыскивая Агзамова. Видя, что его нет в кубрике, никому ни сказав ни слова, подошел к столу инструкций и уставов и встал лицом к ЦП /центральному проходу/. Салим, усталый, но в неплохом расположении духа переступил порог кубрика и услышал отрывистый голос сержанта:

- Агзамов.

- Я.

Салим подошел к своему командиру и принял строевую стойку.

- Вы почему плохо работали на камбузе?

- Как плохо?

- Почему оставили пустые графины?

- Когда мы принимали, они тоже стояли пустые. Мы сами наполняли их водой.

- Почему аврал плохо сделали?

При этом вопросе Салим смешался, не зная, как ответить. Сказать, что он никогда не мыл пол, что он старался, но у него не получилось. Это – не оправдание.

Троеглазов был расстроен до предела. Они в первый раз смотрели друг другу прямо в глаза. Салим впервые видел, что у сержанта они голубые, большие, глубокие и красивые. Но в эту минуту в них металась злые огоньки, как искры электросварки, и сержант неожиданно начал на «ты».

- Ты знаешь, что опозорил взвод, роту. Раньше нас в пример ставили... Идите. Мы еще поговорим...

У окна кучкой собрались ребята. Дергалов констатировал неблагоприятный факт плохого дежурства рабочих по столовой, в частности Агзамова, и поминутно оглядывался, как будто ожидал выстрела из-за угла. Салим уловил конец фразы. Дергалов своим мягким, неокрепшим голосом изрекал:

- Дармод... Привык за чужой счет жить.

Увидев приближавшегося Салима, Дергалов смолк. Ребята открыто поддерживали его. Галиборода вставил:

- Таких давить надо!

Салим не подошел к ним. Письма во время поддержали его, помогли спокойней, осмысленней пережить все напасти сегодняшнего дня. Он взял из тумбочки почтовый набор и пошел в Ленкомнату.

Он избегал встреч с сослуживцами. Избегал и Мирона, потому что ему определено было стыдно. Мирон, по своему происхождению

крестьянский сын, еще с детства занимался трудом и со всякой работой справлялся сносно. Во взводе его считали «своим парнем» и обращались запросто, даже с известным почтением «Мироныч».

Авторитет же Салима падал на глазах. В Ленкомнате первым делом он взялся за письмо Айсулу, писал напролом, забыв о всякой осторожности, о выборе слов и выражений, о пределах возможного. Получилось чуть ли не самое главное то, которое говорят порядочные люди не сразу и не в письме и не в таких ситуациях, как между Салимом и Айсулу. Не зря существует поговорка: «Утопающий хватается за соломинку». Этой соломинкой для Салима в этот трудный час службы было письмо, адресованное Айсулу. Он писал, что если в час приезда его в родной город на перроне рядом с матерью увидит Айсулу, то будет считать себя самым счастливым человеком на свете...

Время пролетело незаметно. Прозвучала команда: «Рота, строиться на вечернюю проверку».

Матросы побросали свои личные дела, а Ленкомната быстро опустела. После доклада дежурного по роте старшина Харитонов дал «вольно» и вызвал из строя Ишантураева и Агзамова. Сотни взглядов, как невидимые лучи невидимых прожекторов, скрестились на Салиме и Марате. Старшина Харитонов молча прошелся и, привычным движением правой рукой переместив фуражку на самые глаза, суровым голосом заговорил:

- Эти два матроса Ишантураев и Агзамов – разгильдяи. Они посадили пятно на всю роту.

Салим перебил старшину:

- Винават я. Ишантураев не при чем. Работал отлично. Я первый раз на камбузе – не успевал.

- Первый раз. Ну и что ж? Пойдете три раза подряд. Пять раз подряд.

- Есть.

В душе Салим твердо решил во что бы то ни стало искупить вину: завоевать дружбу товарищей и служить, как положено...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Есть просвет в тучах...

Приближался день первого смотра. Все подразделения лихорадочно готовились к этому событию. С утра до вечера на плацу раздавался дробный стук матросских ботинок: отработывали строевой шаг, отдавание чести, приемы с оружием индивидуально и в составе взвода. В классе в сотый раз повторяли положение уставов и наставлений, знание командиров части, флота, вплоть до министра обороны.

Несмотря на то, что учебный класс первого взвода считался самым освещенным: одно окно выходило на восток, два – на юг, в помещении было сумрачно. Выпал уже настоящий зимний снег, но территория части была черным – черна: каждое утро по распоряжку дня матросы убирали снег с закрепленного участка, а потом скопом вывозили на санях за забор на берег Амурского залива. За своевременным выполнением этих мероприятий следил зоркий глаз Харитонов. Солнце надолго укрылось в пушистые светло – сизые тучи. Только изредка нырнет из – под густого покрывала, ослепит сияющим ликом влюбленных в него землян и снова исчезнет. Салиму оно напоминает кокетливую девушку, которая, просыпаясь, улыбнется и снова укутается с головой, чтобы кто –нибудь случайно не взглянул на ее необыкновенную красоту.

Все статьи уставов и наставлений для Салима, конечно же, не представляют никаких трудностей. Он их знает назубок. И вот неожиданно предался грезам, что прежде считал глупостью и пороком недалеких людей.

Капитан – лейтенант Забродин нынче особенно строг: волнуется за своих питомцев. Любой вопрос, не касающийся смотра, встречает в штыки. Неприступен, как эти радиостанции, которые покоятся под брезентовыми чехлами и разжигают любопытство курсантов. Капитан Забродин с самого начала предупредил их, что к станциям подходить категорически запрещается, что нарушитель будет наказан самым строгим образом, что станции будут расчехлены тогда, когда начнется изучение материальной части. Напряженную обстановку разрядил матрос Серик Абдыкадыров, представитель далекой Киргизии. Он обладал привлекательным характером: добродушный, веселый, он никогда не таил в душе задних мыслей. Главный

недостаток его, который часто приводил в расстройство и самого Серика – слабое знание русского языка. Последнее время перед осмотром командир взвода Забродин все внимания уделял слабым курсантам, в число которых входил и Серик.

- Матрос Абдыкадыров.

- Я.

И он мгновенно вскочил с места и опустил руки по швам. Матросы разом повернули головы в сторону Абдыкадырова, предвкушая повод для смеха и шуток. Серик смотрел прямо перед собой, на капитана – лейтенанта Забродина, который, испытующе взглянув на курсанта, спокойно спросил:

- Обязанности матроса перед построением и в строю?

Коверкая слова, путаясь, Серик начал свой ответ, который требовал от него великого напряжения. Мотал головой, как лошадь, тянущая поводья, и его широкие ноздри смешно оттопыривались. Но делало ему честь то, что он обладал хорошей памятью.

- Матрос обязан без суеты занять свое место в строю. Толкать товарища, который неправильно надел форму...

Матросы смеялись во весь рот. Капитан – лейтенант Забродин улыбался, с трудом сдерживая себя, но все равно вздрагивали и тряслись его плечи с золотистыми погонами. Эффект увеличивался еще тем, что у Серика была привычка ставить ударение в конце каждого предложения, отчего речь становилась певучей, необычной. Смех смехом, но Серик себя в обиду не давал: его широкая грудь и железные кулаки были сдерживающим фактором для любителей поязвить, для надоедливых остроловов. Серик был далек от мысли с кем – то драться: он просто хватал обидчика в свои широкие могучие объятия, мял и крутил руки, пока тот не закричит: «Ой, ой, кончай... Вечно у тебя шутки не такие, как у людей».

Капитан успокоил взвод и разрешил сесть сконфуженному курсанту. Сосед, пригнувшись к столу и прячась за спины товарищей, продолжал смеяться. Серик, прямо смотря перед собой, не меняя положение головы, поймал его кисть с такой силой, что тот не своим голосом взвизгнул.

Капитан – лейтенант Забродин бросил строгий взгляд в сторону резкого и нездорового крика, и установилась тишина. Посмотрел на часы и закончил занятие словами:

- В армии вся боевая и политическая подготовка сводится к тому, чтобы не было среди личного состава нарушений воинской

дисциплины. Самыми грубейшими нарушениями считаются самовольные отлучки и пьянство. Есть специальные указания командующего: пьянство на флоте выжигать каленым железом. Зарубите это себе на носу, чтобы потом горько не раскаиваться.

Раздался голос дневального:

- Рота, сделать десятиминутный перерыв.

Иноземцев спросил разрешения у капитана – лейтенанта и скомандовал:

- Взвод встать! Смирно!...

* * *

Наступили холода. На востоке и юго – востоке тянулись нескончаемой грядой сопки, припорошенные снегом. Там, где с южных деревьев опала листва, высывались длинные усы антенн и крутились, выставив на земли мягкие и чуткие лапы, радио – пеленгаторы. А за вечнозелеными кедрами, соснами и елями и промеж сопок современной техники невесть сколько. Матросы знали негласную статистику, по которой подсчитано, что стоит только заработать в полную силу одной только боевой части, как одно островное государство может целиком оказаться под водой. Жутко и мощно!...

Приморская зима была своеобразной. Особо сильных морозов не бывает, но промозглый холод влажной атмосферы побережья быстро пробивает сукно шинели и пронизывает до костей.

С утра матросы возбужденно галдели: «Акула, акула. Поймали акулу». Оказывается, какой – то акуленок – зевака заплыл далеко к берегу Амурского залива. Его заметили ночные часовые и передали старшине Демину, у которого было излюбленное и привычное выражение: «Дайте мне двух матросов или лошадь». Он снарядил команду из пяти матросов и на катерке отправился на охоту. В Приморье рыбаки истребляли акул также целенаправленно, как в казахских степях – волков, грозу овечьих отар. Ради интереса Салим тоже направился было посмотреть морского хищника, но туша его уже была разрублена топором и около кухни отдельными серыми и толстыми кусками разложена, как мясо на рыночных полках. Говорили что акула была длиной больше метра... Салим увидел только ее острую голову и хищные зубы.

Занятия по строевой подготовке проводить по плану стало нелегко. Но плац редко пустовал. После нескольких приемов с оружием матросы невольно стали хвататься и тереть уши, нос. Нос у сержанта

Троеглазова на плацу принимал иссиня – красный цвет. Сержант проявлял завидное терпение к безжалостному и жгучему морозцу. Он дотрагивался до носа по привычке, но не тер. Чуть улыбнувшись одними движениями губ, произнес:

- А что будете делать зимой, когда настоящие морозы начнутся?

- Привыкнем.

- А сейчас неумоги...

Строй галдел на разные голоса, нетерпеливо шевелился, перебирая ногами и дергая руками.

- Форма – «шесть», - командовал сержант.

Матросы с радостью опустили уши шапок и завязали тесемки под подбородком. Положив оружие на землю и перестроившись в одну шеренгу, взвод приступил к отработке строевого шага. Сержант без устали командовал:

- Строевой шаг с разделением: делай – раз, делай – два, делай – три, делай – два... Горох.

- Строевой шаг без разделения: раз, два... раз, два... Четыре!

Результаты бесконечных тренировок стали ощутимы. Взвод в общем строю уже шагал, как один человек, только плац звенел под ботинками. Курсанты уловили единый ритм и это оказалось самым главным. В индивидуальной подготовке еще немало огрехов. Опытным глазом сержант видит недостатки, не дает передышки ни себе, ни взводу:

- Ноги поднимаете недостаточно высоко, носки не у всех оттянуты. А скоро смотр! – Подошел командир взвода капитан – лейтенант Забродин и сходу взял в свои руки бразды правления:

- Раз, два... Раз, два...

Матросы разошлись в маршировке, разогрелись и тянули ноги до боли в голени – бедренных суставах. Разнобой мало – помалу исчезал. Неслись одинаковые, мерные звуки: чак – чак, чак – чак.

- Раз, два... раз, два... Вот, вот... молодцы! Вот уже получается на... тройку.

Шконда от досады даже оглянулся. Он, как и его товарищи, ожидал другой оценки. Думал, что капитан скажет: «Получается на «пять»». Но Забродин, довольный, только щурился. Его губы произвольно раздвигались, обнажая единственный золотой зуб. Капитан – лейтенант остановил взвод и вызвал матроса Галибороду. У Галибороды нога поднималась под прямым углом. Его строевой шаг отличался красотой, приобрел твердость и четкость.

- За добросовестное отношение к строевым занятиям, объявляю благодарность!

- Служу Советскому Союзу!

- Становитесь в строй.

- Есть!

Занятия прошли на достаточно высоком уровне: все изю всех сил старались. Удовлетворенность чувствовали не только командиры, но и матросы. Перестроившись в колонну по четыре, небольшим прямоугольником, взвод направился в сторону кубрика. Навстречу шел командир роты майор Котов. Сержант негромко предупредил:

- Товарищ капитан – лейтенант, командир роты...

- Взвод, смирно! Равнение налево!

Майор Котов, наверно, был удивлен успехами первого взвода, но внешне ничем это не выдавал: на его лице не дрогнул ни один нерв. Наверно, потому так тронула его похвала:

- Благодарю за старание.

- Служим Советскому Союзу!

- Вольно!

- Вольно.

Капитан – лейтенант Забродин – на высоте. Сегодня он в первый раз проводил строевые занятия. Но радовался так, как будто это он каждый час, изю дня в день кропотливо показывал, учил, тренировал, чтобы гражданские парни, переодетые в военную форму, постепенно и упорно постигали один из нелегких видов военного искусства. Забродин – командир взвода, и он, конечно, вправе предъявлять претензии и на этот счет. Человек этот ничем не обделен природой: имеет привлекательную внешность, хитрый прыткий ум, приятный звучный голос и зоркий глаз. Единственный недостаток – сверхнеравнодушие к слабому полу, что губит порой все его достоинства. Он готов подчинить все, что есть в нем хорошего, ради удовлетворения своей неизбывной страсти. Вечно ему не хватает времени, вечно любит поручать... А когда дело воспитания воинов заходит в тупик, нажимает на власть и грубую силу. По – видимому, такой целенаправленный образ жизни привил характеру Забродина соответствующие черты – выкручиваться из любого положения, выставлять на показ все, что сделано им и не им. Обо всем этом можно было бы промолчать, если бы не знали матросы. Они знали, осуждали, восхваляли, подражали и прочее. И самое страшное то, что давно известно: плохой пример заразителен.

Забродин хитро подмигнул сержанту: «Мол, видишь, как нас заметили». И чтобы еще раз блеснуть перед командиром, крикнул: «Песню!» У матросов сегодня на редкость бодрое настроение, и они запели самую для них подходящую песню, любимую:

Не блещут медали, звезды золотые

У тебя, товарищ, на груди.

Мы пока матросы молодые,

Наша слава впереди.

Для Мирона Силаева этот день знаменателен другим событием. Его принимают в комсомол. Мирон сильно волновался. Волновался не из – за вопросов по уставу ВЛКСМ, по международным событиям. Как было с ним десять лет назад, когда впервые вступил в комсомол. Причина известная – исключение из его рядов. О том – скрыть или признаться – не могло быть и речи, потому что Мирон давно и твердо решил рассказать обо всем начистоту.

Вечером Саенко начал запись в художественную самодеятельность. Желающих оказалось мало. Тогда Саенко применил ход конем: вызывал по списку в Ленкомнату каждого матроса и лично расспрашивал, беседовал, проверял голос. Мирон перед бюро не находил себе места. Слоняясь по кубрику, без надобности заглядывал в каждый угол: в умывальню, раздевалку, в оружейную, коптерку... Мероприятие Саенко было для не го как нельзя кстати, Мирон явился в Ленкомнату и доложил:

- Товарищ младший сержант, матрос Силаев по вашему приказанию прибыл.

Саенко сидел на стуле и держал на коленях поблескивающий, отражающий электрический свет новенький аккордеон.

- Прежде всего, на чем играешь?

- На гитаре.

- Давно?

- Лет пять.

- Отлично!

Великовозрастный курсант внушал доверие, и Саенко без предварительной проверки сразу заявил:

- Будешь играть в нашем ансамбле «Синий меридиан».

Салим записался как декламатор.

... По школе каждый день строго расписан, и комсомольские мероприятия обычно проводятся вечером. В дверях показался дежурный по роте:

- Матрос Силаев – на бюро.

Сердце Мирона екнуло. Лицо его залилось красной краской. Он растерянно посмотрел на Салима. Тот незаметно пожал ему руку:

- Ну, иди.

Бюро заседало в метеоклассе, где стены заполнены картой погоды, незнакомыми таблицами, где нарисованы облака, солнце. Бюро вел сам Саенко. В классе сидели Троеглазов, инструкторы других взводов, Саенко, старший матрос Колосов, комсорги взводов и еще несколько человек. Саенко встал и ровным, строгим голосом объявил:

« Прием в ряды ВЛКСМ курсанта Силаева Мирона Андреевича». Слово предоставили Мирону. Он начал рассказывать свою биографию спокойно, немногословно:

- Родился в селе на Алтае в семье крестьянской. Отец много лет работал механизатором в колхозе. Мать была колхозницей. Поступил в школу. Окончил. В том же году поступил в Барнаульский педагогический институт, который закончил с отличием. Затем Московская аспирантура, оттуда был отчислен с правом восстановления через год с положительной характеристикой. Поехал в Казахстан на работу. Работал в сельской школе, откуда и был призван в армию.

- За что же отчислили?

Саенко округленными глазами смотрел на Силаева, не скрывая своего удивления и досады. Мирон не выдержал его взгляда, глубоко вздохнул и, приподняв свои орлиные брови, выдавил из себя:

- Был исключен из комсомола.

- Из комсомола?

Члены бюро зашевелились, перебрасываясь короткими фразами. Вопросы пока задавал один Саенко.

- Да.

- За что же?

И Мирон вкратце рассказал историю своей неудачной любви, послужившей причиной исключения из рядов ВЛКСМ.

Установилась тишина. Каждый думал, вспоминал нечто подобное из своей жизни или из жизни знакомых людей. В армии дано одно преимущество – человек добросовестной службой всегда может доказать, что он до конца наш, советский, что он в любую минуту готов отдать кровь и жизнь за свою Родину. Таким знали Мирона. Не сомневались в нем и на будущее.

- Вопросы есть?

Поднял руку Колосов.

- Разрешите, у меня есть... А апелляцию ты не подавал?

- Нет.

- А зря...

Вопросов больше не было. Бюро единогласно проголосовало за принятие Силаева в комсомол. В заключение Саенко сказал:

- Мы верим в тебя, Силаев. Надеемся, что службой оправдаешь наше доверие.

Через неделю заместитель командира отряда по комсомольской работе лейтенант Шилов вручил комсомольский билет. Мирон был вне себя от радости. Глаза сияли голубым огнем, он стал подвижнее, разговорчивее. После вручения ему комсомольского билета и сразу побежал в магазин и купил килограмм печенья, чтобы по – воинский отметить незабываемый день. В классе ребята поздравили Мирона и, перебрасываясь шутками, лезли руками в кулек за печеньем. Шконда не преминул вспомнить гражданскую жизнь:

- В честь такого дела, Мироныч, не дурно было бы пузырь раздавить.

- После армии обязательно, - поддержал эту запрещенную идею в армии «молодой» комсомолец.

Улучив момент, когда Салим оказался рядом, Мирон, будучи не в силах скрыть свое состояние, сказал:

- Ты знаешь. Я так не радовался, когда в первый раз вступал. Или уже забыл?..

Салим понимающе улыбнулся и крепко пожал руку... коридоре поднялась суета. В классе все притихли в ожидании построения. Действительно, через мгновение донеслось:

- Рота, выходи. Строиться с табуретками.

Подразделения одно за другим прибывали в спортзал.

Причина сбора – встреча с командиром учебного отряда, куда входило несколько военных школ, дважды героем Советского Союза генерал – майором Мазуренко. Рота майора Котова располагалась в колонну по шесть во всю длину спортзала. Поставив табуретки, матросы ожидали команды «сесть». Старшина Харитонов стоял в хвосте колонны и его лицо в мелких морщинках выражало отечественную заботу. Харитонов был строг, требователен, но не злопамятен. После очередной его взбучки, матросы со зла между собой крестили его разными прозвищами: «старая вешалка», «старый

пистолет». Но в душе к нему питали симпатию и в часы досуга в откровенной беседе отзывались о нем положительно: «четкий мужик», «с ним кашу варить можно». Харитонов посадил роту. Прибыла другая рота. Тут произошла непредвиденная оказия. Молодой белолицый старшина звучным тенором дал команду:

- Головные уборы снять!

Обнажились свежebritые лоснящиеся головы, и в спортзале как будто на самом деле стало светлее. Молодой старшина, любуясь уставным видом своих курсантов, с подачей следующей команды медлил. В это время чей – то дерзкий голос сидящих в зале крикнул:

- Сесть.

Рота одновременно села. Старшина растерялся. Белое чистое лицо исказилось в отчаянной гримасе:

- Рота, встать!

Из задних рядов оглянулся Галиборода и сразу отвернулся: его сердце как будто чуяло беду. Не успел прийти в себя, как услышал за спиной:

- Товарищ матрос, ваша фамилия?

- Не я крикнул.

- Товарищ матрос, ваша фамилия?

Галиборода молчал. Перечить нельзя. Сказать – опять наказание. Но команду подал не он. Как доказать! С его трясущихся губ готово было сорваться: «Да не я же, не я, не я!» В армии криком не докажешь. Кто – кто, но Галиборода это испытал на себе и крепко запомнил. Старшина нашел выход:

- Разрешите ваш военный билет.

Записав фамилию, молодой старшина приступил к исполнению своих обязанностей: посадил роту. Галиборода уткнулся в шапку. Обида разрывала грудь, душили слезы. Плакать – стыдно. А хотелось. Подошел сержант Троеглазов, со стороны наблюдавший за происшествием:

- В чем дело, Галиборода?

В голосе командира звучало участие. Галиборода поднялся:

- Не я подал команду, товарищ сержант.

Троеглазов перевел взгляд на Силаева. Мирон сидел рядом, и до сих пор у него не было возможности вступить за товарища.

- Не он, товарищ сержант, - поддержал Мирон.

Теперь Троеглазов не сомневался в правоте слов Галибороды.

- Хорошо. Не расстраивайся. Я разберусь...

Разговор прервал звонкий голос майора Котова:

- Школа, встать! Смирно!

Майор красиво, упруго приложил вытянутую руку к виску и, круто повернувшись, пошел с докладом к генерал – майору Мазуренко. С ним были начальник школы капитан первого ранга Шкагаль, замполит роты капитан третьего ранга Иванов – Смоленский, лейтенант Шилов и другие офицеры.

Генерал – майор с первого взгляда внушал беспредельное доверие и уважение. На нем – темно – синяя форма ВМФ с голубыми лампасами. На груди, как два маленькие солнца, две золотые звезды. Ниже несколько рядов орденских колодок. Его спокойное лицо с большими черными глазами и густыми подстриженными усами отличается редкой пропорцией: красиво и привлекательно. Слово ему предоставил лейтенант Шилов:

- Товарищи курсанты, у нас сегодня дорогой гость – дважды Герой Советского Союза генерал – майор Мазуренко.

Конечно, Шилов гордился своим прославленным командиром. Об этом красноречиво говорило его сияющее лицо и особенная теплота в голосе. Мазуренко встал из – за стола и крупными шагами прошел к трибуне. Оглядел выразительным взглядом молодых воинов, бросил мимолетный взгляд на баскетбольную корзину и начал свое выступление необычно:

- У меня есть небольшая поправка. Лейтенант Шилов выразился несколько неправильно, назвав меня «гостем». Я к вам пришел не в гости, а, как говорится, домой. Моя должность – командир учебного подразделения, куда входит и ваша школа.

Лейтенант растерянно заерзал, чувствуя неловкость за свой промах. Матросы понимающе улыбались. Зал весь обратился в слух, когда генерал, не спеша, обстоятельно начал рассказ о своей жизни, о своем жизненном пути, начиная с далекого детства. Перед взором присутствующих вставали украинские хаты, жители Полтавщины с неиссякаемым запасом шуток, с ароматом пшеничных полей и фруктовых садов. Кто не любит родной край!

Когда – то за ровными хатами, крытыми соломой и камышом, у криницы гулял юный паренек – брюнет с развеселыми подругами, которые задорными голосами распевали: «Ой, дивчина, шум и гай. Кого хочешь выбирай, выбирай». Были свои синие реки, свои зеленые острова, свои тенистые рощи и густые леса, свои неповторимые «джунгли».

О себе Мазуренко говорил скупой, даже перешел к событиям Великой Отечественной войны. Больше рассказывал о товарищах, о друзьях – однополчанах. Лишь один эпизод характеризовал его, как настоящего героя. И по одной единственной детали можно было заключить, что тогда майор Мазуренко являлся грозой немецких «ассов».

... В середине войны на Балтике шли ожесточенные бои. У немцев в морской авиации славился некий Геллер, хороший спортсмен и отличный летчик. На его счету было около ста сбитых самолетов, включая и несоветские. В воздухе он был неуловим и неуязвим. Лучшие наши летчики готовились сразиться с ним и, наконец, сбить. Мазуренко тоже собирался на эту ответственную охоту. Случай перепутал все планы. И в пользу наших.

Стояла зима. Кругом лежал нетронутым пухом свежий снег. Невдалеке от аэродрома, на опушке леса, лежал разбитый самолет с фашистской свастикой на крыльях и фюзеляже. На него никто не обратил бы внимания особого, если бы не парашют... На парашюте белая этикетка с черными буквами – Геллер.

Подняли тревогу. На снегу четко вырисовывались глубокие следы, которые вели прямо в лес. Геллера подвела немецкая точность. В положенный час он на маленьком походном примусе согрел кофе. Выпил. Прикорнул. Усталость взяла верх. Геллер крепко заснул. Его захватили врасплох. До своих ему оставались считанные километры. Геллер в плену держал себя с достоинством. В штабе он заявил седовласому генералу:

- Мне все равно: хотите расстреляйте, хотите нет. Я воевал не за идею. Призвали и воевал. Дайте самолет – буду бить фашистов.

Геллер действительно не разделял фашистских идей. Он даже питал к ним известную неприязнь, отец – коммунист, по его словам, находился в гитлеровской тюрьме. Но у нас ему самолет не доверили, потому что все – таки он много сделал для гитлеровской армии, как один из лучших ее асов. На его просьбу генерал возразил:

- Вы нанесли нам значительный ущерб.
- Да. Не отказываюсь. Я и вашего Мазуренко сбил.
Генерала удивила самоуверенность пленника.

- Позвольте, Мазуренко жив, здоров. Готовится встретиться с вами в воздухе.

- Хотите, чтобы я умер с сознанием собственного поражения. Мне все равно. Но в последнем бою погиб ваш Мазуренко.

Убедить немца оказалось нелегкой задачей. Генерал не выдержал. Улыбнулся. Снял трубку и попросил пригласить к нему майора Мазуренко. Когда в дверях показался живой Мазуренко, Геллер вскочил и раскрыл рот от удивления...

В спортзале матросы слушали, тоже раскрыв рты.

Генерал – майор вытащил пакетиком сложенный платок. Распустил его и вытер широкий лоб, обрамленный копной еще черных, густых волос. Генералу давно было за пятьдесят, но он выглядел невероятно свежо, молодо, как будто и не бывал он в пекле самой разрушительной войны. Скомкав платок в широкой ладони, Мазуренко продолжал:

- Геллера не расстреляли. Отправили в одну из авиашкол в Подмоскowie. Там он до окончания войны работал инструктором, готовил молодых летчиков. После войны вернулся в ГДР¹. Сейчас он тоже генерал. Женат, имеет детей. Я с ним встречался несколько лет назад в Берлине. Мы с ним – большие друзья. В загородной вилле за чашкой кофе вспоминали этот эпизод. Геллер сохранил тот злополучный, а теперь счастливый, как он считает, примус. Подарил мне. Он сейчас хранится у меня дома, как реликвия. Как говорится, «передам своим детям, пусть вспоминают нашу боевую юность...

Из спортзала матросы выходили без суеты, молча. Только изредка какой – нибудь дотошный говорун нарушал общую тишину:

- Вот здорово! Вот это герой, я понимаю! Говорят, его бюст есть в Ленинграде на аллее героев...

В кубрике тоже не было обычного шума, разноголосого гомона. Салим стоял у окна и мысленно переживал впечатления от воспоминаний Мазуренко.

За окном шел крупными хлопьями снег, который, как стая бабочек, парил в воздухе и медленно садился на землю. Снегу навалило порядком. Пройди – и останутся ясные следы. Незаметно подошел Мирон.

- Мечтаешь?
- Угадал.
- О чем?
- О жизни.
- Предмет, стоящий внимания.

¹ГДР – Германская демократическая республика

В голосе Мирона промелькнула дружеская ирония. Мирон успел раскусить Салима: быструю восприимчивость, некоторое самолюбование, пренебрежение к физическому труду. И, как человек, приученный жизнью к анализу поступков своих и чужих, не мог не заметить сдвигов к положительной фазе в поле воззрений и характере Агзамова.

- Слушай, Мирон, почему сейчас молодежь не такая...

- Какая?

- Ну, не такая какая – то. Ищет развлечений. Хватает заграничную шелуху... разную.

- Не все.

- Я не имею в виду тебя.

- Я тоже не имею в виду тебя. Я не вижу ничего плохого в том, что молодые люди модно одеваются, носят модную прическу, любят эстрадную музыку. Но беда в том, что некоторые забывают о рамках. Доводят себя до фанатизма, истерики, экстаза...

- Вот именно, ты сказал те самые слова «истерика», «фанатизм». Я вспомнил своих друзей. Ты их знаешь. Я тоже был таким. Даже они называли меня «пижоном», а я этим гордился. Невидадь какая!

Разговор друзей прервал объявление младшего сержанта Саенко:

- Участникам концерта переодеться в форму – три: бескозырка, суконная синяя фланелька и черные брюки. Выход в подшефную школу в 18-00.

В указанное время на плацу собрались музкоманда и участники художественной самодеятельности. Снег не прекращался. Только хлопья превратились в тучу белых слепней. Музыканты, поблескивая надраенными инструментами, прыгали на месте, играли в «петухов» и выражали недовольство нерасторопными «артистами», которые тянулись один за другим. Наконец, прибежал сам Саенко, покрасневшийся, разволнованный, строгим голосом предупредил виновато озирающихся участников самодеятельности:

- Чтобы это в последний раз было. Собираетесь, как барышни.

Матросы построились в две шеренги. Старшина, руководитель духовного оркестра, сделал внушительный инструктаж:

- Держать себя культурно, как подобает матросам. По первому сигналу немедленно строится. От магазинов бежать, как черт от ладана. Если кто посмеет/старшина показал большим пальцем и мизинцем стопку/, матку выверну. Запомните! Младший сержант Саенко, ведите строй.

- Есть!

При упоминании старшины о спиртном Салима пробрала дрожь. До армии у Салима выработалась тяга к водке, как у курящих к табаку. Привычка или отравление организма? Во всяком случае если есть первое, то переход ко второму, кто знает, возможно был бы неминуем. Даже работая в пионерском лагере, где у него свободного времени было в обрез, каждую субботу и воскресенье находил случай и возможность употребить сорокаградусный напиток или разбавленный спирт со своими новоявленными друзьями. Салим взглянул на Мирона, лицо которого хранило спокойствие и невозмутимость, как будто он говорил: «Я не думаю пить». Салима удерживала обстановка жизни. Постепенно он пересилил себя и поборол отчаянную мысль о запретном напитке. Выстроившись в два ряда, матросы чеканили шаг. Около школы веселые и нарядные старшеклассники встречали гостей.

- Девочки, смотрите, к нам морячки идут.

- И все симпатичные.

- Здравствуйте!

- Гуд ивнинг, дия френд.

Озадаченный бесцеремонным поведением дерзких девчонок, старшина недовольно буркнул:

- Здоровеньки булы!

- Матросы по команде «разойдись» вышли из строя и затопали, сбивая пыль, захлопали по штанинам, застучали инструментами.

Несколько сконфуженные беспардонным ответом старшины, девочки потупились. Положение исправил Мирон. Проходя мимо, с чисто лондонским акцентом он проговорил:

- How do you do! We are very glad to see you, dear girls. I

Школьницы вытаращили глаза. Переглянулись. Залились непосредственным смехом и побежали прочь, радостные, удивленные и, казалось, безотчетно счастливые.

Время рассчитано точно. Матросы пришли к концу торжественной части расположились в одном из классов второго этажа и приготовились дать импровизированный концерт. Программа обширная: вступают матросы, школьники, учителя, бывшие выпускники. Кстати, сегодня традиционный вечер встречи с выпускниками школы.

Салим вытащил гюйст, аккуратно заправленный на плечо под суконку, одел. Посмотрел в зеркало. Улыбнулся. Стройный,

подтянутый, он выглядел настоящим моряком. Недоставало только шевелюры. Вынул из внутреннего кармана вузовский ромбик. Повертел, подумал и обратился к Саенко:

- Как вы думаете, прицепить значок?
- Конечно, прицепите.
- Да неудобно как – то.
- Что тут неудобного. Заслужил – носи. Неудобно штаны через

голову одевать.

Салим искренне рассмеялся. Ах, как давно так не смеялся! Обстановка класса, знакомая суэта благотворно действовали на его настроение, и он на время забыл о превратностях жизни, о трудностях службы, о привычке к новому положению. Саенко тут же осведомил его:

- Концерт будете вести вы.
- Я ... - протянул изумленный Салим. - Да я же не подготовлен.
- Ничего, зато у вас опыт есть. Держите себя просто, естественно, и все пойдет, как по маслу.

Перед концертом матросы разбрелись по школе. Салим пошел один по длинному, безлюдному коридору, предаваясь воспоминаниям о далекой родной школе, об отроческих годах. На стенах – знакомые картины «Обсуждение двойки», «Молодогвардейцы слушают Москву», «Прием в комсомол». Из дальнего класса вышли две девушки. Они весело смеялись и, проходя мимо Салима, одна из них задорно бросила:

- Привет, colega!

Салим оглянулся. Промолчал. Растерялся. Прежде побежал бы, схватил руку:

- Адью, кошечка! Мое вам почтение. Как вас звать?

Теперь как будто заключен в какие-то незримые рамки, обладающие сдерживающей силой. Но на душе стало веселее. Он бодро и быстро шагал и сочинял краткое вступительное слово.

Выпускники, старые и молодые, вышли на перерыв, а Салим отчаянно искал глазами тех девушек, мимолетно знакомых, девушек – коллег. Но увы! Растворились в шумной веселой толпе.

Закулисная суэта сразу охватила Салима. Там участники концерта на ходу репетировались. Причесывались. Обнимались. Шутили. Смеялись. За закрытым занавесом уже раздавались аплодисменты нетерпеливых зрителей. Мирон, поставив левую ногу на рейку стула, настраивал гитару. На него поминутно метала косые

взгляды – молнии русоволосая девушка, которая была среди тех встречавших их у ворот. Салим ее запомнил по длинным золотистым косам. Видно, и она запомнила Мирона по английской реплике, но тот, озабоченный и захваченный закулисной суматохой, ее не замечал. На этот раз Салим не растерялся, подошел к ней.

- Извините. Вы тоже участвуете в концерте?

В руках Салима была программа

- Да. Вы конферансье?

- Что – то в этом роде.

- Скажите, пожалуйста, какой мой номер?

- А как ваша фамилия?

- Котова.

- Так,.. так, Котова Лена.

- Да, да

- Пятый. Хачатурян «Вальс».

- Страшно волнуюсь.

- Все будет нормально. Не беспокойтесь.

Мирон, закончив настройку своего инструмента, проходил мимо. Салим остановил его за руку.

- Мирон, твой любимый вальс играет, -

моментаально сочинил Салим, легким кивком головы указывая на девушку.

- Какой вальс?

- Прежде познакомься.

Мирон машинально протянул свою широкую ладонь, где утонула точенная белоснежная кисть незнакомой юной пианистки.

- Лена.

- Мирон.

Школьница засмушалась и опустила на мгновение большие голубые глаза, и ее розовые щечки стали красными. Наступило неловкое молчание, нарушить которое поспешили оба друга разом.

- Ты спрашиваешь, какой вальс?

- Да, чье произведение?

- Хачатуряна.

- К драме Лермонтова «Маскарад»? Это – вещь!

Как там говорит Арбенин? «Какой чудный вальс!» Музыка здорово соответствует.

Салим не знал, что говорит Арбенин, потому что не был знаком с драмой, потому что пьесы он вообще не читал. Тем не менее страстно поддержал Мирона.

- Вот, вот. И эту вещь ты услышишь в исполнении Лены Котовой.

- Определенно провалю. Не возносите слишком.

Неловкость прошла и Лена чувствовала себя проще в кругу неугомонных матросов. Внезапно появился замполит Иванов – Смоленский и подтолкнул Агзамова:

- Начинай. Держи себя легко. Побольше улыбайся. С богом!

Концерт прошел лучше, чем ожидали. Зрители, не удовлетворившись программой, просили продолжить, заказывали песни, выступали сами. Мирону особенно понравился номер Лены Котовой. Она не провалила. Она исполнила, по мнению Мирона, блестящее, эффектно. Ее вызывали, но она отказалась, потому что репертуар ее еще слишком мал. Убежала, скрывая свое излишнее волнение...

Музыканты сыграли три танца и старшина подал команду:

- Собираться.

Матросы не успели освоиться, некоторые не успели даже станцевать. Но делать нечего, потому что причиной раннего сбора был строевой смотр, который начнется завтра в 9.00.

Салим был в настроении от того, что хорошо прошел концерт, от того, что в голове теснились радужные мысли о будущем. При выходе из ворот Салим взял за руку Мирона:

- Ну как Лена?

- Не такая, как другие по – моему. Про таких, по – моему, и говорят, как русская березка... Искренне признаться, таково от нее мое первое впечатление... -Великовозрастный матрос Мирон заметно волновался. Салим, довольный, улыбался во весь рот. В темноте Мирон не видел выражение его лица. Шли молча. Черствое, казалось, окаменевшее сердце Мирона сегодня неожиданно потеплело и виной тому было это полувоздушное существо с невидимыми крыльями и золотистыми косами, парящее со своей музыкой, словно бабочка. Пусть даже никогда не встретится Лена, но мысль, что есть на свете чистые, незапятнанные создания, достойные высших земных и неземных благ, окрыляла Мирона и вселяла веру в жизнь и любовь. А над его головой распростерся темный купол неба, испещренный мириадами звезд, вечных свидетельниц страданий и мук, счастья и

любви человечества. И он, этот человек в матросской форме, пройдя через испытания жизни, нес в груди надежду на право любить и быть любимым...

Долгожданный день наступил. С самого подъема всполошилась вся школа. Матросы с вечера переоделись в форму «три». Почистились, подраили пуговицы, побрились. Ждали построения. В 8.00 старшина Харитонов с особым подъемом скомандовал:

- Рота, по взводам в две шеренги становись!

Доложил капитану третьего ранга Иванову – Смоленскому. Замполит произнес краткую речь об ответственности предстоящей церемонии, о необходимости мобилизовать все силы и умение.

На аллее среди голых ветвей деревьев показался командир роты майор Котов.

- Рота, равняйся! Смирно! Равнение налево.

Капитан – лейтенант Иванов – Смоленский доложил майору Котову. Майор, не отпуская руку от виска, прошел вдоль строя подтянутых, стройных, с автоматами наперевес матросов, которые сопровождали его поворотом головы. Внешний осмотр его удовлетворил, остальное покажет предстоящий смотр.

- Здравствуйте, товарищи курсанты!

- Здрав... желаем, тов...рищ майор!

Котов посмотрел на часы, сделал несколько шагов назад, и в тишину врезался и полетел на высоких нотах, торпедируя морской воздух, звучный баритон:

- Рота, направо! Шагом марш!

Подразделение майора Котова заняло свое место на центральном плацу перед фасадом здания школы. По команде «вольно» все, ослабив одну ногу, ждали начальника. Вдруг строй всколыхнулся, как будто учащенно запульсировала кровь в едином организме. У дверей штаба шли командиры во главе с капитаном первого ранга Шкагалем. Майор Котов /на общешкольных построениях всегда поручали командовать ему/ набрал полную грудь воздуха, и, слегка приподняв подбородок, как всегда звонкогласно подал команду: «Школа, смирно! Равнение на середину!»

Оркестр заиграл марш. В такт под удары барабана майор Котов печатал шаги. Оркестр тоже играл на славу. Вибрирующие звуки первой трубы придавали красоте и торжественности всей музыке. Среди множества мыслей в эту минуту у застывших матросов была, вероятно, и такая: «Раданяк дает!» Раданяк – это отличный первый

трубач, но из – за пьянства вечно сидит на гауптвахте, и его выпускают только играть в оркестре по торжественным случаям.

Кап – один шел вдоль строя, тщательно маскируя в морщинках у глаз готовую вырваться улыбку. В этой полной тишине необходимого военного церемониала Салим вспомнил благожелательные наставления Шкагаль в штабном вагоне эшелона призывников. Это он говорил о синем меридиане, проходящем через матросское сердце. И на мгновенье Салиму показалось, что их взгляды встретились и Шкагаль, узнав его, по – отечески улыбнулся. Он, сын латышского стрелка, уже сам – старый служака, опытный педагог, по – отечески заботливый человек. Начиная от матросов – курсантов и кончая сержантами постоянного состава, все звали его между собой «батей». В это партизанское слово они по – своему вкладывали предельное уважение, преклонение и любовь. Обойдя все взводы и роты, Шкагаль приложил правую ладонь к козырьку фуражки и громко приветствовал. Казалось, бетон затрещит под ногами, когда матросы единым духом гаркнули:

- Здравия желаем, товарищ капитан первого ранга!

После общего построения взвода разошлись для индивидуальной проверки личного состава. Взвод капитана – лейтенанта Забродина направили в спортзал. Строгость Забродина как рукой сняло: бегал, лебезил перед комиссией, улыбался перед курсантами: мол, не подведите. Тактику переменял совершенно: от угроз перешел к уговариванию. Внешнее хладнокровье сохранял сержант Троеглазов. Он собран, подтянут по – особенному, как никогда. Ведь сегодня по сути дела получает оценку за свой труд, и его волнение выдают только нахмуренные и сжатые губы, из – под которых отрывисто вылетают слова команды.

Комиссия из трех офицеров села за небольшой стол, накрытый красным сукном. Разложили бумаги. В противоположной стороне в две шеренги построили взвод, приступили к осмотру внешнего вида. Нашли несколько недостатков: клеймение суконки у Ишантураева не с той стороны, у Шконды – ногти на ногах, у Иноземцева была слишком низкая подстрижка волос /во взводе он один носил прическу/.

Самое главное – строевая подготовка. Матросы волновались жутко, стояли тихо и смиренно, не шелохнувшись, как во время игры «замри – отомри». Задача – пройти правильным строевым шагом. По пути отдать честь Иноземцеву и доложить сержанту о прибытии.

Приемы с оружием на месте и повороты в движении. На смотре вопреки ожиданиям были совершены непредвиденные ляпсусы. Дергалов при отдании чести не отпустил во время руку и дальше пошел, одновременно выкидывая левую руку и левую ногу, правую руку и правую ногу. Галиборода перестарался и ноги его двигались, как костыли, напряженно, неестественно и некрасиво. Силаев непростительно медленно выполнил приемы с оружием. А Шконда в движении умудрился отдать честь левой рукой. Правда, сразу, сходу поправился. Но комиссия это заметила. У Агзамова отсутствовала четкость, при повороте получилась длительная остановка. Салим получил тройку. Он уже постепенно привыкал к мысли – быть, как все, а не впереди, не выставляя себя, поэтому не огорчился. Общий смех вызвал Абдыкадыров. При поворотах в движении сержант Троеглазов задержался с командой. Впереди была стена. Идти дальше некуда. Серик без положенной команды, не дождавшись ее, самостоятельно повернул кругом и продолжал движение, как ни в чем не бывало. Он даже не обратил никакого внимания на смех, сосредоточенно, старательно продолжая свои действия, доводил дело до конца. Ходил он сносно. Пожалуй, лучше всех во взводе. Своей добросовестностью он вызвал симпатию у всех присутствующих: и у матросов, и у офицеров. Получил твердую четверку. Троек во взводе – уйма, но, к удивлению, ни сержант, ни капитан не высказали своего неудовольствия. Наоборот, облегченно вздыхали и спокойно перекидывались словами.

Первый осмотр прошел хорошо. Через несколько дней приняли присягу, что вконец утвердило в молодых матросах чувство воина и защитника своей великой Родины...

Зимний погожий день. На Дальнем Востоке климат своеобразный. Иной день даже в декабре нельзя назвать зимним, потому что внезапно может пригреть солнце, снег становится талым с черными подтеками на земле, как будто разлили бензин. В такие дни матросы после занятий бегут на спортплощадку к снарядам: крутятся, вертятся, подтягиваются, прыгают. Сегодня там нет только представителей первого взвода. Они заступают в наряд по несению караульной службы. Позади – курс молодого матроса, первый осмотр, принятие присяги, тренировки в караульном городке, стрельбы.

Матросы по два, по три человека разбиты на все посты. Два – разводящие. Разводящий № 1 – старший матрос Иноземцев и

разводящий №2 – старший матрос Силаев, которому накануне, как командиру отделения, присвоено первое воинское звание. В строю нет матроса Агзамова. Он направлен в камбуз с другим взводом, расплачиваться за прошлые огрехи в камбузном наряде.

В дверях штаба показался капитан – лейтенант Забродин. На нем – португепя. Револьвер на боку. На рукаве – красная повязка. Начальник караула сержант Троеглазов подал команду «Смирно!» и пошел докладывать заступающему дежурному по части. Капитан Забродин поздоровался, проверил внешний вид, знание уставов, особых обязанностей часового. Предупредил:

- Товарищи курсанты, еще раз напоминаю, со всей серьезностью отнеситесь к несению караульной службы. Не забывайте, что вы выполняете боевую задачу.

Строгие лица воинов, безупречное знание своих обязанностей, подтянутый внешний вид: черные шинели, схваченные широкими ремнями с медной, до блеска начищенной бляхой с якорями, черные брюки со стрелками: «осторожно – не обрежься» - все говорило за то, что эти молодцы ни одной подозрительной души не подпустят к охраняемому объекту. Но вышло не так, как предполагалось и как должно быть.

Темная чаша небо со множеством сверкающих звезд не предвещала осадков. Чутко дремали сопки Амурского залива с гребешками сосен, елей, пихты. Где – то там, за высокими, грозно громахающими и бьющими со всего разбега о скалы, разлетаясь на тысячи осколков – брызги, волнами, находится остров Дальний, где обучаются вот также будущие моряки – подводники. У них – то служба потруднее и посуровой, чем у курсантов – связистов... Ночь выдалась сравнительно теплая. С наступлением темноты стали отчетливо вырисовываться на прибрежных сопках остроконечные вершины высоких вековых кедров на фоне звездного неба. Территория гаража была освещена двумя лампочками на столбах. Первую смену провел Шконда бодро. На второй – заскучал. Время было уже полночь, и оно тянулось очень медленно. Неумная натура искала занятий. К великой радости Шконды попался на глаза заблудившийся кот. Осторожно, на цыпочках Шконда приближался к незваному гостю: кыс, кыс, кыс... Поймал. Нашел веревку, привязал кота и стал обучать его строевой подготовке:

- Шагом марш, раз, два, раз, два. Запевай. Фестиваль – шествие. Насмерть перепуганный кот ложился на живот, боясь шевельнуться.

Но Шконду это не устраивало, и он не унимался:

- Бегом марш... Разгиляй...

Кот, немного отбежав, снова лег на живот.

- С места с песней...

За этим занятием застала Шконду смена караула во главе с сержантом Троеглазовым.

- Часовой!

Окрик начальника караула подействовал на Шконду, как электрический ток. Встрепенулся и тотчас крикнул: «Я» вместо «Стой! Кто идет!»...

- Что вы делаете на посту?

- Вот... кота на прогулку вывел.

- Снимаю с поста. Завтра доложите командиру взвода.

- Есть.

С подъемом весть о необычном ЧП облетела всю роту. Матросы со смехом, не стесняясь в дополнительных деталях, рассказывали друг другу историю часового Шконды с его ночным злополучным посетителем. Капитан – лейтенант Забродин лютовал. Дело приняло серьезный оборот. Шконда молча ждал самого сурового наказания.

Состояние дел на камбузе у Салима было диаметрально противоположным по сравнению со Шкондой. За последнее время Салим там перебивал на всех должностях, за исключением повара. Два «поваренка» с каждого взвода назначались постоянно. Они знали свое дело, не боялись ответственности и с наступлением своего взвода в наряд, не мешкая, принимались за свои функции. В этот раз Салим был дневальным. Приловчился работать быстро, в определенном порядке. Первым делом до завтрака вымыл коридор, узкий, длинный, как в кубрике. Потом взялся за красный уголок, гардеробную и всевозможные отсеки и отделения. Разгибал спину только на перекур и на прием пищи. Если выкраивал свободное время, то шел в посудомойку помогать «плавсоставу». Придумал одну хитрость – всегда держать наготове тряпки – одну половую, другую для пыли. Стоит появиться незваной гостье – грязи, как Салим слету выводит ее, и снова чистота, как будто ничего и не бывало.

Неожиданно приехал генерал – майор Мазуренко. Перед обедом в сопровождении командиров посетил столовую. Накинув белый халат, который был ему выше колен, Мазуренко спокойно прошел по коридору на кухню и дальше в общую столовую. Матросский пищеблок произвел на него неотразимое впечатление. От его внимательного взгляда не ускользнул и сияющий медный краник, который с утра продавил Салим асидолом.

Старшина Демин по приказанию Мазуренко построил камбузный наряд в коридоре. Генерал – лейтенант с нескрываемым удовольствием и любовью смотрел на молодцевато вскинутые подбородки, по – юношески задорные глаза. В них нравилось ему трудолюбие и ответственность за порученное дело. Осторожно, как бы не желая вспугнуть застывшее молодцеватое выражение на матросских лицах, генерал преподнес руку к широкому и светлому лбу и громко произнес:

- За добросовестную службу камбузному наряду объявляю благодарность!

Матросы ответили, как положено, слаженным хором...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В матросском строю

Как быстро летит время в учебном отряде. Подъем – отбой, подъем – отбой. Дни летят, как секундные стрелки часов. Вот уже март! Но месяцы идут медленно. Еще только март! Прошло лишь полгода службы, а, кажется, прошла целая вечность с тех пор, как они прибыли в армию. Многие гражданские манеры и привычки забыты. Не верится! Как будто так и родились матросами. Конечно же, об этом говорили и офицеры в кабинете командира роты. В кабинете накурено. Сизый дым крутится, приходя в хаотическое движение под ослепительными горячими лучами весеннего солнца.

За окном – чистая, ровная, утрамбованная территория. Хотя идет лишь первый месяц весны, там нет ни снега, ни слякоти, ни лужи, тем более мусора.

Капитан третьего ранга Иванов – Смоленский, пересчитывая план комсомольско – молодежного лектория, не удержался от восторга:

- Какой молодец все – таки этот Агзамов. За два месяца подготовил две лекции.

- У него высшее образование, - не вполне поддерживая похвалу замполита, возражающим тоном произнес майор Котов. – Однако, мне кажется, что он очень самолюбив и горд.

- Был, - заступился Иванов – Смоленский. – Был поначалу. Сейчас и на камбузе справляется, и караульную службу несет прилично.

- Так – то оно так. Так и должно быть. Мне бросился в глаза один штрих. Когда Агзамов производит уборку, слишком морщится. А другой напевает шутками перебрасывается... Я не уверен, что Агзамов до армии не бросал окурки мимо урны, где попало...

- У него незапятнанное прошлое, - вступился в разговор капитан – лейтенант Забродин, выпуская кольца дыма, которые, попав в затейливый водоворот под лучами солнца, постепенно растворялись. – Учился в институте, работал в пионерском лагере, в школе, пользовался авторитетом и уважением. Пионеры постоянно пишут ему письма. А вот старший матрос Силаев – другое дело.

При упоминании имени Силаева Котов насторожился, замолчал, осекся. А глаза капитана Иванова – Смоленского загорелись искренним уважением к названному матросу и он своим чистым, непрокурным голосом начал:

- Мирон Силаев – человек исключительно эрудированный. Филолог по специальности, он в точных науках разбирается не хуже инженера. И добился этого самостоятельно. Старший матрос Силаев готовит лекцию: «Использование достижений кибернетики в военном деле». Послушайте. Интересно. И вообще советую всем офицерам присутствовать на этих лекциях. Сейчас вот – выступление матроса Агзамова «Эстетическое восприятие живописи».

Вопросы очередной планерки исчерпаны. Иванов – Смоленский обратился к командиру:

- Товарищ майор, разрешите нам выйти.

Майор Котов утвердительно кивнул головой и остановил взгляд на Забродине.

- Капитан – лейтенант Забродин, прошу вас остаться.

- Есть.

- Когда все офицеры удалились и в кабинете остались только вдвоём, Котов вышел из – за стола, прошелся, не зная, с чего начать.

Потом поморщил широкий лоб и заговорил по – дружески просто, напрямик:

- Слушай, капитан, что за парень этот Мирон.

Забродин удивленно наклонил голову, не понимая, для чего понадобился командиру роты его матрос. Хвалить или не хвалить. Командиру взвода показалось, что дело пахнет недобрым и он решил поддержать как – то майора:

- До армии был исключен из комсомола.

- Я это знаю, - недовольно прервал собеседника Котов.

Теперь нелегкая дилемма разрешилась, и Забродин с жаром стал разрисовывать достоинства матроса Силаева.

- Выдержанный. Скромный. Очень эрудированный, как отмечал здесь товарищ капитан третьего ранга. Пользуется уважением среди товарищей.

Котову не терпелось спросить про самое главное. И в то же время не хотелось вызывать подозрений в свой адрес со стороны капитана и он сказал:

- Рассказывайте с самого первого дня его пребывания. Как он вел себя? Как воспринял воинские порядки? Какие взгляды у него?

А самое главное, чего не рискнул майор спросить, было отношение Силаева к женщинам вообще, к вопросам любви, в частности.

Дело в том, что Лена Котова – старшая и любимая дочь майора Котова. И от зоркого командирского и отцовского глаза не ускользнул тот факт, что между Мироном и Леной зарождалось нечто серьезное. И эта мысль не давала покоя Котову: нужна осторожность и большой такт. Ах, эти «битые» и их разнузданное поведение! Это они являются причиной крайнего раздражения и недоверия Котова. Кто знает, что за птица этот гитарист – виртуоз Мирон. За Леночку он уверен. Воспитывал сам. Очень способная. С первого класса ходит в музыкальную школу. Чистая, светлая, юная душа! Нынче – в десятом классе. Ничего странного нет, если даже... Вот именно! Но все – таки!... Об этом невольно думал майор, когда и кандидатов отбирал в свою роту. Он нарочно холодно обходился на первых порах с Салимом Агзамовым. Высшее образование, цепкий, восточный взгляд! Кто знает!.. Но никогда не предполагал, что претендентом окажется хмурый, молчаливый Силаев. А ведь что – то чуяло отцовское сердце. Раньше у него не было курсантов с высшим образованием.

Пока Забродин старательно выкладывал все данные о матросе Силаеве, в кубрике шла лекция Агзамова. Майор Котов и капитан Забродин осторожно вошли в кубрик и бесшумно сели сбоку.

- Атамана Сирко Репин писал с популярного в свое время генерала Драгомирова. Сирко отличался исключительной храбростью, силой и находчивостью, пользовался большой любовью казачества. В период предводительства атамана Сирко казачество достигла наибольшего расцвета. И вот тогда было написано историческое письмо турецкому султану Махмуду, - Салим говорил страстно, захлебываясь, как будто слова сами текли беспрепятственно из неиссякаемого языкового резервуара. Чувствовалось, что человек истосковался по любимому предмету и Салим умело, без лишних движений обращался к репродукциям с картин, к вырезкам из журнала «Огонек». И рассказывал, рассказывал... Не зря говорят, человек красив в работе. Без преувеличения, Салим выглядел сейчас красавцем. Румянец пылал на его разгоряченных щеках. На лбу выступили бисеринки пота... Короткие смолисто – черные волосы аккуратно зачесаны назад. Майор Котов смотрел на него с явной симпатией. Переглянулся с капитаном третьего ранга Ивановым – Смоленским: отлично читает!

Публика здесь не отборная, какая приходит в лекционный зал самостоятельно, по собственному желанию, прочитав афишу. Поэтому Салим волнуется, читает лекцию торопливо, сыплет датами, редкими и интересными фактами, как из автомата. Не дает опомниться по – своему щепетильной матросской аудитории. Вся лекция идет одним темпом, и лектор, не сбавляя этого темпа, внезапно заканчивает шуткой:

- Благодарю за внимание. Концерт окончен.

Лекцию, кажется, поняли. Цель достигнута. Гул. Аплодисменты. Салима окружают любители живописи. Подходит сам майор Котов и от души трясет ему руку:

- Жаль. Не слушал с самого начала. Вы доставили редкое удовольствие.

Из тесного кольца вытягивает друга Мирон, тащит куда – то в дальний угол, к окну, охотно и порывисто подает руку:

- Ну, ты дал, старик. Держи пятерку.

Салим вытирает лоб рукавом, и, отдышавшись, констатирует снова аксному, которая с недавних пор ему стало привычкой.

- Да, какие мы были дураки на гражданке. Теперь только понимаешь цену...

Вынимает из нагрудного кармана записную книжку:

- Вот мой личный кодекс:

1. Гуманизм. Человек человеку друг, товарищ, брат.
2. Быть компетентным в вопросах техники.
3. Разговаривать на одном из иностранных языков.
4. Верить в любовь.

Мирон отвел взгляд в сторону и, подняв брови – крылья, по – особенному тепло улыбнулся:

- Ты видел, тебя сам командир роты поздравил?

- Твой тесть?

- Не загибай. Я с ней только два раза танцевал на вечере двадцать третьего февраля¹. Больше не видел

- Испытание любви.

- Может быть. Может, я ее просто выдумал. Салим, я в общем – то равнодушен к стихам. Но никогда сам не писал. Во всяком случае не получалось. Одичал, наверно. Сколько месяцев живем на изолированной территории. Удивительно! И я написал четыре строки, четверостишие.

- Не секрет?

- Скажешь... Слушай:

Ты как будто березка России,

Ты как будто такая струна,

Что все делает как – то красивей,

Взбудоражив нам душу до дна.

Салим восторженно отнесся к нескрываемому восторгу и хлопнул Мирона по спине, лихорадочно дергая его.

- Здорово! Клянусь! Продолжай.

- Говорят тебе, четверостишье. Больше нет.

- Но ты же – поэт. Ты можешь выдать хоть стостишие...

- Шалишь, старик. Нет и нет, я не поэт. Это случайно получилось.

- Надо передать Лене. Тогда она это написала, это ее стихи.

- Согласен. Но через кого? Увольнения, сам знаешь, начнутся с первого мая.

- Через Котова.

- Шалишь.

¹День Советской Армии.

Салим улыбнулся, сглаживая свою неуместную шутку, и по – братски, от избытка суровой армейской радости похлопал Мирона по спине и сказал:

- Терпение. Знаю, нелегко. Но выхода нет. Занимайся своей машиной. Кстати, на какой стадии сейчас?

- Критической.

- То есть?

- Спор идет. Мне хочется использовать полупроводниковые усилители. Габарит уменьшается. Старшина Хотимцев против. Не знаю. Может, он прав. Идем – ка в аудиторию...

Друзья направились в учебный класс. По дороге встретился капитан – лейтенант Забродин. Пожал руку Салиму, поздравляя с интересно прочитанной лекцией:

- Сенсация! Только не зазнаваться!

- Есть.

В классе развешаны принципиальные схемы радиостанций. Мат – часть расчехлена. Стоят вдоль стен ровно, как в строю, современные приводные станции различных марок. Снуют матросы с указками, с конспектами в руках. Мирон подвел Агзамова к доске и одним махом начертил узкий прямоугольник:

- Допустим, это – полупроводник. Имеет два выхода – эмитер и коллектор. Основание, как известно, называется базой. Они соответствуют катоду, аноду и сетке. Основные свойства полупроводника – зарождение двух токов: электронного и дырочного, - Мирон объяснял как всегда увлеченно. Он стоял, запустив левую руку в карман и расставив ноги. Это была привычка учителя Силаева. Агзамову было не до полупроводников. Он искренне признался:

- Мирон, поверь, ничего сейчас в голову не лезет. Не мучь. В следующий раз.

Силаев встряхнул мел и положил на место.

- В общем, думаем. Разрешим этот вопрос, там останется ерунда.

Подошел Шконда:

- Мироныч, подскажи. Потерял на схеме цепь диода.

Шконда в последнее время стал серьезнее, подтянулся. За караул отделался испугом. «Губу» миновал. Получил три наряда вне очереди и уже отходил все...

Салим, воспользовавшись отлучкой Мирона, вышел из класса. У него срочное дело. Ему надо встретить капитана – лейтенанта

Забродина и отпроситься на переговоры: мать вызывает. На душе у Салима, как говорится кошки скребут. Догадки, сомнения: всевозможные версии. И где – то в глубине среди них тайная мысль: узнать что – нибудь об Айсулу. Переписка с ней незаметно прервалась. Захлестнули служебные будни. Особых переживаний не было. Но сегодня легкая волна надежды овладела им вновь. Конечно, во всем виноват сам Салим. Настроил любовное послание, насыщенное высокопарными эпитетами, которые сейчас не принято говорить девушкам ни письменно, ни устно. Потом даже сам оробел, как – будто забрался на вершину Монблана, а спуститься нет ни сил, ни возможности.

Капитан – лейтенант Забродин как раз уходил домой, на ходу выслушал Салима, и недолго думая, дал разрешение:

- Хорошо. Скажи дежурному по части. Он с кем – нибудь отпустит вас.

А сам как бы между прочим, незаметно отыскал старшего матроса Колосова и отвел в сторонку. В нем он видел своего тайного соратника и единомышленника по любовным похождениям. Оба в этом отношении были неотразимы перед слабым полом. Забродин заговорческим тоном начал его наставлять:

- Ты, Колосов, пойдешь на переговоры провожатым Агзамова. Мне кажется: он непрочь этого, – командир щелкнул пальцем по стоящему воротничку. – Не запрещай. Надо подловить его.

- Понял.

- Я хочу проверить его на крепость. Уж больно заносчивый. Так и мечет осуждающие взгляды. Цыпленок!

- А как я?

- За себя не беспокойся. Ты умеешь... Подсоблю. Действуйте, товарищ старший матрос!

... По широкой шоссейной дороге идут матрос и старший матрос. Салим не сводит глаз с моря: простор без конца и края. Вдоль берегов тянется город с рыбацкими домиками, с голубыми пляжами и курортными белоснежными зданиями, которые то там, то сям выступают на уступках сопок из – за густых зарослей приморских деревьев. Перевернутые лодки и катера на бревнах свидетельствуют о том, что летняя навигация здесь не началась. Кругом тихо. Только крики беспокойных чаек, сверкающих бело – голубыми крыльями, резко врываются и нарушают общую умиротворенность вечернего дальневосточного города. Солнце висит над самыми верхушками

двух сопок, что высятся в море где – то за зыбким горизонтом, напоминая необычные айсберги. Салим четко различал и восторгался каждой деталью приморского пейзажа, как – будто в нем открылся талант живописца. Больше того, он ушел в воспоминания. В нем пробуждались детские впечатления от полузабытых романов Дюма и Майн Рида. Он первый начал разговор с молчаливым старшим матросом Колосовым, когда – то который поразил его своей строевой выправкой:

- Настоящая экзотика! Море, чайки.
- Надоели эти мартыны, - недовольно отозвался Колосов.

Разговор на этом прервался и надолго. Молоденькая девушка с модной прической возвратила Салиму вызов и строго официальным тоном осведомила:

- Ваши переговоры состоятся через час.

К крохотному окошечку прильнул Колосов и, проводя большим пальцем по горлу, притворно взмолился:

- Девушка, а если мы хорошо попросим вас. Сами знаете, люди служивые. Времени – в обрез.

Девушка взглянула на неотразимую физиономию Колосова. Мило улыбнулась.

- Хорошо. Постараюсь связаться. Ждите. Но не раньше чем через полчаса. Расстояние дальше.

На улице сухо и тепло. Скоро зазеленеют деревья, а пока стоят, разбросав голые кривые ветки. Салим посмотрел на статную фигуру Колосова и не удержался от комплимента:

- Все – таки ты -красивый парень. Смахиваешь на киноартиста.
- Может быть. Давай – ка лучше перекурим.

Агзамов, доставая пачку сигарет «Казахстан», не переставал допытываться.

- Успех, наверно, большой у девчат?
- Да... Хватает. А ты запасливый парень. Все «Казахстан» куришь.

Эти сигареты всюду славятся. Только трудно их найти. Дефицит!

- Приберег для такого случая. Сколько уже не выходил за территорию части.

- Здесь курортные места. Поэтому увольнения строго ограничены и карантин в нашей школе долго длится,- спокойно пояснил Колосов, выпуская густой клубок дыма и с наслаждением цокнув языком.

Салиму стало не по себе. Не потому, что Колосов грубо отозвался о девушках. Он сам когда – то говорил и отзывался так. А потому что

такой красавец, кому подстать быть современным Ромео, не любит и, быть может, никогда не любил...

Подошло время переговоров. В трубке еле слышно прозвучал голос матери:

- Салим? Салим? Салимжан?

- Я, я, мама, здравствуй!

- Как здоровье, сынок? Я, мама Нурзия!

- Хорошо, мама. Как ты живешь?

- Хорошо, хорошо. Пиши почаще, жеребенок мой. Когда приедешь?

- Скоро, скоро, мама. Видишь Айсулу?

- Да, да. Пиши ей тоже. Она всем нравится. Когда приедешь?

- Напишу, мама...

Последние слова донеслись как из – под земли. Связь прервалась. В трубке зазвучала какая – то музыка, которая тотчас перешла в завывание ветра. Потуги оказались напрасны. Все равно больше говорить не о чем. Главное, мать и сын услышали голос друг друга. Салим повесил трубку и в приподнятом настроении вышел из тесной кабины.

- Девушка матери понравилась, - незамедлительно поделился радостной новостью Салим. Он весь сиял, находился под впечатлением переговоров.

- Думаешь, дождетя? – не к месту задал вопрос Колосов.

- Должна. Она еще молоденькая.

Колосов промолчал, но его вид, выражение глаз с полуулыбкой говорили о том, что он не согласен с данным простодушным критерием.

- Может, выпьем, - вырвалось у провожатого.

Салим подозрительно покосился на него. У Салима были деньги, остаток от взятых еще дома на дорогу. Ему захотелось угостить Колосова. Он не был скупердям от природы. Про таких казахи в степях говорят: у него всегда ладонь раскрыта. Но сам пить – ни – ни – ни. Среди всех предосторожений и угроз Салиму запомнилось выражение сержанта Троеглазова: «Вы сейчас, как слепые котята. Сразу попадетесь». Да и сам Салим в душе был доволен, что в армии отучили от всяких спиртных напитков.

- А где можно?

- Да вот здесь рядом. На станции.

В голубом станционном буфете людно. Слева сидят несколько рабочих, изрядно выпившие. Заняты бурным разговором. Никого не видят и не слышат. Справа – группа каких – то пижонов, накрашенные девицы, обросшие, как дикари, парни. Один – с гитарой. Они вели себя шумно, самонадеянно, развязно. Салим понимал их: они воображают, что кругом серые люди, а вот представители сей пресыщенной компании лучше всех, красивее всех и умнее всех. Но это – самообман и временная слепота, которые в скором будущем непременно приведут к душевному опустошению. Это Салим тоже понимал. Он не отводит от них взгляда. Как похожа вот эта нафуфыренная красotka на его прежнюю Мэри. Даже те же иссиня – темные круги под глазами, густо намазанные пудрой. К концу какой – то фразы гитарист чмокнул ее в щечку. Она расхохоталась.

- Вот тебе и вся любовь!

Салим обернулся на голос Колосова, который возвращался с пивом, с бутылкой вина и с двумя стаканами:

- Попадется такая, и жизни рад не будешь.

Салим, увидев стаканы, отчаянно запротестовал, махая руками и головой:

- Ты что? Вина не буду.

Колоссов спокойно разливал и приводил свои доводы:

- Не трусь. В прошлом году знаешь как мы пьянствовали? Главное – уметь. Сегодня помдеж – мой дружок. Я сам доложу. А ты пойдешь спать. Давай!

Теперь Салим уже не в силах был отказаться. Выпили. Вино подействовало моментально. Сказывался долгий перерыв. Потянуло к задушевному разговору, и Салим, отпив несколько глотков пива, пролепетал:

- У какого – то поэта есть такие слова: «Лучше верить и ошибаться, чем не верить и не любить».

- А кого любить? – подхватил Колосов. – Вот у меня была любовь школьная, первая, так сказать. Мы с ней учились в одном классе, сидели за одной партой. Жили мы в районном центре, в тайге. Ходить особенно некуда. Так мы всегда вместе. К урокам готовимся, книги читаем. Мечтаем. Она мечтала стать астрономом. Новые звезды открывать. А я – летчиком и космонавтом...

После последних слов Колосов с досадой и сожалением ухмыльнулся.

- Приехал к нам однажды новый учитель. Поначалу вел физкультуру. Ничем не выделялся. А жили – то мы однообразно, скучно. И вот как – то на Новый год он и выступил на сцене... Отколол такие номера. Играл на всех инструментах: на аккордеоне, на пианино, на гитаре, на трубе, на кларнете. В общем, на всех. Оказывается, его выгнали из консерватории и он приехал к нам, в тайгу. Парень был деятельный. Организовал самодеятельность, отличный хор: разбил на три или четыре голоса. Этот хор в Красноярске занял первое место. Получили грамоты, подарки. Чуть в Москву не поехали. В Новосибирске на зональном смотре что – то не пропустили. Забыл уже из – за чего. Но хор отличный. Потом в школе сколько он сделал! Спортплощадку, спортивные секции. Учителя его недолюбливали. У него была привычка – себя выставлять: я сделал, я создал. А нам – то, ребятишкам, до этого нет дела. Привязались к нему. И девочки тоже. И вот как – то провожал он мою любовь. Обо всем этом я уже после узнал. Она сама рассказала под хмельком. Испортилась совсем баба. И вот значит, пригласил он ее к себе. Она, как и все, в нем души не чаяла. Жил – то наш учитель один, жильё холостяцкое, неудобное, беспорядок. Она прибрала в квартире, вымыла полы. Он достает бутылку коньяка, мол, после работы требуется.... Уговорил немного выпить. Потом больше. Любушка захмелела. И тут – вся любовь...

Колосов разлил остаток вина. Салим сунул ему десятирублевую, растрогался:

- Возьми еще.

На этот раз Колосов взял без очереди и тут же вернулся.

- Сейчас она пишет.

- Что толку? Пишет. Фотографию прислала, а мне смотреть тошно...

- Не расстраивайся. Тебя любая полюбит.

- Любят. Здесь одна, как кошка, втюрилась. Лиза – телеграфистка.

- А ты?

- Что я? У нее муж есть, где – то в плавании. Недавно призналась... Мы с ней на танцах познакомились. Чудачка! От меня того.... Не хочет аборта делать и вся любовь. Говорит, если ты не женишься, пусть хоть ребенок останется. Буду сама растить, воспитывать. Давай допьем. Сходим к ней. Поболтаем...

Салима распирало любопытство увидеть Лизу. Наверно, она такая же красивая, как Колосов. Как жаль, что они, Колосов и Лиза, не

встретились раньше. Но, может быть, и теперь не поздно. Может быть, Колосов все – таки любит ее. Только из – за гордости не признается.

В нижнем этаже большого пятиэтажного дома у входа висит вывеска «почта». Матросы уже заходили туда. Колосов вызвал Лизу. Вышла стройная брюнетка. Она похожа на тех, которые фотографируются в журнале мод, правильные черты лица, изящная прическа, длинная шея.

Колосов познакомил ее с Салимом. Без лишнего кокетства Лиза была прелестна. Глядя на нее, никак не вязалась мысль с тем, что говорил Колосов. Лизе не понравилось то, что ребята пришли выпившие. Она держала себя строго:

- Как вам не стыдно? Вот поймают патрули.

Колосов держался с ней спокойно, как свой человек. Он добивался встречи с ней на завтра.

- Значит договорились. Завтра встретимся там же.

- Иди, иди от тебя разит. Не вздумай завтра в таком виде прийти.

Договорились. Лиза на прощанье перевела взгляд на Салима и веселыми карими глазами сказала то, что не всегда говорит вслух: «Симпатичный парень. Вы мне понравились, как друг моего друга».

Когда вышли из почты, на улице уже заметно сгустились сумерки. На побережье, протянувшемся гигантской подковой, зажегся каскад огней. Огни отражались в воде, мигали, светились различными красками. Над тихой гладью моря откуда – то неслась музыка Чайковского. Прелестный вечер! Прелестный город! Прелестные люди! Но откуда в жизни такая путаница. Мэри – Салим – Айсулу. Надя – Мирон – Лена. Красавец Колосов, справедливо считающий себя вечным неудачником. Кто виноват? Наверно, мы сами. Если личность устоявшаяся, если в нем выработалась твердая система взглядов, характер, то нелегко ее вывести из равновесия. Если такая личность, если человек такой полюбит, то полюбит человека, который ответит ему полной мерой на его чувство. А если не, этого, то просто возьмет себя в руки и войдет в свое равновесие. Ни в коем случае не отчаиваться и не терять веру! В противном случае могут сбыться вещие слова писателя Александра Фадеева: «То, что составляет особенную прелесть юности, часто бывает причиной ее несчастий».

Колосов и Агзамов прибыли в школу затемно. Время отпуска не истекло, но тем не менее матросы были грешны: нарушили воинскую

дисциплину. Колосов, как и говорил, позвонил по телефону другу помдежу о прибытии с переговоров. Дело этим не кончилось. В роте их ждал майор Котов. Он как – будто чувствовал недоброе и решил сам лично проконтролировать добросовестность старшего матроса Колосова и матроса Агзамова. Не поверил им и не ошибся. Котов принадлежал к той категории людей, о которой говорят требователи к себе и другим. Колосов не таил своего состояния, как – будто гордился этим. А, возможно, пробрали повышенные градусы. Он прошел в правый угол к ряду ровных коек постоянного состава роты и плюхнулся на свою. К ним требования были не столь жесткие и высокие, как к курсантам, поэтому Салим не думал дотрагиваться до своей постели. Он нашел Дергалова и стал сгонять на нем свое зло, накопившееся за время совместной службы.

- Что ты за человек? Скользкий какой – то. Знаю, что ты подлец, а разоблачить не могу. Нет улик.

Дергалов был ошарашен таким обращением Салима. Но внешне хранил спокойствие. Принюхался. Нашел неожиданный выход из столь неожиданной ситуации и спокойно отпарировал:

- Ты сам подлец. Нализался, как свинья.

Салим вышел из себя. Он знал, что Дергалов на язык остер и ядовит, однако на него никогда открыто не направлял свое колкое жало. Салим сжал кулаки и процедил сквозь зубы:

- Встретился бы ты мне до армии, я бы тебе без улик своротил скулу...

Разгоряченного Салима остановил голос комсомольского секретаря Саенко:

- Агзамов – к командиру роты.

Салим тотчас оглянулся и стоял в оцепенении, как персонаж из гоголевской немой сцены. Смог только произнести:

- Он здесь?

- Да, в кабинете. Идите. Доложите прибытие.

В голове электрическим разрядом пронеслась мысль: погорел!

В то же время хмель еще вышел не совсем и он смело зашагал в кабинет майора Котова. Комроты, стоя за столом, встретил матроса Агзамова и принял доклад. Долго смотрел на него в упор и тихо спросил тоном человека, которому все известно:

- Пили?

- Да, немного.

- Причина?

Салим долго раздумывать не стал: особых оправданий нет. Врать – ни к чему и он сказал:

- Просто попало под настроение.

Майор Котов вышел из за стола. Его приятное лицо исказилось и неожиданно появились морщинки.

- Возможно, вы под настроение кому – нибудь скулу своротите?

- Никак нет.

Котов прошел за стол и сел на свое место. Какне – то секунды просидел молча в мучительном раздумье, приводя в бессмысленное круговое движение полупустую коробку спичек. Потом медленно проговорил, как – будто разговаривая сам собой:

- Всегда так. От кого не ожидаешь, то и приносит этот «сюрприз».

Вдруг быстро поднял взгляд на Салима, резко встал и голосом, не предвещающим ничего хорошего, сказал:

- Немедленно – в койку. Завтра разберемся. Идите!

- Есть.

... Собрание прошло бурно. Во взводе вскрылось много хорошего, что было в повседневных буднях. В воскресенье после завтрака где – то в десятом часу Троеглазов срочно построил взвод, скомандовал «направо», и повел прямо в класс. Вчера сержант был в увольнении и о происшествий ничего не знал. Сегодня майор вызвал его в кабинет и дал взбучку за Агзамова. Салим это понял сразу, но деваться некуда: чувство вины овладело им с головы до пят. Сник. Опустил голову. Повсюду ходил с опущенными глазами, как будто упорно искал на деревянном полу кубрика и на утрамбованной территории школы свою невольную потерянную свободу. И еще самое страшное: будут прорабатывать, как мальчишку. А оправданий нет. Сердце щемило, ныло и болело, как будто его кололи иголками. Салим готов был провалиться сквозь землю. Но этого не бывает. Троеглазов посадил взвод и, не меняя сурового выражение лица, сразу приступил к делу:

- Матрос Агзамов, встаньте...

Более или менее спокойно, но скороговоркой, как бывает с ним в минуты крайнего раздражения, сержант рассказал взводу о проступке Салима. Лица напряженные. Кое – кто безразличен, но не они задают тон в жизни взвода. Комсорг взвода приступил к исполнению своих обязанностей. Началось экстренное комсомольское собрание. Выступали по – разному. Одни горячо обсуждали. Другие старались смягчить вину Салима. В конечном итоге получалось и «за», и

«против», и осуждают, и оправдывают. Слово взял сержант Троеглазов. Он говорил с апломбом, говорил резко, рубил под корень:

- Что это получается? Поговорили, поговорили и на этом все. Матрос Агзамов совершил грубейшее нарушение. Теперь нам первого места не видать, как своих ушей. Столько трудились, трудились и под самое первое Мая все рухнуло. Оказывается, мы гнилье. Посмотришь со стороны – все хорошо, нормально, чин чинном. Чуть тронул – развалилось. Больше того, из – за одного весь взвод потерял доверие командиров. Даже я теперь не могу спокойно уйти в увольнение. Боюсь. Не верю вам. Агзамов заслуживает самого сурового наказания.

Салиму было обидно до ломоты в висках. Обидно за себя, за свою оплошность. Он никогда не думал, что подведет товарищей, что дело примет такой крутой оборот. Каяться – нет смысла. Дать обещание на будущее? Бесполезно. Проступок совершен и исправить его теперь ничем нельзя. И Салим молчал. Молчал, как каменный, молчал, как будто проглотил язык. Во рту пересохло. Теперь выступали противники Салима. Выступали с места. Кое – кто из прежних колеблющихся тоже перешли в сторону явных противников. И справедливо! Салим это понимал. В том и была вся его беда. Раньше бы махнул рукой, пререкался, отговаривался, врал... А сейчас... Сейчас он слышит всеми органами осуждающие голоса. Иногда – несколько сразу: «Строгий выговор!», «Выговор с занесением в личное дело!», «Написать письмо родителям». Встал Дергалов. От него – то нечего ожидать помилования. Но то, что он предложил, не приходило в голову и самому Салиму.

- Нечего с ним нянчиться. Здесь не детский сад. Он – хулиган и пьяница. Я знаю. Я предлагаю исключить его из комсомола.

При последних словах вскочил Мирон:

- Ни в коем случае. Все, что угодно, только не это. А я, Дергалов, знаю Агзамова больше тебя и лучше тебя.

Матросы притихли. Никто не посмел возразить Мирону. Только за последним столом Иноземцев, считавший Мирона своим соперником в делах службы и в душе питавший к нему презрение и ненависть, зашевелился. Давая всем знать, что он старшина взвода, и пользуется определенной властью, не встал и прямо с места бесцеремонно заговорил:

- Ты тоже хорош. Знаем. Ты не защищай. Ты был исключен из комсомола. Оттуда просто так не исключают.

Салим молниеносно поднял голову. Да, он виноват. Но здесь незаслуженно попирали честь его друга. Глаза Салима снова загорелись живым огнем.

- Не трогай Силаева. Я виноват. Судите меня.

Мирон насупил брови и, слегка сузив ясные и честные глаза, сказал /слова четко звучали в тишине/:

- Поэтому я больше тебя знаю, что значит быть исключенным из комсомола. А за прошлое не коли глаза. Силаев секунду – две постоял, не отводя взгляда от Иноземцева, потом добавил:

- Больше всего в жизни опасаясь таких людей, как ты. Но учти, сейчас моя совесть чиста и просто так не отступлю.

Заключительное слово взял сам инструктор взвода, сержант Троеглазов, кандидат в члены КПСС, юноша высококультурный, как говорится, кристальной чистоты, он и до армии пользовался уважением. Недавно с завода, где он работал токарем, пришел запрос. Товарищи по работе интересовались его службой. Командование написало благодарственное письмо, которое прочитали перед всей ротой. Троеглазов вынес свое веское предложение:

- Учитывая то обстоятельство, что комсомолец Агзамов до сих пор не допускал нарушений воинской дисциплины, есть предложение на сей раз ограничиться выговором. При повторении нарушения наказать по всей строгости. По строевой линии он еще получит наказание особо. – Комсорг обратился к комсомольцам:

- Других предложений нет? Голосуем.

Большинство проголосовало «за»...

Начались новые испытания в жизни матроса Агзамова. Капитан – лейтенант Забродин открыто проявлял неприязнь к Салиму. Но это было у него свое весомое основание.

В понедельник на первом же уроке без лишних слов ком. взвода поднял с места Салима:

- Агзамов встаньте.

Салим стоял, опустив голову, как пришибленный. И самое страшное в том, что на его совести не было ни капли правоты за совершенное дело. Он перевел затуманенный взгляд на окно. Там, выстроившись в ряд, стояли пирамидальные тополя. Солнечные лучи, казалось, рикошетом отлетали от их серебристой стреловидной кроны и падали прямо в окно, увеличивая обилие дневного света.

Салим прищурился. Это выражение лица застыло в нем, когда Забродин вынес свой приговор:

- Старший матрос Иноземцев.
- Я.

- Матроса Агзамова – в наряд через день. Отныне он в каждую дырку затычка. Здесь с такими никто нянчиться не будет.

Потянулись мучительно трудные дни. Но Салим старался ни одним нервом не выдать своей усталости. Безупречно нес дневальную службу. Из всех сил работал на камбузе. Ни с кем не заводил душевные беседы, даже сторонился Мирона. А Силаев понимал состояние друга, сознавая его ошибку и раскаяние. Помочь ничем не мог и выжидал время, когда пойдет на убыль душевный кризис Салима. Капитан Забродин свирепел день ото дня, как будто не замечал переживаний Агзамова, его стараний и то, что он осунулся и стал похож на мумию из коллекции египетских раскопок. От него пощады ждать нечего. Салим и не думал просить у него пощады. Мерное течение бесконечных нарядов нарушил капитан третьего ранга Иванов – Смоленский. Проходя мимо тумбочки дневального приложил руку к козырьку, повернул по привычке голову, пристально посмотрел и основательно остановил взгляд на Салиме:

- Агзамов почему вы постоянно ходите в наряд?
- Грехи замаливаю, товарищ капитан третьего ранга.
- Сколько нарядов вам объявили?
- Не знаю.
- Как так?

Замполит всерьез заинтересовался положением дел у матроса Агзамова. Он подошел вплотную к Салиму и удивленно смотрел своими голубыми глазами в зрачки дневального. Салим не мог и не любил жаловаться и на минуту замешкался: что сказать. Он и раньше уважал капитана Иванова – Смоленского и в душе называл его «солнечным человеком» за его чистоту, ум и жизнелюбие.

Мысль током пронзила Салима: он верит в меня! И вдруг чуть не вскрикнул:

- Через день. Капитан – лейтенант сказал: «Ставить в наряд через день».

Капитан третьего ранга побагровел. На его белом лице появились красные пятна, как будто свет переливался по бархатистой коже.

- Так, так, самоуправство, - выдавил из себя сквозь зубы замполит.
- Какое самоуправство! Надумал здесь устраивать свои корабельные

порядки! Вы, Агзамов, по книге нарядов подсчитайте сколько раз были в наряде. Я выясню это дело.

На следующий день после ужина замполит Иванов – Смоленский вызвал в кабинет матроса Агзамова. Перед этим он дал хорошую взбучку капитану – лейтенанту Забродину и твердо решил оказать помощь Агзамову с моральной точки зрения. А для этого как нельзя кстати подвернулась непредвиденная возможность.

Салим постучался в дверь, зашел и четко доложил о прибытии. Замполит встал с места и знаком предложил Агзамову сесть. Разговор состоялся серьезный. И замполит, раздумывая лучше с чего начать, ходил по кабинету, заложив руки за спину под прямым углом, как – то по – детски, по – мальчишески. И вдруг остановился прямо перед Агзамовым. Салим опустил голову, предчувствуя недобрый разговор. Замполит ударил правым кулаком по левой ладони и заговорил о самом главном:

- В армии есть непреклонный закон – не оставлять без наказания ни одно нарушение, ни один проступок. Без этого нельзя. Без этого не будет дисциплины. Без дисциплин – нет армии. Ты – парень грамотный. Должен это понять и крепко запомнить.

Капитан третьего ранга Иванов – Смоленский, чувствуя, что большего для этого матроса не надо и не требуется, прошел за стол, сел и как – то просто, по – домашнему зазвучала интонация его голоса:

- Вызвал я тебя по такому вопросу. Сын старшины Хотимцева долго болел и отстал в учебе. Его оставили на переэкзаменовку на осень как раз по твоему предмету. И вот старшина и я лично сам просим помочь пареньку. Как ты? Согласен?

- Конечно.

Весна в Приморье как – то быстро вступает в свои права. Снега давно нет и в помине. Развесив коричневые бутоны, как игрушки на новогодней елке, стоят вербы. На тополях, кленах прорываются почки и зародыши будущей листвы напоминает крошечных младенцев. Теплое солнце расплескало свет по всему Амурскому заливу. Синее зеркало залива с переливами волн больно светит в глаза и ослепляет. Салим идет на очередное занятие в квартиру старшины. Игорь Хотимцев - ученик 4 – го класса. На первых порах он проявлял к Салиму некое недоверие, нахохлившись, как упрямый петушок. При этом не раз говорил: «А нам учительница говорила не так», «А наша учительница делает не так». Но небольшой

педагогический опыт и выдержка воина помогли Салиму преодолеть капризы новоявленного ученика. Изюм в день своей дополнительной работой, знаниями учебного материала, требовательностью Салим сумел расположить себе Хотимцева – младшего. Да и старший стал относиться совершенно по – другому. С его языка не отходило слово “земляк”. “Земляк, посиди. Земляк, поужинай. Земляк, заплачу”. Но об оплате Салим меньше всего думал. Его даже слегка коробило упоминание о деньгах. Ему было достаточно того, что за все это время пробуждалось в нем чувство, которое ощутил он, впервые работая в пионерском лагере и в школе на педагогической практике.

... Озираясь на крикливых чаек и шуря глаза от света, Салим легко шагнул вдоль берега к Хотимцевым. Потом дорога свернула в сторону, в рощу из полуобнаженных деревьев, и пошла на подъем. Салим подпрыгнул и сорвал несколько веток вербы. Понюхал: ведь такой своеобразный букет преподносят обычно ранней весной девушкам. Ему – некому. Айсулу далеко. Где она? Почему не пишет? Да и сам забыл, забросил переписку. «Сегодня же напишу», - решил про себя Салим и вдруг остановился, пораженный удивительной красотой, что предстала перед его глазами. Он смотрел на зеленеющие деревья, на двухэтажный особняк с мезонином, с крутящимися лестницами, построенный в каком – то старинном стиле, на дом, к которому держал он свой курс. И в дополнение, как неотъемлемая деталь, неслась оттуда классическая музыка. Салим шел, не отрывая взгляда с мезонина. Совсем как по – Чехову. Музыка смолкла. На балконе появилась Лена, та самая Лена Котова, с которой матросы познакомились в подшефной школе. Салим знал, что она живет здесь, потому что вторую половину дома занимал майор Котов.

- Здравствуйте, Лена.

- Здравствуйте. Заниматься с Игорьком?

Лена уже не смущалась, как тогда на вечере. Она стояла в цветастом платье, в красном свитере и потирала руки.

- А я разучиваю «Весну» из цикла «Времена года» Чайковского. Половина есть.

Салим протянул руку, желая подать букет, что сорвал по пути. Лена залилась смехом, который рассыпался по верхушкам деревьев, как солнышко на поверхности моря.

- Не достанете.

- А вам привет от Мирона, - моментально сымпровизировал Салим.

- Спасибо. Передайте от меня тоже.

«Весну» вы к маю готовите?

- Да, к празднику.

- Надеюсь, услышим.

На прощанье Салим помахал рукой и направился в квартиру Хотимцевых.

На встречу вышла мать Игоря. Женщина средних лет, она одевалась со вкусом, следила за собой и обладала довольно развитым умом. Работая портнихой в ШМАСе, она была в курсе повседневных событий, составляющих армейские будни. Приветливая, она в этот раз улыбнулась через силу, отчего лицо как – то исказилось и мгновенно потеряло свежесть, и тут – то можно было догадаться, что ей уже два раза по двадцать. И она с огорчением обессилевшего человека вздохнула:

- А Игорь опять получил двойку.

В гостиной за столом сидел, насупившись, Игорь.

Трудно заставить себя в пятнадцать мальчишеских лет сидеть над книгами и корпеть, как проклятый, когда на улице весна, когда с деревьев капает прозрачный сок, когда над тобой пролетают косяки перелетных птиц, оглашая своим криком бездонное небо. А надо! Салим поздоровался и сразу приступил к делу с вопросом:

Задание выполнил?

- Да.

- Работу над ошибками сделал?

- Да.

Игорь нехотя пододвинул раскрытую тетрадь и сидел, не меняя позы в ожидании приговора. Салим взял красный карандаш и приступил к проверке ошибок.

Целых битых два часа просидели они за запятыми по русскому языку и литературе. Склоняли и спрягали, учили и повторяли. Салим приводил примеры из стихотворений Тютчева, Пушкина, Лермонтова, стараясь пробудить в мальчике чувство прекрасного, заронить хоть маленькое зернышко к своему родному языку и литературе. А, может быть, была это любовь у Игоря, потому что и он старался. И в Салиме прокралась уверенность, что толк будет. На прощанье матрос – наставник сказал Хотимцевой:

- Ничего. Подтянется. Только надо постоянно заниматься.

... В ротной курилке людно. Матросы рассказывают побасенки, громко смеются. В центре внимания – Шконда. За последние месяцы он не имеет нарушений и в учебе у него особых огрехов нет. О его давних проступках стали во взводе постепенно забывать. Смешно вытаращив глаза, Шконда рассказывал:

- Стоит, значит, на палубе этакий детина – моряк, вроде нашего Абдыкадырова. Боцман ему: «Сгони муху со штурвала». А тот:

- Не моя вахта

- Сгони муху со штурвала.

- Кыш, проклятая птица!

Абдыкадыров даже сам улыбнулся. Но нарочно двинулся своим могучим корпусом на Шконду. Довольный Шконда, трясаясь всем телом, отбежал.

- Ну, ну, брось эти шутки... Фестиваль – шестиваль... Уйми, Марик своего земляка, - обратился он полушутя, полусерьезно к матросу Ишантураеву. Марат подбежал сзади и запустил руки подмышкой и хотел поднять Абдыкадырова. Но тот сжал руки так, что у Ишантураева затрещала роба.

- Точно, с тобой шутки опасны. – Марат выдернул руки и отбежал в сторону.

Ишантураев вел себя как – то нейтрально. Быстро привык к воинским порядкам. О нем ничего плохого и ничего выдающегося не было слышно. Главное, он не кичился своим прославленным отцом и держал себя со всеми на общей ноге. Сослуживцы его уважали за любовь к труду и называли между собой: работяга!

Иноземцев сидел в стороне. Он не пользовался уважением у личного состава. С ним по душам никто не разговаривал. Он сам навязывался в собеседники. На этот раз его жертвой оказался Силаев. Говорил о весне, о девушках, о высоких материях. Мирон слушал нехотя, зная его черту: мгновенно менять свои воззрения и чувства. Незаметно Иноземцев перевел разговор на Салима.

- Вот Агзамов – ни рыба, ни мясо.

- Брось, Иноземцев. Он на верном пути.

- Одним словом, пижон. Таких учить надо, - не унимался Иноземцев.

По тротуару, не спеша, шел Агзамов. Его первым заметил, Абдыкадыров и, приблизившись к нему, спросил на своем родном киргизском языке:

- Как ваши дела, ага?

Абдыкадыров почитал Салима как старшего, как учителя и всегда обращался к нему на «вы» и называл почтительно «ага» - старший брат.

- «Рахмет. Жаксы» - ответил Салим, благосклонно кивая головой.

Когда он подошел к Мирону, Иноземцев, не дав ему раскрыть рот, заявил:

- Агзамов, ты завтра идешь в наряд дневальным.

- Я ж освобожден.

- Никаких освобождений.

Мирон застучался:

- И тебя и его перед соревнованием освободили от нарядов. Иноземцев недовольный встал с места и, не переводя взгляда от Салима, зло предупредил:

- Никаких освобождений. Ты забыл, что сказал командир взвода: «в каждую дырку - затычка».

Подкрепив свое решение словами капитана – лейтенанта Забродина, старшина взвода повернулся и пошел восвояси. Силаев встал, намереваясь поговорить с Иноземцевым. Салим задержал его:

- Ничего. Пускай. Я с ним поговорю на ринге. А тебе привет от Лены.

... В спортзале народу полным – полно. Здесь и курсанты с короткой прической и старослужащие с шевелюрами, претендующими на моду, и офицеры с темными морскими и белыми серебристыми пагонами. Среди военной публики бросается в глаза, как яркие цветы на лугу, стайка разгоряченных девушек. Это, в основном, дочери командиров со своими подругами.

На ринге идет бой. Два обессиленных до одури хилых боксера дотягивали последние минуты. Их длинные руки висят, как плети. Когда они через силу выбрасывают их вперед, то смешно дергаются, как заведенные куклы. Кругом шум, гвалт, смех, реплики.

- Давай. Давай, не подведи, родимый.

- Как раз два сапога – пара. Давай.

- Так, так. Промеж глаз его...

- Работай, работай. На д.б.¹ тянешь.

- На добавку каши...

¹ «добавка» по матросскому жаргону

Девушки смеялись без удержу, стыдливо озираясь, пряча лицо в воротники друг друга и вытирая глаза миниатюрными платочками с разноцветными каемками.

Следующая встреча – Иноземцев и Агзамов. В боковой комнате Салим проводит легкую разминку: прыгает на месте, имитирует удары. Вокруг него – друзья Силаев, Абдыкадыров, Ишантураев, Шконда. Пришел сюда и старший матрос Еркинбаев, брат Айсулу. Его глаза горят лукавой искринкой. Он держит про запас какой – то сюрприз для своего земляка. Салим догадался, но спросить не решается.

- Мирон, побей меня. Наноси удары.

- Да ну тебя.

Человек не пристрастный к острым зрелищам, он толкает друга к Абдыкадырову.

Иди, иди, он, Серик, полупит.

Но сегодня Мирон пришел на бокс, волнуясь, как ярый болельщик. Решалась честь Салима, и он желает ему только победы. Перед выходом Инабат остановил Салима и скороговоркой сообщил:

- Тебе привет от Айсулу. Сегодня получил письмо.

- Честное слово?

- Клянусь.

Салим даже покраснел от радости. Иноземцев оказался опытным соперником. Он берег силы и вел выжидательную тактику. На все приемы Агзамова противник отвечал ощутимой контратакой. Шум в зале снизил свой тонус больше, чем на половину. Бой шел интересно, и все следили с напряженным вниманием. Болельщики тоже разделились на две равные части. Но все – таки казалось, что перевес относительно болельщиков был на стороне Агзамова, потому что девушки болели за него. Это - результат агитработы Лены Котовой. Она, розовощекая, поджав губы, с лицом, как спелый помидор, с большими голубыми глазами следила за каждым движением боксеров. До удара гонга остались считанные минуты и Салим берег свой коронный прием: нырком под любую руку противника, наносящую удар, подцепить правой. Этот контрудар у него был сильный, сокрушительный. После него обычно поднимали руку Агзамова, как победителя. Но нужен удобный случай, иначе самому можно получить нокдаун. Неужели Иноземцев так и уйдет, не испытав на себе силы удара Агзамова. Оба изрядно устали. Правда, на ногах держались крепко. Прищуренные глаза Иноземцева из – под

черных перчаток сверкнули злым огнем. Удар! Агзамов среагировал рефлексивно, в мгновение ока. Пружинисто выпрямляясь из последних сил, бросаясь вперед всем корпусом, отправил правый кулак, как выстрел, под самую челюсть Иноземцева! Иноземцев упал, как подрубленный. Лежал пластом. Когда судья досчитал до трех, Иноземцев попытался подняться: в голове замутилось, потолок со спортивными кольцами поплыл назад, и он рухнул, теряя сознание. Чистейший нокаут. Чистая победа! Под крики, шум, аплодисменты судья поднял руку Агзамова. Матросы от восторга забыли о порядке, полезли за канат, жали руку Салима. Кто – то накинул на него матросское суконное одеяло. И он, как прославленный чемпион, любимец публики, пробирался через толпу, сияя от радости, усталый, едва кивая головой. В комнату, где Салим, шатаясь опустился на стул, вбежала Лена. Она второпях сунула Салиму небольшой букетик из доморощенных цветов, поцеловала в потный лоб и выбежала. Салим был вне себя от счастья! Он понюхал букет и, казалось, что цветы источают необыкновенный целительный аромат. Как хорошо, когда дарят цветы! Как он не понимал этого раньше! Ему были чужды все условности жизни. Прежде он, и этот скромный букет небрежно бросив в сторону, стал бы язвить над искренним поведением девушки. Учащенно работала мысль: перед закрытыми глазами проплывали картины родного Прииртышья: площадь Абая с величественным памятником великому поэту, девяти-и десятиэтажные небоскребы, высокие мосты через Иртыш, добрые мама, сестренка и милая Айсулу... Салим открыл глаза и, отдышавшись, поманил пальцем улыбающегося Мирона и крикнул вдогонку:

- Иди, иди. Договорись насчет концерта.

Силасв незаметно исчез. Инабата не было видно, куда – то успел скрыться...

На дворе девушки стояли, всполошившись. Они шумели на все лады, делились впечатлениями.

Мирон негромко окликнул:

- Лена.

Котова быстро оглянулась, потом посмотрела на подруг и неловко потупилась. Девушки засуетились, заторопились и, наскоро попрощавшись, ушли. Мирон подошел к Лене, и они, не договариваясь, пошли в одном направлении в сторону стадиона, за спортзал.

Молчание перевалило границы положенного и становилось в тягость. Мирон все раздумывал, о чем бы завести разговор, с чего начать. Тишину первой нарушила Лена:

- А мне ваши стихи понравились.

- Я рад! Только я не пишу стихов. Эти получились случайно! Видно, у каждого человека есть свои заветные четыре строки, которые он может сочинить раз в жизни.

Они остановились на беговой дорожке, и Мирон, глядя ей прямо в глаза, одним дыханием выдохнул из себя то, что кипело в нем, клокотало, давило горло и вырвалось наружу:

- Лена, я люблю тебя.

Чистое, светлое лицо Лены зарделось алой краской, но она выдержала пронзительный взгляд молодого матроса.

- Ой ли! Ведь сейчас модно говорить сразу, с налету: крошка, давай поженимся! Особенно у вас на континенте, на Большой земле...

Мирон растерялся. Он никак не ожидал такого поворота разговора со стороны Лены.

Его брови взлетели высоко вверх. Он заговорил горячо, по — мальчишески безудержно, желая во что бы то ни стало доказать искренность своих чувств.

- Нет, ты не такая. Ты — единственная. Я искал всю жизнь: плутал, спотыкался, падал и, наконец, нашел. Но знай, что я горд, очень горд... И если...

Лена не дала договорить. Она прикрыла ему рот своими длинными, тонкими и сильными пальцами пианистки:

- Не надо, Мирон.

И смутившись своего жеста, опустила глаза, от чего ресницы стали отчетливо видны, шелковым веером расположившись на белоснежной коже лица. Она верила ему. Просто в эти секунды заговорили ее чиста женская честь и гордость. Она много мечтала и долго ждала этого дня и он наступил так неожиданно,.. вдруг.

Мирон осторожно взял Лену за руку. Она не выдержала и вырвала ее, только он почувствовал нервную дрожь на кончиках и все — таки хрупких пальцев.

- Иди, Мирон. Тебе пора. Я тебе напишу. —И она убежала, вспорхнула, как голубка, которая должна прилететь из — под небес к своему голубю и только к своему...

В классе невероятное оживление. Лица курсантов выражают удивление, восторг, недоумение. На первом столе стоит аппарат, по форме похожий на телевизор. Это — обучающая машина. Изобретателями ее являются старшина Хотимцев и старший матрос Силаев. Принцип действия ее в том, что курсант в письменном виде должен ответить на заданный вопрос и опустить лист в раскрытом виде в специальное отверстие. Затем нажимается нужная кнопка и на табло оценок появляются соответствующие цифры «5», «4», «3», «2». Таким образом, за пять минут можно опросить группу в 20 — 30 человек. Собрана эта машина на радиоволнах. Сегодня первое испытание. Здесь же за столом сидят капитан первого ранга Шкагаль, майор Котов, капитан третьего ранга Иванов — Смоленский. Волнуясь, поглаживая длинные большие усы, ходит по рядам старшина Хотимцев. Раздав вопросы, Мирон крутится около машины, заботливо обхаживая ее. Он, конечно, тоже волнуется. Много труда, времени, знаний и поисков вложено в это их первое детище. Начальник школы Шкагаль, улыбаясь, смотрит то на курсантов, то на майора Котова. Его восхищенный взгляд говорит: какие чудеса творят наши люди! Поднял руку матрос Ишантураев: доли минуты и ответ готов. Напряженная тишина воцарилась в аудитории. Звонко стучат ботинки Ишантураева. Доложил. Опустил ответ и... получил оценку «5». Пошли следующие... второй, третий, четвертый. Оценки: «5», «3», «4»...

Не в силах больше сидеть, кап — I вскочил с места. Растерянно засуетился. Заплодировал. Вслед за ним посыпался град аплодисментов.

Шкагаль с большой симпатией, уважением пожал руки старшине Хотимцеву и Мирону Силаеву.

- Молодцы, молодцы! Башковитые парни, тут ничего не скажешь-и, уже обращаясь ко всему взводу, продолжал. — Честно признаться, я не верил в эту затею. Они меня это самое... нокаутировали. Так что ли, матрос Агзамов?

- Так точно!

- Вам старший матрос Силаев, объявляю трое суток отпуска.

- Служу Советскому Союзу!

- Можете съездить в город, познакомиться с нашенинским Владивостоком, походить по музеям, театрам. А вас, товарищ старшина, специальным приказом занесем в Книгу Почета. Это-только ягодки. Вы с вашей машиной далеко пойдете.

... В этот вечер Салим и Мирон отправились в заветный дом на густозеленой сопке. Шли неторопливым шагом. Оба были на девятом небе. Настроение дьявольски хорошее и вдруг Салима потянуло на философию:

- Слышишь, Мирон, я, кажется, начинаю чувствовать себя по – настоящему военным. Я готов упираться, как вол. У меня такое чувство, что дальше служба пойдет на лад.

На признание друга Мирон по привычке меланхолически покосился и коротко бросил:

- Пора.

В голове Мирона тоже рой мыслей. Ему хотелось сказать: «Ты, человек умственного труда. Ты истосковался по своему предмету. Пришла пора, и в тебе все перетряслось и встало в определенный порядок». Но, как человек немногословный, он просто посмотрел и многозначительно улыбнулся. Они поняли друг друга.

На незнакомой алее Мирон, пораженный, остановился и выдохнул:

- Красотища – то какая!

- В таком сказочном доме живут только царевны – лебеди, - подзадорил, хитро подмигнув, Салим.

Действительно, перед взором матросов открылась редкая картина. Деревья щедро распустили листву. Вербы величаво шумели, подняв вверх купола, как зеленые парашюты. Вдоль дорожки стояли пирамидальные тополя, словно богатыри на страже, в изумрудном одеянии. Кругом – ослепительная зелень. В глубине сада виднеется дом с мезонином. Навстречу издалека бежит Игорь. Его лицо светится непосредственным, по – детски наивным счастьем.

- За диктант – четверка!

- Так держать, Игорь!

Салим потрепал по ершистой голове своего маленького друга и шепнул на ухо:

- Вызови Лену.

Игорь стремглав бросился на второй этаж, преодолевая лестницы через ступеньку. На крыльце появилась Лена.

- Мальчики, идите. Идите оба. Не бойтесь, у нас некого нет...

В комнате – мезонине все просто, уютно. На всей обстановке лежит печать заботливых рук. Вышивки на стене, на койке, на подушках. В углу над этажеркой портрет Пушкина, вышитый черными нитками на белом материале. По другую сторону стоит на колесиках пианино. На большом окне – красные и синие цветы,

которые, контрастируя, солнечными зайчиками бросаются в глаза и притягивают взгляд. Стены молочно – белые. На них – картины и портреты композиторов. Среди них – вырезанная из журнала «Огонек» репродукция «Утро в лесу» Шишкина с медведицей и медвежатами.

- Садитесь, ребята. Чем вас развлечь?

- Сыграйте нам что –нибудь, - Салим до сих пор обращался к Лене на «вы». Это ему даже нравилось. Как – то нахватало духу обращаться к ней попросту, без церемоний, словно она была отделена от него невидимым занавесом.

- «Полонез» Огинского, - попросил Мирон.

Лена открыла окно и села за пианино. Поились звуки знакомой мелодии, которая сейчас звучала по – другому, по – новому, как будто ее слышали впервые. Каждый погрузился в свои мысли. Мирон думал о судьбе композитора – патриота. Великодушный человек, вынужденный покинуть Родину, выразил свое великое отчаяние и неизменную любовь к Родине в этой взрывной, необыкновенно трогательной музыке. Да, если ты теряешь нечто дорогое, то должен доказать свою правоту и силу творчеством, полезной работой.

Перед глазами Салима вставали родные степи с дымчатым ковылем, ярко – желтыми и синими цветами и со стремительным перекати-поле. Сейчас они далеко. Он исполняет свой долг. Придет время, и он вернется в далекие края, домой. У него будет много друзей, и он целиком отдастся своему призванию. И всегда рядом будет девушка, которая чем – то похожа на Лену.

О чем думал Игорь? Ни о чем. Ему просто нравилась красивая мужественная музыка с быстрыми переходами и переливами...

Когда отзвучал последний аккорд, Салим вскочил с места:

- Спасибо, Елена, как говорится, за удовольствие. Нам с Игорем пора! Извините!

Он обнял одной рукой своего ученика и они вдвоем скрылись за дверью. Лена провела пальцами по клавишам, нарушая тягучую неприятную тишину.

- Мирон, ты извини, но почему ты никогда не рассказываешь о своей аспирантуре? – нарушила молчание, глядя исподлобья суженными глазами, беспокойная Лена.

Силаев как – то расправил плечи и преобразился:

- Если б можно было вернуть прошлое. Это у Симонова есть, что жизнь – не поезд, нельзя соскочить на какой-нибудь остановке, сесть на обратный и поехать назад. Неопытность. Рубил с плеча.

- А что случилось?

- Это длинная история, Лена. После как –нибудь расскажу. А, может быть, и не надо: впереди – вся жизнь. А жизнь, как сказал один мудрец, – вечная борьба.

Лена встала и неслышно подошла к окну. Легким движением правой руки откинула косу на плечо, насупила длинные каштановые брови. Ее охватила неотвратимая грусть.

- Скоро выпуск, – одним движением губ проговорила она. Мирон понял ее настроение. Он вскинул голову и почувствовал, как тепло расплывается по его жилам. Наконец, он решил покинуть стул, на котором сидел все это время.

Но тут же его сзади обхватила нежные, розовые, но властные и решительные Ленины руки. Мирон, чуть вздрогнув, снова сел, явственно ощущая шеей, затылком, головой обаяние неприкосновенных и зрелых яблок – диковинок. От неожиданно сильного волнения закрыл он глаза, и, казалось, слова Лены полились откуда – то из глубины, изнутри:

- Милый, милый, смешной дуралей.

Сердце Мирона забилося в грудной клетке, как прирученный беркут, и он начал, наконец, целовать руки девушки, приговаривая:

- Я никуда не поеду, Леночка... Меня оставили в школе... Меня назначили инструктором радиотехнического кабинета...

Реакция Лены была слишком заметна, потупив взгляд, она старалась не выдать нахлынувшего чувства радости. Она поспешно отвернулась. Затем подошла быстро к пианино, снова опустила пальцы на клавиши и начала с каким – то озорством барабанить по ним, беспорядочно извлекая томительные и вместе с тем стремительные восторженные звуки...

Программа по подготовке военных связистов исчерпана. Впереди последний этап: сдача выпускных экзаменов. У матросов «чемоданное» настроение: без конца говорят о перемене места службы, о боевых частях, о кораблях – авианосцах, куда они поедут после школы. Но эти разговоры довольно относительно. Потому что большинство из курсантов призвано с запада необозримой страны и о здешних местах имеют весьма смутное представление. Перед личным составом была поставлена самим Командующим флотом новая

неотложная задача: к празднику Военно – Морского флота подготовить два комплекса вольных упражнений. Поначалу их готовил каждый взвод в отдельности под руководством своего инструктора. На первых порах оба комплекса казались непостижимыми, какими – то замысловатыми. Постоянная тренировка дала о себе знать. Как – никак, начиная с утренней физзарядки и кончая любым свободным и несвободным /отменялись плановые занятия/ временем, матросы занимались этими упражнениями. Вскоре выявилась еще одна трудность. Когда свели все роты вместе, оказалось, что каждое подразделение в одно и то же время делает различные «па». Если матросы первой роты лежат на вытянутых руках, то вторая сидит, как по команде «на старт», только ноги вместе, третья – на полуприседе, вытянув руки вперед, четвертая – в рост и т.д. Под следующий подсчет позы меняются, то в обратном порядке, то вперемежку. А сколько всего движений! Вот и терялись матросы. Нечаянно посмотрит на соседа из другой роты и делает тоже, что и он, забыв, что у них очередность движений другая. Следовательно, надо отработать комплексы до автоматизма и, наконец, стараться не смотреть по сторонам, а только вперед – на спину переднего товарища. Этого и добивался незнакомый майор – спортсмен, специально прикомандированный для подготовки спортивных упражнений к параду. К сожалению, не у всех еще было благополучно с музыкальным слухом: некоторые матросы путались в тактах, не зная когда начать, когда кончить. Майор и здесь нашел выход, подсчитал до скольки, до какого счета длится музыкальное выступление и порекомендовал матросам вести про себя счет, как только заиграет оркестр.

Солнце еще не показалось из – за сопки. Его апельсиновый яркий свет бьет рикошетом прямо в голубое небо, окрашивая ее во всевозможные цвета. Деревья вдоль забора и на всех аллеях поблескивают зеленым шелком умытых росой листьев. Последнее тренировочное утро встречает матросов удивительной красотой, чистотой и свежестью. Их снова прямо с подъема командиры повели на стадион и там расположили по подразделениям на свои места. Оркестр играет марш. Перед ним стоит Раданяк, покачивая трубой, то ею дирижирует, то выводит на ней головокружительные ноты. Майор – спортсмен стоит на своем месте на возвышении, на столе. В этот раз репетиция тоже не обошлась без ляпсусов. Майор раздражен. Но хранит внешнее спокойствие. Он по пояс раздет. Его налитые,

развитые мускулы и квадратные плечи напоминают скульптуру древнегреческой мифологии. Монотонным, не по фигуре тонким голосом он в сотый раз говорит в рупор:

- Авиаторы, слушай мою команду. Сразу, как заиграет музыка, считайте до двенадцати и самостоятельно приступайте к первому комплексу.

- Ясненько, - буркнул себе под нос Шконда, у которого никак не укладывалось в голове это вступление: то опоздает, то заскочит вперед, растерянно останавливается, как напроказивший ребенок, и снова опоздает.

Неожиданно обернулся на голос Шконды узкоплечий Дергалов и предложил свою услугу:

- А ты смотри на меня.

- Ладно. Отвернись. Без тебя как – нибудь. – Шконда недовольно сплюнул.

В это время гаркнул рупор:

- Начали!

Оркестр плавно заиграл вступление вальса. Матросы в уме считали до двенадцати. Майор махнул рупором. И начался первый комплекс. Старались все: пора было кончать и надоело в десятки раз повторять, одно и то же. Кто ошибался, тот незаметно, в момент исправлял свою ошибку. И первый, и второй комплексы проделали более или менее сносно. Рупор сжалился:

- На этот раз закончить.

По расписанию первые два часа проводил повторение по мат – части инструктор сержант Троеглазов. После команды: «приступить к занятиям», капитан – лейтенант Забродин вызвал из класса матроса Дергалова и повел за собой в быткомнату. Сейчас в роте – ни души. Все на занятиях. По дороге Забродин начал объяснять причину, из – за чего потревожил Дергалова.

- У тебя очень красивый почерк. Просьба к тебе есть: написать одно послание, - голос капитана – лейтенанта звучал вкрадчиво, мягко и непривычно. Приятно улыбаясь, он посмотрел на спутника, выставив светящийся золотой зуб. Дергалов насторожился. Его неширокие, приподнятые плечи стали еще уже. Тем не менее он готов был воспользоваться еще одним случаем завоевать расположение командира взвода:

- Я всегда готов, товарищ капитан – лейтенант.

В быткомнате на столе лежали белый лист бумаги, конверт и авторучка. Забродин плотно прикрыл за собой дверь, и, неотходя с места, как будто боясь, что Дергалов может выбежать, знакомым жестким голосом предупредил:

- Только никому ни слова.

- Честное слово! – не преминул поклясться Дергалов. В нем перемешивались чувства удачи, страха и ответственности, как в охотнике – браконьере. Немигающими глазами он уставился на капитана. По застывшему стеклянному взгляду Забродин понял, что его – то тайну Дергалов никому не выдаст, не разболтает, побоится. Он подошел к «писателю» и по – дружески положил на его плечо руку.

- Садись... Ты знаешь, что я женат, имею детей. Но жизнь есть жизнь! Полюбил я здесь одну девушку,.. блондинка, синеглазка. Помнишь, даже в песне поется: «А я люблю женатого!» Да, и она любит. Мучается очень. Я тоже мучаюсь. Вот хочу написать письмо, чтоб все в нем было красиво: красивая бумага, красивый конверт, красивые слова и, конечно, красивый почерк. Надеюсь, ты меня понимаешь?

- Да, конечно, товарищ капитан – лейтенант, - пролепетал съезжившийся, как осенний лист, Дергалов.

- Тогда начнем, - Забродин шумно зашагал по комнате, потирая ладони. – Пиши. «Дорогая Людмила...»

Дергалов ни сейчас, ни после не понял основной подоплеки обращения именно к нему Забродина. Он просто был рад, что командир взвода доверяет ему свои тайны. А Забродин таким образом, на всякий случай, отводил от себя вещественное доказательство. Итак, когда Дергалов старательно поставил последнюю точку и любовное послание было аккуратно запечатано в конверт, Забродин положил руку на плечо вскочившего матроса:

- Ты свободен. Иди на занятие.

Дергалов опрометью бросился в двери, пританцовывая, побежал в класс.

... Наконец наступил долгожданный день – 28 июля, День Военно Морского флота. На небольшой трибуне, сколоченной из досок и ярко покрашенной, расположенной на фасаде белоснежного четырехэтажного здания военной школы, уже стояли командиры в парадной форме с кортиками в блестящих цепочках на боку и в белых лайковых перчатках. Посредине заметно была фигура в белом кителе

капитана первого ранга Шкагаля. Офицеры на трибуне о чем – то переговаривались между собой в приподнятом по – морскому и по – военному праздничном настроении. Сейчас будет громогласна подана команда майором Котовым, взводы и роты всколыхнутся и замрут в едином движении. Зазвучит под фанфары над блестящим зернышками камней бетонным плацем флотский марш и полетят в синий простор, извиваясь и взмывая, как чайки над заливом, пронзительно высокие звуки первой трубы старшего матроса Раданяка. /Раданяк к концу учебы взял себя в руки или, точнее сказать, взяли его в руки и он заслужил первую свою лычку на синих погонах/.

Вот уже звенят до блеска надраенные тарелки и гулко бьет барабан. Салим не волнуется за свой взвод, который шагает в марше слаженно, ровно, красиво и четко, как налаженный механизм. Его волнует другое – это та перемена, которая произошла с ним всего за год. Если он в начале подготовки, вытягивая поочередно ноги, недовольно морщился и даже стыдился самого себя, то теперь скорее уже хотелось услышать команду: «шагом марш!» и плечом к плечу с подтянутыми и по – здоровому красивыми матросами продемонстрировать свое мастерство.

После команды под музыку первый взвод сразу вошел в общий ритм. Застучали шаги, как один строевой шаг, как шаг одного человека: чак – чак, чак – чак... Развивались за спиной над голубым гюйстом ленты бескозырки. На крутой груди у синих полосок тельняшки поблескивают значки, отчетливо выделяясь на белых фланельках.

Белые и наполовину черные и синие колонны подразделений школы ровными коробками движутся вдоль небольшой, но обладающей магической силой трибуны с флотскими командирами. Перед самой трибуной головы матросов поворачиваются в её сторону под одним углом: только правофланговые смотрят прямо перед собой и четко шагают, вытянув руки по швам, как все. Как жалко, что не видит Салима в этом по – воински прекрасном и по – флотски особенном строю далекая Айсулу. Вот он, матрос Агзамов. Смелый, гордый и радостный, шагает рядом с товарищами – сослуживцами в середине строя. Его сразу не узнаешь и таким именно, точь в точь, как в этой торжественной и по – флотски стройной колонне не увидишь ни в каких фотографиях... Салиму показалось, а возможно, было на самом деле, что именно на него смотрит, приложив руку к

kozyрьку и, улыбаясь, начальник школы, капитан первого ранга Шкагаль. И он тоже в ответ, довольный, улыбнулся... Теперь – то синий меридиан по – настоящему проходит и по его матросскому сердцу.

Накануне участникам физкультурного парада была выдана спортивная форма, в которую они переоделись в мгновение ока... Еще со вчерашнего вечера матросы подогнали ее, погладили. Рота майора Котова во всем желтом: желтые брюки, желтая майка, желтая шапочка с белыми крест – на – крест полосками. В руках – желтые жезлы с круглыми наконечниками, с красной звездой. Погода выдалась на редкость ясная. Солнце поднялось из своих покоев за грядой сопок и разбрызгало яркий праздничный свет, отчего спортивная форма матросов еще сильнее заискрилась.

У ворот в колонну по два выстроились автобусы, куда повзводно расселись матросы и взяли прямой курс на город Владивосток.

Флотский стадион тоже неузнаваемо преобразился, богато оформлен, разукрашен. Над центральной трибуной шелестят пятнадцать алых полотнищ с разноцветными поясами – знамена союзных республик. Посредине, несколько выдавшись вперед, как главнокомандующий, развивается Красное Знамя с серпом и молотом. На трибунах стадиона места наполовину уже заняты. Непривычна пестрота гражданской одежды. Только на левом крыле зеленым островком выделяется группа воинов – пограничников. На противоположной трибуне – портреты вождей пролетариев и руководителей Советского правительства. Там сидят одни матросы. Они – не просто зрители. Они – участники парада. Во время массовых упражнений на поле там во всю длину и ширину трибуны будут появляться слова: «Слава ВМФ», «Миру – мир!», которые, переливаясь, будут менять окраску то в красный, то в синий цвета. А фон – в противоположные цвета. Для этого у матросов имеются красно – синие щитки, которых сейчас не видно.

- Привет, моряки!

Ребята первого взвода разом повернули головы на голос. В проходе стоял улыбающийся Троеглазов. В нем все необычно: необычная одежда /черные джинсы, штапельная рубашка в клетку, только тельняшка из-под распахнутого ворота осталась от прежней формы/, необычный, мягкий голос, необычная манера обращения. На лицах матросов затеплилась улыбка. Все – таки они питали нескрываемое уважение и хранили добрую память о своем инструкторе сержанте

Троеглазове. А он – уже человек гражданский. Его демобилизовали досрочно, так как поступает в Дальневосточный политехнический институт. Троеглазов тоже не может забыть своих курсантов. И вот сегодня, пользуясь случаем, специально пришел встретиться с ребятами. Матросы наперебой стали приглашать инструктора:

- Садитесь сюда, товарищ сержант.
- Вот здесь место есть, товарищ сержант

Троеглазов мельком взглянул на капитана – лейтенанта Забродина. Он сидел впереди, с краю, у прохода. Услышал, что пришел Троеглазов, обернулся, и они поздоровались сдержанно, только кивком головы. Троеглазову хорошо известны его недостатки и выходки... И Забродин это знает хорошо. И в нем выиграло что – то вроде совести, которую он припрятал под толстым покрывалом поступков и времени. Теперь ему все равно. У него осталось, есть и будет одно, самое главное, - власть командира. И он, ссутулившись, ждет нетерпеливо начала спортивного парада. Троеглазов присел рядом с Мироном. Со всех сторон потянулись руки. Он пожимал их по несколько раз. Посыпались вопросы?

- Ну как с подготовкой к экзаменам?
- Где живете?

Салим в это время почувствовал и как – то даже ощутил присутствие среди матросов еще одного гражданского человека. Он оглянулся и удивился. Удивился тому, что наглядно подтвердились слова старшины, который наставительно говорил: «У матроса должны быть глаза на затылке». Рядом с матросом Ишантураевым стоял пожилой усатый мужчина в белом костюме и соломенной шляпе и сосредоточенно перелистывал записную книжку. Грудь его украшали пять рядов по четыре орденских колодок. Вездесущий Мирон, заметив любопытствующий взгляд товарища, пояснил:

- Это-отец Марата. Полковник в отставке. Приехал на праздник из Ташкента.

Ушастый Дергалов по привычке вмешался в разговор и не преминул съязвить:

- Наверно, приехал торговать яблоками.

В ответ на такой комментарий так зло и осуждающе посмотрели, скрестившись на нем, как в фокусе, две пары черных и голубых глаз что тот смешался и, иронически хмыкнув, опустил голову.

- Ота¹, что вы все рассматриваете? – несколько сконфуженно обратился к отцу матрос Ишантураев. По его виду, движениям, голосу заметно было, что он определенно конфузится присутствия родителя среди матросов в далеком от родной республики Приморье. Ишантураев – старший, не обращая внимания на вопрос Марата, вдруг неожиданно вскрикнул:

- Ба, нашел! -И, обращаясь к Троеглазову, радостно заговорил: - Вы – младший командир Красильников или Долишняк? Вот я еще тогда в Ташкенте записал. Нашел!

- Ни тот и ни другой, - спокойно ответил Троеглазов. – Я – сержант Троеглазов. Бывший инструктор взвода, в котором служит ваш Марат. Хорошо служит...

- Вай, вай, спасибо, ашна. Рахмат, друг!

- Ребята, уступите место, - учтиво вскочил с места Салим.

- И эти – хорошие ребята были, - не унимался Ишантураев – отец, указывая тыльной стороной руки на записную книжку. – Я с ними хорошо познакомился. Гранатами угостил, большой желтой дыней. Приезжайте к нам в Ташкент, и вас угощу... Сколько хочешь!

- Хорошие ребята, - протянул Шконда, уцепившись за возможность состричь. – А Красильников в поезде того... шуры – муры с кондукторшей. Фестиваль – шестиваль...

- Ай, ай, ай, нехорошо. За такое на фронте расстреливали, - сокрушенно произнес бывший полковник. А Троеглазов поделился сведениями о дальнейшей судьбе незадачливого старшины второй статьи.

- Потом Красильникова разжаловали и отправили дослуживать на остров «Дальний», где вообще нет женщин...

- Ну и правильно сделали, - поддержал старших товарищей Салим. – А то, как баран – производитель...

- Башковитый парень, - одобрительно и по – отцовски наставительно отозвался на слова Салима Ишантураев. – Наверное, папа тоже башковитый. Кем он работает, сынок?

Внезапно Салим сник, нахмурился и, не отвечая ничего, молча поднялся и отошел в сторонку. В разговор включился Мирон, который до этого сидел пассивным собеседником, занятым своими мыслями:

- У него недавно, перед призывом, умер отец...

¹Ота /узб./ - отец, папа

- Вай, вай. Как так? – загрохотал своим грубоватым голосом Ишантураев. – Вот старый, болтливый. Виноват, виноват! Простите возмутителя спокойствия. Простите великодушно!

Троеглазов, прерывая неловкое молчание, продолжал отвечать на вопросы своих недавних подопечных:

- А я пока живу в экипаже. Скоро перейду в институтское общежитие. А Долишняк получил звание старшины первой статьи. Ему еще год служить. Еще можете с ним встретиться... На службе неожиданно сходятся пути – дороги...

Матрос Ишантураев подхватил под руку искренне и безудержно раскаивающегося отца и умоляюще заговорил:

- Ота, ота! Здесь нельзя вам оставаться. Идите лучше на ту сторону. Мы все сейчас выйдем на поле. Оттуда, ота, лучше вам будет видно. Все с тех трибун смотрят.

- Хорошо, сынок, хорошо. Я буду тебя ждать около трех зеленых фуражек, около пограничников. Отцов уважайте и берегите. Мы сраеем...

Проходя мимо Салима, Ишантураев – отец легонько обнял его и тоном, не вызывающим возражения, обратился к Марату:

- Марик, сынок, приходи с ним. Он – хороший бача¹. Он правильный матрос. Командир его катта хвалил. Я жду вас у зеленых фуражек.

В микрофон неслись слова доклада адмирала, командующего Тихоокеанским флотом. Его лица почти не видно, но голос по микрофону звучит рядом. В Троеглазове крепко сидела привычка к порядку и дисциплине. Он кивнул на репродуктор и приложил палец к рукам:

- Тшш...

Не успели отзвучать аплодисменты, как Забродин вскочил с места:

- Внимание, взвод! Приготовиться!..

Сотни пар глаз уставились на фигуру человека, который стоял за полем стадиона на самом верхнем ряду центральной трибуны. Это – руководитель парада. В его высоко поднятых руках скрещенные флажки. Сигнал – внимание. Взмах! И ровными рядами двинулись на поле колонны сотен, многих сотен матросов...

¹ Бача /узб./ - мальчик, паренек.

Часть II

АЛАШОРДА

ЗВЕЗДА АЛИХАНА БУКЕЙХАНОВА

Даты рождения и кончины Алихан Букейханова, к сожалению, до сих пор не доведены до полной ясности: у разных авторов фигурируют в этом отношении разные сведения. Мы решили придерживаться в его биографии тех дат, которые указаны в энциклопедии «Абай» (А., «Атамура», 1995, с. 166-167), где автором статьи о нем выступил старейший абаевед, профессор Каюм (Габдулкаюм) Мухамедханов.

Итак, по нашим сравнительным данным, Алихан Нурмухамедулы Букейханов родился в 1870 году в 7-ом ауле Тоқыраунской волости Каракалинского уезда бывшей Семипалатинской области. У казахов была и есть целая родословная, которая называется «торе», что в переводе на русский язык означает «господин» или «аристократ». К этому знатному роду относились все потомки Чингисхана, из среды которых до XIX века обычно выбирались и назначались ханы и султаны казахского общества.

Родители Алихана, отец Нурмухамед и мать Бегимханым, были для своего времени людьми просвещенными и всячески поддерживали достойное образование своих детей.

По книге Шакарима Кудайбердиева «Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий» (Оренбург, 1911г.) нам стало известно, что четвертым предком Алихана был хан Букей.

В начале девятнадцатого столетия в Среднем джуге Казахстана образовалось два ханства или были два хана. Одним из которых являлся хан Вали (дед Чокана Валиханова), а другим ханом был Букей – сын хана Барака, который вероломно убил хана Абулхаира, за что его в народе прозвали «кокжал Барак – сивогривый Барак».

В газете «Ана тілі» («Родной язык») был опубликован диалог между известным казахским архитектором, лауреатом

Государственной премии Казахстана Шота Идрисулы Валихановым и монгольским академиком, автором фундаментальной монографии «Чингис ханы цадиг» («Генеалогия Чингисхана») Ш.Нацагдоржем, который, в частности, так говорит своему собеседнику: «Я очень рад, что приехал к вам. То, что я просил у неба, досталось мне на земле. Оказывается, на казахской земле есть потомки, ведущие свою родословную от самого любимого сына Чингисхана Джучи. Одним из них являетесь вы, Шот-Аман. Если считать от великого Чингисхана, то вы относитесь к 23 поколению. Ваши дальние предки обоснованно показаны в книгах «Жами-ат-Тауарих» Рашид-ад-Дина, «Родословная тюрков» Абилгазы Бахадура, в сочинениях вашего ближайшего деда Чокана Валиханова и в других исторических трудах». (Перевод наш – М.С.).

Еще примечательно то, что данное интервью или диалог опубликован с фотографией этих двух собеседников и с броским названием «На земле предков нет потомков Чингиса» - «Шыңғыстың ата жұртта ұрпағы жоқ».

На земле Казахстана у Букейхана было девять сыновей, пятым из которых был Батыр, у которого родился сын Мырзатай, затем у него был внук Нурмухамед, отец Алихана Букейханова. Кстати по нашему раскладу сам Алихан Нурмухамедулы Букейханов относится к 22-ому поколению потомков Чингисхана.

Автор книги «Чокан Валиханов», выпущенной в серии ЖЗЛ (Москва, 1990), Ирина Стрелкова в ж-ле «Наш современник» №7 за 1989 г. писала «... Букейханов был крупнейшим деятелем своего времени, видным экономистом. Но до последнего времени даже представить было невозможно, что в Казахстане кто-то решится написать и издать объективную биографию Букейханова. Его имя появилось в исторических трудах с неизменным ярлыком «националист», шла ли речь о его позиции до февраля 1917 г. или об участии в правительстве Туркестана, поддерживавшем Временное правительство, или о программе партии «Алаш». Но разве неинтересно, что в статье «Благое дело» Букейханов агитировал за кооперацию для казахов?».

С раннего детства годы учебы Алихана Букейханова проходили в следующем хронологическом порядке. Вначале он познал арабскую грамоту у муллы в зимовке Мырзатай (впоследствии - Касыма). Когда Алихан прошел начальную стадию учебы – Мухтасар, отец его

Нурмухамед повез мальчика в Каркаралинск, где он поступил в начальное русское училище.

Заметив редкое дарование Алихана Букейханова к учебе, сам генерал – губернатор края Г.А.Колпаковский помог Алихану поступить в Омское технологическое училище. Надо сказать, что генерал Герасим Алексеевич Колпаковский был близким другом и преданным единомышленником казахского ученого Чокана Чингисовича Валиханова. Именно этот Герасим Алексеевич помог привезти надгробный камень и поставить на могиле Мусы Шорманулы (родного дяди Чокана).

Алихан Букейханов поступил в Омское технологическое училище в 1885 году, а с 1888 года к его имени прибавляется титул «султан». По окончании данного училища в 1890 году А. Букейханов изъявил желание поступить в Санкт-Петербургский лесной институт, где учился он, по разным воспоминаниям, вместе с Александром Керенским.

В годы учебы в институте лесного хозяйства у Алихана Букейханова начинаются духовные искания, когда он даже заинтересовался марксистской теорией. Об этом в газете «Семипалатинский листок» от 5 июня 1906 года были такие строки: «... В бытность студентом лесного института примыкал к крайней левой. Во время разгара споров о марксизме очень энергично отстаивал тезисы экономического материализма».

В дальнейшем А. Букейханов в разные периоды обращался к программам партии «Народная свобода», кадетов и даже в определенное время разделял их, а затем в июле 1917 года на общеказахском съезде начал организацию политической партии «Алаш». В это время он вместе с Ахметом Байтурсиновым и Миржакупом Дулатовым активно сотрудничал в редакции газеты «Казах».

В 1905 году от имени казахов Семипалатинской области был избран депутатом в I государственную Думу. Однако он не смог принять участия в работе I Государственной Думы, потому что по указу Омского генерал-губернатора был арестован и без всякого основания три месяца просидел в тюрьме Павлодара. Когда же он прибыл в Петербург, эта Дума указом царя была уже распущена. Часть депутатов Госдумы выехала в г. Выборг в Финляндию, чтобы принять акт протеста. Алихан Букейханов поехал следом за этими

депутатами и в том 1906 году поставил свою подпись под Выборгским манифестом.

Царское правительство дважды арестовывало Алихана Букейханова в 1906 и в 1908 годах. Одним из первых среди образованных казахов, кто ратовал за издание и популяризацию произведений Абая Кунанбаева, был и он, именно поэтому у него среди вещей при аресте находилась рукопись великого поэта – мыслителя, подготовленная Какитаем Искаковым и Турагулом Кунанбаевым. Эта рукопись все-таки была издана в 1909 году в Санкт-Петербурге в типографии Ильяс Бораганского.

Как партийный и общественный деятель Алихан Букейханов до 1922 года, когда ему было предписано поселиться со своей семьей в Москве, активно занимался, в основном, тремя проблемами. Это – приобретение автономии и независимости Казахстана, национальный и земельный вопросы. Наряду с трудами государственного деятеля значительное место в бесценном наследии А. Букейханова занимают научные сочинения и литературное творчество.

Еще в 1905 году А. Букейханов написал на русском языке первую биографию Абая и опубликовал в виде некролога в газете «Семипалатинский листок» на следующий год после смерти поэта. Хорошо помню, что в начале 60-х годов, когда я после службы в армии на Тихоокеанском флоте работал в музее Абая и все осматривал истосковавшимися глазами, этот листок в раме был вывешен в экспозиции, но фамилия автора была тщательно закрашена черной тушью.

Биографию Абая с его фотографией затем в 1907 году А. Букейханов опубликовал в одном из книжек, которые назывались «Записки Семипалатинского Подотдела Западно-Сибирского русского географического Общества». Следует заметить, что при его содействии и авторском участии Абай еще при жизни в 1903 году попал в многотомную книгу «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества», выпускаемой под редакцией П.П. Семенова-Тян-Шанского и академика В.И. Ламанского.

После окончания Петербургского лесного института Алихан Букейханов прибыл в Омск и работал преподавателем математики в училище лесного хозяйства. Здесь он, активно сотрудничая в редакции газеты «Степной край», тесно общался с находящимися в ссылке народниками Севастьяновым, Соколовым и марксистом Беляковым. Вскоре он женился на дочери Якова Севастьянова Елене.

У них родилась дочь Елизавета, которая впоследствии, став взрослой, вышла замуж за Смагула Садуакасова, будущего наркома просвещения Казахстана. В свою очередь у них был сын Ескендир (по-домашнему его звали Кеной), о котором будет сказано ниже.

В молодые годы Алихан Букейханов по разным сведениям был знаком и общался с Керенским, меньшевиком Чхеидзе и большевиком Сталиным. Он был энциклопедически образованным человеком, обладал многогранным талантом и пользовался таким огромным авторитетом в казахском народе, что с ним органы советской власти не могли расправиться до 1937 года, поселив в Москве, где он работал в Восточном издательстве в качестве исследователя и комментатора образцов казахского фольклора «Ер-Таргын», «Козы Корпеш и Баян-Сулду» и др. и, в основном, переводчика.

С 1922 года по 1937 год, проживая в Москве, Алихан Букейханов был только однажды вызван ОГПУ на допрос в 1929 году. Очевидно, это было связано с его поездкой в Западный Казахстан в период его очередного трудового отпуска. Там его население в открытую приветствовало как всенародного лидера и вождя, устроило ошеломляющую встречу. Об этом сразу же последовал донос, так что его немедленно возвратили на место постоянного жительства.

В двадцатые годы еще были в Советской стране признаки демократии и свободомыслия. Но постепенно все делалось для того, чтобы со всем этим покончить раз и навсегда и перейти к жесткому тоталитарному единовластию.

Еще в 1926 году А. Букейханов был арестован сотрудниками ОГПУ в Актюбинске якобы за контрреволюционную деятельность, переправлен в Москву и посажен в Бутырскую тюрьму. Однако через 15 дней он был освобожден из-за недостатка улик.

Помимо общественной и политической деятельности Алихан Букейханов в продолжение всей своей жизни увлеченно занимался научно-исследовательской и литературной работой.

В той же вступительной статье Мамбет Койгелдиев пишет: «Экспедиция Ф.А. Щербины, охватывавшая период между 1896 и 1903 годами, действительно проделала значительную работу. На основе материалов, собранных в двенадцати уездах названных областей (Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской – М.С.), она выпустила 13 томов научно-исследовательских трудов. В ходе участия в данной экспедиции А. Букейханов увидел с новой стороны

намеченные цели Российской империи относительно казахской степи, на что прежде не обращал особого внимания, и еще заметил, что центральная власть готовится в ближайшие годы осуществить крупные мероприятия». (Перевод наш – М.С.)

Проживая в Москве, Алихан Букейханов перевел на казахский язык и выпустил произведения «Хаджи Мурат», «Кавказский пленник» Льва Толстого, «Сон Макара» В. Короленко и др.

И вот 14 июля 1937 года, когда всемогущий маховик безжалостных репрессий раскрутился вовсю, Алихан Букейханов был арестован в Москве. По решению военной коллегии Верховного суда от 27 сентября с.г. он был осужден и в мае 1938 года был расстрелян. В заключении напоминаем о том, что Алихан Букейханов по сути реабилитирован был дважды постановлением ВЦИКа от 4 апреля 1919 года и решением Верховного суда СССР на Пленуме, проходившем 13-14 мая 1989 года.

Такова была судьба знаменитого чингизида, признанного лидера казахского народа и просто очень талантливого человека Алихана Нурмухамедулы Букейханова (1870-1938).

Несколько слов хотелось бы сказать о судьбе детей Алихана Букейханова. По свидетельству ветерана Великой Отечественной войны, кандидата экономических наук Мухаметкалия Джаксалиева, зять Смагул Садукасов 16 декабря 1933 года отравился при аварии на химзаводе и скончался в возрасте 33 лет в Кремлевской больнице.

Надо отметить, что, благодаря преждевременным заботам А. Букейханова, его детям удалось в какой-то мере избежать оголтелых и беспощадных репрессий.

В самом начале Великой Отечественной войны Елизавета Алихановна оказалась на фронте. После этого ее шестнадцатилетний сын Ескендир, находившийся в пионерском лагере, прибавил своему возрасту два года и тоже отправился на войну. Там он, сражаясь в рядах 1308 полка, погиб 19 ноября 1941 года.

У Алихана Букейханова было двое детей – дочь Елизавета и сын Сергей (Октей).

Елизавета Букейханова стала доктором медицинских наук, профессором, а на фронте дослужилась до звания майора медицинской службы. На войне она была награждена двумя орденами и пятью медалями и в послевоенное время удостоена ордена Трудового красного Знамени. Скончалась она в мае 1974 года.

Сын А. Букейханова Октей Алиханулы, 1905 года рождения, по специальности был инженером – геологом. Оказывается, он в 1932-1941 годах работал вместе с К.И. Сатпаевым в Джезказгане. После этого он жил в г. Сорск Хакасской автономной области, где работал главным инженером в геологоразведочной экспедиции. Там он умер в декабре 1957 года, оставив после себя научные труды о медных и урановых рудах.

Его сын Евгений Сергеевич многие годы работал доцентом Московского института связи, став кандидатом технических наук. Правнук А. Букейханова Петр Евгеньевич в 1992 году окончил Московский институт энергетики и стал специалистом по атомной энергии. Дальнейшая судьба его нам неизвестна.

На пороге XXI-го века Государственная комиссия независимой Республики Казахстан определяла по десять самых крупных деятелей тысячелетия и столетия. Отрадно осознавать, что в числе выдающихся людей столетия названо имя Алихана Нурмухамедулы Букейханова. Надо полагать и надеяться, что выпуск научного и литературно-художественного наследия и достойное увековечение славной памяти Алихана Букейханова – дело недалекого будущего¹ ...

Ахмет Байтурсынов в своём величии...

В конце прошлого столетия, а именно 28 февраля 1990 года, а конференц-зале Союза писателей Казахстана впервые после пятидесяти с лишним лет перерыва проводился большой вечер, посвященный Ахмету Байтурсынову. Атмосфера была удивительная, словно мы присутствовали на каком-то магическом действии. Выступали известные писатели, учёные и ближайшие родственники и аксакалы – современники выдающегося писателя и государственного деятеля. Запомнились отдельные фрагменты из взволнованного доклада крупнейшего учёного – лингвиста, профессора Рабиги Сыздыковой. Она говорила о том, что Ахмет Байтурсынов заложил основы казахской филологии, в частности, лингвистики, что им впервые придуманы и введены в грамматический обиход на казахском языке такие термины, как

¹ Данная статья опубликована в моей книги «Поэтическое вдохновение: Абай, Шакарим и Мухтар». Новосибирск, 2007 г., с 294. Тираж 500 экз. - М. С.

подлежащее-бастауыш, сказуемое-баяндауыш, определение-анықтауыш и др., что больше полувека учителя и ученые – лингвисты пользовались его научными трудами, не называя автора, не смея назвать его имени, что теперь после полной реабилитации назрела необходимость и само собой напрашивается возможность назвать его именем научно-исследовательский институт языка при Академии наук Казахстана...

I. Основные этапы биографии.

Ахмет Байтурсынов родился 28 (15) января 1873 года в ауле Сарытубек Тосынской волости (ныне Жангелдинский район) Кустанайской области. В начале он научился грамоте в своём ауле, а потом в 1886-1891 годах учился в двухклассном русско – казахском училище в городе Тургае. В 1891-1895 годах Ахмет обучался в Оренбургской учительской школе, основы которой заложил еще Ибрай Алтынсарин. Начиная с 1 июня 1895 года, он работает учителем в разных школах в Актюбинском, Кустанайском и Каркаралинском регионах, приступает к творческой и общественной деятельности.

Еще в тридцатилетнем возрасте Ахмету Байтурсынову довелось быть невольным свидетелем драматических событий, участниками которых были его отец Байтурсын и родной дядя Актас, сыновья Шошака, которые были сосланы в Сибирь на 15 лет за избиение уездного начальника из-за нечестного ведения выборов волостного управителя. По последним сведениям они возвратились из сибирской каторги через 17 лет.

С 1901 года Ахмет Байтурсынов усиленно занимается самообразованием, пишет стихи и публицистику, готовит учебные пособия, создает казахский букварь, собирает образцы фольклора. Постепенно в народе растёт его популярность как молодого ученого-просветителя, педагога и поэта.

В 1909 году в Каркаралинск, где он заведовал двухклассным училищем, прибыл из Семипалатинска начальник губернского жандармского управления и арестовал его по обвинению в проведении агитационной работы против царского правительства.

В Семипалатинской тюрьме Ахмет Байтурсынов без суда и следствия просидел с июля 1909 года по 21 февраля 1910 года. На свободу его выпустили без права поселения в казахских аулах, и он

вынужден был уехать в Оренбург, где занялся журналистской деятельностью.

В то время в Омске жил педагог-просветитель, тюрколог Александр Ефимович Алекторов (1861-1918), заведовавший семипалатинскими и акмолинскими школами. Списавшись с ним, Байтурсынов поехал в Омск с целью ознакомления с положением казахов в других регионах.

В 1913 году Ахмет Байтурсынов организовал здесь газету «Казах» и стал его редактором. Из-за негодных царским властям статей он не раз подвергался арестам и допросам. И все же газета просуществовала до конца 1917 года, да и тираж ее был по тем временам немалый – 8000 экземпляров.

Затем Ахмет Байтурсынов возобновляет тесные связи с алашордынцами в пределах 1918 и в начале 1919 годов.

В марте 1919 года вместе со многими представителями казахской интеллигенции переходит на сторону Советской власти. После этого принимает активное участие в работе Военно-революционного комитета.

В первой половине двадцатых годов Ахмет Байтурсынов как член Коммунистической партии становится народным комиссаром просвещения, членом всесоюзного центрального исполнительного комитета, руководит Академическим центром Казахстана, работает профессором в высших учебных заведениях Алматы и Ташкента.

В 1928 году Байтурсынова приглашают на должность профессора в только что открывшийся в Алматы университет. и он переезжает сюда из Кызыл-Орды, прежней столицы Казахстана. В своей автобиографии прямо пишет: «В марте 1919 года перешел на сторону советской власти и поехал в Москву».

Впоследствии он работал на разных выборных должностях, был членом Каз ЦИКа, работал в комиссариате народного образования, был председателем Академического центра при Казнаркомпросе, Казахского научно-литературного совета и членом Академического центра.

Когда образовалась Казахская АССР в 1924 году, Ахмет Байтурсынов 2 года находился на посту наркома (министра) просвещения.

В 1923 году общественность республики Казахстан отметила 50-летний юбилей Ахмета Байтурсынова. В связи с этой датой М.О. Ауэзов опубликовал в газете «Ак жол» («Светлый путь») за 4 февраля

обширную статью «Пятидесятилетний той Ахана». В ней двадцатипятилетний юноша Мухтар Ауэзов провидчески писал: «Казахская школа, открытая Аханом, родной язык, оформленный Аханом, лозунг Ахана об единой стране, привнесенный в литературу, книги «Сорок басен», «Маса» («Комар»), моральная помощь, оказанная газетой «Казах» обливавшимся слезами казахов в 1916 году, сведения об искусстве и образованиях, неустанный труд в области политики – вот те дела, которые хотя мы позабудем, история не забудет. Все это известно всему окружающему люду. И в истинности всего этого никто не сможет поспорить». (Смысловой перевод наш – М.С.).

В газете «Енбекши казах» - «Трудящийся казах» (ныне Егемен Казахстан) Сакен Сейфуллин выступил со статьёй «Ахмету Байтурсынову исполнилось 50 лет». В ней он, в частности утверждал: А. Байтурсынулы-не простой человек, а образованный. Этот человек в свое время, как выходец из интеллигентной среды, претерпевая издевательства и осмеяния льстивых царских прихвостней, поднял свой голос, отстаивая честь народа. Когда другие образованные господа гонялись за чинами, один-единственный Ахмет в ту царскую эпоху, защищая национальную честь, пробуждал совесть казахской народной массы, находящейся в тисках, перенося унижения и притеснение, в полной спячке. В ту пору, когда иные казахские интеллигенты, продавая свои познания, становились переводчиками для губернаторов и судей, другие, теряя совесть, устремлялись в чиновники, Ахмет, предавшись всей душой, трудился для казахской нации. (Смысловой перевод наш – М.С.).

В конце 1929 года по доносу Ахмет Байтурсынов был арестован и выслан в Архангельскую область, а жена Александра (Бадрисафа) и дочь Шолпан отправлены по высылке в Томск. По ходатайству жены М. Горького Екатерины Пешковой, которая работала в комиссии Красного Креста, Ахан в 1934 году был освобождён. Но вскоре в Алма-Ате, 8 октября 1937 года, он был вновь арестован по ложным обвинениям в антисоветской деятельности и расстрелян.

II. Вехи и грани творческой и общественной деятельности.

Сообразно своему времени Ахмет Байтурсынов обладал синкретическим талантом и внес свой вклад в разные отрасли науки. В течение 50 с лишним лет лингвисты, педагоги, учащиеся

пользовались грамматическими терминами, не зная или скрывая их первооткрывателя, автора и составителя.

Помимо этого, Ахмет Байтурсынов внес свой вклад в казахскую литературу как поэт, критик, публицист, историк литературы, переводчик и педагог. Его произведения и статьи публиковались в периодической печати и отдельными изданиями в Санкт-Петербурге, Уральске, Оренбурге, Троицке и Казани.

Ахмет Байтурсынов был создателем первого казахского букваря с реформированным алфавитом. Он много лет переводил басни Крылова и сам писал для молодежи поучительные стихи, которые с 1912 по 1922 годы издавались в вышеназванных городах под названиями «Қырық мысал» («Сорок басен»), «Маса» («Комар») и «Узик» («Доля»).

Также в разное время А. Байтурсынов издал такие книги, как «Пособие по языку», «Из учебных пособий», «История культуры» и др.

Как истинный просветитель Ахмет Байтурсынов собирал образцы устного народного творчества и публиковал их. Так он собрал, составил, написал предисловие и выпустил в Москве дастан «Ер Саин» (1923), книгу «23 жоқтау - причитаний» (1926).

Известные русские ученые-востоковеды А.Е. Алекторов, А.Н. Кононов, Григорий Потанин (друг Чокана Валиханова) лично знали и ценили Ахмета Байтурсынова как писателя и учёного.

Академик А.Н. Кононов причисляет Ахмета Байтурсынова к плеяде отечественных тюркологов. Одним из первых Ахмет Байтурсынов назвал Абая «Главным казахским поэтом» (Қазақтың бас ақыны) и под таким названием в 1913 году опубликовал статью.

Доктор филологических наук, член-корреспондент Академии наук Казахстана Рабига Сыздыкова в предисловии к книге Ахмета Байтурсынова «Тіл тағылымы» («Вопросы казахского языка», Алматы, 1992г.) констатирует такое уникальное сведение: «Этот Военно-революционный комитет был организован постановлением Совета Народных Комиссаров РСФСР от 24 июня 1919 года. Постановление подписал В.И. Ленин. Иначе говоря, А. Байтурсынов свою работу государственного деятеля в период советской власти начал с мандатом В.И. Ленина. По делам комитета он был на приеме В.И. Ленина и разговаривал лично. Он рассказал о политическом и экономическом положении в казахском крае, поведал о трудностях в делах просвещения. Владимир Ильич, хорошо приняв его вдвоём с

председателем комитета С.С. Пестковским, выслушал их новости и сказал о необходимости составления нескольких рекомендаций с переводом на казахский язык и записью на граммофонные пластинки для распространения среди народа». (Смысловой перевод наш – М.С.).

Ахмет Байтурсынов был удивительно разносторонне талантливым и подвижнически настроенным человеком. Об этом довольно достоверно и убедительно написал ныне покойный академик Рымгали Нургалиев в предисловии к книге Ахмета Байтурсынова «Ақ жол» - «Светлая дорога». (Стихи, переводы, публицистика и литературное исследование. Алматы, «Жалын», 1991г.).

В частности, доктор филологических наук, профессор Р.Нургалиев свидетельствовал: «... Ахмет Байтурсынов – ученый, заложивший основы казахской науки литературоведения, впервые написавший теорию казахской литературы, что является истиной, навредить которой невозможно. Исследователь Александр Затаевич записал несколько песен у Ахмета Байтурсынова как композитора, играющего на домбре, скрипке и пианино, у человека, занимающегося фотографией, принимавшего участие в борцовских состязаниях как палуан, короче говоря, у всесторонне одарённой личности, тополя национальной культуры». (Смысловой перевод наш – М.С.).

Примечательно, что на первом всесоюзном съезде тюркологов, состоявшемся в Баку в 1926 году, «делегатами от Казахстана принимали участие Ахмет Байтурсынов, Елдес Омаров, Азиз Байсеитов, Билял Сулеев, Назир Тюрекулов. Ахмет был избран в президиум этого съезда и в состав нескольких комиссий». (Шамшиябану Сатбаева).

Отрадно сознавать, что, наконец, правда восторжествовала и установилась справедливость в суверенной Республике Казахстан. Институт языка в Алматы назван именем Ахмета Байтурсынова. На улице Ахмета Байтурсынова в южной столице в благоустроенном и привлекательном особняке расположен Республиканский литературно-мемориальный музей выдающегося сына казахского народа...

Газета «Вести Семей», 10 июля 2012 года.

ТРИ СОКОЛА КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В декабре 1988 года комиссия в составе 32-х видных писателей и ученых предоставила общественности свои выводы относительно творческого и научного исследования трех выдающихся деятелей казахской литературы Магжана Жумабаева, Ахмета Байтурсынова и Жусипбека Аймаутова. В связи с этими выводами ЦК Компартии Казахстана принял решение о возвращении их культурного наследия народу.

Однажды в нашу студенческую аудиторию в приподнятом настроении вошел преподаватель казахской литературы Каюм Мухамедханов и взволнованно объявил о реабилитации трех писателей Сакена Сейфуллина, Ильяса Джансугурова и Беймбета Майлина. Тогда, в 1956 году, нам эти имена абсолютно ни о чем не говорили, мы даже не могли сразу уловить и запомнить их. Такие были времена. Прошло 32 года. Сейчас историю казахской советской литературы невозможно представить без этих писателей-классиков.

Нечто подобное ощутили, думается, студенты-филологи 80-х годов после объявления о возвращении творческого наследия крупнейших деятелей культуры Магжана Жумабаева, Ахмета Байтурсынова и Жусипбека Аймаутова. Да что говорить о студентах, если даже мы, литераторы со стажем, почти ничего о них и об их творчестве не знали, а то, что все-таки попадалось в архивах, в старых газетных и журнальных подшивках, что запоминалось в разговорах со старшими товарищами-коллегами, пряталось далеко в тайниках души и шкафов. Мы встречали эти имена в мемуарном романе Сакена Сейфуллина «Тернистый путь» и притом в списках среди алашордынцев. Но если революционер, своими руками устанавливавший Советскую власть, ставший в 28 лет председателем Совнаркома Казахской СССР, Сакен Сейфуллин стал жертвой репрессии тридцатых годов, то о заблуждавшихся или иногда допускаявших ошибки и говорить было нечего.

Вот возвратилось творчество Шакарима Кудайбердиева и заняло свое ранее зиявшее пустотой место, как звено, определенное природой и законами социально-общественного развития между Абаем и казахской советской литературы. А последняя тоже не сразу сформировалась и не упала с неба в готовом виде. Здесь еще были крупные таланты со своими общественно-политическими заблуждениями, временными ошибками, они все-таки выправились и

восприняли революцию и социализм, чтобы служить народу, без которого они не мыслили своей жизни. Жестокий меч времен культа личности не пощадил их.

Еще 4 апреля 1919 года Всероссийский Исполнительный комитет принял решение о помиловании и амнистии членов буржуазно-националистической партии Алаш и руководителей алашордынского правительства. На основе тщательного изучения документов и творческого наследия Верховный Суд Казахской ССР реабилитировал А. Байтурсынова, М. Жумабаева и Ж. Аймаутова.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Самым старшим из этих трех деятелей культуры является Ахмет Байтурсынов. Он родился в 1873 году в Тосынской волости Тургайского уезда Тургайской области. В 1886-1891 годах учился в местном двухклассном русско-казахском училище, затем в Оренбургской русско-казахской школе.

Когда Ахмету было 13 лет, его отца Байтурсына царские власти сослали в Сибирь: он избил уездного начальника за нечестное ведение выборов волостного управителя. Начиная с 1895 года, А. Байтурсынов работал учителем в разных школах Тургайской округи. В то время в Омске – административном центре степи – жил тюрколог Алекторов, в чьем ведении находились семипалатинские и акмолинские школы. Списавшись с ним, Байтурсынов поехал в Омск с целью ознакомления с положением казахов в других регионах.

В 1909 году в Каркаралинск, где он заведовал двухклассным училищем, прибыл из Семипалатинска начальник губернского жандармского управления и арестовал его по обвинению в проведении агитационной работы против царского правительства. В семипалатинской тюрьме А. Байтурсынов без суда и следствия находился с июля 1909 по 21 февраля 1910 года, затем был выпущен без права поселения в казахских областях и уехал в Оренбург.

В 1913 году Ахмет Байтурсынов организовал выпуск газеты «Казах» и стал ее редактором. В период журналистской работы несколько раз подвергался арестам и допросам из-за неблагонадежных публикаций. И все-таки до конца 1917 года А. Байтурсынов проработал в этой должности.

В 1928 году Байтурсынов приглашен на должность профессора в открывающийся в Алма-Ате университет и переезжает сюда из

Кызыл-Орды. Впоследствии Ахмет занимал разные выборные должности, был членом КазЦИКа, работал в Комиссариате народного просвещения, был председателем Академического центра при Казнаркомпросе, председателем Казахского научно-литературного совета и членом Академического центра. Когда в 1924 году образовалась Казахская АССР, А. Байтурсынов два года находился на посту наркома просвещения.

В 1923 году общественность республики отметила 50-летний юбилей Ахмета Байтурсынова. В связи с этой датой М.О. Ауэзов написал и опубликовал в газете «Ак жол» («Светлый путь») за 4 февраля статью «Пятидесятилетний той Ахана». В газете «Еңбекши Казах» («Трудящийся казах», ныне «Социалистик Казахстан») Сакен Сейфуллин выступил со статьей «Ахмету Байтурсынову исполнилось 50 лет».

В конце 1929 года по доносу Ахмет Байтурсынов был арестован и выслан в Архангельскую область, а жена и дочь отправлены в Томск. По ходатайству жены М. Горького Е. Пешковой, которая тогда работала в комиссии Красного Креста, Ахан в 1934 году был освобожден. Но 8 октября 1937 года он был вновь арестован по ложным обвинениям в антисоветской деятельности и был расстрелян.

В начале прошлого века Магжан Жумабаев был одним из самых популярных в народе поэтов. Он считался основателем нового направления в литературе, синтезировав в своем творчестве достижения западной и восточной поэзии. Родился он 1893 году в урочище Сасыкколь Сарыайгырской волости Кызылжарского уезда Акмолинской области (позже – совхоз «Молодежный» Булаевского района Северно-Казахстанской области). С 1906 года по 1910 год Магжан учился в медресе в г. Кызылжаре (ныне Петропавловск). Потом с 1913 года – в татарском медресе «Галия» в г. Уфе. В 1916 году закончил Омскую учительскую семинарию. Будучи семинаристом, Магжан Жумабаев стал признанным поэтом и редактировал рукописный журнал литературного объединения «Бирлик» («Единство»).

Лидеры Алаш-Орды привлекли его в свои ряды, ввели в состав своего комитета, в комиссию по составлению учебников для казахских школ и даже выдвинули кандидатом в депутаты учредительного собрания.

После изгнания из Омска белогвардейцев он редактирует газету «Бостандык туы» («Знамя свободы»). Затем в Ташкенте сотрудничает

с газетой «Ақ жол» и журнале «Шолпан» («Утренняя звезда»). Далее М. Жумабаев в 1923-1927 годах учился в Московском литературно – художественном институте, которым руководил выдающийся советский поэт и общественный деятель Валерий Брюсов. С 1927 года Магжан Жумабаев полностью переходит на преподавательскую работу, принимает участие в подготовке учебников для казахских школ.

Однако в 1929 году М. Жумабаева осудили на 10 лет, обвинив в создании организации «Алка» («Круг»), которая якобы вела подпольную деятельность. На самом деле это была коллегия, созданная в 1921 году правительством Казахской АССР при Сибревкоме с информационными и просветительскими целями. Однако в годы культа личности и необоснованных репрессий эта организация была признана контрреволюционной и члены ее были подвержены гонениям и судам. Магжан Жумабаев был сослан в далекие северные леса Карелии. Вызывают уважения стойкость перед лишениями, находчивость и величайшая воля его легендарно преданной и любящей жены Зылихи, которая проявив волю и самоотверженность, посещала Магжана, пробираясь из Казахстана в Прибалтику за семь лет 14 раз.

С помощью М. Горького и Е. Пешковой при посредничестве Зылихи-апа, которая доставила письмо Магжана в Москву, срок был уменьшен на 3 года, и поэт в 1936 году был досрочно освобожден. Но уже в следующем году Магжан Жумабаев был снова арестован и 19 марта 1938 года был расстрелян.

Такая же трагическая судьба постигла еще одного крупного деятеля литературы Жусипбека Аймаутова. Он родился в 1890 году в ауле Дандебай Павлодарского уезда Семипалатинской губернии. С пяти до пятнадцати лет обучался у различных аульных мулл. Несмотря на нужду и материальные лишения, Жусипбеку удалось окончить Павлодарскую русско-казахскую школу и Семипалатинскую учительскую семинарию, в которых в общей сложности проучился с 1911 по 1919 г.

Семинарист Жусипбек Аймаутов также оказался в алашордынской организации, в составе которой он находился в 1917-1919 годы. Очевидно, сословное происхождение очень скоро определило его дальнейший путь. Вскоре он сам участвовал в установлении Советской власти в Павлодарском уезде. В января 1920 года Ж. Аймаутов вступил в ряды большевистской партии.

В 1922-1924 годах Ж. Аймаутов учительствовал в Каркаралинской школе. Затем переехал в Ташкент, где сотрудничал в газете «Ак жол». В 1926-1929 годах работал директором Чимкентского педтехникума. Нелегко жилось исключительно одаренному, талантливому и образованному человеку Жусипбеку Аймаутову. В 1925 году по различным доносам он был исключен из партии, привлекался к суду. Вскоре ему удалось оправдаться, но не надолго. В 1929 году Жусипбек Аймаутов был снова арестован по ложным обвинениям в участии в подпольной националистической организации и через два года его постигла та же участь Ахмета Байтурсынова и Магжана Жумабаева.

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

В истории казахской культуры все эти три деятеля занимают достойное место. В одной статье нет возможности всесторонне обосновать и изложить огромное значение их творческого наследия. Сообразно своему времени они обладали синкретическим дарованием и внесли свой вклад в разные отрасли наук и аспекты филологии.

Для подтверждения сказанного приведу только один пример. В течение 50 лет лингвисты, педагоги, ученые пользовались терминологией по казахскому языку, не зная или не называя того, кто является ее автором и составителем. А основоположником казахской лингвистики был Ахмет Байтурсынов. Это его слова: бастауыш-подлежащее, баяндауыш-сказуемое и т.д. Помимо того, А. Байтурсынов внес свой вклад в развитие казахской литературы как поэт, критик, публицист, историк литературы, переводчик и педагог. Он много лет переводил басни Крылова и сам писал для молодежи поучительные стихи, которые с 1912 по 1922 годы издавались в Санкт-Петербурге, Уральске, Оренбурге и Казани под названиями «Кырык мысал» («Сорок басен»), «Маса» («Комар») и «Узик» («Доля»).

Ахмет Байтурсынов был создателем первого казахского букваря по реформированному алфавиту. В 1912 году он издал в Оренбурге «Учебное пособие» («Оку куралы»), в 1926 году – «Новый букварь» объединенными усилиями Ташкентской и Кызылординской типографий. В разное время филолог написал книги «Пособие по языку», «Из учебных пособий», «История культуры» и др. Как истинный просветитель, А. Байтурсынов собирал образцы устного

народного творчества и публиковал их. Так он составил, написал предисловие и выпустил в Москве дастан «Ер Саин» (1923), «23 причитания» (1926).

Мухтар Ауэзов определил значение «Сорока басен» как «слова в духе революции, впервые услышанные широкими массами казахов». Известные русские ученые востоковеды А.Е. Алекторов, Григорий Потанин (друг Чокана Валиханова) лично знали и ценили Ахмета Байтурсынова как писателя и ученого. Академик А.Н. Кононов причисляет его к плеяде отечественных тюркологов.

В разных жанрах создавал свои произведения Магжан Жумабаев. В 1912 году был издан в Казахстане первый сборник его лирических стихотворений «Шолпан», который сразу же сделал его популярным среди своего народа. Там же в 1922 году был выпущен второй сборник его стихотворений с предисловием Бернияза Кулеева. В 1923 году в журнале «Шолпан», выпускаемом в Ташкенте, в нескольких номерах опубликована поэма М. Жумабаева «Батыр Баян». Третья книга поэта в том же году под редакцией и с предисловием Султанбека Кожанова была издана в Ташкенте.

Магжан Жумабаев плодотворно занимался художественным переводом. В свое время им на казахский язык были переведены произведения Максима Горького, Всеволода Иванова, Д.Н. Мамина-Сибиряка и др. Вот почему великий пролетарский писатель хорошо знал казахского поэта, который оказался в далеких лесах Карелии. В 1924 году в переводе М. Жумабаева был издан сборник рассказов Горького на казахском языке. А женщина-ходатай, прибывшая к великому писателю с письмом, супруга поэта Зылиха-апа здоровствует и поныне. Ей 96 лет, живет в Алма-Ате, и принимает посильное участие в обнародовании неопубликованных произведений полностью реабилитированного, наконец, мужа.

В разное время в периодике публиковались статьи М. Жумабаева «Ахан-сери», «Слова Ахана-сери», «Аубакир аксакал Диваев», «Наурыз» и др.

Большое внимание Магжан Жумабаев уделял воспитанию и обучению подрастающего поколения. С этой целью он публиковал статьи на педагогические, психологические и методические темы в газетах «Казах», «Ак жол», «Сана» («Разум»), «Тан» («Утро»), «Айкап» и другие. В 1923 году в Оренбурге была издана солидная и содержательная книга М. Жумабаева «Педагогика». Его перу также принадлежат методические сочинения «Методика родного языка»

(Москва, 1925 г.), «Учебное пособие для взрослых» (Москва, 1929г.) и др.

Особо надо отметить, что среди переводов Магжана Жумабаева есть труд В.И. Ленина «Парижская коммуна» (Москва, 1925г.).

Мухтар Ауэзов признавался, что после Абая самым любимым поэтом считает Магжана Жумабаева за его «по-европейски блестящую выразительность» и далее подчеркивал: «Магжан – поэт высокой культуры».

В архивном фонде Дома-музея М.О. Ауэзова в Алма-Ате сохранилась анкета, собственноручно заполненная Жусипбеком Аймаутовым, где он дает довольно подробные сведения о своей жизни и творчестве. Он свидетельствует, что начал писать стихи с 13 лет. Анкета заполнена Ж. Аймаутовым в январе 1928 года, примерно за три года до его гибели. Здесь среди опубликованных и подготовленных к печати книг названы пьесы «Рабига», «Сылан кыз» («Кокетка»), «Мансапкорлар» («Карьеристы»), «Канапия и Шарбану», «Ел корганы» («Оплот народа»), «Шернияз», романы «Карткожа», «Акблек», учебники «Руководство к воспитанию», «Психология», «Психология и выбор ремесла».

Жусипбек Аймаутов своими переводами сделал достоянием народа ряд произведений А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, исторические труды Покровского и др.

В заключении комиссии ЦК Компартии Казахстана о Ж. Аймаутове сказано: «...На страницах газет и журналов тех лет он опубликовал серию статей по проблемам двуязычия, методики преподавания русского языка, совершенствования правописания, об интернациональном воспитании, что очень актуально в наши дни».

Вполне созвучно нашему времени перестройки 28 февраля с. г. в конференц-зале Союза писателей Казахстана проводился большой вечер, посвященный Ахмету Байтурсынову, где собрались наследники этих в 30-е годы репрессированных трех великих деятелей, которые думали об их судьбах...

**Семипалатинская областная газета «Иртыш»
за 11 июля 1989года.**

Миржакып Дулатов

Многие улицы нашего города Семей обрели новые имена: Куйбышева стала Кабанбая батыра, Калинина – Дулатова, Советская – Абая... Мы уже начали привыкать к новым названиям. Одни имена нам известны, другие – где-то слышали, а про иные с удивлением спрашиваем: а кто это?

В нашей публикации речь пойдет об одном человеке, имя которого в свое время было предано забвению, а сегодня оно широко известно. Это Миржакып Дулатов – поэт и писатель, журналист и общественный деятель начала минувшего XX века.

«Происхожу из Средней Орды, рода Аргын. Двух лет от роду лишился матери, в 12 – остался без отца. Когда мне исполнилось 8 лет, отец отдал на обучение аульному мулле – татарину, человеку крайне невежественному. Не помню, сколько времени учился у него. Знаю только, что кроме заучивания арабских молитв по афтияку, ничему не научился...». Так писал в своей автобиографии в 1914 году Миржакып Дулатов. Известно, что родился он в ауле Кызбел Тургайского уезда 25 ноября 1885 года, закончил казахско- русскую аульную школу и в 1897 году поступил в двухклассное училище в Тургае. Квалификация «аульный школьный учитель», полученная после окончания училища, дала ему право начать трудовую деятельность.

Обучая школьников, он понимал, как мало еще знает. Юный Миржакып увлекался историей, искусством, литературой, усиленно занимаясь самообразованием. «До 20-летнего возраста серьезного ничего не создал,...» - признается он в своих воспоминаниях.

Сколько же было радости, когда молодой человек увидел в свежем, еще пахнущем краской номере газеты «Серке», вышедшей впервые 1907 году на казахском языке в Санкт-Петербурге, первое свое стихотворение. Кстати сказать, вышло всего два номера этой газеты и после этого она закрылась.

Первые творческие успехи вдохновляли Миржакыпа, поэтическое дарование развивалось, как говорится, от стиха к стиху. И вот в 1909 году в Уфе вышел его первый сборник «Оян, казах»

(«Проснись, казах»), который быстро разошелся. А в 1911 году последовало уже второе издание этой книги.

Уже в первых стихах Дулатова сформировалась его гражданская позиция, а также определились цель и задача всего литературного творчества. Как сказал Мухтар Ауэзов, «Проснись, казах» - это одна из первых революционных книг, написанных казахом». Это хорошо понимало царское правительство. Потому-то и был конфискован тираж второго издания книги. Дулатов тогда находился в Семипалатинске. Здесь и настиг его арест и судебное разбирательство, а затем тюрьма, где ему пришлось протомиться более полутора лет. Стоит добавить, что общественными защитниками молодого поэта выступили довольно влиятельные в то время семипалатинцы: учитель, просветитель Нурғали Кульжанов и купец, меценат, построивший в Семипалатинске мечеть и школу, Рахметолла Елкибаев. Возможно, их выступления в суде и несколько смягчило наказание опального поэта. Ведь в то время куда только не высылали на долгие годы передовых людей с инакомыслящими взглядами.

Зная жизнь своего народа изнутри, Дулатова волновало судьба казахской женщины, существа беззащитного, бесправного, продаваемого, как вещь, за калым. Эта тема и легла в основу его первого романа «Несчастливая Жамал». Он-то и принес автору заслуженную и широкую известность.

Творчество Дулатова не замыкается лишь в жанрах поэзии и прозы. Он делает решительные шаги и в драматургии, и в 1922 году выходит в свет его 4-актная пьеса «Балкия». Занимаясь просветительской деятельностью, писатель создает и издает учебники для начальной школы: «Учебное пособие», «Пособие по математике» и другие. Они выдержали шесть изданий и дали знания не одному поколению казахских ребятшек.

Активное сотрудничество в средствах массовой информации давало в то время уже маститому писателю трибуну для выражение своих мыслей, мнения, отношения к жизни и общенародным ценностям. В разные годы он работал в газетах «Казах» (Оренбург), «Ак жол» (Ташкент), преподавал в институте народного образования в Оренбурге, работал политическим редактором в государственном издательстве Казахстана.

Миржакыпа Дулатова не миновала горькая чаша, которую пришлось испить многим советским людям с передовыми взглядами

В 1928 году его арестовало ОГПУ, и он получил десять лет лагерей. С февраля 1931 года он отбывал срок в печально известном месте – на Соловках, где через 4 года – 5 октября 1935 года – скончался.

Годы ареста тяжким бременем легли на душу и плечи верной и любящей жены Дулатова – Гайнижамал Баймураткызы. С невероятными трудностями ей удалось добиться свидания с мужем и два раза побывать у него в местах лишения свободы.

Имя талантливого писателя, публициста, общественного деятеля в советское время было предано забвению. Но не может исчезнуть след на земле, оставленный такими людьми, как Дулатов и подобными ему. Народ не забывает своих героев.

Уже в период независимости Казахстана, в 1991 году выпущены книги Дулатова, куда вошли его стихи, проза, драматургия и публицистика.

За десять лет независимости многие известные ученые занимались популяризацией творчества Дулатова. Среди тех, кто поднял на высоту имя одного из сыновей казахского народа, ученые-филологи Каюм Мухамедханов, Рабига Сыздыкова, Рымгали Нургалиев, Мухтар Магауин, Жумагали Исмагулов, дочь поэта Гульнар Дулатова, автор диссертации, кандидат филологических наук Марат Апсаматов и другие.

Остается добавить, что после смерти Миржакыпа Дулатова только через 58 лет удалось перевести его прах в Казахстан и достойно похоронить в родном краю.

Газета «Голос народа» за 30 марта 2001 г.

Жусипбек Аймаутов

В городе Семей издается республиканский журнал «Абай». Это периодическое издание возобновлено в 1992 году после 73-летнего перерыва. Журнал «Абай» основан в 1918 году. У него было два соредатора: Мухтар Ауэзов и Жусипбек Аймаутов. Но после двенадцати номеров издание было закрыто по идеологическим мотивам. Надо сказать, что Жусипбек

Аймаутов обладал разносторонним талантом и оставил бесценное наследие в разных отраслях литературы и науки. Он также был известным общественным и государственным деятелем. За годы независимости Казахстана Жусипбек Аймаутов полностью реабилитирован, а его творческое и научное наследие возвращено народу.

В Семипалатинске именем Жусипбека Аймаутова названа бывшая улица Пролетарская.

За свою сравнительно короткую жизнь Жусипбек Аймаутов (1889-1931) проявил себя как поэт, писатель, публицист, ученый, как государственный и общественный деятель. Он был человеком с энциклопедическим складом мышления, автором более десяти книг, около сотни научных и публицистических работ, множества художественных книг (романов, поэм, пьес и др.), учебников и учебных пособий по методике, педагогике и психологии, этике, эстетике и лингвистике.

Жусипбек Аймаутов родился в 1889 году в ауле Дандебай Павлодарского уезда Семипалатинской губернии. С 5 до 15 лет он обучался у разных аульных мулл. По его словам, «до 1917 года отец имел не более 6-7 голов скота». Однако, несмотря на нужду и материальные лишения, Жусипбеку удается окончить Павлодарскую русско-казахскую школу и Семипалатинскую учительскую семинарию, в которых в общей сложности проучился с 1911 по 1919 г.г. Семинарист Жусипбек Аймаутов тоже оказался в алашордынской организации, в составе которой он находился в 1917-1919 годах. Вскоре он участвует в укреплении и установлении советской власти в Павлодарском уезде. В январе 1920 года Ж. Аймаутов вступил в ряды большевистской партии. С этого времени начинается его интенсивная и целенаправленная литературная и общественная деятельность. Жусипбек Аймаутов стал делегатом учредительного съезда Советов Казахстана, членом коллегии Наркомпроса республики, заведующим ГубОНО, редактором газеты «Казах тили» (ныне «Семей таны»).

В 1922-1924 годах Ж. Аймаутов был учителем в Каркаралинской школе. Затем переехал в Ташкент, где сотрудничал в

газете «Ақ жол» («Светлый путь»), в 1926-1929 годах он работал директором Шымкентского педтехникума, в эти двадцатые годы он избирался членом Исполнительного комитета Казахстана и заместителем наркома просвещения.

Нелегко жилось исключительно одаренному, талантливому и образованному человеку – Жусипбеку Аймаутову. В 1925 году по различным доносам он был исключен из партии, привлекался к суду. Вскоре ему удалось оправдаться, но не надолго. В 1929 году Жусипбек Аймаутов был снова арестован по ложному обвинению в участии в подпольной националистической организации и через два года его постигла та же участь Ахмета Байтурсынова, Магжана Жумабаева, Миржакыпа Дулатова и др.

В архивном фонде Дома-музея М.О. Ауэзова в Алматы сохранилась анкета, собственноручно заполненная Жусипбеком Аймаутовым, где он дает довольно подробные сведения о своей жизни и творчестве.

По свидетельству самого Аймаутова, он начал писать стихи с 13 лет. Первая заметка об одном курьезном случае со спекулянтом, у которого ловкие аульчане растащили чай, пообещав избрать волостным управителем, была напечатана в 1913 году в газете «Казах».

Анкета заполнена Ж. Аймаутовым в январе 1928 года, примерно за три года до гибели. Здесь среди опубликованных и подготовленных к печати книг названы пьесы «Рабига», «Сылан кыз» («Кокетка»), «Мансапкорлар» («Карьеристы»), «Канапия и Шарбану», «Ел корганы» («Опора народа»), «Шернияз», романы «Карткожа», «Акбилек», учебники «Руководство к воспитанию», «Психология», «Психология и выбор ремесла» и др.

Опираясь на труды А.Ф. Лазурского, западных психологов Джеймса, Мюнстерберга, Штерна и др., Ж. Аймаутов разрабатывал свои уникальные концепции теоретического определения в психологии с учетом казахского национального менталитета. Значительный вклад он внес в создание и обогащение общетюркской психологической терминологии. В его интерпретации в науке закрепились, например, такие термины – любопытство-эуестік, душевные силы-жан қуат, воля-ерік, влечение-елігу, подражание-еліктеу и др. Его работы отличаются самобытностью, широким

использованием источников казахской культуры: материалов фольклора, богатого духовного наследия поэта-мыслителя Абая Кунанбаева. Его научные и методические труды имеют большое значение для упрочения национальной терминологии и освоения некоторых этнопсихологических проблем. Отдельные положения его трудов созвучны с сегодняшними проблемами, стоящими перед психологической наукой. До последнего ареста Ж. Аймаутову удалось выпустить такие книги, как «Педагогическое руководство – «Тәрбие жетекшісі» (Оренбург, 1924), «Психология и выбор профессии» – «Жан жүйесі өнер тандауың» (М., 1926), учебное пособие «Психология» (Кызыл-Орда – Ташкент, 1926), «Методы комплексной системы преподавания» – «Комплекспен оқыту жолдары» (1929) и др. В общем и целом Жусипбек Аймаутов по своему мировоззрению был вполне лоялен к советской власти. По случаю смерти В. И. Ленина он написал стихотворение жизнеутверждающего содержания в связи с таким горем общенародного охвата в свое время. Им переведен на казахский язык партийный гимн «Интернационал».

К тому же надо отметить что постановлением от 4 апреля 1919 года Всероссийский Центральный исполнительный комитет реабилитировал партию Алаш и деятелей правительства Алашорды. Однако Жусипбеку Аймаутову не удалось избежать карающего меча беспощадной репрессии...

Исследователь творчества Ж. Аймаутова Мекерия Айтимов считает что «его психологические и педагогические труды с лихвой составят три тома, а их перевод и публикация на русском языке станут большим событием в жизни тюркоязычных народов, ибо доселе подобных сочинений, написанных с учетом национальной специфики, они не знают».

Жусипбек Аймаутов своими переводами сделал достоянием народа ряд произведений А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Джека Лондона, Г. Уэльса и др.

Еще, к сожалению, не все произведения, научные и методические труды и переводы из богатейшего творческого наследия Жусипбека Аймаутова изданы после его полной реабилитации. Но это уже дело, надо полагать, недалекого будущего...

Магжан Жумабаев

В начале двадцатого века Магжан Жумабаев был одним из популярных в народе поэтов. Читающая публика и образованные люди того времени ставили его поэзию на второе место после Абая. Он считался основателем нового направления в литературе, синтезировав в своем творчестве достижения западной и восточной поэзии. Родился он в 1893 году в урочище Сасыкколь Сарыайгырской волости Кызылжарского уезда Акмолинской области (позже – совхоз «Молодежный» Булаевского района Северно-Казахстанской области).

Хотя отец поэта Бекен Жумабаев принадлежал к байскому сословию, был волостным управителем, трудная судьба Магжана началось рано, с юношеского возраста.

С 1906 года по 1910 год Магжан учился в медресе в г. Кызылжаре (ныне Петропавловск). Потом с 1913 года учился в татарском медресе «Галия» в г. Уфе. В 1916 году закончил Омскую учительскую семинарию, еще в семинарии Магжана признавали как поэта. Здесь он редактировал журнал литературного объединения «Бирлик» («Единство»).

Тогдашние лидеры Алаш-Орды привлекли его в свои ряды, введя в состав комитета, затем – в комиссию по составлению учебников для казахских школ и позже выдвинули кандидатом в депутаты учредительского собрания.

После изгнания из Омска белогвардейцев он редактирует газету «Бостандык туы» - «Знамя свободы». Работал и в Ташкенте: в газете «Ак жол» («Светлый путь») и в журнале «Шолпан» - «Венера».

Далее М. Жумабаев в 1923-1927 годах учился в Московском литературно – художественном институте, которым руководил поэт и выдающийся деятель Валерий Брюсов.

С 1927 года Магжан Жумабаев полностью переходит на преподавательскую работу, принимает участие в подготовке учебников для казахских школ.

Беда пришла в 1929 году. Внезапный арест и срок - 10 лет лагерей. Жумабаева обвинили в создании организации «Алка» («Круг»), которая якобы вела подпольную деятельность. На самом деле это была коллегия, созданная в 1921 году представительством Казахской АССР при Сибревкоме, а занималась она информационными и просветительскими делами. Однако в двадцатых и тридцатые годы необоснованных репрессий эта организация была признана контрреволюционной и члены ее были подвержены гонениям.

Магжан Жумабаев был сослан в далекие северные леса Карелии. Вызывают уважения его стойкость перед трудностями, а также находчивость и великая сила духа его жены Зылихи, преданной, любящей женщины, которая, невзирая на трудности с транспортом, приезжала к мужу в места заключения. За семь лет 14 раз.

Сняв квартиру в Ленинграде, она часто посещала мужа в Соловках. По его просьбе она доставляет ему в лагерь программу и литературу за курс среднего медицинского образования. Магжан Жумабаев успешно сдает экзамен и становится фельдшером медпункта, объединяющего несколько лагерей.

С помощью М. Горького и Е. Пешковой при посредничестве Зылихи- апа, которая доставила письмо Магжана в Москву, срок М. Жумабаеву был уменьшен на 3 года.

Именно в Москве, в доме №24 на Кузнецком мосту, в помещении «Политического Красного Креста» Зылиха или Зулейха Жумабаева услышала радостную весть: Магжан – на свободе! Шел 1936-й год. Но уже в следующем году Магжан Жумабаев был снова арестован. 19 марта 1938 года его расстреляли.

А бабушка Зулейха, которой в молодости поэт и супруг Магжан Жумабаев посвятил не одно стихотворение, дожила до полной реабилитации мужа и в возрасте 97 лет принимала посильное участие в публикации и обнародовании его классических произведений в независимом Казахстане.

В разных жанрах создавал свои произведения Магжан Жумабаев. В 1912 году был издан в Казани первый сборник его лирических стихотворений «Шолпан», который сразу же сделал его

популярным среди своего народа. Там же в 1922 году был выпущен второй сборник его стихотворений с предисловием Бернияза Кулеева.

В 1923 году в журнале «Шолпан», выпускаемом в Ташкенте, в нескольких номерах опубликована поэма М. Жумабаева «Батыр Баян». Третья книга поэта в том же году под редакцией и с предисловием Султанбека Кожанова была издана в Ташкенте.

Также Магжан Жумабаев плодотворно занимался художественным переводом. На казахском языке в его переводе увидели свет произведения Максима Горького, Всеволода Иванова, Мамина-Сибиряка и других русских писателей. Вот почему Максим Горький хорошо знал казахского поэта, оказавшегося в далеких лесах Карелии. В 1924 году в переводе М. Жумабаева был издан сборник рассказов Горького на казахском языке.

В разное время в периодике публиковались статьи М. Жумабаева «Ахан-сери», «Слова Ахана-сери», «Аубакир - аксакал Диваев», «Наурыз», «Алатау», «Из уст народа», «Хаджи-Мурат» и др.

Большое внимание Магжан Жумабаев уделял воспитанию и обучению подрастающего поколения. С этой целью он публикует статьи на педагогические, психологические и методические темы в газетах и журналах «Казах», «Ак жол», «Сана» («Разум»), «Тан» («Утро»), «Айкап» и др.

В 1923 году в Оренбурге была издана солидная и содержательная книга М. Жумабаева «Педагогика». Его перу также принадлежат «Методика родного языка» (Москва, 1925 г.), «Учебное пособие для взрослых» (Москва, 1929 г.) и др.

Среди переводов Магжана Жумабаева есть и труд В.И. Ленина «Парижская коммуна» (Москва, 1925 г.).

Но как при жизни Магжана Жумабаева, так и после смерти, в период запрета его имени, казахский народ почитал его как прежде всего большого поэта, великого и тонкого лирика.

Мухтар Ауэзов признавался, что после Абая самым любимым поэтом считает Магжана Жумабаева за его «по-европейски блестящую выразительность» и далее подчеркивал: «Магжан – поэт высокой культуры».

Ныне имя Магжана Бекенулы Жумабаева возвращено народу, его творчество изучается и глубоко исследуется, а произведения вошли в школьные и вузовские программы.

Әдебиет пен тарих үзетгілес еді ғой...

(Егеменді елімізде туып ержеткен жастарымыздың жадына)

Ғасырлар бойы ата-бабаларымыз қиялданып, қылыштың жүзімен, найзаның ұшымен арпалысып, барлық жан тәнімен, ой өрісімен аңсаған егеменді еліміз, дербес мемлекетіміз, ешкімге тәуелсіз Қазақстанның өзінің көк байрағын, ашық аспанмен түстес бостандық туын көтергелі де жиырма жыл болып қалыпты. Міне осындай айшықты кезеңде туып өскен ең бақытты ұрпақтың алды жекеменшік отау, өзінің жанұясын құруға да жарап қалыпты ғой. Ал енді қолда бар алтынның қадірі жоқтың кебін кимей, ендігі жас ұрпақтардың қазіргі заманның мол мүмкіншіліктерін мейлінше пайдаланып, толығымен қамтып, білімін молайтып, халқының тарихын тереңнен меңгеріп, рухани байлығының дүниежүзінің ешбір елдімекенінен, артып түспесе, кем емес екендігін аңғарып түсінуі абзал. Содан біздің туған еліміздің елестеген болашағы кең байтақ даламыздың көкжиектеріндей алдымыздан ашыла беретіні хақ.

Біз мектепте оқып жүрген кезімізде туған еліміздің, қазақ халқының тарихынан мүлде мақрұм болдық десем артық айтқан болмас. Ұлы Отан соғысынан кейінгі кез, ауыр ахуал, жокшылық жағдай еді. Бірақ «Жеңіс» деген салауатты сөз кішіні де, үлкенді де керемет қуантып, басымыздлы көтертіп, өмір өрісіне деген үмітіміз кеудемізді кернеп, алға ұмтылуға мейлінше қолдайтын. Осындай күндердің бірінде орыс мектебінің тарих пәнінің мұғаліміне қазақ халқының тарихы туралы сұрақ қойылып еді. Қай мұғалім екені есімде сақталмапты. Ал оның мынадай жауабы есімде қалыпты: «Слово «казах» означает «отделившийся». Казахи в средние века отделились от узбекского народа». Керісінше өзбек халқы қазақ хандығының құрамында ғасырлар бойы болып, кейіннен бөлініп шыққанын тек есейе келе оқып білгенім бар еді. Мектептегі тарих пәнінің мұғалімі өз білгендігі бойынша жаңалық ашқандай тосын трактовка жасаған болуы керек. Себебі «казахи» деген атау орыстың «казаки» деген ұғымымен ұқсас болғандықтан өзінше солай пайымдағанды дұрыс деп тапқан шығар. Дегенмен мұндай қазақ

халқының тарихын келте қайыру тек Октябрь социалистік революциясынан кейін ғана Совет Одағындағы көптеген халықтардың көзін ашып, білім мен ғылым беріп, еңсесін Кеңес үкіметі көтерді деуге ыңғайлы еді.

Қайран балалық шақта мектептің жоғарғы сыныптарында оқып жүріп, өз ұлтыңның тамаша, үлгі аларлықтай қасиетін көбінесе Ұлы Отан соғысының сұрапыл қан майданында ұмытылмайтын ғажайып ерлік көрсеткен қазақ жауынгерлерінің іс-әрекеттері туралы жазған мақалалар мен кітаптардан оқып білетінбіз, керемет қобалжып, қуанып, ғибрат алатынбыз. Сондай мезгілде бір туысқанымыздың қызы арқылы қолыма Александр Бектің «Волоколамское шоссе» деген кітабы тиді. Қуанышымда шек жоқ. Аз уақытқа алған болатынмын. Қайран анамды керосинді көп жағып қойдың дегізіп күні-түні отырып оқып бітіргенім бар еді. Осы романдағы басты кейіпкер Бауыржан Момышұлы туралы мәліметтер, көріністер, эпизодтар менің балауса санамның төрінен мәңгі орын алып қалыпты.

Дәл сол кездерде біздің үйде пәтерде тұрған көрші орыстан алған кітапты сахнадан оқуға, эстрадалық орындауға арналған өлеңдер мен прозалық үзінділер топтастырылған екен. Солардың ішінен танымал ақын Евгений Долматовскийдің «Казахстан» атты жүрекжарды өлеңге тап болдым. Бұдан кейін бұл өлеңді өмір бойы еш жерде ешкімнен көрген де жоқпын, естіген де жоқпын. Сол өлеңнен ойымда қалған үзіндіні келтіре кетейін.

Когда ты говоришь о Казахстане,
В моей солдатской памяти встают
Не пастбища в подоблачном тумане,
Не белой юрты войлочной уют,
А дождь и подмосковные осины
И осень в горестной своей красе,
Когда судьба Москвы и всей России
Сошлась к Волоколамскому шоссе.
На том шоссе, на той дороге узкой
Плечом к плечу, как памятник в веках,
Стояли за Москву казах и русский,
Стояли насмерть русский и казах...

Кейіннен өткен ғасырлардың жетпісінші жылдары майдангер-жазушы Әзілхан Нұршайықовтің қазақша және орысша жарық көрген «Ақиқат пен аңыз» - «Истина и легенда» атты романынан ержүрек

жауынгер, қабілетті қолбасшы және белгілі жазушы Бауыржан Момышұлын бұрыннан да көп тани түстік.

Осылай әскери шығармалармен рухтанып жүргенімізде біз, сұрапыл соғыс жылдарының балалары, әсіресе әуе күш құралдарына, авиацияға өте – мөте құмар едік. Кеңес Одағының үш мәрте Ерлері, керемет қайсар ұшқыштар Александр Покрышкин мен Иван Кожедуб туралы жазылған кітаптарды іздеп жүріп оқитынбыз. Сол кезде екі мәрте Совет Одағының батыры, атақты ұшқыш – қазақ Талғат Бегілдинов туралы Сәуірбек Бақбергеновтің «Талғат» деген повесті және мақалалар оқылып, әскери ұшқыш болайын деген арман мүлде билеп алды.

Сонымен, сыныптас досым Борис Дурнобраговпен мектептің сегізінші класын бітіре салып, сонау Тәжікстандағы Ленинабад (қазір Ходжент) қаласында орналасқан «Спецшкола ВВС» деген әскери оқу орнының іргесінен бірақ шыға келдік. Сонда біз үш республиканы жалғыз өзіміз өтіп жүрген 15-16 жастағы балалар едік. Бірақ қазіргі тұрғыдан қарағанда балауса жас өспірім сияқты шығармыз. Соғыс кезіндегі балалар тез есейеді дейтін сөз де бар емес пе?!

Ал мына қазақтың эпосына немесе өткен ғасырдың бас кезіндегі әдебиетіне көз жүгіртсеңіз, кейіпкерлері, әдемі, сұлу, махаббат мәселесіне ұшыраған ұл-қыздары осы жастағылар екен. Мысалы, қазақ әдебиетінің алыбы Мұхтар Әуезовтің суреттеген жас Абай мен Тоғжан, Сұлтанмахмұт Торайғыровтың Қамар-сұлуы, Мағжан Жұмабаевтің «Батыр Баян» поэмасындағы қалмақ қызы Ноян және т.б.

Орта Азияның табиғаты өте әсем екен. Жағрафия оқулығынан мектепте көріп жүрген құлпырған Фергана жазығы көз алдымызда болды. Өсіп, сынсып тұрған өрік, жүзім, алма ағаштары. Памир тауының бауырында ағып жатқан асау Сыр – Дарья өзені. Үстімізде шыттай киіндірген офицер формасы және иығымызда жарқыраған фольгамен көмкерілген погондарымыз бар еді. Бірақ адам баласы ең алдымен туған жерін, өз елін, ана тілін сағынады екен.

Бұл 1952-54 жылдар еді. Жазда арнайы мектептеріміздің курсанттарын қаланың сыртына ақ палаткалар құрып, әскери жаттығуларға алып шығатын. Соның бірінде ұзыннан ұзақ жайылып жатқан көкөніс алқабында қызылды – жасылды, түрлі түсті, көзге ұратын ала құла көйлек киген қыздардың шиқылдаған дауысын, көңілді күлкісін естіген соң бұлар кімдер деп сұрағаным бар еді. Сөйтсем олар қазақтың қыздары болып шықты. Олардың ауылдары

жақын жерде орналасқан екен. Ол арада туған өлкемді, ана тілімді, жақын туыстарымды керемет сағынып жүргенімде шек жоқ болатын. Сол кезде әскери басшыларымнан сұранып, әлгі қазақ ауылын тауып алып, бір қонып, әжептәуір мауқымды басып қайтқаным бар еді. Сонда тұрақтаған қазақтармен көп сұрастық, көп әңгімелестік. Қайтарда Жамбыл – атамыздың жүз жылдық мерейтойына арнап шығарылған үлкен де қалың бір томын ала келдім де, өзім оқыдым, қазақ жолдастарымызға да оқытқан едім. Кейін ол кітапты уәде бойынша ауылға апарып бердім.

Ең ғажабы әлгі ауылдың қазақтары жердің астынан үй қазып, соны жабдықтап, ескі салт – ғұрыппен өмір сүреді екен. Тек қана әрбәр отбасынан бір адам жергілікті колхозға тіркеліп қойып, еңбек етеді екен. Егер жастар үйленетін болса, бүкіл ауылдың еркектері жиналып жер астынан отау қазып береді. Міне оны да көрдім. Кейінірек біртуар ақынымыз Жұбан Молдағалиевтің қазақ халқы туралы «мың өліп, мың тірілген» деген ұлтжанды сөздері көңіліме бірден қонғаны содан болар.

Балалық шақта көріп білген әсерлер ең күшті болады дейді ғой. Жазғы лагерьде болғанымызда және күзгі кезеңде мақта теруге барғанымызда жолда жартылай бұзылып жатқан тас қоршаулар мен құлдыраған қамалдар кездесетін. Ойымда қалғаны, оларды біздің эрамызға дейінгі жергілікті сарбаздар мен тұрғындар айбынды қолбасшы Александр Македонскийдің осы жаққа бастаған жорығына қарсы құрған деп еститінбіз. Бұл тәжік халқы, парсы тілді ел сол көне заманда да өмір сүрген екен деп қайран қалатынмын. Бұдан басқа әр елдімекенде орта ғасырларда өмір сүрген белгілі ғалым, ұлы дәрігер Европада Авиценна деп кеткен Абу-Али-Ибн-Синаның бюстері, ескерткіштері кездесетін. Осы ата – бабасын ерекше қастерлейтін тәжіктер көшелер мен мектептерге атын қойғаны есімде қалыпты.

Дәл осы уақытта туған елімді қатты сағынғандықтан болар өлең жазуға деген құштарлығым пайда бола бастады. Арнайы оқу орнында бір жарым жылдай болған соң оныншы кластың орта тұсында реактивті ұшақтың пәрменін поэзия ұшағының тартуы жеңіп, Ертіс өңіріне қайта оралып, өзімнің бірінші сыныптан бастап оқыған мектебімді тәмәмдап, кәметтік аттестатты алып шықтым. Ілешала сол жылы Семей пединститутының филология факультетінің орыс тілі және әдебиеті бөліміне түсіп кеттім.

Тағдыр деген күрделі де қызықты болады екен. Сегіз жасымнан әкемнен айырылған мен сегізінші сыныптан соң кластасым Бориспен

алыстағы Сыр бойына барып, орта мектепті бітіру мақсатымен соғыстан кейін Суворов училищелері секілді панасыз қалған балаларға қамқорлық жасау үшін ашылған арнайы мектепте оқыдым. Кейін ол досым ұшқыш болды, бертін жоғары оқу орнын бітіріп, көп жылдары Борис Михайлович атанып, Семейдің, Алматының әуежайларын басқарды. Ал менің бақытыма орай дәл пединститутқа түскен кезімде 25 жылға сотталып, репрессияға ұшыраған ақын, драматург, абайтанушы – ғалым, Мұхтар Әуезовтың бірінші шәкірті Қайым Мұхамедханов түгелдей ақталып келіп, қазақ тілі мен әдебиеті бөлімінде дәріс беріп жүр екен.

Міне енді екінші курсқа көшкенде оқу министрлігінің ұйғарымы бойынша тек біздің ғана пединститутынан республика бойынша эксперимент ретінде кең профильді деген бөлім ашылатын болыпты. Оған барлық қазақ, татар студенттерін топтастырып, қазақ тілі мен әдебиеті және орыс тиілі мен әдебиеті пәндерінің мамандары боласындар деді. Біразы өз группаларына қашып кетті, олардың ішінде мен де бармын. Сондықтан әлгі топқа қайта оралуыма аялы ұстазым Қайым Мұхамедханұлының қамқорлығы мен үшін, менің болашағым үшін ерекше зор болды.

Сол кездегі біздің қазақ бөліміндегі ұстаздарымыз – нағыз тарихи тұлғалар еді. Қазақ тілі пәнінен дәріс беретін филология ғылымдарының кандидаты, доцент Тұрсынбай Ерғалиев – атақты Бөгенбай батырдың тікелей ұрпағы еді. Бұл кісінің үйінде (пәтерінде) үлкен кілемнің үстінен көлденең шашақталған ұзын найза ілулі тұратын. Сөйтсем ол біздің жас кезімізде аты атала бермейтін Қанжығалы Бөгенбай батырдың сақталып қалған найзасы екен. Практикалық қазақ тілінен сабақ беретін Ғалиакпар Төребаев – сол өңірде құрылып, қызмет атқарған «Ес аймақ» үйірмесінің беделді мүшесі, режиссеры және актеры болған, жазушы Николай Ановтың «Крылья песни» - «Ән қанатында» романының Ғали атты кейіпкерінің прототипі. Ал Қайым Мұхамедханов – ұлағатты ұстаз, ірі абайтанушы-ғалым, Қазақстанның әнұранының авторы.

Қайым-ағайдың лекциялары ерекше есте қалған еді. Әсіресе, Шоқан Уәлиханов туралы дәрісінде шаттана, қызықтыра мәлімдейтін. Саяхатшы, этнограф-ғалым ретінде ол жасырын түрде Қашғарияға барып қайтып, ғылыми еңбектерін жариялаған соң бүкіл Европаға танымал болды. осы құпия да жемісті саяхатынан кейін поручик, сұлтан Шоқан Уәлихановқа штабс – ротмистр шені беріледі, 4 дәрежедегі қасиетті Владимир орденімен марапатталады. Өкінішке

орай аса талантты, қазақтың біртуар ұлы Шоқан Уәлиханов ауыр науқастан соң небәрі отыз жасында қайтыс болған.

Бала кезімнен әскери оқуға жақын болғандықтан жауынгерлік мәселелерге өмір бойы бір табан жақын едім. Айтпақшы, ондағы арнаулылар (спецы) бірден мені «бала» деп лақап ат қойып, атап кетті: бойым сонда дереу өсіп, көзге ілгерліктей болып қалды.

Шоқанның әскери шенін білгеннен соң Абайдың Санкт-Петербург Михайлов артиллерия училищесін бітірген, көп үміт артқан сүйікті ұлы Әбдірахман қандай шенде болды екен деген сауал қызықтырады. Алдымен Семейдің уездік мектебінде, Түмен қаласындағы Александров училищесінде оқып, Әбдірахман Өскенбаев 1889-92 жылдары Михайлов артиллерия училищесінде оқып бітіріп, подпоручик деген әскери атақ алыпты. Бірақ өмірі қысқа болып, 1895 жылы Ташкенттің бекініс горнизонында небәрі 26 жасында дүниеден өтті.

Осының бәрін ұстазымыз Қайым Мұхамедханов жыр қылып айтып, санамызға құйып беретін. Бірде үйдегі кабинетінде өзінше мазасызданып, маған бұрылып бұлай деді: «Сендер не білесіңдер? Ештеңе білмейсіңдер. Қазақтың Аттила деген арғы бабасы болған. Ғажайып ақылды, адуынды қолбасшы қасиетімен жарты Азияны, барлық дерлік Европаны өзіне бағындырып, қол астына алған. Ал Шәкәрімнің баға жетпес дүниелерін әлі жарыққа шығаралмай жүрміз. Біз жоғары орындарға тәптештеп, оның баға жетпес мұрасын дұрыс көрсетіп, хат жазуымыз керек. Шәкәрім Лев Толстоймен хат алысып тұрған. Ол өлеңдерінің бірінде «мен Толстойдың шәкіртімін» деп тура айтқан. Хатта сол ақиқатты дұрыс көрсетуіміз қажет».

Ол солай болды да. Дайындалған хаттар Мәскеуге және Алматыға жіберілді. Басқа бұл іске ат салысқандар болған шығар, болды да. Ал ең бастысы, жүрекжарды аманатымыз орындалды. 1988 жылы үкімет пен компартияның қаулысы шыға сала екі баспа «Жазушы» мен «Жалын» Шәкәрім Құдайбердиевтің екі кітабын жарыққа шығарып, халыққа таратып жіберді. Бұл екі кітапты оқырмандар талап алды деуге әбден келеді.

Бірақ осы екі томға Шәкәрімнің «Қазақтың түп атасы» атты поэма – толғауы енгізілмеген. Жаңа ғана шығармашылық дүниесі ақталған ақынның бұл жұрт аңсап күткен екі кітаптың құрастырушылары қазақтың тарихын сонау көне дәуірден қозғайтын толғауды қосып жіберуден тартынған сияқты. Тек төрт жылдан соң 1992 жылы республикалық «Абай» журналы «Қазақтың түп атасын»

№1 санында толығымен басып шығарды. Міне сонда Аттила Мұнжықұлына арналған үш-ақ шумақ бар. Толық келтірейін.

Айтайын Әтелланың қылған ісін,
Сиқыр деп ойлаған жұрт қайрат, күшін.
Азияны түгел билеп, Европаның,
Көбі ауған Әтелладан қорыққаны үшін.

Әтелла Мұнжық ханның баласы еді,
Басы үлкен, кеудесі кең, аласа еді.
Мың бес жүз жылдай болды өлгеніне,
Оның да қылған ісі тамаша еді.

Қайтемін айта беріп, алған жерін,
Атаңның ойға түсер сондай ерін.
Қор болып осы күнде отырсаң да,
Қозғалсын өткенді ойлап іште шерің.

Осыдан соң жанталасып Аттила туралы, Рим империясы, гунн қозғалысы, Галлия тарихы туралы кітаптарды, мақалаларды, зерттеулерді көп іздестірдім. Семейдегі бір дүкеннің Новосібір кітап базасымен байланысы бар екен. Сондағы ұсынылған әдебиет тізімдері бойынша талай кітаптарды алғыздым. Сөйтіп бірсыпыра, мейлінше толық материалдар жинаған соң тәуекелге басып, «Аттила» атты көпактылы тарихи пьеса жазуға кірістім.

Аттила және гунндар туралы көптеген мәліметтер қалдырған латын және грек тарихшылары Аммиан Марцелин, Приск Панийский, Иордан және т.б.

Бір ғажабы, бүкіл Европаны дерлік өзіне қаратқан Аттила туралы көптеген жағымды көріністер мен нұсқаулар қалған. Герман және скандинав эпосында «Песнь о Нибелунгах», «Старшая Эдда» халық туындыларында гунн патшасы Аттила есімі өзгертіліп Этцел, Атли деген аттармен суреттелген. Ұлы итальян композиторы Джузеппе Вердидің 26 операсының ішінде «Аттила» атты өз кезінде жағымды пікірге ие болған шығармасы бар.

Менің «Аттила» пьесам «Абай» журналында 2000 жылғы № 2,3 сандарында орыс тілінде, 2003 жылғы № 1,2 сандарында қазақ тілінде басылып шыққан еді. Иншалла, оқырмандардың қабылдауы,

пікірлері дұрыс, жағымды болды. тіпті ол үшін марапатталғаным да бар.

Бұл жетістігімде ардақты да аяулы Қайым (Ғабдулқайым) Мұхамедханов – ұстазымыздың қамқорлығы мен көмегі ұмытылмайтындай зор болды. 2004 жылы 88 жасында Қайым Мұхамедханұлы – ағайымызды Шәкәрім даңғылы мен Шоқан Уәлиханов көшесі түйіскен жерде орналасқан әдемі үйден соңғы сапарға шығарып салдық. Мұның өзі де символ іспеттес емес пе деп кейде ойлаймын.

Осы орайда айтайын дегенім орыс тілді қазақ жазушылары еліміздің тарихын жаңартуымыздың ісіне, аударма бағытында, әдебиетіміз бен өнерімізді шет елдерге, дүниежүзіне паш етуге көп үлес қосып, еңбек сіңіргені хақ. Тек олардың кітаптарының аттарына қараңыздаршы: Әнуар Әлімжанов «Сувенир из Отрара», «Возвращение учителя» (Әл-Фараби туралы), өмірден ерте кеткен Шоқан Әлімжанұлы «Альфа гениальности», Сәтімжан Санбаев «Белая аруана» (отыздан астам шетел тілдеріне аударылыпты), Орынбай Жанайдаров «Шёл степью человек». Аудармашылық бағытпен табысты еңбек етіп жүрген Марат Әдібаев, Қайрат Бақбергенов Абай мен Шәкәрім туындыларын орыс тілінде оқырмандарға және шет елдерге жеткіземіз деп еңбектеніп жүр, оқулықтарға енгізді.

Біздің заманымыздан бұрынғы эраға созылып жететін қазақ халқының тарихында сақтар көсемі Ішпақаймен ең алдымен бізді таныстырып табыстырған атақты ақынымыз Олжас Сүлейменов өзінің «Глиняная книга» атты кітабы арқылы еді.

Былтыр балаларымыздың ұйымдастыруымен жұбайым, мектеп мұғалімі болған зейнеткер Күлзада Мағауияқызы екеумізге Сарыағаш шипажайына барып, емделіп, дем алуымыздың сәті түсті. Алғашқы барғанымызда біз орналасқан бірінші корпусың алдындағы шағын саябаққа кіре берісте Абу-Али-ибн-Синаның бюст-ескерткіші орнатылған. Сонан соң минералды сумен емдейтін бір бөлім ғимаратында Авиценнаның әдемі барельефы жапсырылып қойған екен. Ойымды сонау Тәжікстандағы Ходжентке жетелеген осы көріністер ғой деп ұйғарамын.

Енді әдемі безендірілген шипажайдың асханасына барсақ екі мың жылдан астам, біздің эрамыздан бұрын өмір сүрген атақты бабаларымыздан бастап өзіміздің замандастарға дейін белгілі адамдардың әсем портреттері ілініпті. Бір көрнекті батыр қызға

үніліп қарасам, бұл ибалы ханзададан төмен жазылғаны мынау: «Тұмар (шамамен б.д.д. 570-520 ж.ж.), сақтар көсемі Ішпақайдың ұрпағы, Мәдидің шөбересі».

Жаңағы саябақтың арғы бетінде, ардақты бабаларымыз Төле би, Қазыбек би және Әйтеке билердің мүсіндері орнатылған. Бұлардың жоңғармен соғысқандығы қазақтың үш жүздерінің басын қосып, елімізді аман сақтап қалудағы ролі жастарға мәлім шығар деп ойлаймын.

Егеменді Қазақстанда туып өскен жастарға айтайын дегенім бір мақаланың көлеміне сиятын емес. Біздің дәуірімізден (эрамыздан) бұрын өмір сүрген көне грек ғалымдары Геродот, Платондармен қатарлас тұрған Анахарсис заты скиф ғұлама бабамыз тағы бар.

Осындай мыңдаған жылдарға созылған түркі тілдес елдердің ішінде қазақ халқының тарихын меңгеріп алсақ, рухани байлығымыз молая түсіп, болашағымыз айқындалып, ашыла бермек. Мұндай ата – бабаларымыз ғасырлар бойы аңсаған егеменді ел болып, ерікті де еңселі мемлекет құрып, өзіміздің төл рәміздерімізді ардақтап, дүние жүзіне танытқан кезде тұңғыш президентіміз Нұрсұлтан Әбішұлы Назарбаев біздің заманымызда Ұлт Көшбасшысы деген үлкен абыройға ие болғаны кереметтей табыс та ардақты қиялымыздың орындалғаны деп білемін. Бұл тарихи дәуірдің бейнесі төл әдебиетіміздің болашақ парақтарында суреттеле беретіні айдай анық...

2010 жыл.

После полной реабилитации во второй половине двадцатого столетия крупнейшие деятели литературы и культуры казахского народа в местных и республиканских газетах «Семей таңы», «Вести Семей», «Қазақ әдебиеті», «Егемен Қазақстан», «Вечерний Алматы», «Казахстанская правда» и др. появилась рубрика «Возвращенные имена», по заданию которых были написаны и опубликованы эти отдельные корреспонденции: статьи, поэмы и эссе.

М.С.

Мухтар Ауэзов с друзьями в городе Семей, 1926 год. Первый справа- Смагул Садуакасов

В первом ряду (слева направа) : Х. Габбасов, М. Дулатов, А. Байгурсьнов, М. Ауэзов.

Во втором ряду: Ж. Аймаутов, А. Маргулан, А. Байтасов, 1926 год.

Жас Мұхтар Семейде

Бүгінгі таңда Мұхтар Әуезовтің шығармашылығының орны мен ролі тек қана қазақ әдебиетінің емес, бүкіл дүниежүзі әдебиетінің тарихында айқын анықталды да, берік өзінің айнымас тұғырын иемденді деуге әбден болады. Жазушы-академиктің өміршен де классикалық туындылары әлем халықтарының елу шақты тілдеріне аударылып таратылады. Мұқаң туралы естеліктердің екі қомақты том кітаптары жарық көріп үлгерді.

Енді бізді, ұлы Мұқаңның жерлестерін, әсіресе елеңдететіні де, қызықтыратыны да оның Семейдегі өмірі, жастық шағы, шығармашылығы, қызметі және жалпы біздің Ертіс өңіріне келіп-кету кезеңдері.

Өзінің өмірбаянында Мұхтар Омарханұлы былай деп жазыпты: «Менің аталарым XIX ғасырдың бас кезінде Орта Азия жақтан кел, Тобықты руына сіңіп кетіпті. Бұл – кәдімгі менің романымның қаһарманы Абай Құнанбаевтың руы.

... Он бір жасқа келгенде әкеден айырылдым да, мені Қасымбек ағай өз қолына алды. Ол кісі жас кезінде Камалетдин хазіреттің теріс бата бергеніне қарамастан, мұсылман медресесін тастап, орыс мектебіне ауысады. Сол ағай мені де Семейдегі бес кластық училищеге оқуға түсірді. Шыңғыс болысынан тағайындалған стипендияны алып тұрдым.

... Семейдің мұғалімдер семинариясын 1919 жылдың бас кезінде бітірдім де, Семей облысында совет үкіметі орнаған соң қоғамдық қызметке араластым. Алғаш Семейдің облыстық атқару комитетінде, одан соң Орынборда КазЦИК-те қызмет істедім. Сол кезде драматургия мен журналистикада өз қаламымның күшін де байқап жүрдім. 1922 жылдың күзінде Ташкенттегі Орта Азия мемлекеттік университетіне еркін тыңдаушы боп түстім. «Шолпан» журналымен байланыс жасап, сонда ескі қазақ ауылының тұрмыс-тіршілігі мен әлеуметтік құрылыстың сияқсыздығын суреттеген бірнеше әңгіме бастырдым.

Бір жыл өткен соң Ленинград мемлекеттік университетінің филология бөліміне түстім. Сонда 1828 жылға дейін оқыдым. Содан кейін Ташкенттегі Орта Азия мемлекеттік университеті Шығыс факультеті жанындағы аспирантураға түстім».

Әрине, қысқа қайырылып, өз қолымен жазған өмірбаянының сараң жолдары Әуезовтің біздің қаламызда оқу оқығаны мен қызмет

атқарғанының бас-аяғын егжей-тегжейліжеткізе алмайтыны әбден хақ. Ал енді біздің сол жылдарғы Мұқанның өмір кезеңдерін анық білгіміз келетіні ешқандай күмән туғызбайды. Сондықтан ардақтың жерлесіміздің замандастарының естеліктерін және кейбір архив құжаттарын ақтара отырып, жазушының жас кезіндегі өмір баспалдақтарын мейлінше айқындап, мүмкіндігінше ретке келтірумен ұмтылып бара жатқан қатпарларын ашып беруіміз абзал.

Мұхтар Әуезовтің арғы атасы Бердіқожа әкесі Өскенбайға арнап атышулы, даңқы үш жүзге тарап кеткен ас берген Құнанбай мырзамен кездесіп, сұхбаттасуға өте тәнті болған екен. Сол игі мақсатпен бірде Бердекең сонау алыстағы Қаратаудан біздің Шыңғыстау өңіріне сапар шегеді. Бұл туралы Мұқанның ағайыны және құрдасы Ахмет Әуезов өзінің естелік кітаптарында мәліметтер келтірген. Содан білгеніміз бойынша Бердіқожа Әбдіқожаның жалғыз ұлы болыпты, өзі өте оқымысты жан екен. Ол Қаратау өңірінде сыйлы, құрметті, абыройлы адам болған көрінеді. Міне сол Бердіқожа (Әуездің әкесі) 1852-1853 жылдары жолдасы Әбілғазымен Шыңғыстаудағы Құнанбайдың ауылына іздеп келеді. («Бала Мұхтар», 1967 ж., «Жас Мұхтар», Алматы, «Жалын», 1977 ж.). содан осындағы Бөрлі қыстауының қасындағы Аяққарған деген жерде 1897 жылы Омархан Әуезұлының отбасында Мұхтар деген бала дүниеге келеді.

Мұхтар Әуезов әке-шешесінен ерте айырылады: әкесі Омархан 1900 жылы қайтыс болады, ал анасы оның 15 жасында 1912 жылы дүние салады. Бұдан соң жас Мұхтарды Разақ Самарханның (Әуездің інісінің) ұлы түгелдей өз қамқорлығына алады.

Ал алғашқы бала Мұхтардың Семейде оқуға түсуіне бірден-бір көмекші, себепкер болған өзінің сонда оқып жүрген ағасы Қасымбек (Қаске). Бұл туралы Ахмет Әуезов былай деп жазады: «Омархан ағамнан беті қайтқан Қаске үлкен үйге Әуез атама келді. Қаске атама жайлап отырып әңгіме шертті. Орыс мәдениетінің озық екенін өзінің түсінігімен айтып берді. Мұхтардың да орысша білім алуына ұлықсат беруін өтінді. Атам Әуез Қаскенің бұл ойын теріс деп білген жоқ, қайта қоштай түсті. Атам өзі жақсы көретін алғашқы немересі Мұхтардың орысша оқып, білім алуына ұлықсат берді. Сөйтіп, Мұхтар 1907 жылы Семейдің 5 кластық қалалық училищесіне түсті». (А. Әуезов «Жас Мұхтар», А. «Жалын», 1977, 14 бет).

Осы күнге дейін сол алғашқы он жастағы Мұхтардың дәріс алған бессыныптық реалдық училищесінің әдемі ғимараты Абай

көшесінде, 76 (бұрынғы Больше – Владимирская, кейіннен Советская деп аталған) бой түзеп тұр. Онда қазір Семей радиотехника және байланыс колледжі орналасыпты. Сол ғимараттың қабырғасында қазақ және орыс тілдерінде мынадай жазумен ескерткіш тақта ілулі тұр: «Осында 1909-1915 жылдары жазушы, академик Мұхтар Омарханұлы Әуезов оқыды. 1897-1961 ж.ж.»

Осыдан он шақты жыл бұрын қазіргі педколледжде ілінген мемориалдық тақтада жас Мұхтардың оқыған жылдары алғашқы оқуының жалғасы ретінде төрт жылды қоса салумен жазылған болатын: 1915-1919 ж.ж.

Байырғы абайтанушы, ұлағатты ұстаз, профессор Қайым Мұхамедханов, архив құжаттарына сүйене отырып, өзінің тауып алған мұғалімдік семинарияның ведомсті бойынша Мұхтар Әуезовтің онда 1912-1913 жылында бірінші курсты үздік тамамдап, 1913-14 оқу жылы екінші курста оқығанын дәлелдеп берген еді. Бұл зерттеу еңбегі сексенінші жылдары «Мұхтар - семинарист» деген атпен «Семей таңы» және «Қазақ әдебиеті» газеттерінде жарияланған болатын.

Ал өзінің өмірбаянында және төлқұжаттарында Мұқаңның Семейдің мұғалімдік семинариясын 1919 жылы бітіргені ұдайы көрсетіліп келді.

1997 жылы республикалық «Абай» журналының ұсынуымен Мұхтар Әуезовтің Семейдегі өмірі, оқуы және қызметі туралы тың материалдарды іздестіруіме тура келді. Сол жылы журналдың төртінші нөмірінде орысша «Семипалатинские годы Мухтара Ауэзова» деген бес бөлімнен тұратын зерттеу эссем жарық көріп еді. Міне, сонда жас Мұхтардың Семейдің мұғалімдік семинариясында төрт жылдың орнына неліктен жеті жылға созылған екен деген әбден орынды сауал алдымда тұрды.

Сонымен, әртүрлі мәліметтерді салыстыра келіп, Семейдің мұғалімдік семинариясында Мұхтар Әуезов 1913 жылдан 1916 жылға дейін үзіліс жасауға мәжбүр болған екен деген қорытындыға келдік. Ондағы себептердің бастылары 1912 жылы анасы Нұржамалдың, 1913 жылы кенеттен қамқоршы ағасы Қасымбектің қайтыс болуы болса керек.

Қазіргі педколледж ғимаратының қабырғасындағы мемориалдық тақтасында былай деп дұрыс жазылған: «Мұнда 1912-1919 жылдары академик-жазушы Мұхтар Омарханұлы Әуезов оқыған». Ал Семей радиотехника және байланыс колледжі

орналасқан Абай көшесіндегі бұрынғы бессыныптық реалдық училищенің ғимаратында алғашқы теріс даталар осы күнге дейін түзетілмей, сол қалпында ілулі тұр. Ұлы жерлесіміз Мұхтар Омарханұлы Әуезовтің биылғы 110 жылдығы қарсаңында сол оқу орнында 1907-1912 жылдары дәріс алғаны дұрыс көрсетіліп, жаңа ескерткіш тақта ілінуі қажет-ақ.

Семейдің мемлекеттік архивында Мұхтар Омарханұлы Әуезовтің екі дербес іс қағаздары (личный листок) сақталған болатын. Олар бұрынғы кеңес дәуіріндегі белгілі идеологиялық байымдылықпен ешқашан еске алынбайтын және тіпті ешқайда жарияланбайтын. Ал олардың ішінде жазушының өмір жолына байланысты ерте кезеңіне ондағы шатастырылып айтылып жүрген даталарды түзету үшін өте қажетті де қызықты мәліметтер баршылық. Ол анкеталар «Абай» журналында жоғарыда аталған мақалада толықтау келтірілген еді.

Сонан соң 1995 жылы жабық болатын Семейдің партархивінен көңілді елең еткізген «Семипалатинский Губернский комитет Россической Коммунистический партии. Отчет за ноябрь-месяц 1921 года» деген құжат қолыма тиді. Соның екінші параграфында мынадай мәлімет берілген: «2. В течение ноября месяца в составе Губкома произошли следующие изменения: Губернской комиссией по проверке, пересмотру и очистке партии исключены из ее рядов т.т Галкин и Феофанов, которые вследствие этого выбыли из состава Губкома; тов. Ауэзов еще в октябре месяца выехал в Оренбург на съезд, где потом был оставлен для работы в качестве секретаря Кирцика». (СОГА, ф № 1 опись № 1, д.34, л84).

Осыдан соң Мұхтар Әуезовтің 1921 жылдың аяғында және 1922 жылдың бірінші жартысында Ташкент университетіне оқуға түскенге дейін Оренбургта болғаны айқындалады. Жас Мұхтардың коммунистік партияның мүшесі болған 1919-1921 жылдары да баяндалып тұр. Осы кезеңде ол Семейдің Губаткомның төрағасына дейін жоғарылайды. Біздің болжауымыз бойынша Ташкентке аттанар алдында Мұхтар Омарханұлы мейлінше ұзақ уақытқа туған-туысқандарынан қаражат жинап алу үшін Семейге оралады. Көп жылдар Мұқанның қасында болған, бірінші шәкірті саналатын Қайым Мұхамедханов қадірлі атамыз, ақын Шәкәрім Құдайбердиев өзінің Физулидан алып, «Нәзира» дәстүрімен жазылған «Ләйлі-Мәжнүн» атты төл дастанын сонда шығатын «Шолпан» журналына бастырып, гонорарын өзің пайдалан деп беріп жіберетін дейтін.

Расында, Шәкәрімнің «Ләйлі-Мәжнүн» поэмасы 1922-1923 жылдардағы «Шолпан» журналының № 2,8 нөмірлерінде толық жарияланған еді.

Осы орайда бала Мұхтардың Семей шаһарында Қазақстанда алғашқы ұйымдастырылған «Ярыш» футбол командасына қатысқанын айта кетуді жөн көрдік. Өмірінің соңына дейін Мұқаң Мәскеудің ауруханасында жатқанда көңілін сұрап барған жазушылардың айтуы бойынша әрқашан теледидардан футбол ойындарын көріп, қызықтап отырады екен. Оның себебі 1913 жылы елімізде алғаш құрылған «Ярыш-Жарыс» командасында бала Мұхтар центрхавбек немесе орталық жартылай қорғаушы болып ойнапты.

Бертінге дейін қазіргі Шәкәрім Құдайбердиев даңғылы мен Гоголь көшесінің қиылысындағы әдемі жер үйде «Ярыш» командасының ойыншыларының бірі, көп жылдар Семейдің «Алтайалтын» мекемесінде қаржы қызметінде болған Салах Хисматуллин тұрып еді. Ол өзінің естелігінде былай деп жазды: «Қалалық бес кластық училищеде оқып жүрген Зиядин Ырысбаев мені Мұхтармен таныстырды. Екінші рет мен онымен «Ярыш» командасының құрамасында кездестім. Бұл кездесуіміз кейін бізді етене жақындастырды. Тек қана қазақ, татар, өзбек балаларынан құрастырылған «Ярыш» командасы 1913 жылдың тамыз-қыркүйек айларында ұйымдастырылған болатын» («Семей таңы», 24.09.1977).

Өкінішке орай ұзақ уақыт Семейдің ГубОНО-сында, ағарту министрлігінде қызмет атқарған тағы бір «Ярыш» командасының ойыншысы Әміржан Ситдықовпен кездесіп, сұхбат құрудың сәті түспеді. Ол 1983 жылы Алматыда қайтыс болды. ал Салах Хисматулиннен тағы бір құнды мәлімет алып үлгеріппіз. Ленинградтың үш студенті түскен белгілі фотосуретте Мұхтар Әуезов, Әлкей Марғұлан бар. Ал үшінші студенттің аты-жөні белгісіз болатын. Хисматулиннің айтуынша, Мухамад Хабибуллин 1924-25 жылдары Семейде қазақ-татар жастар клубының меңгерушісі болып қызмет істепті. Бұл жылдары Мұхтар Әуезов оқуынан үзіліс жасап, Семейдің педтехникумында және басқа оқу орындарында дәріс берген.

Бұл кезең туралы жазушының жұбайы Валентина Николаевна Әуезова былай дейді: «Мұхтармен Ленинград университетінде таныстық. Біз екеуімізді 1923 жылы сол университеттің қоғамдық ғылымдар факультетіне, әдебиет лингвистика бөлімінің славян-орыс

секциясына түстік. Ол кезде қазіргі филология факультетінің аты осыншама ұзақ болатын!

Біз тек бірінші семестр бойынша ғана оқыдық, өйткені ол бір жарым жыл бойы Семейде қызмет етіп, оқудан үзіліс жасады. Мұхтар Ленинград университетіне 1925 жылы күзде ғана оралып, 1928 жылы бітіріп шықты. Мен университетті 1926 жылы бітірдім». («Біздің Мұхтар», 377 бет).

Бұл уақытта Мұхтар Әуезов орыс география қоғамының төрағасының орынбасары болып сайланды, ГубОНО-ның әдістемелік кеңесінің мүшесі болды және жергілікті мерзімді баспасөзінің жұмысына қатысты.

Сондай-ақ мұғалімдердің білімін жетілдіру курстарын дайындауға, «Қазақ әдебиетіндегі Абайдың орны» деген атпен баяндама жасап, ойшыл ақынның қайтыс болуына жиырма жыл толуына арналған әдеби кешті өткізуге белсенді түрде қатысқан екен.

Архив қорында Мұхтар Әуезовтің қазақ фольклорының туындыларын жинастыруға, ауыл тұрғындарының отырықшылануына, әдеби кештер мен мәслихаттарын өткізуге мұрындық болып, ұйымдастырғаны туралы материалдар сақталған.

Оның үстіне ол қалалық кеңестің мүшелігіне сайланып, кейде аудармашы жұмысын атқарып, әртүрлі жиналыстар мен отырыстарға қатысып жүргені аян болды. Мысалы, 1921 жылдың 14-15 наурызында өткен мұсылман әйелдерінің губерниялық съезінде «Кеңес республикасының экономикалық және халықаралық жағдайы туралы» деген баяндама жасапты.

Сонан соң 1925 жылдың күзінде М.О. Әуезов Семейден қайтадан жол тартып кетеді. Бұл туралы РГО—ны Семей бөлімінің екінші жартыжылдық есебінде мынадай қысқа ғана жазу бар: «Зам. Председателя М. О. Ауэзов в начале сентября выбыл в Ленинград для продолжения образования» (СОГА, фонд 415, 1, ед. хр. 32, связка 3).

Бұдан былай Мұхтар Әуезовтің мекен-жайы Семейден өмірінің соңына дейін мүлде өзгереді. Енді ол туып өскен шаһарына келіп-кетіп қана жүреді. Әртүрлі мәліметтер бойынша, бұдан кейін Мұқан біздің қаламызда 1926, 1940, 1945 және өзінің 60 жастық мерейтойында 1957 жылдары болған.

... Уақыт дегеніңіз зымырап өте береді ғой. Былай қарасаңыз жүз жыл дегеніңіз тарих үшін қас қағымдай-ақ шақ, бір ұзақ өмір сүрген адамның өмірімен пара-пар. Міне, сондай уақыттың өзінде Шоқан Уәлихановтің Семейде болғаны жайында ешнәрсе сақталып

қалмаған. Тек қана оның өзінің ұлы досы Ф.М. Достоевскиймен кездесіп, сұхбаттасып жүрген екі қабат үй ғана сақталып қалыпты. Ризашылық ететініміз онда қазір әлем әдебиетінің классигінің тамаша мұражайы бой көтеріп тұр. Оның қасында Ш. Уәлихановтің Ф. Достоевскиймен кездесуін бейнелейтін мәңгілік ескерткіш (Дм.Элбакидзе) орналасқан.

Әрбір адамның, әсіресе жазушының, ең қымбатты да қасиетті рухани қазынасы жас кезінде сұрыпталып, қалыптасады. Соны біз, ұлы жазушының жерлестері, есте сақтауымыз қажет.

М.О. Әуезовтің дербес іс – қағаздарында екі мекен-жайы көрсетілген. Комиссар (Қазір Бөгенбай батыр) көшесі, 70 және Больничная (Қазір академик Павлов) көшесі, 62. Әрине, әлдеқашан нөмірлері өзгеріп кетті, бірақ ол үйлер әлі де көзімізге ыстық көрінеді...

«Семей таңы»-ты, 2007 жыл.

Азильхан Нуршаихов и Мурат Султанбеков.
Семей, 2004 год

О популярности романов Азильхана Нуршаихова

Вначале хотелось бы немного остановиться на биографии писателя-фронтовика, одного из наиболее почитаемых в народе мастеров пера в истории казахской литературы. Азильхан Нуршаихов – уроженец Жарминского района бывшей Семипалатинской области. С четырнадцати лет приобщился к перу и начал публиковать стихи и корреспонденции в районной и областной газетах и в республиканском журнале «Пионер».

Интересен тот факт, что он отправился на фронт со студенческой скамьи, будучи студентом Семипалатинского педагогического института. С братским чувством благодарности Азильхан-ага вспоминал о том, что в то время ему удалось посещать лекции нашего всеобщего наставника Каюма (Габдулкаюма) Мухамедханова, ушедшего из жизни в 2004 году в возрасте 88 лет.

Будучи на фронте, сержант-артиллерист печатал свои стихи во фронтовых газетах. Известно, что Азильхан Нуршаихов в 1943 году написал стихотворное послание - толгау «Атамыз Жамбыл ақынға»- «Нашему акыну-патриарху Джамбулу», которое было опубликовано в газете «Социалистик Қазақстан». Оно получило настолько большой резонанс среди читателей, что Джамбул Жабаев даже отозвался стихотворным ответом.

По окончании войны в 1945 году Азильхан Нуршаихов поступил на филологический факультет КазГУ им. С.М. Кирова, после чего занялся журналистской деятельностью. Он в те годы работал редактором Павлодарской областной газеты «Қызыл ту», заместителем редактора газеты «Социалистик Қазақстан» и главным редактором газеты «Қазақ әдебиеті».

Его первая книга очерков «В отдаленном районе» была издана в 1956 году, затем последовали первая повесть «Песня любви» (1964) и первый роман «Махаббат, кызык мол жылдар» (1970), названный в удачном переводе на русский язык «Годы радости и любви».

Многие русские классики, начиная с А.С. Пушкина и Льва Толстого, утверждали, что внутреннюю сущность художественного произведения определяют жизненная позиция, содержательная биография автора, его одухотворенность задуманной идеей. В том же духе о литературном труде отзывались и выдающиеся казахские писатели. В частности, Шакарим Кудайбердиев писал: «Одновременно ученый и вредитель-вот кто погубит народ». В данном высказывании великого поэта и философа заложена глубокая и логически жизнеутверждающая мысль...

И вправду, каков автор, такое и его произведение, художественное творение. С первых страниц романа «Годы радости и любви» перед читателем предстает демобилизованный фронтовик Ербол Есенов. После ожесточенных фронтовых будней он для продолжения прерванной войной учебы поступает на третий курс и вливается в студенческую семью, где в его группе, кроме одного юноши Жомартбека, были одни девушки. Попав в такую женскую среду, пропахший дымом и порохом, закаленный в боях воин Ербол поначалу чувствовал себя совершенно неловко и неуклюже, хотя ощущение в целом было такое, будто вдруг он попал в райские кущи.

Своеобразные параллели и сравнения фронтовой и студенческой среды наполнены юмором и запоминающимися смешными эпизодами. Но самое главное то, что автор настолько искренне повествует о происходящем, что произведение от начала до конца пронизывают достоверность и убедительность. Особенно трогательно и завораживающе прослежена и описана всепоглощающая любовь однокурсницы Ментай и отставного сержанта, а ныне студента Ербола Есенова.

Роман «Годы радости и любви», начиная с первого издания, стал среди читающей публики настоящей библиографической редкостью. Им зачитывались студенты многих поколений. Спрос продолжается, поэтому издательство «Атамура» Алматы в 2002 году полюбившийся роман выпустило еще раз тиражом в десять тысяч экземпляров.

Прежде, чем перейти к роману «Истина и легенда» хотелось бы немного вспомнить об его предыстории. В первые послевоенные годы среди нас, тогдашних школьников, очень популярной была повесть Александра Бека «Волоколамское шоссе», где главным героем был Баурджан Момыш-улы. О прославленной дивизии генерала Панфилова, внесшей значительный вклад в защиту Москвы и первому разгрому фашистских войск под столицей, ходили легенды. Тогда особенно много говорили и писали о двадцати восьми гвардейцах-панфиловцах, которые ценой своей жизни отстояли стратегически важный рубеж, которые в самый критический момент с последней гранатой в руке бросались под танк. Мы уже тогда, как молитву, повторяли слова комиссара Василия Клочкова: «Отступить некуда. За нами-Москва!» Мы безмерно гордились тем, что он был из Панфиловский дивизии, сформированной в Казахстане.

И вот тогда же, в пятидесятые годы прошлого столетия, случайно мне в руки попала толстая книга в твердом переплете, где собраны были произведения в прозе и в стихах для художественного

чтения или эстрадных выступлений. В этом томе мне бросилось в глаза стихотворение известного поэта Евгения Долматовского «Казахстан». Приведу отрывок, который помню наизусть до сих пор:

Когда ты говоришь о Казахстане,
В моей солдатской памяти встают
Не пастбища в подоблачном тумане,
Не белой юрты войлочный уют,
А дождь и подмосковные осины
И осень в горестной своей красе,
Когда судьба Москвы и всей России
Сошлась к Волоколамскому шоссе.
На том шоссе, на той дороге узкой,
Плечом к плечу, как памятник в веках,
Стояли за Москву казах и русский,
Стояли насмерть русский и казах...

В романе-диалоге «Истина и легенда» Азильхана Нуршанхова, как говорится, из первых уст ведется повествование о замечательной жизни с детских лет батыра, полководца и писателя Баурджана Момыш-улы, который после гибели генерала И.В. Панфилова достойно командовал его легендарной дивизией вплоть до Победы. За этот роман Аз-ага (Аз-мудрый) в 1980 году получил Государственную премию имени Абая.

В последние годы жизни, обосновавшись в Алматы, нередко Баурджан Момыш-улы разъезжал по нашей республике и миру, встречался с ветеранами и молодежью, стал плодовитым и популярным писателем. Из-под его пера вышли такие книги, как «За нами Москва», «Наша семья», «Тулеген Тохтаров», «Генерал Панфилов», «Кубинские впечатления» и др.

Иногда бывает так, что и такой прославленный и заслуженный человек, как Баурджан Момыш-улы, при жизни достойно не воспринимается. Достаточно сказать, что звание Героя Советского Союза было присвоено при непосредственном содействии нашего первого Президента Н.А. Назарбаева уже после его кончины. Мало того, ещё находились такие губошлепы, которые распространяли о нем разные нелепицы и язвительные прибаутки. Наверно, поэтому Азильхан Нуршанхов свой содержательный и прижизненный роман о Баурджане Момыш-улы назвал «Ақиқат пен аңыз» - «Истина и легенда»...

В последнее десятилетие Азильхан-ага в основном занимался выпуском из печати, распространением и популяризацией своего

последнего романа «Песнь вечной любви» (2005), посвящённого памяти незабвенной супруги Халимы, семье, детям, внукам и правнукам.

Услышав, что в тяжёлом состоянии находится фронтовой друг, полковник в отставке Муқан Омарбаев¹, с которым 4 года были вместе в период Великой Отечественной войны, Азильхан-ага полускрытно в Семей прилетел на самолёте. Мы, группа писателей, поэтов и журналистов, среди которых были Ырысхан Мусаулы, Риза Молдашева и Муратбек Оспанов, встретили его на аэропорту.

В тот приезд в Семей Азильхан Нуршаихов с улыбкой вспоминал интересный эпизод из поездки в Западный Казахстан, когда один из нефтянников, покупая второй экземпляр этой книги, сказал: «Роман «Песнь вечной любви» моя жена читает запоем и прячет под подушкой. Я решил купить личный экземпляр для себя».

Тогда же за обеденным столом одна женщина - поклонница творчества Нуршаихова заявила: «Роман Аз-ага «Годы радости и любви» я, пряча книгу, прочитала ещё школьницей. Прячала потому, что родители запрещали читать её из-за того, что в названии было слово «махаббат-любовь». Потом я узнала, что это - строка из замечательного стихотворения Абая».

По голосу и бодрому движению казалось, что наш дорогой писатель Азильхан Нуршаихов спокойно доживёт до 90 лет и достойно отметит свой славный юбилей. Но судьбе угодно было распорядиться так, что после Азнады, где он принимал участие с развёрнутым стягом Казахстана, тоже в возрасте 88 лет, как наш общий устаз Каюм Мухамедханович, ушел из жизни. Но Аз-ага, как и завещал, поселился на вечный покой рядом со своей дорогой Халимой в Ак-Кумбесе.

Вот уже больше года проходит, как нет среди нас дорогого Аз-ага, писателя-классика Азильхана Нуршаихова, но сердце отказывается верить этому и где-то рядом явственно слышится его живой голос, мягкий, тёплый и доброжелательный...

Семей, 2012г.

¹М. Омарбаев – один из героев поэмы А. Нуршаихова «Песнь вечной любви. Письма Халиме.» (Перевод на русский язык наш. - М.С.).

Ұмытылмайтын ғылыми жетекшім

Ең алғашқы рет белгілі профессор, аса көрнекті әдебиет танушы ғалым Бейсембай Кенжебаев туралы өзімнің ұстазым, Семей педагогика институтының филология факультетінде дәріс берген, аяулы Қайым (Ғабдулқайым) Мұхамедхановтан естіп едім.

1960 жылы пединститутты бітіреп кезімде менің бағыма мүдделі аспирантура /целевая аспирантура/ деген шықты. Сонда Мұхамедханов. К.М., Шаталин М.И., Травников В.И., Төребаев Г.Т., Воинова Р.М., Ерғалиев Т.Е., проректор Аманов Т.И. т.б. қамқорлығымен сол жазда дипломымды ала салып, Мәскеудің аспирантурасына түсіп кеттім. Сонда бір жылдың ішінде кандидаттық минимумды тапсырып болып, «Мұхтар Әуезовтың драматургиясы» деген кандидаттық диссертациямның тақырыбын бекітіп алдым.

Кейін білдім, Бейсембай Кенжебаев ұстазымыз да жас кезінде Мәскеуде оқып, тіпті біріспыра жылдар "КСРО Жоғарғы Кеңесі ведомствосында" қызметте болыпты. Оныңыз бүкілодақтық астанада дүниежізілік әдеби процестің қайнаған ортасында жүріп, танымал шығыстанушы-ориенталистер Бартольд, Малов, Жирмунскийлерді жақсы біліп, ғылыми еңбектерін тереңінен қамтыған деген сөз.

Өзім Мәскеуде оқып жүрген кезімде "Дружба народов" журналының поэзия бөлімін атақты ақын Ярослав Смеляков басқаратын. Бір күні сол кездегі Қазақстан жазушылар Одағының Мәскеудегі уәкілі, қарымды жазушы, танымал абайтанушы Тәкен Әлімқұлов мені жетектеп апарып сол Смеляковпен таныстырды. Міне гажап, жастықтың қиялы ойнайтын болу керек, сол уақытта Ярослав Васильевичтің қолын ұстап, амандасып жүргенде Владимир Маяковский, Сергей Есениндердің қолын ұстағандай болатынымын. Себебі Ярослав Смеляков жас шағында солардың қасында жүрген ғой. Мына кездерде орта бойлыдан сәл төмен, кең нықты, терең ойлы көзі бар, әжептәуір шау тартқан болатын.

Мәскеуде оқып жүрген аспиранттар әртүрлі әдеби-ғылыми оқыйғаларға қатысып жүреді екен. Бірде А.М.Горький атындағы

Дүниежүзілік әдебиет институтында кеңестік көп ұлтты әдебиетінің тарихын бірнеше том етіп шығаруға байланысты үлкен жиналыс өтетін болды. Барсам, онда Қазақстаннан келген әдебиетші-ғалымдар Есмағамбет Исмаилов, Евгения Лизунова және т.б. жүр екен. Сол жолы Есмағамбет-ағамен танысып едім.

Ол мәжілістің соңында Ес-ағаң мені жетектеп алып президиумда отырған Г.И. Ломидзе деген атаулы ғалыммен таныстырғаны ойымда қалыпты. Ал содан тағы да ойымда қалған мәселе мынадай. Прибалтикадан келген бір ақбасты ғалым мінбеден сөйлеп тұрып, өзінің ренішін білдірді. Ол өзінің туған әдебиетінің тарихи ахуалын айта келіп, әдетте көш бастаушы ғалымдар Балтық теңізінің жағалауында орналасқан елдердің әдебиттерін жалпы "Прибалтийская литература" деген атауды қолданатынына келіспейтінін айтты. Демек литва, латыш, эстон халықтарының әрбіреуіне өзіне сай бөлек тарихы, мәдениеті және әдебиеті бар екенін айқындап бергендей болды.

Содан 1970-74 жылдары Мәскеудің "Наука" баспасынан шыққан алты томдық, үлкен форматты, қалың мұқабаға түптелген, әдемі безендірілген кеңес әдебиетінің шолу еңбегі "История советской многонациональной литературы" деген атпен қолымызға тиіп еді. Осы айтарлықтай үлкен басылымның он үш адамнан тұратын бас редакциясының құрамында Қазақстаннан заңғар қаламгеріміз Ғабит Мүсірепов болды. Ал осы ұзақ дайындалған, көптен күткен фолианттарда "Казахская литература" деген бөлімін белгілі ғалымдарымыз Есмағамбет Исмаилов, Мырзабек Дүйсенов және Тұрсынбек Кәкішев жазған еді.

Кандидаттық миннумда тапсырар кезде де, одан кейін де біз, аспиранттар, Орталық, Кремльдің маңайында орналасқан В.И.Лениннің атындағы кітапхананың кеңбайтақ та зәулім ғылыми залыда тәңертеңнен кешке дейін болатынбыз. Оны біз "Ленинка" деп атайтынбыз. Оның аспанға жететіндей ғимараты /небоскреб/ болатын. Соның барлығында тіпті астыңғы подвалына дейін бүкіл әлемде атам заманынан бері жарық көрген басылым атаулылар табылады деп еститінбіз де алғызып пайдаланып та жүретінбіз.

Міне жоғарыдағының бәрін еске түсіріп отырғаным Мәскеудің әр адамға үлкен мәдени де ғылыми мегаполис ретінде дүниетанымын кеңейтіп, керемет әсер ететінін айтайын дегенім еді. Өкінішке орай ондай жағдай маған екі жыл мерзіміне ғана бұйырыпты, 1962 жылғы белгілі Куба кризисына орай жасы келіп тұрған жастарды жаппай

әскер қатарына алатын болыпты. Сонда қиыр шығыстағы Тынық мұхит флотынан бірақ шығып едім. Кейін ондағы әскери қызметім туралы "Синий меридиан" деген повесті жазып едім. Ол өзі бір бөлек өмір кезеңі ғой.

Ал осындай айтарлықтай мегаполисте, Мәскеудің өзінде, өткен ғасырдың бірінші жартысында білім алып, одан кейін қызметте болып, он жылдан астам уақыт өмір сүргенде біздің Бейсембай Кенжебаев ұстазымыз қаншама атақты ақын-жазушылармен кездесіп, ұлы ғалымдармен жүздесіп, нендей ұшаң теңіз гибрат алды десеңізші...

Екі жылдан астам әскери борышымды атқарған соң офицер флота деген атаққа экстерном емтихандар тапсырып, 1964 жылдың желтоқсан айында аман-есен еліме оралдым. Үйге қайтқаннан кейін ең алдымен көкейімді тескен мәселе ол дереу ғылыми жұмысымды әрі қарай жалғастырып, әйтеуір бір тиісті нәтижеге жеткізсем деген еді. Соя уақытта ғылыми жағынан ептеп бабыма келу үшін күн сайын дерлік Қайым Мұхамедханұлы ұстазымыздың пәтеріне барып, әңгімелесіп, кеңесіп, консультациялар алып қайтатынмын. Әйтеуір соның нәтижесінде деп білемін 1968 жылы Мәскеуде шығатын "Вопросы литературы" атты бас ғылыми журналдың алтыншы нөмірінде менің "Открытие ранней литературы казахов" /жас кезімде тек орыс тілінде ғана жазатынмын/ деген атпен жарқ етіп "Көне әдебиет нұсқалары" деген кітапқа менің рецензиям шыға келді. Бұл керемет оқулықты сонау түрік қағандары Күлтегін, Тоньюкуктерден бастап зерттеп, құрастырған С.М.Киров атындағы /қазір Аль-фараби атында/ Қаз МҰДың қазақ әдебиеті кафедрасының меңгерушісі, профессор Бесембай Кенжебаевтың басшылығымен ғалымдар Ханғали Сүйіншалиев, Мырзатай Жолдасбеков, Мұхтар Мағауин және Қабіболла Сыдықов екен. Ол уақытта мұндай жаңалыққа қарсы шыққан ғалымдар да болыпты. Оны мен кейінірек білдім. Олардың кредосы - қазақ әдебиетінің тарихын Бұхар-жыраудан бастаған жөн дейді екен. Міне осындай да парадокс болған еді.

Бұдан бірер жыл бұрын ең алғашқы кафедраға барып таңысқанымда профессор Бейсембай Кенжебаев ағамыз ұлағатты ұстаз, ұлы ғалым ретінде бірден кереметтей әсер ететін. Кейбір үлкен жиналыстарға немесе мерекелер күндері кеудесіне Ленин орденін тағып жүретін еді. Ең алдымен ғылыми еңбегімді орыс тілінде жазатынымды келісіп алдым. Оған қарсы болған жоқ, бірақ тақырыбыма орай күдік білдірді, Оның себебі Рымғали Нұрғалиев

деген жас ғалым, бұрыннан өзіме таныс жерлесім, біраз уақыттан бері Мұхтар Әуезовтың драматургиясымен шұғылданып жүр екен. КазМУға бара қалып едім, бірден Рымғали кездесе кетіп, мына Семейдің қазағы қайдан жүр деген қуанышты дауыспен қарсы алды. Сүйтсем ол кезеңде Рымғали Нұрғалиев /кейін академик, Абай атындағы Мемлекеттік сыйлықтың лауреаты болды/ өзінің докторлық диссертациясын қазақ драматургиясының тарихы бойынша дайындап жүр екен. Ал Мұхтар Әуезовтың пьесалары туралы кітабының қолжазбасын "Жазушы" баспасына тапсырып та қойыпты.

Ол кезде мен Семейдегі Республикалық Абай мұражайында қызмет істейтінмін, Ақылбай Құнанбаевтың "Дағыстан" поэмасын орыс тіліне аударып, Ярослав Смеляков, Такен Әлімқұлов, Қайым Мұхамедханов сияқты белгілі ақындардың дұрыс пікірлерін алған болатынмын.

Сонымен, Бейсекең-ағамыздың қамқорлығымен мейлінше аз уақыттың ішінде ғылыми жетекші профессор Есмағамбет Исмаилов болып, ақылдасып алған тақырыбым "Поэмы Абая и вопросы сюжетно-романтической поэмы конца XIX начала XX-го веков" қазақ әдебиеті кафедрасында бекітіліп, үлкен қуанышпен үйге оралдым.

Біздің жаққа 1968 жылдың жазында Рымғали Нұрғалиевтің демалысқа келгені әлі есімде. Сонда бояуы кеппеген жаңа шыққан "Трагедия табиғаты" деген тамаша кітабына бұлай деп жазыпты: "Ұлы Абай мұрасын зерттеуші ғалым жерлесім Мұратқа. Автор Р.Нұрғалиев. 13.ҮІІІ. 68. Семей."

Ол тұста Семейдегі Абайдың әдеби-мемориалдық мұражайының директоры болып, кезінде өте танымал, жаңашыл ақын Кашаф Туғанбаев қызмет атқарған еді. Н.К.Крупская атындағы Семей пединститутының ректоры, ҰОС-ның ардагері Александр Антонович Курочкин мені оқытушылық қызметке шақырып болмай қойды. Сонда Кашаф-ағаның айтқаны мынадай еді: "Басқа орынға сені жібермес едім. Пединститутта болашағың зор, ғылым кандидаты боласың. Бұл талпынысыңды құптаймын, босатайын."

Осы жылдары оқытушылық қызметке төселіп, диссертациямның негізгі денін аяқтап қалғанымда төбемнен жай түскендей профессор Есмағамбет Исмаилов қайтыс болыпты деген суық хабар келіп жетті. Қайғы мен дағдарыс басымды шыр айналдырды. Біраздан соң есімді жинап, тиісті қағаздарымды қолтықтап Алматыға жеттім.

Өмірде әрқашан күтпеген оқиғалар болып жатады ғой. Профессор Бейсембай Кенжебаев менің ғылыми жетекшім болады деп ойлағаным жоқ. Тек армандайтынмын. Өзінің шәкірті, филология ғылымдарының кандидаты, онда *"Жазушы"* баспасының бас редакторы қызметін атқарып жүрген Мұхтар Мағауин /қазір Қазақстанның Халық жазушысы, Абай атындағы мемлекеттік сыйлықтың лауреаты/ телефон шалып, сөйлесіп көріп еді, көпке бармай келісе кетті. Мұхтар да қуанышын жасырмай, Бейсекеңнің үйінің адресін беріп, тез жет, келсін деді деп шығарып салды.

Ең алдымен ендігі ғылыми жетекшім, профессор Бейсембай Кенжебаев менің диссертациямның жоспарымен танысты, үш тарауының әрбіреуінен фрагменттер оқытып тыңдады. Сонан кейін алғашқы екі тарауын сәл толықтырып, Ақылбай мен Мағауия Құнанбаевтар дастандарына, Әсет Найманбаев, Мұхамеджан Сералиндердің поэмаларына арналған үшінші тарауын керісінше ықшамдауға кеңес берді. Оның себебі бұл ғылыми еңбегімнің атын өзгерту қажет екенін түсіндірді, де аты қысқартылып "Поэмы Абая" деп қойылғаны дұрыс екенін айтты. Бұрынғы атына дағдыланып қалған мен қиналып, профессор Есмағамбет Исмаилов өзі осылай ататқанын көлденең тарттым. Сонда ол кісінің дәлелі былай еді: "Марқұм Есмағамбеттің білімі ұшаң-теңіз еді ғой. Сенің тақырыбың кандидаттық диссертацияның жүгін көтеретіндей болғаны ғана қажет." Үлкен ғалымның өзінің әріптесінің дәрежесін осылай жоғары бағалауы онда отыз жастан жаңа ғана асқан мен үшін зор ғанибет еді.

Тағы бір кездескенімізде қазақ фольклорын терең де мұқият зерттеп жүрген Сейіт Қасқабасов деген жас ғалым бар, соның еңбектерін оқып, сілтеме жаса, үйткені қазақ поэмасының түбі халық эпосында жатыр ғой деді.

Біздің Бейсекең-ұстазымыздың шәкірттерінің ішінен Мырзатай Жолдасбеков, Рымғали Нұрғалиев, Арап Еспенбетов, Құлбек Ергөбеков және тағы басқалары кейін филология ғылымдарының докторы, профессор атақтарына ие болды. Академик Сейіт Қасқабасов біраз жылдар бойы М.О.Әуезов атындағы ғылыми-зерттеу әдебиет және өнер институтын басқарып еді.

Енді Бейсекең-ағамыздың жан-жолдасы, жүріс-тұрысы, сөз саптауы өзіне ұқсаған жұбайы, адал серігі Меңжамал-жеңгей туралы біраз естелік айтпасам болмайды.

Осы күнге дейін қазақша сөйлейтін татар қызы Меңжамал-апайдың толықша келген тұлғасы, күлімсіреген келбеті, өте мейірімді жүзі көз алдымнан анық көрінеді. Анда-санда шайға шақырып, қызықты әңгімелер айтатын. Әсіресе балаларының жетістіктерін мақтанышпен баяндап отыратын. Ойымда калғаны, бір қыздары үлкен ғалым-химиктің ұлына тұрмысқа шығыпты, бір ұлдары Алматы облысында суретші ретінде аудандық мәдениет үйін тамаша безендірген екен. Қонақжайлы Кенжебаевтар дастарқанынан талай атақты адамдар дәм татқан көрінеді. Солардың ішінен мені әсіресе елең еткізетіндері Мухтар Әуезов пен Бауыржан Момышұлы туралы әңгімелері еді. Бірде Ұлы Отан соғысының ардагері, керемет қолбасшы, аты аңызға айналған Баукен-аға жұрттың алдында Бейсекең біздің әлі тұғырынан түскен жоқ, Бейсекеңе жас әйел, жас тоқал әпереміз деп болмай қойыпты. Сонда Меңжамал-апайдың тауып айтқаны; "Ол атадан келе жатқан қазақтың дестүрі ғой. Мен оған қарсы емеспін. Тек қана кейін өзің қызығып, ұрлап алып, қашып кетпесең болды". Әлгі жерде жиналған зиялы қауым ду күліп, қарық болып қалыпты.

Мұхтар Омарханұлы жас кезіндегі Ертіс бойындағы ойын-сауық қурып жүрген Әмре Қашаубаев, Иса Байзақов, атақты палуан Қажымуқан Мұнайтпасовтарды, Нева жағасында Ираклий Андронников сияқты студенттік достарын еске алып отырады екен. Кейде үлкен ғалымдар, оқулықтардың авторлары, профессорлар мен академиктер В.Бартольд, В.Щерба, Виноградовтардың дәрістерін филологияға орай, әсіресе қазақ әдебиетінің тарихына байланысты қажетті мағлұматтарды айтып отырған.

Кенжебаевтар әулеті маған дегенде ерекше ықылас бөліп, мейірімді камқорлығына бөлегенінде екі негізгі себептер бар ғой деп ойлаймын. Біріншісі, менің орыс мектебін бітіріп, орысша тәрбиеленіп өсіп, көп қулық-сұмдықты біліңкіремей, мейлінше адал, тура да әділ жүруімде болу керек. Екіншісі, сонау Қиыр Шығыстағы Тынықмұхит флотында әскери борышымды атқарып келген мен Алматыдағы әдеби және ғылыми орта туралы ештеңе білмейтінім байқалған болу керек.

Бейсекең-ағаның осыншама зер салып, жетекшілік көмек жасағанына риза екенімді айтамын деген көңілмен мен сіздің жақсылығыңызды шамам келгенше қайтарармын деп қалғаным. Бұл сөзімді телефон,сірә, "көтермей" қалды.

Енді сағат нешеде барайын деп сұрайын десем, телефон қиқылдап-шиқылдап қалды. Содан кейін біраз уақыт дел-сал болып

жүрдім де қошайтсайын деп замандастарым-армандастарыма барып, әдеби шығармашылықта, ғылым жолында жақсылығыңызды қайтарамын деймін деп Бейсекең-ағамызды байқамай теріс қойып алғанымды айтқанда, олар қарқылдап күліп, әлі бала екенсің ғой, телефонмен ойланып сөйлесу керек, үш әріп деген бар ғой деді. Кейін түсіндім, бұл да ұмытылмайтын ғылыми жетекшімнің сол тоталитарлық жүйе кезіндегі тағы бір ауадай қажет сабағы болған екен.

Сонымен, өзімнің ғылыми жетекшім, профессор Бейсенбай Кеңжебаевпен қайта табысқаннан соң шамамен бір жылдай уақыттың ішінде сол үйдің баласындай, Бейсекең-ағаның туған інісіндей болып кетіп едім десем артың айтқандық болмас. Сол кезде ең жас филология ғылымдарының докторларының бірі болатын, әрі жазушы Мырзабек Дүйсенов, қалың қара шашы артқа қайырылған абайтанушы-ғалым, жас ғылым кандидаты Мекемтас Мырзахметов менің "Абай поэмалары" атты диссертациямның оппоненттері болып тағайындалды. Көп кейін білдім, Мырзабек-ағаның танымал жазушымыз Әзілхан Нұршаиховтың "Махаббат, қызық мол жылдар" романының бас кейіпкерлерінің бірі Жомарттың прототипы екенін. Көпке дейін Мырзекеңмен хат алысып тұрдық, Алматыдағы Астрономическая кешесіндегі пәтерінде болғаным да бар еді. *Өкінішке* орай, 1988 жылы алпыс жасқа қараған шағында белгілі жазушы және ғалым Мырзабек Дүйсенов бұл дүниеден кенеттен өтіп кетті. Бұл мен үшін үлкен қайғы болып еді.

Қазіргі профессор, академик, кеңінен әйгілі абайтанушы-ғалым Мекемтас Мырзахметов ол уақытта Жиырма сегіз гвардияшыл-панфиловшылар атындағы саябақтың қасындағы студенттік жатақхананың бір бөлмесінде тұратын жас оқытушы болатын. Әзер тауып алып, барсам, ол кісі үйінде жоқ екен. Біраз күтуге тура келді. Есесіне Мекемтас-аға мұқият мән-жайымды сұрап, Баукең-ағасының үйінде азды-көпті кідіріп қалуына тура келгенін айтты. Аты аңызға айналған Бауыржан Момышұлының үйінен келдім, туысқандығымыз бар еді дегені ол даңқты адамды бір көруге зар болып жүрген маған керемет әсер еткені ойымда қалыпты. Содан диссертациямның түптелген бір данасын *Мекенге* беріп, жататын үйіме оралдым. Менің ол Алматыға барғанда жатып жүретін үйім белгілі журналист, ардагер ақын, өзімнің жақын жездем Сәду Машақовтың пәтері еді.

Енді диссертациямның сыртқы пікір /внешний отзыв/ дегені бар екен. Абайтанушы-ғалым, профессор, кейіннен академик, Қазақстан

ғылым Академиясының вице-президенты болған Зәки Ахметов ол кезде Қыздар пединститутының /ЖенПИДін/ әдебиет кафедрасының меңгерушісі екен. Сонда бардым. Біраз уақыттан кейін қажетті ресми қағаздарымды алайын деп барғанымда, Зәки-аға Мәскеудің бір ғылыми жинағында Абайдың "Масғұт" поэмасы туралы басылып шыққан мақалсын ұсынып, мынаны авторефератыңа сілтемемен еңгіз, орынды болады деді. Сонан соң өзі басқаратын кафедраға оқытушылық қызметке кел деп шақырды. Оған іштей қатты риза болсам да екі кішкене балам барын, жақында үшіншіні күтіп жүргенімді айтып, жатақканададан бір бөлме алып беруін сұрадым. Оған Зәкең біздің оқу орны Қыздар пединституты - ЖенПИ деп аталады, бұл жатақканада тек қана студент қыздар бірінғай тұратын болсын деген ережеміз бар, сондықтан оқытушыларға одан ешқандай бөлме берілмейді деді.

Ал енді диссертациямды қорғайтын күні наурыз айына белгіленіп, оған санаулы күндер қалғанда, біздің Семей пединститутында проректор қызметін атқарған, жақында ғана Қазақстан Ғылым Академиясының математика институтына директор етіп тағайындалған профессор Телеубай Ыдырысұлы Амановқа авторефератымды ұсынайын, защитама шақырайын деп бардым. Менің жаңалығыма қуанышын білдірген Төлеубай Ыдырысұлы қолындағы кестесін көрсетіп, ол күні бірнеше, мемлекеттік емтиханнан бастап, шараларға қатысуының қажет екенін айтып, ескертті.

Реті келгенде айта кетейін, сол кезде 48 жастағы Телеубай Аманов аты аңызға айналған математик-ғалым еді. Мәселен, Байқоңырдан ұшқан ғарышкердің қайта оралып келерінде Қазақстанның жеріне түсуінің есебін Аманов келтірген дейтін. Немесе Лондонда шыққан дүниежүзілік энциклопедияда Төлеубай Аманов туралы деректе орны ғана қалған Құрманғожа деген туған ауылының аты бар екен деп еститінбіз. Сондай-ақ, Европа және Америка университеттерінде математиканың теория функций и функциональный анализ саласынан Аманов шешімдері бойынша студенттерге дәріс оқылады дейтіні де бар еді. Менің диссертациям екінші ретке қойылған екен. Менің алдымда бір орыс әйелі лингвистика бойынша диссертациясын қорғап жатты. Қатты қобалжығаннан беймаза болып отырған едім. Кенеттен үлкен залдың есігі ашылды да бір аяғын сілтіп басып, Төлеубай Ыдырысұлы орта шеңдегі қатарға барып отырды. Байқап қалдым, сонау жоғары төбеде

отырған Ғылыми Кеңестің төрағасы, академик М.В.Балақаев Ұлы Отан соғысының жарақатынан ақсаңдап келе жатқан Төкеңнен үлкен акты залына кіргеннен барып отырғанына дейін екі көзін айырмады. Қуанғандай болып қалып едім, бірақ мен диссертациямды қорғап тұрғанымда алдыңғы қатарда отырған ақбасты профессорлар Темірғали Нұртазин, Белгібай Шалабаев, Ханғали Сүйіншәлиев тағы басқалары сұрақтарын жаудырып жіберді. Шамам келгенше сасқалақтап жауап қатып жаттым. Сол мезетте Төлеубай-аға абыржып, афторефераты қайда, авторефераты қайда деп, мені қолдап, дереу шығып сөйлеуге дайындалып жатыпты. Бейсекең-аға да сөз алуға бекінген сияқты. Бұның бәрін кейін маған туыстарым жеткізіп еді.

Үзіліске шыққан кезімізде профессор Темірғали Нұртазин естүсімді білмей жүрген менің арқамнан қағып, қатты қобалжып жүрсің ғой, үндеме, осылай біраз желпіндіріп қойсаң, диссертацияң жақсы өтеді деді. Айтқанындай, қайта орындарымызға оралып, Ғылыми Кеңес мүшелер түгелдей оң дауыс бергенін естідік. Шынымды айтсам, мен ештеңе естіген жоқпын. Тек қана айналамдағы жақын адамдардың құттықтап, гүл шоқтарын жаудыруынан ғана жақсылық болып жатқанын сезгендей едім.

Тағы да ойымда қалғаны, ҚазМУдың ғылыми бөлімінде Мәскеудегі Жоғары аттестациялық комиссияға /ВАКқа/ жіберу үшін қажетті құжаттарымды жинастырып жүргенімде бір жуандау қоңыр дауыс елең еткізді. Қарасам, профессор М.Балақаев мейірімді жүзбен маған қарап, күлімсіреп тұр екен. Қуанышпен амандасып жатырмын. Ол аты бүкіл Қазақстанға танымал ғалым-лингвист мөлшермен былай деді: "Қарағым, защитаң жақсы өтті. Енді ұқыпты түрде құжаттарыңды Москваға жіберерсің. Аман-есен бекіп келсе, абайтанушы -ғалымдардың қатарына қосылып қаларсың. Өйткені Абайдың поэмалары аздау зерттелген дүниелер."

Расында, үш-төрт айдан, соң ВАКтан ғылыми дәрежем бекіп келгеннен кейін де "абайтанушы" деген сөзге көпке дейін үйрене алмай жүрдім. Бұл жағымды балама "пушкинист" деген ғибратты сөзбен пара-пар естілетін. Уақыт барысымен филология ғылымдарының докторлары Ханғали Сүйіншәлиев, Шәмшия-бану Сатпаева, Рымғали Нұрғалиев, Мырзатай Жолдасбеков тағы басқалардың монографияларында менің Абай туралы ғылыми еңбектерім аталғаннан соң, көңіліме демеу болып, орнына түскендей күйге жеткен едім.

Біздің Н.К. Крупская атындағы Семей педагогикалық институтындағы филология факультетінде филология ғылымдарының кандидаттары ол кезде бір қолдың саусақтарымен санарлықтай ғана болатын. Олар Ұлы Отан соғысының арғы-бергі жағында қорғаған, өте сауатты ұстаздарымыз еді. Енді міні кейінгі ұрпақтардың ішінен, кешегі студенттердің арасынан келіп, солардың қатарына қосылғаным өте қуанышты болдым. Осылардың барлығы үшін ұлы ұстазым, ғибратты ғылыми жетекшім болған профессор Бейсембай Кенжебаевқа деген шексіз алғысым таусылмайды.

Осы бір үлкен уақиғадан соң өмірімнің жаңа кезеңі басталғандай болды. Бірнеше жылдар Бейсекең-ағамен хат алысып тұрдық. Ол кісі үлкен ғалым ретінде болу керек, хатты ашық отырысқа сыйдырып, қысқа ғана етіп жазушы еді. Содан бір-екеуін келтіре кетсем деп едім. Ең алғашқысы мынау: "Құрметті Мұрат! Хатыңды да, телеграмманды да алдым. Көп-көп рахмет. Телефон соққаныңда сөйлесе алмай қалғаным өкінем. Өзіңді, үй-ішіңді жаңа жылмен құттықтаймын. Бақытты бол, еңбегің жемісті болсын, көп жаса."

Тақырыбың жайында кафедрада пікір алысқан едік. Жолдастардың көпшілігі жақында ғана қорғады ғой. Тұра тұрсын дегенді айтты. Бір қатынағаныңа қарап, шешеміз ғой деп ойлаймын.

Қайымға, тағы басқа жолдастарға, үйішіне сәлем. Хабарласып тұр.

Сәлеммен ағаң Бейсембай
10.01.72.

Ет қызумен докторлық диссертацияны жазып тастайын деген құлшыныс болып еді. Оған күрделі өмірдің нешәтүрлі тауқыметтері мүмкіншілік бермеді. Олардың ішіндегі өзімше ең қажеттісі бала басты болуым деп ойлаймын. Аллаға шүкір, бес бала өсіріп, аман-есен ұлымды ұяға, қызымды қыяға қондыруға жазған екен.

Ғылым кандидаты болғаннан соң 1973 жылы екі жылдай уақыт өткеннен кейін Министрліктің шешімімен Талдықорған облысы қайта құрылғаннан соң тұңғыш жоғарғы оқу орнын ашамыз деп, бүкіл Қазақстаннан жас ғылым кандидаты атағы бар мамандар шоғырландырылды. Солардың ішінде мен де бар едім. Ол өмірімнің ең бір қызықты кезеңі болып ойда қалды. Талдықорғанда да Бейсекеңмен хат алысып тұратынмын. Мен онда бірлестірілген тіл жене әдебиет кафедрасының меңгерушісі болып қызмет атқарған

едім. Сонда алған Бейсекең-ағаның бір ғана қысқа хатын келтіре кетейін.

"Күлзада,

Мұрат! Мейраммен құттықтап жазған хатыңызды алдық. Көп, көп рахмет.

Өздеріңізді біз де өткен-кеткен мейрамдармен құттықтаймыз. Сіздерге шын жүректен ұзақ өмір, бақытты тұрмыс, жемісті еңбек тілейміз.

Мұрат, анадағы айтқан мақалаң шықса, хабарларсың.

Сәлеммен Меңжамал,

Бейсембай.

10-май, 1974жыл!"

Міне заңғар таудай кісінің кішіпейілдігі, мейірімділігі, ұлылығы осылай көрінеді ғой. Қазір көне жалпы түркі әдеби нұсқаларының, Орхон-Енисей тас жазбаларынан бастап, мектеп, педколледждер мен жоғарғы оқу орындарының бағдарламаларына енуі дағдыға айналғандай болды, Көп жылдарын сарп етіп, ондай жағдай үшін бір топ әріптестері мен шәкірттерін жұмылдырып, ұшаң-теңіз еңбек сіңіргені мәлім. Абайдың "Шәкіртсіз ұстаз-тұл" деген ғибратты сөзін Бейсекең-ағамыз берік ұстанғаны айқын. Талай ғылым кандидаттарын, докторларын, халық жазушыларын, өнер санлақтарын, мемлекет қайраткерлерін тәрбиелеп өсірген салауатты педагог, ғұлама ғалым, профессор Бейсембай Кенжебаевқа қазақ халқының айнымас жанашыры, қазақ әдебиеті тарихының көкжиегін сонау көне түрік дәуіріне дейін жеткізген ұлы тұлға ретінде зәулім Астанада немесе өзінің сүйікті Алматысында ескерткіш қойылса егеменді еліміздің қалалары мен аудандарында мектептерге және көшелерге аты беріліп жатса әбден орынды болар еді. Келесі ұрпақтар Бейсембай Кенжебаевтың есімін орыстың Белинский, Добролюбовтар қатарында ұстап, шексіз қадірлейтініне кәміл сенеміз...

Семей шапары,

2009 жыл.

Часть III

Портрет Аттилы,
опубликованный в
Лондоне в 1810 году

АТТИЛА

(Екі бөлімді, бес актілі тарихи пьеса)

Қатынасушылар:

Аттила – ғұн тайпалары одағының басшысы, қаған.

Эллак

Денгизик } оның ұлдары.

Ернак

Хелхал – ғұн қолбасшысы және ақылгөйі.

Едіге – Эдикон – ғұн қолбасшысы және дипломаты.

Одоакр – оның ұлы.

Есендауыл } ғұн

Шыпшыл } басшылары және батырлары.

Ардарих- гепидтер королі.

Бауэр- оның жиені.

Гонория- Рим принцессасы.

Аэций – Рим қолбасшысы.

Карпилион – оның ұлы.

Гундхар – бургундтар королі.

Феодосий II – Византия императоры.

Василисса – оның ханшайымы.

Хризафнос – патша сарайының кожайыны, евнух.

Вигилий

Максимин } Византияның елшілері.

Приск

Примут } Италияның елшілері.

Ромул

Торисмунд – вестготтар қолбасшысы.

Турасал – әнші, ақын.

Естімес – сарайдың қалжыңбасы, еркесі.

Қызметшілер, сарбаздар мен жаушылар.

Бірінші бөлім

Бірінші акт

Бесінші ғасырдың орта кезі. Бүкіл Еуропа мен Азия дерлік ғұнның құдіретті қағаны Аттиланың қол астында болды. оның басшылығымен ғұндар, оларға бағынған готтар және басқа халықтар одағының билігі Тынық мұхитынан Адриатика мұхитына жайылды.

Шығыс – рим империясының астанасы Канстантинополь. Шілтер перденің әрі жағынан император сарайларының және Қара теңіздің немесе сол заманда атағандай Понт Эквинскийдің толқындарының тербелгені көрінеді.

Әуелде Равеннадағы Италия монастыріне принцесса Гонорияның түсіндегі көрініс өтеді. Сахнада жападан жалғыз тұрған Гонорияның мүсіні көрініс береді. Ол телміріп Шығыс жаққа, Константинополь тұсына, қарап тұр.

Гонория. Менің қасиетті әрі бақытсыз тағдырымды кім ғана шеше алар екен? О, ерең құдіретті құдай Юпитер: адам түршігерлік қорлық көрген бейшара принцессаға өзің жар бол. Мына лағып кеткен өмірде кім маған қол ұшын бере алады? Солтүстік Африкадағы вандалдардың королі Гензирих пе немесе екі бірдей батыс және шығыс Рим империяларына алым-салық төлететін, “Құдай тоқпақ” атанған Аттила ма?

Өз тағдырымның жібін және Италияның жарты бөлігін ұсынып, Аттилаға хат пен өзімнің алтын балдағымды жібіріп едім. Бұл енді менің ақырғы үмітім ғой...

/Рим папасы Лев I келеді./

О, аса қасиетті Юпитер құдай, сен менің дұға сөзімді естіп, рим папасы Бірінші Левтің өзін жіберіңіз. Алғыс айтамын саған және мына күнәға малынған жер бетінде жүрген құдайдың тәлімгері, рим папасы Бірінші Левті сәлеміммен қарсы аламын!

Лев. Сен мені, о, қолбасшы Констанция мен рим императоры Бірінші Феодосийдің қызы Галла Пластицияның нәсілі алыс принцесса Гонория, мені күтіп тұрсын ба?

Гонория. Ұлы епископ, мен сені жалбарынып, шақырып тұр едім. Неге десең, менің абыржыған жаным тыныштық пен бейбіт халды іздейді... Мен азап шегу мен үрейлі күйдемін...

Лев. Оның себебі, принцесса Гонория, сенің таза христиан дінінен гөрі ариандыққа сенуінде. Сен Иоанн Предтечаның азапты да аянышты жағдайын білмейсің. Ариандар бір ғана жалғыз Құдай бүкіл табиғатты басқарады деп сенеді. Анна Самуилды, Сара Исаакты туғанда, дінбасы Захарийдің кәрі және бедеу жұбайы Елизавета Иоанны тауып еді. Исаак пен Самуилды Ирод Антипа өлтірді. Бірақ Құдай құдіретімен сәби Иоанны аман алып қалған. Дер кезінде Елизавета жасырынып, нәрестесімен қашып кетіпті.

Сонымен Иоаннға кейіннен Иисус Христосты соңғы және қадірлі пайғамбар ретінде шоқындыруға тура келіпті. Тек сонан соң тағы сол Галилеяның билеушісі Ирод Антипаның қолынан азапты да қасиетті өлімге ұшырайды. Иоанн Предтечаны басқаша Иоанн шоқындырушы деп те атайды. Мынау жер жүзінде және бұл жарық дүниеде Құдайдың қалауымен әр пенденің өз үлесі мен жазымы бар. Ал не сырынды маған айтайын деп едің, бұлдіршінім?...

Гонория. Мен сенің алдында бір жарамсыз әрекетімді тайынбай айтып салсам деп едім.

Лев. Әбден орынды! Кеңінен таралған күнәқарлық қайткенде түбінде ұлы Рим империясының құлауына әкеліп соғады...

Гонория. Қайырымдылық жасай гөр, қасиетті бабам, менің бұл ауыр жағдайыма көңіліңді шын ниетпен бөліп...

Лев. Сөйле, сөйле, ханшам.

Гонория. Көп ойланып, көп толғанып, Аттилаға күйеуге шығайын дедім де, сенімді әтек Гиацинт арқылы, оған хат жазып, өзімнің жүзігімді беріп жібердім...

Лев. Қандай алаңғасарлық жасағаның, Гонория?!.. Бірде Аттила өзінің жойқын ордасымен Мидиоланға дейін жеткен болатын. Тек кана құдайдың қайырымдылығы және көмегімен, көп алтын беріп, оны кейін қайтаруға менің ғана қолымнан келіп еді.

(Шілтер перденің жоғары бойымен қанатты ат мінген бір беімәлім жауынгер ұшып барады.)

Гонория /кенеттен қуанып/. Рим папасы, қарашы, кім мына жұлдызды аспанда құс секілді қанатты аттың үстінде әумен қалқып келеді? Бұл – Аттила! Ол менің жолдаған хатымды алып, ұшып келе жатыр ғой. Бұл – Аттила, менің ғашығым және менің сенімді құтқарушым...

Лев. /Әбігерленіп/. Маған, әлбетте, осыны көру жетпей жүр еді! Бір рет Аттиламен кездескенмін. Соның өзі маған жеткілікті! Сенің ағаң император Валентиниан байқұс бір офицердің әйелімен шатасыпты. Бұл сұмдық оның түбіне жетеді. Сен де сол ұядан ұшып шыққан құс тәрізді немесің. Жетер енді! Мен тіл дінідегілерді және манихейлік – күпірлерді өлім жазасына бұйырамын да тартамын. Қош бол! /Кетеді/.

/Ентігіп, Аттила кіріп келеді/.

Гонория /қарсы алуға ұмтылып/. Аттила, менің қорғанышым!

Аттила. Менің ханшам Гонория! Менің көптен аңсаған махаббатым!

Жалғызым менің /Гонорияны құшақтап, сүйеді/.

Гонория. Жер мен көктің періштесі, Изидә тәңірі мен дұғалы зарымды естіген екен. Менің құтқарушым ақыры жетті ғой.

Аттила. Жок, керісінше сен менің құтқарушымсың. Мен өзімнің ағам Бледаны өлтіріп едім. Мен Құдайдың алдында үлкен күнәлі пендемін.

Гонория. Ештеңе етпейді, ғашығым. Мұнда саған рим папасы Бірінші Левтің алдынан өтіп, күнәңнан тазарып шығуға болады. Ол осы маңда жүрген. Ол жақында осында болып, менімен сөйлесіп еді.

Аттила. Менің құдайларым басқа. Мен пұтқа табынамын. Соғыс құдайы Пуру маған қыруар күш сыйлады. Сол құдайдың құдіретімен 12 тәж және 30

мемлекет менің қоластыма берілді. мені төңіректің бәрінде Құдай Токпақ деп атайтыны тегін емес.

Гонория. Жок, көп құттырған аяулым менің, бұл күнәкар жер жүзінде және барлық түрлі діндер үшін бүкіл адам баласына Құдай тағала жалпы біреу-ақ. Архиепископ Бірінші Левтің алдынан күнәннан тазарып шықсаң, өмір сүруіне де, әйел сүюіне де жеңіл болады...

Аттила. Тек махаббат үшін ғана! Маған менің орасаң үлкен де құдіретті жүрегіме сай шынайы да орасан зор махаббат қажет. Әйтпесе, менің ғашығым Гонория ханшайым, әрі қарай ылғи жеңіске жете беруім қиынға соғады. Әтек Гиацинт арқылы жіберген хатыңды және асыл жүзіңді алдым. Ол үшін мен саған шексіз алғысымды айтамын, Гонория, менің көркіне көз тоймайтын сұлуым, менің...

Гонория. Сен, ғұндардың көсемі, қанатты арғымағыңмен дәл уақытыңда, дер кезінде келдің.

Аттила /сұстанып/. Мені әдетте хан ием дейді.

Гонория /назданып/. О, менің хан ием және жүрегімнің әміршісі, тағдыры менің шерлі болды. Бауырым император Валентиниан сұрапыл ашына әйелге басы бүтін батып кетті. Шешем Галла Плацидия оның ол ісін көрмеген болады, себебі папа Левпен бірлесіп, Рим империясын еркін билегісі келеді. Ал менің табиғи бүтін абыройымды билеуші әмір Иисус Христосқа арнадым деп, өзімді қамауға алып жүр...

Аттила. Білемін. Барлығын білемін. Сондықтан да сенің шақыруыңмен лезде аспандатып, өзімнің Алтынжал атты тұлпарымды міне салып, саған жеттім.

Гонория. Сен менің қорғаушымысың, Аттила, және менің дара ғашығымсың!

Аттила. Осындай асыл сөздерді сенің аузыңнан естігім келіп еді. Менде сенің басыңды шыр көбелек айналдыратын махаббатыңнан басқа дүниенің барлығы қолымда бар. Менің екі жүз әйелім бар, жүзден астам ұлдарым бар, қыздарымды есепке алдырған да жоқпын. Бірақ мұндай тәтті, есіңнен тандыратындай махаббат сезіміне бірінші рет тап болдым!.. Бірақ менің жалғыз басымда күнәларым да көп...

Гонория. /Атилланы қолынан тартып/. Жүр ашық мойындайық... Жүр Бірінші Лев папаға барайық. Ол сенің жаныңа жай тауып береді, әлбетте, жүрегіңді тазартады. Ол біз екеуміздің некемізді қиып береді. Әлгі менің жүзігім қайда?

Аттила /саусағын көрсетіп/. Міні ғой, міні сенің жүзігің. Ол ұдайы менің қолымда. ал осы жүзік біздің неке қияр алқамыз болсын.

Гонория. Жүр, күнәні мойындауға және некелесуге барамыз!

Аттила. Барайық! Сүйікті ханшайым Гонориямен некелесуге және калыңмал ретінде жарты Италияның қак жартысын алуға дайынмын...

(Аттила мен Гонория құшақтасып кетеді. Музыка. Шілтер перде көтеріледі. Константинопольдің жарқыраған зәулім сарайлары көрінеді.

Құлдар паланкиннің үстінде отырған император Феодосийді әкеле жатыр. Соңынан патрицийлер Максимин және Вигилий кіреді. Паланкин ортаға, биіктеу жерге қойылған. Оның үстінде император Феодосий тағында отырғандай шіреніп отыр).

Феодосий. Бір кезде құдіретті күші бар Рим империясы жартылай жабайы ғұндардың тегеуіріне қарсы тұра алмайды. Жәбірі мен маскарасына қарамай, біз олардың алым – салық берушілері болдық. Жыл сайын біз оларға екі мың фунт алтынды төлеп тұруымыз керек. Мұны не деп түсіндіруге болады.

Максимин. Мұнда біз ең алдымен нәзік те икемді саясат жүргізуіміз керек. Әскерімізді барынша нығайтып, оны алысқа ататын құралмен қаруландыруымыз қажет. Олардың мекеніне ақылды елшілерді жіберіп, икемді, қарымта қайтаратын дипломатиясын күшейтуіміз керек.

Вигилий. /Максиминге/. Таңдамалы өз арамызда ғана емес, тіпті жалпы халық ішінде сен адал да әділ патриций ретінде танымалсың. Осы теорияны дамыту және жауынгер ғұндармен қарым – қатынасымызды пайымдау сенің қолыңнан келеді.

Феодосий. Бұл мағынада Вигилий дұрыс айтады. Аттиланың лагеріне елшілер тағайындап, жіберейін деп отырмын. Сенатор Максимин, қысқа мерзімнің ішінде сен папирусқа ғұн саясатымыз бойынша өзіңнің құнды ойларыңды жазып бер.

Вигилий. О, ұлы император, сен ең қонымды дұрыс шешім қабылдапсың. Патриций Максиминнің саналы ой-пікірлері сенің ардақты назарыңа және біздің іс-әрекетімізде қолдануға әбден лайық болады.

/Император Феодосий екі сенаторға мұқият зер салып, бір шешуші түйінге келгендей болады/.

Феодосий. Бара ғой, таза жанды сенатор Максимин. Барып, таза папирусты алдына алып, ойыңды жаза бер.

/Максимин басын иіп, кетеді/.

Мен сені, Вигилий, әдейі жалғыз алып қалдым. Біз екеуіміз Аттиладан тым қысқа мерзімде құтылуымыздың сенімді және өте қысқа жолын табуымыз керек.

Вигилий. Мен сені түсіндім, император ағзам. Менің аңғарғаным бойынша патриций Максимин дұрыс бағыт беріп тұр, бірақ ол аса ұзақ және қиын жол. Аттила – варвар және варварлардың басқарушысы. Оған Тарихшы

мен Ақын деген ұғымдар беймәлім. Ол Фукидид пен Гомер туралы ештеңе білмейді. Оны өзіне лайық өзінің әдісімен көзін жоғалту керек.

Феодосий. Аттиланы өлтіру керек! Бірақ кім осыны орындай алады? Кімге бұл тарихи маңызды істі тапсыруға болады? Осындай құдайдың құлын тапшы. Мен оны бастан аяқ алтынға бөлеуге дайынмын. Аттиланы бір керемет кие қорғайтын сияқты. Оған не садақ оғы, не акинақ дарымайды. Үстінен ұшып түседі. Тіпті өзі сиқырланған пұт сияқты. Өзінің тағы жойқын күші бар. Белгілі бір уақытта ол соншама орасан көп жерді, сонша ел мен мемлекеттерді, сонша халықтар мен тайпаларды өзіне бағындырды, тіпті Александр Македонский мен Юлий Цезарьдің жаулап алған кеңістігінен әлде қайда көп, асып түседі...

Вигилий. Сені мен толық қолдаймын, ұлы мәртебелім. Аттила «Құдай Топқақ» деп тегін аталмаған ғой. Оның данқы шексіз де өлшемсіз тараған, жер жарады. Тіпті кейбір тайпалар, қала берді салықалы елдер оны аты мен данқының алдында бас иіп, қару – жарактарын тастап, оны көре сала, жеңілдік дейді екен. Бүгінгі күні он екі тәж, отыз мемлекет Аттиланың қол астында екен... Аттиланың өзін құрту керек! Мен сенің мына айшықты пікіріңмен толықтай келісемін, кемеңгер император...

Феодосий. Мен сені, патриций Вигилий, Аттиланың ордасына елші етіп тағайындаймын. Сенің қасында бұйрығыңды берік орындаушы болуы қажет. Осы қауіпті де игілікті шараны анық орындау үшін сенімді кандидатың бар ма?

Вигилий. Иә, ондай кандидат бар, жоғары мәртебелі император.

Феодосий. Ол кім? Тезірек жауап бер!

Вигилий. Ол – біздің қасиетті еліміздегі Аттиланың елшісі, ардақты хан нем. Оның аты Эдикон, ата-тегі скиф. Сенің рұқсатың бойынша біз оны бастан аяқ алтынға орайтын боламыз. Алтын жалатқан көк төбелі үй сыйлаймыз. Ақырындап Византионның ақ сүйектерінің қатарына тартамыз.

Феодосий. Мен оны патриций қатарына қосамын. Скиф Эдиконға сенуге болатын сияқты. Біздің жағымызға мейлінше тарт оны. Тағы да бір рет жақсылап тексер де онымен келісімімізді антпен бекіт.

Вигилий. Құп болады, ұлы император Екінші Феодосий! /Хризафиос әтек кірді/.

Хризафиос /бас иіп/. Жоғары мәртебелі император, рұқсат ет маған.

Феодосий. Келе бер, Хризафиос. Дәл қазір сен бізге керек едің. Мен саған курьер жіберіп едім.

Хризафиос. Мен түгелдей сенің қарамағындамын, аса мәртебелі император.

Феодосий. Менің бабам Бірінші Константин Шығыс-Рим империясы Византияның астанасын даңқты Константинополь деп атағаны мәлім. Ал біз сендермен Константинопольдің тарихи даңқына қандай үлес қостық?

Хризафиос. Үш жүз отызыншы жылы Бірінші Константин ұлы Флавий Валерий Византияға Константинополь деп ат қойғаннан бері іс жүзінде ештеңе қосқан жоқпыз. Сол уақыттан бері Аттиланың әкесі Мундуктың басшылығымен, онан соң Аттиланың әкесінің ағасы Руғиланың, ал енді Аттиланың өзінің тепкісімен келеміз.

Феодосий. Оны толықтай құртатын уақыт жетті. Ғұндардың қысымын мәңгілік құрту керек. Кезінде тіпті Ругила Римге 350 фунт алтын салығын тағайындап еді. Қашанғы төлей береміз. Қандай маскара! Ол салық қазір екі мың фунтқа дейін өсті.

Хризафиос. Біз патриций Вигилий екеуіміз бұл мәселені әңгіме қылғанбыз. Аттиланы өлтіру керек!

Феодосий. Тура айтасын. Біз де Вигилий екеуіміз бұл тақырыпты сөз еткенбіз. Бірақ тым құпиялап... Мұны үшеуіміз ғана және скиф Эдикон, Аттиланың елшісі, оны өлтіруші ғана білуіміз тиісті...

Вигилий. Тек қана осы төртеуіміз... Әйтпесе, біз бұл кимылды бүлдіріп аламыз. Тіпті бұл туралы патриций Максимин мен ритор Приск те ештеңе білмеулері керек...

Феодосий. Алтын мен пұл шығындарын аямандар! Ал құдайдың жарлығы болсын! Иисус Христос бізді қолдай көрсін! /Шоқынады/. Енді іске кірісіңдер... /Қолын шапалақтайды. Зембілшілер императорды паланкинмен алып кетеді/.

Хризафиос. Мәселе түгел шешілді. Шегінуге енді жол жоқ. Енді Эдиконмен келісімді қалай да мөрмен басу қажет.

Вигилий. Меніңше, патша сарайының шырағы Хризафиос, сенің ойың дұрыс. Құжат әбден қажет. Осы сағатқа мен скиф Эдиконды осында, патша верандасына шақырып едім. Әнекей өзі де келе жатыр. Бірақ жалғыз емес қой. Қасында, әлбетте, Василисса ханшайым секілді...

Хризафиос. Ох, осы әйелдер-ай! Әсіресе жоғары мәртебелі ханымдар. Шетелдіктер десе, тура жабыса кетеді. Баска ру-тайпалардың еркектері келе қалса, тіпті бір елі соңдарынан қалмайды ғой. Әлде олардың әртүрлі пенделерге соншама құмарлығы бар ма? Білмеймін. Түсінбеймін...

Вигилий. Біз бұл факторды да іс жүзінде пайдалана аламыз. Үндеме! /Едіге мен Василисса келеді/.

Қош келдіңдер біздің қасымызға!

Василисса. Туу, әлгі Хризафиос әтек тағы алдынан шықты. Бұл әтектерді сондай жек көремін. /Едігені қолынан ұстап, тоқтатып/ Эдикон мырза, Аттила туралы айтсаңшы. Оның сырт бейнесі қандай? Ол туралы неше түрлі таң қаларлық сыбыстар тарап жүреді, әсіресе әйелдер арасында.

Хризафиос. /Вигилийге/. Қажетсіз жерде мына топайдың топылдап келгенін қарашы, мына жоғары дәрежелі еркенің... Василиссаның.

Вигилий. Меніңше, ол скифке біз туралы бірдеме айтып тұрғанға ұқсайды, екеумізді келемеждеп тұр, сірә.

Едіге. /Василиссаға/. Біз жарты жолда қолайсыз тұрып қалдық. Мына мырзалардың қасына бару керек еді.

Василисса. Үлгереміз. Олар кішкене күте тұрсын. Осындай зәулім императорды сарайында мен ханша емеспін бе? Өтінемін, Аттила туралы айтшы!

Едіге /айнала қарап/. Ол патшалардың патшасы, алыптардың ішіндегі ең мықты алып. Сойқан ұрыстардың ең қиын сәттерінде өзі барып, кірісіп кетеді. Оған не садақтың оқтары, не найза дарымайды, қылыштың жүзі оған батпайды. Міні ол қандай батыр қолбасшы және дәу!...

Василисса /таңырқанып/. Сонда ол еңгезердей ме?

Едіге. Рухы бойынша сондай. Ал былай қарағанда кәдімгі адам. Бірақ көзі өткір, жанары өте ойлы.

Василисса. Ал менің естігенім бойынша ол мыртық сияқты. Бірақ онысы ештеңе етпес. Кішкентай ағаш бұтағымен мықты дейді. Ал әйелдер не үшін оны жақсы көреді?

Едіге. Бәлкім, даңқы мен тік мінезі үшін шығар.

Василисса. Құдай-ау! Әлгіден соң мықты рухы үшін шығар. Егер онысы Понт Эквинскийден асып, біздің жақта сезілсе, мына Қара теңіздің бергі жағында да ол ерекшелігі жайылған дей бер.

Хризафиос. Мына тәжді әйел Эдиконды қашан босатады екен?

Вигилий. Ол, әлбетте, Аттила туралы көбірек естігісі келіп тұр. Бір көшпенділердің нақылы семіздікті қой ғана көтереді дейді.

Едіге. /Василиссаға/. Жоғары дәрежелі патриций Хризафиос мазасызданып тұр, білем.

Василисса /менсінбей/. Бұл дәу мұрынды грек жас кезінде біздің сарайымыздағы талай періште қыздарымыздың есін шығарған болатын. Бірақ ол дер кезінде пішіліп тасталды. Онан соң ол сол екпінімен саясат пен дипломатияға ұрынды. Қайткенмен дегеніне жетті. Хризафиос императордың толық сеніміне кіріп алды. Ал сен маған мардымды ештеңе айтып бере алмадың. Неге ғана тіпті асыл текті қыздар жердің арғы түбінен қандай болсын қиындық пен қауіп – қатерге қарамай, Аттиланы іздеп келіп, сенен бір ұрпақ табайыншы деп аяғына жығылады? Бара бер, елші Эдикон, өзіңнің сұхбаттасушыларыңа. Мен сенімен әлі анау шынар аллеясында кездесемін. /Кетеді/.

Едіге. Даңқың асып, тәңірім Изидә. /Оны күтiп тұрған патрицийлердiң қасына келедi/. Менi сендер кешiрiндер! Императрицадан босай алмай-ақ койғаным. Сұрақ үетiне сұрақты жаудырды...

Хризафиос. Оған бiз өзiмiз де куәмiз. Ханшайымның мiнез – құлқы мен әуеселесi бiзге мәлiм ғой. Бiрден iске кiрiсерлiк...

Вигилий. Уақытты босқа жiбермейiк. Бiрден бұқаны мүйiзiнен бас салайық.

Хризафиос. Вигилий сенiмен, князь Эдикон, алдын ала әңгiмелескен екен. Император Екiншi Феодосиймен түгел келiсiлген. Сен әрқашан Аттиланың қасында бола алады екенсiң. Бұл бiздiң iсiмiз үшiн аса қажеттi амал болмақ...

Вигилий. Бiз үшiн айдахарды құртатын уақыт жеттi. Оның әмiрiнде, мен-мендiгiндежәне пасықтығында шек қалмады. Ал бiздiң шыдамымыз әбден таусылды.

Едіге /ойланып тұрып/. Сендерге, қадiрлi патрицийлер, менiң өз өмiрiмдi ғана емес, туыстарымның және жақын достарымның жандарын тәуекелге салып тұрғаным белгiлi болар.

Хризафиос. Сөзсiз, белгiлi. Ал сен де iсiңе толық сай марапатталасың. Елу фунт алтынды алдын ала тапсырамыз. Византияға қайтып оралғанда патриций лауазымын аласың және төбесiн алтындатқан, көк төбелi жекеменшiк үй беремiз. Содан кейiн жыл сайын жиырма солид ақша төленiп тұрады. Қалған алтының осы құдiреттi актiнi орындағаннан кейiн қолыңа тигiземiз...

Едіге /дорбаны қолына алып, жазуын оқиды/. «Хризафиостың меншiгi». /Алаңдап/. Бұл өте қауiптi iс. Сондықтан маған мына әмиянды жанымда сақтауға болмайды. Ол әзiрше Вигилийдiң қолында болсын...

Хризафиос. Ең сенiмдi сақтаушы! Аттиланы өлтiргеннен кейiн қайтар жолда осы әмиян қолыңа ұстатылады. Бұл керемет ерлiк болады. Сендердiң делегацияларыңа шешен Присктi қосамыз. Ол – жазушы және тарихшы. Сенiң ерлiгiң, жаужүрек Эдикон, ақ папирусқа жазылады да сен тарих iшiнде мәңгi бақи қаласың...

Вигилий. Приск шешен ұзақ уақыт ғұндардың арасында тұрып, олардың тiлiн, тұрмысын, әдет-ғұрпын жақсы бiлiп алған. Бұл сапар туралы оған да мәлiмделген. ол келiсiмiн бердi...

Хризафиос. Толық орындалғанға дейiн бiздiң құпиямызды берiк сақтауымыз керек. Тiптi Приск шешен де ештеңе сезбесiн. Мiнi Приск Панийскидiң өзi де келiп қалды...

/Қолында бiр бума папирусы бар Приск келедi/.

Вигилий. Приск Панийский бiздiң экспедициямыздың жылнамашысы болады. Ал екеумiз аудармашы да бола аламыз.

Приск /амандасып/. Біздің ғұн экспедициямыздың алдында мен сендерді кейбір тарихи мәліметтермен қанық етейін.

Едіге. Приск – біздің бұрыннан жақсы танысымыз және қадірлі қоңағымыз. Ол біздің арамызда ғұндардың көсемі, марқұм Ругиланың тұсында болып еді. Ругиланы латынша Ругилас деп, әр халықтар өз тілдерінде Роа, Руас, Руа деп атайтын. Дегенмен жолға дайындала берейік. Ал сен, патшаның қалқаншысы Хризафиос, келісім шарт қағазын дайындай бер. Міндетті түрде император Феодосийдің және мемлекеттік канцлер Марциалдың қолдары болу керек. Делегацияның құрамында сенатор Максиминнің болуы абзал...

/Едіге кетеді/.

Хризафиос. Мен императордың қабылдауына барамын.

Приск /папирусын жайып/. Патрицийлер, тыңдаңдар. Мұны сендер айқын білулерің керек. /Оқиды/. «433 жыл. Ғұндардың патшасы Руа болды. Ол Истра бойына қоныстанған және римдіктермен одақтасуға жақын амилзурларға, итимарларға, тоносурларға, войскелерге және басқа халықтарға қарсы соғыс ашуға шешім қабылдады.

... Руа өлгенде ғұн патшалығы Аттиланың қолына тигенде, рим сенаты елші етіп Плинийді тағайындады. Бұл пікірді патша бекіткен соң Плиний ақылы жұртқа белгілі, квестор деген абыройы бар Эпигеннің олармен бірге тағайындалуын қалады. Эпиген елші болып тағайындалғаннан кейін екеуі де ғұндарға қарай аттанып кетті»... Мен мұны осыдан жиырма жыл бұрын жаза бастап едім. Истра деген өзен қазір Дунай деп аталады. Руа дегеніміз ғұн патшасы Ругилас. Содан бері өзеннің талай суы ағып өтті. Осы тарихтың жалғасын енді жазуым керек. Ол үшін жаңа деректер жинаймын...

Вигилий. Жолда айтарсың, Приск Паниский.

Хризафиос. Приск шешен Паннония жерін, ғұндардың әдет-ғұрпын және Хунгвартқа апаратын жолды жақсы біледі. Сендерге Иисус Христос өзі жәрдемші болсын! Менің императорға баруым керек. /Кетеді/.

Приск. Бұл патша сарайының әтегі. Афинаның сілімтігі де маңғазданған неме болды. Бірақ оның аты Аттиланың арқасында тарихта қалады.

Вигилий. Шығыста ұзын тілді кесу деген жаза қолданылады.

Приск. Мен оны жақсы білемін. Онда еркін ойлайтын адамдар, әсіресе ақындар мен философтар, әрдайым алау отқа ұшырайды.

Вигилий. Сондықтан талас деген саған пайда әкелмесі хақ.

Приск. Сен, Вигилий, оқымысты жансың. Сен Гомер мен Аристотельдің, Геродот пен Аристофанның шығармаларын білесің. Айтшы, осы оқыған қолбасшылар жалғыз ғана табиғатынан ақылды номад Аттиланы қалайша жеңе алмайды?

Вигилий. Міне саған, шешен Приск Панийский, арнайы қалам мен папирус берілген. Дәл сен осы мәселені шешуің керек.

Приск. Иә, күрделі де қиын диллема екен.

ШЫМЫЛДЫҚ

ЕКІНШІ АКТ

Паннония. Жана ғұн астанасы Хунгварт. Римдық сәулет өнеріне ікімделген тас және ағаш құрылыстар. Ортада ғұн әмірінің сарайы орналасқан.

Оң жақта Батыс-рим және Византия елшілері тұр. Сол жақта ғұн және гот князьдері мен әскери басшылар, қарапайым жұрт пен қызметшілер топталған.

Рим елшілері префект Примут пен көмес Ромул әсіресе ренішті. Латынша жазылған «Enceinte Celtgue dite du Camp d «Аттила»деген жол көрсететін сілтеуіш көрініп тұр.

Ромул /тыпыршып/. Мына әбігерден, префект Примут, менің мазам кетті. Шыдамым жетпей тұр...

Примут. Шыдамдық пен сабырлық істі дұрыс аяқтау үшін дипломатияда таптырмайтын қасиеттер екені рас.

Ромул. Ал егер жәбірленіп, қарабет болсаң, қайтесің? Әр нәрсенің шегі болады ғой.

Примут. Әрбір тосыннан болған жағдайдың күтпеген игі табысын жарасымды нәрсе болады. Соны таба білу керек. Әзірше ойынды жинақтай бер, көмес. Солай сол, граф...

Ромул. Мұнымен көптеген терең де құнды ойларың, араласып, шатасып, далаға кетер.

Примут. Мүмкін ғұн патшасы Аттиланың көздегені сол шығар. Ол саған оңай гомо – сапиенс емес. Онымен болатын өте қиын да күрделі әңгімеге дайындала бер. Әдетте ол ауыр және күтпеген сұрақтарды қоюға әуес. Ойынды жинақтай бер де ең опасыз сұхбатқа дайындал.

/Максимин, Приск, Едіге және Вигилий келеді/.

Максимин /таңырқанып/. О, мұнда Норикумның префекісі, патриций Примут та келіп қалыпты ғой.

Ромул. Қалай ол мұнда келмесін, егер Аттиланың ордасына еңселі сенатор Магнус Аврелий Максиминнің өзі келіп қалғанда?

Примут. Дегенмен, гүрілдеген аялақтың жағасындағы үйінде жазу үстеліндегі жаңа папирусын тастап келген ритор Присктің халі ауырлау шығар.

Приск. Менің қолжазбаларым жаңа мәліметтер мен қосымша материалдарды күтіп жатыр. Сондықтан мен мұнда келдім. Сәлем бердік, аса құрметті римдіктер!

/Батыс және шығыс римдіктер достық көңілмен амандасады. Дауыстар: «Аттила келе жатыр. Саяттан Аттила келді. Біздің хан иеміз саяттан келіп қалды». Едіге Аттиланы және оның нөкерлерін қарсы алу үшін рим елшілерінен алыстайды/.

Максимин. Батыс-рим императоры Үшінші Валентиниан Флавий Плацидий бұл Паннонияға Норикум префектісін Примутты және көмес, граф Ромулды тегін аттандырмаған деп жорамалдаймын.

Примут. Шығыс-рим императоры Екінші Феодосийдің насихаты бойынша мықты сенатор Максимин ғұн кеменгері Аттиланы Византиядан аулақтатып, Италияның әсем қалалары Рим, Равенна, Аквилея, Медиолана және Барлеттоға аударуға тиісті.

Максимин. Осындай тапсырмамен, бірақ қарама-қарсы нұсқаумен сендердің делегацияларың келіп тұр ғой. Мен оны біліп тұрмын.

Ромул. Ол Аттиланың бұрынғы тактикасы. Біздің императорлар ғұн әміршісінің жетегіне ілінеді де жүреді.

Приск. Осының бәрі менің папирус бетіне түсірген дәлелдерімді тек анықтап жатады.

/Музыка. Керней үні естіледі. Саят киімін киген Аттила кіреді. Қалында найза мен садағы бар. Ғұндар мен готтар, дауыстап, қарсы алады. Ғұн басшысының қасына Едіге келіп, құрметпен амандасады/.

Аттила. Мен сені өзімнің тәж залымда күтемін, Едіге батыр. Мынадай тамаша саяттан кейін өзімді ретке келтіріп алайын.

Едіге. Бұлтартпай келемін, қымбатты Аттилам. Көзбе көз саған айтар сөзім бар. Оның үстіне император Феодосийден және көптеген сенаторлар, консулдар, цезарьлар және вельможалардан алып келген ыстық, алаулаған сәлемдер мен жолдамалар үлкен бір құшақ болды.

Аттила. Солай болсын! Менің дастарханыма кеңесшілеріңіз, нөкерлеріңіз жалғыз кел... Осылай маған құрмет және үлкен ізет көрсетші, Едіге-аға.

Едіге. Мүдіртпей орындаймын, ұлы қолбасшы. /Әдепті түрде шегініп, жол береді/.

Аттила /шаттанып/. Паннония біздерге, дала тұрғындарына, көшпенділерге, Каспий және Арал теңіздерінің аралағында жайылып жатқан кеңістік, өзіміздің туған өлкеміздей болғанына ризамын. Мұнда дала кеңістігі де, биік таулары да, ну ормандары да бар. /Артына қолын нұсқап/. Өне қаншама олжамен осы саяттан оралдық. Тіпті тірідей турды да жетектеп әкелдік.

/Бір жас әйел жетіп келіп, Аттиланың аяғының түбіне шәліге оралған, жана туған сәбиді жерге қояды. Ғұндардың көсемі ол әйелмен көз тастасып,

баланың үстінен аттап өтеді. Оның соңынан ептеп басып, нөкерлері сәбиді аттап өтеді/.

Максимин /Прискке/. Бұл қандай ғұрып еді?

Приск. Бұл Дакия патшасының кезекті әйелі ол жоқтатағы бір ұл тапқан екен. Көріп тұрғанымыздай ол сәбиді мойындады.

Едіге. Сен дұрыс айтып тұрсың, патриций Максимин. Ұлы Аттила бұл әдібін де әдет-ғұрыпқа айналдырды. Бұл нәрестенің шешесі жас та әдемі грек қызы хан иемге тағы бір ұл тауып берді делік. Егер оны ақпейіл әкесі мойындамайтын болса, үстінен басып өтеді. Ал оның артынан барлық нөкерлері мойындалмаған нәрестені таптап кетеді. Бағына қарай бұл жолы олай болмады...

/Гепидтер деген герман тайпасының королі Ардарих Аттиланың алдында тақтың орнына арқасын төсегендей болып тізе бүгеді. Василевстің бұл ишаратына риза болған Аттила, арқасынан қағып, тұрғызады/.

Аттила. Тоқтасаңшы, жетеді, гепидтер королі Ардарих. Бүгін атымнан түсерімде арқасын тосатын герман корольдарының ішінде сенің шіретің келіп еді. Сен ол парызыңды орындадың. Әзірше сол жетеді. Сен енді маған Рим тарихы бойынша кеңесші ретінде қажетсің...

Ардарих. Ол тарихтың іші тегінде қапас та катал болған. Сенің ағайының Руғилас, ғұндардың көсемі Руа, 430 жылы Римге жыл сайын 350 фунт алтын төлейтін салық белгілеп, келісім-шартпен тынды. Ал одан жиырма жыл бұрын, 410 жылы, гот королі Ардарихтың біріктірілген әскері Римнің ауқатты ақ сүйектерін аямай қырған болатын. Олардың көпшілігі қаза тапты, тұтқынға алынды да құлдыққа жегілді. Тек қана ең төзімділері, жастары мен мықтылары, қашып құтылып, Солтүстік Африка мен Азияда жасырынып, жан сақтай алды. Ал қаншама еңселі адамдар мүлкі мен бар байлығын тастап, Шығыс-рим империясының аралдары мен провинцияларында, тығылып жүріп, қолдарын жайып, қайыр тілеуге дейін барды. Құдай бізді содан сақтасын!...

Аттила. Соғыс ісінде жалғыз қатыгездікпен өркенің өспейді. Дегенмен ол қыңырлық көптеген жағдайда түпкі ойынды жүзеге асыруда қажет болады...

Ардарих. Біздің түсінушілігіміздің, ұлы хан ием, жарты әлемнің билеушісі, шегі мен бағасы жоқ. /Бауэрді нұсқап/. Мынау менің туған жиенім. Жасаған бұған тумысынан саздық қабілеті мен ән салу талантын берген. Жиенім, арфаңды қолыңа алшы. Герман тілін Аттила жақсы біледі.

Аттила. Бәрекеңді! Сыйлық деген осындай болады! Жас жырау, өлеңіңді гот тілінде айта бер. Біз, көшпенділер, өлең мен әнге бала кезімізден әуеспіз.

Бауэр /арфасын күйлеп алып, жырын бастайды/.

Ұлы патша Аттила, саған арнап,
Жырымды айтып тұрмын, айқын сарнап.
Остготтың ақынымын жұрт таныған,
Римдіктерді жеңгенін бергем жырлап.
Бургунд, генид, скирлер мен тағы басқа
Бөлінді германдықтар бас-басына.
Тайпалар бақ таласты бір-бірімен,
Андай ғой жоламайтын дос қасына!
Дін бөлінді жік-жікке аяқ асты,
Шығыпты Арий деген бір албасты.
Халықта берік сенім болмаған соң,
Рушыл боп, бір-бірімен жанталасты.
Орфей рухы қолдасын осы жолы,
Бастасын Аттиланың мықты қолы.
Ұрандап, жауға қарсы шапқан кезде,
Болады Аттиланың күші долы.
Достастық антымызбен бекітілген,
Тайпаның басын қосып, біріктірген.
Тағдырдың қалағаны осы шығар,
Әлемді Аттилаға тәжбен берген!

/Айнала у-шу, көтеріңкі дауыстар естіледі: «Міне нағыз жыр! Жарайсын, Бауэр! Туу, қандай тамаша жыр!»./

Аттила. Жұрт мына жырды дұрыс қабылдады. Остготтың жас жырауы Пиндардан ешбір кем түспейді. Ол даланың суырып салма ақынына пара-пар екен. /Қолын сілтеп/. Мына Пиндарға, шабытты жыршы Бауэрға сыйлығын әкеліндер!

/Сәнді шапан мен құндызды бөрік киген қызметші асыл тастарға толы қобдишаны әкеледі. Аттила қобдиді ашады./

Бауэр. О, ғұндар мен готтардың билеушісі, мен өмірімде ешқашан мұншама асыл заттарды көрген емеспін.

Аттила. Уысына қанша сыйдыра алсаң, сонша ал. Сен, жыршы Бауэр, мұнша сыйлыққа лайықсың. Сен өзіңнің жырыңда менен басқа екі есімді, Орфейді және Арийді атадың. Олар маған бұрыннан белгілі... Орфейдің менің көңілімнен шығатыны, аңыз бойынша оның әндері ағаштар мен жартастарды қозғалтқан және аңдарды тілалғыш қылған. Дүние жүзін билеуші адам осы Орфей секілді басқа елдер мен халықтарды бағындыра алуға тиісті.

Арий – ол Александриядағы молда, просвитер және епископ. Ол христиан дінінің ішінен күпір ілім бастап, негізін салған да оны ариандық деп ататқан. Бұл есімнің де дүниеде аталуға хақысы бар. Тіпті ариандық бізге жақындау,

себебі бұл ілім біздің жақын көршіміз және салық төлеушіміз Византияда көп тараған.

Онан соң сен, еркін ойлы және әділ жыршы да арфашы, менің мына қолымды «әлемдік кол» дедің. Оны да сен шексіз және әбден дұрыс айттың. Менің мына қолым шын мәнісінде күшті кол. Жетектеп әкеліндер әлгі саятта қолымызға түскен кайсар турды. Есендауыл төре, ғұн әскерлері және саятшылар әлгі дақтың өршіген турың жетектеп алып келсінші.

Есендауыл. Ұлы хан нем, әмірің дереу орындалады!

/Есендауыл бірнеше сарбаздармен кетеді. Басында жеңістің гүл шеңбері бар князь Шыншыл жүгіріп келіп, Аттиланың алғына жығилады

Шыншыл. О, ұлы хан нем, саған біздің жаңа бір дақты жеңісіміз туралыбаяндайын деп, асығып жеттім.

/Ғұндардың қуанышты дауыстары шығады. Елшілер үрейленіп, бір-біріне қарайды. Готтар абыржып, шошып қалған/.

Аттила /мақұлдап/. Айтпай-ақ мен сенің, балғын князь Шыншыл, жеңіс туралы қуанышты хабар әкелгенінді аңғардым. Сенің басындағы жасыл жапырақтар ешбір сөзсіз-ақ тағы бір жеңіске жеткенінді және жаудың жойылғанын мәлімдеп тұр.

/Тағы да ғұндардың марапаттау сөздері естіледі/.

Шыншыл. Әбден дұрыс. Бұдан былай герман жерінде лугиондар деген тайпа затымен жоқ болды. Біз оларды түп-түгел жаппай құрттық.

Аттила. Не деп тұрсың? Олар бізге мезгілінде салықты төлемей, қарсы еді ғой. Олар аяқ баса алмайтын оппаның аржағына тығылған еді. Саз батпақтан қалай өттіңдер? /Қолын көтеріп, әңгіменді айта бер деген нишарат білдіреді/. Ретімен бастай бер!

Шыншыл. О, ұлы хан нем, сен маған құрметті тапсырма жүктеп едің. Қайсар лугион тайпасын есін жинатып, бабына келтіру керек еді. Бірақ бұл тайпа тіл алмайтын, сөз естімейтін батпақтан да қиын пәле болып шықты. Ал мен, князь Шыншыл, сенің мәртебелі тапсырманды орындамай қайта алмайтындықтан ең соңғы шараны қолдануыма тура келді. Біз екі мыңға жуық анттар мен славяндарды бірге жинап алдық та өлтірдік. Олардың мүрделерін ең тар өткелдерде, төмен қаратып, екі-екіден салдық. Сөйтіп салт аттыларымызға жол аштық.

Аттила. Ал қалай біздің жылқыларымыз әлгі суымаған мүрделердің үстімен жүрді?

Шыншыл. Егер Аттила, жеңістің таңдамалы ұлы, біздің жағдайымызға байланысты ерікті түрде қимыл-әрекет жасауға толық рұқсат бергенде, қалайша біз хайуанның қылығына ереміз? Сенің рухың мен парасатың, жеңісті ғана

талап етіп, әркашан бізді қолдайды... Дәл сол жерде әлі суымаған мүрделердің үстіне аямай сұлы себіп тастау ойымызға келді...

Аттила. Міне тапқырлық, балғын кязь Шыншыл! Сенің жас басың қайран грек философының басындай екен.

Шыншыл. Грек философының басы ой тапқырлығы жағынан өз нақыл сөздерінен және кітаптарынан әрі қарай бармайды. Ал бізге мұнда батыл әскери тапқырлық қажет болды. міне осылай біз бір салт аттыны қалдырмай, бүкіл отрядымызбен өте алмайтын саздан өтіп шықтық та лугиондарды тып-типыл ғып қырып тастадық.

Максимин. Міне қалай де! Ғұндар германның бүкіл бір лугиондар тайпасын жер бетінен жоқ қылыпты. Мұндайды тек қана вандалдар немесе сайтандар істей алады... Естіген жерден жырақ! Аттилаға «Құдай Тоқпақ» деп лақап атты тегін қоймаған екен.

Аттила. Ол Тоқпақты қимылдататын күш – бағынбаушылық. Егер қайсарлық көрсетіп, менің намысыма тисе, лугиондар тайпасы ғана емес, бүкіл герман халқы жер бетінен ғайып болады. Керісінше, бағыну, сенімді болу, қолдау сендерге толық еркіндік, тең құқық және бауырластық алып береді. Скирлердің королі Ардарих бұған толық куә бола алады...

Приск. Аттиланың көзі тірі тұрғанда, барлық готтарға, отсготтар мен вестготтарға, бүкіл римдіктерге, шығысы болсын, батысы болсын бостандық және егемендік дегендерді ойдан шығару керек.

Бауэр /ызаланып/. Неліктен біздің жоғары мәртебелі иеміз және айқын құдайымыз Вотан германдықтардан теріс айналған?

Ардарих. Әр нәрсенің өз мезгілі бар. Үндеме, жиенім жыршы Бауэр. Әр нәрсенің мезгілі бар. Аттиланың әрекеттерін жырлағаның дұрыс болды. Дәл қажет уақытында. Қазір де, бұдан былай да оның дәуірі тасып тұр. Бірақ мұның да шегі болады. Бауэр, сен жігітсің! Алда да қызуынды кейін басып жүргей...

Бауэр. Егер Вотан қолдап, көмектесетін болса...

Примут. (Рамулға)Неге император Феодосий Константинопольдан христиан дінідегі күпір сенім ариандықты қолдайтынын жаңа түсіне бастадым. Оның Рим империясын батыстық және шығыстық екі бөлікке мейлінше әбден бөліп тастап, Аттиланы қасиетті Рим империясына айдап салғысы келеді.

Ромул. Әмірші Аттиланың өзі де біздің сайқал ханша Гонория туралы әңгімені тегін қозғаған жоқ қой деймін.

Аттила /батыс римдіктердің ойын білгендей/. Менің сүйіктім, қымбатты да сұлу ханша Юста Грате Гонория туралы жеке әңгіме болады. Оны ағасы, император Валентиниан берік тұраққа қамап қойыпты. Гонория маған құпия түрде тағдырын тапсырып, өзінің суреті мен неке жүзігін жіберіпті...

Ромул (ақырын). Онбаған рим қызы! Өзінің арам ниеті үшін ағасы, император Үшінші Валентиниан Флавий Плацидийді және туған анасы Галла Плацидияны ғана емес, қасиетті Римді және бүкіл Италияны сатып жіберіпті ғой.

Примут. Оның үстіне Аттиланың сансыз көп әйелдері бар. Ондай ғадет варвар ғұрпында, тіпті бүкіл Скифияда, тіпті дүние жүзінде жоқ еді.

Аттила. Еркежанды, әсем Гонорияның өзі маған тұрмысқа шықпақшы. Ал мен оны некемен болсын, некесіз болсын алғым келеді. Ең бастысы осы. Менің екі жүз әйелдеріме тағы біреуі, менің Гонориямның, қосылуын талап етемін... Бірақ оның жасау мүлкі менің атағымға лайық болуы керек. Дунай бойынша барлық елді мекендер маған толық қарауға, бағынуға тиісті. Олардың территориясының ұзындық өлшемі Паннониядан фракиялық Новаға дейін, ал кеңдігі бес күндік ат көші болуы керек.

Приск. Оған былай да Византиядан Фулаға дейін, Парсы елінен Рейн өзеніне дейін халықтар мен тайпалар бағынады.

Максимин. Ол парсыларды, мидяндарды, парфияндарды тағы басқа шығыс халықтарын бағындырып, Византияға қарсы қойды.

Примут. Шет-қиырсыз жазық даладан ғұндар тау тасқынындай жауып, жайпап, отыз елді толық өздеріне қаратыпты.

Приск. Аттила өзіне он екі тәжді бой ұсындырған. Осындай аз уақыттың ішінде тіпті атақты Александр Македонский және Юлий Цезарь мұндай нәтижеге қолдарын жеткізе алмаған еді...

Едіге. Аттила – жер жүзіндегі Құдайдың елшісі. Соның ықтиярымен өзінің тарихи әрекеттерін жасап жүр. Аттила «Құдай Топқақ», «Тәңір құты», «Жеңістің ұлы» деген атақтарға тегін не болып жүрген жоқ...

/Эллак пен Одоакр кіреді/.

Эллак /Аттиланың аяғына жығылып/. Қымбатты әкем, менің саған айта алмай жүрген сөзім, аша алмай жүрген сырым бар еді...

Аттила. Осындай мейірімді де көңілді күйде тұрғанымда айтып қал, ұлым Эллак.

Эллак. Маған сенің рұқсат батаң керек. Менің текті анам герман тайпасының амалунг руынан шыққан еді. Ол мені ләзаттың ақ сары шашты әйел құдайы Фриггеге табынуды үйретіп еді. Менің ардақты әкем, мен бургунд королінің қарындасы, әсем Ильдикогоға ғашық болдым.

Аттила. Ол ақ сары шаш Ильдиконың тағдыры маған мәлім. Ол әлі әкесі мен ағасын ертіп және өзінің болашақ жарымен маған бата сұрап келеді. Бір беймәлім германдық, скир жігіті, оған сенен бұрын жіп байлап қойыпты. Бірақ мен басқа бір нәрсені ойлап тұрмын. Марқұм фесалий бақсысы өз сиқырымен сенің мұрагерің, ұлы болашағы бар мұрагерің, нұр сәулелі, ақ сары шашты

герман кызынан туады деп ұйғарды. Ол марқұм сиқыршының, қарнын жарып жіберіп, бауырын суырып алғанда, онда ақ таңбалар бар екен. Ол нағыз сиқыршының, бақсылығының, сәуегейлігінің белгісі еді. Сен әлі жассың, өз бақытыңды әлі табасың. Мені қорғаймын деп оң қолына зақым келтірген ұлым Эллак, асықпа...

Эллак. Бірақ мен, қымбатты әке...

/Аттила кенеттен қолын бірақ сілтеп, жүріп кетеді/.

Едіге. Одоақр, балам, бері келші. /Сәлем беріп, Одоақр әкесінің және елшілердің қасына келеді/. Менің ұлым Одоақр жоғары мәртебелі елшілермен таныссын дедім. Бұлар Византиядан келген лауазымды адамдар. /Одоақр елшілермен танысады/.

Одоақр. Осындай құрметті адамдармен қол алысуым маған олардың өмір тәжірибесін, қуатын және парасаттарын даритсын...

Едіге. Оның шешесі инабатты, жоғары мәрте герман қызы болып еді. /Елшілерді нұсқап/. Ал мына кісілер италиялық парасаттылар мен терең ойлы гректер, Византияның елшілері, патриций Максимин, сенатор Вигилий және ритор Приск. Ал Приск болса, кәдімгі тарихшы. Ол кейінгі ұрпақтарға қаз қалпында қалтыру үшін материалдар жинап, ғұндардың тарихын және олардың басшысы Аттила туралы жазып жүр.

Одоақр. Екі Рим империяларының осынша қошаметті адамдарымен танысқанымды өзіме үлкен абырой санаймын.

Едіге. Германдықтардың мынадай бір мәтелі бар еді: «Әйел қандыағаштан жасалған, ал еркек шетен ағаштан жасалған» деген.

Ромул. Жас ұрпақ, білім алып, өссін деп Аттиланьы ерекше қызу ниетпен математика, медицина және астрономия кітаптарын жинап жүретіні белгілі. Бірақ биология бойынша ғұндардың білімі шамалы шығар. Олардың флора мен фауна туралы білімдері осындай мақал-мәтелдерден құралады білем.

Приск. Олар әртүрлі ауыруларды және соғыс жарақаттарын емдеуге тиіст» шөптерді пайдаланады. Олар герман ормандарын ғана емес, оңтүстік-шығыстың бай табиғатын да жақсы біледі. Сондықтан мұнда қандыағаш пен шетен ағаштан басқа емен, ақ бук, сәмбітал, бәйтерек және басқа ағаштардың өсетінін біледі.

Одоақр. Қандыағаш дегеніміз әдемі, славяндардың ақ қайыны сияқты сүйікті ағаштары. Ал шетен ағаш мықтылығымен және інімділігімен танымал.

Едіге. Біз балаларымызды, болашақ жауынгерлерді, әсіресе астрономияны оқытуға көңіл бөлеміз. Жұлдызды аспанды жақсы білсе, түн ішінде жан-жағын тез аңғарады және әскери жағдайда шапшаң қимылдауға онысы көмектеседі. Басқа амал жоқ. Менің ұым Одоақр биологияны да тәуір

менгерген. Оған мен көп үміт артамын. Оның ойы өткір, өзі ұғымтал. Тек көз тимесін. Тьфу, тьфу...

Тіпті бір түсімде ол кезекті император болған екен деймін.

Одоакр. Маған оның қажеті не? Сені атақты қолбасшы ретінде Тибрден Босфорға дейін барлық елдер мен халықтар біледі. Мен осындай сенің данқына жетсем болады...

Едіге. Өкең ретінде, ұлым Одоакр, сен менің үмітім мен арманымды орындайтынына сенемін. Өйткені оған гұндардың тапқыр ойы мен айқын көрегендігі және нағашыларыңнан, мына сорайған бойлары алты фруттық германдықтардан, төзімділігі дарыған...

Рамул /Ақырын аят оқиды/. «О, Құдайдың Анасы және оның адал біткен Ұлы басындағы тікенек өсімдігімен және екіге жайып тастаған қолдары қадалған крестімен құдіреттелген, біздің абыройымыз және мақтанышымыз, бізге және бүкіл христиан әлеміне көмектесе гөр...».

/Денгизик, Ернак және Карпилион келеді/.

Аттила /жастарды көріп қуанып/. Міні менің тағы екі ұлым келді. Денгизиктің анасының тегі ежелгі ғұн хандарының тармағынан еді. Ал әзірше Денгизиктің өзі – ең озық шабандоз және аспанда ұшып бара жатқан қарлығашты атып түсіретін ең жақсы садақшы. Мұндай шебер мергенші бүкіл Паннонияда жоқ.

Приск. Аттиланың жүз сексен екі ұлдары бар екен. Бүгін оларына тағы жаңа туған нәрестелер қосылды. Ал қыздарды тіпті санамайды да. Билеушінің өзі де, оларды менсінбей, мән бермейді.

Аттила. Мынау менің еркем Ернак, сүйкімді кенже ұлым. Мұның көрікті шешесі, славян княжнасы Любаша, менің данқыма қанығып, сырттай гашық болған. Бірақ өкінішке орай, ол өзінің сәбиін, ақжарқын кеудесіне басып, сарғылт жібек шашымен буркеп, аймалай алмады. Славян князінің қызы осындай ардақты еді. Демек, оның тағдырын жаратқан осылай жазған шығар...

Едіге. Княжна Любовь сәби туысымен қайтыс болып кеткен. Нәресте Ернақты ғұнның мейірімді әйелдері мәпелеп өсірді. Бұл славян ханшасы Люба мен ұлы патша Аттиланың махаббаты туралы біздің халқымыз аңыздарды осы күнге дейін айтып жүреді. Бұл қыз сонау славян княздігінен қашып жүріп, тек қана Аттилаға ұл тауып беремін деп жасырынып, келіпті... Оның аузынан шыққан көптеген сөздер мақал-мәтелдерге айналып кеткен. Мысалы, «сүйші мені, сүйгін келмесе, өлтір» деген сияқты.

Приск. Сен маған, Эдикон, соңара бұл жөнінде толығырақ айтып берерсің. Мен бұл махаббат хикаясын жазып алып, кейінгі ұрпақтарға қалдырамын.

Едіге. Бұл мағынада танымал шешенге, тарихшы және жазушы Приск Панискийге қызмет атқаруға әрқашан да дайынмын.

Аттила /Карпилионға/. Жақындау келші, менің құрбымның ұлы, біздің замандастарымыз айтқандай, «соңғы ұлы римдіктің», қолбасшы Аэцийдің...нәсілі. /Карпилион жақын келіп, бас иеді/.

Максимин. Қалайша қонысына келіп қалған?

Едіге. Ғұндардың қасиетті қосында Аэцийдің өзі бала кезінде ұлы Аттиламен бірге оның ұлы ағайыны Руғиластың тұсында тәрбиеленіпті.

Ромул. Бірақ Аэцийдің шешесі аксүйек тегінен бай рим әйелі болған. Бұған ол бекзада қалай көнген?

Приск. Папируска жазылған мәліметтерге қарағанда, Аэцийдің әкесі Гауденций Скифиядан келген екен.

/Жан-жағына таңырқана қарап, Естімес келеді/.

Тизияның құнарлы жағалауында Руғилас өзінің бас қосын орнатып, балаларды оқыту және тәрбиелеу үшін мектеп ашқан болатын. Осында Гауденций ғұнның қатаң тәрбиесіне өзінің ұлын Аэцийді орналастырған. Сонда ол әскер ісіне үйреніп, Аттиламен және оның ағасы Бледамен қатар оқып, тәрбие алып, олармен бірге өскен.

Естімес /Бледаның атын естіп қойып/. Аттила дұрыс істеген! Аттила дұрыс істеген! Ұлы Аттила дұрыс істеген! Ұлы Аттила дұрыс істеген! Ол дер кезінде өз жолынан Бледаны тайдырған. Қанаттанбаған Бледаны. Ол ұшуға ерінген бүркітті өлтірді. Ең жоғары Тәңірім, ағасын өлтіргенді кешіре гөр, өйткені оның басқа амалы болмады. Басқадай түрде ол Құдай Топпақ және Әлемді бағындырушы бола алмас еді.

Едіге. Құдіреті күшті билеуші осы қикандаған қуақыға ғана марқұм ағасының атын атауына мүмкіндік берген...

Аттила. Карпилион, латынша және грекше еркін оқу мен жазуды үйрендің бе?

Карпилион. Құдайға шүкір, сенің ниетті көмегіңмен Александриядан келген қадірлі философтың барлық дәрістерін алдым. Сондай-ақ ғұн соғысының әскери өнерін де меңгеріп жатырмын.

Аттила /күдікпен/. Мен сені, Карпилион, аманатқа ұстай аламын немесе құлдыққа сатып жіберуіме болады. Бірақ мен құлиеленушілікті жек көремін. Менің жаным мен жүрегіме әскери сап әрқашан жақын. Қиянкескі жорықтар да... Дегенмен олар ғана емес...

/Сахнаның төрінен жағалауында экзотикалық ағаштар өсіп тұрған көл корінеді. Онда ойнақтап, сауық құрып гетералар жүр/. Көрдің бе, Карпилон? Анау өзеннің бойында, салқын суға шомылып біздің алғашқы гетераларымыз

жүр. Сенің олармен шомылуға какын бар. Тіпті ұлы Александр Македонский Таис Афинская деген гетераға ғашық болғанын мен білемін.

Приск. Ғұн әміршісі менің қымбатты Грециямды еске алып тұр. Иә, расында, менің туған Грециямның білімді, өнерлі және өте сұлу, қылықты, ерікті әйелдерімен атағы шыққан. Оларды гетералар деп атайды екен.

/Есендауыл, басқа әскери басшылар және малайлар сахнаға ызаланған турды жетектеп шығарады. Шыншыл, екі қолымен тік ұстап, Марстың семсерін әкеле жатыр/.

Еділ. Біздің ұлы әміршіміз Аттила бұл жер бетіндегі дүниеде жарты ғасырдан астам өмір сүріп жатыр. Бірақ оның ішкі рухы мен парасаты, қолдары мен бұлшық еттерінің күші жас кезіндегідей сол күйі сақталған, тіпті асып түскен...

Шыншыл /Аттилаға семсерді ұсынып/. Міне саған, ұлы хан ием, соғыстың құдайы Пураның тас пұтының, идолдың, қасында сақталып тұратын Марстың семсері...

Аттила. Жок, жас князь Шыншыл. Сен әділдікті жақсы көресің ғой. Мен өзімнің және менің жан кешті семсерімнің күш-қуаты сарқылмайтынын анық көрсетейін. /Семсерін жұлып алып, құлаштап, бір соқаннан турдың басын ұшып түсіреді/.

Ардарих. О, даңқты Аттила, сен рас әлемнің билеушісі бола аласың! Сенің үстіңнен садақ оқтары мен қысқа найзалардың ұшып түсіп жататынын және оңға да, солға да қарсыластарыңның бастарын шауып тастайтыныңды өз көзіммен көріп едім...

Есендауыл. Неге Турасалдың үні шықпайды? Біздің ақынымыз, жырауымыз қайда? Турасал, біздің ұлы қағанымыз және батырымыздың ұлы әрекеттері туралы асқақтата жырлап берші.

/Әбігерленген у-шу және Аттиланы дәріптейтін сөздер мен ұрандар естіледі. Ортаға лезде домбырасымен Турасал ұшып шығады да жырын алғашқы ұзақ нотадан бастайды: а, а, а.../.

Турасал /Әндетіп/.

Күнге сені теңеймін.

Одан артық не деймін?

Айды ешбір, Аттила,

Сенен жарық көрмеймін!

Өсе берсін өркенін.

Көзіңнің нұрын көргенмін.

Егілген тұқым асылдан,-

Көптен оны білгенмін.

Аттиладай хан болмас.

Бас имейтін жан болмас.
Серіктерің қасыңда,
Ешқашан да айнымас.
Шабыттанған ақындар,
Айтысуға барындар.
Осындайда тоқтамай,
Өнер құсын салындар,
Ханым қайда болмасын,
Қай камалды алмасын,
Оның ерлік ісіне
Ермегендер қалмасын!
Денсаулығың, апырай,
Мықты болсын саркылмай.
Әлі талай жорықтар
Алда бар ғой армандай.
Аттиланы ойласан,
Ісі оның орасан!
Ренжіп қалар хан ием,
Бергендерін алмасам...

Шымылдык.

ҮШІНШІ АКТ

Екінші актының декорациясы. Сахнада рим қолбасшысы Аэций және оның ұлы Карпилион жүр. Екеуі де әскери киім киінген, барлық регалиялары тағылған.

Аэций. Балам Карпилион, сен енді балаң, мұрты әлі теппеген жасөспірім емессің, керісінше азулы, кайсар, аянбайтын жауынгерсің. Ғұн қосында сен көп нәрсені үйреніп, білген шығар деп үміттенемін. Оның барлығы саған жауынгерлік жорықтарда, алдағы бүкіл өміріңде пайдалы болады.

Карпилион. Сенің айтқаның дұрыс, әке. Мұнда мен ғұн, грек, герман және латын тілдерін жетік білгенімнен басқа ғұн әскери өнерінің әдістерін үйрендім.

Аэций. Мен оған қуанамын. Әсіресе ғұндардың әскери өнерін меңгергенің саған жақын арада жарамды болады. Ал одан басқа да білімінді молайтатынына мен ешбір күмәнданған жоқ едім. Сарациндық ұстаздың дәрісі өзі ғана неге тұрады? Ал Александриядан келген философ ше?...

Карпилион. Рас, әке. Ғұндардан мен мұнда ғылымнан, дене шынықтырудан, тілдерді білуден және ат құлағында ойнаудан көп үлгілі мағлұмат алдым. Енді соларымды тек қана іс жүзінде жүзеге асыруым керек.

Аэций. Ұлым менің, асықпа. Равеннада сені қаны италияндық шешен, қатты сағынып, күтіп отыр.

Карпилион. Шынымды айтсам, мен де христиан анамды қатты сағындым.

Аэций. Бар, қалған нәрселеріңді тездетіп жинап әкел. Аман-есенімізде біз бұл жерден тайып тұруымыз абзалы. Мен құрбыммен, бала кезімнен досым болған Аттила Мыңжық ұлымен кош айтысып шыққанмын.

/Карпилион кетеді, Вигилий кіреді/.

Вигилий /жалпақтап/. «Соңғы ұлы римдікке» және атақты қолбасшы Аэцийге сәлем бердім! Өзінің ұлы Карпилионға Италияның ұлы жауынгері Аэций келіп, Аттиланың қосында жүр дегенді ести сала, көз ілмедім де бір жерде жеке кездесейін деп бақылап жүрдім. Міне табыстық! Уақытымыз аз. Сондықтан мен тоқ етерімді айтайын...

Аэций. Сөйле, патриций Вигилий!

Вигилий. Біз өзіміздің Византионда батыс-римдік әскерлер ғұндармен болатын орасан зор шайқасқа дайындалып жатыр деп естіп едік. Бірақ ғұндар өздерінің алпауыт басшысы, жұрт айтқандай «Құдай Токпағынсыз» ештеңеге жарамас еді. Ал міне біз, император Үшінші Феодосийдің елшілері, Аттиланы өлтіруге астыртын әрекетпен келіп едік.

Аэций /таңданып/. Тура өзінің лагерінде ме? Оларың не сандырақ? Мұнда әрбір ғұн Аттила үшінөз өмірін киюға дайын. Ғұндар Аттиланы жер үстіндегі құдайдай сыйлайды да бас иеді. Демек, ол қастарында жүріп, бауырласып, бірге ішіп-жейді де ұрыста ылғи жеңіске жетеді және сол табыстарына қарай жауынгерлерін дер кезінде марапаттап отырады. Оның бәрін мен жақсы білемін, себебі жасымда, осында аманат болып тұрғанмын. мұнда басқадай амал қажет. Мұнда күшті күш қана жеңеді. Онан да сендер, шығыс-римдік христиандар, бізге көмек ретінде қарулы күш жіберіңдер, бекерге сандырақтаған Арийдің соңынан ермей...

Вигилий. Мен бұл сөзіңді Константинопольға қайтқан соң император Феодосийге және сенатқа жеткіземін.

/Жолға жиналған Карпилион кіреді/.

О, Карпилион Аэцийұлы, әкенің даңқына лайық болып, жеткін. Жолдарың болсын! Екеуіңе де жауынгерлік табыс тілеймін! /Аэций мен Карпилион коштасып кетеді. Сахна айналады. Аттиланың сарайының үлкен қабылдау бөлмесі. Залдың ортасындағы биік тұғырдың үстінде жайланып, өзінің тағында Аттила отыр. Оның айналасында Хелхал, Едіге, Максимин, Приск, Вигилий тағы басқа қолбасшылар, сақшылар және елшілер тұр. Алтындатқан колонналар жарқырайды. Түрлі түсті парсы кілемдер барлық өткелдерді, эстраданы және қабырғаларды көркейтіп тұр/.

Аттила. Менің батыл да ержүрек сарбазым Шыншыл, бүгін сенің отыратын орның менің қасымда болады. Бері өт те, өзіне лайық орынды иелен...

Шыншыл. Мен бақытты жан екенмін, ұлы әміршім, демек сенің данқынның өшпейтін жұлдызының астында таза ауа жұтып, өмір сүріп, өзімнің ерліктерімді көрсетіп жүр екенмін. /Жоғары барып, Аттиланың қасына отырады/.

Аттила. Сен менің бірінші кеңесшім, дана ақылшын және атақты қолбасшым Хелхаммен бір когортада а тұру құрметіне ие бола алдык. Біз бүгін рим елшілерін қабылдадық. Бірақ алдымен біздің елшіміз және батырымыз Едігеге немесе латынша Эдиконға құлақ салайық. Мен оның Константинопольға барған сапары туралы есебін әлі тындай алмадым.

Вигилий. (ақырын). Қайткенменен гүндардың әміршісі айласын өткізіп отыр. Бізбен келгеннен соң өзінің елшісімен сөйлеспеуі мүмкін емес...

Едіге. Ең алдымен онда мені қабыршақты төбесі алтын жалатқан черепицамен жабылған үйлер, әсемделген сарайлар мен храмдар және византиялықтардың сәнді де салтанатты тұрмысы, күнделікті өмірі таң қалдырды.

Вигилий. /ақырын/. Эдикон өзінің әміршісінің қырағылығын басайын және күдігін сейілтейін дегені ғой, сірә...

Аттила. Олардың әрқашан ондайы бар болатын. Римдіктер алды-артына қарамай, ойын-сауыққа, жын ойнаққа керемет көп пұл шашып, сонан соң асқан ынтамен өздерінің құдайы Иисус Христостың алдында ақталу үшін шіркеулер мен храмдар салады.

Хелхал. Оның барлығы мейлінше белгілі. Сен бізге саяси жағдайдың мәнісін айт: император Феодосийдің біздің және өзінің елшілерін қарсы алуы және шығарып салуы туралы...

Вигилий /ақырын/. Дәмен зор екен. Эдикон қалтқысыз және болаттай берік антпен таңылып байланған...

Едіге. Оның пасық мәнісін көз көріп, құлақ естімесін. Мен олардың астанасын мақтап жүретінмін. Соған масаттанған оларға мен айламды әбден өткіздім. Олар мені, император сарайына шақырып алып, егер мен олардың зұлымдық тапсырмасын орындасам, мені алтынға бөлейтіндерін айтты. Маған ант етуге тура келді...

Вигилий /Едігеге/. Сен антыңды бұзып тұрсың!

Едіге. Мен антты өзіміздің ғұн құдайының алдында емес, сендердің ариан құдайларыңның алдында бергенмін. Оған мен император мен мына арамза елші Вигилийдің зұлымдық әрекеттерін әшкерелеу үшін бардым. Аттиланы өлтір деген сөз ең алдымен осы Вигилийдің аузынан шықты.

/Вигилий еденге, дүрс ете түсіп, құлайды. Айнала у-шу көтеріледі, ащы дауыстар естіледі. Төрт гүн Вигилийді екі жағынан ұстап алып, көтеріп аяғына тұрғызады/. Алдымен бұл қанішер сайқалдар маған 50 фунт алтын төлейді деп келістік. Ал төбесіне алтын жалатқан үй, қалған алтын және басқадай төлемдер мен Константинопольға қайтып оралғаннан кейін берілетін болды.

Максимин /таңырқанып/. Мені мына елшілікке осы үшін, осыған байланысты шақырған екен ғой...

Приск. Астыртын әрекет істеушілер сенің, патриций Магнус Аврелий Максимин, адал сенатор ретінде хас таза атыңды өздерінің зұлымдық ісін бүркемелеу үшін пайдаланбақшы болған.

Максимин. /Аттилаға/. Ұлы Танджо, мынаның бәрін мен осында, Хунгвартта, бірінші рет естіп тұрмын.

Аттила. Князь Едіге, айта бер...

Едіге. Елу фунт алтын салынған дорба қазір де Вигилийдің туникасының астында мойнында ілулі тұр. /Жалшылар Вигилийдің шапанының жағасын тартып қалып, қобдишаны жұлып алады да Аттилаға ұсынады/.

Аттила /қобдишаның жазуын оқиды/. «Хризафиостың меншігі». Енді сен не айтар екенсің оңбаған, жүзікара?

Вигилий /тізесімен құлап/. О, ұлы хан, кешіре гөр мені! Сен кен пейіліңмен елге танымалсың! Аяшы мені, адасқан бір итті! Өмірімді үзбеші!

Аттила. Сенің өмірің маған неме керек? Ол иттің өмірінен артық емес. Мен сені крестке керіп шегелеп тастар едім немесе Виминациумға әлде Равеннаға баратын жолдың бойына асар едім. Сендер, римдіктер, мен өз шешімімді ешқашан өзгерпейтінімді білесіңдер. /Максиминге/. Саған, патриций Магнус Аврелий Максимин, Константинопольға барғаннан соң сенаттың бірінші отырысында мына жауызды, мойнына қобдишасын асып қойып, сенаторлардың алдында толық әшкерелеуді тапсырамын...

Максимин /сенімді түрде/. Өлім қаупі болса да соны істеймін. Қандай маскара! Осындай кейбір жексұрын жандар римдіктердің ақпейіл атына кір жағады...

Естімес /бір аяғында секіріп/. Міні қаскүнемдер, міні қаскүнемдер...

Ұлы Танджоны өлтірмекші болған. Ол қорлық көрген адамдарға жақсылық жасайды ғой.маған, бұрынғы құлға, толық бостандық берді ғой. Ол құлдықты жек көреді! Сондай-ақ өзі туралы маған не болса, соны айтуға рұқсат берді. Ол маған ештеңеге тыйым салмайды... /Вигилийге/. Ал мына зұлым, өзін өзі ит деген сұм, бір ғана солид үшін құлды да, жалшыны да өлтіреді. Өзінің де құны сондай ғана. Ал ол әлемді билеушіге қолын көтереді. Оны маған беріңдерші, мен оны ақырын ғана, өзіне де білдіртпей о дүниелік етейін... /Секіріп/. Ақсақ-тоқсақ, ақсақ-ақымақ, ақсақ-тоқсақ...

Аттила. Қылмыскер Вигилийді шынжырландар! Дәл сол калпында Константинопольға жеткізілсін! /Ғұндар Вигилийді алып кетеді/. Ал енді сендер, батыстық римдіктер, құдай берген Паннонияға немен келіп тұрсындар? Періште жанды, қасиетті адам ақсақ-тоқсақ, ақсақ- ақымақтар туралы дұрыс айтып жүр. /Естімес бір аяғымен секіреді/. Король Ардарих, келесі жорықтарға да дайындалып жатқан римдік және гректік карталарың дайын болды ма?

Ардарих. Иә, құдіретті хан Аттила. Міне барлық жолдардың желісі және елді мекен нүктелері қойылған карталар. /Аттилаға карталарды әкеліп, алдына салады/.

Аттила. Батыс римдіктер, қадірменді елшілер Примут және Ромул, сендердің визиттеріңнің нақты мақсаты туралы сұрақ қойып тұрмын.

Примут. Жоғары мәртебелі және ұлы Танджо, сенің қоятын талаптарың және батыс-римдік империя мен қазіргі біздің император Үшінші Валентиниан Флавия Плацидияның резиденциясы орналасқан Равеннаға қойған нақты сауалың бізге әбден мәлім. Біз саған төлеміміз жыл сайынғы бес жүз фунт алтынды, сондай-ақ рим папасы Бірінші Лев пен император Валентинианның анасы Галла Плацидияның және принцесса Гонорияның сәлемі мен бас иуін әкеліп тұрмыз.

Аттила. Гонорияны маған күйеуге бергендегі жасауының шарттары сендерге белгілі ме?

Ромул. Иә, билеуші Аттила. Бірақ ол қазір Италияда тұрмайды. Ол Константинопольда цезарь Феодосийдің қарындасы Августа Пульхерияның қарамағында және тәрбиесінде жүр.

Аттила. Римнің өрескелдігін мен білемін. /Картадан көрсетіп/. Миланды басып алғанымды цезарьлар сарайында әртүрлі тастардан құрастырылған, керемет үлкен суретті көрдім. Ол мозайкалық суретте ортада, өзінің тағында сәндісі, император Валентиниан отыр екен. Ал оның аяқ тұсында сенімді алым төлеушілер ретінде, бас иіп, тоғыз бағынышты патшалар алдына мол алтынды үйіп жатыр екен. Олардың екеуін ол аяғымен басып отыр. Жақындап келіп қарасам, бұл ғұн киіміндегі екеудің біреуі мен екенмін де, екіншісі менің ағам Бледа болып шықты. Басында мен бұл суреттің пара-парасын шығарайын деп едім. Бірақ соңынан мен өз шындығымды басқаша жеткізейін дедім. /Оның қол сілтеуімен кілем алынады да жабылып тұрған үлкен, ашық бояулы, мозайкалық сурет көрінеді/.

Міне мұнда тарих шындығы дұрыс көрсетілген. Менің алдымда цезарьлық парфираларын таққан екі алым төлеушілер жатыр. Олар – императорлар Феодосий мен Валентиниан.

Қазір парфиялықтар, парсылар, исавриялықтар, эфиоптар және сарациндер біздің одақтастарымыз болды. Олар Феодосийге шығыс пен

оңтүстіктен шабуыл жасайды. Егер Гонория Константинопольда болса, онда мен өзімнің болатпен қаруланған когорталарымды Дунай бойымен төмен жіберемін...

Максимин /ақырын/. Апырай, Гонорияның абыройы Иисус Христосқа бағышталып, монастырға орналастырылғанын, кейіннен оның жүкті болып қалғанын Аттиланың білмегені ме?

Примут. Оның үстіне ол сайқал бізде тұтқында болып, құлдықтан қашып шыққан араб ханзадасына тұрмысқа барған.

Приск. Аттила Гонория-сұлудың портретін аялап, туникасының ішінде, жүрегінің қасында сақтайды және оның сыйлап жіберген балдағын саусағынан тастамайды...

Ромул. Бірақ олар бір бірін ешқашан көрмеген ғой? Қалайша тәнсіз пендені сүйіп, көз алдына ғана елестетіп, рахаттануға болады?

Приск. Барлық қасірет сонда болып тұр ғой. Танджо Аттила тек қана алпауыт күштің иесі емес, оның қиялы да керемет зор болып біткен. Ол өзінің қиялымен көз алдына нағыз шынайы да аласұрған махаббатты елестеткен ғой. Бұл жолы ол тек жүрегіне ғана бағынған шығар. Ал оған ол өте-мөте сирек баратын кісі... әдетте оны ештеңеден тайынбайтын, оңтайлы және өткір ойы, парасаты бастап жүреді.

Аттила. Ең ақылғөй шалым, көп тәжірибелі ақсақалым, нағыз сәуегетім Хелхал, айтшы маған, егер мен тағы бір үлкен шабуылды бастасам, дұрыс болар ма еді?...

Хелхал. Әбден дұрыс. Қазір ең қолайлы уақыт келіп тұр. Вестготтардың әлсіреп тұрған кезі, өйткені онда ағайынды үшеу, найзалары мен семсерлерін жалаңдатып, таққа таласып жатыр. Ал Константинопольда тағы бір несториандық деп аталатын күпір бас көтерді. Патриарх Несторий, Мария Қызды құрметтеп, тек құдайдың анасы дегенге қарсы шығыпты. Несториандықтар Мария Қызды оның үстіне Кісінің Анасы немесе Христостың Анасы деп аталуы үшін таласады екен...

Аттила. Кез келген қоғам және мемлекетте болып жататын жіктелу, бөліну біздер, ғұндар және біздің одақтастарымыз, үшін тек қана қолайлы, орынды және дәл мезгілінде болып жатыр екен.

Шынышыл. Сенің қолбасшыларың, князьдарың және данқты жауынгерлерің босқа тұрып қалды да жорықтар мен шайқастарды ансап жүр. Кез келген бағытқа, таңдаған еліне қарай баста бізді...

Аттила. Христиандық, ариандық, несториандық... барлық бұл күпірлер мен христиан діні әртүрлі талқылау, дау мен таластарды тудыра берсін. Бірлік жоқ жерде жеңіс те жоқ. Маған бағынышты халықтар мен тайпалардың берген антына мен сенемін! Итиль мен Жайық өзендерінің бойында ешқандай ресми

діннің тұрақтамағаны дұрыс болған екен. Онда табиғаттың өзі билеп төстейтін. Біз аспандағы құдайымыз Тәңірге, соғыстың құдайы Пуруға, қару-жарак құдайы Марсқа және жылқының құдайы Дзривилеге табынатынбыз.

Шыншыл. Сені, күдіретті ел басы және ең ақылды колбасшы Аттила, Құдай Токпак, Тәңір құты және Женіс Ұлы деп тегін атамаған. Біз осы екпінмен Британ теңізіне де жетерміз...

Аттила. Менің ғұндарыма және ержүрек жауынгерлеріме Молдавадан суы Рейнге дейінгі нәрлі жерлерді иемдендіремін...

Ардарих /Бауэрға/. Герман халқы бұл сұрапыл да жойқын жорықтан кейін жалғыз лугион тайпасынан ғана айырылмас.

Бауэр /ызамен/. Тойымсыз айдаһар!

Эллак. Ах, жүргенсіз кеткен мылжың. Өз орныңды және сиқыңды білмейді екенсің. /Қанжарын жұлып алып, Бауэрге лактырады, бірақ ол оның ұзын шашын ғана жанап өтеді./

Аттила. Скирлердің ханзадасына тиіспендер! Біз, ғұндар, бала кезімізден әншілер мен ақындарды қадірлейміз. Оның орындаған жыры тарихқа лайықты сыйлық бола алады. Ол жыр, біздің барлығымыздан да ұзақ өмір сүріп, көп жылдар мен ғасырлардан кейінгі ұрпақтарға жете алады...

Ернақ. Сүмелек ақын! Ол жаман сөздермен ұлы қағанды балағаттап тұр. Мен оның бұл сұмдық қылығын ешқашан кешірмеймін де реті келгенде аяусыз есіне саламын...

Аттила. Тынышталыңдар, менің қымбатты ұлдарым мен даңқты жауынгерлерім. Мен үшін бұл тілазарды құрту шыбынды өлтіру немесе шегірткені езе салумен бірдей. Бірақ ол дүлей билеушінің қаншама ұлы да шалқар пәрменді екенін өз көзімен көрсін...

Шыңшыл. /Аттилаға/. Қарашы, хан ием, оның көзінде қаншама өшпенділіктің белені көрініп тұрғанын.

Хелхал. Қырағы болғай, менің билеушім Аттила. Сен көптеген қантөгіс шайқастардан, ұрыстардан және жекпе-жектерден аман-есен өттің. Қайдағы бір кездейсоқ жағдай сенің әлді де жалынды жүрегіңді тоқтатып жүрмесін.

Аттила. Дегенмен маған бұл зұлым әншінің таймастығы, өжеттігі ұнап тұр. Мүмкін ол әсте зұлым емес шығар, демек оның кеудесінде жастық жалыннан ақындық қаны қайнап тұрған шығар. Маған оның Бауэр деген аты ұнайды. Онысы біздің «бауыр» деген сөзімізбен үндес екен. Біздің «бауырымыз» дегеніміз «туған інім немесе туысым» дегеніміз емес пе? Мүмкін Бауэр менің ұлдарыма туған бауырдай туыс болып кетер...

Бауэр. Ит саған бауыр болсын, тойымсыз айдаһар, әйелдерді арамдаушы, жүгенсіз басқыншы! /Акинақын жұлып алып, ырғытып лактырады. У-шу. Шыншыл көз ілгенше Аттиланы қорғап, семсерге кеудесін тосады./

Естімес. Лагнет атқыр гот! Қолың сыңғыр скир! Сен ең қасиетті адамға, жеңілмейтін көсемге қолыңды көтердің. Мен сені өзім-ақ өлтіре саламын. /Семсерін суырып алып, Бауэрға қарай ұмтылады/. Бірақ оны ғұндар мен готтар ұстап қалады. Эстрададағы тақтың айналасында болып жатқан қарбаласқа осындағылар түгел қарайды. «Аттиланы өлтірді. Ханның өмірін қиды. Аттила қаза тапты» деген дауыстар естіледі/. Маған бұл дүниеде құдіретті де әділетті билеп төстеушімізсіз өмір жоқ. Ғұндар, қош болыңдар! /Семсерімен өзін-өзі жарады/.

Едіге. Естімес, неге ғана оны істедің? Құдайға шүкір, ұлы билеушім тірі. Оны өз кеудесімен жоғары текті және ержүрек князь Шыншыл қорғап қалды. Батыр Шыншыл мәңгі есте сақталсын! /Бауэр шынжырланды. Шыншыл мен Естіместің денелерін сарбаздар алып кетеді. Жиналған жұрттың барлығы эстрада жаққа қарап тұр/.

Хелхал. Бұл қаскүнем жырау Бауэрмен, арамза қанішермен, басқаларға патшалардың патшасы, король дардың короліне қол көтермеуі үшін сабақ болатындай етіп, қалың жұрт алдында өлім жазасын орындау керек.

Аттила. Ол үшін мұндай жаза тым қымбат сыйлық болады. Оның үстіне ғұндар ақындарды сонша құрметтегенімен болашақ ұрпақтар Аттиланың өз қолынан қаза тапқан деп аңызға айналдыруы мүмкін. Мен оған басқадай ұзақ, ауыр да азапты жаза ойлап таптым. Бауэр Бургунд королі Гундхардың қарындасы Ильдиқоға ғашық екені маған белгілі. Бұл жолы ол менің астанама үйлену үшін батамды алуға келген еді. Бірақ ол өз тамырын өзі балтамен шапты. Алдымыздағы жорықта бургундтар онымен қоса франктарды талқандаймын, себебі олар Аэций басқарған рим әскерлері жағында болды. қаскүнем скир Бауэрдің екі бірдей адамның өмірінің қиылуына дәнекер болғанымен, мен оның өмірін сақтайын дедім. Біздің қаншалықты жеңімпаз да күшті екенімізді және қалай мен оның сүйіктісі Ильдиконы жар қылғанымды өз көзімен көрсін...

Бауэр /ыңырысып/. Онанда өлгенім артық! Мұндай қасіретті көрсеткенше, дереу жазала мені, тезірек өлтір мені, о, ұлы ел билеуші Аттила! Өтінімін!

Аттила. Мен еш уақытта шешімімді өзгертпеймін. Оны барлық ғұндар мен готтар, достар мен дұшпандар, жақтастар мен жаулар біледі. Мұны шынжырландар да зынданға тастандар!

Хелхал. Ұлы Танджо және қаған Аттила, мына жиналған қауымның алдында келесі үлкен жорыққа дем беру үші тілек сөзінді ортаға лайықтап, айтып бер. Оларға құпия мұраттарың мен міндеттерінді ашып бер. Жауынгерлер мен қолбасшыларды жанқиярлық ерліктерге рухтандыр. Римдік он екі цезарьлардың игілікті, жасампаз, сонымен бірге жиіркенішті де

әрекеттері белгілі, сонау Христостың туғанынан бұрынғы екінші ғасырдан бастап...

Ардарих. Ұлы хан Аттила сонымен бірге герман тайпаларының қарым-қатынастарының астарын және араздығын жақсы біледі. Олар өмірбаки бір-біріне қызғаншақтық танытып, таласып жатады, кейде құда түсіп туыстасып жатса да... Бірақ құдіреті күшті Аттилаға ант берген тайпалар соңғы деміне дейін сенімдігі мен адалдығынан айырылмайды...

Есендауыл. Мұндай ұлы жорықтың алдында қатардағы жауынгерлер де, танымал қолбасшылар да сенің, дана қолбасшы және анық көреген көсем Аттила, шабытты да жалынды тілек сөзіңді күтуде.

Аттила. Даңқты менің сарбаздарым және қолбасшыларым, қазір маған, жарты әлемді билеушіге, он екі тәждар мен отыз мемлекетті бағындырушыға, Эвксиналық Понттан Британ теңізіне дейін, Геркулестің тірек бағаналарынан Адрианополюдің қақпасына дейінгі елдер мен халықтар бағынады. Мен өзім Понт пен Каспий теңіздерінің солтүстік жағалауында жайқалған даланың кеңістігінде туып өстім. Мені мәпелеп, Итиль мен Жайықтың асқақ толқындары өсірді. Елдің айтуынша әкем Мыңжық қаған менің атымды дарқан өзен Итильдің атына ұқсас етіп қойған екен. Менің өмірімде үш нәрсе маған жат. Олар – құлдық, ішкілік және пәруайсыз намыс пен айбын. Бұл кемістіктерді италиялықтар, германдықтар және кең байтақ жатқан Галлияның тұрғындары бойларына дарытқаны бізге, ғұндарға, кереметтей көмектеседі де ылғи септігін тигізеді...

Менің арғы бабаларым еуропалықтар, индустар, қытайлар және мысырлықтар сияқты жасампазшылар және қала салушылар болған. Латынша оларды «гардерлер» деп атапты. Менің он төртінші буындағы атам, ғұндардың ақылғөй патшасы Чжи-Чжи Орталық Азияда Тараз деген қаланы салыпты. Бірақ тағдырдың билігімен кейіннен скифтер мен ғұндар түгелдей көшпенділік өмір сүруге беріліп кеткен, қой баққан, мал өсірген, дөңгелек киіз үйлерде тұрған, эпос пен күйлі сазды жақсы көрген және қол өнерімен әуестенген. Даланың тегіс те шет-қиырсыз кеңістігінде ғұндар ат міну өнеріне соншалық қанық болған, тіпті осы күнге дейін оларға ілесе алатын дүние жүзінде жан жоқ. Ғұн мен оның аты екеуі табиғи соншалық жабысып біткен, тіпті менің көзіме тірі кентавр сияқты көрінеді.

Даланың көшпенділері құлдық дегеннің не екенін білмеген де осы күнге дейін құлдық қоғам дегенді білмейді. Ал Рим империясы құлдық құрылымды бүкіл Еуропаға жайған.

Барлық еуропалықтарды баурап алған ішкілік жөнінде айтсам, мен қырық жылдан астам су мен қымыздан басқа ешқандай сусын ішпеймін...

Пәруайсыз намыс пен айбынға келетін болсақ, мен ешқашан босқа еш елге шаппадым да бірде бір жеңіліп көрген емеспін. Оныма кепіл болған мына мықты болат қылышым да басқа елдерде жоқ, өзіміз ойлап тапқан, ысықыра ұшатын садақ оқтары және менің кайсар да сенімді сарбаздарым. Сондықтан мені барлық елде «Тәңір құты», «Жеңістің ұлы» және «Құдай Тоқпақ» деп атап кеткен. Біз мақтанышпен «ғұн аттары басқан жерге шөп шықпайды» деп тегін айтпауымыз керек. Біз Еуропа халықтарын барлық кемістері мен құлдықтан құтқарамыз...

Рим империясының құлдырауына ең алдымен олардың дарынсыз және ықылассыз императорлары ықпал жасады. Маған белгілі он екі принциптің тек төртеуі Август Адриан, Антоний Пий, Луций Вер және Екінші Клавдий ғана өз өлімімен қайтыс болған. Ал қалған сегіз цезарьлар мен басқарушыларды өздерінің сайлаушылары және нөкерлері түсірген, басқаша айтқанда, өлтірген. Қалайша олай болмасқа? Принципс Коммод есі шыққанша гладиаторлық ұрыстарды жақсы көрген. Қарақалла жан-тәнімен беріледуагерлерге сенген және әртүрлі балгерлер мен сикыршыларды қолдаған. Гелиогабал дінге басымен берілген және фанатик болған және ашық түрде қанша әйел алғысы келсе, сонша алудың орнына күйеудегі әйелдермен шатасып бітті...

Германдықтар сансыз көп, әрбіреуінде өз королі бар тайпаларға бөлінген. Ол корольдер қызғанышпен және өзара бәсекемен ала көз болуда. Тек маған сенімділігін арттырып, ант бергендер ғана аман-есен өмір сүріп жүр.

Суабтар, хунгрлар, славяндар және алаңдар менің жағыма өтіп, маған сенімді сеп бола алды. Менің жақтастарым болу үшін алаңдар Кавказдың Дарьял шатқалынан өтіп, менің құдіретті әскерімнің құрамына қосылды. Римдіктер, франктар және бургундтардың бірінші қолбасшысы және жұрт айтқанда, «ұлы соңғы римдік» Аэций менімен және менің ағам Бледамен бірге балаң жас кезінен ағайым, ұлы қолбасшы Руфиластың қасында тәрбиеленген. Маған оның мінезі, әскери дағдысы және қимыл әрекеттері әбден таныс. Енді Аэцийдің ұлы Карпилион Хунгвартта менен және менің қолбасшыларымнан соғыс тактикасы мен әскери өнерді үйренді. Алдымыздағы шайқастарда біз оны ұмытпауымыз керек. Өзіміздің болашақ ұрыс әдістерімізді, соның бәрін ескеріп, жанаша да басқаша етіп құруымыз қажет. Жеңіс бізде болсын! Ең жоғары құдайымыз Тәңір мен соғыстың құдайы Пурудың бізге дегенде көзқарастары ұдайы дұрыс болушы еді. Солардың әмірімен бізді Рейн жағалауына дейін ұзақ сапар күтіп тұр және, менің шамалауым бойынша, біз Каталаун жазығында үлкен шайқасқа түсеміз...

Даңқты менің жауынгерлерім және танымал қолбасшыларым, сәт сапар және қайырлы жол болсын! Адамзат игілігі үшін тартындар алға!...

/Толқыған жұрттың, сарбаздар мен бейбіт тұрғындардың у-шуы, Аттиланың құрметіне айғайлап айтылған сөздер естіледі/.

Шымылдык.

Екінші бөлім

Төртінші акт.

Үстіртті жерде үлкен шатыр құрылған. Оның алдында тұрған үстел үстіне карталар жайылған. Үстелдің қасында, карталарды ақтарып, Аттила, Эллак, Есендауыл, Хелхал және басқа қолбасшылар тұр. Кернейдің дауысы және алыста жүріп жатқан шайқастың дыбысы естіледі.

Аттила. Бірін-бірі жиі ауыстырған, көптеген рим цезарьларының ішінде Галлиядан, Сириядан, Германиядан келгендер болып еді. Олар ақ сүйек итальяндық қыздарға үйленіп, өздері де римдіктер қатарында саналатын. Оларды көбінесе солдаттар сайлайтын, сондықтан оларды «солдат императорлары» деп атайтын. Жақын болашақта Батыс-Римнің тағына ғұндық немесе скифтік принцепс отыратынына менің сенімім мол. Ал ол ардақты қиялдың орындалуына біз мұнда, Каталаун алаңында, жеңіске жетуіміз керек. Аэций, оның ұлы Карпилион және вестгот корольдары мен қолбасшылары бұл шайқаста аянбай барлық қабілетін, білімін, өнерін сарқылмай, толық ортаға салып, соғысып жатыр. Бізде оларға солайша қарсы шығуымыз керек. Тіпті олардан асып түсудің жағдайын ойлайық.

Есендауыл. Аэций өзінің ұлы Карпилионды біздің ішімізде, ғұндардың арасында, біздің мектепте оқытып, арнайы дайындалған екен.

Эллак. Біз онымен талай серіктесіп жүрдік, бос уақытымызды бірге өткізіп, бірге оқып, араласып жүрдік. Мен оны терен ойлы және тапқырлық қабілеті бар еді деп айта алмаймын... Карпилион әдетте жеңіл ойлап, балаша үстірт сөйлей беретін.

Хелхал. Менің ойымша, Карпилион әдейі қарапайым жігіт сияқты жүріп, ештеңеге мән бермеген болып, әкесінің нұсқауымен және өзінің түйсігімен бәрін байқап, жадына сақтап және жаттап жүрген болар. Мен осында, Хунгвартта, оның сондайын байқап калып едім.

Аттила. Ақылғөй ақсақал Хелхал дұрыс айтады. Біз бұл сауалды ескеруіміз керек. Менің бұрынғы жандосым кейіннен жауым болған, талантты қолбасшы Аэций егжей-тегжейлі біздің соғыс жүргізу әдістеріміз бен ерекшеліктерімізді әбден қамтып отыр.

Маған, мырзалар, мынадай ой келді. Біз жүз курьерлерді тағайындап қойдық. Олар от пен найзаның астынан біздерге, басқарушыларға жетіп, негізгі мәліметтер тоғысатын бас орыннан әр жердегі шайқастың жағдайы туралы хабарды жеткізіп тұрады.

Есендауыл. Бұл тамаша ұсыныс!

Эллак. Жүз шабармандардың біреуі болмаса біреуі қайткенде жетеді. Сонда барлық бағыттарда әскери әрекеттеріміздің байланысы мен қатынасы болып тұрады.

Аттила. Бірақ ең бастысы бұл емес. Эллак, ұлым менің, сен бас штабты басқаратын боласың. Жүз шабармандар сенің қол астында болады. Сенің табанды міндетің барлық флангтар мен әскери бөлімшелерден барынша мәліметтерді жинап алып, бізге жеткізіп отырасың. Сенің қасыңда тәжірибелі де ақылгөй князь және кеңесші Хелхал болады.

Хелхал. Сенің үкімдерінді түгел дәлме-дәл және дер кезінде орындау үшін, бас қолбасшы Аттила, барлық күшімізді жұмсаймыз.

Эллак. Ақылгөй Хелхалдың менімен болатыны өте жақсы. Біз онымен келісімді түрде әрекеттенеміз.

Аттила. Орталықтағы шабуылды мен өзім басқарамын. Оң канаттағы шабуылды Есендауылға тапсырамын. Сол флангты басқаруға ұлым, батыл мерген және сергек жауынгер Денгизикті тағайындаймын. /Үлкен ұлына қарап/. Ал, Эллак болса, маған қарай ұшып келе жатқан тастан қорғап, оң қолын жаралап алды. Катапультадан атып жіберген тастың күшін білесіңдер ғой. Бірақ ол сол қолымен семсерді оң қолындай мықты сермейді. Сондай-ақ оның құдай берген еңселі күші, сергек жүрегі және ақылды басы бар. Ұлым менің, маған ерекше маңызды хабарлама болғанда, он екі курьерлерді бірден жіберерсің, себебі ең болмаса біреуі жетер...

Есендауыл. Ұлы қаған, сол канатқа Денгизикті қойғаның дұрыс болған. Барлаушыларымыз жеткізген ақпарат бойынша Аэцийдің әскерлерінің оң канатын ұлы Карпилион басқарады екен. Оның мінезін және қылықтарын Денгизик жақсы біледі.

Аттила. Карпилион біздің ахуалымызды жақсы біледі. Сондықтан біз өзіміздің бас тактикамызды өзгертеміз және жетілдіреміз. /Оң қолын нұсқап/. Көріп тұрсыңдар ғой. Католаун жазығының оң жағында қырат төбе бар, ал сол жақта ну орман сілемі жатыр. Біз шегінген болып, соғыса жүріп, жаудың әскерін ішке қарай тартып, енгізуіміз керек. Тоғайдың ішінде гепидтердің королі Ардарихтың жалпы басқаруымен екі когорта біздің әскерлеріміз жасырын қойылған. Король Ардарих өзінің байырғы жауы – римдіктерді аямайды. Ал анау жақтағы қыраттың әр жағында екі когорта әскеріміз жасырынып қойылған. Оларды алға бастайтын ержүрек батыр Есендауыл. Аэцийдің әскері біздің ішімізге мейлінше кіргеннен соң Ардарих пен Едіге тосыннан екі жақтан бірдей жауға тап береді және екі жақтан қатарлары қосылып, бекітеді.

Эллак. Мынау нағыз қапшық болды ғой! Аэцийдің әскерлері қаптын ішіне түскендей болады. Әке-ау, қалай мұны ойлап тапқансың?

Есендауыл. Егер мұның барлығы ойдағыдай орындалса, бұл дұшпандық тактика болар еді. Мұның әбден жаңа да өзгеше амал ғой...

Шабубылдың дабылы күшейе түсті. Жаушылар хабарларын әкеліп, келіп-кетіп жатады/.

Аттила. Шалон қасындағы Каталаун жазығындағы шайқас мәңгі тарихта қалады. Адамзат әлі мұндай орасан алпарысты білген емес.

Азций біздің жоспарларымызды қолына түсіріп, біліп алған. Әйтпесе ол дәл біздің әскеріміздің санындай әскер бірден жинамаса керек еді. Каталаун шайқасына біздің жақтан жарты миллион сарбаздар қатысқан болса, біздің қарсыластар жағынан да сондай жиналыпты. Бұрын көз жіберіп, құлақ естімеген қанды ұрыс болды бұл...

Хелхал. Шығын екі жақтан да қисапсыз көп болып тұр. Қарсыластарымыз тайынбай соғысып жатыр. Өзін де аямай, бізді де аямай қырлысуда және аңсағандары тек қана жеңіс көрінеді...

Есендауыл /хабарламаны оқып тұрып/. Ұлы шырақ, мен өз легионыма жетіп, өзім басқарып, шайқасқа тікелей қатысуым керек болып тұр.

Аттила. Құдай қолдасын, менің тандаулы қолбасшым! Жеңіс алдыңнан шықсын! Есендауыл кетеді.

Денгизик /хабарламаны оқып тұрып/. О, ұлы император және ғұндардың көсемі, салнақалы тактиканы орындау үшін мен шайқастың ішінде болуым керек.

Аттила. Жеңіске жетуің үшін тілек білдіремін! Соғыстың құдайы Пуру саған да қайырымдылық жасасын! Денгизик кетеді.

Хелхал /алысқа көзін тігіп/. Қайткенмен біздің әскеріміздің тактикалық шегінісі созылықырап барады. Сарбаздардың топталған жерінде, шайқастың қақ ортасында өлім мен өмірді айырып болмайды. Мұндай жағдайда штабымыз және біз өздеріміз қоршаудың ішінде қалып қоюымыз ғажап емес...

Эллак. Байқамаса болмайды. О, ғұндардың көсемі, сенің сергек көрегендігіне кәміл сенеміз. Әлемді билеуші және менің әкем, сенің қасында және сені қорғап, өлгенді өзіме бақыт деп санаймын...

Аттила. Әр қандай жаңа да таңғажайып әскери ой басында тамаша да терең күйде, өзіне тартып, сайрап тұрады. Бірақ оның жүзеге асуы өзіне және қасындағы жақсы адамдарға ғана емес, жүз мың сарбастар мен командирлерге байланысты...

/Шайқастың дүмпілі жақындау естіледі. Тіпті кейбір сөздер мен рулық ұрандар естіледі: «Албандар, алға! Дулаттар, маған еріндер! Арғындар, бір адым кейін шегінбейік! Қыпшақтар қайдасындар? Es lebe, die Qoten!» ж.б. сахна қараңғыланады. Шайқасқа қатысушылардың ашынған да айбынды дауыстары естіліп жатады... Сахна бос. Дауыстар мен соғыс гүрсілі алыстайды.

Жарықтанады. Жабдық сол қалпы. Тек кана үстел үстіндегі карталар жоқ. Аэций, оның ұлы Карпилион, вестготтардың қолбасшысы Торисмунд және басқадай әскери басшылар келеді/.

Аэций. Менің білетінім, ғұндардың ордасы жиырма төрт тайпалардан құрылған. Сол барлық тайпаларды тығыз топтастыру бір ғана Аттила деген кісінің ғана қолынан келді. Герман халқы тіпті одан да көп тайпалар мен ұлыстарға бөлініп, әрбіреуін жеке өзінің королі басқарады. Қалайша германдықтардан, осы тайпалардың барлығының басын қосып, жалғыз басқаратын бір күшті король табылмайды.

Торисмунд. Бұл риторикалық сауал. Қазір риторика мен эмоцияның қисыны жоқ. Менің әкем, вестготтың королі Теодорих, өзінің жасына қарамай, ойдағыдай соғысып жүр. Соның арқасында біздің әскеріміздің соңғы флангысы алға басты, даңқты Карпилион басқарған оң қанаттан ешбір қалыспай...

Аэций. Рас, біздің өзіміздің де күнәларымыз бен кемшіліктеріміз жеткілікті. Біздің демос үлкен бөлімдерге екі айырылған. Батыс-Рим империясына және кейіннен қошаметтеп «Жаңа Рим» деп аталып жүрген Шығыс-Рим империясына. Енді осы екі орасан зор империялар өзара тағы дінмен және оның әртүрлі секталарымен бөлшектенген. Батыста ортодоксты христиан діні басым. Ал Шығыста Ариандық деген күпіршілік көп тараған. Онда тағы Несториандық деген бір тармақ пайда болыпты. Ал нағыз Римнің өзінде тілдік сенімнің элементтері бар манихейлік шығыпты. Онымен папа Бірінші Лев аяусыз күресіп жүр, тіпті оның адамдарын өлім жазасына бұйырады.

Карпилион. Біздің агенттердің жеткізуінше, император Валентиниан мұнда, Каталаун даласында, өмірін аямай, жанкесті соғысқа қатысып жүрген офицерлердің әйелдерін масқаралайды екен.

Аэций. Император Валентинианның мұндай суық жүрісін шешесі Галла Пластиция қолдайтын көрінеді. Өйткені рим папасымен келісіп алып, елді өзі ғана басқарғысы келеді... Әзірше бұл үлкен құпия сыр. Енді бұл туралы тістеріңнен бір сөз шығарушы болмандар...

Торисмунд. Ғұндардың көсемі Аттилань біз керемет айлаға түсірдік. Ол алаңның екі жағынан торуылын қойып қойғанда, біз оның ойын білгендей, алдын-ала өзіміздің когорталарымызды орналастырдық. Сондықтан осындай орасан зор қантөгіс пен адам шығыны болды. жалпы есеппен алғанда, шайқасқа қатысқандардың екі жақтан да әрбір төртінші сарбазы қаза тауыпты. Ғажап қырғын соғыс болды!

Аэций. Бала кезімнен Аттилань мінезін, қылығын және, әрине, ұшқыр ойын жақсы білемін. Ол мені «ұлы кобра», «қатал пері» дейтін. Аттила ешқашан жеңілу дегенді қабылдамайды. Өзі басып алған жердің қалайда ол

жауына бір сүйемін тегін қайтармайтын. Ол қазір мұқият ой үстінде. Ол бірдемені ойлап шығаруы мүмкін. Сондықтан біз барлығымыз сақадай сай тұруымыз керек...

Карпилион. Мен ғұндардың соғыс өнерін жақсы білемін. Олар ат үстінде өтірік қаша жөнеледі де, ұрысын жалғастыра беріп, жауының көптеген әскерлерін қырып тастайды.

Аэций. Торисмунд пен Карпилион дұрыс айтады. Екі жақтан қаза тапқандар мен жараланғандар саны екі жүз мыңға жуық болды. Бұл Аквилея, Хунгварт немесе Шалон сияқты үлкен кенттердің бүкіл тұрғындарының санындай. Бірақ біз осы жетістіктерімізбен ешуақытта тоқтамай, әрі қарай біздің табысымызды дамытуымыз керек... Аттила да біз сияқты кәдімгі адам баласы. Мұнда қорқатындай еш нәрсе жоқ. Тек қана оны жұрттың жаппай сөзі мен табынушылық құдайдың құдіретіне жеткізген. Әйтпесе Аттила да өзіміз сияқты ет пен сүйектен жаралған...

Оны Солтүстік Африкадағы вандалардың королі Гензерихтың құрамында готтар, аландар мен свебтер басым болған әскерінің күші мен қуатын тегін мойындап жүрген жоқ. Сондықтан ол Гензерихке Испания мен Британияны беремін, өзіме Италия мен бүкіл Галлияны аламын дейді...

Торисмунд. Тәбеті зор, хайуандікіндей. Ол үркек бұғыға шапқан арыстан секілді, билеп-төстеп, ойындағысын істеп үйренген.

Карпилион. Ғұндарда күш атасын танымайды деген мақалы бар.

Аэций. Сондықтан ол ақжарқындау, көңілшектеу және бейбіт өмірге жақындау өз атасы Бледаны өлтірді де көптеген елдер мен халықтардың тағдырын жалғыз шешетін болды... /Жаушы үрейлі хабармен кіреді/. Соғыс алаңынан қандай жаңалықтар бар?

Жаушы. Әзірше, құрметті бас қолбасшымыз, жауынгерлер қайтпас жігермен жанқиярлық соғысуда...

Карпилион. Бірақ, ол бір қатерлі хабармен келіп тұр. Оны мен көзінен байқадым.

Жаушы. Вестготтың королі Теодорих қаза тапты...

Торисмунд /шошып/. О менің қымбатты әкем! Қалайша болды? нендей жағдайын білесің?

Жаушы. Король Теодорих өз легионын өзі басқарып жүр еді және ылғи ұрыстың қалың ортасында болды. Бұл жолы ол жаракаттанды да жерге құлап түсті. Бірақ оның басын өзінің аты тұяғымен жаншып кетті...

Торисмунд. Қандай қайғы?! Ешкім көмектесуге үлгере алмады ма? Неге ғана мен қасында болмадым?

Карпилион /ішінен/. Дегенмен, Торисмунд, сенің жаның кіріп тұр ғой. Себебі көптен сен оның тағын аңсап жүр едің... /Соғыстың дүмпілі жақындай

түседі. Жауынгерлік дауыстар естіледі: «Es lebe, die Qoten! Даңқты ғұндар, алға!

Ержүрек кыпшақтар соңыма ер!». Қараңғыланады. Сахна босайды. Жарықталғаннан соң сол жихаздар бар. Үстел үстіне карталар жайылған. Аттила, Хелхал, Едіге, Одоакр, Есендауыл, Эллак, Денгизик және Ардарих келеді. Үстел үстіне Аттила карталарын жаяды/.

Аттила. Бұл әлі жеңіс емес. Бірақ жеңіліс те емес. Сондықтан, менің сенімді қаруластарым, әзір ештеңеге сене қоймаңдар. Мына ұлы кобра, сұмпайы Аэций маған айламды өткіздім деп отырған шығар. Олай бола қоймас. Әлі көрерміз, кім-кімді алдағанын, кім-кімді жеңгенін. Біз торуылдарымызбен олардың соққы беретін колонналарын қоршауға алдық деп ойлап едік. Бірақ Аэций керісінше алысқа жасырып қойған сақтық әскерлерімен аждаһадай орап алды. Бірақ мұнысы оның уақытша ғана табысы еді. Ондай-ондай байырғы заманда, біздің бабаларымыз қытайдың қалалары мен елді мекендерін қоршап, басып алғанда болған. Нақ осы ғұндардан қорғанып, еңбеккер да төзімді қытайлықтар «Ұлы қытай қабырғасын» салған ғой...

Одоакр. Кейіннен біздің даңқты бабаларымыз, жауынгер ғұндар, екі ордаға бөлініпті. Біреуі сол үйреншікті тұрағында қалып қойды да кейіннен ол қайғылы халге ұшырады. Екіншісі оңтүстік-батысқа қарай ауып, Алтай суынан өтіп, Итиль және Жайық өзендеріне дейін жетіпті. Онан соң Каспий және Эвксин Понты теңіздерінің жағалауларына барған.

О, жер жүзін билеуші, ұлы Аттила, сенің тікелей атаң Чжи-Чжи Тараз және Талас шаһарларын салыпты. Тіпті сол уақытта, Иисус Христостың тууына дейінгі 36-шы жылы Чжи-Чжи Рим империясымен қатынасып тұрған ғой. Сол кезде ғұн астанасы дүниеде ең мықты Марк Красстың әскерінің бірнеше легиондары келіп, біраз уақыт тұрыпты.

Аттила. Сенің, Одоакр Едігеұлы тарихты терең білетінің мені шексіз қуантады. Сондай-ақ сен математика мен астрономияны меңгеріп алдың. Оның үстіне бес тілде сөйлей аласың. Өзіңнің ана тілің ғұн тілінен басқа гот, латын, италиян және грек тілдерін жете білесің. Өзіңнің әкеңнен, атақты қолбасшы және дипломат Едігеден, Эдиконнан, латынша немесе, саған күшті рухы мен алғыр ойы дарыған. Сенің бойыңда бірсыпыра жақсы қасиеттер анаң италиян қызынан да бар шығар. Менің болжауым бойынша сен кезекті императорларының біреуі боласың. Болғанда, әдетке айналғандай уақытша емес, он жылдан астам уақыт тақта отырасың...

Едіге. Солай болғай! Дүние жүзінің ұлы билеушісі, бұл қасиетті сөздерін жүзеге асатын болсын!

Эллак /қызғанғандай болып/. Әке, мынадай қанатты сөз тарап кетіп еді: «Ғұндар оқ атса, далаға кетпейді» деген. Бұған өзінше үлесі бар және септігін

тигізген, ұшып бара жатқан қарлығашқа оғын бұлжытпай тигізетін менің інім және сенің ұлын Денгизик еді. Ол жауынгер мерген ретіндежаудың он шақты әскери басшыларын мерт қылды...

Аттила. Онысы мені шексіз қуантады, менің қымбатты ұлдарым. Осы жолы үш шақырымға созылған қырғын майданның әрбір қарға адым жерінде біздің сарбаздарымыз дәл сол жерде жеңістің тағдыры шешілетіндей соғысты. Ал шайқастың ең қызған кезінде жаудың командирлерін саптан шығарса, ол әрқашан үлкен ұтыс болады.

Ардарих. О, әлемді билеуші, сенің ұлын Эллак біздің бас штабымызды білгірлікпен және тиянақты басқарды. Барлық хабарламалар бізге де, бізден де уақытында жеткізіліп тұрды. Шабармандар да жанталасып қимылдады...

Аттила. Өзінің берілгендігін, адалдығын және ерлігін Эллактың дәлелдеп бергені бұл жалғыз рет емес. Оның сондай кішіпейілдігі де баршылық. Оны ол текті хан руынан шыққан менің бәйбішем, өзінің анасы Керкеден алған шығар. /Эллакқа/. Мен сені, үлкен ұлым, менің тұңғышым, Итиль мен Жайық өзендерінің жағалауында және Каспий мен Эвксин Понтының солтүстігінде жатқан ата-бабаларымыздың қымбатты да қасиетті елді мекеніне, еліне қаған етіп тағайындайтын болдым.

Денгизик. Рұқсат болса, бабаларымыздың өлкесіне ағаммен барып, бүкіл табиғатына ескі қисса мен хикаялар сінген ерменді далаға барып, аунап қайтсам деп едім.

Аттила. Оныңды біз бөлек, отбасында шешеміз... Әзәрше мен Эллактың қызметін арнайы марапаттағаным осы. Ол осыған тұрарлық еңбек сіңірді. Біріншіден, оң қолымен ол тура маған қарай ұшып келе жатқан, катапульттан атылған тастан қорғап, жараланды. Екіншіден, мына Каталаун жазығындағы тарихи шайқаста тиянақты оймен танылып, біздің әскери бөлімшелерді дұрыс орналастырып, шабуылдарымызды ыңғайлы ұйымдастырды. Бүкіл үш километрлік фронтта Эллак пен Хелхалды ұстамдылығы мен білімділігінің арқасында біз қайтадан бұрынғы шеп басына оралдық...

Есендауыл. Эллактың даңқы ассын! Ол әкесінің жолын лайықты ұстасын және оның қадірлі дәстүрін туған дала кеңістігінде және әсемділігімен еуропалық Балкан мен Альпы тауларына ұқсайтын тау сілемдеріндегі көшпенділер арасында берекелі жалғастырсын.

Едіге. Бізге әрдайым соғыста ата-бабаларымыздың рухы көмектеседі. Мен кейде алыстағы шет-қиыры жоқ даланы сондай аңсаймын. Онда көсіліп атпен шабуға болатын. Онда желаяқ сайғақтар жосып жүреді. Ал тау мен төбелердің беткейінде, көз алдына елестеп, құландар мен қабыландар шапқылап жүретін... Біз саған, Эллак, туған Сары Арқаға тыныстанып қайту үшін қонаққа барып тұрамыз.

Эллак. Мен сендерді, қымбатты тайпаластарым, қарсы алуға әрқашан дайынмын. /Аттилаға/. Қымбатты әкем, дұрыс та әділ шешімің үшін мен саған ризамын. Барлық өзіңнің батыл жоспарларыңда және тәуекелге басқан, бірақ дұрыс та сенімді әрекеттерінде әрқашан мен сені қолдауға дайынмын...

/Жаракаттанғандардың ыңырысуы естіледі. Әскерлердің қозғалуы дүмпілдейді/.

Ардарих. О әлемді билеуші, бізге тез уақыттың ішінде айқындалған барлау қажет. Белгісіз де күдікті әскерлердің шоғырлануы болып жатқан көрінеді.

/Үстел үстіндегі карталарды ашады/.

Аттила. Мен сендерді, менің қолбасшыларым және жақын серіктерім, барлығыңды жинағаным, Каталаун шайқасының жалпы нәтижесін көріп, қорытсақ деп едім. Маған жеткен хабарламалар бойынша азық-түлігіміз таусылып келеді және аттарымыздың жемі жетіспейді. Осы жағдай туралы сендердің ойланып айтқан ұсыныстарыңды естіп дедім.

Есендауыл. Меніңше, жарты жолда тоқтамау керек. Жау әлсіреді және қансырап қалды. Дегенмен біздің шығынымыз да аз емес. Сонда да осындай ауыр және көптен күткен жеңісті қолдан бергеніміз жөн болмайды.

Эллак. Бүкіл жер жүзін билеуші, сенің штабтың алдына қоятын қандай болса да сауалдарың мен бұйрықтарыңды орындауға дайынбыз... Толық жеңіске ісімізді жеткізу үшін әлі қуатымыз жеткілікті.

Есендауыл. Менің құрыштай қолым мен қырандай көзім жаудың әскербасылары мен корольдерін аяусыз қырудан әлі шаршаған жоқ...

Ардарих. Сен дұрыс айтып тұрсың, о ұлы Танджо, біздің азық-түлігіміз және аттарға деген жем-шөбіміз таусылып барады. Каталаун даласында ойға сыймайтындай керемет көп әскер, кісілер мен жылқылар, топтастырылды. Шайқасқа қатысушылардың әрбір төртіншісі қаза тапты. Жараланғандардың саны елу мыңға таяп қалды. Менің ойымша, сен, ұлы қаған, мақсатына жеттің. Галлияға шабуылды бастардағы ойың Рим жорығына аттанғаныңда, олар бүйректен сирақ шығармасын деп готтарды әлсірету еді. Сен ол мақсатына әбден жеттің. Қазір әскерлеріміз тым қансырап қалды, аттарымыз өлердей шаршады. Сондықтан тірі де дені сау сарбаздарымызды соғыс алаңынан алып шығып, сақтап қалсақ деп ойлаймын. Сонан кейін олардың қатарын Паннонияда толықтырып, емін-еркін Римге тартуға болады.

Аттила /Хелхалға/. Осыған дейін әдейі біздің сәуегей ақсақалымыз және атақты қолбасшымыз Хелхалға тіл қатпадым да мазаламадым. Осыншама уақыттың ішінде ол әскери жағдайды, қарсылас жақтардың тұғырларын және жақын кеңесшілердің көңіл-күйлерін жақсы біліп алды деп үміттенемін. Оның салмақты да саликалы ойлары не дейді?

Хелхал. Құрметті әлемді билеуші, менің ойларыма бөлінген назарыңа және сеніміңе рахмет. Мен король Ардарихтың келтірген дәлелдеріне қосыламын. Сен негізгі де басты мақсатыңды орындадың деп дұрыс айтты. Енді саған Римге жолың ашық. Ол жорығың үшін армияның қанқа сүйегін сақтап қалуың керек.

Аттила. Мен сені түсіндім, ақылгөй ұстазым Хелхал. Менің шешімім де сенің пікіріңмен толық айқындалды. Қолбасшы мырзалар, әскерлеріңді алып шығындар. Әрбір когортаға және жүз-жүз жиырма сарбаздардан құрылған алаларға қаза тапқан және жарақаттанған командирлердің орнына жаңадан басшылар тағайындаңдар. Біз өзіміздің Паннониямызға қайтып ораламыз.

/Еңтіккен жаушы жүгіріп кіреді/.

Аттила /жаушыға/. Тезірек сөйле! Нендей жаңалық?

Жаушы /қуанышты/. О жер жүзін билеуші, сенің стратегиялық ойың іске асты, шаттыққа жетті. Жауымыз қанмайданды тастап, рет-ретімен легиондары Туруа және Шалон қалаларына қарай бет алып барады.

Аттила /қанағаттанып/. Біз де өз позицияларымызды тастайық дедік. /Қолын ол сілтеген соң жаушы тез кетеді/. Мұнда жалпы алғанда мөлшерімен 165 мың сарбаздар қаза тапты. Бұл өте көп. Бұл ғажап болды! Менің байырғы досым, сұм да сұрқия Аэций бұл Каталаун қырғынына ұзақ та өзіне пайдалы дайындалыпты...

Хелхал. Біреудің қолынан қаза тапқан адамдар ол дүниеде періште болады. Қанатты аттарды мініп, аспанда ұшып жүрген періштелер менің түсіме кірді. Ең жоғары құдайымыз Тәңірім және соғыстың құдайы Пуру өздері жар болсын!

/Екі сарбаз тұтқындалған бургунд королі Гундхарды итеріп кіргізеді де тізе бүктіреді/.

Аттила /жақтырмай/. Тағы кімді әкелдіңдер? Сауыт-сайманы мен регалияларына қарағанда бұл жай құс емес...

1-ші сарбаз. Мұны мерген ханзада Денгизиктің оғы ұшып түсірген. Бұл бургундтардың королі Гундхар.

2-ші сарбаз. Ол жаралған күйі орда жатыр екен. Оны үлкен тас қалкалап, қорғап қалған.

Аттила. Бургунд королі Гундхар дер кезінде жолықты. Менің білуімше, сенің Ильдико есімді тамаша қарындасың бар.

Гундхар. Менің жарамды нашар байлапты. Мен көп сөйлей алмаймын. Иә, менің ондай ақ-сары, алтын шашты, сұлу қарындасым Ильдико бар.

Аттила. Мен оған сырттай қатты ғашықпын. Рас, бұл хал маған басқалардың айтуымен пайда болды. Мен сенімен туысқан болып, сені босатайын деп едім.

Хелхал. Көктен іздегенім жерден табылды десеңші. /Жымиып күліп, ақ шалған сакалын сыйпайды/.

Аттила. Дәл солай, менің серіктерім.

Гундхар. Дәл сендей ері болса екен деп ол қиялданып жүрген, о корольдардың королі, әлемді билеуші.

Аттила. Ал сен өзін бұған қалай қарайсың? Сені Аттиладай туыс қанағаттандырама?

Гундхар. Сен өзін де білмейтін шығарсың, қаншама қыздар мен қалыңдықтар әйелің болмақ түгіл, бір көзімен ғана сені көруге қандай құмар екенін? Олар сенің шексіз данқыңмен және сиқырлы ерліктеріңмен естері шыққан, аңыз қылып айтып жүреді. Мен сөнімен туыссам өзімді бақыттымын деп санар едім, құдіретті Аттила! Қарындасым Ильдиконы Паннонияға өзім әкеліп, қосамын деп уәде берейін.

Аттила. Ал, уәденді немен растай аласың?

Гундхар /шоқынады/. Осы крестпен. Иисус Христостың қасиетті бейнесінің алдында ант беремін.

Ардарих /Аттилаға/. Ол өзінің мынандай антын шын орындайды.

Хелхал. Оны бізге құдайдың өзі айдап әкелген. Король Гундхар айтқанының барлығын орындайды.

Аттила. Мен де король Гундхарға түгелдей берік сендім. Босатындар оны және барлық сый-сияпатпен шығарып салындар. Ал сен, Денгизик, король Гундхарды соғыс межесіне дейін шығарып сал.

/Гундхар, Денгизик және сарбаздар кетеді/.

Енді барлығың түгел рет-реттеріңмен жол сапарға жиналындар. Паннонияға қайтып ораламыз...

ШЫМЫЛДЫҚ.

Бесінші акт

Хунгварт сарайында Аттиланың кабинеті. Ортада таққа ұқсаған сән-салтанатты кресло тұр. Қабырғаларға кілемдер ілінген.

Сол жақта Еуропаның үлкен географиялық картасы бар. Оң жақта Аттиланың алдында бас иіп тұрған корольдер мен жұртшылық суреттелген картина қойылған. Үстел үстінде карталар жатыр. Үстелдің астында гонг ілінген.

Терезеден кабинетке Бауэр кіреді. Ол айналасына сақтықпен қарап, паркет еденді ептеп басып жүр.

Бауэр /ақырын/. Аттила тұрағына танатпай келеді деп естуші едім. Ол көбінесе таң сәріде, түн аяқтала бергенде жемісті жұмыс істейтін көрінеді. Ол тәулігіне он алты сағаттан қызметте болады дейді. Дәл сонысы маған керек еді.

Менің Ильдиконы қызғануым соншалық, тіпті күйіп-жанып кете жаздаймын. Менің сүйікті де әдемі Ильдикомды ешуақытта қорлауға жол бермеймін. /Құлағын түріп қалады, тығылады/.

Аттила кіреді.

Аттила /өзімен-өзі/. Принцесса Гонорияға да жететін уақыт келді. Бірақ мен оның жасауынсыз-ақ Италияның жартысын емес, барлығын басып ала аламын. /Үстел үстіндегі карталарға үңіліп қарайды/. Дегенмен бірдене сезгендеймін. Тіпті денемнің терісімен бір қауіпті сезгендеймін. /Кенеттен артына жалт қарап, еденге құлай кетеді. Бауэр әп-сәтте пышақты лактырып жібереді. Пышақ Аттиланың үстінен ұшып барып, ағаш қабырғаға қадалады. Аттила аяғымен гонгты соғып қалады. Нөкерлер мен күзетшілер лезде кіреді. Аттила аяғына ұшып тұрды/. Жексұрындар! Ашық ауыздар! Қалай ғана бұл жауызды зынданнан шығардыңдар? Мына аты өшкір жыршы Бауэрды, барып тұрған қанішерді ұстандар, байландар және дереу денесін бөлшектеп, жазаға тартыңдар. Аяқ-қолының саусақтарын шабудан бастаңдар да күн сайын жаны шыққанша басына дейін кескілендер. Қиыр шығыстан бізге жеткен ең азапты өлімге бұйырамын. /Бауэр өзінің қылышын жұлып алып, үстіне жата кетеді/. Сұмпайы! Азапты өлімін қызықтауға мүмкіндік бермеді ғой. Қалай ол зынданнан қашып шыққан? Алты күзетшілерді түгел мұндай сирек болатын қылмыс үшін өзімізбен алып жүретін крестерге керіндер!

/Қызметшілер Бауэрдің денесін көтеріп, алып кетеді. Хелхал, Есендауыл және Едіге келеді/.

Есендауыл /сасқалақтап, үреймен/. Не болып қалған, менің мырзам? Сенің сарайыңның алдынан дабыр-дүбірді ести сала, жүгіріп келдім. Не болды, о, әлем билеушісі?

Аттила. Мен бала кезімнен аса сезімталдығымнан зардап кешіп жүрген адаммын. Әлгі антұрған гот жыршысы Бауэрды босқа аяған екенмін. Ал ол болса, сезім мен поэзиядан басқа ақымақтыққа душар болған екен. Тағы да менің өміріме қастандық істемекші болды ғой.

Едіге. Міне бетпақ! Алғыстың орнына қарғыс қылғаны несі?

Аттила. Аяқ-қолдарының саусақтарынан бастап кескілендер деп азапты жазаға бұйырған едім, ол иттің баласы өз қылышымен өзін жарды.

Хелхал. Өлімнің оңай да жеңіл түрін өзіне тандаған ғой...

Есендауыл. Болғай! Өзін-өзі өлтірушілер о дүниеде кемтар болады дейді. Оларға онда да жақсылық болмайды.

/Шашы ұйпақталған, абыржыған Ернақ жүгіріп келеді/.

Ернақ /Аттиланы бас салып, құшақтайды/. Қымбатты әкем менің, аман-есенсін бе? Мен қорқынышты хабар естідім. Сенің асыл өміріңе тағы біреу қиянат жасамақшы болыпты ғой?

Аттила /Ернақты құшақтап/. Қадірлі ұлым менің! Менің әдемі де сүйікті ұлым, сен менің тынымсыз жүрегімнің ең бірінші де айнымас жұбанышысың. Көріп тұрғаныңдай, мен аман-есенмін, тәнір сақтады. Бұл антұрғандар, менің өміріме қастандық жасаушылар, мені аспан мен жер жүзінің барлық құдайлары сақтайтынын, маған жоғарыдан және табиғаттың өзі сыйлаған ой мен сезімнің аямай артығымен де ерекше берілгенін түсінгілері келмейді ғой. Керек болғанымда Құдайдың өзі ғана күдіретімен әкетеді...

Хелхал. Дегенмен сақтық пен қорғану артық болмайды, керісінше Құдайдың өзі, қамданып жүріңдер деп адамдарға « сақтансандар, сақтаймын» деген ғой.

Аттила. Түгелдей рас алтын сөздер! Бірнеше рет оған менің өз көзім жетті. Сондықтан мен ол сөздермен толық келісемін және дербес күзетке, қателігі мен ағаттығын ескере жүріп, үлкен мән беремін. Зынданның алты күзетшісін түгелдей крестарға керіп, жазаландар деп бұйырдым. Бұл жексұрын өзін-өзі өлтіруші қандай сиқырмен немесе қулықпен зынданнан қашып шыққан?

Едіге. Сенің сарайыңның барлық күзетшілерін мейлінше сенімді де қырағы сақшылармен алмастырамыз. Тек қана, ұлы Танджо, көңілін жайлансын, болған жайды ұмыт, өз өзіңе кел де тек жақсылықты ойла.

Аттила. Өмірімнің ең жақсы кезені көз алдымда тұр. Ол – менің Ернағым. Ал оның шешесі Люба- Любовь қандай әдемі және жылы жүректі еді. Махаббат! Тек менің сүйікті ұлым Ернақ анасының мейірімін көріп, мәңгілік сақтай алмағанын армандаймын. Сондықтан мен оны ерекше қамқорлыққа алып, білгенімше әкелік ілтүпатқа бөлеймін.

Ернақ. Мен оны білемін, әкем менің. Сенің маған деген көңіліңді өмір бойы ешқашан ұмытпаймын. Сен қартайғанда, оныңды толық қайтарамын деп уәде беремін. Өзімнің оғлан ретіндегі парызымды толық орындауға тырысамын.

Аттила. Оныңа да рахмет! Бірақ сен қазір барлық күшінді, білімінді және ойыңды әбден лайықты да тамаша сарбаз болу үшін жұмсауың керек.

Едіге. Ернақ менің Одоакрым сияқты әскери оқуға барлық ынтасымен қатысады...

Аттила /мұңлы түрде еске алып/. Мұның шешесі Любашадан басқа көптеген әйелдерімнің ішінен менің жүрегімді толқытып, есте қалғандардан үшеу-ақ және сүйікті принцесса, өзі портреті мен жүзігін жіберіп, саған күйеуге шығуға дайынмын деген Гонория.

Люба славян князінің қызы еді. Ол маған, менің жер жарған данқымды естіп, алыстан ғашық болған. Сонан соң айлап, қашып жүріп, маған жеткен, тек қана мына тамаша ұлды тауып беру үшін. Ал қалай княн-кескі ұрыста Каталаун алаңында славян князьдары Михаил, Дроздох және Святослав жанын аямай, жаулармен соғысты! Жалпы славян сарбаздары менің ғұндарым

сияқты, жылқыларымен біртұтас болып жаралғандай, қандай болмасын мактауына тұрарлық...

Хелхал. Айрықша әйелдердің ерекше сезімтал жүрегі және адамдардай өткір ойы болады. Егер ондай әйелдер саған, о ұлы Аттила, өздері ынтық болса, сенде өзіңе тартын ғажайып күш бар екен, сондай-ақ мойымайтын күшің де молынан бар, себебі садақтың оғы мен шолақ найзалар тіпті жаудың қылышы мен найзасы да саған дарымайды, мейлінше қайырылып, ұшып түседі, сондықтан сенің дененде айтарлықтай ешбір дақ жоқ деуге болады.

/Тиянақты киінген жалшы кіреді/.

Жалшы /дауыстап/. Рим консулы Примут және комес Ромул аудиенцияны сұрап тұр.

Аттила /креслода отырып, салқын үнмен/. Келсін. Жіберіндер! Батыс-римдік елшілерге айтарлық сөзім баршылық. Бұл біраз уақыттың ішінде оларға айтатын сөзім қордаланып қалыпты.

/Примут пен Ромул кіріп, бастарын иіп, амандасады/.

Примут. О, ұлы қаған, біз қасиетті Римнің елшілері, сенің қосында бірталай көп уақыт жүрдік және өз көзімізбен көріп, сенің бұлжытпас күшің мен даңқына қанық болдық. Біз Отанымызға қайтып бара жатырмыз және сенің барлық ұсыныстарың мен талаптарыңды дәлме дәл де толық біздің император Валентинианға және сенатқа жеткіземіз.

Аттила. Егер сендер жеткенше, азғын императорларың аман – есен тағында отыратын болса... Менің барлауым қытайдың компасы сияқты дәл де дұрыс жұмыс істейді. Император Үшінші Валентиниан Каталаун жазығында ерлікпен соғысып жүрген бір офицердің әйелін зорлапты...

Ромул. Ондай сыбыстар мен өсек сөздер Рим мен Равеннада қаптап, тарап жүрді.

/Король Ардарих келеді/.

Аттила. Оған ұйтқы болатын өзінің анасы Галла Пластидия, демек ол папа Бірінші Левпен және Аэцийдің бақталасы, қолбасшы Бонифациймен бірігіп, бүкіл Батыс-рим империясын еркін билегісі келеді.

Примут. Сенің сөздеріңнің, о ұлы Танджо, біздің өкінішімізге қарай, арыстанның үлесіндей шындығы бар. Бір кезде құдіреті күшті және заң шығарушы Рим империясының қазіргі тағдыры мен күйінішті ахуалы сондай.

Ардариш. Айбынды Римнің мызғымас негізінің құлдырауына Коммод, Каракалла және Галиогабал сияқты қасиетсіз де азғын императорлар кесірін тигізді, көп мүмкіндік жасады... Олар қасиетті де жоғары порфираларын өздерінің қара бастарының қамы мен азғын ниеттері үшін пайдаланатын болды. Рим империясына көптеген залалдарды «солдаттық императорлар» дегендер әкелді. Кезекті жеңісті жорықтардан соң, Парсымен, Армениямен, Дакиямен және Галлиямен саяси қарым-қатынастан кейін солдаттар өз беттерімен императорлар сайлап, біраздан соң келісе алмағандықтан оларды тақтан түсіріп, өлтіре берген...

Аттила. Римде соңғы онжылдықтарда, тіпті жүзжылдықтарда мейлінше ала ауыздық орын алған. Ал тиянақтық пен тәртіп болмаған жерде ең алдымен

карапайым халық азады да тозады. Қарыны аш та адасқан кісілер қаңғырып, ойына келгенді істейді: ұрлыққа барады, азғындық жолға түседі, ішкілікке салынады және әбден жүгенсіз кетеді. Ал ел басқарушы ең алдымен демостың денсаулығын ойлап, қамқорлығына алуға тиісті... Ол болмай қалды да тұспалын жоғалтып алды. Оның үстіне құлдық салт өркендеді. Сондықтан Римнің айбындылығы күрт төмендеді.

Ардақты римдіктер, сендер өз көздеріңмен көріп, қанық болдыңдар ғой, бізде тұтқынға алынғандардың өздері еркін де қатардағы азаматтар болып кетеді.

Әлі есімде, бала кезімізде біз «император», «цезарь», «Рим» деген сөздерді зор құрмет тұтатынбыз. Бірде балалықпен аңкылдап, әкем Мыңжықтан сұрап қалдым: «Әке, осы император, цезарь деген кімдер айтып берші?» деп. Ол алдымен сұқ саусағын ерніне төсеп, сыбырлап: «Ақырын, ақырын сөйле! Бұл сөздерді жеңілдікпен аузына алма, балам. Олар қасиетті ұғымдар. Құдіретті күшті құдайдың өзі алғашқы цезарь болған. Ол аспаннан жерге түсіп келіп, жалғыз өзі басқарушы болыпты. Оның барлық ұрпақтары мұрагерлері ретінде дара басқарушылыққа және жалпы даңққа ие болған. Ал император – ол шексіз билік берілген әмір және оған бүкіл жұртшылық бас неді, ол байлық пен дәулетке оранған жан!» деп еді. Қазір біз нені көріп отырмыз? Соның барлығы осы қазір қайда? Бір кездегі құдіретті Рим империясы толық құлдырап, талантаражға және түбегейлі күйреуге ұшырады. Сондықтан сендер, тәкаппар римдіктер, енді біздің варварлардың, алдында қалтырғандар. Дүние кезек, біздің сәт сағатымыз соғып тұр!

Примут. Құдіретті күшті василевс Аттила, сенің әділ сөздерің бізді жерге қаратты және ойран етті. Сенің айтқандарыңды біздің Августқа және барлық римдіктерге толық жеткіземіз. Біз елімізге қайтып барамыз. Біз саған және бүкіл әскери қолына аман-есендік тілейміз.

Ромул. Біздер елшілер ретінде қол сұғуға болмайтын құқықты толық пайдалана аламыз деп сенеміз. Бізді сендердің адамдарың Наинасуска дейін шығарып салсын.

Аттила. Біз елшілерге қатысты халықаралық статусты және құқықты қатаң ұстанамыз. Менің пионийлік шекарама дейін сендер толық қауіпсіздікте боласыңдар. Князь Есендауыл, римдік елшілерді шығарып сал. Қош болыңдар!

Примут пен Ромул қош айтысып, Есендауылмен бірге кетеді. Мен біздің батыстық алдыңғы позицияларда болып қайттым. Тіпті сенімді ұстазым Хелхалмен барлауға да бардым. Онда мені өз көзіммен көргендерім қайран қалдырды. Аквилея үйлерінің төбелеріндегі ұяларын тастап, ақ құтан құстар, балапандарын тұмсығымен іліп алып, ұшып кетіп жатыр екен. Бұл біздер үшін жақсы ырым. Ол құтандар, біздің шабуыл жасайтынымызды сезіп, қаланың

кирайтынын алдын ала біліп, көшіп-қонып жатыр деген сөз. Енді біздерге қымбат уақытымызды жоғалтуға болмайды...

/Жалшы кіреді/.

Жалшы /ашық дауыспен/. Византияның елшілері, консул Магнус Аврелий Максимин және ритор Приск Панийский аудиенцияға келіп тұр.

Аттила /көңіл бөліп/. Олар Константинопольға аттанған болатын. Қайтып келген екен ғой. Олар, әлбетте, жаңа хабарлар әкеліп тұр. Келсін! Шығыс-римдік елшілерге де менің айтатыным баршылық. /Максимин мен Приск кіріп, құрметпен амандасалы/.

Максимин. Ұлы шырақ Аттила, біздің императорымыз Феодосий барлық сәлемдеріне қанық болды. Қылмыскер Вигилий мен вельможа Хризафиос сенаттың алдында әшкереленді және олар барлық шендері мен атактарынан айырылды. Византия Ғұн патшалығымен бейбітшілікте, достықта және түсінушілікте болғысы келеді.

Аттила. Солай болғай! Барлық тиісті алым-салықты әкелген шығарсындар?

Приск. Бір солидына дейін түгел алып келдік. Ал басқа сенің талаптарыңды сенат талқылау үстінде. Бізге Мәрмәр теңізі арқылы Паннонияға жету мүмкіншілігі болып қалды да, сенің, о ұлы қаған, көңіліңді тауып, жұбатайық деп келіп қалдық.

Аттила. Енді менің алдымда кезек күттірмей, басқа мәселелер тұр. Біз қазір ерекше ынтамен мына бір «Барлық жолдар Римге апарды» деген белгілі мақалды айтып жүрміз.

Максимин. Шығыс-Рим империясы жағынан тиянақтылық пен сабырлылыққа кепіл боламыз.

Аттила. Сендердің сөздеріне сенемін, елші мырзалар. Жаңа Рим мен үшін Гензерихтің вандалдарынан да берік қорған болады.

Приск. Дегенмен, барлаудың кейінгі мәліметтеріне қарағанда, король Гензерих Еуропаға шабуыл жасауға қызу дайындалып жатқан көрінеді.

Аттила. Мен оған Испания мен Британияны бере саламын. Бастапқа кезде болса да, маған әзірше Италия мен Галлия жетеді.

Максимин. Ұлы Танджо, бізге жолдан кейін біраз дем алып, өзімізді бір қалпымызға келтіруімізді рұқсат етсең.

Аттила. Қонақ үйіне бара берулеріне болады. /Максимин мен Приск, ишарат білдіріп, кетеді. Рнак, кіші ұлым менің, ағаң Денгизик қайда?

Ернақ. Сенің бұйрығың бойынша Скифияның билеушісі болған Эллақты Азия құрлығына дейін шығарып салуға кетті.

Аттила. Денгизик қашан қайтып оралады?

Ернақ. Денгизик Эллакты және оның отрядын Молдаваға дейін ғана шығарып салады. Сонан соң кешікпей, қайтып оралады.

Аттила. Жігітсің, Ернақ! Сенің әртүрлі ғылымдар бойынша ұстаздарыңнан алған білімдерің мені қуантады. Римге қарай шабуылымызды бастағанша, Денгизиктің қайтып оралғаны дұрыс болар еді. Егер оралып үлгермесе бізді қуып жетсін. Бірақ Эллактың орны да мен үшін бөлек болып тұрады ғой. Дегенмен аптықпай, ақырындап, оның орнын Ернақ басуға тиісті. /Есендауыл келеді де үстел үстінде жатқан карталарға үніледі. Ардарихпен әңгімелесіп тұр/.

Ардариx. Жаушылардың айтуынша, бургунд королі Гундхар өзінің әсем қарындасы Ильдикомен біздің Хунгварттан екі ат көшіндей қашықтықта келе жатыр екен.

Аттила. Мұндай жағымды ақпар үшін король Ардарихке біздің ғұн дәстүрі бойынша сыйлық беруім керек. Оны сүйінші дейді. Мен сенің онбаған жиенің, өзін-өзі өлтірген Бауэрдың, сұмдық қылықтарын саған толық кешіремін. Сүйіншім осы болсын!

Ардариx. Әлемнің ұлы шырағы, саған сенімділікпен де, шындықпен қызмет етуге дайынмын! Менің арым мен ұжданым сенің алдында ешбір кіршіксіз. Әрқашан мен өзімнің антымды берік ұстаймын.

Аттила. Денім сау, аман-есен жүргенімде менің оған ешбір күмәнім жоқ.

Есендауыл. Сөйтіп біз король Гундхарды және оның қарындасы Ильдиконың келгенін күтеміз ғой?

Аттила. Ешуақытта күтпейміз! Римге деген жорығымыз тоқтату түгіл ешбір шегіндірілмейді де. Ал сен, князь Есендауыл, король Гундхардың нөкерлерімен біздің соңымыздан қалмайтынын қадағала. Қай жерде олар бізді қуып жетсе, сол қайырлы сәтте жоғары құдіретті құдайымыз Тәңірі мен соғыстың құдайы Пурудың қаснетті қолдауымен біз Ильдико екеуіміздің тойымызды өткізетін боламыз.

Хелхал. О ұлы қаған, принцесса Гонорияны қайтесің?

Аттила /ренішпен/. Мұндай сауалды төтесінен қойғанды тек қана менің ең сәуегей де ең сенімді кеңесшім Хелхалға ғана кешіремін. Менің тыңшыларымның анық мәліметтері бойынша қадірменді рим принцессасы Гонория екі қабат болып үлгеріпті және бірнеше рет күйеуге де шыққан көрінеді. Менің сүйіктімнің жүріс-тұрысы және сарайдағы қаскүнемдік қылықтар мені тым қызықтырмайды. Мен оған суреті арқылы ғашық болған едім және менің еркін қиялым арқылы сезімім шалқыған... Дегенмен, біздің сырттай махаббатымызды ескеріп, оған үйленуіме де болар еді. Тіпті соның жарты елімізді иеленесің деген жасауынсыз-ақ, себебі бұл жолы біз бүкіл Италияны қол астымызға аламыз.

Бұл жолы менің жылқыларымен бір бүтіндей, бір жәндіктей бітіп жаралған атты сарбаздарыма қарсы тұра алатын күш табылмайды. /Жалшыларға/. Алыс жорыққа менің арғымағым Алтынжалды дайындаңдар!

Король Ардарих, сен штабта Эллактың орнын толық меңгеріп, камтуың керек. Маған берген антыңа сенімді екеніңе көзімді жеткіздім.

Ардарих. Сенің көзіңнің тірісінде, о ұлы Танджо, менің көзім мәңгі жұмылғанша саған сенімді қызмет атқарамын!

Аттила. Ардарихтың легионын гот тілін тамаша білетін Одоакр, қолбасшы және батыр Едігенің ұлы, басқаратын болады.

Одоакр. О бүкіл әлемді билеуші, сенің сенімді толық атқару үшін барлық қуатымды жұмсаймын!

Аттила. Сен Каталаун жазығында өзіңді оқымысты жан ғана емес, ақылды командир және ержүрек жауынгер ретінде көрсете алдың.

Едіге. Менің ұлым Одоакрға, ұлы қаған, болашақта рим тағына ие болатынын болжайтынын бізге белгілі.

Аттила. Оның негізі бар деген сөз және ұлың ондай сәуегейлікке әбден тұрарлық.

Едіге. Шексіз ризамын, Ұлы Шырақ! Біз сенің жоғары сенімді ақтауға мейлінше дайынбыз! Ал енді расында да барлық жолдар Римге апарды. Римнің жолы ашылды. Ең бастысы, сенің осы қолайлы мезгілді күрт жібермеуің керек.

Ардарих. Саған қарсы, о бүкіл жер жүзін билеуші Аттила, азғын Валентинианды бұлай қойып, егер Калигула мен Нерон сияқты жауыз рим императорлары бәлкім тіріліп келсе де, енді қарсы тұра алмайды.

Есендауыл. Римнің атаулы қолбасшылары Аэций мен Бонифаций, бәсекелесіп, араздасып, бірін-бірі қудалап жүр. Мұны да дер кезінде ескергеніміз жөн болады...

Аттила. Соңғы сөз сенікі, менің ақылгөй ұстазым және тәжірибелі сәуегей Хелхал.

Хелхал. Ұлы Шырақ Аттила, Римге бастаған жорығыңда жолың болсын! Халықтың мынадай даналығы бар: «Сабыртүбі сары алтын». Римте қарай жорығыңа сен ұзақ дайындалдың. Басқалардың барлығын былай қойғанда, қатысушылардың саны бойынша және қаза тапқандардың көптігі бойынша көз көрмеген, құлақ естімеген Каталаун шайқасының от жалынынан өтуге тура келді.

Менің ойымша, мұндай ұзақ дайындық және мол шыдамдық тиісті жетістік пен жеңіске жеткізеді.

Ең жоғары құдайымыз Тәңірі және соғыстың құдайы Пурудың аттарынан және солардың даңқы үшін корольдардың королі, ұлы қаған Аттила

Мыңжықұлына ғұндардың, готтардың, анттардың және парфияндардың билеушісіне, тақуалы даңқты жеңімпаз және тауыпқыты, мәңгі бақи бас иуге лайық Августқа Римге бастаған қасиетті жорығына батамды беремін! Жолын болсын!

Аттила /шабыттанып/. Менің аңызға айналған жүйрік атым Алтынжалым қайда? Менің тұлпарым қайда? Менің соғыс қару-жарағымды әкеліндер! Даңқты менің сарбаздарым және мақтаулы қолбасшыларым, біздің күткен уақытымыз келіп жетті. Рим қамалдарына қарай алға бастандар!

/Кернейдің дауысы шығады. Музыка. Шаттанған дауыстар естіледі; «Аттила! Аттила – жеңістің ұлы! Ұлы Шырақ! Біздің ұлы әкеміз! Жер жүзінің мырзасы! Ұлы қаған! Аттила – құдай тоқпағы! Құдіретті де даңқты Аттила!» Сәл пауза. Латынша: «HISTORIA» деген жазу көрінеді. Сахнаның төрінде оюлармен өрнектелген киіз үйлер тұр. Бұл көшпенділердің ауылы. Оның арғы жағынан Қазақстанның қазіргі қаласының көп қабатты зәулім үйлерінің бейнесі көрінеді.

/Ақырын да байсалды басып аяғын, Приск Панийский келеді. Оның басында ұзын да ақ паригі бар, папирусын ұстаған. Көрермендердің алдына жақындаған соң ол папирусты алып, оқи бастайды./

Приск /оқиды/. «... Италияны басып алып, Аттила қайта оралады және Феодосийге белгіленген алым-салықтың төленбегендігі үшін Шығыс-Римдік мемлекет билеушілеріне соғыс жариялап, елін жаулайтынын білдіреді.

... 450 жылы Феодосий өлгеннен кейін Маркиан император болады да тақта жеті жыл отырады.

... Аттиланың әскері қайтып келгеннен кейін бір жылдан соң император Үшінші Валентиниан Аэцийді өлтіреді. Ал тағы бір жылдан соң өзінің офицерлерінің біреуі әйелінің арына қиянат жасағаны үшін Валентинианның өзін өлтіреді.

... Принцесса Гонория Константинопольдан Италияға қайтқаннан кейін көп кешікпей күйеуге беріледі. Одан соң оның атын ешкім естімеген.

... Қайтыс болар алдында Аттила көп әйелдерінен кейін өзінің халқының әдет-ғұрпы бойынша Ильдико деген керемет сұлу қызға үйленеді. Тойдан соң көп рахаттанғандықтан және шарап пен ұйқының қасіретінен әдетте мұрнынан ағатын қан тамағына кетіп, тұншықтырғаннан, қанға малынып, өліп қалады.

Аттила Мыңжықұлы 453 жылы қайтыс болды. Оның денесі үш табытқа: алтын, күміс және темір, салынады да қылышы және атымен бірге Тисса өзенінің табанына жерленеді.

... Одоакр – скиф Эдиконның ұлы, Аттила айтқандай, ақыры 476 жылы Италияның императоры атанып, он жеті жыл таққа ие болады.

... Аттиланын құдіретті даналығы, әртүрлі тайпаларды біріктіріп, ғұндық одақ құра алды және Рим империясының құлауы мен бүкіл адамзат тарихындағы құлдық жүйесінің ыдырауына дәнекер болған еді... /Музыка/.

ШЫМЫЛДЫҚ.

СОҢЫ.

Республиканың «Абай» журналының 2003 ж. №1,2.

Шәкәрім Құдайбердіұлы
(1858-1931)

«Қазақтың түп атасы» атты поэма – толғауынан үзінді.

Айтайын Әтелланың қылған ісін,
Сықыр деп ойлаған жұрт қайрат, күшін.
Азияны түгел билеп, Европаның
Көбі ауған Әтелладан қорыққаны үшін.

Әтелла Мұнжық ханның баласы еді,
Басы үлкен, кеудесі кең, аласа еді.
Мың бес жүз жылдай болды өлгеніне,
Оның да қылған ісі тамаша еді.

Қайтемін айта беріп, алған жерін,
Атаңның ойға түсер сондай ерін.
Қор болып осы күнде отырсаң да,
Қозғалсын өткенді ойлап іште шерің.

«Абай» журналы, 1992 жыл №1.

Солдан оңға карай: Мұрат Сұлтанбеков, Ахат Шәкәрімұлы Құдайбердиев және Семейдегі Абай мұражайының байырғы қызметкері, ҮОС ардагері Кәрім Ақбергенов
 Шакарим Құдайбердиев
 Отрывок из поэмы...

*Расскажу о делах, сотворенных Аттелой.
 Люди считали его мощь и силу священными.
 Из – за страха перед Аттелой под его властью оказались
 Вся Азия и большинство стран Европы.
 Аттела был сыном хана Мунжука.
 У него были большая голова,
 Широкая грудь, имел невысокий рост.
 Прошло тысяча пятьсот лет, как он умер.
 Но совершил он прекрасные дела.
 Зачем я буду перечислять земли, которые он завоевал?
 Отрадно, что был у нас такой предок.
 Хоть нынче мы стали униженными,
 Вспомнив прошлое, пусть досада в тебе расходуется.*
 Журнал «Абай» №1 за 1992 год

(Подстрочный перевод наш – М.С.)

АТТИЛА

Историческая пьеса в двух частях и пяти актах
 Действующие лица;

Аттила	- предводитель гуннского союза племен, каган
Эллак	} - его сыновья
Денгизик	
Ерناق	} - гуннский полководец и патриарх
Хелхал	
Еднге (Эдикон)	- гуннский полководец и дипломат
Есендаул	} - гуннские князья и полководцы
Шиншил	

Ардарих	-	король гепидов
Бауэр	-	его племянник
Гонория	-	римская принцесса
Аэций	-	римский полководец
Карпилион	-	его сын
Гундхар	-	король бургундов
Феодосий II	-	император Византии
Василиса	-	его жена
Хризафиос	-	евнух и царедворец
Вигилий	}	- посланники Византии
Максимин		
Прииск	}	- посланники Италии
Примут		
Ромул		
Торисмунд	-	полководец вестготов
Турасал	-	певец, акын
Естимес	-	придворный шут
Слуги, вонны, стражники и гонцы		

Часть первая

Акт первый

Середина V века. Почти вся Европа и Азия оказались под властью могущественного гуннского кагана Аттилы. Под его предводительством союз гуннов, подвластных им готов и других народов простер свое владычество от Тихого до Атлантического океанов.

Константинополь – столица Восточно – римской империи. За кисейным занавесом видны очертания императорских дворцов и колыхание Черного моря или, как называли тогда, Понта Эквессинского. Вначале проходит сноведение принцессы Гонории, заточенной в монастырь Италии в Равенне. На сцене вырисовывается одинокая фигура Гонории, вопрошающий взгляд которой обращен на Восток, на Константинополь.

Гонория. Кто разрешит мою судьбу святую и несчастную?! О всемогущий Юпитер, помоги оскорбленной и бедной принцессе в ее незавидной доле. Кто поможет мне в этой распутной жизни?! Король вандалов Генхзерих из северной Африки или бич божий Аттила, превративший в данников обе римские империи, и западную, и восточную?

Я смогла отправить письмо и свое кольцо Аттиле с предложением руки и сердца и половину Италии. Это последняя моя надежда! (Входит папа римский Лев I).

О, присвятой Юпитер, ты услышал мою молитву и прислал самого папу римского Льва Первого. Благодарю тебя и приветствую наставника божьего на грешной земле, папу римского Льва Первого!

Лев. Ты ожидала меня, о, благодарная принцесса Гонория, дочь полководца Констанция и Галлы Плацидии, дочери римского императора Феодосия Первого.

Гонория. Я призывала тебя, великий епископ. Ибо моя растерзанная душа жаждет умиротворения и покоя... Я мучаюсь и тревожусь...

Лев. Потому что ты, принцесса Гонория, более арианка и язычница, нежели христианка. Ты не знаешь о муках и жалкой участи Иоанна Предтечи. Ариане неукоснительно верили, что единый Бог правит природой. Когда Анна родила Самуила, а Сара – Исаака, жена священника Захария, старая и бесплодная Елизавета, родили Иоанна. Исаак и Самуил были убиты Иродом Антипой. Но дух божий спас младенца Иоанна, с которым Елизавета вовремя скрылась.

И суждено было Иоанну стать последним и высокочтимым ветхозаветным пророком, который и проводил Крещение Иисуса Христа. Только после этого он принял святую мученическую смерть от руки того же самого Ирода Антипы, правителя Галилеи. Иоанна Предтечу еще иначе называют Иоанном Крестителем. У каждого создания по воле божьей есть свое предназначение на этой земле и в этом мире. Так о чем ты хотела поведать мне, дитя мое?...

Гонория. Я хочу перед тобой, мой патре, исповедоваться в одном неприглядном поступке.

Лев. *Вполне уместно! Всеобщее грехопадение приведет к неминуемому падению великой Римской империи...*

Гонория. Проникнись участием, святой отец, к моему столь тягостному положению.

Лев. Говори, говори, моя принцесса.

Гонория. После долгих и мучительных раздумий я решила выйти замуж за Аттилу и отправила ему через верного евнуха Гиацинта послание и свое кольцо.

Лев. Какой опрометчивый шаг совершила ты, Гонория?! Однажды Аттила со своей опустошительной ордой добрался даже до Мидиолана. Только мне с божьей помощью и милостью удалось одарить его золотом и повернуть назад...

По ажурному занавесу, похожему на небосвод с рассыпанными звездами, летит крылатый конь с вооруженным всадником.

Гонория (внезапно радуясь). Смотри же, папа римский, кто плывет по небу на крылатом коне – птице. Это – Аттила! Он получил мое послание и летит ко мне. Это – Аттила, мой возлюбленный и верный спаситель...

Лев (засуетившись). Мне этого еще не хватало! Однажды я встречался с Аттилой. Довольно! Твой брат император Валентиниан уже спутался с женой одного офицера. Он за это поплатился жизнью. И ты птица из того же гнезда. Довольно! Я предаю казни язычников и еретиков – манихейцев. Прощай! *(Уходит).*

Вбегает запыхавшийся Аттила

Гонория (устремляясь навстречу). Спаситель мой, Аттила.

Аттила. Моя принцесса Гонория! Долгожданная моя любовь! Моя единственная! *(Обнимает Гонорию и целует).*

Гонория. Божество неба и земли Изиды услышала мои молитвы. Наконец, явился мой спаситель.

Аттила. Нет, это ты моя спасительница. Я убил своего старшего брата Блеу. Я – великий грешник перед Богом.

Гонория. Ничего, мой возлюбленный. Здесь ты сможешь исповедаться у папы римского Льва Первого. Он где-то рядом. Он недавно был и разговаривал со мной.

Аттила. У меня другие боги. Язычник я. Бог войны Пуру дал мне несметные силы. Мне подвластны 12 корон и 30 государств волей божьей. Не зря меня повсюду зовут Бич Божий.

Гонория. Нет, долгожданный мой, Бог для всех людей на этой грешной земле и для всех религий один. Исповедуйся у архиепископа Льва Первого и станет легче жить и любить...

Аттила. Только любить! Мне нужна настоящая и большая Любовь, как мое огромное и всемогущее сердце. Иначе мне трудно будет дальше побеждать, о, моя возлюбленная принцесса Гонория! Я получил у евнуха Гиацинта твое письмо и заветное кольцо. Я безмерно благодарен тебе, моя Гонория, неписаная красавица моя!

Гонория. Ты, повелитель гуннов, прилетел на своем крылатом коне вовремя.

Аттила (сурово). Меня обычно называют государем.

Гонория (ласково). О, мой государь и властитель моего сердца, печальна моя судьба. Брат мой император Валентиниан погряз в распутстве. А мать Галла Плацидия всячески потворствует этому, чтобы вместе с папой Львом свободно управлять римской империей. А меня моя мать держит в заточении, чтобы я свою девственность посвятила господе Иисусу Христу.

Аттила. Знаю. Я все знаю. Поэтому по твоему зову мигом прилетел по небу на своем крылатом и могучем тулпаре Алтынжал.

Гонория. Ты, мой спаситель Аттила, и мой единственный возлюбленный!

Аттила. Я мечтал услышать такие золотые слова! У меня есть все, кроме твоей головокружительной любви. У меня есть двести жен, сто с лишним сыновей, дочерям и счета не веду. Но впервые я испытал такое сладкое, умопрочительное чувство любви!... Но много на моей душе и грехов...

Гонория (тянет за руку Аттилу). Пойдем на исповедь. Пойдем к папе Льву Первому. Он облегчит твою душу и сердце, которое, непременно, очистится. Он совершит наше обручение. Где мое кольцо?

Аттила (показывает свой палец). Вот оно, твое кольцо. Она всегда со мной. Пусть это кольцо станет по – праву обручальным.

Гонория. Пойдем на исповедь и обручение!

Аттила. Пойдем! Я готов обручиться с принцессой Гонорией любимой и получить половину Италии в приданое...

Аттила и Гонория, обнявшись, уходят. Музыка. Легкий кисейный занавес поднимается и в ярком блеске предстают грандиозные дворцы Константинополя.

На паланкине рабы несут императора Феодосия. Следом выходят патриции Максимин и Вигилий. Паланкин поставлен на возвышении в глубине сцены. На нем Феодосий восседает как на императорском троне.

Феодосий. Некогда могущественная Римская империя не в силах противостоять натиску полудиких гуннов. Не смотря на унижение и позор, мы стали их данниками. Ежегодно мы должны платить им две тысячи фунтов золота. Чем это объяснить?

Максимин. Здесь прежде всего надо строить гибкую политику. Необходимо всячески укреплять войско, снабдить его дальнобойным оружием. В его стан надо направлять разумных посланников, чтобы усилить гибкую дипломатию.

Вигилий (Максиминому). В элитных кругах да и в народе ты известен как честный и справедливый патриций. Тебе и положено развивать теорию и дать расклад сношений с воинственными гуннами.

Феодосий. В этом смысле Вигилий прав. Я собираюсь снарядить и отправить в лагерь Аттилы своих послов. Сенатор Максимин, за короткое время ты должен изложить на папирусе свои драгоценные мысли по гуннской политике.

Вигилий. О великий император, ты принял единственно верное решение. Идеи патриция Максимиана вполне достойны твоего высокочтимого внимания и для руководства нам в действии.

Император Феодосий настороженно оглядывает обоих сенаторов, смекнув при этом некую свою решительную мысль.

Феодосий. Иди, пречестный сенатор Максимин, и садись за чистоплотный папирус.

Максимин, отклонявшись, уходит.

Я оставил тебя, Вигилий, одного специально. Мы с тобой должны найти надежный и кратчайший путь к нашему скорейшему освобождению от Аттилы.

Вигилий. Я понимаю тебя, светлейший император. По моему разумению, патриция Максимин рассуждает правильно. Но это долгий и труднодоступный путь. Известно, что Аттила – варвар и предводитель варваров. Ему известны Историк и Поэт. Он не знает ничего о Фукидиде и Гомере. Его надо устранить его же методом соответственно.

Феодосий. Надо убить Аттилу! Но кто с этим справиться? Кому это можно поручить? Найди такого раба божьего. Я готов осыпать его золотом с ног до головы. Аттилу охраняет какое-то неземное создание, от него отлетают стрелы и дротики, как от заговоренного идола. Он обладает несметной силой. За известный промежуток времени он завоевал такую огромную территорию, столько стран и государств, покорил столько народов и племен, что намного превышает завоевания Александра Македонского и Юлия Цезаря.

Вигилий. Тебя я полностью поддерживаю, великий государь. Не зря Аттилу прозвали «Бичом Божиим». Его слава безгранична и непомерна. Иные племена и даже целые народы перед его авторитетом и славой благовейно склоняют оружие и сдаются без боя на милость победителя. На сегодня Аттиле стали подвластны двенадцать корон и тридцать государств. Надо убить Аттилу! Я полностью согласен с твоей блестящей идеей, великий император.

Феодосий. Я назначаю тебя, патриций Вигилий, посланником в лагерь Аттилы. С тобой должен быть надежный исполнитель. У тебя есть надежный кандидат для верного исполнения этой рискованной и благородной миссии?

Вигилий. Да, есть такой кандидат, высокородный император.

Феодосий. Кто он?! Отвечай поскорее!

Вигилий. Это – посланник Аттилы в нашей священной стране, великий государь. Звать его Эдикон, скиф по происхождению. С твоего позволения мы осыпим его золотом. Подарим дом, покрытый черепицей. Вводить будем в круг элиты Византиона.

Феодосий. Я возведу его в сан патриция. Скиф Эдикон внушает доверие. Склони его на нашу сторону. Еще раз проверь его и скрепи наш с ним уговор клятвой.

Вигилий. Слушаюсь и повинуюсь, великий император Феодосий Второй!

Входит евнух Хризафиос.

Хризафиос (с поклоном). Позволь присутствовать, превеликий император.

Феодосий. Входи, Хризафиос. Как раз ты нам нужен. Я посылаю за тобой гонца.

Хризафиос. Я весь к вашим услугам, дражайший император.

Феодосий. Прошло свыше ста лет, как мой предок Константин Первый переименовал столицу Восточно – римской империи Византии в славный Константинополь. А что мы с вами добавили к этой исторической славе Константинополя?

Хризафиос. С тех пор, великий государь, как в 330-ом году Константин Первый Великий Флавий Валерий переименовал Византию на Константинополь практически ничего. Все это время над Римской империей довлела власть гуннов под предводительством Мундзука, отца Аттилы, потом Ругиласа – дяди Аттилы, а теперь властвует над священародными римлянами сам Аттила.

Феодосий. Настало время покончить с ним раз и навсегда. Покончить раз и навсегда с гуннским давлением. Еще Ругилас установил Риму дань в 350 фунтов золота. Сколько можно платить? Какой позор! Эта дань возросла уже до двух тысяч фунтов.

Хризафиос. Мы с патрицием Вигилием обговорили данный вопрос. Надо убить Аттилу!

Феодосий. Вот именно. У нас тоже был разговор на эту тему с Вигилием. Только сугубо конфиденциальный... Об этом должны знать только мы трое и скиф Эдикон, посланник Аттилы и его убийца...

Вигилий. Только мы четверо... Иначе мы провалим нашу операцию. Даже патриций Максимин и ритор Приск не должны ничего об этом знать...

Феодосий. Золото и расходов не жалейте! Да поможет нам Иисус Христос! (крестится). Действуйте... (Хлопайте в ладоши. Носильщики уносят императора на салазках).

Хризафиос. Все решено. Назад хода нет! Надо как-то уговор с Эдиком скрепить печатью.

Вигилий. По-моему ты, сиятельный царедворец Хризафиос, прав. Документ необходим. На этот час я пригласил скифа Эдикона, к царской веранде. Да вот он уже идет. Но только не один. С ним, кажется, царица Василисса.

Хризафиос. Ох, уж эти женщины! Особенно высокопоставленные персоны. Так и липнут к иностранцам. Так и привязываются к мужчинам другого рода – племени. Или в них есть непреодолимая тяга к разнообразию? Не знаю. Не понимаю.

Вигилий. Мы и этот фактор можем использовать для пользы нашему делу.

Входят Едиге и Василисса.

Добро пожаловать к нашей обители!

Василисса. Фу, опять этот свнух Хризафиос. как я ненавижу свнухов! (Останаваивая Едиге за руку). Господин Эдикон, скажи мне об Аттиле. Как он выглядит? О нем распространяются невероятные слухи, особенно среди женщин.

Хризафиос. (Вигилию). Как некстати прикатила сюда эта бочка, эта высокая особа Василисса.

Вигилий. По-моему, она толкует скифу что-то о нас, рассказывает что-то смешное про нас с тобой.

Едиге. (Василиссе). Мы неудобно остановились на полдороге. Надо бы подойти к этим вельможам.

Василисса. Успеем. Пусть немного подождут. Разве я не царица в этом столь пышном императорском дворце? Прошу тебя, расскажи об Аттиле!

Едиге (Оглядываясь). Это царь царей, владыка среди владык. В трудные моменты боя сам лично вступает в сражение. Его не берут ни стрелы, ни дротики, ни клинки сабель. Вот такой он герой, полководец и великан!..

Василисса (удивленно). Аттила огромного роста?

Едиге. По духу – да. А так – обыкновенный человек, только глаза очень выразительные.

Василисса. А я слышала, что он – коротышка. Но это ничего. Говорят, маленькое дерево растет в корень. А за что его любят женщины?

Едиге. Наверно за славу и за крутой нрав.

Василисса. Боже мой! Еще, наверно, за сильную волю. Если она ощущается у нас за Понтом Эвксинским, распространяется даже за этим Черным морем.

Хризафиос. Когда отпустит Эдикона эта порфирная дама?

Вигилий. Она, по всей вероятности, расспрашивает про Аттилу. Одна гуннская поговорка гласит: «Только баран сохраняет спокойствие от ожирения».

Едиге (Василиссе). Высокопоставленный вельможа Хризафиос беспокоится.

Василисса (пренебрежительно). Этот грек с огромным носом в молодости постоянно смущал безвинных дев во дворце. Но его вовремя оскопили. И он с той же одержимостью ударился в политику и дипломатию. И все-таки достиг желаемого. Хризафиос смог войти в полное доверие императору. А ты мне толком ничего не рассказал. Почему благородные девицы за тридцать земель, не взирая на любые трудности и опасности, пробираются к Аттиле и падают перед ним ниц, чтоб только иметь от него потомка? Иди, посланник Эдикон, к своим собеседникам. А я еще встречу тебя там, на кипарисовой аллее. *(Уходит).*

Едиге. Слава богине Изиде! *(Подходит к ожидающим его патрициям).* Уж вы меня извините! Никак не смог освободиться от императрицы, от ее настойчивых вопросов...

Хризафиос. Мы этому сами свидетели. Нрав императорской особы нам известен. Приступим сразу к делу...

Вигилий. Не будем терять времени. Возьмем сразу быка за рога.

Хризафиос. У Вигилия с тобой, князь Эдикон, был предварительный разговор. С императором Феодосием Вторым все досконально обговорено. Ты имеешь постоянный доступ к Аттиле... Это для дела особенно важно...

Вигилий. Надо покончить с этим чудовищем! Его власти, самомнения и капризам уже нет предела. А у нас иссякло терпение.

Едиге (задумавшись). Вам, уважаемые патриции, должно быть известно, что я в этом случае рискую жизнью не только своей, но и своих родственников и близких друзей.

Хризафиос. Бесспорно, известно. Да и награда и плата будут соответственно. Пятьдесят фунтов золота будет выдана сразу. По прибытию в Византию получишь сан патриция, большой дом с крышей под золотой черепицей и двадцать тысяч солидов ежегодно. *(Из-за пазухи вынимает мешочек).* Вот здесь ровно пятьдесят фунтов золота. Остальное золото получишь по исполнению этого благородного акта...

Едиге (берет мешочек в руки и читает надпись). «Собственность Хризофиоса». *(Осмотрительно).* Это дело слишком рискованное. Поэтому мне не резон хранить при себе сей кошелек. Пусть он пока будет у Вигилия...

Хризафиос. Самый надежный хранитель. Получишь сразу же в пути после убийства Аттилы. Это будет великий подвиг! К вашей делегации присоединим ритора Приска. Историк и писатель Приск. Твой подвиг, воинственный Эдикон, он изложит на белом папирусе, и ты навеки останешься в истории...

Вигилий. Ритор Приск подолгу жил среди гуннов, изучил гуннский язык и описал их быт, традиции и обычаи. С ним это поездка обговорена. Он согласен...

Хризафиос. только надо строго хранить нашу тайну до полного исполнения. Даже от ритора Приска... Вот и он сам явился, Приск Паннийский...

Входит Приск со свитком папируса.

Вигилий. Принск Паннийский будет летописцем нашей энциклопедии, а мы с ним оба – переводчиками.

Приск (поздоровавшись). Перед нашей гуннской экспедицией я должен снабдить вас некоторыми историческими сведениями.

Едиге. Приск – наш давний знакомый и уважаемый гость. Он бывал у нас еще при покойном вожде Ругиласе, которого разные народы на своих языках называли по-разному: Роа, Руас, Руа. Однако пора мне готовиться в дорогу. А ты, царский щитonosец Хризафиос, позаботься о договоре за подписью императора Феодосия и государственного канцлера Марциала. В делегации обязательно должен быть сенатор Максимин...

Едиге уходит.

Хризафиос. Я иду на прием к императору...

Приск (развернув папирус). Послушайте, патриции. Это вам следует знать. *(Читает).* «433 год. Над гуннами царствовал Руа. Он решил вести войну против амилзуров, итимаров, тоносуров, войсков и других народов. переселившихся на Истре и прибегавших к союзу с римлянами.

... Когда Руа умер, ... царство гуннское перешло к Аттиле»... Начал я это писать около двадцать лет тому назад. Река Истра сейчас называется Дунаем. Руа – это гуннский царь Ругилас. Много воды с тех пор утекло. Надо писать продолжение этой истории, необходимы новые материалы...

Вигилий. В дороге расскажешь, Приск Паннийский.

Хризафиос. Ритор Приск прекрасно знает местность Паннонии, гуннские обычаи и дороги к Хунгварту. Да поможет вам Иисус Христос! Мне надо идти к императору. *(Уходит).*

Приск. Важная персона – этот придворный евнух, афинский выродец. Но его имя останется в истории, благодаря Аттиле.

Вигилий. На Востоке существует такое название, как отрезать длинные языки.

Приск. Мне это известно. Там нередко сжигают и на костре за свободомыслие, особенно поэтов и философов.

Вигилий. Так что дискуссии тебе не на пользу.

Приск. Ты, Вигилий, ученый муж. Тебе известны сочинения Гомера и Аристотеля, Геродота и Аристофана. Но почему ученые предводители не могут победить благоразумного номада Аттилу?

Вигилий. Вот тебе и даны, ритор Приск Паннийский, перо и папирус. Тебе и решать эту проблему.

Приск. Да, сложная и трудная диллема...

Акт второй

Паннония. Лагерь Аттилы. Хунгварт – новая гуннская столица. Вокруг каменные и деревянные постройки с претензиями на римскую архитектуру. Посредине – дворец гуннского властителя.

Восточный купец в пестром халате бойко торгует драгоценными украшениями, разным лакомством. С права расположились западно – римские и византийские посланники. Слева находятся гуннские и готские князья военачальники, простолоудины и слуги.

Римские посланники префект Примут и комес Ромул особенно недовольны и возбуждены.

В глубине сцены видна надпись по – латинский: «Enceinte Celtique dite du Camp d Attila» - указатель в лагерь Аттилы.

Ромул (нетерпеливо). Надоела мне это суета, префект Примут. Не хватает терпения...

Примут. В дипломатии терпения и спокойствия – неотъемлемые атрибуты правильного решения дела.

Ромул. А если подвергаешься унижению и позору. Всему бывает предел.

Примут. Всякое непредвиденное обстоятельство имеет свои положительные зерна. Надо выискивать их. Пока собирайся с мыслями, комес. Вот так, граф!

Ромул. Так могут перепутаться и перемешаться многочисленные глубокие и ценные мысли.

Примут. Возможно, этого и добивается гуннский царь Аттила. Он непростой гомосапиенс. С ним предстоит очень трудный и сложный разговор. Обычно он задает неожиданные и каверзные вопросы. Собирайся мыслями и готовься к самым вероломным оборотам речи.

Входят Максимин, Приск, Едиге и Вигилий.

Едиге (внезапно). Ойхой, здесь присутствуют и западно – римские посланники!

Максимин (удивляясь). О, сюда, оказывается, прибыл префект Норикума, патрисиин Примут!

Ромул. Как же ему не быть здесь, если в лагере Аттилы оказался сам достойнейший сенатор Магнус Аврелий Максимин.

Примут. Однако самое нелегкое дело, когда в доме у будущей гавани на письменном столе оставил свои чистые папирусы ритор и писатель Приск.

Приск. Мои рукописи ожидают новых сведений и дополнительных материалов, поэтому я оставил их в Константинополе. Приветствуем вас, достопочтенные римляне! (Западные и восточные римляне по – дружески здороваются. Раздаются голоса: «Аттила идет. Едет с охоты Аттила. Государь наш возвращается с охоты». Едиге отходит от римских посланников для встречи Аттилы и его свиты).

Максимин. Предполагаю, что западно – римский император Валентиниан Третий Флавий Платид неспроста командировал в гуннскую Паннонию префекта Норикума Примута и графа Ромула...

Примут. А первый сенатор Максимин намерен по наставлению восточно – римского императора Феодосия Второго отвлечь внимания владыки гуннов Аттилы от Византии и направить на роскошные города Италии – Рим, Равенну, Аквилею, Медиолону и Барлетто.

Максимин. С подобным заданием только в противоположном смысле прибыла и ваша делегация, префект Примут. Я в этом уверен.

Ромул. Это – давняя тактика Аттилы. Наши императоры как бы оказываются на поводу у гуннского властителя.

Приск. Все это подтверждает мои доводы относительно гуннской политики, изложенной мной на папирусе.

Музыка. Звучит труба. Входит Аттила в охотничьем наряде. В руках у него меч и лук. Гунны и готы приветствуют его возгласами: «Да здравствует Аттила! Великий наш отец Аттила! Владыка над всеми Аттила!». К гуннскому правителю подходит Едиге и почтительно здоровается.

Аттила (Едиге). С благополучным прибытием, мой славный брат и бесстрашный дипломат Едиге.

Едиге. Весь к твоим услугам, мой дорогой брат, господин целого мира Аттила!

Аттила. Я жду тебя, батыр Едиге, у себя в тронном зале. Только приведу себя в порядок после такой замечательной охоты.

Едиге. Прибуду неукоснительно, дорогой мой Аттила! У меня есть о чем рассказать тебе с глаза на глаз. У меня горят объятия от огромной охапки горячих и пламенных приветов императора Феодосия и многочисленных сенаторов, консулов, цезарей и вельмож...

Аттила. Да будет так! Приходи ко мне на обед без приближенных, свиты и слуг... Доставь мне, Едиге-ага такую честь и великое удовольствие.

Едиге. Будет исполнено, великий государь! *(Вежливо и незаметно отходит, уступая дорогу вождю гуннов).*

Аттила (восторженно). С великим удовольствием я осознаю, что Паннония нам, степнякам и кочевникам, вполне заменила наши родные края, распростертые между двумя морями Каспийским и Аральским. Здесь есть необъятные степи, и высокие горы, и густые леса. Охота состоялась на редкость удачно. *(Показывает рукой назад).* Вон сколько дичи и разной добычи привезли мы с этой охоты. Захватили и привезли даже живого тура.

Подбегает молодая женщина и подкладывает к ногам Аттилы завернутого новорожденного ребенка. Вождь гуннов обменялся взглядом с этой женщиной и великодушно перешагнул через ребенка. За ним идет, осторожно перешагивая через ребенка, его свита.

Максимин (Приску). Что это за новый ритуал?

Приск. Это очередная жена царя Дакнии в отсутствии повелителя родила ему еще одного сына, которого он, как видим, признал...

Едиге. Ты правильно сказал, патриций Максимин. Великий Аттила и это свое правило сделал ритуалом или обычаем. Мать этого ребенка – молодая и прекрасная гречанка родила владыке еще одного сына. Если светлейший отец не признал бы ребенка своим отпрыском, он наступил бы на него. А за ним вся свита бы прошла по непризнанной малютке. К счастью, этого не случилось...

Король германского племени гепидов Ардарих становится на колени перед Аттилой, как бы заменяя ему трон. Довольный этим жестом вассилевса Аттила поднимает его с колен, с признательностью похлопывая по спине.

Аттила. Да будет тебе, полно, король гепидов Ардарих. Сегодня была твоя очередь среди германских королей подставить мне спину, чтобы я соскочил с моего коня. Ты уже исполнил этот свой долг. Пока достаточно. Ты мне теперь нужен как советник по истории Римской империи...

Ардарих. История эта мрачна и жестока. Благо, что твой дядя Ругилас, вождь гуннов Руа, в 430 году ограничился договором с Римом, по которому империя должна была платить дань в 350 фунтов золота. А вот двадцатью годами ранее, в 410 году, объединенные войска готского короля Аралиха беспощадно уничтожали римскую знать. Многие аристократы были убиты, захвачены в плен и стали рабами. Только самые выносливые, молодые и смелые успели сбежать и укрыться в Северной Африке и Азии. А сколько знатных людей, побросав свое имущество и богатство, скрылись на островах и провинциях Восточно – римской империи и вынуждены были там бродить с протянутой рукой и просить подаяние. Упаси нас Бог от такой участи и судьбы!...

Аттила. Одной жестокостью в военном деле не обойтись. Хотя в большинстве случаев она стоит на первом месте и решает окончательный исход великого замысла...

Ардарих. Нет цены нашему взаимопониманию, великий государь, владыка половины мира. *(Указывая на Бауэра).* Это мой родной племянник. От рождения господь наградил его музыкальным даром и талантом песнопения. Возьми свою арфу, племянник. Спой свою песню об Аттиле, который хорошо знает германский язык.

Аттила. Барекелди! Вот это подарок! Можешь петь, юный сказитель, на готском языке. Мы, номады, привержены к стихам и песням с детства.

Бауэр (настроив арфу, начинает петь).

Остановись, великий царь Аттила,
Послушай песнь остготского певца.
Была у готов доблестная сила,
Низвергнувшая римлян до конца.
Но племена гепидов, ругов, скиров,
Бургундов, квадов и других мастей.
Грозя друг другу луком и секирой,
Предстали уже загнанных зверей.
А тут еще религия и ересь
Которую придумал нам Арий.

Коль у народа нет единой веры,
То тля разест державу изнутри.
Пускай в меня вселится дух Орфея:
Ведомы мы вселенскою рукой.
Враги бегут, пред возгласом робея,
Когда мы смело мчимся за тобой.
И наше богатство укрепились клятвой
Со Скифией и множеством племен.
Судьбе угодно было, вероятно,
Чтоб за Аттилой был единый трон.

Вокруг поднимаются шум и гвалт. Раздаются возгласы: «Молодец, Бауэр! Вот это – настоящая песня! Ай-да, певец Бауэр! Спасибо тебе, готский сказитель – певец и поэт!».

Аттила восторженно поднимает правую руку. Постепенно устанавливается тишина.

Аттила. Публика эту песню восприняла правильно. Молодой остготский сказитель в своем блеске ничуть не уступает Пиндару и любому степному акыну – импровизатору. *(Махнув рукой).* Принесите подарок Пиндару, этому вдохновенному певцу Бауэру!

Слуга в роскошном халате и меховой круглой шапке – борик принес большую шкатулку с драгоценными камнями. Аттила открыл крышку шкатулки.

Бауэр. О, повелитель гуннов и готов, я столько драгоценностей не видел никогда в жизни!

Аттила. Берн столько, сколько сумеет захватить твоя горсть. Ты, певец Бауэр, заслужил такую награду. Ты в своей песни, кроме меня, назвал еще две имени – Орфей и Арий. Они мне известны. Орфей мне импонирует тем, что по легенде его песни приводили движение деревья и скалы и делали послушными диких зверей. Повелитель мира должен быть таким же всемогущим покорителем стран и народов, как Орфей, неотвратимо воздействуя на все сущее.

Арий – это пресвитер и епископ из Александрии, который придумал и крепко обосновал христианскую ересь, известную под названием арианство. Это имя тоже имеет право на существование в подлунном мире, причем его учение нам ближе, ибо главенствует у нашего ближнего соседа и богатого данника Византии.

А еще ты, свободомыслящий и справедливый гусяр и арфист, назвал вот эту мою скифскую руку «вселенской рукой». И в этом ты непомерно и абсолютно прав. Она, моя рука, все еще сильна, и в прямом и в переносном смысле. *(Обращаясь к свите).* Приведите того живого и непокорного тура, которого скрутили вы на охоте. Князь Есендаул, распорядись, чтобы гуннские войны и охотники – слуги привели немедленно сюда неукротимого дакского тура.

Есендаул. Мой великий государь, будет немедленно исполнено твое повеление!

Есендаул с несколькими слугами уходит. Входит князь Шиншил с победным венком на голове и бросается к ногам Аттилы.

Шиншил. Возвещаю тебя, о великий государь, о нашей славной новой победе!

Раздались восторженные крики гуннов. Посланники настороженно переглянулись. Готы обменялись испуганными взглядами.

Аттила (одобрительно). Я без слов уразумел, мой юный князь Шиншил, что ты принес радостную весть о победе. Твоя зеленая и золотая ветвь на голове без слов возвестила нам о победе и гибели наших врагов.

Снова раздались приветственные возгласы гуннов.

Шиншил. Совершенно верно! Отныне не существует на германской земле племени лугионов. Мы их уничтожили поголовно.

Аттила. Что ты говоришь? Они отказывались платить просроченную дань! Они спрятались за непроходимыми топями. Как вы одолели болото? *(Поднял руку в знак начала донесения).* Рассказывай по порядку.

Шиншил. О великий государь, ты поручил мне почетную миссию — привести в чувство и сознание непокорное племя лугионов, но оно оказалось хуже болота, невменяемым и непробиваемым. Поскольку я, князь Шиншил, не мог вернуться назад, не исполнив твоего высочайшего распоряжение, вынужден был пойти на крайнюю меру. Мы собрали вместе около двух тысяч антов и славян, перебили их. Трупы сложили ничком попарно по самым узким переходам. Вот так проложили путь нашим всадникам.

Аттила. Но как наши лошади пошли по неостывшим трупам?

Шиншил. Если Аттила, сын победы, дал нам полное право действовать самостоятельно, согласуясь с обстановкой, то как мы могли оказаться на поводу конских нравов? Твой дух и разум всегда сопутствуют нам, требуя только победы... И здесь нас осенила посыпать неостывшие еще трупы овсом., чтобы обильный и притягательный корм манил наших коней...

Аттила. Ай-да, молодец, юный князь Шиншил. У тебя башка не простая, а как у греческого философа.

Шиншил. Голова греческого философа по сообразительности не идет дальше его собственных изречений и книг. А нам необходима была доблестная воинская находчивость. И вот так мы и смогли всем отрядом до единого всадника перебраться а стан лугионов через непроходимое болото.

Максимин. Надо же! Гунны стерли с лица земли целое германское племя лугионов... Это неслыханно! Такое могут совершить только вандалы или дьяволы. Не зря тебя, Аттилы, называют Бичом Божиим.

Аттила. Непокорность — вот что двигает этим Бичом. Непокорность может довести меня до того, что исчезнет с мира сего не только племя лугионов, но и весь народ германский. Наоборот, покорность, верность и содействие помогут вам обрести статус свободы, полноправия и братства. Король скиров Ардарих — яркий пример тому...

Приск. Пока жив Аттила, всем готам, остготам и вестготам, и всем римлянам, восточным и западным, нечего помышлять о каком — то своеволии и независимости.

Бауэр (зло). Почему наш всевышний правитель и сущий бог Вотан отвернулся от германцев?

Ардарих. Всему свое время. Молчи, мой племянник и певец Бауэр. Всему свое время! Ты правильно поступил, что вовремя воспел деяние всеильного

Аттилы. Сейчас и отныне существует его эпоха, до пора – до времени. Бауэр, ты молодец! Сдерживай и впредь свой пыл!..

Бауэр. Если поддержит и поможет Вотан.

Примут. Теперь начинаю понимать, почему император Феодосий из Константинополя рьяно поддерживает арианство – эту неблагоприятную ересь в христианстве. Он хочет окончательно расколоть Римскую империю на западную и восточную и направить Аттилу в священный Рим...

Ромул. Да и сам владыка Аттила не зря затеял разговор о нашей беспутной принцессе Гонорин.

Аттила (Как бы угадав мысль западных римлян). О моей возлюбленной, драгоценной красавице, принцессе Юсте Грате Гонорин, заточенной в неприступную обитель ее братом, римским императором Валентинианом, особый, разговор... Гонория тайно прислала свой портрет и обручальное кольцо, предлагая мне руку и сердце...

Ромул (тихо). Подлая римлянка! Ради своей прихоти и личного благополучия она предает не только своего брата, императора Валентиниана Третьего Флавия Платидия и родную мать Галлу Платидию, но и божественный Рим и всю Италию.

Примут. К тому же у Аттилы бесчисленное множество жен, что не вмещается даже в рамки варварского обычая, чего не было не только со всей Скифии, но и в мире.

Аттила. Сладострастная красавица Гонория сама предлагает мне жениться на ней. А я хочу иметь ее хоть в браке, хоть вне брака... И это самое главное. Мне, например, толстой императрицы Василисы не надо. И я требую, чтобы к моим двумстам женам прибавилась еще одна, моя Гонория... Однако я требую в приданое всю страну по Дунаю. Это в длину территория от Пиония до фракийской Новы, в ширину- пространство земли на пять дней езды верхом на лошади.

Приск. Ему и так подвластны земли и народы от Византии до Фулы, от Персии до германского Рейна.

Максимиин. Он покорил и противопоставил Византии персов, мидян, парфян и другие восточные народы.

Примут. Как горный поток, из плоских и ровных степей хлынули гунны и принудили к абсолютному повиновению тридцать стран.

Приск. Аттила низложил и подчинил себе двенадцать корон. За такое короткое время даже Александр Македонский и Юлий Цезарь не добивались подобных результатов...

Едиге. Аттила – посланник Бога на земле, по воле которого он совершает свои исторические деяния. Не зря Аттилу называют «Бичом Божьим» и сыном победы...

Входят Эллак и Одоакр.

Эллак (падая к ногам Аттилы). Отец родной, я никак не мог тебе высказать свое признание.

Аттила. Говори, пока я в добром и благостном настроении.

Эллак. Мне нужно твое благословение. Моя высокородная мать была по происхождению германского племени, из рода амалунгов. Она приучила меня поклоняться Фригге – этой белокурой богине наслаждения. Мой дорогой отец, я безумно влюблен в прекрасную Ильдику, в сестру бургундского короля.

Аттила. Сведуш я в судьбе этой белокурой Ильдики. Она еще прибудет вместе с отцом, братом и своим возлюбленным в мой стан, ко мне на благословение. Тебя опередил некий германец – скир. Но я подумал о другом. Покойный фесалийский шаман наколодовал мне наследника с великим будущим от лучезарной белокурой германки. Когда ему люди распоролы живот и вытащили печень, то там именно оказались белые пятна. Это знак истинного колдуна, предсказателя и мага. Ты еще молод и найдешь свое счастье. Не торопись, сын Эллак, повредивший правую кисть при защите меня, отца своего...

Эллак. Но я, дорогой отец...

Аттила резко взмахнул рукой, показывая, что разговор окончен, и пошел дальше.

Едиге. Одоакр, сын мой, подойди сюда.

(К отцу, стоящему с группой посланников, с почтением подходит Одоакр и здоровается). Хочу, чтобы мой сын Одоакр познакомился с высокопоставленными и знатными посланниками из Италии и Византии.

Одоакр. Пусть рукопожатие столь важных людей передаст в мою плоть их опыт жизни, силу духа и мудрость.

Едиге. Его мать – добропорядочная и высококультурная германка. *(Указывая на посланников).* А это – премудрые итальянцы и глубокомысленные греки, посланники Италии и Византии префект Примут, комес Ромул, патриций Максимин и ритор Приск, который собирает материалы и пишет для потомков историю гуннов и об их предводителях Аттиле.

Одоакр. Премного рад, что удостоен такой чести познакомиться со знатными людьми двух римских империй.

Едиге. У германцев есть такая поговорка: «Женщина сделана из ольхи, а мужчина – из ясени».

Ромул. Известно, что Аттила с особым интересом книги по математике, медицине и астрономии, чтоб познавало их молодое поколение. Но по биологии, наверно, у гуннов познания не очень велики. Разве только по таким поговоркам и пословицам черпают знания о флоре и фауне?

Приск. Гунны успешно пользуются растительными трезами при лечении разных болезней и боевых ран. Им не только германские леса известны, но и богатая юго-восточная природа. Поэтому они знают, что здесь, кроме ольхи и ясени, растут дубы, буки, вербы, тополя и другие деревья.

Одоакр. Ольха – красивое и любимое дерево германцев, как береза – у славян. А ясень славится крепкой и упругой древесиной.

Едиге. Мы обучаем наших детей, будущих воинов, особенно астрономии. Знание звездного неба помогает ночью находить стороны света и при случае ускорять военные действия. А как иначе? Как видите, мой сын

Одоакр разбирается и в биологии. Я возлагаю на него большие надежды. У него острый и хваткий ум. Только бы не сглазить. Тьфу, тьфу, тьфу... Мне даже приснилось, будто он стал очередным римским императором.

Одоакр. Зачем мне это, отец? Мне хотя бы достичь вершины твоей славы как знаменитого полководца, которого знают и почитают народы и страны от Тибра до Босфора...

Едиге. Как отец я верю, что мой сын Одоакр оправдает мои надежды и мечты. Потому что он унаследовал сметливый ум и ясную прозорливость гуннов и редкую выносливость своих родственников по матери, своих нагаши – этих германских верзил ростом в шесть фунтов...

Ромул. (*Читает молитву.*) «Помогите нам и всему христианскому миру, о Божественная Мать и непорочно зачатый Сын, возвеличенный терниями вокруг головы, иссопом и крестом, на котором распластал руки свои, гордость и похвальба наша»...

Входят Денгизик, Ернак и Картилион.

Аттила (*Увидев юношей, радостно.*) Вот пришли еще два моих сына. Мать Денгизика была из древнейших ветвей гуннских ханов. А пока сам Денгизик – лучший наездник и лучший стрелок из лука, который без промаха попадает в летящую ласточку. Такого меткого стрелка нет во всей Паннонии...

Приск. У Аттилы была восемьдесят два сына. Сегодня к ним прибавились еще два новорожденных. А его дочерям никто и счету не знает. Да и сам властитель не ведет им счета, пренебрегает ими.

Аттила. А это мой любимец Ернак, красавчик младшенький. Его прекрасная мать, славянская княжна Любаша, не увидев еще меня, только из-за моей славы полюбила издалека и безоглядно. Но к несчастью, не довелось ей прижать своего ребенка к белоснежной груди и ласково покрыть его прекрасными каштановыми волосами. Славной была дочь славянского князя... Значит, такова ее судьба.

Едиге. Княжна Любовь умерла сразу же после родов. Младенца Ернака выходили наши добрые и ласковые гуннки. Об этой любви славянской королевны Любы и великого царя Аттилы в нашем народе бытуют легенды до сих пор. Месяцами эта девушка пробиралась из далекого восточного княжества до Аттилы, чтобы только иметь от него сына... многие ее слова стали афоризмами и поговорками, как, например: «... Поцелуй меня, а если не хочешь, то убей».

Приск. Ты расскажи, Эдикон, потом мне подробнее. Я запишу это любовное сказание, чтобы оставить для потомков.

Едиге. В этом смысле всегда готов услужить признанному ритору, историку и писателю Приску Паннийскому.

Аттила. (*Картилион*). Подойди ко мне поближе, сын моего сверстника, «последнего великого римлянина», как говорят наши современники, полководца Аэция (*Картилион подходит и кланяться*).

Максимин. Каким это образом сын знаменитого римлянина и прославленного полководца Аэция оказался в становище Аттилы?

Едиге. В священном лагере гуннов вместе с великим Аттилой при его дяде великом Ругиласе с детства воспитывался сам Аэций.

Рамуга. Но мать Аэция - знатная и богатая римлянка. Как она могла на это согласиться?

Приск. По изложенным на папирусе сведениям отец Аэция по имени Гауденций был родом из Скифии.

Выходит шум Естимес, удивленно озираясь по сторонам.

На плодородных берегах Тизии Ругилас основал свою ставку и открыл школу для обучения и воспитания детей. Сюда Гауденций и определил на суровое гуннское воспитание своего мальчика Аэция. Здесь и рос он, обучаясь гуннскому военному делу, наравне с Аттилой и его братом Бледой.

Естимес (улыбаясь имя Бледы). Правильно сделал Аттила! Правильно сделал великий Аттилы! Он вовремя убрал со своего пути Бледу, этого бескрылого холзана Бледу. Он убил беркута, который отказывался от полетов... Прости, бог Тенгри, братоубийцу, потому что он не мог иначе поступить. Тогда бы он не смог стать Бичом Божьим и покорителем вселенной...

Едиге. Всесильный владыка позволяет упоминать имя своего покойного брата только этому кривляющемуся шуту...

Аттила. Научился ли, Карпиллон, свободно читать и писать по-греческий и латыни?

Карпиллон. Слава богу, с твоей благосклонной помощью, дядя Аттила, я воспринял все уроки почтенного философа из Александрии. Я также воспринимаю военные премудрости гуннского боя.

Аттила (подозрительно). Я бы мог тебя, Карпиллон, сделать заложником или продать в рабство. Но я ненавижу рабовладельческий строй. Мне всегда по душе и сердцу воинский строй и боевые походы. И не только...

В глубине сцены высвечивается голубое озеро с экзотическими деревьями по берегам, где резвятся и отдыхают две обнаженные гетеры.

Посмотри, Карпиллон, это красуются и плавают в прохладных водах озера первые гуннские гетеры. Ты имеешь право с ними купаться. Мне известно, что даже великий Александр Македонский был влюблен в гетеру Таис Афинскую.

Приск. Гуннский властитель вспомнил мою дорогую Грецию. Да, действительно еще до рождества Христа моя родная Греция славилась свободными женщинами с образованием, артистическими способностями и редкой красотой, которых называли гетерами

Есендаул, другие военачальники и слуги вводят на сцену разъяренного тура. Шинцилл несет на руках Марсов меч.

Едил. Наш великий повелитель Аттила прожил в подлунном мире больше полувека, но силу духа и разума, мощь рук и мускулов сохранил по-прежнему и даже приумножил.

Шиншил (протяжная Аттиле меч) Вот тебе, великий государь, Марсов меч, который как святыня хранится рядом с каменным идолом бога войны Пуру.

Аттила. Нет, юный князь Шиншил, пусть будет по честному и напоказ, что силы мои и моего боевого меча неисчерпаемы. *(Выхватывает свой меч с размахом одним ударом отсекает голову туру)*

Ардарих. Быть тебе, о славной Аттиле, правителем вселенной! Я сам видел как от твоего плаща отскакивают стрелы и дротики и как ты крушил неприятелей, отсекая им головы направо и налево...

Есендаул. Почему молчит Турасал? Где наш жырау и певец? Воспой, Турасал, великие деяния нашего кагана и батыра. *(Возбужденный шум и восторженные крики и возгласы в честь Аттилы. На середину выскакивает с домброй акын импровизатор Турасал и затягивает первую ноту: а,а,а...)*

Турасал.

Я сравню тебя с луной,
Лучезарной, пеземной.
С солнцем я сравню тебя.
Нет излишества ничуть.
Раскрывает твою суть,
С чем не сравнивал бы я.
Где Аттила, там успех,
Побеждает всюду всех.
Остановки песням нет,
Как числу твоих побед.
Открываю с песней рот.
Каждый в радости поет.
О Аттила, нет конца
Песням твоего певца.

О тебе покою опять?
Вдохновенья не унять.
Наш Аттила, будь здоров!
Ты куда ни поведешь,
Там врага бросает в дрожь.
Там победа, где твой зов.
Громче пой, моя домбра,
Ты – предвестница добра.
Очищайся, голос мой,
Песней звонкой и лихой.
Как ни пой, ни говори
От зари и до зари,
Аб Аттиле все слова
Не вмещает голова...

ЗАНАВЕС

Акт третий

Та же декорация, что и во втором акте. На сцене римский полководец Аэций и его сын Карпилион. Оба в военном облачении и при всех религиях.

Аэций. Сын мой, Карпилион, ты уже не маленький, ты не безусый мальчик, а самоотверженный воин. Надеюсь, в гуннском лагере ты научился многому, что поможет тебе в боевых походах и во всей дальнейшей жизни.

Карпилион. Ты прав, отец. Кроме знания греческого, гуннского, германского и латинского языков, я еще обучался навыкам военного искусства гуннов.

Аэций. Мне приятно все это слышать. Особенно знание гуннского военного искусства тебе пригодится в скором будущем. А в том, что ты

приобретешь помимо этого, другие знания, ничуть я не сомневался. Чего стоит один сарацинский учитель? А философ из Александрии.

Карпилион. Действительно, отец у гуннов науки, физической закалки, знание языков и умелой езды на лошади я приобрел достаточно. Теперь мне нужна только практика, необходимо применение всего этого на живом деле.

Аэций. Не торопись, сын мой. Тебя еще жаждалась и сильно истосковалась мать – римлянка в Равенне.

Карпилион. Если вправду признаться, я тоже очень соскучился по моей матери – христианке.

Аэций. Иди, собери остальные вещи мы должны скорее убраться отсюда, пока целы и здоровы. С моим приятелем и другом детских игр Аттилой сыном Мундзука я уже попрощался...

Карпилион уходит. Входит Вигилий.

Вигилий (заискиваяще). *«Приветствую последнего великого римлянина» и прославленного полководца Аэция! Как только услышал, что в стане Аттилы находится великий воин Италии Аэций, прибывший за своим сыном Карпилионом, я почти не смыкал глаз и зорко следил за тем, чтобы где-то встретиться один на один. И вот удача! У нас мало времени. И я скажу только о сути дела...*

Аэций. *Говори, патриций Вигилий!*

Вигилий. *Мы в нашем Византионе наслышаны о том, что западно – римские войска готовятся к грандиозному сражению с гуннами. Но гунны ничего бы не стоили без их всемогущего предводителя Аттилы, этого, как говорят, Бича Божьего. И вот мы посланники, императора Феодосия Третьего, прибыли с тайным заговором об убийстве Аттилы.*

Аэций (удивленно). *Прямо в его лагере, Это сплошной бред! Здесь каждый гунн готов за Аттилу отдать свою жизнь. Гунны приклоняются и почитают Аттилу как земного бога, который ходит рядом с ними, ест и пьет рядом с ними, всегда побеждает в боях и награждает по заслугам. Это уж я знаю, потому что в юности жил среди них. Здесь нужен иной подход. Здесь может только сила победить силу. Вы восточно – римские христиане, лучше пришлите нам на подмогу вооруженные силы, а не следуйте какому-то Арию из Александрии.*

Вигилий. Я доложу об этом императору Феодосию и на сенате по возвращении в Константинополь.

Выходит собравшийся в дорогу Карпилион.

О, Карпилион сын Аэция, будь достоин славы своего отца! Счастливого пути и успехов в ратном деле вам обоим!

Аэций и Карпилион, попрощавшись, уходят. Вращается сцена. Приемная зала во дворце Аттилы. На помосте посредине залы на своем троне восседает Аттила. Колонны сияют в золотом блеске. Разноцветные персидские ковры украшают все проходы, эстраду и стены. В зале находятся Шиншил, Вигилий, Едиге, Ардарих, Бауэр, Денгизик, Ернак, Хелхал, Есендаул и шут Естимес.

Аттила. *Мой воинственный и смелый князь Шиншил, сегодня твое место рядом со мной. Проходи и занимай свое заслуженное место.*

Шиншил. *Я счастлив, мой великий повелитель, что живу, дышу и совершаю свои подвиги под немеркнущей звездой твоей славы. (Проходит и садится рядом с Атиллой).*

Аттила. *Ты заслужил такого почтения, чтобы находиться в одной когорте с моим советником и мудрейшим наставником Хелхалом и знаменитым полководцем Есендаулом. Мы сегодня принимаем римских посланников. Но прежде выслушаем нашего посланника и батыра Едиге или как его называют по-латинский Эдикона. Мне не удалось предварительно услышать его отчет об этой его поездке в Константинополь.*

Вигилий. *Однако хитрит гуннский властелин. Не может быть, чтобы он сразу же по приезду не расспросил своего посланника...*

Едиге. *Прежде всего меня поразили там дома, у которых крыши золотые с черепицами, великолепные дворцы и храмы и пышный образ жизни византийцев...*

Вигилий (про себя). *Наверно, Эдикон хочет усыпить бдительность и рассеять подозрительность своего владыки...*

Аттила. *Этим они всегда отличались. Римляне обычно без оглядки разбрасывают большие суммы на развлечение, беспутство, а потом столь же рьяно строят храмы и церкви, чтобы замаливать грехи перед своим богом Иисусом Христом.*

Хелхал. *Все это нам известно. Нас интересует сущность дела: прием и отправка императором Феодосием наших и своих послов.*

Вигилий (про себя). *Не тут-то было. Эдикон повязан нерушимой и, как булат, твердой клятвой...*

Едиге. *А сущность здесь самая неслыханная и гнусная. Меня вызвали во дворец императора и заведенные в заблуждение моим восхищением их столицей предложили золотые горы при исполнении их коварного замысла... Мне пришлось дать клятву...*

Вигилий. *Ты нарушаешь свою клятву:*

Едиге. *Я поклялся не своим гуннским богом, а вашим, арианским. И все это я делаю для того, чтобы разоблачить кровавый замысел императора и этого лживого посла Вигилия, который и предложил мне убить Атиллу...*

Вигилий *грохнул на пол. Кругом шум, гам, возгласы крайнего возмущения и отчаяния. Четыре гунна, схватив с двух сторон, поставили Вигилия на ноги.*

Договорились, что сперва мне заговорщики заплатят 50 фунтов золота. А дом с золотой черепицей, остальное золото и другие блага будут предоставлены мне после возвращения моего в Константинополь.

Максимин (Удивленно). *Вот почему пригласили меня участвовать в этом посольстве:*

Приск. Заговорщики хотели воспользоваться твоим благородным именем, патриций Магнус Аврелий Максимин, как честного сенатора, чтобы надежно завуалировать свои коварные поступки...

Максимин (Аттиле). Великий Танджо, обо всем этом я впервые слышу здесь, в Хунгварте.

Аттила. Продолжай, князь Едиге.

Едиге. Этот мешочек с золотом в пятьдесят фунтов под туникой висит на шее Вигилия. (Слуги вырывают из – под хламиды Вигилия кошелек с золотом и передают Аттиле).

Аттила (Читает надпись на кошельке). «Собственность Хризафиоса». Теперь что ты скажешь, подлый изменник:

Вигилий (упав на колени). Помилуй меня, о великий хан! Ты славись своим великодушием! Пощади меня, заблудшую собаку! Не отнимай жизни!

Аттила. Зачем мне твоя жизнь? Она не ценнее собачьей. Я бы мог распять тебя на кресте или повесить на большой дороге на Виминациум или Равенну. Вы, римляне, знаете, что никогда я своего решение не меняю! (Максимино). Поручаю тебе, патриций Магнус Аврелий Максимин, по прибытии в Константинополь на первом же заседании сената выставить этого злодея с мешочком на шее перед сенатором и разоблачить окончательно...

Максимин (убедительно). Под страхом смерти я сделаю это. Какой позор! Вот так несколько отвратительных души порочат добропорядочное имя римлян...

Естимес (скача на одной ноге). Вот злодеи, вот злодеи... великого Танджо хотели убить! Да он же добро приносит униженным людям. Мне, бывшему рабу, Аттила дал полную свободу. Он ненавидит рабство! И при том же я могу говорить о нем все, что хочу и знаю. Он мне ничего не запрещает. (Вигилию). А этот змееныш, который сам себя назвал собакой, может убить раба и слугу за один только солид. Такая же цена ему самому. А он замахнулся на самого правителя вселенной! Дайте я его тихонько и незаметно отправлю на тот свет... (Прыгая). Храмец – глупец, храмец – стервец, аксак – токсак...

Аттила. Закуйте преступника Вигилия в цепи и пусть его так доvezут до Константинополя! (Гунны уводят Вигилия). А теперь, западные римляне, с чем вы пожаловали в благословленную Паннонию?.. правильно говорит святой человек с ангельской душой о храмцах – глущах, о храмцах – стервцах. (Естимес прыгает на одной ноге). Король Ардарих, готовы ли римские и греческие карты, что ты готовишь для следующих походов?

Ардарих. Да, всемогущий хан Аттила. Вот они со всеми линиями дорог населенных пунктов. (Преподносит Аттиле карты и раскрывает их перед ним).

Аттила. Западные римляне, высокопочтимые посланники Примут и Ромул, я обращаюсь к вам за конкретным ответом о целях вашего визита.

Примут. Высокопоставленный и великий Танджо, нам известны претензии и тр Западно- римской империи и непосредственно Равенне, где

сейчас находится резиденция нашего императора Валентиниана Третьего Флавия Платидия. Мы привезли ежегодную дань в пятьсот фунтов золота, а также поклон и приветы от папы римского Льва Первого и Галлы Платидии, матери императора Валентиниана и принцессы Гонории...

Аттила. Вам известны условия относительно приданого Гонории при выдаче ее замуж за меня?

Ромул. Да, владыка Аттила. Однако ныне принцессы Гонории нет в Италии. Она находится в Константинополе под присмотром и воспитанием старшей сестры цезаря Феодосии Августы Пульхерии.

Аттила. Дерзость Рима мне известна (Показывая на карте). Когда в поверженном Милане я проехал во дворец цезарей, то увидел там искусно составленную из мелких разноцветных камешков величественную картину. На этой мозаичной картине посредине на троне красовался император Валентиниан. А у его ног в низкопоклонстве как верные данники сыпали гряду золота девять покорных царей. Двоих из них в гуннской одежде он удерживал ногой. Приглядевшись поближе, я узнал в этих двоих себя и своего брата Бледу. Сперва я хотел разнести в ключья эту картину. Но потом решил доказать свою правоту по-другому. (По его знаку слуги убрали ковер, за которым скрывалась большая, ярко нарисованная, мозаичная картина).

Вот здесь восстановлена правда истории. Передо мной в цезарских порфирах распластались два моих данника. Это — императоры Феодосий и Валентиниан.

Мои союзниками ныне являются парфяне, персы, исаврийцы, эфиопы и сарацины. Они нападут на Феодосия с востока и юга. Если Гонория в Константинополе, то я отправлю мои гуннские когорты, вооруженных булатом, вниз по Дунаю...

Максимиан (тихо). Неужели Аттила не знает, что девственность Гонории была посвящена Иисусу Христу и она была помещена в монастырь, но вскоре оказалась беременной?

Примут. Эта шлюха была еще замужем за арабским принцем, оказавшимся у нас в плену и бежавшим из рабства.

Приск. Аттила бережет портрет красавицы Гонории и носит под туникой у сердца и не снимает его подаренного кольца с пальца.

Ромул. Но они же никогда не виделись? Как можно любить и восторгаться бесплотным существом?

Приск. В том-то и вся беда! Танджо Аттила обладает не только недюжинной физической силой, но и большой фантазией. Он придумал себе и вообразил настоящую и всепобеждающую любовь. Здесь он слушается своего сердца, что с ним случается очень и очень редко... У него обычно главенствует бесстрашный, ловкий и острый, как меч, разум...

Аттила. Премудрый старец, многоопытный аксакал и мой прорицатель Хелхал, скажи мне правильно ли я поступаю, если начну новое грандиозное нашествие?..

Хелхал. Как нельзя кстати. Это самое подходящее время. Вестготы обессилены тем, что там трое братьев, размахивая кинжалом и мечом, оспаривают друг у друга унаследование трона. А в Константинополе началась еще одна ересь под названием несторианство. Патриарх Несторий выступил против той литургии, которая почитает и называет Деву Марию только Богородицей. Несторианцы борются за то, чтобы Деву Марию называли еще человекородицей или Христородицей.

Аттила. Раскол в любом обществе и государстве нам, гуннам, и нашим союзникам только на руку, уместно и вовремя.

Шиншил. Твои полководцы, князья и славные воины застоялись и жаждут походов и сражений, великий государь. Веди нас в любом направлении и в любую страну...

Аттила. Христианство, арианство, несторианство... Все эти ереси и христианская религия пускай вызывают различные споры и распри! Без единства нет победы! Мои подвластные народы и племена поклялись мне в верности и я этому верю.

Хорошо, что между Итилом и Яиком не было никакой официальной религии. Там властвовала сама природа. Мы поклонялись богу неба Тенгри, богу войны Пуру, богу оружия Марсу и богине Дзривиле.

Шиншил. Не зря тебя, всемогущий государь и великий полководец Аттила, называют Бичом Божьим и Сыном Победы:

Мы так скоро доберемся до Британского моря...

Аттила. Моим гуннам и бесстрашным воинам обещаю благодатные земли от Молдавы до полноводного Рейна...

Ардарих (Бауэр). Германский народ после этого безумного и страшного похода не досчитается не только племя лугионов.

Бауэр (зло). Свирепый дракон.

Денгизик. Ах, необузданный болтун, не знающий своего места и и призвания: (Выхватил нож и метнул его в Бауэра, но он задел только его длинные волосы).

Аттила. Не трогайте королевича скиров! Мы, гунны, с детства почитаем певцов и поэтов. Его исполненная песня – достойный подарок истории. Она переживает нас с вами и даже многие годы и века...

Ерняк. Поганый акын, он смеет скверными словами называть великого кагана... Я все равно не прощу ему этой дерзости и при случае беспощадно припомню...

Аттила. Успокойтесь, мои дорогие сыновья и прославленные воины. Для меня уничтожить этого словоблуда все равно, что убить муху или раздавить кузнечика... Но пусть он своими глазами увидит насколько велик и всемогущ их вездесущий властитель...

Шиншил (Аттиле). Смотри, великий государь, какой ненавистью горят его отвратительные глаза.

Хелхал. Будь осмотрителен, мой великий повелитель Аттила. Ты прошел невредимым через многочисленные кровопролитные битвы, сражения и

единоборства. Как бы нелепый случай не остановил биение твоего могучего и пламенного сердца.

Аттила. Все-таки мне нравится решительность этого певца-злодея. Возможно, он вовсе не злодей, а просто в нем вскипает кровь акына от пыла юности. Мне нравится его имя Бауэр. Оно созвучно с нашим слово "бауыр", что означает "младший родной брат" или еще дословно переводиться "печень". Возможно, Бауэр станет печенью и названным братом моим сыновьям. Бауэр-младший родной брат, близкий и дорогой, как печень...

Бауэр. Собака тебе печень, свирепый дракон, поганый осквернитель женщин и ненасытный порабититель! (Выхватил свой акинак и метнул прямо в Аттилу. Шум и гам. Шиншилл мгновенно закрыл собой Аттилу и принял кинжал на себя).

Естимес. Проклятый гот! Ненавистный скир! Ты покушаешься на самого священного человека и непобедимого вождя. Я сам убью тебя своим акинаком. (выхватил кинжал и бросается на Бауэра, но его удерживают гунны и готы. Оглядывается на суматоху вокруг трона на эстраде. Слышатся голоса: "Убит Аттила! Покончил жизнь хана. Аттила погиб!")

Мне в этом мире без моего всемогущего и справедливого властителя нечего делать. Прощайте, гунны! (Закалывает кинжалом самого себя).

Еюге, Естимес, что наделал? Слава богу, великодержавный Аттила жив. Его защитил своим телом высокородный и бесстрашный князь Шиншил. Вечная память батыру Шиншилу. (Бауэр схвачен и закован в цепи. Тела Шиншила и Естимеса слуги уносят. Все взоры собравшихся обращены на эстраду).

Хелхал. Надо бы этого барда-злодея Бауэра, коварного убийцу, казнить публично при народе, чтобы другим не было повадно поднимать руку на царя царей, на короля королей.

Аттила. Нет, это будет для него слишком дорогим подарком. К тому же гунны настолько почитают акынов, что ему грядущие поколения могут приписать в заслугу, будто он умерщвлен самим Аттилой. Я придумал ему другую тягостную, мучительную и медленную смерть. Известно мне, что Бауэр влюблен в сестру Бургундского короля Гундхара Ильдиду. На этот раз он прибыл в наш стан, чтобы получить мое благословение, но сам себе жилу разрубил топором. В предстоящем походе я разгромлю бургундов, как и франков, выступающих на стороне римских войск во главе с Аэцием. Несмотря на две сразу жертвы, которые подлый скир Бауэр принес нам, я сохраню ему жизнь. Пусть своими глазами увидит насколько мы непобедимы и могучи и как я буду наслаждаться его возлюбленной Ильдидой.

Бауэр (застонав). Лучше смерть! Чем переносить такие муки, лучше казни меня, о великий государь Аттила!

Аттила. Я никогда своих решений не меняю! Это известно всем гуннам и готам, друзьям и недругом, соратникам и врагам.

Закуйте его в цепи и бросьте в зиндан-темницу.

Хелхал. Великий Танджо и каган Аттила, скажи свое напутственное слово для предстоящего похода перед собравшимся народом. Раскрой им свои затаенные цели и задачи. Вдохнови воинов и полководцев на благословенные подвиги. Тебе известны созидательные, а также неблагоприятные деяния двенадцати римских цезарей, начиная со второго века от рождения Христа.

Ардарих. Великому хану Аттиле известны также перипетии и распри многочисленных германских племен, которые вечно завидуют друг другу и враждуют между собой, хотя иногда и сватаются и завязывают родственные узы. Но те племена германцев, которые дали клятву верности и преданности всемогущему и всевластному Аттиле, сохраняют ее до последнего вздоха...

Есендаул. И рядовые воины, и признанные полководцы перед таким великим походом ждут, мудрый полководец и ясновидящий вождь, твоих вдохновенных слов напутствия...

Аттила. Славные мои воины и полководцы, мне, властителю полумира, которому подвластные земли и народы от Понта Эвксинского до Британского моря, от Геркулесовых столпов до ворот Адрианополя, довелось родиться и вырасти на просторных степях северного Понта и Каспия и на плодородном и красочном побережье рек Итиль и Яик. Сказывают, что моим отцом каганом Мундузуком имя мне дано Аттиле созвучно имени привольной реки Итиль. Мне в жизни противопоказаны три вещи: рабство, пьянство и бездумная честь и доблесть. Этими пороками обладают и страдают итальянцы, германцы и жители обширной Галлии, что нам, гунном, несказанно помогает и всегда бывает на руку...

Мои дальние предки были, как и европейцы, индусы, китайцы и египтяне, созидателями и градостроителями, по-латински их называли "гардерми". Мой предок в четырнадцатом колене, мудрейший царь гуннов Чжи-Чжи основал и построил в центральной Азии город Тараз. Но волею судеб впоследствии скифы и гунны всецело отделились кочевому образу жизни, пасли скот, жили в войлочных юртах, любили эпос и музыку и развивали ручные ремесла. На ровных и бескрайних просторах гунны настолько изощренно постигли искусство езды верхом на лошадях, что ныне нет равных им во всем мире, гунны и его конь настолько слиты воедино, что выглядят, как живой кентавр.

Кочевники-номады не знали и поныне не знают, что такое рабство и рабовладельческий строй, которым Римская империя опутала всю Европу.

Насчет пьянства, которому повержены почти все знатные европейцы, заявляю, что я уже сорок с лишним лет не пью ничего, кроме воды и кумыса...

Относительно бездумной чести и доблести я скажу, что еще ни разу не потерпел поражения, чему порукой крепкий булат и свистящие стрелы, чего нет в чужих странах, и мои бесстрашные и преданные воины. Поэтому меня прозвали во всех странах и все народы "Сыном Победы" и "Бичом Божьим". Не зря мы с гордостью говорим, что там, где ступали копыта гуннских коней, трава не растет.

Мы освободим народы Европы от всех их пороков и рабства...

Развалу римской империи прежде всего способствовали их бездарные и безответственные императоры. Из двенадцати, известных мне принцевов, только четверо Август Адриан, Антоний Пий, Лучий Вер и Клавдий Второй умерли своей смертью. Остальные восемь цезарей или правители подвержены, иначе говоря, убиты своими избирателями и приближенными. А как же иначе?! Принцепс Коммод до безумия увлекался гладиаторскими боями, Каракалла безоглядно верил и потворствовал всяким магам, гадателям и колдунам, Гелиогабал отличался религиозным фанатизмом и погряз в разврате с замужними женщинами вместо того, чтобы открыто иметь столько жен, сколько захочет...

Германцы разделены на бесчисленное множество племен, у каждого из которых есть свой родовой король. И все короли раздраемы завистью и соперничеством. Самые благополучные из них те, которые присягнули мне в верности и дали клятву стать моими преданными союзниками.

Суабы, хунгры, славяне и аланы перешли на мою сторону и стали моей надежной подмогой. Чтобы стать моим сторонниками аланы продвигались через Дарьяльское ущелье Кавказа и влились в состав моей могущественной армии.

Первый полководец римлян, франков и бургундов и, как прозвали его, "последний великий римлянин" Аэций по характеру, военным навыкам и поведению известен мне с далекой юности, когда он воспитывался вместе со мной и моим братом Бледой в стане моего дяди, великого полководца Ругиласа. Сын Аэция Карпилион учился тактике ведения боев и военному искусству в Хунгварте уже у меня и моих признанных полководцев. Об этом мы в предстоящих сражениях не должны забывать, а должны всегда учитывать и стронть свою тактику исключительно по-новому и по-своему...

Да будет за нами Победа! Волею всевышнего бога Тенгри и бога войны Пуру, которые всегда благоволили нам, теперь предстонт долгий путь к берегам Рейна и, как я предполагаю, будем мы сражаться на Каталаунских полях...

Славные мои воины и полководцы, доброго пути вам и счастливой дорогой! Успехов, удачи и победы на благо человечества!

Шум и гам взволнованной публики: воинов и мирных жителей. Возгласы в честь Аттилы.

ЗАНАВЕС

Часть вторая

Акт четвертый

На возвышенности растянула большая палатка. Перед ней на длинном столе разложены карты, над которыми склонились Аттила, Эдлак, Есендаул, Хелхал и другие полководцы. Слышны звуки рога и отдаленный шум сражения.

Аттила. Среди многочисленных римских цезарей, столь часто сменявших друг друга, были выходцы из Галлии, Сирии, Германии, которые

женившись на знатных итальянках, как бы сами становились римлянами. В основном, их выбирали солдаты, поэтому их еще называли «солдатскими императорами». Я почти убежден в том, что в будущем трон Западно – Римской империи займет прицпе гуннского или скифского происхождения. А для осуществления такой заветной мечты нам здесь, на Каталаунских полях необходимо выиграть сражения. Аэций, его сын Карпилион и вестготские короли и полководцы на этой битве сражаются и проявляют себя отчаянно, выкладывая полностью все свои способности, знания и навыки. Мы должны им ответить тем же, даже превосходя их.

Есендаул. Не зря Аэций обучал и воспитывал своего сына Карпилиона среди нас, гуннов, и в нашей школе.

Эллак. Мы часто с ним бывали в одной компании, проводили свободное время и вместе обучались. Я бы не сказал, что он блещет умом, глубоко размышляет и отличается находчивостью... Карпилион обычно думал и говорил по – мальчишески легкомысленно и поверхностно.

Хелхал. Мне думается, что Карпилион больше всего прикидывался простецким молодцом, недалеким пареньком, а сам все разглядывал, запоминал и заучивал по наставлению своего отца и собственному уразумению. Что-то подобное я подметил еще у нас, в Хунгварте.

Аттила. Мудрый старец Хелхал говорит правильно. Мы должны учитывать такой вариант. Я уверен в том, что мой бывший приятель, ставший со временем неприятелем, талантливый полководец Аэций доподлинно изучил наши приемы и особенности ведения боя.

Меня осенила, господа, новая идея. У нас определены сто курьеров, которые подогнем и мечом будут пробираться к нам, предводителям, и докладывает о ходе сражений на разных участках через главную ставку, куда будут стекаться через них же все основные сведения с полей брани.

Есендаул. Это замечательная идея!

Эллак. Тогда получится необходимая координация боевых действий во всех направлениях...

Аттила. Но не это самое главное. Эллак, сын мой, ты будешь возглавлять главный штаб, распоряжаться со ста курьерами, собирать и сосредотачивать все сведения со всех флангов и подразделений и держать постоянную связь с нами. С тобой рядом будет опытный и мудрый князь и советник Хелхал.

Хелхал. Приложим все усилия, чтобы точно и в срок выполнять, главнокомандующий Аттила, все твои распоряжения.

Эллак. Правильно, что мудрейший советник Хелхал будет со мной, а мы с ним будем действовать согласованно...

Аттила. Атаку по центру возглавлю я сам. Правый фланг поручаю Есендаулу. А на левый фланг назначаю сына, отважного стрелка и мужественного воина Денгизика (*Посмотрев на старшего сына*). А Эллак спас меня от неминуемой смерти, подставив правую руку летящему от катапульты камню и сильно повредив ее. Но он левой рукой орудует мечом не

хуже правой. Притом обладает недюжинной силой, чутким сердцем и умной головой. Сын мой, когда будет для меня особо важное донесение, направляй с ним дюжину курьеров, потому что хоть один из них доберется до меня...

Есендаул. Великий каган, ты правильно сделал, что на левый фланг поставил Денгизика. Как разведка наша доложила, правым флангом войска Аэция будет командовать его сын Карпилион, характер и навыки которого хорошо знает Денгизик.

Аттила. Карпилион хорошо знает нас, поэтому мы нашу главную тактику изменим и усовершенствуем. *(Показывает правой рукой).* Вы видите, что справа на Каталаунских полях возвышается холм, а слева тянутся густозеленные леса. Мы должны будем, отступая, сражаться и заманивая противника вглубь наших позиций. В леске спрятаны две когорты наших войск под общим командованием короля гепидов Ардариха, который, наверняка, не пожалеет своих давних врагов – римлян. А за холмом справа затаились две когорты, которые поведет за собой бесстрашный батыр Едиге. Когда войска Аэция достаточно войдут в наши пределы, Ардарих и Едиге внезапно нахлынут на неприятелей с двух сторон и еще сомкнут свои ряды сзади, замыкая разрыв.

Эллик. Это же настоящая торба. Войска Аэция как бы окажутся в мешке. Как ты смог, отец, додуматься до этого.

Есендаул. Если все здесь будет осуществлено, как задумано, то это гениальная тактика. Это совсем новая и оригинальная идея!

Шум сражения усиливается. Приходят и уходят с донесениями гонцы.

Аттила. Сражение у Шалона на Каталаунских полях останется навеки в истории. Такой военной операции еще никогда не знало человечество. Аэций выведal и распознал наши планы. Иначе бы он не собрал вместе столько войска, сколько мы двинули против него. Полмиллиона воинов участвуют в Каталаунской битве с нашей стороны и полмиллиона со стороны наших противников. Сеча идет неслыханная и невиданная...

Хелхал. Потери с обеих сторон огромные. Супротивники сражаются отчаянно, не жалея себя и нацеливаясь только на победу...

Есендаул (чистая донесение). Великий светоч мне необходимо пойти к своему легиону, возглавить на месте и принять непосредственное участие...

Аттила. С богом, мой лучший полководец! Да сопутствует тебе победа!

Есендаул уходит.

Денгизик (чистая донесение). О великий император и вождь гуннов, необходимо мое непосредственное участие в исполнении благоразумной тактики.

Аттила. Благословляю тебя на победу! Пусть бог войны Пуру осенит тебя своим всевышним мановением!

Денгизик уходит.

Хелхал (всматриваясь в даль). Однако тактическое отступление наших войск затянулось. Сражение посредине скопления войск, в самой невообразимой гуще, происходит не на жизнь, а на смерть. В таком состоянии дел наш штаб и мы сами случайно можем оказаться в кольце окружения...

Эллак. Надо быть просмотрительней. Мы верим, о вождь гуннов, в твое исключительное провидение. Для меня счастье погибнуть, о повелитель мира и мой отец, около тебя и защищая тебя...

Аттила. Всякая новая и ошеломляющая военная мысль привлекательна, прекрасна и глубоко опознаваема в голове, но осуществление его на самом деле зависит не только от тебя, но и от окружающих тебя людей, но и от сотен тысяч солдат и командиров...

Грохот битвы уже слышится где-то близко. Даже доносятся отдельные слова и громогласные родовые кличи: Вперед, албанцы! Дулатовцы, за мной! Аргынцы ни шагу назад! Где вы, кипчаки! Es lebe, die Qoten и другие. Затемнение. Отчаянные и грозные голоса участников битвы продолжают звучать... На сцене никого нет. Голоса и боевой шум удаляются. Появляется свет. Обстановка та же. Только на столе уже нет карт. Входят Азций, его сын Карпилион, полководец вестготов Торисмунд и другие военачальники.

Азций. Насколько мне известно, гуннская орда состоит из двадцати четырех племен. И все эти племена сплочены в единый кулак одним только человеком по имени Аттила. Германский народ состоит из еще большего числа племен и все они разъединены, и во главе каждого из них стоит свой король. Неужели у германцев не найдется один сильный король, который бы объединил все их племена в одно целое и возглавил их?

Торисмунд. Вопрос риторически. Сейчас не место риторике и эмоциям. Мой отец, король вестготский Теодорих, несмотря на свой возраст, славно воюет. Это, благодаря ему, левый фланг наших войск продвигался вперед, не отставая от правого фланга, которым командует славный Карпилион...

Азций. Право, у нас и своих грехов и недостатков хватает. Наш демос разделен на две огромные части: Западно-Римскую империю и Восточно-Римскую империю, которую с недавних пор, облагораживая по-своему, стали называть еще «Новым Римом». И обе эти империи разделены религией и ее разными сектами. На Западе распространено ортодоксальное христианство. На Востоке верховодит ересь под названием Арианство. Там появилась еще одна ересь под названием Несторианство. Еще в самом Риме существует Манихейство с элементами язычества, с которым сейчас жестоко борется папа Лев Первый, подвергая еретиков даже смертной казни.

Карпилион. Как доносят наши агенты, император Валентиниан разрешает жен офицеров, которые здесь, на Каталаунских полях сражаются беспощадно, не жалея жизни.

Азций. Похождению юного императора Валентиниана потворствует его мать Галла Плацидия, чтобы единолично править страной вместе с папой римским... Но пока это большая тайна! Больше об этом не надо говорить ни слова...

Торисмунд. Славно мы перехитрили вождя гуннов Аттилу. Там, где он оставил засаду с обеих сторон поля сражения в глубине, как бы предугадывая гуннский замысел, мы расположили наши резервные когорты. Поэтому и получилось такая громадная мясорубка. По общим подсчетам из миллиона

участников битвы с обеих сторон погиб каждый четвертый. Неслыханное побоище!

Азций. Я с детства знаю характер и повадки, и конечно, острый ум Аттилы, который называл меня «ядовитой коброй» и «жестоким демоном». Аттила никогда не приемлет никакого поражения. Он сознательно и бессознательно не отдает зря врагу ни дюйма занятой им землей. Он сейчас думает. Он придумает еще что-нибудь. Так что надо быть всем нам начеку...

Карпилион. Мне хорошо известна тактика гуннов, когда они, нарочно отступая сражаются так искусно, что успевают сразить, вышибить из седла и убить множества воинов противника.

Азций. Правильно говорите, Торисмунд и Карпилион. Погибли и ранены с обеих сторон около двухсот тысяч людей. Это примерно все население таких больших городов, как Аквилея, Хунгварт или Шалон. Но мы ни в коем случае не должны останавливаться на этом, а развивать наш успех и дальше... Аттила – тоже человек, как и все мы. Не так страшен черт, как его малюют. Просто его обожествляют людская молва и всеобщее преклонение. Аттила тоже, как и мы, сотворен из мяса и костей...

Неслучайно он признает силу и мощь короля вандалов Гензериха и Северной Африки, у которого в армии первенствуют воинственные готы, аланы и свебы. Поэтому он отделяет Гензериху – Испанию и Британию, а себе хочет оставить Италию и всю Галлию...

Торисмунд. Алпетит зверский! Он привык нападать, как тигр на трепетную и беззащитную лань и властвовать как ему захочется...

Карпилион. Есть у гуннов такая пословица: «Сильная рука не признает и предка».

Азций. Поэтому он убил своего брата Бледу, который был демократичней, покладистей и более миролюбив, и стал вершить судьбами множества стран и народов единолично...

Входит гонец с тревожной вестью.

Какие вести с поля боя?

Гонец. Пока наши войска, почтенный главнокомандующий, держатся упорно и сражаются самоотверженно.

Карпилион. Но он прибыл с какой-то трагической вестью. Я это вижу по его глазам.

Гонец. Погиб вестготский король Теодорих...

Торисмунд (в ужасе). О мой дорогой отец! Как это случилось? Какие подробности знаешь?

Гонец. Король Теодорих сам возглавлял свой легион и всегда находился в гуще сражений. На этот раз он был ранен и упал на землю. Но голова его была расколота своей лошади...

Торисмунд. Какое горе! Никто не успел помочь? Почему меня не было рядом с ним?!

Карпилион (про себя). В душе ты, Торисмунд, все-таки доволен. Потому что давно метился на его престол...

Аэций Значит, великое сражение на Каталаунских полях идет с переменным успехом...

Шум боя приближается. Слышны воинственные кличи: «Es lebe, die Römer! Вперед, славные гунны! За мной, непобедимые кипчаки!» Затемнение. Сцена пустеет. Когда появился свет, обстановка та же. На столе вновь разложены карты. Входят Аттила, Хелхал, Едиге, Одоакр, Есендаул, Эллак, Денгизик и Ардарих. На столе они раскладывают карты.

Аттила. Это еще не победа. Это и не поражение. Так что, мои верные сподвижники, не обольщайтесь ничем. Эта ядовитая кобра, мерзкий Аэций, наверняка, думает, что перехитрил меня. Не так-то было! Еще посмотрим кто кого перехитрит и кто кого победит. Мы думали, что своими засадами мы взяли в кольцо ударные колонны противника. Однако Аэций далеко спрятанными своими резервами наоборот сумел наши войска зажать в клещи. На это обернулось для него лишь временным успехом. Так бывало в незапамятные времена, когда наши предки осаждали и захватывали китайские города и селения. Это именно из-за гуннов, защищаясь от них, трудолюбивые и неутомимые китайцы построили «Великую китайскую стену».

Одоакр. В последствии наши славные предки, воинственные гунны, разделились на две орды. Одна осталась там на обжитых землях, которую затем постигла печальная участь, а другая двинулась на северо – запад и через Алтай добралась до рек Итиль и Янк, а далее достигла морей Каспия и Понта Эвксинского...

О повелитель земли, великий Аттила, твой прямой предок Чжи – Чжи обосновал города Тараз и Талас. Еще тогда до рождества Иисуса Христа, то есть до нашей эры 36-году, Чжи – Чжи установил взаимоотношения с Римской империей и тогда уже в гуннской столице Таласе расположились несколько легионов могущественной в мире армии Марка Красса...

Аттила. Меня безмерно радует, что ты, Одоакр сын Едиге, глубоко знаешь историю. Также ты изучил математику и астрономию. К тому же владеешь несколькими языками, помимо родного гуннского, готским, латинским, итальянским и греческим. От отца своего, знаменитого полководца и дипломата Едиге, или как называют его на латинский лад, Эдикона, ты унаследовал силу духа и гибкость ума. Наверняка, есть в тебе много положительного и полезного от твоей матери – итальянки. Я пророчу тебе быть одним из очередных римских императоров, причем не временщиком, а по крайней мере свыше десяти лет...

Едиге. Да будет так! Да сбудутся твои вещие слова, великий повелитель мира!

Эллак (как бы с завистью). Отец мой, появилось такое крылатое выражение: «Стрела, пущенная гунном, не летит зря и впустую». В этом есть доля вклада и заслуга моего родного брата и твоего сына Денгизика, меткого стрелка, точно поражающего даже ласточку в извилистом полете. Он своими меткими выстрелами поразил с десяток вражеских военачальников...

Аттила. Это меня предельно радует, мои дорогие сыновья. Ныне ожесточенный фронт протянулся на три километра, где на каждом ярде сражались наши войны так, как будто именно там решалась судьба победы. А лишение жизни командиров противника в самом пике сражений всегда ведет к военному успеху.

Ардарих. О, повелитель мира, твой сын Эллак умело и сосредоточенно руководил главным штабом наших войск. Все донесения вовремя доставлялись от нас и доходили до нас. Курьеры действовали также самоотверженно...

Аттила. Свою верность, преданность и бесстрашие Эллак доказал уже не единожды. Он еще просто исключительно скромен, что, наверняка, унаследовал от своей матери Керке из благородного ханского рода, моей первой жены, байбише. *(Эллаку).* Я решил, мой старший сын, мой первенец, назначить тебя каганом нашей дорогой и любимой вотчины, которая находится на побережье рек Итиль и Яик и на северном побережье Каспия и Понта Эвксинского.

Денгизик *(Аттиле).* Можно и я поеду с моим братом в родные края наших предков, поваляюсь в ковыльной степи, где вся природа пропитана древними легендами и сказаниями...

Аттила. Это мы решим, в семейном кругу... А пока я решил отметить заслуги Эллака соответствующей наградой. Он вполне этого заслужил своей преданностью и отвагой. Во-первых, он защитил правой рукой от катапультного камня, летевшего прямо в меня, повредив себе кисть руки. Во-вторых, он проявил аналитический ум, правильно распределяя воинские соединения и координируя атаки наших войск здесь, при исторической битве на Каталаунских полях... Это, благодаря выдержке и грамотному распределению боевых ударов по всему трехкилометровому фронту. Эллаком и Хелхалом, мы снова возвратились в прежние позиции...

Есендаул. Слава Эллаку! Он должен достойно продолжить дело отца и усилить его традиции среди кочевников родных степных просторов и дорогих синих гор, отдаленно напоминающих по красоте зелени Европейские Балканы и Альпы.

Едиге. Нам всегда в бою помогают духи предков. Мне иногда так не хватает далеких просторов, где можно привольно скакать на коне, где бегают быстرونгие сайгаки, а по склонам гор и холмам скачут, мелькая перед глазами, куланы и леопарды... Мы будем приезжать к тебе, Эллак, в гости и на побывку в родную Сары – Арку...

Эллак. *Я всегда буду рад встретить вас, дорогие соплеменники. (Аттиле).* Дорогой аке, я благодарен тебе за правильное и справедливое решение. Во всех своих дерзких планах и рискованных, но верных деяниях, всегда можешь рассчитывать на меня...

Слышны стоны раненых. Шум передвижения войск.

Ардарих. О повелитель мира, нам срочно необходимо предельно достоверная рекогносцировка. Происходит какая-то подозрительная дислокация войск. *(Раскрывает карты на столе).*

Аттила. Я собрал всех вас, моих полководцев и ближайших сподвижников, для того, чтобы подвести общие итоги Каталаунского сражения и прийти к единому мнению. Мне докладывают, что заканчиваются съестные припасы и не хватает корма для лошадей. Посему я хочу выслушать ваши обдуманные предложения.

Есендаул. По-моему нельзя останавливаться на полдороге. Враг обессилен и уже истекает кровью. Впрочем и наши потери немалые. Тем не менее думаю, что нельзя упускать столь трудную и долгожданную победу.

Эллак. Мы готовы, повелитель всей земли, выполнить задачи и приказы, которые ты соизволишь довести до штаба... У нас еще достаточно сил чтобы довести дело до полной победы...

Есендаул. Моя сильная рука и острый глаз еще не устали наверняка сражать вражеских командиров и королей...

Ардарих. Ты правильно говоришь, о великий Танджо, у нас продовольствие и корм для лошадей на исходе. На Каталаунских полях скопилось невероятно большое, несметное количество войск, людей и лошадей. Погиб каждый четвертый участник битвы, раненых насчитывается около пятидесяти тысяч.

Мне думается, что ты, великий каган, достиг своей основной цели. Ты задумал поход на Галлию для того, чтобы лишить возможности атаки, когда ты затеешь поход на Рим. И ты этой цели вполне добился. Сейчас армия сильно обескровлена, лошади предельно устали. Поэтому думаю, что нам лучше будет сняться с поля брани и сохранить тех воителей, которые еще целы и невредимы. А затем, пополнив в Паннонии их ряды, ты сможешь благополучно двинуться на Рим.

Аттила (Хелхалу). Нарочно я не обращался до сих пор и не беспокоил нашего мудрого аксакала и прославленного полководца Хелхала. Надеюсь, он все это время изучал военную обстановку, позиции противоборствующих сторон и состояние приближенных людей. Какому выводу привели его взвешенные и глубокие размышления?

Хелхал. Спасибо, всемогущий властитель мира, за доверие и внимания к моим рассуждениям. Я разделяю мнения короля Ардариха о том, что ты достиг своей основной и главной цели. Теперь для тебя дорога на Рим открыта. Надо сохранить для этого основной костяк армии.

Аттила. Я понял тебя, мудрый наставник Хелхал. Мое мнение полностью совпало с твоим решением. Господа полководцы, снимайте войска! Для каждой когорты и алы сто-сто двадцать человек вместо убитых и раненых командиров назначьте новых. Мы возвращаемся в нашу Паннонию.

Вбегает запыхавшийся гонец.

Аттила (гонцу). Говори скорей! Что нового?

Гонец (радостно). О владыка всей земли, твой стратегический замысел удался, восторжествовал. Противник снимается с фронта и по порядку своими legionами направляется в сторону городов Шалон и Турау...

Аттила (удовлетворенно). Мы тоже снимаемся с наших позиций. (Махнул рукой и гонец убегает). Здесь в общей сложности погибло по примерным подсчетам 165 тысяч воителей. Это много. Это неслыханно. Мой давний приятель, мерзкий и дерзкий Азций, долго и полезно для себя готовился к этому Каталаунскому побоищу...

Хелхал. Люди, погибшие и лишившие жизни от чужих рук, превращаются на том свете в ангелов. Мне приснилось, что здесь по всему небу летали ангелы на крылатых конях. Да поможет нам бог неба Тенгри и бог войны Пуру!

Два воина насильно вталкивают и ставят на колени плененного короля бургундов Гундхара.

Аттила (недовольно). Кого еще привели! Вижу по доспехам и регалиям, что это – не простая птица...

Воин 1-ый. Его сразила меткая стрела царевича Денгизика. Это король бургундов – Гундхар.

Воин 2-ой. Он лежал раненый в канаве. Его прикрыл и защитил огромный камень.

Аттила. Бургундский король Гундхар прибыл как нельзя кстати. Известно мне, что у тебя есть прекрасная сестра по имени Ильдико.

Гундхар. Мне слабо перевязали рану. Я не могу много говорить. Да, есть такая сестра, золотокудрая красавица Ильдико.

Аттила. У меня к ней большая заочная любовь. Правда, это произошло по расказам других. Я хочу породниться с тобой и отпустить тебя.

Хелхал. Как говорится, то, что искал и просил у неба, само собой представилось на земле. (Хитровато улыбается и проглаживает свою с проседью бороду).

Аттила. Вот именно, мои воители!

Гундхар (Аттиле). Она мечтает о таком женихе и муже, как ты, о король королев, владыка вселенной!

Аттила. А ты сам, как относишься к этому? Тебя устраивает зять Аттила?

Гундхар. Ты, наверняка, сам не знаешь, сколько девушек и невест пылают жадой не только стать твоей женой, но даже взглянуть на тебя одним глазком. Они безумно очарованы и околдованы твоей безмерной славой и чудотворными подвигами. Я буду счастлив иметь такого зятя, всемогущий Аттила! Обещаю, что сам привезу сестру Ильдико в твою ставку в Паннонии.

Аттила. А чем подтвердишь свое обещание?

Гундхар (крестится). Вот тебе крест! Клянусь перед святым образом Иисуса Христа!

Ардарих (Аттиле). Он, непременно, выполнит свою клятву.

Хелхал. Сам бог привел его к нам. Все обещанное королем Гундхаром будет выполнено.

Аттила. Я тоже всецело поверил королю Гундхару. Отпустите его и проводите со всеми почестями. А ты, Денгизик, сопровождай короля Гундхара до линии фронта. *(Гундхар, Денгизик и воины уходят).*

А теперь все в полном порядке собирайтесь в дорогу. Возвращаемся в Паннонию.

З А Н А В Е С

Акт пятый

Кабинет Аттилы во дворце Хунгварта. Посредине стоит роскошное кресло, напоминающее трон. На стенах развешаны ковры.

Слева висит географическая карта Европы. На столе разложены карты. Справа помещена большая картина с изображением преклоняющихся перед Аттилой королями и публикой. Под столом находится гонг.

Через окно в кабинет проникает Бауэр. Он вкрадчиво, озираясь по сторонам, ходит по паркету.

Бауэр (тихо). Слышал, что Аттила приходит в свой кабинет рано утром. Он более всего плодотворно работает на рассвете, на исходе ночи и начала утра. Значит, по астрологини он — жаворонок. Говорят, что он работает по шестнадцать часов в сутки. Вот это как раз мне и на руку. Меня до невозможности душит ревность. Ни за что на свете не дам ему осквернить мою любимую и прекрасную Ильдику. *(Прислушивается, прячется).*

Входит Аттила.

Аттила. Пришло время добраться и до принцессы Гонорин. Хотя и без ее приданого теперь я могу покорить не половину, а всю Италию. *(Склоняется над картами на столе).* Но что-то неладное, предостерегающую опасность я чувствую кожей. *(Вдруг оборачивается и падает на пол. Бауэр мгновенно метнул на него нож, который пролетает над Аттилой и втыкается в деревянную стену. Аттила ударяет ногой в гонг. Вбегают приближенные и стражники. Аттила вскакивает на ноги).* Негодяи! Рогозеи! Как могли выпустить из темницы этого злодея Бауэра? Схватить негодного певца и отъявленного убийцу и немедленно казнить по частям, начиная отрубать пальцы рук и ног и продолжая каждый день рубить до головы, пока не умрет! Приговариваю его к самой лютой казни, заимствованной нами на Дальнем Востоке. *(Бауэр выхватывает свой длинный кинжал и падает на него).*

Мерзавец! Не дал нам возможности потешиться его мучительной смертью. Как мог он выбраться из зиндана? Распять всех шестерых охранников на крестах, которые мы возим с собой для таких редких случаев измены и предательства. *(Слуги уносят тело Бауэра. Входят Хелхал, Есендаул и Едиге).*

Есендаул (озабоченно, с тревогой). Что случилось, мой господин? У твоего дворца услышав шум и топот, я немедленно примчался. Что произошло, о повелитель мира?

Аттила. Я с самого детства излишней эмоцией страдаю. Зря пожалел я этого поганого готского певца Бауэра. А он, оказывается, кроме эмоции и поэзии, еще страдает слабоумием. Опять дерзнул покушаться на мою жизнь.

Едиге. Вот наглец! И это все он совершал вместо благодарности.

Аттила. Я отдал распоряжение предать его к самой лютой казни: довести до смерти, постепенно отрубая все члены тела, начиная от флангов рук и ног. Но он, подлец, успел заранее упасть на свой кинжал.

Хелхал. Значит, выбрал для себя погибель намного легче и быстрее...

Есендаул. Пускай! Самоубийцы не в почете и на том свете. И там ему не будет благоденствия.

(Вбегает Ернак, растрепанный и растревоженный).

Ернак (бросается к Аттиле). Отец мой дорогой, жив и здоров ли? Я услышал страшную весть. Опять произошло покушение на твою драгоценную жизнь?

Аттила (обнимая Ернака). Сын мой ненаглядный. Красавец и любимец мой, ты – самое первое утешение моему беспокойному сердцу. Как видишь, я жив и здоров, в полном благополучии. Эти негодяи, покусители на мою жизнь, не могут никак осознать, что меня хранят все боги неба и земли, что силой, умом и чувством я наделен свыше и самой природой с избытком и по-особому.

Хелхал. Тем не менее защита и осторожность не излишни, а наоборот приписаны и ниспосланы самим Богом, который сказал: «Оберегайтесь и берегаемы мной будете».

Аттила. Золотые слова и достоверные! Я это не раз испытал на себе, поэтому всецело согласен и озабочен охраной, учитывая все ее промахи и оплошности. Приказал распять на крестах всех шестерых охранников зиндана, откуда чудом или хитростью выбрался этот отвратительный самоубийца.

Едиге. Мы заменим и всю охрану твоего дворца самыми надежными и бдительными стражниками. Только, великий Танджо, успокойся, забудь о произошедшем, приди в себя и думай только о чем-нибудь хорошем...

Аттила. Самое хорошее передо мной. Это мой – Ернак. А какая прекрасная добросердечная была его мать Люба – Любовь! Махаббат! Жалко только, что ты, мой любимый сын Ернак, не смог ощутить на себе и запомнить на всю жизнь ее материнскую ласку. Поэтому я окружал тебя, как мог, особой заботой и нежнейшей отцовской нежностью.

Ернак. Я знаю это, отец мой. Никогда не забуду твое особое внимание ко мне. Обещаю, что в твоей старости, я отплачу тем же, постараюсь вернуть свой сыновний долг сполна.

Аттила. И на этом спасибо! Только сейчас ты должен все свои силы, познания и разум направить на то, чтобы стать достойным и прекрасно подготовленным воителем.

Едиге. Ернак, как и мой Одоакр, старательно и прилежно относиться к военным занятиям.

Аттила (вспоминая с грустью). Помимо его матери Любашки, мое сердце так или иначе тронули и запомнились среди многочисленных моих жен только три жены и возлюбленная принцесса Гонория, которая прислала мне свой портрет и кольцо и предложила сама руку и сердце...

Люба была дочерью славянского князя и была влюблена в меня издалека и ослепленная моей славой месяцами добиралась ко мне, чтобы родить во этого прекрасного сына... А как ожесточенно бились на Каталаунских полях мои преданные славянские князья Михаил, Дроздох и Святослав! Вообще славянские воины, как и мои гунны, слитые в одно целое со своими аргамаками, достойны всяческой похвалы.

Хелхал. Незаурядные женщины обладают особо чутким сердцем и по-мужски острым умом. Если такие женщины сами тянутся к тебе, о великий Аттила, значит в тебе есть мощная притягательная сила и точно такая же отталкивающая, что от тебя отскакивают стрелы и дротики и даже сабли копыя противника. Поэтому ты ни разу не получил сколько — нибудь ощутимой раны...

Входит слуга в строгом одеянии.

Слуга (громко). Просят аудиенцию римский консул Примут и комес Ромул!

Аттила (восседая в кресле, небрежно). Пусть войдут! Мне есть что сказать западно — римским посланникам. За это время много чего накопилось...

Входят Примут и Ромул, здороваясь, кланяются.

Максимиин. О великий каган, мы, посланники священного Рима, довольно долго находились в твоём стане и смогли воочию убедиться в твоей неопровержимой силе и славе. Мы возвращаемся на Родину и обещаем, что достоверно и полностью доведем до нашего императора Валентиниана и сената все твои предложения и требования.

Аттила. Если до вашего прибытия будет в целости и сохранности ваш император — развратник на своем престоле. Моя разведка действует, как китайский компас, четко и верно. Император Валентиниан Третий изнасиловал жену офицера, который мужественно сражался на Каталаунских полях...

Ромул. Таких слухов и сплетен в Риме и Равенне витает и распространяется бесчисленное множество. *(Входит король Ардарих).*

Аттила. Потому что им потворствует сама его мать Галла Плацидия, чтобы вместе с папой Львом Первым и полководцем Бонифацием, соперником Аэция, свободно управлять всей Западно — Римской империей.

Максимиин. В твоих словах, о великий Танджо, есть, к нашему большому сожалению, львиная доля правды. Такова судьба и участь ныне некогда могущественной и законодательной Римской империей.

Ардарих. Развалу незыблемых устоев величественного Рима прежде всего способствовали бездарные и развращенные императоры, особенно такие, как Коммод, Каракалла и Гелиогабал. Они свою святую и высокую порфиру использовали прежде всего для удовлетворения своих личных притязаний и прихотей. Также много вреда принесли Римской империи так называемые «солдатские императоры». После очередных победоносных походов и политических сношений с Арменией, Персией, Дакией и Галлией солдаты избирали своих императоров, которых вскоре сами же низвергали и убивали...

Аттила. В Риме в последние десятилетие и даже столетия царствовал полный разброд. А где нет порядка и дисциплины, там прежде всего страдает и бедствует народ. Голодные и заблудившиеся люди готовы идти на все, воруют, развратничают, пьянствуют и бесчинствуют. А правитель страны прежде всего должен думать и заботиться о благополучии демоса... Не было этого, растеряли да еще процветало рабство, поэтому так низко упало величие Рима.

Высокоотчимые римляне, вы видели своими глазами, что у нас даже плененные становятся свободными и достопочтенными гражданами.

Помню, в детстве мы благовейно произносили слова: «император», «цезарь», «Рим». Как-то по-мальчишески простодушно обратился к своему отцу Мундзуку: «отец, расскажи мне, кто такие император, цезарь?» А он в ответ приложил указательный палец к губам и шепотом произнес: «Тише, тише! Не произноси эти слова так легкомысленно. Они священные! Первым цезарем был сам всемогущий Бог, который спустился на землю и стал единоличным правителем. А все его последующие потомки унаследовали от него грозное единовластие и всеобщее признание и славу. А император – это владыка, которому дана безграничная власть и который окружен беспрекословным поклонением, великолепием и роскошью!» А что мы видим ныне? Где все это теперь? Полная деградация, развал и падение некогда могущественной Римской империи. Поэтому, римляне, трепещите перед нами, варварами. Настал наш черед и пробил наш час!

Примут. Могущественный василевс Аттила твоими справедливыми словами мы низвержены и опустошены. Они полностью будут доведены до нашего Августа и всех римлян. Мы возвращаемся назад в свою страну и желаем тебе и всему твоему воинству здравия и благополучия...

Ромул. Надеемся, что мы как посланники будем пользоваться правом неприкосновенности и ваши люди будут сопровождать нас до Нанссуса.

Аттила (сухо и строго). В отношении послов мы твердо придерживаемся международного статуса и права. До моих пионийских границ вы будете в полном безопасности. Князь Есендаул, проводи римских посланников. Прощайте!

Примут и Ромул, попрощавшись, уходят в сопровождении Есендаула.

Я побывал на наших западных позициях и даже сам с верным Хелхалом ходил в разведку. Там я своими глазами увидел, как анеты покидают гнезда на крышах домов Аквилеи, держа в клювах своих птенцов. Это для нас добрая примета! Это означает, что анеты предчувствуют грядущее наше наступление и разрушение города. Теперь нам нельзя терять драгоценное время.

Слуга (монотонно и четко). Просят аудиенции посланники Византии консул Магнус Аврелий Максимин и ритор Приск Панийский.

Аттила (заинтересовано). Они уезжали в Константинополь. Значит, снова прибыли с новыми и свежими вестями. Пусть входят! У меня есть что сказать и восточно – римским посланникам...

Входят Максимин и Приск и с почтеньем здороваются.

Максимин. Великий светоч Аттила, наш император Феодосий обо всем осведомлен. Преступник Вигилий и вельможа Хризафиос разоблачены перед сенатом и лишены всех званий и регалий. Византия хочет жить с Гуннским царством в мире, дружбе и согласии.

Аттила. Да будет так! Всю положенную дань, наверняка, привезли с собой?

Приск. Все до единого солида. А другие твои требования пока обсуждаются сенатом. Нам представилась редкая возможность приехать в Паннонию через Мраморное море. Поэтому мы не стали дожидаться завершения сессии сената, чтобы скорее уведомить и успокоить тебя, о великий каган.

Аттила. Теперь передо мной стоят другие неотложные задачи. Мы сейчас с удовольствием повторяем известную поговорку: «Все дороги ведут в Рим».

Максимин. Мы стабильность и благополучие со стороны Восточно – римской империи гарантируем.

Аттила. Я доверяю вашим словам, господа послы. Новый Рим – для меня надежный щит от вандалов Гензериха.

Приск. Однако король Гензерих по последним данным разведки усиленно готовится к нападению на Европу.

Аттила. Я отдам ему Испанию и Британию. Для меня достаточно Италии и Галлии, хотя бы на первых порах.

Максимин. Великий Танджо, позволь нам с дороги отдохнуть и привести себя в порядок.

Аттила. Можете последовать в гостиный двор. (*Максимин и Приск. откланившись, уходят*).

Ернак, сын мой младшенький, а где твой братец Денгизик?

Ернак. Он сопровождает Эллака, который отправился в Азию, чтобы по моему решению стать правителем Скифии.

Аттила. А когда Денгизик возвратится?

Ернак. Денгизик проводит Эллака и его отряд только до Молдавы. А потом вскоре возвратится домой.

Аттила. Молодец, Ернак! Меня радуют твои познания в разных науках, которые ты успешно приобретаешь у своих учителей.

Денгизик должен успеть возвратиться к началу похода на Рим. Если не успеет, пусть догоняет нас. Но без Эллака для меня ощутима потеря. Однако постепенно его должен заменить Ернак.

Входит Есендаул и склоняется над картой, разложенной на столе. Переговаривается с Ардарихом.

Ардарих. Гонцы доложили, что король бургундов Гундхар со своей прекрасной сестрой Ильдикой находится в пути на два лошадиных перехода до нашего Хунгварта.

Аттила. За такую приятную весть тебе, король Ардарих, по гуннскому обычаю положено дать подарок – суюнши. Ты его получи в виде полного прощения за гнусные поступки твоего подлого племянника, самоубийцу Бауэра.

Ардарих. Готов служить тебе, Великий Светоч Вселенной, верой и правдой! Честь и совесть моя нисколько незапятнаны. Всегда я свято держу свою клятву.

Аттила. Охотно верю и нисколько не сомневаюсь в этом, пока я жив и здоров.

Есендаул. Следовательно мы будем ждать приезда короля Гундхара и его сестры Ильдики?

Аттила. Ни в коем случае! Поход на Рим не откладывается и тем более не отменяется. А ты, князь Есендаул, распорядись, чтобы донесли королю Гундхару со своей свитой двигаться за нами. Где они нас догонят, там и с благословения всевышнего бога Тенгри и бога войны Пуру будем устраивать свадьбу...

Хелхал. О великий каган, а как же поступишь с принцессой Гонорией?

Аттила (раздраженно). Такую острую постановку вопроса ребром я прощаю только мудрейшему и вернейшему моему советнику Хелхалу. Как достоверно сообщают мои агенты, достопочтенная римская принцесса Гонория была уже беременной и не единожды была замужем. Меня не особенно интересуют происхождения моей возлюбленной и ее дворцовые интриги. Прежде всего я был влюблен в ее портрет и охвачен чувством, возрожденным моей фантазией... Впрочем я могу в память о нашей заочной любви жениться и на ней даже без обещанного приданого, потому что на этот раз мы покорим всю Италию.

На этот раз не будет такой силы, которая могла бы противостоять моим кентаврам, сросшимся со своими лошадьми в одно целое, в одно существо. (Слугам). Подготовьте моего аргамака Алтынжала к дальнейшему походу!

Король Ардарих, ты должен полностью заменить в штабе Эллака. Ты доказал, что верен клятве, данной мне, и я тоже вполне тебе доверяю.

Ардарих. Готов служить тебе, о великий Танджо, верой и правдой до гробовой доски.

Аттила. Легионом Ардариха будет командовать прекрасно владеющий готским языком Одоакр, сын полководца и батыра Едиге.

Одоакр. Приложу все силы, чтобы оправдать твое доверие, о владыка всей Земли!

Аттила. Ты проявил себя не только ученым мужем, но и умным командиром и отважным бойцом на Каталаунских полях...

Едиге. Сыну моему Одоакру известно, великий каган, что ты ему пророчишь в будущем даже римский престол.

Аттила. Значит, в том есть свой резон и твой сын вполне заслуживает такого предсказания...

Едиге. Премного благодарен, великий Светоч! Мы оправдаем твое высокое доверие! А теперь действительно все дороги ведут в Рим. Дорога на Рим открыта. Главное, чтобы ты не упустил это благоприятное время.

Ардарих. Против тебя, о повелитель всей Земли Аттила, никак не сможет противостоять не только развращенный Валентиниан, но и также жестокие императоры, как Калигула и Нерон, если бы вдруг воскресли...

Есендаул. Лучшие полководцы Рима Аэций и Бонифаций соперничают, враждуют и преследуют друг друга. Этим тоже надо нам вовремя воспользоваться...

Аттила. Последнее слово за тобой, мой мудрый наставник и опытный провидец Хелхал.

Хелхал. Благословляю, великий светоч Аттила, твой поход на Рим! Есть такая народная мудрость: «Терпение обернется драгоценным золотом». Долго ты готовился к походу на Рим. Помимо всего прочего тебе надо было пройти через горнило такого необъятного количества участников и неслыханного по числу павших жертв Каталаунского сражения.

Думаю, что такая долгая подготовка и длительное терпение обернутся заслуженным успехом и победой.

Во имя и во славу всевышнего бога Тенгри и бога войны Пуру благословляю короля королей, великого кагана Аттилу, сына Мундзука, повелителя гуннов, готов, антов и славян, вандалов и аланов, персов и парфян, и непобедимого, достойного во веки веков Августа на священный поход на Рим!

Аттила (с воодушевлением). Где мой легендарный конь Алтынжал? Где мой тулпар? Где мои боевые доспехи? Славные мои вонтели и достойные полководцы, время настало! Вперед на римские бастионы!

Звучит труба. Музыка. Восторженные крики и возгласы: «Аттила! Аттила – сын победы! Великий светоч! Великий наш отец! Владыка всей земли! Господин целого мира! Великий каган! Король королей! Аттила – Бич Божий! Аттила могуч и славен!».

Небольшая пауза. Появляется надпись на латыни: «HISTORIA»... В глубине сцены вырисовываются войлочные, разукрашенные орнаментом юрты.

На дальнем фоне предстают многоэтажные и разнообразные здания современного города Казахстана.

Размеренным и величавым шагом идет Приск Панийский в длинном парике, с папирусом в руках. Перед зрителями он раскрывает папирус.

Приск (читает). «... Поработив Италию, Аттила возвратился восвояси и объявил войну и порабощение страны восточным римским государям, так как дань, поставленная Феодосием, не была выслана.

... После смерти Феодосия в 450 году императором стал Маркиан и занимал трон семь лет.

... Через год после возвращения армии Аттилы император Валентиниан III убил Аэция. А еще через год один из собственных офицеров убил самого Валентиниана из-за поруганной чести своей жены.

... Принцесса Гонория из Константинополя возвратилась в Италию, где ее вскоре выдали замуж и больше о ней ничего не стало известно.

... Ко времени своей кончины Аттила взял в себе в супруги – после бесчисленных жен, как это в обычае у того народа, – девушку замечательной красоты по имени Ильдико. Ослабевший на свадьбе от великого ею наслаждения и отяжеленный вином и сном, он лежал, плавая в крови, которая обыкновенно шла у него из ноздрей, но теперь была задержана в своем обычном ходе и изливаясь по смертоносному пути через горло задушила его...

... Аттила сын Мундука умер в 453 году. Его тело было положено в три гроба: золотой, серебряный и железный и погребено на дне реки Тисса вместе с саблей и конем...

... Одоакр, сын скифа Эдикона, как предсказывал Аттила, стал императором Италии в 476 году и находился на престоле семнадцать лет.

... Могучий гений Аттилы, как скажет один славянский историк на самом пороге третьего Тысячелетия, смог собрать воедино все разноплеменные силы, составлявшие гуннский союз, и способствовал развалу Римской империи и падению рабовладельческого строя в истории человечества»... (Музыка).

Занавес
КОНЕЦ

На поэтическом вечере в Центральной городской библиотеке г. Семей в 70-ые годы прошлого столетия.

Слева направо: поэты, член Союза писателей СССР Николай Алексеев, участник В.О.В. Павел Алексеевич Сапрыкин, Каюм (Габдулкаюм) Мухамедханов и Мурат Султанбеков.

Фото найдено в 2010 году

РАЗМЫШЛЯЯ ОБ АТТИЛЕ...

(О международной научной конференции в Алматы).

С полной уверенностью можно сказать, что 7-8 июля 2003 года станут исторической датой культурной и научной жизни не только Казахстана, но и многих стран мира.

В эти дни в Алматы состоялась Международная научная конференция «Казахская цивилизация в контексте мирового исторического процесса».

В первый день пленарное заседание данной конференции проходило в актовом зале санатория «Ала-тау». Вначале прозвучало приветственное слово от имени Министерства образования и науки, с которым выступил заместитель председателя департамента К.Курманалиев. также здесь прозвучало приветственное слово специалиста по внешним связям и сотрудничеству ЮНЕСКО В.Кушниренко.

Главными организаторами этой конференции, посвященной 1600-летию великого предводителя гуннов Аттилы Мундзукулы, были головной университет Кайнар в Алматы и институт Седимес университета Патеон Ассос в Париже. Перед докладами со вступительным словом выступил президент Седимеса, французский ученый Албагли Клод.

В первый день конференции участниками были прослушаны около двадцати докладов. В оснащенной по последнему слову техники в зале царил деловая и доброжелательная атмосфера. Среди докладчиков были представители дальнего зарубежья Албагли Клод (Франция) – Периоды цивилизации и их толкование в экономике; Деливанес – Нерепонте Мария (Греция) – Глобализация, цивилизация и войны; Тер Дюприе (Бельгия) – Цивилизация и развитие: основы исторического развития; Нода Джин (Япония) – Три казахских «бу» в китайских источниках и их отношения с Цинской империей; Надия Мания (Румыния) – Цивилизация, война и совместная жизнь в нижнем Дунае IV-V веков; Калюжнова. Е. директор центра Евро-азиатских исследований Редингского университета (Великобритания) – Современные цивилизации и экономики: роль энергии в Каспийском регионе.

Ряд интересующих слушателей вопросов вызвали доклады из ближнего зарубежья и Казахстана: Кляшторный С.Г. (Санкт-Петербург) – Кипчаки куланы, половцы: кто они? Югай Г.А. (Москва) – Об арийских истоках и перспективах казахской цивилизации; Нысанбаев А.Н. (Алматы) – Казахская цивилизация как проблема социальной философии.

Здесь следовало бы сказать о том, почему организаторами данной научной конференции выступили французский и казахстанские вузы. Дело в том, что неподалеку от Парижа, близ города Шалона, в 451 году происходило грандиозное сражение между войсками Аттилы и Аэция (Италия), в котором с обеих сторон принимало участие 200-250 тысяч воинов. Отзвуки этой великой битвы дошли вплоть до нашего времени. Исследователи древней истории до сих пор не пришли к единому мнению относительно того, на чьей стороне все-таки тогда была победа. Тем не менее французы берегут и чтят память об этом историческом событии. В предместье города Шалона имеется указатель, оповещающий о местонахождении лагеря Аттилы. Об этом и о других сведениях впервые оповестил казахстанцев президент университета Кайнар, академик АЕН РК,

профессор Омаров Е.С. после своих поездок по достопримечательным местам в Европе, связанным с движением гуннов.

Надо сказать, что соответствующий резонанс у присутствующих в зале вызвали доклады профессоров М.К. Койгельдиева, Е.С. Омарова, С. Узакбаевой и другие.

На следующий день согласно программы работали две секции «Исторический опыт цивилизации: становления сотрудничества и взаимодействия» и «Основные ценности, институты и динамика развития казахской цивилизации». На этих секциях были прочитаны около 40 докладов и сообщений (от 5 до 15 минут по регламенту).

Непосредственно жизни, деятельности и роли в истории Аттилы касались С.К. Утениязов «Аттила глазами очевидца», М.Р.Султанбеков «Об Аттиле в контексте мировой литературы», К.К.Котошева «Сущность этнической культуры и глобализации», К.Ш.Хафизова «Числовая символика у народов Восточной и Центральной Азии» и другие.

Общие итоги международной конференции, посвященной 1600-летию Аттилы, на тему: «Казахская цивилизация в контексте мирового исторического процесса» подвели Албагли Клод и Ф.Н.Нысанбаев.

Ректор Семипалатинского филиала университета «Кайнар» Л.Н.Маусымбаева участнику и гостю из Франции, одному из организаторов данной конференции Албагли Клоду по казахской традиции надела чапан и тюбетейку с национальным орнаментом.

В заключение Албагли Клод вручил активным участникам конференции специально выпущенную медаль Аттилы. Среди многочисленных награжденных казахстанцев был и наш сотрудник, кандидат филологических наук М.Р. Султанбеков, удостоенный за историческую пьесу «Аттила» в 2-х частях и 5-актах, профессора А.Н. Нысанбаев, Е.С. Омаров, Л.Н. Маусымбаева и другие,

Иностранные участники конференции посетили достопримечательные места Алматы, начиная с Медео, и выехали в Туркестан для посещения мавзолея Ахмета Яссауи и встречи со студентами и профессорско-преподавательским коллективом Международного казахско-турецкого университета этого города.

Журнал «Абай» № 3, 2003 год.

ВОЗВРАЩЕННЫЕ ИМЕНА:

Аттила Мундзукулы

В подготовке данной серии статей и эссе с краткой биографией о гласно и негласно запрещенных в течение десятилетий именах мне, так или иначе, приходится обращаться, и писать о своем давнем, со студенческих лет, и большом наставнике Каюме Мухамедханове.

Как-то в начале 60-х годов уже прошлого столетия он в частной беседе за домашним чаепитием заговорил о каком-то, неизвестном мне, далеком предке казахов Аттиле.

В частности, многоуважаемый мугалим Каюм – ага, как мне врезалось в память, говорил о том, что Аттила завоевал в свое время полмира, что он имел двести жен, что о нем хорошо знали и обменивались сведениями деятели Алашорды Алихан Букейханов, Миржакып Дулатов, Ахмет Байтурсынов, Жусипбек Аймаутов, что мы – недоучки, потому что об этом ничего не знаем. А я только беспокойно оглядывался по сторонам и оборачивался назад, словно кто – то нас подслушивает...

Покрыта туманами столетий и тысячелетий древняя история казахского и других тюркоязычных народов. Только в последнее время благотворными усилиями и научными открытиями ученых разных отраслей наук – историков, археологов, этнографов, географов, литературоведов, лингвистов и др. – пласт за пластом раскрываются, изучаются и определяются наслоения многих веков и тысячелетий...

Но вот одна загадочная и легендарная личность из далеких предков начала нашей эры по имени Аттила (по другой транскрипции – Атилла, по – латински - Attila) была совершенно малоизвестна или почти неизвестна. Тогда как в Западной Европе и Америке в продолжение многих лет и столетий были написаны об Аттиле исторические статьи и монографии, ставились в театрах оперы и драматические спектакли, создавались мифы, легенды, романы и поэмы.

Вот такая ситуация завуалированности, таинственности и даже негласного запрета вокруг имени Аттилы в советской

историографии меня давно заинтриговала и подспудно подталкивала к постепенному сбору материалов о нем. В конце концов, это невольное увлечение привело меня к созданию исторической пьесы «Аттила», опубликованной в журнале «Абай» №№ 2,3 за 2000 год. По школьной программе истории остались смутные знания о неких варварах, пришедших в Европу с Востока, которые способствовали падению могущественной и процветающей Римской империи.

Постепенно с углублением знаний по истории тюркоязычных народов ассоциативно появилось предложение о том, что татарское название реки Волги – Идель, различные наименования, в том числе башкирской хоккейной команды «Итиль», исторически восходят к имени знаменитого гуннского вождя Аттилы. Наконец, по карте, помещенной в историческом фолианте Льва Гумилева «Древняя Русь и Великая Степь» (Москва, «Мысль», 1989), в устье Волги находился город под названием Итиль.

В самом начале 90-х годов, когда были возвращены народу имена и творческое наследие казахских писателей и ученых, репрессированных в 30-ые годы, была опубликована поэма – толгау Шакарима Кудайбердиева «Қазақтың түп атасы» - «Истинные предки казахов» (см. журнал «Абай» № 1 за 1992 г), где автор генеалогию казахского народа начинает с незапамятных времен от пророка Нуха. В этой поэме есть три четверостишия, посвященные Аттиле:

Расскажу о делах, сотворенных Аттелой.

Люди считали его мощь и силу священными.

Из – за страха перед Аттелой под его властью оказались

Вся Азия и большинство стран Европы.

Аттела был сыном хана Мунжука.

У него были большая голова,

Широкая грудь, имел невысокий рост.

Прошло тысяча пятьсот лет, как он умер.

Но совершил он прекрасные дела.

Зачем я буду перечислять земли, которые он завоевал.

Отрадно, что был у нас такой предок.

Хоть нынче мы стали униженными,

Вспомнив прошлое, пусть досада в тебе расходуется.

(Подстрочный перевод).

В истории движение гуннов с пределов Китая и Монголии на запад известно под названием «Великое переселение народов». Определенная часть их поселилась на обширной территории между

Каспийским и Аральским морями, где и родился и вырос будущий полководец, хан или каган, завоеватель мира Аттила сын Мундзука, который по разным сведениям покорил двенадцать корон и тридцать государств Азии и Европы.

В начале нашей эры к разделению и передвижению гуннов способствовали бесконечные войны с китайцами, которые в один какой – то период вынуждены были даже платить им дань. О расселении гуннов известный ученый – востоковед Л.Н. Гумилев в своей книге «Хунны в Китае» писал: «... Хунны были побеждены и образовали четыре ветви. Каждая из которых имела свою судьбу. Одна из них, наиболее неукротимая, отошла через степи современного Казахстана в междуречье Урала и Волги в поисках новой родины, вторая – «Малосильные хунны» - осела в Тарбагатае и обладала Азию своими подвигами. Третья – наиболее инертная, осталась на родине и смешалась с победителями, вследствие чего в сяньбийском языке оказалось огромное количество тюркских слов. Наконец, четвертая ветвь осела по обе стороны Великой стены, в Шаньси, Ордосе и Алашаня...»

И вот уже в V веке объединенные силы гуннских, покоренных причерноморских, германских и славянских племен под предводительством Аттилы захватили правобережье Дуная, дошли на севере до датских островов, а на западе – до Британии. Византия или Восточно – римская империя платила дань гуннскому властителю.

Главная ставка Аттилы находилась в Паннонии (ныне Венгрия). Интересно, что издавна Венгрия на всех европейских языках называется «Хунгрия», начиная с латинского. Совершенно очевидно, что корень этого слова исходит от слова «хун» или «гунны». Только в русском языке, а через него на всех языках народов бывшего Советского Союза эта страна произносится и пишется «Венгрия».

Из всех многочисленных походов и сражений Аттилы Мундзукулы наиболее известна так называемая «Каталаунская битва», происходившая неподалеку от Парижа около города Шалон. Там ныне, по свидетельству ректора университета «Кайнар», академика Е. Омарова, установлен указатель, оповещающий о том, что неподалеку находился лагерь Аттилы.

В том ожесточенном Каталаунском сражении противную сторону возглавлял бывший приятель и сверстник Аттилы, западно – римский полководец Аэций, на стороне которого выступали бургундское, франкское и др. племена. С обеих сторон в этой

кровавой битве участвовало в пределах 250 тысяч воинов. До сих пор неизвестно, на чьей стороне была тогда победа. Жертв было бесконечное множество. Даже потом появились мифы и легенды о том, что духи здесь погибших летают, как птицы, по небу и призывают к миру и благоденствию. Это сражение происходило в 451 году. Войска Аттилы отошли на Восток, но через год двинулись на Рим. Здесь навстречу гуннам вышел папа римский, архиепископ Лев I со всеми хоругвями, знаменами и дарами и сумел переубедить Аттилу в его намерении.

Об этом историческом событии есть замечательная картина итальянского художника Рафаэля «Встреча Льва I с Аттилой в XVI», которая ныне хранится в Ватикане.

Бесценные сведения о гуннах и об Аттиле оставили греческий писатель и современник завоевателя Приск Панийский, живший в следующем VI столетии готский историк Иордан и латинский автор Аммиан Мерцеллин (конец IV века).

Жизнь и деяние Аттилы нашли своеобразное отражение в германском эпосе «Песнь о Нибелунгах», где он назван Этцелем и в исландской народной поэме «Старшая Эдда» (Атли).

В предисловии к книге «Падение Рима» (М., 1988) М. Тимофеев вполне достоверно пишет: «... Могучий гений Аттилы смог на какое-то время собрать воедино все разноплеменные силы, составлявшие гуннский союз. Племена, населявшие территории от Рейна до Волги, платили ему дань».

Справедливости ради надо сказать, что образ Аттилы сына Мундзука негативно отражен и выведен в «Божественной комедии» Данте, в поэме советского поэта Дмитрия Кедрина «Свадьба» и др.

Однако в различные столетия об Аттиле было написано множество пьес, по которым ставились спектакли на сценах Рима, Берлина, Парижа, Москвы и др.

О роли и значении гуннов в истории человечества известный ученый – ориенталист А.Н.Бернштам писал: «... Их роль в разгроме рабовладельческих, античных отношений должна быть оценена как прогрессивное явление, как участие в событиях, родивших новую социально-экономическую формацию – феодальную...»

Умер Аттила в 453 году от кровоизлияния из носа и горла (есть версия, что его задушила готская женщина). Со всеми гуннскими почестями Аттила был похоронен на дне реки Тисса, отведя русло и вновь направив по-прежнему...

Великий итальянский композитор Джузеппе Верди (1813-1901) создал 26 опер и множество музыкальных произведений, среди которых особое место занимает опера «Аттила» (1846), поставленная на многих столичных и провинциальных сценах мира.

Алматы-Семей, 2003 год

АТТИЛА МЕДАЛІ – ӘРІНТЕСІМІЗДЕ

Жақында «Қайнар» университеті мен Патеон Ассос университетінің Седимес институтының бірігіп ұйымдастыруымен Алматыда Аттиланың 1600 жылдық мерейтойына арналған «Қазақ оркениеті бүкіләлемдік тарихи процестердің даму барысында» атты халықаралық ғылыми конференция болып өтті. Оған шетелдік ғам қазақстандық ғылым және мәдениет қайраткерлері қатысып, салмақты да салмақты баяндамалар жасады. Екі күнге созылған ғылыми бас қосу барысында көптеген ғылым және мәдениет қайраткерлері Аттила атындағы медальмен марапатталды. Осындай құрметке ие болғандардың ішінде мәжілісте Аттила жөнінде баяндама жасаған әріптесіміз, Республикалық «Абай» журналының бөлім меңгерушісі Мұрат Сұлтанбеков те бар. Қаламгер бұл марапатқа «Аттила» атты екі бөлімді, бес актілі тарихи пьесасы үшін ие болды.

«Қазақ әдебиеті» газеті, 11.07.2003 жыл.

Абылайдың Мамай батыры

Поэма-толғау

Ойласам батырларды, қалам қайран.
Оларды халық сыйлап, еткен мақтан.
Жасыл бактай өсіп өнген шол далада,
Ансарын көпшіліктің олар тапқан.

Шәкәрімнің гажайып өнерімен
Табиғат пен сол күннің көркі ерен.
Жоңғардың жан түршігер зұлымдығын
Көркем сөзбен ап-айқын бере білген.

«Алқакөл сұлама» гой есте қалған.
Сол казак «Елім-ай» деп ән шығарған.
Қазақтың ұланғайыр тарихында
«Ақтабан шұбырынды» зарлап жатқан.

Шыңғыстаудан аттанған бір заманда
Тобықты көшіп-қонды Сыр бойында.
Шағанның, Бұлантының шайқастары
Алда еді, тек қастандық болды мұнда.

Талай жай болған еді күнде арман,
Әнет-баба дөн үстінде ұмыт қалған.
Оның сөзі он шипа болған еді,
Кімде кім бұл өмірде болса адасқан.

Ырғызға да жетіпті қаңғыбастар,
Кенгір мен Ор алған беті о бастан.
Үш жүздің үш билері ақыл қосып,
Қол жинапты шығарар алпарыстан.

Әбілмансур бала кезден мал баққан.
Сабалақ деп атанып, есте қалған.
Жоңғарды жекпе-жекте жеңу үшін
«Абылай» деп бабасын ұрандатқан.

Хан Абылайды жеткізген Төле би гой,
Бөгенбай мен Сабалақ салған атой.
Мейлінше шынығыпты көп ұрыста
Затынан дара туған шын ақылгой.

Жан-жактан ерлер жетті, тыным алмай:
Қабанбай, Раимбек те, Баян, Мамай.
Жәнібек пен Наурызбай, аласұрып,
Шауып келді, намысы ішке сыймай.

Ол Мамай он төрт жастың шамасында
Көзге түскен найзаның арқасында.
Жоңғардың қатарлары сирегенде,
Мамай тұрған шайқастың он басында.

Төле бар, Әйтеке мен Қазыбек би,
Үш жүздің басын қосып, бірге ылғи.
Аталады ұрандай қошеметпен:
Оналды қазақ халқы қаңғи-қаңғи.

Халық реңін қайтарған қазақтарға
Сол билер мен батырлар таң атарда,
Туар деп Шыңғыстауда жұмбақ Абай
Тандағаны Мамайдың шыңды Орда...

II

Өсіп елі Сырдарья бауырында
Ешкімнен саспаған жан ғұмырында,
Ертігін алып күшін Мамай батыр
Сініріп, сақтап жүрген тамырында.

Зәре ұшар айғаймен шапқыншылар,
Сәбидің басын шаншып, алып ұшар
Шығыстан, ойран салып, жеткен залал
Берекені ұшырып, опат болар.

Қырды Мамай жауды мықты құлашымен,
Сарбаздар қайсар болды қолбасшымен
Батырдың мықты тапқыр тәсілінен,
Кей жоңғар аман қалды қашуменен.

Дегенмен ойраттардың зұлымдығы
Айнала мал мен жанды қоса қырды
Қалмақ келді деп уатқан сәбилерін
Қазақтар сан ат қойған, бір қызығы.

Севен-Раптан хунтайжи болған қатал,
Жылдар бойы қазаққа жасап залал
Орына келген оның Тағдан Серен
Одан асқан зұлымдыққа құрған амал.

Төрт жүз жылдай даланың тұрғындарын
Қажалды, ылғи тоғиі сұм қапарын.
Сол бабалар жонғардың күйрейтінін
Аңарған, шабыстарда сақтап арын.

Мамайдың ерлігінің ақауы жоқ,-
Бағыр деп аталмаған ол кездейсоқ.
Жеңістің туын талай желбіреткен
Мамайға Абылайдың көңілі тоқ.

Бүгінде біреулердің қызғанғаны
Кен байтақ казак жерін, шекараны-
Көре алмаудың күйбіні, баска емес:
Батырлар қорғап қалған Сарыарқаны.

Аяғөздің маңында өткен шайқас,
Жонғардың жеңілгені болыпты рас.
Құрбандыққа шалып беріп бас тұлпарын,
Жеңілгенін тап мойындап, сыйлаған бас.

Әулие үңгіріне барған шақта,
Көресің көп бейітті осы жақта.
Сол жонғардың молаларын көрген сайын,
Мамай батыр елестейді сан жорықта.

Қуә оған Шағанның жоталары,
Жайылған жорғалаған отарлары.
Тәуелсіз ел тарихын жазылмаған
Танығар Шыңғыстаудың Ордалары¹.

Апырақай жазығы бар Балқаш көлде,
Жонғарлар жеңіліпті, қашып мүлде.
Сонда қырған талайын Мамай батыр,
Ондай шайқас болмапты бұл өңірде.

Жау қашты Жонғардың қақпасымен.
Шекара белгіленді Бақтыменен.
Оз елін көп ойлаған батыр Мамай
Кен жайлауды бос жатқан көріп білген.

Атырапты Уақ пен Найман қоныстаған,
Көршілес кен аймақта мәңгі болған.
Қазақстанның кен байтақ жері десе,
Бас қосып, бұлар жауға үре тұрған...

¹Абай ауданының Архат ауылы маңында Үлкен Орда, Кіші Орда деген таулар бар

Абай айтқан ұрпақтың алмасуын,
 Білеміз Шәкәрімнің үн қосуын.
 Екеуі де данышпан жол сілтеген,
 Көріп- біліп бостандықтың нақ аулын.

Шығуда бодандықтың құрсауынан
 Ұмтылдық осылардың ансауынан.
 Намысқа толы болған өлеңдерін
 Жаттап өсті әр қазақ бала жастан.

Мамайда тәңірі берген тоғыз ұл:
 Оларсыз болар еді өмірі тұл.
 Өлерін сезгеннен соң, жинап алып,
 Соңғы сөзін айтыпты, көріп мақұл.

Токсан жаста, мүлде емес келеке,
 Батыр Мамай шығыпты жекпе жекке.
 Көп еңбегі сіңген оның өз еліне,-
 Әкелген халқына ол тек береке.

Үш жыл ғана жүз жасқа жетпегені,
 Өмірде көп көргені мен білгені.
 Түркістанда Иассауи кешенінде
 Абылай ханның қасы еді меңзегені.

-Қалсын мәңгі осы жерде жүрегім,-
 Дегіті батыр, -Архат-менін өзегім,-
 Ұрпақтардың жалғасуын білген ғой,
 Болса да ол уақытта жасөспірім.

Абайдың ауданы бар, жаңғырыпты,
 Мамайдың ұрпақтары ру болыпты.
 Енді міне сол аудан бастан аяқ
 Мұражайдай жәдігермен құлпырыпты.

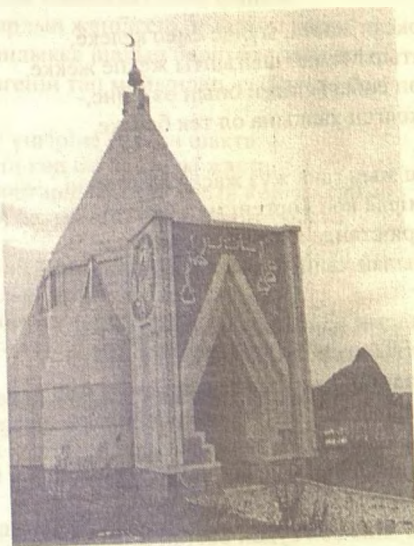
Батырдың болғаны ғой тегі күшті:
 Ұрпақтарының даңқы құстай ұшты.
 Архаттан шықты ерлер орындаған
 Отаны алға қойған зор борышты.

Олардын ісі-үлгі мәңгібаки.
Баян кызы тұрады есте ылғи.
Орыстармен жарыса, окка ұшқанша,
Берлинге де жетіпті алға қарғи...

Жарқырап жұлдыздары қысы-жазы,
Оралды Закария мен Серікказы¹.
Мақтандық ерлермен біз, сыныптастар,
Тез есейдік, оларға болып разы.

Еңбектегі даңқына болдык құштар
Бекембай мен Болаттын² алып ұшқан,
Ерлермен болғандаймыз бір жанұя,
Жүрегіміз оларды түгел құшқан...

«Семей таны» газеті, 27 желтоқсан 2011 жыл.

Нагробный памятник в ауле Архат Абайского района ВКО, где по завещанию батыра
Мамаю похоронено его сердце, а тело сохранено до весны и погребено у Мавзолея
Ахмета Яссауи в Туркестане.

¹ Кеңес Одағының батырлары Серікказы Бекбосынов, Закария Белібаев және орден иегері Баян Байғожина.
² Кеңес Одағының Еңбек ерлері Болат Бағдатов және Бекембай Әбжанов.

ӨМІР ЖАЛҒАСАДЫ

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Сакен Сейфуллин: славный сын казахского народа.

Семьдесят пять лет назад, 12-13 июля 1936 года, Казахстан праздновал двадцатилетний юбилей литературной работы и творческой деятельности широко известного писателя Сакена Сейфуллина. Торжественное собрание проводилось во Дворце культуры, расположенном на пересечении улиц 8 марта и Комсомольской. На сцену Сейфуллина выводил под руку первый секретарь крайкома ВКП(б) Левон Исаевич

Мирзоян, который потом был репрессирован 26 февраля 1939 года.

Крайне поразило всенародно признанного писателя и классика казахской литературы Сакена Сейфуллина специальное постановление Центрального Исполнительного Комитета Казахстана, где были такие пункты:

“1. Присвоить имя Сакена Сейфуллина Семипалатинскому учительскому институту, казахской средней школе, станции Алма-Ата, улице Училищная в Акмолинске, улице Набережная в Кокчетаве.

2. Присвоить имя Сакена Сейфуллина разъезду №11, откуда начинается Джезказганская ветвь Караганда-Балхашской железной дороги;

3. Выделить легковой автомобиль в личное пользование Сейфуллина”.

Уже в следующем году началась систематическая травля и последовательные гонения официально признанного писателя и мэтра казахской литературы, что привело к его аресту в сентябре 1937 года.

Сакен (Садуакас) Сейфуллин родился 15 октября 1894 года в Жанаркинском районе нынешней Карагандинской области.

Вначале Сакен учился у муллы в родном ауле. Затем ему довелось обучаться в русско-казахской, начальной приходской школе (1905-1908), в 1913-1916 годах - в городском трёхклассном училище в Акмолинске. В это время он начинает писать стихи. Принимает участие в молодёжном просветительском кружке “Единство”. Отец его Сейфулла был незаурядным домбристом, а мать Жамал была искусной рассказчицей и способной исполнительницей народных песен. Так с раннего детства Сакен (Садуакас) приобщился к искусству и поэзии.

В 1914 году в Казане С. Сейфуллин выпустил первый сборник стихов "Өткен күндер" - "Минувшие дни".

В 1917 году он открыл в ауле Бугылы школу, где сам преподавал русский язык.

Вскоре Сакен переехал в Акмолинск, где организовал кружок "Молодой казах", участвовал в выпуске газеты "Тіршілік" - "Жизнь" и преподавал на трёхмесячных педкурсах. В том же 1917 году Сакен Сейфуллин принимает активное участие в революционных событиях и становится одним из руководителей Акмолинского Совдепа.

В апреле 1918 года молодой Сакен написал песню "Жас казак марсельезасы" - "Марсельеза молодого казаха" и первого мая состоялась премьера его пьесы "Бақыт жолында" - "На пути к счастью".

4 июня 1918 года состоялась восстание белогвардейцев, в результате которого члены совдепа Акмолинска были арестованы. Сакену Сейфуллину 47 дней пришлось бороться с неминуемой гибелью в "вагоне смерти" атамана Анненкова.

3 апреля 1919 года Сейфуллин устроил побег из тюрьмы Колчака в Омске...

Творчество Сакена Сейфуллина также отличалась стремлением к новизне, новаторскими изысканиями, которые исходили от традиций Абая, Шакарима и таких представителей демократической литературы дореволюционного периода, как С. Торайгыров, С. Кубеев, М. Сералин, С. Донентаев и др.

В 1922 году Сакен Сейфуллин становится редактором республиканской газеты "Еңбекші казак" - "Трудящийся казах" и был назначен заместителем Комиссара Народного Образования.

На третьем съезде Советов Казахской АССР С. Сейфуллин был избран председателем Совета Народных Комиссаров. На этой должности он проработал три года с 1922 по 1925, считаясь самым молодым председателем Совнаркома.

Также Сакен (Садуакас) Сейфуллин был первым председателем Казахской ассоциации пролетарских писателей (Каз АПП) в 1925-1929 годы.

В дальнейшем он постоянно бывал членом Президиума правления Союза писателей Казахстана, был делегатом Первого Всесоюзного съезда писателей, которым руководил Максим Горький.

В коммунистическую партию Сакен Сейфуллин вступил в 1918 году. До и после этого он был среди активных участников установления Советской власти в Казахстане, участвовал в Гражданской войне. Обо всём этом довольно убедительно написано в первом казахском мемуарном романе "Тар жол, тайгак кешу" - "Тернистый путь".

Особое отношение было у Сакена Сейфуллина к партии Алаш-Орды. Ему импонировали учёность и образованность лидеров Алашской партии. Он поддерживал внутренне их стремление к суверенитету и независимости Казахстана. Но никак не мог поддерживать солидарность с байско-феодалной верхушкой и классовыми врагами, приверженность их к ханской структуре

власти. Примерно с такой позиции создавались произведения крупнейших представителей казахской новой литературы, как Мухтар Ауэзов, Габит Мусрепов, Сабит Муканов, Габиден Мустафин, Абдильда Тажибаев, Такен Алимкулов, Касым Аманжолов, Абдижамил Нурпеисов, Мукагали Макатаев, Толеген Айбергенов, Кадыр Мырзалиев, Азильхан Нуршапов.

Например, в исторической пьесе А. Тажибаева "Майра" выведен образ типичного алашордынца Дурбита, который учился в Стамбуле, элегантно одевался, носил турецкую феску и чёрную трость – кара таяк. В конце пьесы его убивает большевик Мурат... В 60-е годы прошлого столетия народный театр "Энтузиаст" в нашем городском Доме культуры показал эту драму на русском языке в постановке режиссёра, Почётного гражданина Семья Игоря Константиновича Вишневого, что имело ошеломляющий успех, поэтому была представлена сцена Областного театра им. Абая.

В 1936 году Сакен Сейфуллин первым среди казахских писателей был награждён орденом Трудового Красного Знамени. Но уже в следующем году в сентябре 1937 года Сакен Сейфуллин был арестован и заключен в тюрьму.

Имеются воспоминание супруги писателя Гульбахрам Батырбековой-Сейфуллиной, опубликованное в книге "О чём не говорили. А., Жалын", 1990".

Сакен Сейфуллин внёс большой вклад для зарождения и развития новой казахской литературы. Его перу принадлежат поэмы и стихи "Кокшетау", "Экспресс", "Советстан", "Альбатрос", "Красный конь". Начиная новые жанры в казахской литературе, он написал мемуарный роман "Тернистый путь", пьесы "Путь к счастью", "Красные соколы", которые с успехом шли на сценах казахских театров.

Когда Сакен Сейфуллин был заточён в застенки, состоялось первое и последнее свидание Гульбахрам – апаи со своим мужем Сакеном - Садуакасом, великим узником, о чём она впоследствии вспоминала так: "... Там уже сидел человек, вернее то, что от него осталось. Серое лицо, щеки ввалились, нижняя челюсть, обтянутая иссохшей кожей, выдавалась вперед, угасший, отрешённый взгляд устремлён в пол... И это - мой Сакен... Всего полгода назад он был веселым, здоровым человеком. Что же они с тобой сделали, если твои чёрные волосы побелели?..."

- ...Мои дела неплохие,- прохрипел он, дважды проведя правой рукой по колену.

Наверное, он хотел сказать, что дело его закончено и что он одной ногой уже в могиле, вот и давал знать. Но об этом я догадалась потом.

Таким было наше первое и последнее свидание.

Гораздо позднее я узнала, что ровно через двадцать дней, 28-февраля 1938 года, Сакен Сейфуллин был расстрелян". (Там же, с.73).

Да и самой Гульбахрам Батырбековой – Сейфуллиной пришлось пройти все круги ада через Алжир (Акмолинский лагерь жён изменников Родины), похоронить на той земле и единственного маленького сына Аяна, могилку-холмик которого так ей и не удалось найти впоследствии...

Вот так волей судьбы и тоталитарного режима выдающийся государственный деятель, писатель-классик, один из основоположников новой казахской литературы Сакен (Садуакас) Сейфуллин, не прожив даже полвека, совсем молодым ушел из жизни.

В новой столице Казахстана Астане на пересечении улиц Сакена Сейфуллина и Мухтара Ауэзова "Музей Сейфуллина представлен в центре: В сосновых срубках ладен особняк". В 1895 году Союз писателей Казахстана учредил литературную премию имени Сакена Сейфуллина. В Алматы, Астане и в других городах Казахстана ныне именем славного сына казахского народа названы театры и школы, библиотеки и улицы.

В одной из своих статей мне доводилось вспомнить и написать о том, как в 1956 году преподаватель, незабвенный наставник, почетный профессор Каюм (Габдулкаюм) Мухамедханов вошёл в аудиторию необычно взволнованным и радостно объявил: "Казахская литература отныне черезвычайно обогатилась творчеством трёх крупнейших писателей. Полностью реабилитированы Сакен Сейфуллин, Ильяс Джансугуров и Бенимбет Майлин, чьи творческое наследие возвращены в духовную сокровищницу казахского народа".

Вот такое благое дело продолжилось и в дальнейшем с возвращением народу творческого наследия Ахмета Байтурсынова, Миржакыпа Дулатова, Жусипбека Аймаутова и Магжана Жумабаева.

Двадцатилетие независимости и суверенитета Республики Казахстана - поистине всенародный праздник, с которым искренне и от всей души поздравляю всех соотечественников, не подразделяя на нации и конфессии...

Газета «Вести Семей», 27.12.2011 г.

Әз-ағаның романдарының мәртебесі туралы

Алдымен казак әдебиетінің ең таңдаулы қаламгерлерінің бірі, майдангер-жазушының өмірбаянына біраз тоқтап кетсем деп едім. Әзілхан Нұршайықов бұрынғы Семей облысының Жарма ауданында дүниеге келген. Он төрт жасынан бастап қалам ұштауға үйір болады да өлеңдері мен корреспонденциялары аудандық, облыстық газеттерде және республикалық «Пионер» журналында жарыққа шыға бастайды.

Бір қызықтысы, ол майданға Семейдің педагогикалық институтының қабырғасынан студент болып жүрген жерінен аттанады. Інілік жылы сезіммен Әзілхан-аға сол аз уақыттың ішінде біздің ардақты ұстазымыз Қайым (Ғабдұлқайым) Мұхамедхановтың лекцияларына қатысып, тындап үлгергенін еске алатын. Бертін 2004 жылы Қайым-ұстазымыз 88 жасында дүниеден қайтты.

Майданда болған кезінде сержант-зеңбірекші өзінің өлеңдерін майдан газеттері беттерінде бастырып жүріпті. 1943 жылы Әзілхан Нұршайықов өзінің «Атамыз Жамбыл ақынға» деген өлеңін республикалық «Социалистік Қазақстан» газетінде жариялағаны белгілі. Сол кезде бұл өлең кеңінен танымал болып, тарап кеткен екен. Сондықтан болар Жамбыл Жабаев-атамыз оған арнайы өлеңмен жауап қатқан екен.

Соғыс аяқталғаннан соң 1945 жылы Әзілхан Нұршайықов сол кездегі С.М. Киров атындағы ҚазМУ-дың филология факультетіне оқуға түседі. Оны бітірісімен журналистік қызметке қызу кірісіп кетеді. Сол жылдары ол Павлодар облыстық «Қызылту» гезетінің редакторы, «Социалистік Қазақстан» газеті редакторының орынбасары және «Қазақ әдебиті» газетінің бас редакторы болып қызмет атқарған.

Оның алғашқы очерктер кітабы «Алыс ауданда» деген атпен 1956 жылы басылып шықты. Ол кезде автор отыз төрт жаста ғана екен. Онан кейін «Махаббат жыры» (1964) повесі және тұңғыш романы «Махаббат, қызық мол жылдар» (1970) жарыққа шығады.

Талай орыс әдебиетінің классиктері, А.С. Пушкин мен Лев Толстойдан бастап, айтып кеткендеріне жүгінсек, көркем туындының ішкі мазмұны мен мән-мағынасын автордың ғұмырлық ұстанымы, толық өмірбаяны, оның ойлап, алға қойған идеясымен анықталып, орындалады. Осыған ұқсас ойларды қазақ әдебиеті тарихының аса ірі тұлғалары айтып кеткен. Нақтылай айтсақ, Шәкәрім Құдайбердиев діні мен ділі теріс адам баласына ғылым тек зыян болатынын өзінше «Сен ғылымға» атты толғау өлеңінде пайымдаған:

«Дүниені түзетуші,

Һәм бұзушы-бір ғылым.

Әрі зальым, әрі ғалым

Ел түбіне сол жетер»

Ұлы ақын және философтың бұл қағидасының түбінде терең де логикалық өміршең ой жатыр.

Шынында солай ғой, авторы қандай болса, оның көркем туындысы да сондай болып дүниеге келеді. «Махаббат, қызық мол жылдар» романының алғашқы беттерінен бастап, оқырманның көз алдына соғыстан жеңіспен оралған майдангер Ербол Есеновтың бейнесі бірден келеді. Өмір мен өлімнің арасында сұрапыл майданның жылдарын өткізген ол соғыс үзіп жіберген университеттегі оқуын жалғастыру үшін келіп, бірден үшінші курсқа түседі де өзінің басқа еркек атаулыдан жалғыз Жомартбек бар ылғи қыздардан құралған топта оқып кетеді. Осындай әйел балалардың ортасына ілігіп, түгін мен оқ-дәрінің несі әлі кете қоймаған, жалынды ұрыстарда шыныққан сарбаз Ербол басында жұмақтың саябағында періштелердің арасында жүргендей болса да өзін өте ыңғайсыз және ебдейсіз күйде сезінеді.

Өзгеше параллельдер мен салыстырма теңеулерге толы майдандық оқиғалар мен студенттік ортаның суреттеулері күлкілі сарындармен және ойда қаларлықтай сайқымазақ эпизодтарымен қызықтырады. Ал ең бастысы сол, автор соншалықты шын пейілімен оқиғаларды жеткізе білген, тіпті шығарманы басынан аяғына дейін өтіп жатқан желісінен ешбір алыстатпай оқырманын қызықтырады да баурап алады. Әсіресе көңілге қонымды және тартымды етіп курстасы Ментай мен отставкадағы сержант, ал қазір студент Ербол Есеновтың арасындағы шынайы да жүрекжарды махаббатын автор, еркін өргізіп, сана-сезімге қонымды етіп суреттеп берген.

«Махаббат, қызық мол жылдар» романы бірінші басылымынан бастап, оқырмандар арасында тез тарап, библиографиялық сирек кездесетін жәдігерге айналып кетіп жатады. Көптеген ұрпақтардың студенттері осы романды құмартып оқып, бүгінгі күнге дейін қызықтап келеді. Сондықтан болар Алматының «Атамұра» баспасы 2002 жылы он мың дана тиражымен тағы да қайталап басып шығарған еді.

«Ақиқат пен аңыз» (1976) роман-диалогын сөз қылардың алдынан азғана болса да оның алғы тарихына тоқталайық. Алғашқы соғыстан кейінгі жылдары біздің ішімізде, сол кезде мектеп оқушыларының арасында, бас кейіпкері біздің ардақты ағамыз Бауыржан Момышұлы болған Александр Бектің «Волоколамское шоссе» повесі өте үлкен сұраныс пен керемет қызықтап оқылуда болып еді. Сол уақытта Мәскеуді қорғауда және астанамыздың түбінде фашистік әскерді бірінші рет талқандауға қомақты үлес қосқан генерал Панфиловтың данқты дивизиясы туралы хикаялар тарап кеткенді. Ол кезде әсіресе жиырма сегіз гвардияшылдар-панфиловшылар туралы айтылып та, жазылып та жататын. Жастарға қуаныш тудырып, патриоттық сезімге бөлейтіні олардың тіпті жанын қиып, стратегиялық маңызды шепті қорғап қалуы мен ең жанкесті қиын кезде соңғы гранатамен қолында жаудың танкысының астына тап беріп жатып, қыратуы. Біз сол кездегі мектеп оқушылары, комиссар Василий Ключковтың «Отступить некуда. За нами - Москва» деген сөзін ұрандай жаттап алып, мақтанышпен айтып жүруші едік. Ол Қазақстанда құрылған Панфилов дивизиясынан деп шексіз мақтанып жүруші едік.

Міне сол кездерде, өткен ғасырдың елуінші жылдарында, менің қолыма кездейсоқ қалың мұқабамен түптелген сахнадан немесе эстрададан оқуға

жарап тұрған өлеңдер мен проза шығармаларынан үзінділер таңдалып енгізілген қалың кітап қолыма тиді. Бұл томнан көзіме оттай басылған танымал ақын Евгений Долматовскийдің «Қазақстан» деген бұрын маған беймәлім өлеңі. Осы күнге дейін ойымда жатталып қалған сол өлеңнен үзінді келтірейін:

Когда ты говоришь о Казахстане,
В моей солдатской памяти встают
Не пастбища в подоблачном тумане,
Не белой юрты войлочный уют,
А дождь и подмосковные осины
И осень в горестной своей красе,
Когда судьба Москвы и всей России
Сошлась к Волоколамскому шоссе.
На том шоссе, на той дороге узкой,
Плечом к плечу, как памятник в веках,
Стояли за Москву казах и русский,
Стояли насмерть русский и казах...

Әзілхан Нұршайықовтың «Ақиқат пен аңыз» атты роман-диалогында бас кейіпкер, әйгілі батыр, қолбасшы және жазушы Бауыржан Момышұлының өз аузынан сонау бала шағынан бастап, генерал И.В. Панфилов қаза тапқаннан кейін сол дивизияны абыроймен басқарып, жарқыраған Жеңіске жеткізгеніне дейін сюжеттің сұрапыл соғыс уақиғалары өрбиді. Бұл романы үшін Әз-аға 1980 жылы Абай атындағы Мемлекеттік сыйлыққа ие болып еді.

Өмірінің соңғы жылдары Бауыржан Момышұлы Алматыны тұрақты мекен етіп, әрдайым өзіміздің республикамыз бойынша және шет елдерге жолсапарға шығып тұратын, ардагерлер және жастармен кездесіп, жемісті де танымал жазушының дәрежесіне де жетіп еді. Оның қаламынан туындаған мынадай кітаптар жарық көрді: «За нами-Москва», «Наша семья», «Тулеген Тохтаров», «Генерал Панфилов», «Кубинские впечатления» және т.б. Айтпақшы, Баукен-ағамыз өзінің шығармаларын орыс тілінде жазатын еді.

Кейде ойға сыймайтын жағдай өмірде орын алып жатады. Осындай даңқы жер жаратын Бауыржан Момышұлы сияқты халықтың сүйікті батыры көзі тірісінде өзінің абыройына сай құрметтелмей жатады. Кенес Одағының Ері атағын оған өзі қайтыс болғаннан кейін біздің бірінші Президентіміз Н.Ә. Назарбаевтың тікелей қатысуымен ғана берілгені белгілі. Онымен қоймай кейбір мылжындар өзінің аман-сау кезінде неше түрлі ол туралы желаяқ сөздер мен қыршаңқы сайқымазактарды таратып жүретін. Ойлаймын, Әзілхан Нұршайықов осындайды да ескере отырып, өте мазмұнды да көзі тірісінде жарық көрген Бауыржан Момышұлы туралы тамаша романын «Ақиқат пен аңыз» деп атаған болу керек.

Ал өмірінің соңғы он жылында Әзілхан-аға негізінде барлық жағдайын өзінің жұбайы, жан жолдасы Халимаға, отбасына, балаларына, немерелеріне және шөберелеріне арналған «Мәңгілік махаббат жыры» (2005) деген соңғы романын жарыққа шығаруға, таратуға және көпшіліктің сана-сезіміне жеткізуге бағыштады.

Осы арада Семейдің орталығында Шәкәрім даңғылында тұратын майдангер досы, 4 жыл Ұлы Отан соғысында бірге болған, отставкадағы полковник Мұқан Омарбаев қатты ауырып жатып еді. Сонда көңілін сұрауға жартылай құпия Семейге Әзілхан-аға келіп кетті. Біз, бір топ ақын-жазушылар, журналистер және кітап сүйер оқырмандар, ішінде Ырысхан Мұсаұлы, Риза Молдашева, Мұратбек Оспанов бар, қарсы алып едік. Сол келгенінде бір сәтте

Батыс Қазақстанға барған жолсапарында болған көңілді кездесуін еске түсіріп, күлімсіреп, айтып еді. Бірден танылып қалған мұнайшы «Мәңгілік махаббат жыры» кітабын кеше сатып алған екен, тағы да келіп тұр дейді. Сен кеше бір данасын алып едің ғой десе, әлгі мұнайшы бұлай депті: «Әзекеннің «Мәңгілік махаббат жыры» кітабын әйелім, жастығының астына тығып қойып, жасырып оқиды. Мен өзіме жеке бір данасын сатып алайын дедім».

Сол жолы дәм татып отырған дастарқан басында Әзілхан Нұршайықовтың шығармаларын жақсы көріп оқитын бір әйел шын ниетімен айтып қалды: «Әз-ағаның «Махаббат, қызық мол жылдар» романын, жасырып ұстап, мектеп оқушысы болып жүріп, оқып шыққанмын. Жасырғанымның себебі, әке-шешем оны оқуға рұқсат бермейтін, демек ол кітаптің атында «махаббат» деген сөз бар екен. Кейінірек мен де білдім бұл сөздің Абайдың тамаша өлеңінен алынғанын».

Міне қымбатты Әз-ағаның, қазақ әдебиетінің классик жазушысы Әзілхан Нұршайықовтың арамыздан кетіп, Халима-жеңгеміздің Ақ-күмбезінің ішіне барып, мәңгілік жатқанына бір жылдан да асып кетті. Азиядаға қатысып, көк байрағымызды көтеріп жүргенде, Әз-ағамыз 90 жасына еркін жетіп, тойлаймыз деп едік. Амал қанша! Бірақ жүрегіміз оған сенгісі келмейді, қасымызда ол алтын адамның дауысы жылылығымен, тембірімен, мейірбандығымен әлі естіледі де тұрады...

Семей, 2012 жыл.

Мурат Султанбеков с супругой
Күлзадой Мағауияновной и внуками
Галимой, Ануаром и Амиром.
Астана, 2006 год.

М.Р. Сұлтанбеков ортаншы баласы
Ержанның жанұясымен
(солдан оңға қарай): немересі Әмір,
Мұрат Рахимжанұлы, Әмина, Дария,
Жанар Айдарханқызы және зайыбы
Күлзада Мағауияқызы.
Астана, 2009 жыл.

Слево направо сидит: Зарыкбек Кузетаев, Ырысхан Мусин, Азильхан Нуршаихов, Мурат Султанбеков.
 Стоят: Шолпан Иманкулова, Риза Молдашева, Турсынгазы Рахимов, Карлыгаш Аямбекова,
 Сауле Биназарова

На первом ряду слева направо: Ильяс Исаханов, Райхан Ахметова, Рысхан Мусаулы (главный редактор), Мурат Султанбеков, Мергали Ибраев, Муратбек Оспанов, на втором ряду: Асан Омаров, Омиртай Сексенбаев, Аманжолды Айкебаев, Балтабек Ерсалимов и Молдабек Жанболатов

Наш Семей.

Известен был Семей и в древнем мире.
За гуннами пришел сюда Чингис.
А тюрки с песней были ближе к лире,
За что акыны славились на «бис».

С веками в Прииртышье мир менялся:
Посланники степей с руин преград
Смотрели на зарю, где зарождался
Приречный новый город –
Семь Палат.

Гордимся мы Семеем нашим славным,
Поскольку свят трех генеев исток!
Абай, Мухтар и Шакарим землянам
Порождены эпохой в должный срок!

Семипалатинск связан с полигоном,
Что в трепет души приводил людей.
Он в спор вступал отважно с Пентагоном
И в доводах бывал его сильней.

Немало было и эпох, и воин.
Но не терял наш город добрый сан.
Хвалы сердечной снова он достоин,
Что началась для мира полоса.и

Висячий мост японского проекта
Поднял Иртыш на плечи в полный рост.
Взошли леса строительных объектов,
Фонтан на площади и мириады звезд.

Евразии стыковка в Жидебае,
Где жил Абай, свершая путь земной.
Здесь каждый житель, вспомнив про Абая,
За мир предстанет Чингистау – горой.

На острове иртышском есть то место,
Где Стела Мира,ласточек полет.
На форум мира,собираясь вместе,
Там люди разных стран зовут вперед.

Они и заложили первый камень
Музея Мира на ладонях рук.
Посланцы мира!
Семейчане с вами,
Наш мирный город-ваш надежный друг

Г-та «Вести - Семей», 21.09.2012 г.

*Астана. На ул. Сары Арки.
Слева направо: Гульжан, Рустем, Кульзада Магауиякызы,
(На руках) Жандос, Мурат Рахимжанулы, Ержан,
(сидят) Нльяс, Амири Азамат
Апрель 2010 год.*

Ана тілім.

Өмірдің қыратынан асқаннан соң
Өз тіліңнен безушілік қалды фасон.
Анаңның құрсағында тумай жатып,
Аңсайсың ана тілін естіген соң.

Ана тілін білмеген, ол бір сорлы,
Дәстүрін, ұлт қасиетін білмей, торлы.
Егерде басқа елге бара қалса,
Мәнкүрт деп, көрмейді ғой робот құрлы.

Дегенмен жібермеппін несібемді,
Кейбіреулер қазақ емес десіп еді
Абайдың көркем сөзі баурап алып,
Ішкі нәрін Мұхтар шіркін несіп етті.

Алайда ара болып, сөз асылын
Шірнедей теріппін ғой гүл басының.
Алыста қалды қайран жиырма бес,
Қасында жүрер ме едім бір Қасымның¹.

Сонда да ризамын мен тағдырыма,
Аз болған ой-шұңқыры, адырына.
Шешемнен айырылып ем қапелімде,
Сен жұбаттың, оралып, тілім-ана...

¹Қасым Аманжолов (1911-1955) – қазақ поэзиясының классигі, ардагер акын – майдангер.

МАЗМУНЫ СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
СИНИЙ МЕРИДИАН <i>Матросская повесть</i>	8

АЛАШОРДА

Звезда Алихана Букейханова.....	145
Три сокола казахской литературы.....	157
Миржакып Дулатов.....	164
Жусипбек Аймаутов.....	166
Магжан Жумабаев.....	170
Әдебиет пен тарих үзеңгілес еді ғой.....	173
Жас Мұхтар Семейде.....	183
О популярности романов Азильхана Нуршаихова.....	190
Ұмытылмайтын ғылыми жетекшім.....	194

АТТИЛА

(Екі бөлімді, бес актілі тарихи пьеса)	205
«Қазақтың түп атасы» атты поэма – толғауынан үзінді.....	254

АТТИЛА

Историческая пьеса в двух частях и пяти актах.....	255
Размышляя об Аттиле.....	298

ВОЗВРАЩЕННЫЕ ИМЕНА:

Аттила Мундзукулы.....	301
Аттила медалі – әріптесімізде.....	305

Абылайдың Мамай батыры

Поэма-толғау.....	306
-------------------	-----

ӨМІР ЖАЛҒАСАДЫ. ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Сакен Сейфуллин: славный сын казахского народа.....	311
Өз-ағаның романдарының мәртебесі туралы.....	315
Наш Семей.....	320
Ана тілім.....	322

Мұрат СҰЛТАНБЕКОВ

СИНИЙ МЕРИДИАН

АЛАШОРДА

АТТИЛА

Қазақ және орыс тілдерінде
На казахском и русском языках

Матросская повесть, статьи, поэзия и пьеса

Редактор Олжас Султанбеков
Дизайнер-верстальщик Фарид Карсакова
Корректор Кульзада Магауияқызы
Технический редактор Анар Бекбаева

Цена договорная
Отпечатано с готовых диапозитивов
Тираж 500 экз.
Отпечатано в ПК «Семей Печать»
Тел: 56-62-18

11
12
A
11
12
13
M
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100

*Будучи на военной службе старшим матросом
Тихоокеанского флота в 1964 году
написал первые страницы своей
матросской повести "Синий меридиан"
М.С.*

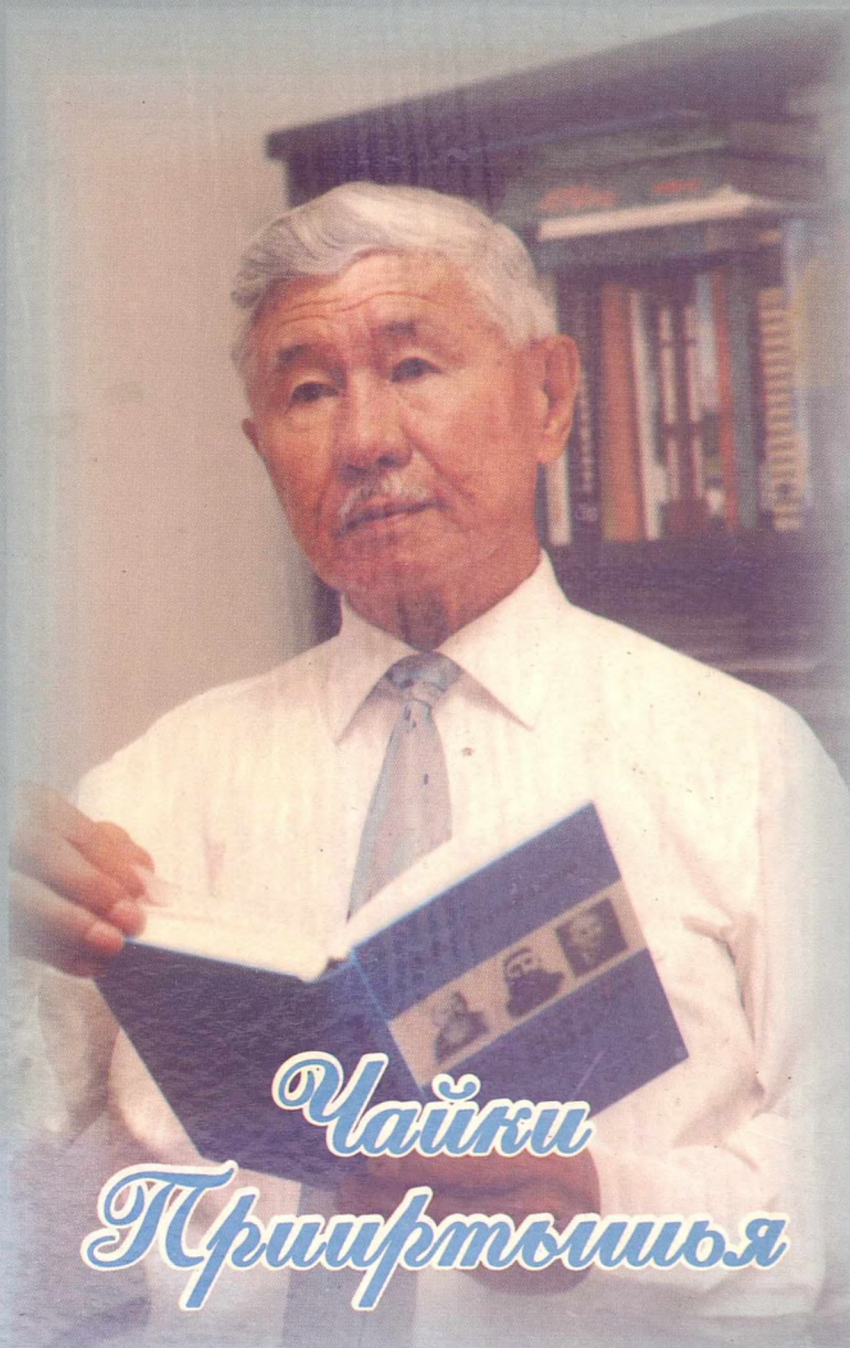

*Мурат Рахимжанулы Султанбеков с супругой Кульзадой Магауиякызы и
сыном Ержаном, магистром делового администрирования.
У памятника ханам Жанибеку и Керюю,
расположенного перед главным входом в музей
Первого Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева.
Астана. Лето 2012 г.*

87(5каз)

0 29

Мурат СУЛТАНБЕКОВ

*Чайки
Тришртмышья*

МІСЯЦЬ СЯВІТАНЬКОВ

Худ. А. Шевченко.

84(5Қаз)
С 89

Мурат СУЛТАНБЕКОВ

Чайки Триштышья

СТИХИ И ПОЭМЫ

Избранное

ш/б

Абай атындағы
МҚО Әл-Фараби кітап-
хана сыйқыры библиография-
сы біліміне сыйластық!

Автор

М. Султанбеков

3.12.2014 ж.

Семей, 2011 год

УДК 821.512.122=811.161.1
ББК 84 (5Каз-рус)-7
С 89

Рецензенты:

Ырысхан МУСАУЛЫ. член Союза писателей Казахстана, Заслуженный деятель Республики Казахстан, кавалер ордена «Курмет»;
Евгений Титаев, поэт, член Союза писателей Казахстана.

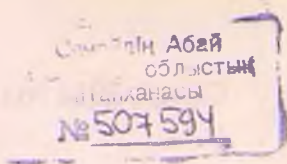
СУЛТАНБЕКОВ М.

С 89 Чайки Прииртышья. Стихи, поэмы и переводы. – Семей – 2011- 446 с.

ISBN 978-601-7195-31-1

УДК 821.512.122=811.161.1
ББК 84 (5Каз-рус)-7

ISBN 978-601-7195-31-1

© Султанбеков М., 2011

*Двадцатилетию суверенной
Республики Казахстан посвящая.*

Автор.

На вошедшие в данную книгу 12 стихов Абая. 26 стихотворений и поэму «Лейли и Меджнун» Шакарима были положительные публикации в республиканских газетах «Қазак әдебиеті», «Казахстанская правда», «Егемен Қазақстан», в областных газетах «Семей таңы», «Вести Семей» и других. Поскольку их предыдущие издания выпускались малым тиражом, они не смогли удовлетворить спрос учебных заведений и библиотек. Поэтому в данный сборник переведённые на русский язык поэтом и учёным, членом Союза писателей и Союза журналистов Казахстана, кандидатом филологических наук Муратом Рахимжанулы Султанбековым стихи этих двух классиков включены полностью.

Стихи, поэмы и другие переводы М.Султанбекова также имели доброжелательные отклики.

Сборник избранных произведений рассчитан на широкий круг читателей.

ЛИРИКА

МАТРОССКАЯ МУЗА

* * *

Весело, как с парашютной вышки,
«Старики» ныряют под крыло.
Шаг – и надо мною звонкой вспышкой
Яростное солнце рассвело.

Я держусь за солнечные стропы,
Сердце мое, как созревший плод.
Небо, ты не будь сегодня строго:
У меня лишь начался полет.

ТРЕВОГА

Топот торопливых ног,
Бегут, и тут, на ступеньках, кто-то:
- Рота, тревога! Единый бросок –
И мы – вооруженная рота.

Шуток нет, нет лишних слов,
Как будто на лицах иней.
Бросил взгляд на меня Орлов.
Что видит он ночью синей?

Круче дорога. Просвет в небе сиз,
Круг зловещ – залив и сопок силуэты.
Я бегу, но тянет вниз и вниз
Полная выкладка силой планеты.

Вдруг ЧП – вражеский десант?
Иль хотя б пограничная стычка.
Трассируют ночь звуки команд,
Резче слышны, чем обычно.

Цепко хватают на каждом шагу
Ветки, камни да кочки.
Липнут ноги к земле.
Не могу, не могу.

Трудно дышать.
Где конечная точка?
Нелегко взбираться в гору, нелегко:
Дважды выучка интеллигенту.

Ты – с завода, ты рос с молотком.
Я со школы – прямо в студенты.
- Шагом марш! –
Пulsирует кровь в висках.

Догоняю свою шеренгу...
Понимаешь, Алеша, забыл про страх.
- Дай каплю силы, земля, в аренду. -
Воля есть. В бой не был готов.

Значит, место в строю будет пусто...
Если вдруг упаду не я, а Орлов?
(Все ж коварное это искусство).
По-удмуртски не бросит:

«Покурим, отец»,
За «отца» извиняясь заранее.
Он, любясь игрой папиросных колец,
Не расскажет о будущих планах.

Далеко за тайгой, возле речки Иж,
Где помнят Чапаева в будке,
Взгрустнет по нему прибрежный камыш
И заплачут сады Удмуртии...

ОТВЕТ НА ПЕСНЮ

«Мы вас подождем»¹

Занимается новое утро
Над границей советской земли...
Мы встаем по сигналу «побудка»,
Мы живем от любимых вдали.

Наша жизнь – дни тревог, дни учений,
И в короткий солдатский досуг
Вспоминают ребята с волнением
Своих милых далеких подруг.

Ждите. ждите, родные девчата,
Так, как матери ждут сыновей.
Знайτε, слово солдатское свято,
И любви нет солдатской верней.

Вновь та песня согреет солдата,
И девчата в напеве простом
Говорят: «Вы служите, ребята,
Вы служите. мы вас подождем»...

НОВОГОДНЯЯ ВАХТА

Снег. Мороз. И веселые лица,
Песни. Елка и праздничный стол.
Ты сегодня стоишь на границе,
Стережешь этот берег и холм.

Ты запомнил не только «полундру»,
В человека влюблен, как поэт.
Ты стоишь, чтобы здесь он и в тундре,
Знал не только угрозу ракет...
Новый год скоро вселится в кубрик,

¹ См. К. Ваншенкин. Поиски себя. Москва. «Советский писатель». 1985., стр. 357.

И начнется такой перепляс.
Но, случись, боевую протрубят...
Ты запомнил, как в сторону Кубы
Смотрит в «беске» матросский анфас,

Как кричат шаловливые чайки.
Крон ветвистый для чаек – волна,
Новогодняя вахта кончается.
Новый год взял в объятия меня.

Снег. Мороз. И веселые лица.
Песни. Елка и праздничный стол,
После вахты матросу все снится,
Окрыляя, как чайку – простор..

ЗАСЛУЖИЛ

Мы встретились в большом столичном городе.
Но тут не встреча.
Поиск и наскок.
О, если бы не служба в эти годы,
О, если бы не даль путей – дорог!...
И снова перед нами Ада-Тау,
И запах яблок...
Вот зажглись огни.
Мне долго ль помнить скалы и заставу,
В тревоге жить, как у морских границ!

Нет, я не стал грубее там, на флоте:
Матросы душу берегут вдвойне,
Тебя узнал я среди многих сотен,
Ты среди ^{сотен} улыбалась мне!

Я не хочу, чтоб стала ты иною.
Иные пусть иной судьбой живут.
Пойдем сегодня в оперу с тобою.
Пойдем в тот мир, где о любви поют.

Еще в ушах и шторм, и шум прибоя, -
Среди пустынных вод я долго жил.
Пойдем сегодня в оперу с тобою,
Поверь, я этот вечер заслужил...

* * *

На службе флотской я немало пробыл.
Но глядя на морскую синеву,
Порой казалось, вижу хлеборобов,
Что днем и ночью, как в бою живут.
И улетали самолеты в небо,
И становились точками вдали.
Хлеба в степи, их налитые стебли
Хранили мы на вахте, как могли.
За днями дни отсчитывала служба
До возвращения в отчие поля,
Хлеб-солью доброй осенью, как нужно,
Нас встретила и обняла земля...
И снова, как на флоте, слышу сводки,
Заветных зерен ощущая горсть.
Земля, как море, знает по походке,
Кто свой на ней, а кто на ней, как гость.
Я с детства, затерявшись средь колосьев,
Комбайны кораблями называл.
Не потому ли там среди матросов.
Я по-сыновьи поле вспоминал...

НА РЫБАЛКЕ

Волнует царство хлорофилла
На разветвлениях реки.
Любовь и счастье сохранили
Нам острова и островки.

Пойди в осенний парк с тоскою,
Пойди с бедою в зимний лес.

Я здесь секрета не открою,
Бывает чудо без чудес.

Иртыш. Иртыш – мой первый лекарь
С накатом волн издадека.
Опять судьбу мою облегчил
Всплеск красноперки, чебака.

Годов пронзительные стрелы
Летят по сердцу, как стрижи.
И сердце гордое запело,
Что будет долго-долго жить.

В воскресный день под солнцем жгучим
Вдыхаю чистый кислород.
Ныряют ребятишки с кручи,
А ты все открываешь рот.

В кустах поют о жизни птицы,
И рыба клюнула.
Держись!
Уж чешуя в лучах искрится,
Искрятся брызги, как зарница.
Ах, удивительная жизнь!..

РОДНАЯ ПОЛОСА

ВЫПУСНИКИ ШКОЛЫ

Транзисторы молчат в прощальном классе,
В распахнутые окна входит май.
На свете есть одно, твое лишь счастье.
Его, как птицу, нелегко поймать.

Большими стали тонкие березы,
Учительница первая в годах.
И девочки смеются, пряча слезы,
Хохочут мальчики, взрослея на глазах.

Не раз считали окна и ступеньки,
Учили карту мира наизусть.
И на последней школьной переменке
Сама собой подкатывает грусть.

Вместят ли поезда и самолеты,
Учителей, соклассников, берез?
Сомнений нет ничуть, ни на йоту,
Чтоб школу кто-то в сердце не унес...

Есть в жизни перемены и преграды,
Но постоянны года времена.
Осталась в классе,
как всегда, на радость
Улыбчивая, в бантиках весна...

БУДУ РАД

Я помню девочку с косичками недлинными,
Я помню серые задорные глаза.
Ее движения сравнил б я с лебедиными,
А тонкий стан, ну, скажем, как лоза.
С ней не бродил аллеями тенистыми
И нужных слов сказать ей не успел.
Хоть были мы в те годы чисто-чистыми,
Друг к другу каждый как-то охладел.
О, поле, поле, поле белоснежное,
В числе других тот белый огонек.
В сугробах снега потерял я нежность.
На поле том построен городок.
Кого винить? Ее или разлуку долгую?
А может быть, я сам в том виноват.
Но если иногда, идя своей дорогою,
Как друга детства, вспомнит, буду рад...

В ШКОЛЕ

Наш старый учитель... Пришкольный участок.
Звонки переменок. И шум детворы.
К ним детство мое бесконечно причастно,
Нелегкое детство военной поры.

Оно унеслось, и осталась лишь память
Да чистое небо, да в поле косцы...
Вернулись живые, гремя костылями.
Иль молча неся фронтовые рубцы.

А дети есть дети.
Им надо учиться,
Им надо мечтать
всей вселенской мечтой.
Мне снилось:
иду по проспектам столицы,
Волнуясь еще нерожденной строкой.

О школа!
В каком запыленном архиве
Покоится детство мое,
мой двойник?
Я слышу, он шепчет, встречая:
«Стихи бы»...
То вырвется в окна раскованный крик.
Я снова спешу на звонок аккуратный,
Внезапно смущаюсь в кругу малышей.
Ах, знайте, ребята, в рубаше с заплаткой
Завидует детство мое у дверей...

УЛИЦА КОМИССАРСКАЯ¹

Война гражданская прошла по этой,
По Комиссарской¹ улице моей.
Здесь получил прописку я на свете
И рос среди комиссаровских детей.

Здесь деды беловласые под тенью
Широколистных деревьев, меря слог.
Рассказ вели об уличных сраженьях.
Мы слушали, устроившись у ног.

Я вспомнил детство в солнце и сиренах.
Полки, оркестры, крики: «О родной!»
Спилили мы деревья в дни осенние,
Что плачут горьким дымом над трубой.

Из-под ладоней шурились старушки,
За письмонощем – детвора гурьбой.
Пришла победа – замолчали пушки.
Мы закружились, улица, с тобой.

Вернулись победители в пилотках,
В походы трубы больше не трубят.
Назад ушли тревоги, письма, сводки.
Вперед плывут кораблики ребят...

Издалеку вхожу в твои объятия, -
Весь в кружевах от окон и дубов.
Пусть и не снится вам, другим ребятам.
Как смотрят окна долго и в упор.

¹ Ныне улица Батыра Богенбая.

ЗВЕЗДА

Брату Самату

Звезда моя,
не ты ль со мной родилась
И детство
проводила у реки?
Не ты ль со мной плыла
на волнах-крыльях.
Земною став,
природе вопреки?
Пути, пути...
И снова звездный город...
Хочу на небо
по ночам смотреть.
Нет мамы, нет. -
и пересохло в горле.
Струись, звезда.
вливая звону в голос.
...Без доброты
и добрых песен нет.

ОТКРЫТКА

Как хорошо, что есть восьмое марта,
Что жизнь и объективна, и мудра.
Мужчины, как «болельщики» азартны.
Воспалены, как игроки, с утра.

Но что найти, достать какую птицу.
Чтоб крылья ощутила дочь моя.
Чтоб дом мой покидая в колеснице.
Не забывала птицу и меня.

А ты, сестра, давно за синей птицей
Вспорхнула вдруг с родимого крыльца.
Заполнили наш дом другие лица,
Как копии то мамы, то отца.

По-мартовски и голуби воркуют.
Носители спокойствия земли.
Жена, жена, я про себя толкую,
Что правильно дороги пролегли.

Семейный лад,
Свекровь была, как лето.
В беседе мирной распивала чай.
Открытку, мама, сына и поэта,
Последней, как при жизни, получай...

ПРИБОЩЕНИЕ К ТЕАТРУ

И.К. Впшневскому

Война...
Нужда послевоенных лет.
Каким-то чудом притянула сцена.
Костюмы, грим и суета сует:
Любовь и дружба, преданность, измена.
В спектаклях-сказках
низвергалось зло:
Иван-царевич сек мечом булатным.
Арбузовскую Таню занесло
Стезей романтики в Сибирь куда-то...
По-русски зазвучала и «Майра»,
Где зря ловчил Дурбит
в турецкой феске.
Премьеры все сквозь годы, как вчера.

Встают за тюлем – легкой занавеской.
Тот наш союз питает до сих пор
Окрепшее духовное здоровье.
И если где-то будет перебор,
То вспомним сказки –
жизни предисловье.

И скажем, что нам в детстве повезло,
Что рано мы входили в мир театра.

Наш первый режиссер, без лестных слов.
Предвидел, подсказал и наше завтра.

В далекой юности послевоенных лет.
Великим чудом притянула сцена.
И в нашем режиссере клином свет
Сошелся
и остался неизменно...

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПТИЦ

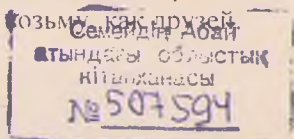
...Смотрите же, други, -
весеннее диво:
Небесный парад под взволнованный крик.
Грачи чернокрылые стаей шумливой.
И строй журавлиный по-воински лих,

Наверно, кричат, стосковавшись по дому.
Наверно, наш край им роднее, чем юг.
Так вот почему не могу я подолгу
Хранить безмятежность
в дни и ночи разлук.

Курлычат призывно в той сини глубокой.
Командуют что ль на своем языке?
Звенят в моем сердце высокие строки, -
Я тоже лечу с ними в тесном рядке.

Коль были ошибки, сегодня их смою.
Родные края я не меньше люблю.
Я снова мальчонка с кристальной душой:
Ладонями клин журавлиный ловлю.

Есть в детстве далеком грачиные гнезда...
В окно я следил за работой грачей.
Тогда я смотрел на них с детским вопросом.
Не зная, что в жизнь их

Закрою глаза – снова в детство лечу я.
О, как по-саврасовски птиц мне воспеть!
Они нынче радость мне дарят, врачуя.
Смывая тревоги всех прожитых лет...

МОЛОДОЕ ЛЕТО

Шиповника куст возвестил о начале
Иртышского красного лета.
У берега чайки опять закричали,
Волнуя младенца и деда.

Особое лето у нас, в Прииртышье:
Боярка, черемуха, травы, цветы.
Как плещется рыба в реке,
так и слышно.
Притих одуванчик, стыдясь наготы.

Не мчись напролом по зеленым просторам,
Спокойно пройди по полянам в цветах.
И запах полыни почувствуешь горлом,
Ромашки и ягоды встретишь в кустах.

Доносится песня с летучей «Ракеты».
И волны по галькам пускаются в пляс.
К воде побежали беспечные дети.
Пусть нынче и солнце палит, не скупясь.

Хорошее лето. Богатое лето,
Дома этажами уносятся ввысь.
Ребятам – строителям с высшей отметкой
На небе чужда, как пилотам, корысть.

Причалил июнь. Начинается лето.
Колосья нальются, созреет арбуз.
Хоть я улечу на другую планету,
К тебе. Прииртышье, опять возвращусь...

В ОСЕННЕМ ПАРКЕ

Идут студенты.
Ноша вся в портфелях.
Беспечный смех:
- Синица! Красота!

И парами смотрели, что-то пели.
Я встретил юность осенью
вот так.

Ах, осень, осень!
Мне не так уж грустно.
В тебе есть
свой кочующий уют.

Ты возвращаешь
к позабытым чувствам,
что, как синица.
Вереща, клюют.

Вот этот парк.
Какой-то вальс забытый.
Хороший взгляд.
И молодая стать.

В осенний день
пред памятью открытой
лишь листья могут
тихо так летать.

Любовь была
как тоненькая нитка.
Где смелость, там и робость.
Вот контраст!

Однажды
Так захлопнулась калитка.
Что полетел

разорванный «контракт»...
У осени свои цвета
и краски.
В газету долго смотрит
дед в очках.
Всплывают где-то
И мечты, и сказки.
И музыка
веселого катка.
По небосводу
пролетают птицы,
Чтоб их не заморозил
ранний снег.
А я то смел, то робок
И мне снится,
Что слышу то отчаянное:
- Нет!...

ОСЕНЬ НА ИРТЫШСКОМ ОСТРОВЕ¹

Шуршанье листьев, словно отзвук детства.
Гармошка, самовар и конь гнедой...
Досталось мне великое наследство –
Иртышский остров и отцовский дом...

Рыбачат на протоке мои дети,
И галки суматошные парят.
На острове я вспомнил стих поэта,
Кто вел отсчет годам от сентября².

Сильны под ветром тополя столетние
И кленов оголенные стволы.

¹ Ранес и ныне называется Полковничий остров в Семее.

² А опять минувшее итожу.

Мой день рожденья у моих дверей.

Я поднимаю солнечную ношу

Охажку отзвеневших сентябрей.

Семён Анисимов.

Мы много песен спели этим летом,
Зимой перепоют ли нас щеглы...

В высоких тополях повисли гнезда...
И вправду ненасытен долгий взгляд.
С моста такси сверкают, словно звезды,
Как мчится светлый катер.
Глянь-ка, глянь!

Легки стрекозы.
Крылья их прозрачны.
Как та вода, что в русле Иртыша.
Забыты все удачи, неудачи.
Так в Прииртышье осень хороша.

1992 г.

СТАРОЖИЛ

Уже немало лет, уже за сорок...
Здесь преданно живу я, старожил.
Цела изба отца, где вор, как ворог,
Скрепя по снегу, вокруг нее кружил.

Была война и в доме пусто-пусто,
(Не знаю уж, кого тут совестить).
Но этот скрип пристал к тем первым чувствам,
Что суждено так долго нам нести.

Игрушек нет, но все ж должны быть игры:
Я строил из песка дома, дворец.
И незаметно в оглушенном мире,
Смежив глаза, ушел от нас отец.

Осталась мать. Единственная мама,
Сегодня и тебя уж нет в живых.
Оберегла нас, детей, как знамя,
В защиту выступая за двоих.

Забор квадратом. Щель была в воротах,
Пищало коромысло на плечах.
Встревоженный соседскою красоткой,
Зелены куст, казалось, чах и чах.

Калитка, двор, мычащая корова
И пахнущее полем молоко.
И матери поверил я на слово,
Что будущее будет нелегко.

Так нелегко, когда качают корни,
И глаз не различает доброту.
Уж не летит над домом серый коршун,
Когда плывет отечественный «ТУ».

Жива, жива и память первой дружбы,
Хотя дороги дружбы нележки.
Наколками в заброшенной избушке
Мы в верности клялись, как моряки.

«Индийским станом» был иртышский остров,
Мы улюлюкали средь зелени и птиц.
Все было в жизни просто и непросто,
Что иногда и крикну:
- Отзови-и-ись!...

ПРОЩАНИЕ С ТЕАТРОМ

На последнюю встречу с театром
Торопливо шагает актер.
И гремит, и скрипит экскаватор,
Оглушительно стонет мотор.

Разрушается старое здание.
План строителей – компас в пути.
Лишь однажды живет мирозданье,
И один человек во плоти.

Не дано ему новое сердце.
Жизнь прошла поэтапно и враз.
Кулуары, знакомые с детства,
Тенорок неокрепший и бас.

Здесь и сцена была, и квартира,
Здесь услышал он первенца вскрик.
Оживлял этот дом и Шекспира,
Чтоб с актером
На «ты» говорил.

На афишах –
Островский и Майлин...
Разомкнулись «Абая» уста.
Для театра родившийся мальчик
В стариковских ролях неспроста...

Он простился с театром-квартирой:
Роли, роды, актриса – жена.
Настоящие слезы кумира
Видит, падая, сцены стена...

* * *

Еще одна зима уходит в небыль,
На лицах не увяла красота.
Я вспомнил и в огромных хлопьях небо,
И очерк оголенного куста.
Не обвиняю прошлых лет за скорость.
Нет бабушки, котят, веретена.
За нами вслед растет иная поросль,
Надеждой омолаживая нас.
По рельсам катят великаны – краны.
Хожу на поднебесных этажах.
Зима, зима...
Как на киноэкране,
На снежном фоне лица горожан.
На первых каплях – солнечные блики.
Кружит у водостока воробей.

Дороже трелей ныне чик-чирики.
Короткий месяц.
Месяц – бокогрей.
Иные игры нас волнуют ныне,
Но справедливой остается суть:
И на морозах дерево не стынет,
Когда так бесконечен жизни путь.

ПЕРВЫЕ ДРУЗЬЯ

Мне повезло на песни и друзей,
На преданных мальчишек и девчонок.
Я вспомнил их в один из ясных дней, -
Звучала песня давняя «Орленок».

Не перечислить всех по именам,
В далеких днях их было много-много.
На острове – тальник и птичий гам,
Купальщики ступают голоного.

Друзья мои, шагая стороной,
Ношу о вас стихи-вспоминания.
Кружила жизнь, как купол голубой
Кружил под карусельные катания.

Друзья постарше открывали мир:
И «Царь Салтан» и «Шурале» Тукая.
Так мы росли на всех ветрах семи,
Что дули, унося и увлекая.

Обрыв иртышский до сих пор Монблан.
В груди звенит июльский голос чаек.
Уплыли и матрос, и капитан,
В иных штормах отчаянно качаясь.

И все-таки надежны паруса,
На мир глаза открыты, как на диво.
За годы полстраны исколеса,
Я вижу вас с иртышского обрыва...

ОЖИДАНИЕ ВЕСНЫ

Почему не уходит зима,
Засыпая балконы снежинками?
По пороше, как будто не март,
День скрипит меховыми ботинками.

В человеке есть верный резон, -
С ощущением возраста летнего
К Иртышу уходить на озон.
Как кавказцы – к горам долголетия.

Возвратятся друзья с островов,
Где себя открывали таинственно.
Запоет мое сердце без слов,
Как весною однажды – единственно.

Эх, друзья, улетевшие прочь,
Как скворешен жильцы перелетные.
Нелегко нам друг другу помочь,
Моряки, инженеры и летчики.

Нынче март, как зима, не весна,
Надо бы к встрече друзей подготовиться.
Просто и жизни есть все времена,
Просто весен все меньше становится...

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПРИИРТЫШЬЕ

О рельсы, стегайте по резвым колесам,
Пусть мчатся назад полустанки, столбы.
Я скоро увижу картинку с откоса:
Мечети и домик, где сторож – бобыль.

Привет, дед морозовы сосны и ели!
Мне чудились звери и в вашей глуши.
Казалось, сквозь ветки, вздыхая, смотрели,
Как в сказке, медведи и их малыши...

Исчезли поля в помидорных свеченьях,
Встают этажами дома земляков.
Попали мечети в кольцо окружений
Широких, высоких, стооких домов.

Бульвары и скверы, за кранами – краны,
Ты все молодеешь, мой город родной.
Но только чуть грустно, что ныне к фонтану
С соклассницей ходит курносый другой.

В свой город я рвусь, как когда-то в столицу.
Здесь степь. лесостепь.
Пограничник – Иртыш.
Здесь давние годы я вижу сквозь листья.
Они берегли меня в дальнем пути,

Иртыш, мой Иртыш,
Ты и грозен, и нежен,
Ты ног отпечатки хранишь на песке.
Костры разведя, мы с рыбацкой надеждой
Сидели ночами, приткнувшись к реке.

Хоть все изменилось, во взрослые годы
По масти я помню своих голубей.

Вагоны, вагоны...
Вагоны-погоны
Пред знаками дальних и близких огней...

ЗА ИРТЫШОМ

Ильясу И.

Над нашим домом голуби летают,
Определяя давние круги.
За Иртышом та юность золотая,
Что стала тенью юности других.

Мы загоняли красношалих в летку.
Черемуха – под синей высотой.
Трусилы мы в пилотках за пилотками,
Забыв о возвращении домой.

И судьбы пораскиданы. как карты,
Вслед голос тот: «Проклятая война!».
Наверно, он в трагическом ударе
На мир воскликнул, думая о нас.

Не потому ль так беспокойна память...
Но наши мушкетеры все в пути.
Как мне искать секрет искусства Пабло.
Так и тебе в дороге не остыть,

На Иртыше играют те же волны.
А голос тот о голубях поет,
Шуршанье слышно снова крыльев звонких.
И свиста сильный, реактивный взлет.

Уж наши дети хмурят в небо брови.
Висков коснулась крыльями зима,
Мотая километрами дороги.
Шофер сильнее всадников Дюма...

Над нашим домом голуби летают,
Определяя давние круги.
За Иртышом та юность золотая,
Что стала светом юности других...

ДОРОГА

Уплыло детство давней осенью.
В нем было небо, звездный стяг.
В наплыве лет заветной просинью,
Оно осталось – мой костяк.

Дорога – вольная артерия.
А отчий кров всегда один.
Не вызывают в нем доверия
В пути промотанные дни.

Есть направленье силы воли.
Пилоты мчат из края в край.
Я торопил и гнал свой возраст –
Умчал на юг, где долог май.

Там пахнет летний зной урюком,
И виноград дразнит лису.
Вдали мне отчий дом порукой:
Ташкент, Дарья и Джетысу...

Ах, путешественница – юность,
Сестра родная аргамаку!
На стольный град любил в полночь
Смотреть в окно и видеть знаки:

То точки окон, э«м» метро,
То СЭВа здание, как книга.
Промеж ночную тьму народ
Мчит в электричке светлой нитью.

И вновь дорога и дороги.
Тайгу я видел наяву.
За дымкой Золотого Рога
На лентах якоря плывут.

Учеба, служба, снова – служба...
В клубок свернувшись и шипя,

Дорога, ставшая подружкой,
Легла у ног моих опять.

Еще есть южные курорты,
Коттеджи белые в Крыму.
До ослабления аорты
Дорога будет по уму...

ЗВЕЗДОЙ ОСЕНИТ... ПОСВЯЩЕНИЯ

СЛОВО ОБ УЛАНЕ МАШРАПЕ

Народ казахский породил батыров,
Чтоб с мест родимых отогнать джунгар.
Очистив от врагов все Прииртышье,
Воспринял это как небесный дар.

Немало земляков подстать Машрапу
На поприще свободы знал Семей.
В милиции Алаш-Орды по-праву
Он находился, что ему видней.

Он выстоял в кругу переворотов,
Как завещал потомкам Баядил.
Свою любовь и преданность народу,
Не растеряв, навечно сохранил.

Потом была железная дорога
С магическим названием «ТУРКСИБ».
В нем лучшие черты даны от Бсга,
Поскольку был и славен, и красив.

Придя в ряды милиции советской,
Он заслужил медали, ордена.
Прославив уланом с хваткой молодецкой,
В душе объявлена преступности война.

Он почитал Ауэзова Мухтара,
Среди поэтов был Абай горой.
Не встретил он свободу Казахстана,
Хоть окрылялся под ее звездой.

Теперь узнав о сыне Баядила,
Народ читает книгу и о нем.
Где честность непреклонна, там и сила,
Что уберег Машрап – все дело в том...

2009 г.

НЕЗАБВЕННЫЙ ЗАРЫКБЕК

Любуясь прииртышскою природой,
Мальчонка рос в прибрежном Бокенши.
В мечтах своих он при любой погоде,
Как в космосе, бродил в степной тиши.

Подвластны были впрямь вселенной дали
Такому пареньку, как Зарыкбек.
Он, следуя заветам Кузетая,
Обрел при жизни честь как человек.

Он радовал как сын отца Смаила,
Чье имя славно отчеством пронес.
Тем обаянием природа одарила,
Что воссиял звездою среди звезд.

Он обладал улыбкой космонавта
И наделен был добротой сполна.
Встречали люди, как родного брата,
Ликуя, словно солнышку весна.

Поистине космические дали
Покорны были в жизни и судьбе.
Зачем внезапно сердце перестало
Отстукивать в такт праведной борьбе.

И все-таки не хочется нам верить,
Что Зарыкбек ушел навек от нас.
Он будет жить на памятной поверке
С улыбкой космонавта в добрый час!

Так пусть продолжат эстафету дети,
И здравствует жена и мать Нурпан!
В сердцах людей останется на свете
Наш Зарыкбек, обретший звездный сан...

2007 г.

ПОМНЯ О ТУРЛЫХАНЕ КАСЕНУЛЫ...

Уж много лет Капанбулакской школе,
Где бегает задорно ребятня.
И на жарминском солнечном приволье
Волнует юбилейный зов меня.

Гордился Турлыхан учениками,
Взрастил поэтов, как Саду, Каюм.
Лучи Свободы льнут над головами.
Отринув их от прежних скорбных дум.

Мечтал он как поэт и просветитель,
Чтоб грамоту познал и стар, и млад.
Но в тех тридцатых сам большой учитель
Оболган был как враг и супостат.

Осталась школа как гнездо культуры,
Где обучал он юных аульчан:
На Балтике весь закалившись в буре,
С войны вернулся и моряк Сержан.

Повсюду есть питомцы Турлыхана,
Хоть сам погиб всего лишь в сорок лет.
Мечтая о Свободе Казахстана,
Молился он за суверенитет.

Батыр по духу породил кумиров:
И даже правнук ныне на устах.
А внук Даулет, став чемпионом мира,
За спорт болеет как спортсмен-казах.

Здесь, на жарминском небе, беркут кружит,
Здесь Турлыхан-ата учил детей.
Сплотившись памятью, живут и дружат
Потомки образованных людей...

БРАТЬЯМ ДАУКЕЕВЫМ

Бывает знак от самого рожденья,
Когда вся жизнь отмечена судьбой.
И с малых лет, познав предназначение,
Здесь иртышане осенены звездой.

Таковыми представляются Даукеевы:
Подростки Жусупбек и Кенжебек.
Ходили в парке летними аллеями,
Мечтая стать полезными навек.

Еще не знали, что живут в Евразии,
Где центром обозначен Жидебай.
Но с каждой неожиданной оказией,
Стихами прорывался к ним Абай.

И стали вскоре одухотворенными,
Гордясь весомым словом «педагог»,
Смотрели на детей всегда влюбленными,
Чтоб каждый черпал знаний сколько мог.

Так к ним пришла и слава всенародная:
Учитель, ректор, лучший мугалим.
Весной река Иртыш вся полноводная, -
Так счастье привалило-вкупе к ним.

И дети их, и внуки, как наследники,
Не упускали избранных дорог.
Как будущего верные предвестники,
Средь них есть и аким, и педагог.

Ведомые Даукеевским прозрением,
Они надежно правят у руля.
И мы воспримем это ускорение,
Чтоб процветала добрая Земля...

2004 г.

**РИЗЕ МОЛДАШЕВОЙ –
В ПАМЯТЬ О БЕКБОЛАТЕ**

Известна мне сей горести оплата,
Когда уходит младший брат, любя:
Один оставшись, потерявши брата,
Метнулся в жизнь, не помня сам себя.
По линии закономерной жизни
С восторгом старший зрит на малышей.
Здоровым выйдет из любых коллизий,
Поскольку брат – как компас, нет верней.
Но только бы не растеряться с лету.
Здесь память о былом – ориентир.
Представь себе, что улетел, как летчик.
Чтоб о сестре оповестить наш мир.
Дела его совсем еще недавно
Достойны были всяческих наград.
Но больше мнятся детские забавы,
Как следом топал братик Бекболат.
Пожалуй, есть Аллаха воля свыше
В свою обитель лучших призывать.
Пусть образ брата в памяти превыше
Пребудет, как земная благодать.
Пусть повторится полностью в потомках:
На то дана нам родственная связь.
Живи, Риза, как прежде, славно, громко.
Отвергнув зависть, в мыслях не таясь.
Лишь только там неодолимо горе,
Где голову на звезды не поднять.
Блаженство появляется во взоре,
Когда звездой брат осенит опять...

2009 г.

ВСПОМИНАЯ СУЛЕЙМЕНА НАКЫШУЛЫ УЙСУМБАЕВА

Придя когда-то с гор Чингисских, парень
Прославился как юный чемпион.
Природой статный рост ему подарен
И силой богатырской наделен.

Потом прослыл победами на схватках
Хозяином борцовского ковра.
На острове Полковничьем как брата
Нередко чествовали чуть не до утра.

К тому же стал красавцем голосистым,
Что песнями Семей был восхищен.
Любовь дана навеки самой чистой-
Он Хакимой был на всю жизнь пленен.

Подстать родителям повырастали дети,
Как Сулеке, охвачены трудом.
Не счастье ли на этом белом свете,
Когда царит семейный лад кругом.

Пусть дальше продолжают потомки,
Как завещал им дедушка Накыш.
Звучало имя Сулеймена громко,
Что будет долговечно, как Иртыш.

Не раз он песней наполнял окрестность,
Вселяя радость в лица семейчан.
И вспомнить Сулеймен-агу уместно,
Коль просится на музыку душа.

Как хорошо, что есть на свете люди,
От коих жизнь приятна и легка.
Поэтому есть счастье, есть и будет,
Что держит крепко сильная рука...

2011 г.

ЗВЕЗДА ЖАКИИ ЧАЙЖУНУСОВА

Нависло над страной большое горе,
Нагрянула Великая война.
И в Кокпекты их стало много вскоре,
Детей, хлебнувших горяшка сполна.

Сновали здесь ребята разных наций,
«Ага» - так называли Жакию.
Сложней иных военных операций
Найти к их душам линию свою.

Но все ж природа сына Чайжунуса
Талантом наградила по всему.
Сквозь бури проходил он, не согнувшись,
Сплотил детдом, как добрую семью.

Взрастил, как символ дружбы всех народов,
Он с Александрой восьмерых детей.
И все-таки мудра сама природа:
Приветы шлют им тысяча семей.

Детдом такой известный стал повсюду:
Овец растил, для армии-коней.
Воспитанники выходили в люди,
Прославив Жакию по всей стране.

И вот пришла однажды и награда:
Сняет на груди его звезда.
Учителю дана не для парада,
А как венец геройского труда.

На Чайжунусова стоит родная школа,
Мы бегали на берег Иртыша,
Когда весной свой ледоход веселый,
Он начинал, внезапно лед круша.

На этой улице прохожий не случайно,
Взволнован Чайжунусовской судьбой!
Над Иртышом летит и кличет чайка,
У окон школы за его спиной...

1994 г.

**К 50-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ УЧИТЕЛЯ
КАЮМА (ГАБДУЛКАЮМА) МУХАМЕДХАНОВА**

В январский день шестнадцатого года
Скрипел над Иртышем каленый снег.
Когда царизм кляла сама природа,
Родились Вы как неизвестный человек.

И годы шли бурно, накатом,
И не было невзятых крепостей.
К восходу Вы пошли, как враг заката,
Сложили Гимн республике своей.

Бывало пасмурно на нашем небосводе,
Но в справедливость веря, как Абай.
Вы жили для народа и в народе,
И воспевали Прииртышский край.

В труде и поисках прожили Вы полвека.
Еще родится не одна строка.
Творите, здравствуйте на радость человека,
Учитель, дорогой Каюм-ага!

Семипалатинск, январь 1966 г.

САЛАМАЛЕЙКУМ, ГЕРМАН ТИТОВ...

Взволнован
Наш Семипалатинск снова.
В честь встречи
Орден Ленина надел.
Он в ожиданьи
Германа Титова
С утра, как добрый дом,
Поевселел.

Ребята чаще
Щурятся на небо.
О космосе толкуют
Старики.
Лишь струны
У акына бьются нервно:
Торопятся взять
В музыку стихи.

Скорей седлайте
Скакунов, джигиты.
С моторным сердцем
Лучше скакуны...
Уже идёт,
Застёгивая китель,
Знакомое нам
Мужество страны.

Земля Абая,
Родина Абая,
Ты-кладовая
Песен и добра:
Ещё Титов
В раздумье улыбается,
О встрече с ним
Поёт уже домбра.
Так здравствуйте,
Саламалейкум!

Пошире космоса
Распахнуты сердца.
Вдоль улиц людей
Звонкою аллеей
Приветствуют.
Сливая голоса.

И глядят бороды
Седые аксакалы.
От них добиться трудно
Лестных слов.
Но молодо глаза их
Засияли.
Склонившись к внукам в галстуках,
Внушали:
- О, дети, будьте.
Как батыр Титов! ¹

1968 г.

¹ На юбилей Семья летом 1968 года приехал космонавт – 2 Титов Герман Степанович, который стал первым Почетным гражданином этого города. Он на моих стихах, опубликованных в газете «Иртыш», оставил автограф – МС

ЦИКЛ СТИХОТВОРЕНИЙ О МУХТАРЕ АУЭЗОВЕ

ПРОЩАНИЕ С АУЛОМ

За грядой гряда Чингисских гор. -
Там обитель светлая Абая.
Дух его представил детский взор:
Вдаль он звал, страницы книг листая.

Долгий путь, извилиста камча
И копыта конские с отдачей...
Не забыл Мухтар разлуки час,
Что казахской песней долго плачет.

На одном из лучших скакунов,
Как джигит, сидит мальчонок юркий.
Отдала все сердце, всю любовь
Внуку Динасиль, хозяйка юрты.

Да. Абай –
Загадка, как звезда.
Сердце след ладони сохранило.
Мухтар-джан запомнил навсегда,
Как к поэту бабушка водила.

В детстве все волнения легки.
Как паренье беркута над степью.
Прыгают ягнята, стригунки...
Что же там, за этой горной цепью?!

Запах трав и солнечная синь,
Лебединым пухом, - облака...
Недруг. красоты той не проси, -
Будет лишь протянута рука.

Облака плывут, как корабли
Капитанов дяди Касымбека.
Караван, как журавлиный клин,
Разлучает с детством человека...

ПРИЕЗД В СЕМИПАЛАТИНСК

Ойхой, какое диво, красота!
В домах кирпичных много ярких окон.
Сбывается аульная мечта
Ауэз-аты, как вещий сон пророка.

Какой Иргыш!
Паром и суета.
Груженные верблюды зло плюются.
Купцы галдят: раз – этак и раз – так.
На сходнях даже кулаками бьются.

На улице людей, как на байге.
Идут под-ручку офицеры чинно.
Мухтар все жметя к Касымбек-аге:
Невиданная мальчишеская картина.

А на балкон выходит дочь купца,
Бела, юна, как та из сказки пери.
В ауле нет похожего лица.
Куда Мухтар готов умчаться первым.

Мечеть двуглавая...
Татарин – муэдзин
Сзывает правоверных на молитву,
В училище Мухтар был не один.
Кто постучался в русскую калитку.

Колоколов церковных звук и зов
Вспугнули местных воробьев и галок.
Встречают Белослюдов и Попов
Степных детей без окриков и палок.

И с каждым днем все шире кругозор:
От Пушкина до гения живого
По письмам Шакарима – Льва Толстого.
И дал своей фантазии простор

По улице когда-то Крепостной²
Шагал на службу некто Достоевский.
Мухтару дом тот стал, как дом родной,
У берегов иртышских, а не невских.
В тот дом входил блистательный Чокан,
Уверен в дружбе, дружбой осиян...
Взьерошив пальцами копну густых волос,
Мухтар-то знал, смышленный мальчуган,
Что для бесед подобных не дорос...

ПЕРВЫЙ СПЕКТАКЛЬ В СТЕПИ

...И снова той на Ойкудуке ³,
Аул Абая – дети, внуки.

Здесь внучку замуж отдавая,
Поют сородичи Абая.

Акыш прощается с аулом,
За ней народ идет огулом.

Девичий заунывный голос
Такой, что небо расколось...

И в юрте Айгерим впервые,
Затмив дела межродовые,

Спектакль о судьбе влюбленных
Идет в картинах оживленных.

В театр греки в Древнем мире
Вдохнули жизнь под звуки лиры.

¹ Попов Василий Иванович – учитель русской словесности в учительской семинарии и в 5-классном реальном училище.

² Ныне улица Ф.М. Достоевского.

³ Ойкудук – урочище в Чингисской волости (ныне Абайский район), где находился аул любимой жены Абая Айгерим.

Природа стихла. Внемлют птицы.
Искусство вспыхнуло зарницей.

Но знали ль те семинаристы,
Что входят в мир как альтруисты!

Трагедия Енлик-Кебека.
Как рана в сердце человека.

Носил ее Мухтар безвестный
Из года в год, в пути, в поездках.

Принес пьесу горожанам.
И «Ес-аймак»¹ поставил с жаром.

Герои названы ответно
Степи Ромео и Джульеттой.

Иначе песни зазвучали
О молодых сердцах в печали...

Мухтар в театрах Ленинграда:²
Постичь секрет их музыки надо.

Он возвращался к пьесе снова.
В ней тонус есть, в ней – сила крови.

Казахский театр, никак иначе,
«Енлик-Кебеком» путь свой начал...

¹ «Ес-аймак» - казахский культурно-просветительный кружок, организованный в Семипалатинске в 1918 году местными учителями.

² М. Дуэзов в 1922-28 гг. учился в Ленинградском университете

НА ИРТЫШСКОМ ВЕТРУ

Лежала степь большой раскрытой книгой.
Поднять ее не хватит прежних сил.
Жила без славы мнимой и немнимой
Земля Мухтара.
Он ее любил...

Мне развернуть бы годы, как страницы.
И оживить дыханьем каждый год.
Представятся таинственные лица
И есть о юноше Мухтаре разворот.

О годы, годы – кладовые тайны,
Раскройтесь.
Как замки на вас разбить?
Вы Ауэзова родили не случайно:
В степи нет голоса с планетой говорить.

«Ярыш», «Ярыш»¹...
В ней мальчуган веселый
Играл в футбол.
Хрустел в зубах песок.
Но только в нем побольше было солнца.
В фантазии – тоскующих высот.

Он брал их понемногу, шаг за шагом.
Ему, наверно, возражал мулла:
Мухтар узнал, что во вселенной шаром
Плывет его родившая Земля.

И снова – знанья.
Знанья как открыться.
Он, как Абай, стоял над Иртышом, -
И ветер дул, и крепи перья крыльев.
Без перьев тех
Вся Степь – без окон дом...

¹ «Ярыш» (таг.) – «Состязание», первая футбольная команда в Семипалатинске.

К НОВОЙ ЭПОХЕ

Октябрь хлынул вихревым потоком.
В степях – кавалерийская «Ура».
Еще краснее стало на Востоке
Под сабельные высверки заря.

Февраль, Октябрь, война, разруха...
В толкучке смутных слов и лиц
Мухтар
Был чуток сердцем, напрягался слухом,
Чтоб мельтешила меньше пестрота.

В Жана-Семее рыщут сонмы белых,
Казахи скачут с криком: «О, Алаш».
Беда для тех, кто взялся за расстрелы,
Поправ девиз народный: баш на баш.

Рубились красные и белые отряды,
Рекою город, как мечом, деля.
И за решеткой незнакомый дядя,
Показывая жестами и взглядом.
- Мухтар –
писал на плоскости стекла.

И вовремя находит пленник помощь:
Мухтар в борьбе.
Он одержим борьбой.
Народ, избавившись от разных сонмищ,
Признал его губернии главой.

И далее на юг неслась тачанка, -
Войны гражданской верная сестра.
Над Иртышом кружили мирно чайки,
Стремглав бросаясь вниз и вновь паря.

Война прошла.
Волнует детский лепет.
Есть много смысла в именах детей:

Совет, Октябрь, Октябрина, Лена –
Надежда тех отцов и матерей.

Но дети, как растение, как всходы.
В эпохе новой как им жить без школ?
Ауэзов думает о будущем народа:
Пускай уходят в прошлое те годы.
Когда ходили, тычась посошком.

Пройдут года.
Пройдут десятилетия...
Поверит ли всецело кто-нибудь,
Что человека в орденах и лентах
Сальери все пытали, целясь в грудь...

1977-96 гг.

Журнал «Абай» №2-3 за 1997 г.

ИЗ ЦИКЛА «МАТЕРИНСКОЕ СЕРДЦЕ»

Светлой памяти матери Кульзни.

ОБНОВЛЕНИЕ

Так повелось,
в дорогу дальнюю и близкую
Меня обычно провожала мать.
В глазах рябит от дали серебристой.
А ей все надо что-то досказать.
Не оттого ли ветвями-руками
Вослед мне тянутся и машут тополя?
...Сейчас я с поезда
метнусь в Иртыш, как камень.
Сейчас я припаду к тебе, моя земля...

ВОЗВРАТИЛСЯ...

Окончил службу. Возвратился.
И нет погоды штормовой,
Где с песней флотской породился,
Где сжился с выправкой морской.
Там разбивала сон тревога,
Подняв в секунды целый флот.
И вот усталая дорога
Легла. свернувшись, у ворот.
Стучатся в окна ветки вербы
И руки добрых малышей.
А мать и верит и не верит,
Что сын опять вернулся к ней...

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Роскошный снег мне ослепил глаза,
Когда открыли ставни руки мамы.
Какой засоня!
Первый снег проспал.
Поймал бы первую снежинку ей на память...

А на земле такая белизна,
Что мать ступает мягко и сторожко.
И девушки душевны, как она.
Когда-то мамами, наверно, будут тоже.

И потому мне хочется любить,
Из-за любви свершить достойный подвиг.
Не потому ли снег летит, летит,
Чтоб этот день я мог навек запомнить?

ПРОЩАНИЕ С МАТЕРЬЮ

Перрон осенний, плачущие лица.
Призывники и шумный перепляс.
Ты зорко берегла в душе границу.
Что между смехом и слезами в нас.
Нет опыта, но есть такая сила.
Что по сосудам перешла в меня.
И с юных лет все то, чему учила.
Не каждый может и сейчас понять.
Сидел над книгами, не зная сна и ночью.
Грузил, летал, водил и трактора.
То видел, как провидец, жизнь воочию.
То, как поэт, слонялся до утра.
Гудок последний дал колесам ходу.
Им много дней стучать, стучать, стучать.
В запасе есть непрожитые годы
И есть сердца, где бьется слово «Мать»...

Газета «Иртыш», 20.08.1977 г.

ЗА ГОРИЗОНТОМ (Стихи разных лет)

РОДНОЙ ДОМ

*СПИ посвящается
М.С.*

Здравствуй, здравствуй,
родной институт!
Как мне выразить
радость и гордость?
Товарищи!
Я же учился тут –
В первом вузе
иртышского города.
Мой институт!

Ты так много мне дал.
Что вечно тебе
благодарен я буду.
Нигде тебя, дом мой,
не забывал.
И знаю-нигде, никогда
не забуду.

Альманах «Alma mater»,
Семипалатинск, 2004 год.

НОВОГОДНИЕ ЗВЕЗДЫ

Деревья стынут в царственном величье
И дышат в небо трубами дома.
И с каждым часом Новый год все ближе,
Пусть прибавляет градусы зима...

Сегодня ночь родительницей будет.
Она подарит краснощекий год.
Под небом осторожно ходят люди:
Младенец – год в двенадцать к нам придет.

И ждет наш город, затаив дыханье...
Кто сотворил великий звездопад!
На небе, на снегу и в окнах зданий
Лучистым светом звездочки горят.

Прохожие улыбчивы, как дети,
Я звезды на пальто им приколю.
О, если б так я был всегда приветлив
И знал бы только «здравствуй» и «люблю».

Стоит зима, зато рожденье года
Вселяет радость.
Нам тепло зимой.
Глаза людей, как звезды, светят кротко, –
Земные звезды в радости земной!

Пройди по новогоднему Семейю
И поступь космонавта ощути.
Все ж потому я, торжествуя, млею,
Что лучше Прииртышья не найти.

Газета «Семей вести», 25.12. 2008 г.

ЭХО ДЕТСТВА

Знакомая. волнующая
Улица,
Где суждено мне
Детство прописать.
Когда и стариком приду.
ссутлившись.
Ты взглядом окон
Встретишь. словно мать.
О, улица!
Единственная улица,
Как человек, как город,
как страна.
В какие б уголки
Я ни заехал,
Ты – эхо детства.
Эхо не отнять...

1969 г.

НАШ ДОСТОЕВСКИЙ

Не раз Семипалатинску везло:
Здесь гении прозревшие ходили.
И Достоевского однажды занесло
Попутным ветром, что позже оценили.
Лечил его недуги наш Иртыш,
И дядюшки, и тетушки признали.
Здесь голуби взлетали с наших крыш
И крыльями ему вослед махали.
Не мог наш Достоевский позабыть
Семей в своем приневском Петербурге.
Он вспоминал Чокана, его прить,
Души не чая в этом юном друге.

Здесь Мария и Федор как-никак
Познали исключительные чувства.
И стал наш край как судьбоносный знак
В преддверии великого искусства.
Пусть будет вся история к добру,
Музей его и впредь звучит как громко!
Не зря мы рады каждому утру,
Передавая нашу жизнь потомкам...

2001 г.

ТРОПА К АБАЮ

Бессмертные стихи поэта,
Определившие свой путь,
Из той эпохи в нашу эту
Дошли, Абай, не обессудь.

По-своему тропу к Абаю
Нам проложил Каюм-ага.
Он, как отец, учитель, знаю,
Предвидел наши берега.

Стихи Абая, назиданья,
Его поэмы, как коран.
Дают народу процветанье
И вдохновляют, как талант.

Габдулкаюм поднял из мрака
Святое имя – Шакарим.
Да все они идут однако,
Певцы народа, рядом с ним.

Вот шесть стихов, забытых где-то,
Пополнили Абая том.
Каюм-ага душой поэта
Хранил их, превнося в свой дом.

А вот Мухтар «Абая» пишет...
Представьте, хоть немало лет

Прошло с тех пор, в любом затишье
Живет Абай, забвенья нет.

И нас одной тропой к Абаю
Габдулкаюм-ага ведет.
О, Жидебай, любовь питаю
К земле, что преподносит взлет...

2004 г.

ИЛЬЯС ДЖАНСУГУРОВ

Звенела степь под конскими копытами,
Весенних яблонь цвет, как молоко.
Земля, что саблями и пиками испытана,
Освобождает песни от оков.

Батыры заперли Джунгарские ворота,
Цвели в долинах сливы и айва.
Журчанье рек и горлиц ровный рокот...
Арабской вязью просятся слова.

Следы лежат джейраньи да овечьи,
Здесь звезды южные, как лампы навесу.
Высокий он, как тополь Семиречья
И как мечта красавицы Аксу.

Взвиваются всклокоченные гривы,
Пускает соколом свой голос ввысь Асет¹
И все семь рек, как неземное диво,
Земле придали доброту и цвет.

Подстать земле расположились кругом
Вдоль рек аулы, песнями струясь...
Вбирай, вбирай, чтоб всей дышалось грудью,
Народную поэзию, Ильяс.

¹ Асет Найманбаев (1867-1928) - современник Абая, поэт, певец и композитор.

Внимая голосу, склонились тихо горы,
И оперлись о палки пастухи.
Акыну под домбру необходим и голос,
Чтоб зазвучали песнями стихи.

Тогда не время было, а эпоха,
Реальность романтических свобод.
И петь на старый лад, наверно, плохо
В шеренге Маяковского и Блока.
Когда за власть сражение идет...

В душе поэта чуткость камертона,
И в разуме слова провидца есть.
Оставил Джансугуров для потомков.
Все то, что в прошлое уходит, как экспресс.

В поэзии есть право Кулагера
Среди других всегда быть впереди, -
Спаялась Джансугуровская вера
С надеждой в поэтическом пути...

У ПАМЯТНИКА АУЭЗОВУ

Когда-то в том году шестидесятом
В Москву златую удалось попасть.
То время для меня поныне свято:
Я жил в Москве – мечта моя сбылась.

Средь многих сцен в большом калейдоскопе
Запомнилась поэзией Москва.
На площади, где в центре Маяковский,
Кружилась от поэтов голова.

Но мы остерегались гласной силы,
Скрываясь, разряжались по углам.

¹ экспресс – один из художественных образов И. Джансугурова.

Мы эту вот опасность упустили,
Когда не верят дети чудесам...

Да, было все...
Не просто так Ауэзов
Предстал пред нами в бронзе, как живой.
Сегодня стало ясно, что полезно
И сердцем жить, не только головой.

Он испытал всемирную известность,
Храня в своей сократовской груди.
Так трудно жить, когда таится честность,
Как слава, что светилась впереди.

НА ТОЕ АБАЯ

Олжасу Сулейменову

У гор Чингисских юбилейный праздник,
Собрание разноцветных лиц и глаз.
На этот день дано такое право,
Что для поэтов Караул-Парнас.

Здесь кони борются за званье Кулагера,
Джигиты – за поцелуи в кыз-куу.
Наполнена весельем атмосфера:
Берут с земли монеты на скаку.

К Абаю шли сыны Кавказа гордые,
Загнав в могилу кровного врага.
В степи округлой водопадным голосом
Округло хохотал Кайсын-ага.

Обычаи других – всегда экзотика.
А их, как тайну, пронесли века.
Ловили их, как ловят горизонты,
За облаками кроткими стиха.

Глаза прищурив, смотрят аксакалы.
По дастанам знают тех людей.
У которых профили, как скалы
Или кожа ковыля белей.

Под цоконьем копыт земля двоится.
Дай ширь степей!
Посторонись, Кавказ!
На Чингисском аргаме мчится
Взволнованный, волнующий Олжас.

И снова нет ни Запада, ни Севера,
Здесь южное и дружное тепло.
В Жидебае разное доверие
Северным сияньем рассвело.

1971 г.

ЛИНИЯ СУДЬБЫ

Тошимицу Мацузаве сан,
главе постройки висячего моста на Иртыше,
Почётному
гражданину Семей посвящаю.
Автор.

У человека есть судьба и Родина.
Но изначальны мать, отец и дом.
И как бы не была вся жизнь устроена,
Ты должен обрести себя в самом.

Семей наш кровно связан с человечеством.
Абай, Ауэзов, Шакарим и те,
Которых не назвал, связуя с вечностью,
Облагодородили наш город, как в мечте.

Со школы знаем мы, что есть Япония
И есть немало в мире разных стран.

Кабуки, кимано, висячий мост, как понял я,
Пришли с Востока с солнцем в Казахстан!

С годами осенило нас сознание,
Что в дружбе – мир и суверенитет.
Поэтому нам дорога Евразия.
Какой бы ни был твой менталитет.

Приятно, что идя по скверам города,
Встречаю лица всевозможных рас.
И думаю, что повезло нам здорово,
Поскольку есть и цель, и вера в нас.

Убрали полигон – вернулись праздники:
Открыт над Иртышом элитный мост.
А в Туркестане, как в святом заказнике,
В молитве каждый странствующий гость...

НЕМАЛО ВЕХ...

Кульзаде Магауиякызы

За сорок лет как мы с тобой женаты,
За нами много жизни разных вех.
Бывали и находки, и утраты.
Где правда есть, там во главе успех.

Ты помогала, поднимая внуков,
Что сердце было радости полно.
Когда живёшь в кругу желанных звуков,
Само собой и счастье нам дано.

Улыбчивы, как ты, на небе звёзды,
Загадочно сияя, дарят свет.
Ты не давала повода угрозе,
Коль подличал случайный человек.

Обычаев немало у казахов:
Один из них – у бабушки расти...
Могу избавить от остатков страха,
До полной нормы ласку довести.

И всё-таки росла цветком тюльпана
В долине неоглядной Кокпекты.
Одной судьбой нам суждено быть в паре, -
Немало вех нас ждут ещё в пути...

08.03.2009 г.

НА ПЕРРОНЕ

Вновь иду с матросским чемоданом,
Вновь мне в путь, Семипалатинск мой!
Опоздал немного
Я – нежданный
Возвратиться вовремя домой.

Без меня раскинуты бульвары,
На проспектах – новые дома.
Без меня сошлась в семейной паре
Та, что в дружбу верила сама.

Иль закон – опаздывать мальчишкам,
Не спускаясь с дальних синих гор.
Взгляд кого-то по перрону ищет,
Да какой теперь уж разговор...

МИРНЫЙ ГОРОД

Гудит весна
и обновляет землю.
К реке бегут по улицам
ручьи.
И в парке гнезда лепят
птичьи семьи.
На небе только
солнце и грачи.
Наполнен майскими
улыбками автобус.
С веселым сердцем
дело веселей.
Пусть счастье кружится
цветастое, как глобус,
Стучась в ворота
Родины моей.
Пронизан солнцем
Центр многоэтажный.
А архитектор чертит
новый план.
Пусть в новых скверах
листья с ветром пляшут.
Не станет танком
работяга – кран!

В ДРУЖБЕ И СОГЛАСИИ...

Издrevле люди жили в Казахстане,
Из-за кочевьев не щадя себя.
Соседи устремлялись неустанно,
Чтоб степи необъятные объять.

От гуннов древних до казахов наших
Просторы сохранили «от» и «до».

Назвали символически Алашем
И отправляли конницы за Дон.

Мы возвратили предка из Фараба.
Ученого кипчака Фараби.
Сложилось, наконец, такое право.
Что нет преград потомственной любви.

Здесь были и монголы, и китайцы, -
Свидетелем тому Иртыш – река.
Джунгария, напав, не обижайся:
Есть хан Аблай, чья тяжела рука.

Народ поныне помнит Кабанбая
И Богенбай-батыр ему подстать.
В степи батыров, как на небе стая:
Всех не упомнить и не сосчитать.

Здесь были незапамятные чуди,
Аттила-тюркский вождь и гунн-герой.
Как с Севера пришли иные люди,
Пшеницу сеять стал народ степной.

Внимая духу славного Аблая,
Здесь расы и религии сошлись.
Не отвернувшись вовсе от Китая,
Здесь светлоликой складывалась жизнь.

На знамени – орел несет светило,
И в сердцевине герба – шанырак.
Так в суверенном мире наша сила
И в давней дружбе – благодарный знак.

Бомбили сорок лет на полигоне,
Где взрыв было свыше пятисот.
Людей различных вер сплотило горе:
Дракону ядерному мы заткнули рот.

Веками обжитые эти земли,
Где край потомков и святых могил,
Нельзя же отторгать на самом деле,
Покорно следуя вражде безумных сил.

Пусть торжествует дружба и согласие.
Что завещал всем землякам Абай.
Должно быть в человеке это счастье,
Как есть в году благоуханный Май.

Дороже чести нет на белом свете,
Чем суверенитет родной страны.
Пускай живут во славу наши дети
На лоне чудотворной Астаны.

Согражданам всех наций труд порукой.
Когда мы в мир вошли одной страной.
О, Казахстан, для всех детей и внуков
Отчизной будь и праведной судьбой...

1996 г.

ПОЭМЫ

ОКНО СОКЛАССНИЦЫ

Поэма

Пролог

Ах, годы, в моей жизни иллюзорные,
Вы улетели, словно птицы, враз.
Десятки лет прошло с излишней скоростью,
Со сверстниками отмечая нас.

Мечтали мы о белоснежной Арктике,
О небе, не имея летных прав.
Нам снились звезды в таинствах галактики
Еще без слов, как «спутник», «космонавт».

Какие были смелые романтики
Мы с другом, отправляясь в дальний путь!
В военных школах обучались мальчики,
Определив послевоенную судьбу.

Сердца стучали в такт колесам поезда,
Валили вдоль состава дым и гарь.
И за пределы часового пояса,
Мчал паровоз, как черту на рога.

И были мы томимы неизвестностью,
Оставив две столицы позади.
Как уроженцы прииртышской местности,
Мы ахали на южные сады.

О, щедрая природа Средней Азии,
Плодовая долина Ферганы,
Как обошел я вас в своей фантазии!
И в этот раз не искуплю вины...

Питали соками деревья южные,
Поила и купала Сыр-Дарья.
И перепелки на деревьях дружно нам
Из клеток все велели: «Спать пора»...

Я помню хорошо вершины горные,
Куда нас властно звал седой Памир.
Ах, годы, в моей жизни иллюзорные,
Вы – компас и здоровый эликсир.

В аллеях винограда под тюльпанами,
Что днем со склон Памира всем видны.
Скучали по просторам Казахстана мы,
По островам иртышской стороны.

Там мы одеты были, как с иголки,
Там и закалку дал всеильный спорт.
В фуражках летных с голубым околышем
В строю ребята были на подбор...

В почёте у девчат послевоенных
В военной форме были все подряд.
Писали они в письмах откровенных,
Что дорог незнакомый адресат.

Так получилось, что с дружкой Булатом мы,
В макете подержавшись за штурвал,
Бездумными вагонными раскатами
Вернулись к Иртышу, на свой вокзал...

ГОДЫ И ПОКОЛЕНИЯ

Родимый край!
У каждого он свой.
Неповторимы в нем зима и лето.
Раскованный Иртыш поет весной.
А осенью грустят в стихах поэты.
Для школьников все сроки хороши.
Зимой ждут весны и дней каникул,
А летом, нарезвившись от души,
Ждут сентября, чтоб вновь засесть за книгу...
Булат вернулся в свой знакомый класс.
За окнами аллеи побелели,
Давно ли малышом он в классный час
Сажал со всеми яблоньки в апреле?
В зеленом кителе, в значках и без погон.
Похож на отслужившего солдата,
Ходил он стройно и со всех сторон
Бросали взгляды девушки украдкой,
Ах, давняя мальчишечья пора,
Когда в крови накапливались силы,
Когда их было столько: трать – не трать,
И без толку по улицам носились.
Еще не отошел фотоальбом.
Еще писали о любви записки.
Сегодня школьники – с нас копии лицом,
Но по манерам не подходят близко.
Я не сужу их за лихой прогресс.
Сегодня так шагнула и наука,
У них другие песни, интерес.
Но уважать должны, как мы, друг друга.
Мы брали под руку девчат лишь в гололед
И лишь на свадьбах прикасались губы.
Сейчас привычно видеть, как идет
Мальчишка с девочкой и тут же приголубит,
У каждого транзистор и часы.
Весь мир показывает дома телевизор.
Но к таинствам запретной полосы
Нельзя без строгой и особой визы...

Во все года да и во все века
Живет природа по своим законам.
Ломает лед весной Иртыш-река.
И прячет теплоходы по затонам.
Черемуха оденет белый цвет
И почками начнут стрелять деревья.
Так мир устроен: каждый человек
Судьбой определяет свое время...

НОВОГОДНИЙ ВЕЧЕР

Когда-нибудь, возможно, и любовь
Подвластна будет правилам науки.
Но и сейчас не каждый, не любой
Воздействие ее познал в разлуке.
Листки свои теряет календарь,
Как-будто повинясь чьей-то воле.
И вот настал еще один январь,
Последний Новый год в родимой школе.
Большая елка. Шумный маскарад.
Соклассники кружились в легком вальсе.
Забившись в угол, с завистью Булат
Следит, как кружит в вальсе Ваня Валью...
Зачем здесь офицерской формы блеск?
Восторга нет от всех твоих регалий.
Хотел он при погонах вызвать стресс
У девочек на новогоднем бале.
Пошел он даже в буйный перепляс.
Да, были «ахи», «охи» поначалу.
Увидел он смешинку серых глаз
И всю иной соседку свою Валью...
Владела иностранным языком
Отличница, рожденная москвичка.
Пока настанет где-то перелом,
Бывает же такая обезличка.
За партией рядом, дома, как мечта,
Булат в ударе, в новом интересе.
В сокласснице раскрылась красота,
И наш Булат сам оказался в стрессе...

В ДОМЕ ГИЛЕВЫХ

Как будто стали и длинней уроки.
И покорооче стали вечера.
Ее лицо, как в полевом бинокле.
Встает перед глазами много раз.

Идет снежок и на проспекте белом
Светлее снега Валино лицо...
И сунул на уроке оробело
Булат записку ей без лишних слов.

- Я вижу, что отстал от вас немного. -
Писал он и, чтоб робость превозмочь,
Не стал искать изысканного слога.
Закончил так: «Не можешь ли помочь?»
И начертила быстро Валя схему
Квартала, где стоит Гилевых дом.
Он заучил ее, как теорему,
И понеслись недели колесом...

НИНА ЛЬВОВНА

Белый снег, как белая бумага.
На душе еще белым-бело.
Прозапас есть сила и отвага, -
Школьное учение дало.

От природы есть еще горение,
И наследство чистокровных ген.
Знал он наизусть стихотворения,
Для задач хватало перемен.

Просидев у Вали больше часа,
Одолеть не смог пример Булат.
За ночь все ж на удивленье класса
Своего добился азамат.

Никогда отличником он не был.
Но всегда готов был отвечать.
Будущее, как великий ребус,
Предстояло юноше решать.

А пока он мчался после школы,
По сугробам в дом, как в детстве в цирк.
Он бежал наискосок по полю,
На окно держа ориентир...

В том окне был силуэт в деталях,
До сих пор родной и дорогой.
В том окне склонясь, Булат и Валя
Заседали в позе деловой.

За уроками бывали и беседы
С контурами плана на окне.
Чудились большущие победы,
В необъятной звездной вышине.

Эх, пора мальчишеских иллюзий,
Высога несбывшейся мечты!
Уносясь за контуры Союза,
Знать бы им, что хватит полпути.

Прерывала эти грезы мама,
Нина Львовна чуяла, как мать:
Неспроста, как заговор, рядами
Имя дочери вписал Булат в тетрадь.

У нее есть родственник в Италии,
У не какой-то знатный род.
Призрачность всех будущих регалий
Дочь ее сегодня не поймет...

По-московски «акающим» слогом
Разводила розовых ребят:
- Времени, смотрите, уже много,
И тебе домой пора, Ба-лат! -

Возвращался в хилое жилище.
В дом, где мама, отчим командир.
Закружилась голова мальчиши.
И в окне иным стал звездный мир...

СЕМЕН ПЕТРОВИЧ

В памяти народной много песен
О влюбленных горестных сердцах.
О Ромео и Джульетте плесень
Не берет сказание в веках.

За любовь прозвали и Медждуном,
Сумасшедшим, проклятым, больным.
Можно быть и жителем подлунным
Без любви, как стойкий пилигрим.

Но тогда нет сил Козы-Корпеша,
Нет добра, что сотворил Кебек.
Пусть не столько, пусть клубок в орешек
Получает каждый человек...

И тогда спокойны будут нервы.
Воцарится на душе добро.
Мир предстанет красивей, во-первых,
Во-вторых, обогатится кровь.

Не беда, что одолела бедность.
Не прошла послевоенная нужда.
Просветленный взгляд глядит небедно,
Хоть экзамен ни один не сдан.

Есть на свете милая подруга, -
Удалось на счастье повстречать.
Стройный стан, глаза ее и руки
По-людски прекрасные, о, мать!

Нынче мы живем единой верой.
Крепкой пробы смешанная кровь...
Вздрогнул вдруг Булат без суеверий.
Как явился сам отец Гилев.

По-спартански волевой, басистый,
В Прииртышье прибыл ставить мост.
Мог пойти он в главные артисты.
Но мосты – призвание и пост.

Днепр и Волга. Енисей и Лена
Помнят его плащ и сапоги.
Для него – ни выходных, ни смены:
Лень и праздность – первые враги.

Но к тому же мало детям ласки
Уделял начальник и отец.
Не сидел, рассказывая сказки.
Стройка – жизни всей его венец.

Он якшался с тайнами природы,
Робинзоном плыл на острова.
Птицами на плечи сели годы
И белее стала голова.

Прииртышье летнею порою
В разноцветье – бал и маскарад.
На траве и под крутой волною.
Силы копишь, как весною сад...

Был Семен Петрович скуп на слово,
Лишь однажды пробасил: «Джигит!»
По-рабочему отвечив: «Здорово».
Благодушно – только не солги.

Над рекою за крутым обрывом
Полосой лежит сосновый бор.
И с Алтаем лентой непрерывной
Край повенчан издавна судьбой.

ИВАСЬ

Есть у Вали и братишка Ваня.
Звали его ласково: Ивась.
Рассуждал Булат о каждом в плане,
Как здесь каждая персона отнеслась.

Ваня, как все дети, был резвяка.
На колени норовил подсесть.
Но бывало иногда как брякнет.
Как начнет: «Иван? Мой тезка здесь?».

Ваня – несмышлениш, первоклашка,
Заводила шумной ребятни.
Рвался в двери, суетясь, как пташка.
Валентина и Булат резвились с ним.

Игры, как и люди, отходили,
Но одна есть с дедовских времен:
Мчаться с гор на лыжах что есть силы.
В санках с них катиться под уклон.

В белоснежное веселье окнулись
Два соклассника и маленький Ивась.
Санки мчали вдоль домов и улиц,
Где в сугроб не мудрено упасть.

Так упасть, чтоб оказаться рядом
С Валей, с Валентиной, только с ней.
Скованный ревнивым детским взглядом,
Поднимал подругу он скорей.

Все надежды – за запретной зоной.
В варежке тепло ее руки.
Человек, поистине влюбленный,
Счастлив прежде больше от тоски.

Тосковал Булат в тепле, уюте,
В комнате, где Валино гнездо.

Мимолетно естество по сути,
Проходил мальчишеский задор.

Оттого, наверно, Валя смело,
Стул валила, седока зажав.
И Булат вплотную, то и дело,
Ощущал спиной округлый жар...

На ковре был берег итальянский,
И фланировал заморский люд.
Там пейзаж похож был на Сарьяна,
Где деревья южные растут.

Но дорожке все ж иртышский остров,
Тополей столетних колыбель:
Зимний ветер задувает остро,
Где-то приближается метель...

ЭХ, САНИ

Как хотелось Ване
Сесть в лихие сани, -
Упросил Булата и сестру.
Конь Бескарагая
Мчит, как птичья стая,
Развевая гриву на ветру.

И пока что гости
Поднимают тосты,
Валю с Ивасем, Булат, катая.
Если б дали волю,
Он увез бы в поле,
За сосновый бор, в Бескарагай.¹

Вдоль ворот и окон
Вслед летит сорока,

¹ Бескарагай (каз.) – пять сосен, пять сосновых лесов.

Провожая их до Иртыша.
Весела «цыганка»,
Белокурый Ванька:
Снег взвихрился, как кистями шаль.

Вьется шарф крылато
За спиной Булата.
Не зови к покою, муэдзин.
Мимо школы, церкви
С белым пересверком
Вороной уходит в степь, как клин.

А в степи есть волки, -
Будут кривотолки.
Встретится еще в бору медведь.
Валя, словно солнце,
Где твое оконце
С зимними узорами. ответь?
Вещие узоры,
Затуманив взоры,
Уносили от мечты к мечте.
Конь с горячим храпом
Уносил на Запад,
Не в дворец, а в университет.
- Подержи-ка вожжи,
Ваня, друг пригожий,
Прелести степи запоминай.
Как дышала Валя, -
Грудью жгла, как пламя!
Увезет Булат в Бескарагай...

Но лишь будут сниться
Серые ресницы,
Розовые волосы и стать.
Отмелькали ели, -
Иртышом летели.
Дома заждалась в тревоге мать...

ОСТРОВ БЕЛОЙ ЧЕРЕМУХИ

23 февраля

В те года сильней гремели марши,
Распевали песни о войне.
Молодежь боготворила старших,
Побывавших в боевом огне.
Восторгались подвигами Зои
И казахской девушкой Маншук.
Оживали павшие герои,
Кто взаправду, кто как в душах дух.
Дали школе имя Кошевого,
Встал Олег из книги, в мир шагнул.
И про летчика Талгата, про живого,
Повесть ¹ знали город и аул.
Та традиция в игре «Зарница»
В том, что ныне носит молодежь.
Перед свадьбой ходят к обелискам
Молодые – ритуал хорош.
Покидают бабушки, а сказки
Детям подает теледидар.
И любовь без лишней связки-ласки,
Преподносит внуков – высший дар.
В радости за продолженье рода
По квартирам сверстники звонят.
Чудо из чудес – сама природа
В дедов превратила их, ребят...
А ребята тех пятидесятих
За окном могли стоять в мороз.
Чувства были и верны, и святы,

¹ Повесть Саурбека Бакбергенова «Талгат» о дважды Герое Советского Союза Т.Бигельдинове.

Как полоски на стволах берез.
Уходило золотое время.
И никто не знал ему цены.
Это время – целая поэма,
Коль еще слова любви даны.
Хоть Булат и был немногословен,
У него есть принцип и закон:
С шумными соклассниками вровень
И мечтать, и спорить в унисон.
Только вот не ладилось с Иваном
С русой шевелюрою до плеч.
Кажется, ходил он на свиданье,
Тоже к Вале, но не мог засесть.
А мечты бывали романтичны.
То Москва, то Марс – простор небес.
Ныне дети более практичны,
Словно в них вселился «умный бес».
О Москве толкуют, будто рядом,
Толчея сморила их вконец.
Помню, представал пред нашим взглядом
Кремль и МГУ – мечты венец.
Правда, ныне нет уж тех провинций:
Этажи кварталами растут.
Атомные лайнеры, эсминцы,
Дальними маршрутами плывут.
Но тогда все нравы были строже,
Как-то Вале он сказал проста.
Про кого-то: «Брешет».
Ну и что же?
Отчитала: «Как так? Перестань!»
Про собаку говорят, что брешет.

Как ты о товарище посмел!»...
Он стоял, лишившись дара речи,
Наш Булат, и тут же покраснел.
Огорченью есть всегда отрада,
Иначе на свете тяжело жить.
- Фото ты просил мое когда-то.
Вот, возьми. Да, ладно. Положи! -
И запомнил тот февральский праздник,
День Советской Армии, Булат.
Лучше в мире есть подарок разве?
Благодарен Вале он стократ.
Был на снимке белый лик на темном,
В черной шубе, в шапке набекрень.
Надо ж было осознать влюбленным
И любимым в тот заветный день.

МАРТ

Запомнилась в комнате Вали
Картина известная «Март».
Морозы в тайгу отступали,
Весна выходила на старт.

Вокруг, как сюжет Левитана,
Земля перемены полна.
По снегу не мчат уже сани,
В сарае хомут для коня.

Торопятся с горных залысин
Еще молодые ручьи.
И школьники носятся рысью,
Как зайчиков пятна – лучи.

От снега избавились сосны.
Есть радость в томленьи берез.
Покроет зеленая простынь
Округу со звездами рос.

Веселье вселилось в скворешни
Со щебетом черных скворцов.
С рождения все мы безгрешны,
Но жизни-то нет без грехов.

Однако все дело здесь в мере
И в том, где какие весы.
Булату уж можно доверить
Вести скакуна под уздцы.

Он с Валея и в чувствах, и в мыслях,
Ведет разговор и во сне.
Бунтуя, как голуби, взмыли
Веселые силы к весне...

В снегах еще синие тени,
Под солнцем и сводом небес.
Весенние стихотворения
Поэты строчат для невест.

Так в мартовский праздник в мгновенье,
В пылу, как бахсы или маг,
Булат написал поздравленье,
Сокласснице даже в стихах...

ЯВЬ И СОН

Высвечивает гениальность редко
Извечную историю землян.
- По крови с русскими сроднились предки, -
Когда-то говорил еще Чокан.

Загодочны поступки Мономаха:
Женил на половчанках сыновей.
Княгинями двух дочерей кипчаков,
Ввели в палаты Юрий и Андрей.

С восточными захватчиками в споре
Слагал историю степной народ.
Когда невыносимо дальше горе,
Его за горло человек берет.

Опасна все ж и через меру радость,
Нет никого – они и тишина.
Под тиканье часов простая разность
Колола мозг и стала так сложна.

Растаял снег на «Марте» Левитана
И будто лошадь встала на дыбы.
Соклассница извилинами стана,
Влекла, как дар природы и судьбы...

Булат припомнил что-то о Курчатове,
Потом дошел и до созвездья Пса.
Синьоры с коврика как будто рвут перчатки,
Казалось, подают и голоса.

Она сразила трепетаньем кожи
Подспудную мальчишескую страсть...
Вздыхала Валя молча, осторожно,
Как будто что-го вдруг могло упасть.

Благое напряженье воли надо,
Чтоб вдруг воззрит соклассницу княжной.
Открытие любви звездой «Отрада»
Назвал Булат Калиев сам не свой...

ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНОК

Волнует каждый раз весны цветенье...
Семипалатинск навсегда в судьбе.
Здесь жил Булат от самого рожденья,
Деля с ним треволнения побед.

С ним, как с отцом, держал он связь в разлуке,
Познал он здесь и первый круг любви.
Глаза раскрылись и окрепли руки,
Хоть время испытай, останови...

Промчалась суতোлка школьных буден.
В один из майских просветленных дней
Звонок последний зазвучал, как бубен
На острове для островных людей.

Украшена по-парздничному школа,
А впереди – безвестные пути.
Валюха, Валя, солнце прокололо
Светлынь волос, что глаз не отвести.

Взволнован по-особому директор,
Подергивая синий китель свой.
Он говорил торжественно и резко,
Чтоб шли по жизни все мы с головой.

Выпускники стояли строем чинно:
Иван Косых, Гилева и Булат.
Который по осознанной причине
Звонку такому был не очень рад.

И барабанный бой, и звуки горна,
И на ветру полощущийся стяг,
Волнуя, перехватывали горло.
Прощание такое – не пустяк...

Калиев обменялся с Валею взглядом.
Она пришла на тонких каблуках.

Как хорошо, что есть она, что рядом,
Сияет радость в девичьих глазах!

Буллат в разлуке не забудет Валю,
Как сын не забывает кров отца.
Бывают в жизни, ох, какие дали,
Смывающие все черты лица.

Пока же будущее то еще, в котором...
О горе и потерях мысли нет.
Еще весь мир охвачен светлым взором,
Еще нет потрясений или бед.

А за плечами остается детство
Без груза злосключенный и потерь.
И все, что было, - на всю жизнь наследство,
К мечте и цели отворяет дверь.

Черемуха ослепит белизною,
Цветочным валом платья окатив.
В костюмах мальчишки, возвращенные войною,
Решительны, как смелый детектив.

Звучали поздравления и песни,
Вручают первоклассники цветы.
Ивань Булата обошел на месте,
Ивану предпочтя преподнести.

Буллат бы проглотил сию пилюлю,
Не будь тревоги взвихренных минут.
И он стоял, как будто принял пулю,
Как будто кожу колют или жгут.

НА ОСТРОВЕ

Проходят дни экзаменов в секретах
Билетов, баллов и контрольных тем.
Булат бывает у Гилевых редко,
Но голову он потерял совсем.

Лицо Валюшки, оттеснив все лица,
В том майском пересверке предстает.
Медали ей бы все-таки добиться,
А он свое уж как-нибудь найдет.

Где трудности, то дело и желанней,
Ванюшку одолеть еще легко.
Его еще не раз посадит в сани.
Но Валя вот уедет далеко.

Ориентир намечен – химбиолог,
И поступить должна лишь в МГУ.
Булат избрал тот путь, который долго:
Педвуз и далее, - он и так в долгу.

Закончились экзамены и к балу
Сокласники готовились вовсю.
Гилева Валя с золотой медалью
Уж собралась отправиться в Москву.

В столице за Гилевыми квартира
С пропиской узаконена была.
В ушах звенит команда: «майна-вира!»
Квартира их до пенсии ждала.

Прощальный бал оттанцевал к рассвету,
Где были слезы розовых девчат.
Как будто знали, что иных на свете
Отныне не придется повстречать.

Нельзя не соблюсти былых традиций –
Всем классом встретить за рекой рассвет.

Как было Валентине не гордиться,
Иртышский мост Гилева был проект.

И по мосту в одежде черно-белой
Вдоль перил идут выпускники.
И все-таки Булату захотелось
Отвлечь от Вали Ваню у реки.

Он вынул из кармана ее фото,
Когда немного приотстал Иван.
И, встав к Косыху вполуоборота,
Выдавливал тяжелые слова?

- Я с Валею, понимаешь, крепко связан,
Вот это фото может подтвердить.
Ты как-то к ней относишься развязно,
Хоть ты - соклассник, не тревожь ту нить.

Как-будто знал Иван давно все это:
- Она вольна и все решит сама. -
Булату стало легче от ответа,
И все быстрее рассеивалась тьма.

Прохладой дышит островная зелень,
У Вали кудри вьются, как ковыль.
Играли, пели, севши в карусели.
Кружилось все, как небыль и как быть.

Черемуха ослепит белизною,
Цветочным валом платья окатив.
В костюмах юноши идут рекою,
Решительны, как смелый детектив.

И были снова клятвы и присяги.
Венок прощальных и сердечных слов.
И лишь Булата, отведя к коряге,
Гилева посадила «под засов»:

- Как смел, Калиев, говорить про фото?
Показывать? Верни его назад! —
Так оказался вдруг Булат в цейтноте:
- Отдай мне фото, возврати, Ба-лат... -

И были бесполезны возраженья.
Валюша, словно укусил комар,
Свое твердила снова, неизменно,
Булату нанеся тупой удар.

А он в ответ поставил тоже принцип:
- Я не верну, скорей его порву.
- Тогда порви. будь рыцарем и принцем!
...Упали клочья фото на траву.

Вот так прокрался между ними холод,
Хоть встречи продолжались и потом.
Она юна и он был очень молод,
Осталась их любовь за Иртышом...

ПИСЬМО БУЛАТА КАЛИЕВА (вместо эпилога)

Оно в плену у незнакомых окон.
Ночами только ощущаю около
Знакомых ног невинные следы:
Ломали их и время, и дожди.

Еще не регулируются гены,
Тоскует степь, томится степь, как гений.
В твоем окне придумали мы горы, -
Предгорье молча отнимает годы.

И смотрят удивленные балбалы,
Что гениев рождается так мало.
И я смотрю на те смешные годы,
Когда из окон открывали звезды.

Где было то несбывшееся счастье:
Пределы и границы рвать на части.
Мы знали и не знали о Курчатове.
А чахнет то, что начато иначе?

Идут мои дела в науке туго.
Мой друг – поэт потомственный в округе.
Мы вывели дружбу на Памире.
Друзей все меньше остается в мире.

Мы были на Московском фестивале:
Узнал соклассницу и не узнал я.
А первая любовь живет так редко,
Как северный щегол-красавец в клетке.

А ты ушла и перешла границу,
Тебе, наверно, это не простится,
А Терешкова, тезка твоя, Валя
Рванулась с Байконура к звездным далям.

Ты, акая, рожденная москвичка,
За морем скрылась птичкой-невеличкой.
Живешь ты где-то в незнакомой Пизе,
Куда лишь доберешься по круизу.

А за границей – синие просторы,
Где ты синицей поджигашь море.
Ах, эта заграница, заграница...
Змеей дорога стала бы мне сниться,
И снились бы несбывшиеся лица,
И северные серые ресницы.
И это разбитое окно...

1983-86 г.г.

МОРЯК С КРЕЙСЕРА «КИРОВ»

Поэма-толгау

I

В стремительном ритме двадцатого века
Деревья растут на глазах у людей.
Найти нелегко одного человека
За сменой природы с наплывами дней...
Идет не спеша, корабельной походкой.
Как в иллюминатор, смотрю я в окно.
Не в каждом матросе бессильна природа
Над тем, что на флоте приобретено.
Шло время – судья превеликий и лекарь.
Что властвует больше, добро или зло?
Немало зигзагов в судьбе человека,
Пока не дописан ее эпилог.
В апреле деревья стояли понуро...
В Урджаре есть яблони и виноград.
Предстало село, как картина с натуры,
Что с Волги увидел прищуренный взгляд.
Апрельское утро встает, словно чудо.
В цветенье весеннем село Науалы.
Расширили ленинских слов амплитуду
И крылья орлов, и в кабинах – орлы.
Народы и расы в борьбе за свободу
Узнали вначале, что значит фашизм.
Законы любви и законы природы
Превыше всего, коль в опасности жизнь...

II

Рассказ свой повел ветеран не спеша...
А было Сраилу всего восемнадцать.
В году сорок третьем от круч Иртыша
До Балтики грозной непросто добраться.
Призвал комсомол добровольцев – юнцов:
Команда редееет на крейсере «Киров».
Подшефный корабль под огнем и свинцом.

Стрелял новобранец пока только в тире.
Аязоз родной, где Баян и Корпеш
Веками лежат неразлучно в могиле.
Есть в мире любовь и свершенье надежд,
Дающие людям и веру, и силы.
А поезд все мчится на юг и на юг.
Оркестр загремел на столичном вокзале.
В казарме артисты танцуют, поют.
И даже Орлова и Жаров предстали.
И вот начинается новый маршрут:
Из Алма-Аты до ворот Ленинграда.
Родители, дом и любовь подождут.
В кольце ленинградцы, лютует блокада.
Идет эшелон через Сары-Арку.
Прошел и леса, и озера, и рощи.
На флоте привычен простор степняку.
Вначале с оглядкой служил он, на ошупь.
Вздымаются волны, как в песне морской.
Пощады нет с Ладоги подлым фашистам.
И вновь Солоухин доволен стрельбой
Сраила Омарова, артиллериста,
Построил на баке людей командир.
Пред строем ему объявил благодарность.
...Давно воцарился на Балтике мир.
Как кошка, тихонько крадется и старость.
Вернулись с победой не все земляки.
По-братски сошлись имена их на плитах.
Хранят о них память друзья-моряки,
С цветами идут на могилы убитых.
Сраилу-аге шестьдесят, юбилей,-
Совет ветеранов шлет памятный адрес.
Он на ноги ставит аульных детей.
И сам еще стоек, кряжист и покладист,
Инструктор райкома, потом – секретарь...
Директором школы бесценно лет двадцать.
Посмотришь – Саке еще вовсе не стар:
Колечками кудри, готов еще «сбацать».
Он рад, что верна ленинградская связь.
Возвышенна жизнь в Науалы, словно ода.

Идет он, спокойной улыбкой искрясь.
Бывалый моряк из степного народа.

III

Светлынь...

«ЖЗЛ» есть в директорском доме.
Хлопочет на кухне хозяйка Кайша.
Давно ль получал в комсомольском райкоме
Путевку на Балтику сын Иртыша?
Нева, Ленинград, Севастополь и Волга –
Так шел уроженец абайской земли.
И сколько бы ни было, вспомнишь невольню:
- Считайте, семь лет между тем пролегли –
А жизнь быстротечна, и только морщины –
Немые свидетели прожитых лет.
Что значит семь лет для джигита, мужчины.
Коль шел он дорогой и бед, и побед.
Скомандует май – отстреляются почки,
И справит Омаров Сраил юбилей.
Слетятся, как птицы, два сына и дочка,
Приедут и внуки, и много друзей.
- Вы слышите, Бекишев и Рамазанов,
Все меньше нас, кировцев, с давней войны.
Увидел я с болью на телеэкране
Наш крейсер, матросов, что дружбой сильны.-
Плывут «Жигули» по дороге туманной, -
И снова о Балтике вспомнил Сраил...
Очнулась природа и к нам по команде
Под солнцем апрельским ЯК-40 рулил...

1985-89 гг.

ЗАЩИЩАЯ ГОРОД НА НЕВЕ...

(Жизнь-подвиг Магауии Букашина)

Поэма-толгау

Два десятилетия назад мне удалось написать о ветеранах Великой Отечественной войны Сержане Рамазанове и Сраиле Омарове очерк «Моряки с Балтики» и поэму-толгау «Моряк с крейсера «Киров».

Со временем узнал, что защитником блокадного Ленинграда, как артиллерист, был мой тесть, участник двух войн Магауия Букашин. Возвратился он домой в Кокпектинский район инвалидом, без одной руки, но, благодаря способностям, целеустремленности и мужеству, встретил свою пару, обустроил семью, вырастил четверых детей и даже трудился управляющим фермой.

М.С.

I

Грядой гянулась цепь Тарбагатая,
И где-то рядом плещется Зайсан.
В степных просторах без конца и края
Родился мальчик, вторя чудесам.
И рос один он средь ковыльной сети
Подстать по цвету кожи белизне,
Что «желтым мальчиком» прозвали дети,
Еще с кудрями вырос, как во сне.
Остались в детстве школьники Курчума
И лютые метели Байбуры.
С качелями-алтыбаканом шумно
Металась юность в гаме детворы.
Под мышки взяв учебники, тетради,
Ведомый властной мамой Рабигой,
Он для себя и родственников ради
В другом ауле выбрал дом родной.
Не зря прозвали люди эту местность
Проникновенно «Ульгули малши».
Пришла сюда заслуженно известность:
Трудились аульчане от души.
Остались в памяти Зайсан с рыбалкой,

Пестрели кокпектинские цветы.
Достаточно ходил себе вразвалку —
Букашина ждут в армии посты.
Не удержать единственного сына:
На службу проводила мать как долг.
Но тут война, и, отражая фина,
Попал и Магауия в стрелковый полк.

II

Немало километров за плечами
Оставил Магауия от Иртыша.
И в Ленинграде белыми ночами
Воспаряла загрустившая душа.
Величественен памятник Фальконе,
Где Петр Первый на своем коне.
Фашисты рвутся в ярости и стоне,
Чтоб пировать на невской стороне.
Здесь обучался наш Мухтар Ауэзов.
Здесь первой книгой в мир вошел Абай.
Обстрелами глумиться бесполезно,
Когда любовь к Отчизне через край.
Известны нам все ужасы блокады,
И беспримерна стойкость горожан.
Фашистам не сломить такой преграды,
Коль песней подкрепляет Казахстан.
Развешано послание Жамбыла.
Где восседает аксакал с домброй.
В восторге, пролетая белокрыло,
Душа взмывала чайкой над Невой.
По Ладоге проложена дорога:
Обозы прибывали в Ленинград.
Как маршал Жуков не пустил с порога,
Шипел змеей фашистский супостат.
Карельский перешеек, канонады...
Блокада длилась девять сотен дней.
Нацистам не хватает нашей правды.
Чтоб одолеть отчаянных людей.
Жамбыл им возвышает душу песней,

И Шостакович в музыку облек.
Хоть трупами усеяна окрестность,
Настал свободы долгожданный срок.
Известно всем, что пуля – это дура,
Но пушечный снаряд еще дурней.
В момент была испорчена фактура:
Букашин однорукий средь людей.
Притом была контузия вначале,
И долго мучила физическая боль.
Война отмечена достойными врачами,
Что Магауия предстал самим собой.
...Его прозвали Северной Пальмирой.
Петра творенье – город Ленинград.
Но юности другой не будет в мире,
Чтоб парню руку возвратить назад.
Сама природа – верное лекарство
Врачует в среднерусской полосе.
В объятия берет степное царство,
Представ под стук колес во всей красе.
А жизнь Букашина пока еще в начале:
Душа поет, но тело без руки.
Хоть две войны остались за плечами,
Он должен жить невзгодам вопреки.
За Байбурой душа сама запела,
Тюльпанами встречает Кокпекты.
Метнула взгляд красавица несмело,
Притянутая силой красоты.
По всей груди звенели все награды,
Сзывая за околицу девчат.
И Кайракпая дочь пришла, как надо.
Звучало имя мило – Нургайша...
Он стал начальником по статусу аула,
К тому же досточтимый ветеран.
И четверо детей не преминули
Пообустроить свой семейный клан.
И подросли по родословной внуки,
Проворные, друг друга порезвей.
У деда стало не рука, а руки,
Что в мирной жизни подлинно добрей...

III

- Проходит жизнь в одно мгновенье ока
Иль коротка, как рукоять камчи.-
Вещали старцы юности далекой.
Когда весной взлетали ввысь грачи.
Они считали годы по Наурызу,
Что в марте начинался Новый год.
Никак не снять воспоминаний груза:
Во сне нередко канонады бьют.
И мчится вдоль Невы тот «Медный всадник».
Что высится в честь Первого Петра.
...Выходят аульчане, как на праздник,
Коль наступила страдная пора.
Став улыгули-примерным, поневоле
Аул умножит тучные стада.
Когда комбайны выезжают в поле,
Познаешь радость сельского труда.
Не менее азартно, что экзамен
Сдает комиссии приемной сын иль дочь.
За курсом курс неслись назад кругами,
Что, как на дереве, оставить след не прочь.
Мечтал ли Магауия под всплеск зарницы
Средь канонады пушечной стрельбы,
Что может жизнь когда-то измениться.
И внук на свет придет, как дар судьбы?
Осознавать дедулей непривычно.
Хоть внуки обращаются: ата.
От счастья жизнь недалеко обычно,
Коль светит радость уголками рта.
Достойной жизни основные вехи
Предстали, как дорожные столбы.
Надежда, окрыляясь в человеке,
Бывает у руля большой судьбы...

2010 г.

БАТЫР МАМАЙ ХАНА АБЛАЯ

Поэма-толгау

Еще несколько десятилетий назад мне удалось опубликовать в московском журнале «Вопросы литературы» рецензию на хрестоматию «Көне әдебиет нұсқалары» («Памятники ранней литературы»), подготовленную и выпущенную группой ученых кафедры казахской литературы КазГУ (ныне КазНУ им. Аль-Фараби) во главе с профессором Бейсембаем Кенжебаевым. Эта публикация неудержимо подогрела мой интерес к истории своего народа. В результате была выпущена небольшая книжка «Хан Аблай и его батыры». Когда в Семее одна из улиц была названа именем батыра Мамая Жумагулулы (1702-1799 гг.), в редакции местных газет посыпались вопросы и просьба написать о нем. Так по просьбе читателей появился очерк «Сердце батыра Мамая», помещенный в моей книге «Поэтическое вдохновение: Абай, Шакарим и Мухтар» (2007 г.).

К 300-летию батыра Мамая была написана поэма-толгау, которая публикуется в редакции 2010 года.

М.С.

I

Даешься диву в мыслях о батырах:
Народ их прославлял в досуга час.
Они, как сад, увиденный в пустыне,
Зовут к себе сердца народных масс.
Пленительным искусством Шакарима
Описаны герои и пейзаж.
Нашествие джунгар неотвратимо
Дано его пером как репортаж.
У озера плашмя расположились
Казахи, в бегстве изможденные совсем.
«Великим бедствием» навечно сохранились
Те дни в народе среди многих тем.
От Чингистау ушедшие когда-то
У Сырдарьи шли люди Тобыкты.
Гонимы были ором супостата
Еще до битв Чагана, Буланты.

Как плохо, что беда ведет к безумству,
Что на холме забыт Анет-баба.
Его слова тех приводили в чувство,
От коих отвернулась вдруг судьба.
Так добрались бродяги до Иргиза.
Дошли пешком до рек Кенгир и Ор.
Три бия джузов трех с вершины сизой
Окрест распространили уговор.
Абильмансур давно, еще мальчишкой,
Был прозван Сабалаком¹, пас коней.
Джунгара победил, хоть молод слишком,
И клич «Аблай» - как знак его кровей.
Так хан Аблай взращен был Толе-бием,
Батыром Богенбаем вдохновлен.
На благо закалили его битвы.
Да и умом палатой наделен.
К нему тянулись все батыры всюду:
И Кабанбай, И Раимбек, Баян, Мамай,
О Жанибеке с Наурызбаем люди
Легенды помнят, лишь запоминай.
Вот и Мамай еще совсем подростком
Тринадцати-четырнадцати лет
Сражался так, что саблей с перехлестом
Сводил ряды джунгарские на нет.
Заслуги Айтеке и Казыбека.
Как биев, сблизивших три джуза в цельный род,
Проходят красной нитью в век из века,
Вернув казахам статус как народ.
Мамай уже с изгнанием джунгаров
Привел свой караван на Чингистау,
Как будто знал, что здесь Абай загадкой
Родится, чтоб звездою заблистал...

II

По воле свыше Сырдарья взрастила
Батыра здесь по имени Мамай.
От Иртыша с корней вливалась сила,

¹ Сабалак – растрепанный, неухоженный.

Которой он набрался через край.
Захватчики вели себя жестоко,
На пиках головы ввысь вознося.
Они объяли степь чумой с Востока,
Детей аульных с люльки унося.
Их изгонял Мамай, кося с размаха.
Умел удар врага опережать.
Вселял он веру в воина-казаха,
Чтоб с тактикой его мог побеждать.
Но все ж ойраты изнывали страшно,
Копытами все пастбища топча.
Калмаками детей пугали даже,
По-разному джунгаров нареча.
Цеван-Раптан был хунтайджи суровый,
Годами на казахов зуб точил.
Преемником Галдан-Церен не внове.
По алчности его превосходил.
Под натиском захватчиков страдали
Кочевники четыре сотни лет.
Те предки участь их предугадали,
Коль той страны на свете нынче нет.
Могуч Мамай, что одному из первых
Народного батыра титул дан.
В нем столько было на победу веры,
Что сам Аблай вознаграждал как хан.
И если ныне вызывают зависть
Простор и очертание границ,
То круг батыров, как Мамай, на славу
Их сберегли от чужеземных лиц.
Вблизи Аягоза великое сражение
Раскладу сил внесло свой перелом.
Джунгары, признавая поражение,
Обед воздали лучшим скакуном.
Невольно вспоминаешь о Мамае,
Бывая у пещер Аулие.
И здесь он, ополченцев поднимая,
Витал атак на самом острие.
На Чингистау Чаганские курганы –
Свидетели немые грозных дней

В истории далекой Казахстана
Необходимы участью своей.
У Балхаша долина Аныракая,
Где бегство супостата началось,
Где удаль богатырская Мамая
Вовсю раскрылась, как и повелось.
Когда врагов в Джунгарские ворота
Отбросили, тесня их за Бахты,
Батыр Мамай, охваченный заботой,
Увидел пастбища, которые пусты.
Здесь племена Уака и Наймана
Живут в соседях испокон веков.
Обширные просторы Казахстана
Все защищали без излишних слов...

III

Абай изрек о смене поколений,
Вослед ему дополнил Шакарим.
Два гения великих устремлений,
К свободе их порыв неодолим.
Зовут народ сорвать неволи сети,
Достоинство – исконная черта.
Поэзией окутывались дети,
Чтоб с песней познавалась красота.
Так девять сыновей вокруг Мамая
Имели свой аул и аульчан.
Последние минуты сознавая,
Отец созвал сынов, едва шепча.
Батыр и в девяносто лет от роду,
Сразясь в единоборстве, победил.
Он славно прослужил стране, народу,
До ста всего три года не дожил.
И был завет Мамая самый главный,
Когда и где его похоронить.
Хотел он в Туркестане пред Аблаем,
У мавзолея Яссауи, почтить.
А сердце, замолчавшее навеки,
В родном Архате в землю схоронить

Велел батыр, учтя, что здесь он свете
Его потомкам, поминая, жить.
В Чингисской волости под именем Абая
Сложился от Мамаю целый род –
И тот район от края и до края
Весь в памятниках, как музей, живет.
От генов предков есть живучесть кода:
Героев дал Архат войны, труда.
Они бессмертны для всего народа
Примерами отваги навсегда.
Здесь не могу не говорить о жизни
Той девушки по имени Баян,
Которая, борясь за честь Отчизны,
Брала Берлин среди стойких россиян.
Со звездами Героя возвратились
С войны Серикказы и Закария¹.
Мы, школьники, героями гордились,
Как будто земляки – одна семья.
При нас известен стал Болат Багдатов,
И Бекембай Абжанов – честь труда.
Не всех назвал, но это – не утрата,
А радость жизни – в сердце навсегда.

Газета «Вести Семей», 15.12.2010 г.

¹ Герои Советского Союза Серикказы Бекболатов, Закария Белибаев и орденноносцы Баян Байгожина.

ЗА СТЕЗЕЙ АБАЯ

Поэма-голгау

Как бы ни было печально, но приходится осознавать, что при прежней власти творчество Абая (Ибрагим) Кунанбаева трижды подвергалось гонениям по разным идеологическим соображениям: сын крупного бая, феодала, пантюркизм, панисламизм, космополигизм и др.

Но замечательные произведения основоположника казахской новой письменной литературы Абая Кунанбаева неизменно находили путь к народу. Их исследованием занимались многие ученые, в результате сложилась целая отрасль филологии – абаеведение. Еще в царское время крупнейший лингвист, придумавший грамматические термины: бастауыш-подлежащее, баяндауыш – сказуемое, етистик-глагол и др., - видный общественный деятель и поэт Ахмет Байтұрсынов назвал Абая «главным казахским поэтом».

М.С.

I

Немало лет работал педагогом
Средь школьников, студентов, в ОблОНО.
Но в памяти, уж не судите строго,
Еще в институте, как кино,
Грудился там я, отдавая душу,
Как кандидат наук-абаевед,
Коль человеку в молодости лучше,
То в жизни повторения ей нет.
Не потому ли в молодые годы
Бывает много всяческих идей?
«Стезей Абая» назван был по ходу
Студенческий кружок тех давних дней.
Увлечены все творческой дорогой
Абая и своей – таков расклад.
Кружковцы те, не мало и не много,
Достойными вступили в жизни ряд.
Средь педагогов были и герои
Недавней той с фашистами войны.

Потомки и батыров с нами вровень
Преумножали вместе честь страны.
Герои книжек о годах двадцатых,
Кто знал Мухтара тех далеких дней,
Делились щедро памятью богатой,
Чтоб будущее стало нам ясней.
Так в мире создано самой природой:
Евразии стыковка – Жидебай.
Здесь создавая «Гаклию» народу,
Тянул шестой десяток лет Абай.
Он – как Тагор для Индии великой,
И как Шота, Шевченко и Тукай.
Коль мир бывал для Пушкина двуликим,
То не суди судимых, отчий край.
Так вот. Абая кровно защищая.
На четверть века влип Каюм-ага.
Хоть был на фронте первый том «Абая».
Найти пытались в авторе врага.
С романом «Путь Абая» стал Ауэзов
Всемирно популярен как казах.
И вскоре вовсе перестали грезить,
Чтобы Абайтану взяло размах.

II

Назвав шедевры «Временами года»,
Вивальди и Чайковский дали старт.
Весна, к примеру, красками природы
Сияет, словно Левитана «Март».
В Восточном Казахстане резкий климат.
Зимой морозы, летом уж жара.
Приезжий то по-своему воспримет,
А вот Абай – волшебником пера.
Созданий нет в поэзии всемирной,
Чтоб полностью о года временах.
Один Юн Сонда на корейской лире
Оставил свой триптих, как наш казах.
Когда влюблённые встречались на качелях,
«Письмо Татьяны» Пушкина неслось.

Вот как Абай помог на самом деле,
Чтоб легче признаваться довелось.
А сколько песен, о любви вздыхая,
Раскачивал в степи алтыбакан.
Так фильм был назван «Песнями Абая»,
Что с радостью воспринял Казахстан.
Шота поэму «Витязь...» увозили
Как приданое, замуж выходя.
Такой обычай девушек – грузинок
С абайскими стихами был тогда.
По спискам Мурсента, Самарбая,
Чьи почерки отменны, на заказ.
Казахи узнавали про Абая.
Озвучивая песни в светлый час.
Оставил он ещё нам три поэмы
Про Македонского, Азима и «Масгуд».
Что стали целой кандидатской темой,
Тогда Москвой был оценён сей труд.
По мысли доходил он до Спинозы,
И Аристотель с ним беседы вёл.
Не в счёт ему завистников угрозы,
Когда в себя, как на Парнас, ушёл.
Поэзию его Мухамедханов
Каюм-ага, наставник, мугалим.
По буквам текста заводил в нас рьяно,
Чтоб стали знатоками вместе с ним.
Причастность к общетюркскому наследству
Дала для слова «новый» кругозор.
Абай стал зачинателем на редкость
Словесности новейшей с этих пор.
Таков удел казахского народа –
Как Феникс, возрождаться вновь и вновь.
Присуще человеку от природы
Питать к страдальцам тайную любовь.
Но сей народ все ж народил батыров,
Чтоб землю до Алтая удержать.
Таким был хан Аблай, живя на стыке,
Что смог державы рядом опознать.
Не восхищаться гением Абая,

Историка, философа, творца.
Не может тот, кто хоть коснулся края
Величественной чаши мудреца.
Еще при жизни Шакарим-соратник
Назвал «дана», что «гений», как и есть.
Трудам бывает и своя оплата.
Что «Путь Абая» автору как честь.

III

Стихи Абая низвергались трижды,
Иным десятилетиям подстать.
Они к народу становились ближе,
Что их никто не сможет отобрать.
Поэзия Абая силой мага
Обворожила души, вновь звуча.
В его стихах была своя отвага.
Чем брали в плен, пылая сгоряча.
Они пригодны для любой эпохи,
Поскольку в них есть зоркость бытия.
И в радости, и в горести неплохи.
Чтоб человека привести в себя.
Поэтому мы бережем, наверно,
Святое имя и его труды.
Как Уанс, кто защитил примерно
Абая от камчи и от беды.
При жизни сам поэт не видел книги,
Где были бы навек его слова.
Теперь в свободном государстве сдвиги –
Абаю утвердили все права.
На то есть Назарбаева цитата,
Как лидера и главного лица.
Что стал Абай как талисман когда-то
И будет для казахов до конца.
«Библиография Абая» Мекемтаса
Настольной книгой стала, целый том.
С тех пор, как верх взяла повсюду гласность,
Абай вошел свободно в каждый дом.
Он призывал познать культуру русских,

Владея языком, как и своим.
Таких казахов, не дающих спуска,
Как Букейханов, множество за ним...
Абая почитают и в Париже,
В музее Гете славят в Ильминау.
Всем Кунанбаев Ибрагим стал ближе.
Поскольку он велик, как Алатау.
Не зря отметил юбилей ЮНЕСКО.
В Москве воздвигнут памятник ему.
Теперь Абай идет как классик веско.
Причастен человечеству всему...

Газета «Вести Семей» № 31 (440), 5 августа 2010 г.

ЖИВИ ВО СЛАВУ, АСТАНА

Поэма-толгау

Еще в 60-70 годы прошлого столетия, работая над кандидатской диссертацией по теме «Поэмы Абая» под научным руководством известного профессора Бейсембая Кенжебаева, обнаружил, что в казахской поэзии издавна существуют три разновидности поэмы: жыр, кисса и толгау. Слово «толгау» на казахском языке обозначает «размышление». Причем оказалось, что в национальной литературе имеют место быть стихи-толгау и поэма-толгау.

И вот со временем, увлекаясь сравнительно короткой, но довольно содержательной формой третьей разновидности в разные годы создал и опубликовал в печати поэмы о ветеранах Великой Отечественной войны, моряках – балтийцах Сержане Рамазанове, Сранле Омарове и участнике двух воин, защитнике блокадного Ленинграда артиллеристе Магауини Букашине, тепло встреченные читателями.

М.С.

В Акмолинске нам доводилось быть.
Потом был наречен Целиноградом.
Бывало, приходилось волком выть
Из-за иной умышленной награды.
А степь безбрежная открывала ширь
И с Байконура улетали в космос.
Инакомыслящих опять ждала Сибирь.
Чтоб жизнь земная выглядела просто...
Аул Абая даровал уют
Бежавшим из тайги сынам Кавказа.
У гор Чингисских с ними оживут
Узоры седел, не чураясь сглаза.
Течет Иртыш на Север без конца.
Он не похож на лермонтовский Терек.
Переплывали с криком удальца
Когда-то тюрки, обнимая берег.
По всем правам обширна та земля,
Которая зовется Казахстаном.
Недаром хан Аблай свой зоркий взгляд
На нем держал, сражаясь неустанно.
Здесь было и нашествие джунгар,
Гражданская по-старым бастионам.
Ишим – река, купавшая хазар,
Взрастила хлеб пудами в миллионах.
Да, скифы с незапамятных времен,
И гунны, возродившие Аттилу.
Мы были в небыли – суров судьбы закон.
Пока умом сей мир не восхитили.
У нас был и мудрец Аль-Фараби,
И был кипчак Бейбарс-султан Египта.
В той зре жил Анахарсис в любви,
Плутарха восхитивший в споре гибком.
Бывали Культегин и Тоньюкук,
Орхоно – енисейские каганы.
Казахи появились здесь не вдруг,
Живя под псевдонимом, как ни странно.
Но жизнь текла законным чередом.

В сороковом, пред самую войною
Был криком оглашен Абиша дом,
Оповестив селян самим собою.

II

Нам памятна вершина Байтерека,
Что привлекает, как земная ось.
Необходима воля человека,
Чтобы цвести столице довелось.
Не все согласны были с переносом
Столицы с юга на Сары-Арку.
Так поступал Аблай, жалея просто,
Что не построил город на веку.
В степной дали Кенесары отважный
Носился годы на лихом коне.
Столице в центре находиться важно,
Не у границы в южной стороне.
Величественен памятник проспекта,
Где с поднятой рукой сам Богенбай.
Здесь Жанибек с Кереем в давнем веке
Провозгласили ханством отчий край.
Не перечислить личностей столетий,
Здесь подвиги свершал и Кабанбай.
Так именно потомки их, как дети,
Москву спасали от фашистских стай.
И вот приходит то святое время,
Когда столицей стала Астана.
Обручено по-европейски племя,
Кому судьба народа вручена.
Найдется здесь и конус пирамиды
И современный крытый стадион.
Сияют небоскребы в лучшем виде,
Чтоб стало астанчан за миллион.
Нам возродить историю так надо,
Чтоб завистью не изнывал никто.
По всем религиям восторжествует правда,
Коль творческому духу есть простор.
Не зря стремился Папа Римский Павел

Соприкоснуться с нашей Астаной.
Наверно, дух вселенной нами правил,
Ведя нас вожделенною рукой.
К нам устремились люди всех конфессий,
Друзей и братьев вместе находя.
Здесь поселившись жертвами репрессий,
Соседи обретали благодать...
Музей Сейфуллина представлен в центре:
В сосновых срубях ладен особняк.
Чокан и Алтынсарин без поветрий
Светилами остались, как маяк.
Хотя в другой плеяде Букейханов
И все, кто ратовал за партию Алаш,
Стихами Шакарима и Магжана,
Ахмета, Миржакупа неустанно
Охвачен, как они, потомок наш.
Батыров Раимбека и Мамаю
Дела не вспомнишь ныне, не гордясь.
Все это назиданием Абая
Вселилось в сердце, как живая связь.
Абай и Пушкин в памятниках разных
Сзывают на прогулку астанчан.
Как музыка, включенная на праздник,
Волнует град новейшего ключа.
Столица всех открыто призывает,
Чтоб каждый толерантно приезжал.
В свободной атмосфере Назарбаев,
Как рыцарь духа, и окреп, и возмужал.

III

У Астаны в календаре есть дата,
А Каспий и Алтай как два крыла.
Поэт известный написал когда-то,
Что такова казахская земля.
Сплочение казахов – дело биев,
Собравшихся на Каратау втроем:
Казбек, Туле и Айтеке добились,
Чтоб от джунгар спасен был отчий дом.

Мы сагами Ануара и Олжаса
Достигли неба отдаленных стран.
Абай и Ауэзов мудрогласые
За морем представляют Казахстан.
Умом и волей, что даны нам свыше,
Определили статус всех границ.
Дружить, а не клеймить всего превыше
На этом свете для достойных лиц.
Не сгибли и фашистские оравы,
И тлен различных душегубных сект.
Как Бауржан Момышулы с заставы,
Встречает его имени проспект.
Мы чествуем бойцов и полководцев,
Кто дорог нам участием в войне,
С опекой «Нур Отан» под руководством,
Встречая День Победы по весне.
В калейдоскопе мирового зодчества.
Казахское искусство впереди.
С народным колоритом наше творчество
Со цвета неба знаменем в пути.
Не прекратятся дарований поиски,
Чему порукой звонкий «Жас канат».
Преодолев все часовые поясы,
Воспрянет Новый вуз, как Астана.
Пусть процветают спорт и наша опера:
Духовное начало в Ак Орде.
Вошли в ОБСЕ, не зная допинга, -
Пути нам открываются везде...
Народа ассамблея – как открытие,
Что дружба разных наций – как пример.
Столетия мечтали о развитии
В таком масштабе предки прежних эр.
Из Чемолгана мальчик без оваций
Определил как Нурсултан свой путь,
Раскрылся мудро он, как Лидер нации, -
Удача или свыше, в этом суть...

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ АБАЯ

ВРЕМЕНА ГОДА ЛЕТО

Июль – середина лета.
Степная нива на диво.
Подснежники в ярком цвете.
И там, где резвится река,
Аул встает на рассвете,
И в травах крупные крупы
Едва заметны при ржанье.
Табун, утоливший жажду,
Стоит, затаив дыхание.
Но мухи и здесь донимают,
Воды и неба на грани.
Резвы молодые кони –
Не схватишь при всем старанье.
Повсюду утки и гуси
Снуют в голубом коралле.
Девчата и снохи юрты
Украсят согласно желанью.
Не зря, засучив рукава,
Смеются в отдельном собранье.
Облеплена степь скотиной.
Довольный такой картиной
В аул возвращается бай.
Под ним иноходец играет.
Обманутый бедным слугой
Малыш у мамы хлопочет
О вкусном мясе бараньем.
Должна быть тень над головой.
Ковер постелен дорогой,
Чтоб баи, славные в степи,
Хвалили буйный самовар.
Заводят речи знатоки.
В байгу запущены слова.
Иные вторят им кивком,
Поддакивают млад и стар.

В рубашке белой с палкой вдруг
Явился сбоку аксакал.
Дает совет он пастухам –
Не подпускать к жилью скота.
Чтоб бай назвал их: байгуши
И дал кумыс им от души.
Прелестной лестью обложив,
Одев чапан в один рукав.
Уняв коня строптивый нрав.
Табунчики кружат с утра
У байской юрты неспроста.
Стрельбой и ловчих птиц огнем
Заражена вся молодежь,
И мчится с пеною у рта.
Степные беркуты с руки
Взлетают вмиг на небеса.
Сбивая селезней с хвоста.
Ушли заботы в забытье.
В руках нет сил у старика.
Бедняга юношам в угоду
В ауле весело хохочет,
Открыв по-старчески уста.

1886.

ОСЕНЬ

По небу плывут темно-серые тучи,
Осенний туман распластался тягуче.
Не знаю, от сытости или от скуки
В бегах стригунки, кобылицы в отлучке.

Трава и подснежники в поле пожухли.
И шутки, и смех молодёжи потухли.
Кусты и деревья без листьев округлых
Стояли бледны, как старик со старухой.

Задублена кожа для новой дубленки:
На ком-то обвисла тряпьем одежонка.

Всучив свои прялки свекрови, невестки
Латают прорехи на юртах в сторонке.

Летят журавлиные стаи рядами.
Внизу верблюды с зерновыми выюками.
И в каждом ауле тоскливо немного:
Не видно ни игр, ни невест за холмами.

Кряхтят старики, коченеют ребята,
Еще до зимы холодами объята.
Собаки, лишившись костей и бульона,
Умчались на ловлю мышей до заката.

Огня не разводят на стойбище этом:
Туманом окутает копать под ветром.
Тоска одолела людей в темноте. -
Да сгинет обычай быть ночью без света.

1888

ЗИМА

Белобородый, в белой одежде старик
Глух и нем ко всему и ко всем без разбора.
Белый иней на нем и по виду суров,
По скрипучему снегу ступает упорно.
Дышит люгым морозом, сковавшим простор.
Старый сват, не зима, разгулявшись на славу.
Тучу шапкой одел набекрень впопыхах,
И от стужи покрылся румянцем лукавым.
Облаками ресницы легли на глаза.
Головой шевельнет – снег завалит по пояс.
Забушует от злости, как сильный буран, -
Шестикрылая юрта выходит из строя.
Увлеченные дети в азартной игре
Обморозят и руки, и щеки случайно.
Потому и пастух, облаченный вдвойне.
Отвернулся от ветра, кряхтя и качаясь.
Расчищают без усталости лошади снег.
Поистратили кони последние силы.

Вместе с лютой зимой пробирается волк.
Пастухи лишь бы хищнику не уступили.
Охраняйте, угнав скот к надежной черте.
Не умрете от сна, одолев эту крепость.
Пусть съедят до весны Кондыбай и Канай,
И оставите старца ни с чем за свирепость.

1888

ВЕСНА

Весна пришла, от стужи избавляя.
Степная гладь ковром цветет, пылая.
Когда глаза с мольбой глядят на небо.
Теплеет солнце, как земля родная.
О новом лете возвещают птицы.
И молодость, как лето, голосиста.
Из хижин старики, как из могилы.
Выходят, чтоб по-своему резвиться.
Кочевники дождались долгой встречи,
Восторженно сомкнулись братьев плечи.
Аульный гам. И снова молодежь
Воркует с упоением каждый вечер.
Верблюды трубят к рождению верблюжат.
В овраге мотыльки кишмя кишат.
И овцы блеют. Птицы над водой,
Кокетничая, крыльями шуршат.
Плывут и лебеди – красавицы озер.
Волнует в поднебесье птицы взор.
Когда летишь на резвом скакуне.
Твой сокол вспыхнет выстрелом в упор.
Есть утки, гуси. Гордость на коне:
Девчата липнут, что отбоя нет.
Они одели летние наряды.
Земля в цветах так празднична, нарядна.
В зените – жаворонок. С нами – соловьи.
Вторгается кукушка в хор наш рьяно.
Купцы сзывают аульчан на ткани.
На поле борозды кладут дехкане.

Кондыбай, Канай – название родов

Двоится скот у бедных и богатых,
От радости двоится и дыханье.
Искусным мастером создатель на земле
Оставил доброты узорный след.
Когда земля, как мать, поит нас грудью,
Склонившись, небо не встает с колен.
Посланец лета землю оживил.
Душа поверила в причастность высших сил.
Тучнеет скот, есть мясо, молоко,
Чтоб пыл надежды в людях воскресить.
Взбодрилось все. Лишь камень спит упорно.
Скупцу, как камню, суждена убогость.
Смотри на чудо высшего творца. -
Побудь в томленьи, укрощая волю.
Галдеж детей. Пригрелись старики.
Барахтаются вволю стригунки.
С небес несется песня певчих птиц.
Закрякали на озере чирки.
Когда нет солнца, власть у звезд с луной.
Они сияют в темноте ночной.
Когда заря трубит подъем светилу,
Они, косясь, проходят стороной.
А солнце – муж, земля его супруга.
Их истомила зимняя разлука.
Восходит солнце поступью крутой,
И мчатся прочь соперники в испуге.
Луне и звездам весть приносит ветер,
Земная жизнь воспрянула ответно:
Суровое отбросив одеяло.
Украсилась в улыбчивую свежесть.
Земля в объятья бросилась светилу,
Они – супруги в первозданной силе.
И солнце землю соком напоило.
Украсив, как жар-птицу, окрылило.
На солнце глянуть прямо невозможно.
Оно целует душу до ожога.
Я на закате видел: это солнце
Вошло в шатер, как боги, осторожно.

1890

СТИХИ АБАЯ О ЧЕТЫРЕХ ВРЕМЕНАХ ГОДА

ИСТОКИ

Среди поэтов-классиков мировой литературы, кроме Абая (Ибрагима) Кунанбаева, как нам кажется, никто не написал стихотворений, посвященных всем четырем временам года, со специальными названиями «Осень», «Зима», «Весна», и «Лето». Во всяком случае подобного явления не удалось обнаружить. Это удивительно и поразительно, потому что здесь имеются свои исторические, географические, климатические (погодные) и этнографические предпосылки.

Справедливости ради надо сказать о том, что индийский поэт и драматург пятого века Калидаса, который на санскрите создал классическую драму «Шакунтала или Перстень-примета», завоевавшую мировое признание, пьесы «Малавика и Агншмитра», «Мужеством завоеванная Урваши», написал поэмы «Род Рагху», «Рождение бога войны» и «Облако-вестник», к последней примыкает лирический цикл «Времена года»¹. Однако в силу своих территориальных, природных и национальных особенностей древнеиндийский поэт Калидаса построил свой цикл стихотворений «Времена года» своеобразно, составив его из следующих шести частей: «Песнь первая. Лето», «Песнь вторая. Дожди», «Песнь третья. Осень», «Песнь четвертая. Холодное время года», «Песнь пятая. Зима», «Песнь шестая. Весна».

Стихотворения Калидаса о временах года построены на пейзажных картинах и деталях, на природных сентенциях и чувственных проявлениях. Сама жизненная действительность, причем в движении и развитии, как это наглядно показано и обрисовано в стихах о временах года Абая, в данных лирических творениях отсутствует. Смее утверждать, что в силу младенчества развития мировой цивилизации: культуры, науки и литературы во времена Калидаса,

То есть за 14 веков до Абая. Пушкина, Лермонтова, Байрона, Гете и не резон предъявлять подобные претензии. Зарождение и развитие лирической поэзии в мировой литературе так и происходили, что описание окружающей природы автор, начиная

¹ Лирики Востока. Москва, Из-во «Правда», 1986, с. 303.

от Гомера и Овидия, воспроизводил статично, в лучшем случае сообразно своим переживаниям.

В сборник «Лирики Востока», изданный на русском языке и составленный из шедевров арабской, персидской и индийской поэзии, вошли лучшие произведения поэтов шестнадцати веков, начиная от арабов Омара ибн Аби Рабиа (644-712), Абу Нуваса (756-813), персов Рудаки (ок. 860-941), Омара Хайяма (ок. 1040-ок. 1123), Шамседдина Хафиза (1325-1389) до индуса, великого поэта двадцатого столетия Рабиндранта Тагора (1861-1941) и бенгальца-народного певца Назрула Ислама (1899-1976). Такой многовековой охват огромного диапазона восточной лирики обусловлен, думается, благородными устремлениями составителей предоставить как можно шире и полнее величайшие художественные достижения общепризнанной живописной, орнаментальной и многокрасочной восточной лирики.

И вот на протяжении многих столетий только один индийский поэт пятого века Калидаса обратил свое вдохновенное перо на цикл стихотворений «Времена года».

В своеобразной форме построен цикл стихотворений Калидаса из «Времен года». «Песнь первая. Лето» состоит из шести четверостиший, причем строки состоят из 13-16 слогов без рифмовки (белые стихи) и расположены произвольно. Четверостишия разделены между собой звездочками и в каждой строфе дана отдельная картинка человеческого бытия, животного мира и природы.

*Как царь проснулся Кама
от неги опавал,
пропитанных сандалом,
от песни тихогласной,
Шод звуки томной вины,
от близости округлых,
Жемчужным ожерельем
украшенных прудей.¹*

Вот эта зарисовка утренней неги просыпающегося человека предстает началом стихотворения «Лето». Здесь имеются сравнение «как царь» и поэтическое словосочетание «жемчужным ожерельем украшенных прудей». В остальном только идет перечисление деталей прелестной картины. Однако поэтический

¹Переводы Веры Потповой

настрой. навеваемый этими четырьмя строками. налицо. В таком же художественном плане созданы остальные пять четверостиший с представлением отдельных картин и особый индийской экзотической флоры и фауны; полдненное солнце, павлины, змеи, рыба, журавли, пруд, слоны, дикие буйволы, птицы «среди зноем сожженной листвы», «род обезьяний», «благородных оленей семья».

И это стихотворение «Лето» Калидаса завершается следующим четверостишием:

*Львы, и слоны,
и рогатые звери,
не помня вражды,
С телами в ожогах
несутся из дебрей горящих.
Толкаясь боками,
и с плеском бросаются в реку,
чьи обмелевшие воды
бегут по широким пескам.*

Как видите, и в последней строфе «Лета» имеются только некоторые эпитеты: «рогатые звери», «из дебрей горящих», «обмелевшие воды», «по широким пескам». Иных каких-то поэтических троп или особых художественно-образных элементов в данных строках нет. Тем не менее «Лето» поэта-классика Калидаса, как и остальные стихи из «Времен года», по-праву принадлежит к шедеврам древнеиндийского поэзии.

Также и в последующих пяти песнях данного цикла, озаглавленных «Дожди», «Осень», «Холодное время года», «Зима», «Весна», не фигурируют привычные современному читателю неожиданные метафоры, глубокомысленные выражения и художественные образы с какими-то идейными устремлениями. Автор Калидаса добивается соответствующего поэтического эффекта мастерским использованием изысканных слов-перлов и немногочисленных образных проявлений.

Не осталось вне нашего поля зрения многовековая китайская поэзия от VI-го до XIX-го веков и дальневосточная лирика корейского и вьетнамского народов.¹ Однако и здесь, как в западноевропейской и русской классической поэзии, специально

¹ См. книгу: Светлый источник. Москва. Изд. «Правда», 1989 г.

посвященных четырем временам года стихотворений нет. А имеются лишь отдельные стихи о том или ином времени года или даже о каком-то периоде или об отдельных проявлениях одного времени года. Только лишь у одного корейского поэта Юн Сондо (1587-1671) есть специально название стихотворения «Весна», «Лето», «Осень» и «Зима», однако общее название опять-таки давно своеобразно: «Времена года рыбака».

Здесь следует заметить, что лирика этих поэтов азиатских и дальневосточных народов, в основном, переведена на русский язык в XX-ом столетии, поэтому Абай навряд ли смог в свое время познакомиться с ними.

Для достаточно полной уверенности относительно влияния на Абая мировой поэзии в создании цикла стихотворений о временах года следует сказать, что от младенчества общечеловеческой литературы до Байрона, Гете, Шиллера и Адама Мицкевича отдельные лирические произведения, которых в разное время доводилось переводить (через посредничество М.Ю. Лермонтова) великому поэту-мыслителю на казахский язык, циклы «Времена года» были созданы в музыкальном искусстве композиторами Антонио Вивальди (1678-1741) и П.И. Чайковским (1840-1893), причем последний посвятил каждому месяцу года по одному произведению, соответственно озаглавив: «У камелька (январь)», «Масленица (февраль)», «Песнь жавронка (март)», «Подснежник (апрель)» и т.д.

Для полноты картины следует сказать, что немецкий поэт Эвальд Клейст (1715-1759), друг самого Лессинга, написал элегию «Весна». И вот Готхольд Эфраим Лессинг (1729-1781) которого Н.Г. Чернышевский как теоретика поэзии ставил на второе место после Аристотеля, отозвался об этом произведении так: «...Что касается Клейста, я могу поручиться, что он очень мало гордился своей «Весной». Он придал бы ей, конечно, совсем другую форму, если бы прожил дольше. Он уже думал о том, чтобы внести в это стихотворение строгий план, и подыскивал средства, чтобы заставить это множество образов, вырванных, по-видимому, наудачу из пространного изображения обновленной природы, наполниться жизнью и пройти перед глазами читателя в их естественном порядке»¹

¹ Лессинг. Лаокоон или границах живописи и поэзии М., ГИХЛ, 1957, с. 208-209.

В данном высказывании налицо оправдательный тон. Очевидно, большой критик никак не хотел принизить значение своего друга под названием «Весна». Да и не каждый значительный поэт решался каждому времени года посвящать отдельное стихотворение. Это можно подтвердить творчеством таких великих русских поэтов, как Пушкин, Лермонтов, Державин, Жуковский, Батюшков, Майков, Тютчев, Полонский, Бунин и многие другие, которые, будучи превосходными и тончайшими лириками, создавали стихи только об отдельных своих самых любимых и обожаемых временах года и их периодах. Например, сам А.С. Пушкин в замечательном стихотворении «Осень» откровенно признался:

*Теперь моя пора: я не люблю весны:
Скучна мне оттепель, вонь, грязь –
весной я болен.*

*Кровь бродит, чувства, ум тоскою
стеснены,*

Суровою зимой я более доволен...

Или:

*Ох, лето красное! Любишь бы я тебя.
Когда б не зной да пыль, да комары,
да мухи.*

И далее, наконец:

И с каждой осенью я расцветаю вновь.

Здоровью моему полезен русский холод

К привычкам бытия вновь чувствую любовь;

Чредой слетает сон, чредой находит голод:

Легко и радостно играет в сердце кровь,

Желания кипят – я снова счастлив, молод,

Я снова жизни полон – таков мой организм.

(Извольте мне простить ненужный прозаизм).

А как освежающе и прекрасно звучат в душе с детства музыкальные строки майского стихотворения Ф.И.Тютчева «Весенняя гроза»:

Люблю грозу в начале мая,

Когда весенний, первый гром,

Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Эти стихи о весне давно стали хрестоматийными, но не меньшую популярность приобрели такие стихотворения Тютчева о весне, как «Зима недаром злится», «Смотри, как на речном просторе», «Первый лист», «Весенние воды». А некоторые русские поэты своему любимому времени года посвятили по два и более стихотворений: П.А. Вяземский «Осень». (И в осени своя есть прелесть...). «Осень. (Кокетничает осень с нами), А.Н. Плещеев: «Весна. (Уж тает снег, бегут ручьи...», «Весна. (Опять весной в окно мое пахнуло...)» и другие.

За последние два десятилетия были изданы две книги под одним и тем же названием¹. В эти сборники включены лучшие стихи о природе, о временах года от М.Ломоносова (1711-1765) до Н.Рубцова (1935-1971).

Очаровательные стихи, многие из которых Абай знал, а некоторые из них переводил на казахский язык. И здесь, пожалуй, заключена из разгадок феномена великого казахского поэта-мыслителя. Он в своей творческой деятельности строго придерживался правила, что ученик хоть в какой-то отрасли, жанре или направлении должен пойти дальше своих учителей. Так он и поступил, создавая свои шедевры о временах года. Есть также воспоминания и различные сведения о том, что он мог слушать через граммофон (патефон) музыкальные произведения Вивальди и Чайковского о временах года.

Если мы предположим, что первопричиной создания Абаем своих стихотворений о четырех временах года послужили классические произведения поэтического и музыкального искусства, то еще есть два предположения или доводов, которые связаны с историко-этнографическими и природными условиями и традициями жизни казахов.

Еще в начале 70-х годов была издана книга молодого тогда исследователя истории казахской литературы Мурата Ауэзова, который, анализируя творчество Ануара Алимжанова, Ильяса Есенберлина, Олжаса Сулейменова, Мухтара Магауина, Кадыра Мырзалиева, Абиша Кекильбаева и др., пришел к интересным и верным, на наш взгляд, сентенциям относительно национального

¹См.: Времена года. Родная природа в поэзии. Москва. «Молодая гвардия», 1977 г.
Времена года. Русские поэты о родной природе. Лениздат. 1985 г.

самосознания казахского народа. Одна из них, в частности, такова: «Кочевника окружает ровная круглая степь, небо над головой – круглая чаша. Юрта, круглая в горизонтальном сечении от самого основания и до отверстия в центре сводов, отражает то же самое представление кочевника о мире, которое нашло воплощение в куполообразных постройках среднеазиатских зодчих»¹.

Вот это «круговое представление кочевника о мире» было вполне естественно и органично присуще самосознанию поэта-мыслителя, основоположника новой казахской письменной литературы Абая (Ибрагим) Кунанбаева, в частности, относительно течения времени. Им даже создано стихотворение «Сағаттың шикылдағы емес ермек» - «Тикают часы не для забавы» (1896), где автор одну минуту сравнивает с целой жизнью человека, а все идет по кругу от рождения до смерти: весна, лето, осень и зима.

Во-вторых, сами климатические и природные условия заставляли казахов отсчитывать время по кругу и соответственно устраивать уклад жизни: джайляу – летовка, кузеу – осенняя стоянка, кыстау – зимовка. А климат, особенно в тех краях, где располагались аулы Кунанбаевых был резко континентальным и в то время, в период жизни поэта. По свидетельству краеведа Н.Абрамова, в Семипалатинском Прииртышье «мороз зимой до 34-х градусов, а летом в тени – до 31-го градуса, что на солнцепеке в песке яйцо сваривалось за 10 минут»².

Настолько суровые климатические условия невольно заставляли кочевника отсчитывать минуты, часы, дни и месяцы кругового календаря и запоминать абсолютно все приметы каждого времени года. Вспомним также известное русское выражение «круглый год» и казахское – «жыл он екі ай» («двенадцать месяцев в году»).

Таковы основные и главные истоки и предпосылки того, что казахский поэт-классик Абай создал как бы по круговому циклу свои известные оригинальные четыре стихотворения.

¹ Мурат Ауэзов. Времен связующая нить. Алматы. «Жазушы». 1972. с. 35.

² Н.Абрамов. Областной город Семипалатинск (1860). Записки Имп. РГО. Под редакцией А.Н.Бекетова, 1861, с.126.

О ВРЕМЕНАХ ГОДА

Когда Абаю было сорок лет, он написал «Лето» - первое стихотворение из цикла «Времена года», а к концу лета, 10 августа (по старому стилю), ему исполнилось сорок один год. К этому периоду своей жизни Абай вполне осознал себя как поэта и как истинного певца и заступника народа. К этому времени он настолько приобщился к русской мировой поэзии, что в 1882-1885 годах перевел на казахский язык стихотворения М.О. Лермонтова «Бородино», «И скучно, и грустно» и

через перевод своего поэта – избранника – стихи «Дитя в люльке» Ф.Шиллера.

А далее в 1889 году (через четыре года) поэт вплотную занялся романом в стихах А.С. Пушкина откуда перевел восемь отрывков, на два из которых в дальнейшем сочинил музыку, ставшими впоследствии популярными песнями. Это – «Письмо Татьяны» и «Ответ Онегина».

Спустя четыре года Абай завершил цикл «Времена года», написав в 1890 году четвертое стихотворение «Весна», когда ему уже исполнилось сорок пять лет.

Надо признать, что обратиться к истории мировой поэзии побудило справедливое и достаточно прозорливое определение значения стихов Абая о четырех временах года, данное одним из первых биографов Абая, видным казахским литератором и общественно-политическим деятелем Алиханом Букейхановым, имя и творческое наследие которого полвека были под запретом, который еще девять десятилетий назад утверждал: «...Абай, как это покажут стихи, представлял недюжинную поэтическую силу и составляет гордость киргизского народа. Еще не было киргизского поэта, так возвысившего духовное творчество народа, как Абай. Чудные его стихи, посвященные четырем временам года (весна, лето, осень и зима) сделали бы честь знаменитым поэтам Европы»¹.

В стихотворении «Лето» Абай живописно воссоздал общий вид своего аула на джайляу Коп-беит у реки Баканас в Чингисской волости Семипалатинского уезда. Такие сведения предваряют первые публикации этих стихов на казахском и русском языках в

¹Газета «Семипалатинский листок» за 25 октября 1905 г.

газетах «Дала уалаяты» (1889, № 12) и «Особое прибавление к «Акмолинским областным ведомостям» (1889), № 12).

Стихотворение Абая «Лето» состоит из 56 строк, имеющих по 7-8 слогов. При этом использована самая разнообразная рифмовка, где, например, одна рифма: кылтылдап-ынкылдап-шылпылдап и т.д. повторяется 19 раз, что создает своеобразную аллитерацию и придает стихам музыкальное звучание и яркую живописность. Да и вообще в казахской поэзии издавна существовал такой прием, когда целое стихотворение и толгау создавались на одной рифме.

Один из исследователей оригинального и новаторского стихосложения Абая профессор Б.Кенжебаев писал: «Абай во многих своих стихотворениях, строки которых состояли из 3-4-5-6-7 слогов, обращался к перекрестной, парной и смешанной рифмовке, многие из них раскладывая своеобразно и составляя строфы по-своему, причем иногда он делал упор не на созвучии слов, а на созвучии мыслей, усиливая в казахской поэзии тенденцию к силлаботоническому стихосложению.

Так Абай создавал и предоставлял свои стихи как князей и царей слов, которые отличались редким своеобразием, легкостью звучания, отменной статью без сучка и задоринки и обладали золотым содержанием в серебряной оправе»¹ (Смысловой перевод наш – М.С).

Испокон веков в казахском стихосложении, как и во всей тюркоязычной поэзии, существовал примат силлабической разновидности, то есть стихи создавались на соответствии количества слогов в рифмующихся строках, где превалировала традиционная рифмовка ааба.

Однако Абай как поэт-новатор, обращаясь к русской и мировой поэзии и переводя на родной язык стихи Байрона, Гете, Пушкина, Лермонтова и др., настолько проявлял уважение к духу оригинала и свое мастерство, что сохранял их форму рифмовки и силлаботоническое построение.

С самых первых строк стихотворения «Лето» автор представляет живописную картину природы и ее обитателей на степном просторе.

*Жаздыкун шілде болганда,
Көкорай шалғын, бәйшешек*

¹ Б.Кенжебаев. Вопросы истории казахской литературы. А., «Наука», 1973, с. 89 (на каз.яз).

Ұзарып өсіп толғанда,
Күркіреп жатқан өзенге
Көшіп ауыл қонғанда:
Шұрқырап жатқан жылқының
Шалғыннан жоны қылтылдап,
Ат, айғырлар, биелер
Бүйірі шығып ыңқылдап,
Суда тұрып шыбылдап,
Құйрығымен шылтылдап,
Арасында құлын-тай
Айнала шауып бұттылдап.

* * *

Летом, когда наступает июль,
Когда на сенокосном лугу подснежники
Наливаются во плоти,
У берега бурлящей реки
Располагается кочующий аул,
В зеленой траве мелькают крупы
Всхрапывающего табуна,
Лошади, жеребцы и кобылицы
Вздыхают от сытости и полноты,
И отмахиваются от мух, стоя в воде,
Разбрасывают брызги хвостом,
Среди них жеребята и стригунки
Резвятся, бегая кругами.

(Подстрочный перевод).

Как видите, немногими, но отборными словами и словосочетаниями Абай представляет живую и зримую картину перекочевки и расположения аула на летнее джайлау. (Вспомним стихи Калидаса).

В июле, когда проходит середина лета, трава и цветы находился в полном росте. Аул расположен у быстротекущей и бурливой реки, а кругом благостная картина со своими впечатляющими и незабываемыми атрибутами: лошади, жеребцы и кобылицы в речной воде; мухи, разгоняемые хвостом, игриво мчашиеся кругом жеребята и годовалые стригунки.

Интересно такое наблюдение исследователя творчества Абая профессора М.С. Сильченко: «Абай, например, достигает большой выразительности, сохраняя и выделяя, в духе народной казахской традиции: «кони», «жеребцы», «кобылицы», «жеребята-однолетки и двухлетки», «ат», «айгырлар», «биелер», «құлын-тай»). Для русского поэтического мышления такая детализация на столь существенна. Однако она приближает поэта к той жизненной конкретности пейзажа, которая присуща русской поэтической культуре и которая далее ведет Абая к индивидуализации и конкретизации типичных явлений казахского кочевого быта. Живописны и правдивы сцены, в которых действуют «девушки и молодухи» (кыз-келіншек), сооружающие юрты. Движения их согласованы и ловки.

Работу сопровождает веселый смех. Все в картине наполнено поэзией жизни действительной»¹.

В правду далее поэт воссоздает картину шуршащего взлета и посадки уток и гусей, кокетливых девушек и невесток, которые, засучив рукава и обнажив белые руки и локти, хихикают шуточно и плавными движениями ловко зашивают складки на юртах.

А там едет верхом самодовольный бай, объездив и обозрев свои тучные стада, на своем смирном иноходце. Слуга обманом упросил байского сынка вынести кусочек мяса, а тот хнычет около матери. Бай торжественно восседает на ковре под тенью у кипящего самовара, если заговорят ученые люди, то бай, как разгоряченные кони на байге, кивает головой, выражая согласие. Откуда-то со стороны подходит аксакал в белой рубашке и с палкой и с криком требует от пастухов отогнать скотину, угождая баю, чтобы тот смиростивился, подозвал снисходительно и угостил кумысом. Измотанные с утра табунщики, засучив рукава чапана, подъезжают на норовистых конях. Молодые парни стреляют на охоте, запускают в небо ловчих птиц. И заключают данное стихотворение такие строки:

*Жас бозбала бір бөлек
Су жағалап құтындап.
Қайырып салған көк құсы
Көтеріле бергенде,
Қаз сытырса жарқылдап.*

¹М.С.Сильченко. Творческая биография Абая. А., 1957. с. 74-75.

Өткен күннің бәрі ұмыт.
Қолдан келер қайрат жоқ.
Бағанағы байғұс шал
Ауылда тұрып күледі,
Қошамет қылып қарқылдап.

* * *

Безусые юнцы в отдалении
Снуют у берега реки.
В круговую пущенная небесная птица
Взлетает и поднимающихся в небо гусей
Успевает яростно сразить.
Забыты все прожитые дни.
У старика нет прежних сил.
И он, бедняга, находясь в ауле,
Хочет в угоду, поздравляя.

(Подстрочный перевод).

Для лирики Абая характерна такая особенность, что в ней довольно редко используются эпитеты. Красочности и яркой выразительности поэт добивается деепричастиями (косемше) и деепричастными оборотами: ұзарып өсіп, күркіреп, бүйірі шығып - вырастая, громыхая, наполнив бока и др.

Также Абай как поэт-мыслитель в каждое стихотворение вкладывает определенную философскую мысль. В данном стихотворении он противопоставляет беззубого, обессилевшего старика молодым людям, которые резвятся у берега реки, залуская ввысь кречетов на диких гусей и уток.

В целом предстает довольно полная и живописная картина степного лета перед читателем, который должен полнее насладиться дарами природы, пока молод душой и телом, пока есть на это достаточно физических и моральных сил.

Прежде обычно стихи Абая анализировались с классовой позиции. Одна из черт гениальности Абая заключается в том, что его произведения можно интерпретировать с разных точек зрения, хотя в них есть заметное импонирующее низшим слоям населения. Здесь есть и самодовольные баи, рассеявшиеся вокруг пышного дастархана, хозяин аула, объезжающий свои стада, угодливый старик, жаждущий чашку кумыса, и бедный слуга, уговоривший байского сына

принести из юрты кусочек вареного мяса. И венцом всех аульных зарисовок стал добродушный аксакал, который хохочет, как бы олицетворяя казахскую народную поговорку «құдай қартайтуға жазсын» - «да поможет бог дожить до старости».

Стихотворения «Осень» и «Зима» созданы в одном 1888 году. «Осень» состоит из шести четверостиший. Здесь уже описана жизнь кочевника на осенней стоянке – кузеу. Строки в этом стихотворении состоят из 11-12 слогов и написаны с традиционной рифмовкой ааба.

Стихи начинаются так:

*Сұр бұлт түсі суық қаптайды аспан.
Күз болып дымқыл тұман жерді басқан.
Білмеймін тойғаны ма, тонғаны ма,
Жылқы ойнап, бие қашқан, тай жарысқан?*

* * *

*Серые и мрачные тучи заволакивают небо,
Наступила осень и сырой туман окутал землю.
Не знаю, от сытости или от холода
Играют лошади, кобылы скачут, наперегонки мчатся стригунки.*
(Подстрочный перевод).

В данной экспозиции сделана наглядная зарисовка, навевающая осеннее настроение.

В последующих четверостишиях изображены характерные картины, переданы соответствующие детали быта и сезонные действия аульчан на осенней стоянке-кузеу.

Нет зеленой травы и подснежников, как прежде. Молодежь и дети приутихли, в ауле нет прежнего веселья. Деревья и кустарники курая оголились и стоят, как бедные старик со старухой, изменившись в лице.

Иные аульчане готовят закваску для выделки шкуры, а молодые женщины, поручив свекрови кручение ниток на веретено, латают прорехи на юртах.

Улетают гуси и журавли, движется караван верблюдов с зерновыми выюками. Во всех аулах царит уныние, нет шуток, смеха и развлечений.

Деды и бабки семят озабоченно, дети озябли. В степи первые холода портят настроение. Для собак нет бульона и лакомых костей,

поэтому они рыскают повсюду, охотясь за мышами. Их не видно вблизи юрт, около аула.

Такую общую невеселую картину осеннего пейзажа и мрачное настроение кочевников перед приближающейся суровой зимой поэт завершает таким четверостишием:

*Күзеу тозған, оты жоқ елдің маңы.
Тұман болар, жел соқса, шаң-тозаңы.
От жақпаған үйінің сұры қашып,
Ыстан қорыққан қазақтың құрсын заңы.*

*Күзеу обветшал, кругом нет травы.
Коль подует ветер, пыль и гарь превращаются в туман.
Теряет уюта жилище без огня.
Да сгинет обычай, пугающий копытою.*

Реалистически передавая детали казахской жизни и быта, Абай в динамичном и вполне осязаемом и зримом движении развивает философскую мысль о превратностях кочевого образа жизни. Вообще замечательная лирика Абая прежде всего, на наш взгляд, отличается, в основном, двумя выдающимися особенностями: во-первых, созданием ярких выразительных и запоминающихся образов с помощью разнообразных художественно-поэтических средств в динамичном развитии; во-вторых, движением философской мысли по восходящей линии с соответствующими выводами. При этом всегда остаются в памяти впечатляющие метафоры поэта-мыслителя типа «Қайыршы шал-кемпірдей түсі кетіп, жапырағынан айрылған ағаш, қурай!» - «Как обнищавшие старик со старухой, понуро стоят деревья и кустарники курая, потеряв свои листья!».

Сразу же вслед за «Осенью» Абай создает в том же году следующую часть задуманного цикла – «Зима». Это стихотворение, как и предыдущее, невелико по величине, состоит из 24 строк, но исключительно богато по содержанию и художественным особенностям. Зачин его таков:

*Ақ киімді, денелі, ақ сақалды.
Соқыр мылқау танымас тірі жанды.
Үсті-басы ақ қырду, түсі суық,
Басқан жері сықырлап, келіп қалды.*

*Дем алысы – үскірік, аяз бен қар,
Кәрі қудаң қыс келіп, әлек салды.*

* * *

*В белой одежде, крупный, белобородый старик,
Слепой, немой, никого не признает.
Белый иней на нем и по виду суров,
Скрипя по снегу, приближается.
Дышит люто, мороз и снег.
Пришел старый сват – зима и разгулялся.*

(Подстрочный перевод).

Стихотворение «Зима» написано традиционным одиннадцатидвенадцатисложным стихом. Рифмовка здесь также традиционная ааба. Однако вторая строка, кроме первого четверостишия, из этой системы выпадает. А в последнем четверостишии выпадает первая строка. Это своего рода новизна и новаторство поэта, которые привились на национальной почве вполне естественно и благозвучно. После экспозиционной зарисовки Абай живописно передал деяния зимы – старого свата. Но и здесь же на первый план выходят степные жители, шаловливые дети отморозили руки и щеки: пастух, облаченный в кожаный халат и шубу, не выдерживая ветра, отворачивается. Обессилели лошади, которые, без усталости разгребая снег, добывали себе корм. Волки рыскают повсюду. Но автор с предупреждением обращается к пастухам, чтобы даром не пропал их труд.

*Қыспен бірге тұмсығын салды қасқыр.
Малшыларым, қор қылма ітке малды.
Соныға малды жайып, күзетіңдер,
Ұйқы өлтірмес, қайрат қыл, бұз қамалды!
Ит жегенше Қондыбай, Қанай жесін,
Құр жібер мына антұрған кәрі шалды.*

* * *

*Вместе с зимой сует свою морду волк.
Пастухи, не отдавайте собаке скота в убыток.*

*Пасите на нетронутом месте и охраняйте.
От сна не умирают, собери всю волю и преодолей!
Чем собака съест, лучше пусть Кондыбай и Канай¹ съедят,
Отправь этого ненавистного и согбенного старика с пустыми
руками.*

(Подстрочный перевод).

Оригинальность Абая – поэта в стихотворении «Зима» прежде всего проявилась в том, что он не копирует образ Деда-Мороза из русской поэзии, а называет ее «старым сватом», более доступным понятием для сознания степняка-кочевника. Эту поэтическую находку его достаточно подробно интерпретировал Мухтар Ауэзов, который писал: «Из немногих стихотворений, написанных в 1888 году, есть еще одно особенное, посвященное пейзажу, изображению степной природы. Это новые стихи под названием «Зима». В начале данного стихотворения Абай показывает высококультурный стиль, связанный с настоящей русской классической поэзией. Здесь он зиму характеризует в образе живого существа. И это – не статичный и застывший образ, а, наоборот, красочный, динамично живой, который передвигается и производит ужасно пугающие действия. По ряду примеров он напоминает Деда-Мороза (Аяз-бабай) из произведений Некрасова. Но казахская поэзия да и сам казахский народ зиму так никогда не представляли. Только в одной устной поговорке «Қылышын сүйреп қыс келеді» – «Идет зима, волоча свою саблю» имеет место подобная единственная метафора, а в остальном такого случая, чтобы в казахской поэзии зима изображалась в облике человека, причем старика, не было. Однако Абай, заимствуя из русской поэзии такой новый образ, в первых строфах стихотворения это нововведение представляет для своего читателя легко приемлемо как старого и давнего знакомого. Особенно для читателей – современников Абая этот образ был вполне понятен. Об этом свидетельствуют такие значительные и весомые сравнения, как «Пришел старый сват – зима, разгулялся» и еще – «Шестикрылая юрта – орда закачалась».

«Старый сват! – это такой сват, который становится постоянным просителем и не успокоится, пока не возьмет свое, который ненасытен и всеяден. Также он наряду с тем, что доводит до

¹ Кондыбай и Канай – слабосильные роды, которые из-за материального недостатка отдавали свои земли в найм богатым аулам.

изнеможения, не отдавая дочь, еще берет дань повторно и многократно, без устали. Путем сравнения наступающую всегда по кругу зиму с таким сватом Абай переносит Аяз-бабая из русской литературы в казахскую и для своего читателя превращает его в свата, который становится так или иначе своим, породненным» (смысловой перевод).

Самым длинным и, пожалуй, наиболее значительным и крупным стихотворением Абая из цикла «Времена года» является «Весна», написанная в 1890 году как его заключительная часть.

*Жазғытұры қалмайды қыстың сызы,
Масатыдай құлпырар жердің жүзі,
Жан-жануар, адамзат аиталаса,
Ата-анадай елжірер күннің көзі,
Жаздың көркі еңгеді жыл құсымен,
Жайраңдасып жас күлер құрбысымен,
Корден жаңа тұрғандай келтір мен шал
Жалбаңдасар өзінің тұрғысымен,
Қырдағы ел ойдағы елмен араласып,
Күлімдесіп, көрісіп, құшақтасып,
Шаруа құған жастардың мойны босап,
Сыбырласып, сырласып, мауқын басып,
Түйе боздап, қой қоздап – қорада шу,
Көбелек пен құстар да сайда ду-ду,
Гүл мен ағаш майысып қарағанда,
Сыбыр қазып, бұраңдап, ағады су.*

* * *

*Весна пришла от стужи избавляя,
Поверхность земли пылает, как ковер,
Когда глаза животных и людей смотрят на небо,
Теплеет солнце, как родители,
Лето расцветает с сезонными птицами,
Молодежь перебрывается шутками, веселясь,
Старуха и старик, как будто только что поднялись из могилы,
Перебрываются прибаутками с погодками,
Кочевники с долин и с гор встречаются,
Улыбаясь, радуясь и обнимаясь,
Молодежь временно освободилась от хозяйства.*

*Толже разгулялась, шепчется, раскрывает тайны.
Верблюд трубит, ягнята рождаются – шум и гам.
Бабочки и птицы в овраге кишмя кишат: ду-ду.
Когда смотрятся в воду бабочки и птицы, извиваясь,
То и вода журчит веселее и течет быстрее.*

(Подстрочный перевод).

Автор и далее с увлечением изображает аул в благодатную весеннюю пору: плывут и лебеди-красавицы озер, есть утки и гуси, молодые охотники верхом на резвых скакунах, к ним девчата в летних красочных нарядах липнут. Поэт отдельно рисует природу, где в зените поет жаворонок, где-то кукушка кукует. А здесь появились купцы и торговцы, предлагая новые ткани. Дехкане на поле кладут борозды. У бедных и богатых скот двонтся, тронтся, прибавляется...

Самое интересное то, что в конце данного стихотворение Абай показывает землю как супругу солнца:

*Зима тосковала всю долгую зиму по своему мужу-солнцу,
Никак не могли они друг с другом соединиться.
Когда земля насытится дыханием солнца,
Расцветет и разукрасится, как попугай.
Прямо глянуть на солнце невозможно.
Горит теплотой души и целует.
Я на закате видел: это солнце
Вошло в золотой шатер, полыхающий зирей.*

(Подстрочный перевод).

В данном стихотворении особенно явственно проявляется тяготение Абая к пантеистическому учению Спинозы, потому что здесь поэт зарождающие и оживляющие силы природы: Солнце, Земля и другие представляет в одушевленных и действенных художественных образах. Такая особенность в мировоззрении казахского поэта – мыслителя была замечена еще в изначальной стадии развития национальной филологии, однако об этом тяготении с абайской спецификой сознательно и подсознательно умалчивалось или говорилось глухо и негативно.

Стихотворение «Весна» стало животворным и по-новаторски своеобразным венцом, достойно завершая исключительно оригинальный цикл стихов Абая о четырех временах года.

ПОЭТИЧЕСКИЙ РЕЗОНАНС ИЛИ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В истории казахской литературы создание стихов о временах года было явлением беспрецедентным. Известно, что ныне эта история раздвинула свои рамки вглубь веков, вплоть до общестюркского наследия, поэтому Абая мы вполне логично и закономерно называем «основоположником новой казахской письменной литературы».

До Абая ни у одного из казахских акынов и жырау не было стихотворений, специально посвященных временам года. Только в XIX-ом столетии его современник, поэт и педагог-просветитель Ибрай Алтынсарин создал одно стихотворение под названием «Лето».

Поэтический резонанс, безусловно, имели в истории казахской поэзии стихи Абая о временах года и в творчестве последующих поэтов, считавших обычно образцом и эталоном для себя стихи своего великого предшественника.

Основоположник абаеведения М.О.Ауэзов в своё время был одержим такой целью, чтобы замечательная лирика Абая зазвучала на русском языке, а через него на других языках народов мира. И вот такой удобный случай подвернулся в 1935 году, когда в Казахстан прибыла бригада русских писателей, в составе которой был известный ленинградский поэт Всеволод Рождественский, в переводе которого в 1936 году впервые отдельной книгой увидели свет избранные стихи Абая. А уровень и качество этих переводов, которые впоследствии стали как бы канонизированными, - это уж тема иная...

Журнал «Абай» №2 за 1996 год.

ЛИРИКА

* * *

Безветренной ночью луна,
Нагая, дрожит на воде.
В овраге ворчлива волна:
Река разлилась в темноте.

В ауле прибрежном листва
Ведет меж собой разговор.
И сочная всходит трава.
Спасая от пыли простор.

На лай и на крики «айтак»¹
Звенит, откликаясь. Чингис.
Не ты ль пробирался в кустах.
Чтоб встретиться с нею, джигит?

Бросало то в холод, то в жар.
Как-будто не знал удалства.
И в страхе внезапном дрожал,
Завидев подругу едва.

Она задрожала в ответ:
Кружилась от чувств голова.
Скажи, вспоминаешь теперь,
Как лынул подбородок к губам?

1888

* * *

Не исцелить,
Сердце болит,
С горя пылает огнем.
Не с кем делить
То, что лежит
Тайною в нем.

¹ айтак - окрик при науськивании собаки.

Мучает зря
Совість меня.
Встретившись с каждой душой.
Пряча лицо,
Мелкой трусцой
Вмиг пробегу
Стороной.
С этого дня
Пищи и сна
Определенно лишен,
Нужен покой,
Брожу сам не свой.
Удручен.
Сердце – юнец
Сгинет вконец.
Нет ему роздыха, нет.
Господи, в путь,
Милостив будь,
Дай совет.
Тополев куст
Строен и густ,
Листья – овечки шумят.
Шея дугой,
Поник головой,
Слезы – град.
Жил я, как пан,
Гордо ступал,
Горя не зная, вперед.
Остыл, устал...
То в огне сгорал,
То, как лед.

1890

* * *

Сколько б тебя ни хвалили – не верь,
Хитрость таятся в хвалебной молве.
Веру в себя укрепляй, чтоб вдвоем
Разум и труд выводили на свет.

Там, где доверчивость, не суетись,
За похвалой без конца не гонись.
Сам не плети с миром слов кружева,
Впору ль мираж, наполняющий жизнь?
Горе придет, не сгибайся, встречай.
Радость охватит – не думай, что рай.
В сердце свое погрузись и на дне
Жемчуг найдешь – ты его не теряй.

1896

* * *

Тикают часы не для забавы.
Жизнь уносят стрелки, что в оправе.
У минуты тоже есть судьба,
Смерть приходит на глазах, исправно.
Вор-часы, крадущие минуты,
Здесь и жизнь отходит в промежутке.
Призрачное время только так
Мчится безвозвратно, скоро, жутко.
Звуки эти – прошлого приметы,
Чувства укрощай, снимай наветы.
Каждодневно лицемеришь зря,
Разумом постигнув тайны света.
Дни за днями – в месяцы и годы,
Годы в теле ноют к непогоде.
Боже правый, если мир не прав.
Сохрани отзывчивость природы.

1896

* * *

Жила одна красотка во дворце,
Кружила в мыслях хана, как в кольце.
В парче и золоте, служанок – рой.
Гадали ей гадалки о венце.
И бык, и вол имеют свои удел,
Проворен хан, пирует, осмелел.
Пусть тело гложут черви, чем старик,
Метнулась со скалы в иной предел.

Не в радость сердцу с явствами столы,
Глаза того, кто ровня, всем милы.
В погоне хан за тенью прошлых лет.
Зачем ей кости, что стары, дряхлы?
За юностью стремится, хоть не дюж,
Свои права есть у влюбленных душ.
Жена не станет верной за калым,
Глупцы берут в объятья юных жен.
Наполнят дом-очаг печаль и стон,
Когда на два мушеля¹ старше муж.
Не потому ли там, где нет любви,
Покои хана, как быка загон?
Чем бай старее, тем дороже скот.
Но жизнь не внове, покарай, господь.
Склонив скотом родителей, купец,
Зачем пошел ты на стародавний ход?
И усом не ведет почтенный бай.
Как будто бы живут в ладах, ай-ай!
Не зря кокетством веселит жена,
Воспитанница беса, так и знай!
Стареющий богач, тебе совет:
Рога пойдут покорности в ответ.
Хвалить начнешь обильный дастархан –
С пути собьешься, следуя молве.
В разладе он с безвинной байбишой,
Огня в достатке нет для молодой.
Она – еще росток, а он – курай,
Сойдутся ли мороз и летний зной?
Потуги бедер – это просто так,
Шлепки по крупу, поцелуй – пустяк.
От сердца к сердцу путь – дорога в год.
Осилишь этот перегон, чудак?

1896

* * *

Сердце мое, чуешь ли что,
Сколько подобных тебе?

¹ мушел (перс.) – двенадцать лет

Мир для тебя открыл простор:
Нужен порядок в судьбе.
Отклика ищешь в ответ,
Чувств, как свои, наравне.
Где он, такой человек,
Спрятан в какой стороне?
Равенство, дружба, любовь, покой –
В людях для них есть приют?
Ринулись к ним с доброй душой,
Те, как торговцы, снуют.
Праведный суд необходим
Гласно хвалить и хулить.
В лести любой неуловим,
В споре его и не сбить.
Встречу ли друга в пути?
Не с кем держать мне совет.
Чувства злей, как ни крути,
Чем одиночество, нет.
Мне б поделиться порой
Мыслью от чистой души.
Тянется к горлу рукой,
Плату не дашь – не взыщи.
Разве за плату умом
Кто-то поймет силу слов?
Уши свои заглушит и в нем
Тьма торжествует назло.
Сердце, пылая, гори –
Польза отыщется вдруг?
Веришь ли, спрятавшись изнутри
Сущности жизни как друг?

1900

* * *

Что чувствуешь, сердце, скажи-ка?
Как будто кругом ни души.
Блуждаешь на свете великом,
Нет тяги к покою, тиши!
Поскольку душа нараспашку,

До круга не смог добрести.
Не бейся, о сердце, как пташка,
Чтоб в сторону не увести!
Среда, равноправие, дружба –
На свете им есть ли цена?
Не раз обращался, как нужно, –
Торговца рука подана.
Но сила народа священна:
Снесет и хвалу, и хулу.
И все-таки ближе измена,
Чем стойкость в крамольном углу.
Заветного друга найти бы,
С кем душу я смог отвести.
Лишь мечешься вновь суетливо
Без верного друга в пути.
Коль доброе слово для блага
Кому-то спешишь довести,
То он норовит, бедолага,
Какую-то мзду обрести.
К добру не ведет мздоимство.
От платы извечен ли прок?
Кто на ухо туг в лихоимстве,
Того не поддержит и Бог.
Горишь, мое сердце, сгораешь.
Для дружбы нужна ли мольба?
Прекрасное то, понимаешь, –
Где друг, там и жизнь, и судьба?

1990

Становятся тени длиннее.
Сужая дневной кругозор.
Со временем солнце краснее
И катится за горизонт.
Душа опечалена падко
И тянется на разговор.
Излить бы печаль без остатка,
Упрядвав опущенный взор.

А жизнь за тобой, как тропинка,
Которая кротко вела.
Обман – не простая заминка.
Умом отстранишься от зла.
Но даже надежной находке
Не просветляется взгляд.
На сердце с избытком, до глотки,
Насыпан один только яд.
Но мысль, заблудившись, собачкой
Вернется под собственный вой.
Надежда избавит от качки, -
Верни свой душевный покой.
Полынь на посеве пшеницы:
Невольно завоешь, как пес.
К спокойствию надо стремиться,
Чтоб тихо Всевышний унес.

1990

ОТКРЫТИЕ АБАЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Имя Мурата Султанбекова давно знакомо читателям «Иртыша». Более трети века он активно сотрудничает с редакцией Семипалатинской областной газеты. Меньше известен наш земляк как поэт-переводчик, хотя были публикации – переводы с татарского, с казахского местных авторов. Недавно он закончил работу над переводами цикла стихов «Времена года» великого Абая.

Какое впечатление от первого прочтения? Что нового внес М.Султанбеков в разгадку феномена Абая? Чем отличается его интерпретация творчества основоположника казахской письменной литературы от его в разной степени талантливых предшественников? В чем его преимущество перед другими?

Во-первых, М.Султанбеков знает язык оригинала, ему знакомы традиции и обычаи родного народа, его фольклор, сказания, предания, мифы, бывает на родине великого акына. Во-вторых, он абаевед, литературовед, изучал творчество своего великого земляка, анализировал, исследовал, проверял алгебру стихосложения гармонией.

И что же в итоге? На мой взгляд (при довольно слабом знании моем казахского языка) Мурат Султанбеков создал переводы, максимально приближенные к оригиналу и ритмикой стиха, и настроением, и мыслями. Если ранее, в других переводах, Абай воспринимался только как мыслитель и философ (сух, холоден, рассудочен) или как тонкий лирик (преобладала эмоциональность), то автору перевода удалось синтезировать в своих работах, соединить эмоциональную и интеллектуальную направленность произведений Абая. (Вспомните Пушкина – у него почти всегда мысль окрашена чувством).

В переводах М.Султанбекова Абай мне ближе, понятнее, я физически ощущаю степь, людей, природу. Не усложняя искусственно певца степи и нисколько не упрощая его, он дал его со всеми оттенками и тональностями, со всей широтой национального духа, глубоко проник в его творческую суть. Эту благородную работу он продолжает. И хочется поздравить Мурата с несомненным успехом и пожелать новых удач на трудном, тернистом пути переводчика.

Открытие Абая для русскоязычного читателя продолжается.

Н.АЛЕКСЕЕВ,
поэт, член Союза писателей СССР.
(«Иртыш», 23 августа 1990 года).

ШАКАРИМ КУДАЙБЕРДИЕВ
(1858-1931)

ЛИРИКА

ПОЭТАМ

Волнуясь, песни вдохновенные слагай,
Объятый чувствами и в мыслях – через край.
Заветные слова пусть обовьют,
Как-будто в колыбели спишь, увидев рай.

К запросу публики, поэт, будь начеку
И на вопросы отвечай, как на духу.
Представ в момент отчаянным стрелком,
Ты прямо в сердце порazi и заликуй.

Почтение к поэту – для народа честь.
Поэзия украшает жизнь, как и есть.
Пусть акинаком проникая в грудь,
Возвысит душу, поднимая до небес.

Озвученная песня до костей проймет.
Коль есть в твоих строках заоблачный полет.
Снаружи-роза, с таинством внутри, -
Вот отчего тотчас душа вся запоет.

Поэзия в тебе совет свое гнездо,
От грязи сердце очищая, как водой.
Степной простор от жажды утолив,
Пускай она течет божественной рекой.

Твои стихи должны быть зеркалом души, -
Тогда слова созвучны, рифмы хороши.
В пути они, вздымая совесть враз,
Пронзительно откликнутся волной в тиши.

ПЕСНЯ, В КОТОРОЙ НАВЕЙШИЙ МОТИВ

Песня,
В которой новейший мотив,
Тесно
В ней рифмам, коль новый курсив.
Желанию подстать

В груди
Невольно трепещет душа.
Гляди,
С мелодией как хороша,
И легко воспринять.

Созвучный такт
Ожил в стихах.
Серебро с медью нельзя
Мешать в словах, -
И лад в строках
Воспрянет, верно разя.

Весом
В этой песне мизерный знак.
Притом
Рифмы умещены в кулак,
Рожденные во мне.

Тайне,
Что надо раскрыть,
Крайне
Необходимо явной быть.
Смысла нет в стороне.

Восемь слогов,
Парных рифм шесть.
Две строчки предстали в трех.
Кто прав, кто нет,
Коль дан ответ,

Где рифмы найдены впрок?

Силен

Днями без хлопот и беды.

Умен

Ночами, не зная вражды!

Есть ли польза от вас?

Воспрял

Шестидесятилетний пик.

Не внял

Старости. головой поник.

Недалек смертный час?!

Года в узде,

Слезы везде.

Без тщетных сил опьянен.

Судьбе в укор

Потушен взор,

Могильным духом пленен.

Юность

Вернется ли, если взмолюсь?

Трусость

Уйдет ли, если напьюсь.

Холодом весь объят.

Так мной,

Разум, всецело не владей.

С тобой также

Не угнаться за ней,

Юность – прошлый парад.

Шестьдесят лет

Зубам во вред.

Был в юности старика

Охаять готов.

Сейчас без слов

Воспринимаю закат.

Судьба
Рождает насильно дитя.
Борьба,
Где страсти гонят, колотя.
Это – любовный путь.
Силен,
Кто правит страстью своей.
Пленен,
Кто слепо подвластен ей,
Лестью наполнив грудь.

Отец и мать,
И все опять
Внушают себе на ходу:
Будет пример –
Любви кавалер
Вырастет где-то в роду.

1919 г

О МОЛОДОСТИ

Как жемчуг, глаза,
Слова, как слеза,
Блещут всегда чистотой.
Облик – луна.
Повадкой красна.
Ее не представить иной.
Обильным умом хороша:
При встрече растет душа.

Как пери в раю,
Найду – запою.
Восхитительно стройна.
Добротный росток,
Стан скручен в клубок,
Без недостатков она.
Встретившись как-то с такой,
Не потеряешь покой?

Лучистым взором
Глядя с укором,
Коснется шелковых волос.
Лишившись сил,
Словно мир не мил,
Сердце падает под откос.
Дева на свете всех милей,
Юноша, ластясь, рвется к ней.

Игриво, как ртуть,
Лисой маня в путь,
Уводит мыслей прицел.
Соколом взлетев,
Алмазом огрев,
Ставится высшая цель.
Не зря устремлен джигит,
Взволнованно сердце стучит.

Враз изменившись в лице,
Бегая в темном кольце,
Проводит ночи напролет.
Здесь не до скота,
Оплела суета,
Душа устремилась в полет.
О чести пропал разговор,
Когда чувств ощутил напор.

Светясь ковылем.
Одевшись щеглом,
Стороной от глаз хоронясь,
Невесту ища,
Душа как в клещах,
На дальность аула не косясь,
Ловко друга прихватил,
Соколом взмыл изо всех сил.

Пред оком – аул,
Его обогнул,

Не смея заехать к ней тотчас.
Стоит вдалеке.
Сердечко — в пике.
Терпение иссякло как раз.
Отправил друга послом:
«Пришлет ли весть этот дом?»
Товарищ в тот миг
Беззвучно проник,
Словно пронирыливый змей.
Как сокол, кичась,
В окно не стучась,
Приносит весть поскорей:
«Пожелание передай,
Коль джигит, заходит пускай».

Насупясь в укор,
Одежде — отпор.
Крутясь, как веретено:
Тихонько вошел,
Нежен, как шелк.
Мышке с котом суждено
Быть после входа в тот дом, -
Осгальное поделом.

В светлицу войдя,
Вовсю исходя,
К любимой, крадучись, прильнет.
Наощупь во тьме,
Не в своем уме.
Головку рукой обоймет.
И впрямь уйдет в пятки душа.
Поймет она, как хороша.

Подтянув плечо,
Обняв горячо,
Подарит ей поцелуй.
Подсунет тогда
Язык изо рта, -
И все тут, балуй — не балуй.

Ах, несусветный наш мир.
Отныне можешь быть сир?!
Собравшись умом,
Прижавшись к ней лбом,
Не в силах никак отойти.
Есть высшая цель.
Где только предел,
Сапаном он с выси летит.
Добившись цели тайной враз,
Прильнул к груди, как в тихий час.

С раннего утра
На парня гора
Свалилась до встречи другой:
«Невеста, прощай,
В такой-то день ожидай».
Блеснула во тьме слезой.
Жалко, что близок рассвет,
Больше горя в помине нет.

При свете таком
В постели вдвоем
Возлежать голышом нельзя.
Простившись не в срок,
Шагнув за порог,
Уходит стеснительный зять.
Из дома выгнала заря,
Не сам ушел, хотя не зря.

Покинув сей дом,
Стоят за холмом,
Он выпустил руку едва.
Проводы как миг,
Головой поник.
Звучат прощальные слова.
Так скоро с приходом утра
Настала разлуки пора.
Взойдя на взгорье,
Увидит с горя,

Как милая машет платком.
Товарищу внял.
Коня задержал
И мчится назад напрямиком.
Целуя, нет шейки нежней,
Как при расставании с ней.

1879.

О СТАРОСТИ

Знаний – пруд пруди,
Язык – речь заводи,
Коль в ладу тело и душа.
Легко от дум,
Хотя наобум,
Когда силен, все круша.
В старости заминка в ответ.

Молодому впрок
И камня кусок,
В поисках сил через край.
В усладу себе
С умом в голове
Светлых дней хоть отбавляй.
Молодость приятна как дар.
Ни сил, ни ума, если стар.
Юности прить
Заставит забыть
Безумная старость, как гром.
Поникло чело,
То время ушло.
Никто не придет в твой дом.
Дел и старость не лишена, -
За ней грядет с косой она...

С преклонных годов,
Лишившись зубов,

Лица не видно от морщин.
Согревшись огнем,
Не прозрев и днем,
Остался скелет один.
Не в силах отлить во дворе.
Одежда обвисла к поре.

До костей иссох,
Усы, словно мох,
Голова, как череп, притом.
Не владея собой,
Ворчит сам не свой,
Хвалясь, говорит о былом.
Свет очей навсегда погас.
Лучше сгнуть навеки с глаз.

В белках – краснота.
В словах – маята.
Вспоминая юность, живет,
Деснами жуя,
Языком суя,
Пища впрок совсем не идет.
Как только вложит мясо в рот,
До смерти невпоровот.

Искривившись стан,
Бегать перестал.
Поясница, ноги скрипят.
«Старый пес, не рычи,
Лежи, не кричи», -
Ругает бабенка опять.
Будто в могиле, хоть жив.
Лучше сам уйди, отвратив.

Смерть придет – не беда,
Не взвять никогда, -
Обеспечен конец такой.
Рожденный в себе
Покорен судьбе:

Все равно грядет смерть с уздой.
До возраста старика
Заберет Аллах пускай.

Без чувств, чуть дыша,
Задремлет душа,
Что старости явственный знак.
Отводится срок.
Судьбе невдомек, -
В надежде ворчун просто так.
Шесть десятков лет как предел.
В стариках – не лучший удел!

1879.

НАСИХАТ¹

Если в науку устремлен, то вникни в мои слова,
Используй знание к добру, неустанно пополняй.

Мудрецу ты будь шакирдом, неуч – это твой шакирд.
От знаний достойней станешь, сам учить не уставай.

Искусство не терпит кривды, когда дано неуместно,
Волнует сожаление, покамест теплится оно.

Постигнув любое дело, придай ему известность.
Чем прогорает в тебе, пусть будет в мир унесено.

Не думай, что тупице ты сможешь свет свой донести.
Сколько б зерен не разбросал, на камнях не прорастут.

Хоть попугай заговорит, птица – все ж не человек?
Так и знания в тупице на досуге отомрут.

Если камень смочешь кровью, в жемчуг превратится ли?
В дырявой посуде не удержится никак вода.

¹Насихат (араб.) – наставление, пропаганда.

Злодея в науку введешь – использует как пулю.
Живя на пагубу людей, обоснуется вражда.

Как наставник проклят будешь, веря его посулам.
С добром доверчивых людей он приведет впросак.

Мир на науке зиждется. творя и добро, и зло.
Злодей и ученый вкупе – краха всеобщего знак.

Истинные тупицы если не постигнут мудрецов,
Не ругайте, осуждая, как обиженных судьбой.

Изначально нету прока от отъявленных голов.
Потому что бестолковый. познав письмо, сам ли свой?

Людям разными делами заниматься суждено.
Для тупицы нет к науке тяги в жизни никогда.

Тот разумен, кто науку использует на деле.
Кто отринет благо знаний, тот сгорает от стыда.

Если неучи приходят брать уроки лишь у вас.
Не берите ни копейки, неуместна здесь цена.

Потому что ты оплату ощущаешь наяву,
Когда неучу на деле суть не определена.

Твой тупица неразумен, словно малое дитя.
И оплату брать обманом – для разумных не к лицу.

Обучение науке схоже с сутолокой рынка.
Заводить с детьми торговлю, как молитва, подлецу.

Не берите, если даром предлагает скот невежда,
Потому что он намного ниже твоего ума.

Кому-то благо не свершив, не пользуйся услугой,
Ложный принцип «дармовой» будет для тебя, как тьма.

Вину кого-то не вскрывай, занавеской прикрывай,
Не уподобляйся солнцу, осветив все уголки.

Чужое счастье – не твое, найди свое и осветись.
Не будь луной, что в свете солнца попала в должники.

Как солнце, оповестишь ли нам рассвет или закат?
Отсчитывай, как месяц, сколько пролетело годков.

Не будь, как ночь, с затмением, завязывая глаза.
Старайся быть открытым днем, не скрываясь под засов.

Помоги страдальцу жаждой, поднеси ему питье.
Но не будь с ледком, чтобы люди не отвернулись вдруг.

Пусть будут явно теплыми облик твой и все слова,
Сам любезно обращайся, отводя от жгучих мук.

Вполне обессилевших овей прохладным ветерком,
Не набрасывайся вихрем, юрту скинув наповал.

Будь с пользой, как мать – земля, оборачиваясь благом,
Не будь каменистой почвой, чтоб ступни не разрезал.

Предстань небесным облаком, чтобы были тень и дождь.
Отвернув и сель, и молнии, не взбудораживай людей.

Полноводной рекой веди пароходы по русле,
Не вздымай волны с угрозой кануть в пучине своей!

1911 г.

ПЕСНИ, КОТОРЫЕ СПЕЛ ДЛЯ СЕБЯ ПОСЛЕ КОНЧИНЫ АБАЯ

«Смерть пришла неотвратимо.
Смерть с косою необратима? —
Говорил: остерегайся».
Пролетело слово мимо?

За несбыточным погнался. -
Сам с собой один остался?
Смерть дана судьбой отменной.
Отчего не удержался?

Устремление благое
Оттолкнуло все родное?
В схватке с вражескою ратью
Достижение какое?

Приобрел немало знаний.
Что исполнил из желаний?
Все обретшее металось
С поражением на грани.

Захотел то обессмертить.
знаком вечности отметить.
Сохранив при этом душу,
Предстаешь пред кем в ответе?!

В свете благостном был впору.
Отчего в избытке горе?
Стал отчаянно подвластен,
Отгнав свою опору!

Почему возврата нету.
Чтоб помочь душе ответно?
Опознали душегубы.
Что снуют кругом по свету.

Обходи вранье с лихвою,
Не гоняйся за мечтою.
И пророк, и все святые
Не объемлют мир собою.

Находишь в покое смирно,
Замоли грехи умильно.
Коль имеешь дом отдельный,
Говори: «Как это мило».

При уме своем устройся,
Ямы кладбища не бойся.
Пред создателем являясь,
Быть рабом его настройся.

Окружение известно:
Человечность неуместна.
Ты с собаками общаясь,
Жил с грехами повсеместно.

В мыслях соберись как надо:
Будь, как горная громада.
Перестань метаться тщетно,
Чтоб проститься с миром в радость.

Что на этом свете жалко,
При достатке нет смекалки?
Кто относится с почетом,
Спас кого сам из-под палки?

Нет друзей, с кем были в братстве,
И к делам не стал причастен.
Жить на этом белом свете
Нет резона от несчастья.

Отчуждение повсюду,
Надоели пересуды.
Разболтавшись, как безумец,
Зря выскакивал на людях.

Пламя песен, как на плахе,
Покорись персту Аллаха.
Испытав все блага, яда
Восприняв, умри без страха!

Покорить желаешь души,
Голос слышится все глуше...
Где там теплится надежда,
Чтоб невежество обрушить?

Захотел возвысить друга,
Низложив врагов по кругу.
В результате сам желаешь
Стать божком в своей округе.

У всесильного – задача,
Что опасна неудачей.
Можно в воздухе повиснуть
Вверх ногами, не иначе.

Верный друг за что был предан,
Приводил к какой победе?
В мыслях вот что: «Если буду
Где-то грешен, он в ответе».

Не возьмет твое открыто.
Запряжет тихонько, скрытно.
Попадись в огонь иль воду, -
За лукавство в прежней прыти.

Есть товарищи такие, -
Не покроет душу иней?
Не иссякнет спрос на честность, -
Значит страха нет в помине.

Развелось немало близких,
Умножающие риска.
Наставлял водиться дружно,
Оценен совет столь низко?

Одолела справедливость
Или слов взяла учтивость.
Столько лет не понимая,
Мысль сегодня обновилась?

Чтоб не мучиться до пота,
Окружи себя заботой.
Враг добрей родного брата,
Сдав земле сырой охотно.

Недруг твой на видном месте,
Со страной воспримешь вместе.
Неужели, япыр-ау¹ ,
Ум восполнился уместно?

Просто в знании нет толку,
Воплоти в дела – умолкну.
Отвернувшись от рутины,
Овладеешь ясным оком.

Что отныне греет душу,
Есть ли мыслях цель получше?
Что возьмешь от этой жизни,
Чтоб предстать пред богом с кручи?

Пламенел, горя повсюду,
Что хотел, то дали люди.
Перепутав яд с водою,
Успокоился покуда.

Отыскал хвалу довольно:
Устремлялся к ней невольно.
Что на голову свалилось?
Видно, джин ударил больно.

Если джин тебя не тронул,
То случайно стал уродом.

¹ Япыр-ау (каз.) – возглас удивления.

Соберись с умом, подумай, -
Смерть все ближе с каждым годом.

За кончиной нет в помине
Ни врагов, ни дел рутины.
Как простишься с белым светом,
Партий склоки тоже сгинут.

Пусть живые вихрем кружат.
Тосковать о них не нужно.
Смысла дум твоих не зная,
Распинаются натужно?

1912 г.

* * *

В году овцы под летний зной
В июле, сотни лун назад,
Родился под своей звездой,
Что шестьдесят сулит в глаза.

Ведя такой казахский счет,
Набрал мушелей¹ пять всего.
Хоть сколько жизни не пройдет,
Все мало, словно ничего.

И жизнь увидел в наготе,
И радость в простоте всеял.
Но яд воспринял в доброте:
В пути науку отстранял.

Давно блуждает мысль во мне:
Кто произвел вселенский мир?
Душа живет ли в стороне,
Когда от смерти станешь сир?

Религии секрет постичь
В коране норовит мулла...

¹Мушел – двенадцать лет.

Здесь нужен осмысленный бич,
Чего судьба не воздала.

Но с мыслью ясною живя,
Напрасно славу я снискал.
Оберегая сам себя,
От времени совсем отстал!

Сапсаном перебив гусей,
Прожил четыре да с нулем.
За годы не предстал бодрей,
Лишь смерти ближе окаем.

Но как вернуться мне назад,
Чтоб ум вдогонку наверстал.
Найдя науки вечный клад,
Наступит день, что ожидал?

Арабский, русский языки
Попали будто под запрет.
По книге тюрка вопреки
Вобрал познание в ответ.

Трактаты древних мудрецов
На тюркском все ж достались мне.
До смысла философских слов
Добрался, хоть и не вполне.

Но тяга к разным языкам
В края те проложила путь.
За чаем умудрился сам
На Мекку мысли обернуть.

На пароходе долго плыл,
В далеких странах встретил мулл.
Страницы нужных книг раскрыл,
Когда приют мне дал Стамбул.

В Париже довелось узнать,
Что есть страна, как Индостан.
Араб, башкир и перс подстать;
Как турок, полиглотом стал.

Вступал в беседы наравне,
Обрел в уме вселенной пик.
Слепцу не быть век в пелене:
Туман, рассеявшись, поник!

С трудом идет чужой язык,
Нужны подспорьем словари.
К произношению привык;
Глаза раскрылись – говори!

Пришлось годков примерно пять
Скрипеть пером под грузом дум.
Копал иголкой, не отнять,
Колодец в мысленном саду.

Чего достиг? Как поступить?
Помрет ли с телом и душа?
Не оборвать бы знаний нить, -
Эх, неуч, взмыл, захлеб дыша!

1919 г.

* * *

Наступит лето, отселив невзгоды, -
Зима в снегах ушла на север вроде.

Бурана нет и снега нет ни крошки:
Аллах во благо всем творит погоду.

Чтоб в бытие, как взрослый, окунуться,
С холмов детишки вниз стремглав несутся.

И старики, воссев на солнцепеке,
В былую жизнь умильно отвернутся.

Рождаются ягнята, верблюжата,
Растут, балуясь с зорьки до заката.

И все-таки не впрок людскому глазу,
Хоть сколько бог ни даст нам благ богато.
1880 г.

* * *

Плохих казахов нет в помине, -
Хватает дури в лучшей mine.
За дело браться сообща
Не вознамерены поныне!

Где честность этого народа,
Чем одарила всех природа?
Такие подлости вокруг,
Что совесть не тупеет сходу?

Теряют скромность из-за чая,
Возьмут и масла, замечая.
Шныряя всюду без стыда,
Урвут твое, души не чая.

Здоровый слабых унижает,
Тихоню каждый обижает.
Повсюду воровство и ложь.
Вот так поднять ли нам державу?

МЕЧТА

Как лето настанет, невзгоды отступят,
Тальник распускается, воспрянет трава.
Средь зелени смело, размашисто, крупно
Шагает косарь – здесь всему голова.

За ягодой в рощу отправятся девки,
Когда созревает в отвесных логах.

Влюбленный джигит, распознав эту спевку.
Торопится следом, проснувшись впотьмах.

Для пары влюбленной трава, как перина.
Скрывают, как занавес, тенью кусты.
Но мысли о бремени нет и в помине, -
Уйдя с того места, уходит в мечты.

У каждой души есть немало желаний:
«Безмерное счастье, достаток, покой».
Нужна еще сила помимо стараний, -
Лукавый склоняет на выигрыш свой.

Вороне, свинье и дворовой собаке
Бывает пределом мечтаний и кал.
Стрелку бы ружье, бедняку, хоть на свалке
Досыта наевшись, довольно икал...

Нагому пристало мечтать об одежде.
Замерзшего свет вдалеке позовет.
Найдется все это, как ныне и прежде.
Исконным трудом, а не свыше спадет.

О юности грезят старик со старухой.
Мечтает малыш поскорей подрасти.
Вздыхая о доле мужской на досуге,
Не могут и женщины прав обрести.

Для многих мечта – это двор и скотина,
А вору приснится лихой аргамак.
Цари ненасытны, хоть вся половина
Земли отвоевана грозно итак.

Одежда для франта в пределах мечтаний.
Больного заботит, как душу сберечь.
Завистник и мститель в недружеском стане
Тебя размечтался безвинно упечь.

Вглядишься и вникнешь, что люди в заботах,
Повсюду мечтая возвысить себя.
Не в силах понять иль послушать кого-то,
Им мнится, что вечно коварна судьба...

1880 г.

* * *

Мулла гяуром назовет чужого,
Не зная в языке его ни слова.
Настолько сей бедняга своенравен,
Что оскорбление на все лады готово.

Казах не ведает о лучших русских,
Но от того ему ничуть не грустно.
Отвергнув кладезь светоносных знаний,
Невежде подражает с взглядом тусклым.

Не знает, что искусства их постигнув,
Сумеешь и вершин наук достигнуть.
Познав об их поэтах и ученых,
Не смог бы совесть с честностью отринуть.

Толстого, Салтыкова обожая,
Добрался бы до разума без края.
А Пушкина и Гоголя строками
Вставал бы утром, радостно сияя.

С поэтами, как Лермонтов, Некрасов,
Советоваться можно громогласно.
Прозрев в степи, с раскрытыми глазами
Сородичей повел бы к свету властно.

Не подражай затворникам-суфистам.
Они затянут тучей в небе чистом.
Равняясь на прозревших, расцветаешь,
Поскольку обучают к сердцу близко.

Покорствуя льстецам, с пути собьешься,
О. мой казах, слезами обольешься.

Когда и впрямь направишься к науке,
Свободы для страны своей добьешься.

1925 г.

* * *

Простишь иному недостатки, -
Аллах откликнется в порядке.
Безумно будешь препираться -
Пробьет от темени до пяток.

Тому, кто в жизни добродушен.
Поможет бог, придав отдушину.
А для корыстного и злого
Блаженство скроется, как уши.

Во мне найдешь по жизни друга,
Перерождаясь, как по кругу.
В моих словах уместно яду,
Что плод сердечного недуга.

Но не бросай, хоть будет горько:
При жажд, как вода, и только.
Сумей познать, что с глаз укрыто, -
Не подсчитать коварных сколько.

* * *

Бездушным став, обрел какую пользу?
Отрадно было летом в чистом поле.
Уверился, что смерть необратима,
Иначе бы искал отца¹ неволью.

По матери тоскуют мои дети,
Познав убогой доли ад на свете.
Ты пожалей сирот моих несчастных,
Коль человек пред разумом в ответе.

¹ После смерти отца мальчик Шакарим в горечи раздвинул ногой червяка, от имени которого сочинил эти стихи, ставшие мемом несней. - МС

* * *

И я уйду, навечно сгину, -
Придешь оплакивать могилу.
Не встану, отклика не будет.
Читай стихи мои с другими.

Где цель твоя? Нашел ли друга -
В пределах истинного круга?
Вся польза в праведном совете,
Который дан в благих потугах.

* * *

Три вида жизни знаю, что хмельны.
Все возрасты равно наделены.
Необходима жизни середина,
Когда вершины в руки не даны.

Оберегай в ту пору каждый час.
Упустишь время – каиться не раз.
И днем, и ночью постигай науку,
Чтоб знание воспрянуло подчас.

Начало – детство, середина – лик.
Лишившись сил, бездействует старик.
Всю жизнь твою, воспетую огулом,
В двенадцать строк вместил и молча сник.

МЫСЛИ НА ГОРНОЙ ВЕРШИНЕ

Взобравшись на одну из гор Чингиса,
Так хорошо мне в мысли погрузиться!
Беззвучно пожелав спокойной ночи,
На смену дню приходит тьма с зарницей!
На небе кружат и луна, и звезды.

Полярная звезда лишь в прежней позе!
Движение небесных тел с закатом
Указывает круг земли серьезно.
Сверкает молния, внезапно ослепляя,
И дождь идет, до нитки промывая.
И ливень, и родник водою полны,
Что им не видно ни конца, ни края.
Тепло и холод порождают влагу.
Извечно пар земли несет отвагу.
Глаза прищулив, пребываешь в думках?
Без ясности ума к делам ни шагу.
Рука, язык и нос, глаза и уши
Обманны, коль не вникнешь мыслью лучше!
Углубившись в себя до поздней ночи,
Пришел я к выводу, чего не знаю круче:
Покроет тьма, умчавшись днем от света, -
В погоне друг за другом беззаветно.
Чтоб мир не утонул во мгле кромешной,
И звезды, и луна встают приветно.
Так выверен их исход, как и намерен, -
По кругу продвигаются бесследно.
И солнца свет, и круг земного шара,
Как ночь и день, уличены в победе.
Когда бы мы лишились тьмы и света,
Откуда объявились наши дети?
Невежества поскольку с головою,
Реальное мы видим без секретов!

* * *

Вначале охота была моей страстью, -
Свободно дыша, никакой тебе власти.
А ныне найдется пригодная лошадь,
Изъезженной станет от тяжелой напасти.

Промолвил об этом совсем не с упреком.
Не думай, что старец пристал ненароком.
Охота как страсть – не удел азамата,
Трудом увлекайся, гуляя наскоком.

О многом поэт вспоминает в порыве,
Слова задушевные, хоть внешне с надрывом.
Десятками лет занимаясь охотой,
Стою как мудрец, наставляя с обрыва.

Твое не сравнится со временем нашим,
Уплыла пора, что казалось иначе.
Трудом благородным овеею время,
Что с беркутом нет той желанной удачи.

* * *

Владею тюркским с самых юных лет,
Наук худых на языке том нет.
Безустали трудился, в суть вникая,
И передо мною воссиял рассвет.

Пленил давно поэзией Восток,
Что мир познал доподлинно, как мог.
Случайно русским языком увлекся, -
Познав его, отверг хулы поток.

Толстой – учитель мой, не откажусь,
Хоть как шакирд гяуром назовусь.
Он предан был и совести, и чести,
За что носил глубоких мыслей груз.

Толстой гяуру вовсе не подстать,
С молитвами иной обманет мать.
Прослав светошей, сир и лицемерен,
Как можешь светоч мира опознать?

Суфист толкует догмы на свой лад, -
По разуму он ниже во сто крат.
Аскет не стоит Льва Толстого ногтя:
За тысяч их не променяю, брат.

Не сгинешь, следуя за его умом,
Отринь суфиста, обходи притом.

Приемля справедливость, ум и честность,
Обманутым не будешь, дело в том.

НОЛЬ

Перо – мой лучший друг, приятель верный!
Друзей немало потерял, наверно.
По-вражески относится товарищ,
Представ с гордыней злобной на поверке...

Свеча горит и освещает ярко,
Что многие довольны тем подарком.
Но если ветер иль вода потушет, -
Затопчется, ни холодно, ни жарко...

Не говорю о том себе в угоду:
Так человека создала природа.
Лишь только жаль, что днем с огнем не сыщешь
Благого сердца при честном народе...

1924 г.

ПОВЕРЬ НАУКЕ

Коль в науку устремлен,
Вникни в правду слов моих:
Действуй как осведомлен,
Познавай, чего достиг.

Не зазорно, что шакирд,
Поделись, когда умней.
Хорошо, что есть кумир,
Знаний также не жалеи.

Не носи впустую ум, -
Так начнет он вскоре гнить.
Не пускай наобум,
Вскрой секрет искусства жить.

Дай науку, не томи, -
Обновится с ней народ.
Поделись добром с людьми,
Что с тобой зазря уйдет.

От невежды прока нет, -
Пользы благостной не жди.
На камнях посев – в ответ
Ничего не обрести.

Попугая языку
Научи – заговорит.
Так наука дураку
То, что не обогатит.

Если камень сунешь в кровь,
Он кораллом станет ли?
Влей в дырявое ведро
Воду – слезы потекли.

Но злодею не давай,
В руки от науки ключ:
Звали как лишь поминай,
Потеряв последний луч.

На тебя проклятый град
Переправит злостный лгун.
Так безумный супостат
Умных гробит как болтун.

Знание наук – идей
И начало, и конец.
Коль ученый муж – злодей,
Сгубит Землю как подлец.

Если слово мудреца
Не подходит по уму, -
На безвинного лица
Обижаться ни к чему.

Он живет среди невежд,
Хоть и верит чудесам.
Опшрыск, полный всех надежд
Может выучиться сам?

Среди множества забот
Каждый знает лишь свое.
Для науки есть подход.
А невежде не до ней.

Тот умек, кто хочет знать,
Успремиясь, видит свет.
Плохо, если благодать
Приобрел, а света нет.

Если к вам придет инок
Брать науку изнутри,
У него за пруд пакои
Ни копеечки не бери.

Потому что у тебя
Есть реальное в руках,
Хоть берет свое, любя,
Неизвестно что и как.

У невежды нет ума,
Как дитя, неовен, прост.
Неуместен здесь обман, -
В своей мудрости вопрос.

Обучение за мзду
Спекулятив подстасть,
Накликаль с детьми беду
Не позволит шарикат.

Коль невежда даст скота,
Не бери его гуртом.
Потому что пол чудак,
Обделен простым умом.

С кем-то благом не делись,
Не воспользуйся зазря,
Потому что, закупясь,
Можешь ум свой растерять.

Не вскрывай ничью вину,
Облеки ее в вуаль.
Солнцем уходи ко дну,
Затемняя, как ни жаль.

Счастье чье-то-не твое,
Лишь свое враз получи.
Месяц светлость подает,
В долг у солнца взяв лучи.

Солнцем всех оповещай
О конце, начале дня.
И, как месяц, представляй,
Жизнь минувшую подняв.

Но, как ночь, сплошным не будь,
Завязав глаза совсем.
Укажи, как день, тот путь,
Что найдется в жизни всем.

Надо жажду утолить,
Как холодная вода.
Ледяную не испить,
Что запомни навсегда.

Как огонь, носи тепло
И в словах, и на лице.
Не сжигая плоть назло,
Радость сохрани в конце.

Ветром теплым пыль сдувай,
С ослабевших от трудов.
Юрту с места не срывай,
Чтоб сосед был жив-здоров.

С пользой к людям, как земля,
Оборачивайся впрок.
От камней избавь поля,
Чтоб не ранить пальцы ног.

Тенью облачной укрой,
Когда надо, дай дождя.
Паводком не беспокой,
Молнией с небес сойды.

Будь готов большой рекой
Пароходом прокатить.
Волны сбавь, владей собой.
Чтобы все не поглотить!

* * *

В какой – то год, сражаясь беспощадно,
Солдаты обливались кровью смрадно.
В Америке когда происходило,
Богач «Уолдер Белдет» жил отраднo.

Сразили многих вражеские пули.
Но благо, что Америкой замкнули.
Для помощи израненным солдатам
Тот сэр врачей отправил накануне.

В наказе он твердил, чтоб всех лечили,
Считая братьями, убогих не делили.
Снабдив лекарством, пищей при сиделках
Отправил, чтобы пользу приносили.

Направил сотнями машины и телеги,
Но веры нет и на душе не легче.
Подумал: «Все пойдет совсем некстати,
Коль находится в полусонной неге».

На корабле он ехал с этой мыслью,
Чтоб убедиться в пользе бескорыстной.

Здесь посредине моря бушевавшем
Беда настигла набежавшей крысой.

Увидев, что ко дну уходит судно,
Подав хозяин лодку, как ни трудно.
Уолдер Белдет сам не стал спасаться:
Детей и стариков садил прилюдно.

Помог он беззащитным в круговерти,
Хотя и сам был недалек от смерти.
Вдруг женщина забегала ужасно,
Ей не было спасения, поверьте.

Корабль, накренившись, стал топиться,
Невыносимо женщина кружится.
Лишив себя спасательного круг.
Уолдер Белдет смог тем отличиться.

Захватчики спускают море крови,
Преследуя, не поведут и бровью.
Направив молодёжь свою под пули,
Громить детей и стариков не в нови.

Подумав как-то обо всем при этом,
Рабом не хочется и жить на свете.
Мне ангелом представился Уолдер,
Кто по-геройски был за жизнь в ответе.

КАЗАХ В ЗЕРКАЛЬНОМ ОТРАЖЕНИИ О СЕБЕ

В руке перо, взволнован песней очень,
Сам от себя отвержен между прочим.
Заброшенной могилой представляясь,
Тоскую про былые дни и ночи.

Бледнея, обращаюсь к людям слезно,
Под тяжестью вины клянусь серьезно.

От дел минувших мне бывает стыдно,
Когда, увлекшись, принуждал с угрозой.

Касательно причастного вопроса
Забьется сердце гулко и без спроса.
Известно, впереди – вода без края,
Подумай о конце, что перед носом.

О чем жалеешь, с чем проститься жалко?
Бесился вдоволь – не пресечь и палкой.
Раскаяние приходит с поздней думой.
Всею есть мера, что подстать смекалке!

Где верный друг и где страна родная?
Имеешь ли хребет, их укрепляя?
Язык усох от жадности и чванства.
О чем жалеть изволишь, умирая?

Как было, так и есть на самом деле,
Вселенная в извечной карусели.
Познав ее до дна, предстал виновным,
Что смерть осилит, как мы не хотели.

Дела твои без отклика и пользы.
Бездонный мир от мыслей будет больше.
Труды мои не дали нужных всходов,
Хоть смерть с косою задержалась дольше.

Не будет для тебя другого взлета:
Нет юношеских сил для перелета.
Но по возможности ступай, не пячься,
Кружение на месте – признак гнета.

Проси у бога за ошибки милость,
Тебе не раз свершать их приходилось.
Держись пред смертью все ж благочестиво:
При свете пасть могилы прояснилась.

Об этом думай – о красе ни слова,
Для хитрости и силы нет основы.
Минувшее не возвернешь, горюя,
Забудь о снах, что тенью бродят снова.

1912.

* * *

Иные вторят, что жену оставил,
Что бросить близких и детей не вправе.
Мне прочат долю горькую Толстого,
Когда, лишась ума, оденусь в саван.

Об участи Толстого лишь мечтаю,
Ума не растерял, что отрицаю.
Не распознать вам истинную тайну, -
Себя в глуши я вовсе не караю.

Бываю горд от дум привольных дома, -
Насытился расслабленной истомой.
Мне мыслить суждено до самой смерти,
Хоть в зависти и сплетнях, как в содоме.

Умом итак обделены невежды,
Не буду связывать им языки, как прежде.
Кто воспевает правду всю, тот будет
Востребован с воспрянувшей надеждой.

Одет – обут и на коне исправном,
Мне горя нет, носясь под флагом правды.
Я не стремлюсь к богатству, славе, чину,
Вглядись с умом – предстану в прежнем здравье.

* * *

Не подходите близко.
С бедой хотите льститься?
Замучили Абая,
Так опустившись низко?

Отнекиваясь всяко,
Пинали, как собаку.
Загнать его в могилу
Смогли, устроив драку.

Что вверите потомкам?
Остатки злости только.
От мудрого Абая
Жемчужин было столько...

Добра от чести много, -
Цветов полна дорога.
От вас бесстыдных, лживых,
Зола коптит в итоге.

Не одолеть обману,
Умалчивать не стану.
Глупец бессилен впрочем,
Чтоб залечить мне рану.

Тружусь с лихвой, на совесть,
На благо всем готовясь.
Зарю приблизить надо,
Что для людей не новость.

Бывал и вместе с вами.
Зияла честь с дырами.
Как смолк, признав шайтана.
Не передать словами.

Мечта – добиться цели,
Приняв судьбы обстрелы.
Мне дан на долю поиск,
Чтоб жить на самом деле.

Плоды – для человека,
Пред кем всегда в ответе.
О, молодежь, на выбор
Бери свое при свете!

Нипочем мне словопрение,
Ни к чему твое горение.
Все беснуются и воют
Под собачье вожделение.

Среди вас не слышал правды,
Ловкачи крадут исправно.
Кровь сосущих у народа
Проклинаю за управу.

Вмиг казахов как незрячих
Заведёшь в тупик в горячке.
Уступив мерзавцу совесть,
Обелишься ли, не прячась?

ПРОЩАЙ!

Пролетели годы
Без науки вроде.
Выгляжу невеждой
На глухой дороге.

Без присмотра дети
Предстают чужими.
В том я сам в ответе:
Не общался с ними.

Счастья нет от лени,
Без труда растленен.
Вывели казахи
Из себя отменно.

Путь один назначен
К смерти, не иначе.
Сам с собой бесследно
Ухожу тем паче.

Белый лист – приятель,
И с пером как с братом.
Знаю, что оттуда
Не вернусь обратно.

Языком не надо
Разводить досаду.
Пусть Аллах на милость
Дарит мне награду.

Жив народ отдельно,
Одинок предельно.
Будьте в здравье, люди,
Ваш на самом деле.

Плох однако неуч, -
Он не видит неба.
Человеком станешь,
Коль науке внимлишь.

Сеет пропаганда
Зерна, как ни странно.
Не ленись трудиться,
Распри брось желанно.

Клад земной – наука,
В здравии порука.
Озеро познаний
Подноси по кругу.

Горе нес всей грудью, -
Жалость обоюдна.
Разум дан казахам:
Вы же тоже люди.

ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН

Поэма

Познали ли казахи силу чувства,
Воспеть его в достатке ли искусства?
Без чувства нет любви земной в помине.
Оно вселиться в сердце может густо.

Дано оно не каждому наградой:
В иных живет бесценною отрадой.
Такое чувство у Лейли с Меджнуном,
Что внять не всем дозволено, как надо.

Уразуметь дано его немногим,
Коль от ума до сердца нет дороги.
Поскольку выпренность лихая неуместна,
В стихах преподнесли не все народы.

Когда спрошу о дорогих поэтах,
С усмешкой мне ответите при этом:
-Сабырбай, Жанак, Шоже и Кеншимбай,
Не зная возвеличенных на свете:

Навои, Саади, Шамси, Физули
Сайхали, Хафиза, Фирдауси,...
Поэты и ораторы сумели
Весь мир стихами чудно оплести.

Есть у Меджнуна дело до Лейли,
Где нити от любви к ней пролегли.
О них и написал свою поэму
Багдада славный житель Физули.

Вот так воспеть не каждому дано.
Проникнуть в суть ему лишь суждено.
Попала в руки книга Физули
В году прошедшем, что искал давно.

Мне б довести хоть тысячную долю
Того, что слов избыточное поле.
Казахи знают имя лишь Меджнуна,
Но тайны сердца зиждутся окольно.

* * *

В Аравии жил бай в большом достатке,
Торговлю вел с царями он в порядке.
Просил у бога сына, как наследство,
Раздав добро, довольствуясь остатком.

Он баем был отзывчивым, отменным,-
Дитя просили люди на коленях.
“Кругом мольба как озеро”, покуда
Жена, полнея, держится степенно.

Так байбише сыночка родила,
Что разнеслась повсюду весть стремглав.
В восторге люди брали суюнши,¹
Сам бай дарил гостям коня, халат.

И дали имя мальчику Каис.
На той и стар, и млад здесь собрались.
Там бедняки сыты все сорок дней:
Под Меккой верблюды в забой паслись.

Среди других отменным сын подрос.
Увидев, тут не отворишь нос.
Весь облик обаянием отличался,
Что и любовь предстала в полный рост.

Берет за сердце откровенность лика,
Как-будто тайну обнажает лихо.
Зачем скрывать сердечную влюбленность,
Когда волнует взгляд собой до тика.

¹ Суюнши – подарок за хорошую весть.

Прошло уж сорок дней от дня рождения,
Закончился и той с увеселением.
Заплакало дитя так голосисто,
Как женщины ушли, в одно мгновенье.

Носили на руках, чтоб убаюкать,
Не плачет ли от острого недуга.
Целитель проживал неподалеку,
Его и привели с почтеньем юга.

“Здоров малыш,- ответил громко доктор, -
Коль есть болезнь. пусть будет мне уроком.
Гнетет печаль расстроенное сердце,
Не знаю я о сущности истока.

Пусть на руки возьмет его служанка
И вынесет наружу спозаранку.
Пускай с детьми на улице побудет.
Коль пользы нет, то нет сему огранки”.

Дитя служанка вынесла наружу
Родители им вслед смотрели тут же.
По божьей воле встретилась там няня
Другая, что с ребенком долго кружит.

Приблизились со свертками друг к другу
Обдумать способ, чем ходить по кругу.
Они раскрыли лица двум дитяткам,
Чтоб дух воспарял от встречи на досуге.

И тот ребенок плачет беспрерывно.
Дрожал он на руках, как на обрыве.
Мгновенно оба малыша умолкли,
Напомнив силу тайного порыва.

Придя домой, услужливая няня
Поведала о случае том рьяно.
Ревущего Каиса до обеда
Носили впрядь на встречу постоянно.

Служанка понесла и на базаре
С другим младенцем оказалась в паре.
Хотя раскрыла личико ребенка,
Каис сильней заплакал, как в ударе.

Та девушка тотчас пришла обратно,
Ее ребенок плачет многократно.
Лицом к лицу младенцев подносили
В надежде усмирить их аккуратно.

И дети обрели покой, встречаясь,
Довольны стали, даже разлучаясь.
Служанки расходились с уговором,
С той прихотью младенческой считаясь.

Спросила девушка, пришедшая с Каисом:
“Откуда девочка со звучным писком?
Друг друга прежде мы совсем не знали.
Они и познакомили нас близко”.

Другая отвечала: “Здесь в объятии
Единственная дочь из местной знати.
Она - моя боле¹, хоть отпрыск хана.
По матери я в этой благодати.

Ребенку стало сорок дней всего лишь.
У вас три дня продлился той, как вспомнишь.
До этого не плакала так много.
С тех пор пищит, не принимая помощь.

Коль спросите, то звать ее Лейли,
Уловку эту плачу обрели.
Слоняться ежедневно не к лицу.
Найти квартиру надо не вдали”.

Прослышала о том одна старуха,
Сказала: “Дети, новострите ухо.

¹Боле -- дети родных сестер

Бездетная, к тому лишилась мужа.
Пустует дом, где мне одной преглухо.

Отвлечь хочу унылую тревогу.
Но не по мне к соседушкам дорога.
Мне каждый день касаться бы ребенка,
Что будет и немало, и немного”.

К младенцу раз губами лишь прильнула,-
В томлених благолепном потонула.
К груди прижались пальчики ребенка,
Что выступило молоко округло.

Прилюдно совершилось это диво,
Что женщина произнесла учтиво:
-Когда, как камень, затвердели соски,
О, боже, только ты врачуешь живо!

Мне пятьдесят и я гожусь в старухи.
Не ведали дитя бедняги руки.
Окаменели груди постепенно,
Лишенные ребенка, будто в скуке.

Привет я шлю, склонившись этой доле.
Скажите матери, что нахожусь в приколе.
Служанкой быть ее дитя готова,
Кормилицей по высшей божьей воле.

Каис не мой, но он как-будто кровный.
Увидев, согласится, безусловно.
Но если эту участь потеряю,
То жизни нет и смерть моя готова.

Вскормлю Каиса, как родного сына:
С мольбой склоняю голову отныне,
Рожать мне не отпущено судьбою,
Жила, как отгороженная тыном.

Как есть, раскрой доподлинно надежду,
Чего не позволял всевышний прежде.
Я вся - в слезах и груди с молоком.
Меня осудит только лишь невежда.

Пускай не накликает снова горе,
Чего итак досталось в жизни море.
Когда добро предрешено судьбою,
На перепутье не предстать в укор.

Служанка, что Лейли в руках держала,
От слов подобных вскоре задрожала:
-Ребенка этого немного покормите,-
Сказала и к ее груди прижала.

Когда взяла старуха и Лейли,
Чтоб струи молока к ней потекли,
Скукожилась воспрянувшая плоть
И груди бесполезно вновь слегли.

Когда преподнесла ко рту Каиса,
Опять струилось молоко из сиски.
Но припадет лишь только к ней девчонка,
Ссыхается, губов коснувшись близко.

Была умна старуха среди женщин,
Слыла такой, не больше и не меньше.
Поняв, что в том сокрыта воля божья,
Не стала двух просить, запал уменьшив.

Старуха добрая по-своему решила.
Судьба ее была совсем немила.
Две девушки с увиденным глазами,
Придя домой, со вздохами делились.

Родители, услышав про такое,
Сочли находкой детского покоя.
Им дорого спокойствие Каиса,
Известна участь женщины- изгоя.

Они в сердцах Каиса завернули,
Нашли ворота на одной из улиц.
Знакома доля этой горемыки,
Что к божьей благодати потянулись.

Дитя свое осознанно отдали,
Причем вполне достойно ей сказали:
“Скупиться мы не будем на скотину.
К оплате молока все посчитала?”

- Бездетной бабой вскоре околею,
Сто верблюдов, пятьсот овец имею.
Не за оплату я вскормлю Каиса,
Берите скот, чтоб оправдать затею.

Припал к груди ребенок, как наследник,
Доныне прослыла средь дев последней.
Клянусь Аллахом, не нужна скотина,
Зато вам ко двору в кругу соседей.

Пускай услышат люди всей округи,
Осознаю, что вы со мной в запруде.
Мне до животных нету интереса:
Ожили от Каиса мой груди. -

Не внемлет их упорному отказу,
Повел учет наместник по указу.
Скота дороже детский взгляд Каиса...
Теперь пора и о Лейли расскажу.

К обеду извелась Лейли от плача,
Ее ждала такая же удача.
К старухе этой преподносит няня,
Чтоб успокоить - первая задача.

Не может отдалиться от Каиса,
Почуяла и мать, что тут нависло.
Родители Лейли договорились
Отдать в тот дом под лоно кипариса.

Со временем подростками предстали,
Большого лада между тем познали.
Когда ребятам стало лет по девять,
Им очаги родные показали.

Совместно посещали они школу,
Мулла им больше предоставил волю.
Узнав детей единственных и знатных
Миряне почитали поневоле.

Приходят на уроки они дважды.
К обеду возвращаются преважно.
О том, что в них есть от любви приметы,
Узнали люди, видя не однажды.

Когда ребята заняты зубрежкой,
Лейли к Каису приближают ножки.
Лукаво молвит: "Мне нужна подсказка.
Здесь разъясни и помоги немножко".

Вот так находит ловкую причину,
Чтоб голоса сливались воедино.
Когда письмо какое-то готово,
Несут друг другу, словно на смотрины.

Находят откровенные ошибки,
Читают, не оспаривая шибко.
Внимание детишек отвлекая,
Бровями объясняются с улыбкой.

Порой впиваются настолько томным взглядом,
Что забывают о шакирдах рядом.
Красивы внешне и легки душою,
Как двойники, рожденные в усладу.

Как-будто позабыв уместно книгу,
Один из них вдруг возвращался мигом.
Немало поводов могли придумать,
Чтоб только встреча не была с уликой.

“Ау”, - звучит на зов Лейли ответно:
Нет голоса приятнее на свете.
Вот так проходит время каждодневно,
Что все уловки не учеть при этом.

Любовь сама собою разгоралась,
Что втуне утаить под взглядом малость.
Когда узнала мать об этих чувствах,
Лейли совсем без школы и осталась.

“Тебе всего тринадцать, - говорила, -
Дитя мое, послушай мать на милость.
Известно, что влюбилась просто юной, -
Доподлинно о том осведомилась.

Теперь ходить не будешь на уроки,
Мне не нужны соседушек наскоки:
Они и взрослых сильно донимают.
Удержишь ли молву в людском потоке?

Попала ты в расставленные сети
Отныне без тебя пребудут дети.
Но если ты проявишь свой характер,
От пут не откажусь на самом деле”.

“Ажеке-ау¹, о том мне неизвестно,
Что есть любовь, хоть обрисуй словесно.
Про то не говорили на уроках.
Толкуя ясно, обвиняй уместно”.

“Но если неизвестно, пусть так будет,
Иначе выводить пристало в люди.
Чтоб впередь тебя любовь не донимала.
Держись подальше от мужчин подспудно”.

Была в отчаяньи Лейли, стеноя,
По-своему слова воспринимая.

¹ Ажеке-ау – бабуленька, ласковое обращение к матери.

Скорее ей сквозь землю провалиться,
Чем жить нелепо, слухам потакая:

“Я только лишь затопала гусенком
И одолеть обиду нет силенок.
О, боже, мой, что за упреки слышу!
Аллах - свидетель, нет пятна с пеленок.

Ажеке-ай, единственную дочкой
У хана родилась я между прочим.
Ты говоришь, как-будто распознала,
Устраивая слежку днем и ночью?

Ажеке-ай, привержена ты гневу,
Как-будто бы с мольбой стенаешь к небу.
Как только мог язык твой повернуться,
Чтоб очернить блистательную деву?

“Родная, ты упрощена у бога,
Обидеть не хотела за уроки.
Желаю, чтобы дома ты сидела
И занималась делом понемногу.

Я поклялась не выпускать наружу
И пред единственную слово не нарушу.
Не мальчик, чтобы посвятить мечети,
Муллой не стать, но просветила душу”.

Отныне дочь сидела только дома,
Лейли одною мыслью лишь ведома.
Подруг сзывая, днями отвлекалась, -
Ночами будоражила истома.

С трудом рассталась с медресе безвестно,
Пока не знала больше интереса.
В тиши она, любви огнем сгорая,
Сложила про себя такую песню:

Уменьшаются лучи,
Если тучи набредут.
Лунный свет душе в ночи,
Словно струны, что поют.
Улетает вдаль мечта,
Увядая, как цветы.
Блекнет даже красота,
Коль в любви сгораешь ты.
Где вчерашний ясный день,
Облюбованный вполне?
Медресе оставив сень,
Нет покоя больше мне.
Смысла полон полужест,
Выразителен твой взгляд.
Обхитрив иных повес,
Находили ближний ряд.
Без Каиса при свечах
Дом родной стал, как зиндан.
Мне б увидеть свет в глазах
Вне учебы. Каис-джан.
Воздала душе любовь
Непомерную тоску.
Время, ветром сдув собой,
Свет уносит наскоку.
Песень тоскливую пою.
До Каиса долетит?
Коль вложу всю грусть мою.
Ветры смогут донести?
Обуяла всю печаль.
Бог откликнется пред ней?
В непредвиденную даль!
Караван уйдет ли дней?
Чем обидела, Каис?
Вместе сердцем и душой, -
Признаюсь тебе, очнись.
Ты во мне и я с тобой.
У тебя моя душа -
Ощуцаю грудь пустой.
Очи грустные спешат

Враз увидеть облик твой.
Закрываю я глаза,
Чтобы встретиться с тобой.
С гибким станом, как лоза,
Обойми меня такой.
Образ милый предо мной:
Ты в объятиях лежишь.
Наслаждение игрой
Представляю только лишь.

Было это или нет,
Не уверена сама.
Я могу сказать в ответ,
Что твоя, как свет, не тьма.
Устремлялась от души.
Чтоб тебе не навредить.
Поцелуй один в тиши
Мне достаточно хранить.
С горем справлюсь я одна,
Чтоб Каис не знал о том.
Пусть все горести до дна
Направляются в мой дом.
Пусть, насупив сильно бровь,
Не ввергается в беду.
Коль познает всю любовь,
В медресе быть, как в аду.
Пусть не ходит в медресе,
Где не встретится Лейли.
Закружившись в колесе,
Мысли здесь не помогли!
Облик мой вообрази,
Нарисуй в уме портрет,
Да придай еще язык,
Чтоб услышать мой ответ.
Если он придет в себя,
То в огне сгорать одной.
Будет в радости, любя, -
Легче сладить мне с бедой.
Пусть уносит каждый день

В сети чувств меня сильней.
На пути, встречая тень,
Освещу душой своей.
Радость есть в пылу борьбы,
В мире есть любви кольцо.
С богом линия судьбы. —
Посмотри в мое лицо.
Не оценится в глуши
С наслаждением житье.
Передаст лишь крик души
Все томление мое.

* * *

Назавтра в школу вновь Каис приходит.
Ища везде. Лейли он не находит.
Услышав, что не будет на уроках,
Сознание теряя, с места сходит.

В отчаяние пришли мулла и дети
И отвезли домой его при этом.
Родители, кропя водой, цветами
Лечили, испугавшись несусветно.

Больного окружили тут заботой
Родители, набросившись охотно.
За доктором хотели слуг отправить,
Но сын в тот миг изрек бесповоротно:

“Лечиться не желаю, хоть засохну,
И врач найдет, за что мне стало плохо.
Один Аллах помочь болезни сможет,
Иначе от недуга вскоре сдохну.

В горах устрою для себя прогулку:
Из-за уроков сердце бьется гулко.
Но если не излечит божья помощь,
Раскрою тайну вплоть до закоулка”.

Мгновенно сборы начались в дорогу
И сверстники, и слуги все к подмоге.
Каис расположился одиноко
Под золотым шатром в зеленом лого.

Стонал ночами, о Лейли мечтая,
Осунулся, от горести вздыхая.
В любви сгорал Каис без сна и пищи,
Безумца сам собой напоминая.

Один из слуг к отцу примчался с вестью.
Друзья направились к отшельнику уместно.
Родители и родственники сразу:
“Здоровье как?” – призвав к ответу честно.

“Безбожником в народе не считайте
Таким, как есть, меня воспринимайте.
Родители, простите, сам виновен,
Но это одиночество мне дайте.

У вас не нахожу недугу средство.
Свяжите как юродивого с детства.
Когда он ахнул, вылетело пламя.
“Лейли, Лейли!” – шепча, упал на месте.

Известна стала людям суть болезни,
Лечение любое бесполезно.
С расспросами устроили поимку
Лейли, о ком Каис безумно грезит:

“В любви сгорает к дочери Каис,
Воочию познав, к отцу сошлись.
С младенчества в разлуке был в слезах.
Подумайте и сжальтесь, хоть и риск.

Лейли не видя, он обмяк совсем.
Душа в груди трепещет между тем.
Едва родившись, был в нее влюблен.
Им смерть одна дана, как их тотем”.

“Не соглашаюсь, - заявил отец. –
Кончина дочери – еще не мне конец.
Народ мой, здесь обиду не таи.
Безумцу дочь не выдам, в чем протест”.

Каис узнал, что путь к любви закрыт,
И плакал днем и ночью он навзрыд.
Что в одиночестве в своем предстал
Умалишенным, потерявшим стыд.

Предельно горе обожгло нутро,
Забрав все силы, ум отняв хитро.
“Меджнун” – умалишенный гарапша¹,
Меджнуном стали звать со всех сторон.

Искали выход добрый все в округе
Там старец жил, лечивший от недугов
И он сказал: “Коль “Байтоллу”² объемлет,
То душу отведут любви потуги.

Все жители отправились к Меджнуну,
Но просьбы были бесполезны, втуне.
Он отказался ехать с ними в Мекку,
Хоть и родители просили накануне.

Поехать к “Байтолле” он отказался, -
И молнией тот слух распространялся.
Услышала об этом та старуха,
Нашла овражек, где Меджнун остался.

“Родной Каис, вскормленный своей грудью,
До хрипоты, взываю я, покуда
Ты, свет очей, смягчивший на закате
Мою судьбу, не отойдешь отсюда!

Лежала, задыхаясь от болезни,
Но в горе не хочу быть бесполезной.

¹Гарапша – по-арабски

²“Байтолла” - священный храм.

Дитя мое, мольбу в сердцах приемли,
Чтоб осушить мне слезы, коих бездна.

Послушавшись меня, отправься в Мекку.
В огонь ли сплавить хочешь мать, как в реку?
С Лейли тебя взрастила бескорыстно
Достойно жить с долгами человеку?” –

Вот так взмолилась бедная старуха,
Что ломит кости, доходя до слуха.

- Не плачь так горько, мать, поеду в Мекку, -
Ответил он, к ней наостривший ухо.

Родители отправились с ним вместе,
В дороге слезы лили повсеместно.
Тогда Меджнун сказал, в душе тоскуя,
Прижавшись к “Байтолле” вполне уместно:

“Мой дальний предок – сам Адам – пророк,
Расставшись с Евой, грусть отвлечь не смог.
О, боже, снисходительный на мольбы,
Исполни просьбу в отведенный срок!

Недуг Лейли в груди не отнимай.
Огонь любви пылает через край.
Все ж обреки меня на это пламя
И волей по себе воспринимай.

Дороже нет мне имени Лейли.
По сердцу вьюгой чувства пролегли.
Мне муки – други с детства, враг – услада.
Любовных козней сам определи.

От прихоти тщеславной отвращай,
Любовных представлений умножай.
Промучай, не лишая только жизни:
Пусть будет горе тоже через край!

Я не боюсь, что в юности помру.
Из-за Лейли все беды разберу.
Аллах, по милости известна твоя воля,
Что воздаешь, кто молит по нутру.

Пускай в огне проходит тяжкий век.
Не для меня блаженство – не из тех.
Коль в жизни краткой с нею и не буду,
То после смерти предоставь успех!”.

Так выразил Меджнун свое желание:
Лишь для Лейли сердечное признание.
Родители с родными убедились,
Что от такой напасти без сознания.

И снова зашагал он восвояси,
В уме теряя каждодневно ясность.
“Мне жить, как зверю, дальше одиноко”, -
Сказал с уходом, грустью опоясав.

Остались бесполезно уговоры.
Насилие ответно в эту пору.
“Родители и люди, будьте в здравье”, -
Произнося, исчез из глаз он вскоре.

Блуждал Меджнун, стремясь опять в безлюдье.
Пристал к нему недуг еще малюткой.
Бежал стремглав, увидев человека,
Примкнул к сайгакам за теплом приюта.

Среди животных парень, как прореха.
На голос горы отсылают эхо.
Ведя беседу с откликом утеса,
Словами жег траву, как для потехи:

“Эй-эй, утес, ты повторяешь имя,
Что мне становится совсем невыносимо.
Лейли со мной опутана любовью.
Как можешь дразнить, выкрикнув помимо?”

И у тебя своя Лейли неужто:
Находишься ли в горе, как в ловушке?
Не повторяй любовь мою всегласно,
Безжалостен ли, как в летах кукушка?

Не обжигай, когда тоскует сердце,
Чтоб с горя до костей не перегреться.
Произносить один я вправе имя,
С которым в мир откроется мне дверца.

Коль и твою невесту звать Лейлою,
Коль смог сравниться с горестью со мною,
То почему кровавыми слезами
Ты не исходишь, затвердев такую?

На облике не вижу ни слезинки.
В груди твоей нет от любви искринки.
Зачем ты горемыку звонко дразнишь
Обманщиком любовного инстинкта?"

Произнося душевное признание,
Слезами обливался под стенание.
Пронять сумел тем самым птиц, зверушек,
Что окружили, разделив страдание.

Когда заговорил для них тоскливо,
Они прислушались вполне учтиво.
Найдя язык понятный со зверями,
Траву щипал и пил подстать на диво.

Совет Лейли во сне и снова стонет.
От слез животных вскоре луг потонет.
И у зверей есть свой инстинкт и разум.
Не думайте, что вовсе посторонний.

В то время там же в свой капкан охотник
Поймал сайгака, что ему угодно.
Встревожив непредвиденная участь,
Меджнун примчался к ним бесповоротно.

К охотнику с мольбою обратился?
“Не заменю никак тебе кормильца.
Но этот зверь, как я, исходит в муках”.
Золототканой шубой отплатился.

Отдал кому-то с позументом шубу,
Оправдывая со зверями дружбу.
Но вдруг Меджнуну снова повстречался
Ловец другой, держа в руках голубку.

Он с пальца снял колечко золотое,
Что оказались на свободе двое.
Пред голубком и сайгачонком горько
Меджнун изрек признание такое:

“Мне стыдно перед вами признаваться,
Но я – бродяга, кем могу остаться.
Скитаюсь отщепенцем, хоть безвинно,
Мне по себе с животными брататься”.

И он затем последовал за ними,
Травой питаюсь, что невыносимо.
Приверженность Меджнуна для зверушек, -
Аллах умом их не обходит мимо.

Итак, оставим мы его в овраге.
Отыщем ли Лейли для грустной саги?
Немного и о ней сказать позвольте,
Когда она с любовью бедолаги.

Не удержать ей чувств своих к Меджнуну,
Иссохлась вся, что выглядит колдуньей.
Однажды ночью шла одна в безлюдье,
С тоской взмолилась к небу в свете лунном.

В луну взглядевшись, так запричитала:
“Ты Землю огибаешь без причала.
За ночь одну обходишь мирозданье, -
Так о Меджнуне дай мне весть сначала.

Скиталец бродит где-то, но живой ли?
Внутри я вся изведена любовью.
Хоть к солнцу ты в любви со мной подобна,
Лишь отражаешь свет и то бескровно.

Тебя лучами солнце оживило.
Ты прежде света вовсе не вносила.
Когда Меджнун привнес мне в сердце искру,
Она невольно пламя породила”.

Затем Лейли приходит в садик дальний,
Где осенью плоды все собирали.
И голосом пренежным, как и ночью,
Цветам и листьям губы прошептали:

“Залетный ветер веет увлеченно,
Как-будто обнимается влюбленно.
Так почему, перекликаясь, листья
Не обливаются слезами отрешенно?”

Росинками покроетесь ночами, -
Не отвести любовными речами.
Облейтесь не водою, а слезами,
Что с кровью подогреты изначально.

Ты, ветерок, листок сотрешь всецело,
Взлеянный цветок ломаешь смело.
Несешься то приятно, то колюче.
Кому в угоду вьешься в самом деле?”

Потом она ко звездам обратилась:
“Души моей отрада, где взять силы?
Любимого избранника не вижу,
Поэтому от скуки утомилась.

Ойхой, звезда, есть тайна между нами.
Как ты, и я не знаю сна ночами.
Такая же бедняжка с птичьей долей:
Тоскую я с простертыми руками.

Мигают безответно с неба звезды,
Которым лишь известны мои слезы.
Нет уголка, чтоб был бы вам неведом,
Хоть след Меджнуна заносите в грезы!"

Одна звезда стремительно упала,
Как-будто встречу с милым предвещала.
Пошла вперед по звездному уклону,
Считая, что дорогу указала.

Увидела Лейли не человека,
А тень его, пугающую в свете.
Не ведая приятель или недруг,
Нельзя тотчас приблизиться с приветом.

Но тот предстал пред ней самим Меджнуном
И молвил: "Милая, души моей певунья".
В ответ Лейли: "Я вся твоя, используй
Момент, чему не быть в миру подлунном".

Надумал он приблизиться к девчонке,
За поцелуем наблюдая тонко.
Удастся ли, предвидится ли случай,
Чтоб получить свой дар любви в сторонке.

Приблизился, сгорая, неумело:
Прижалось оголенно к телу тело.
Но после поцелуев долгожданных
Беспамятство обоих одолело.

Нет ничего сильней любви накала, -
Пред ним сознание вдвойне не устояло.
Оставим двух влюбленных на природе,
Чтоб о Науфале рассказать сначала.

* * *

В Аравии батыр Науфал когда-то
Придерживался буквы шариата.

Не знаем мы, откуда взмыло пламя.
Такое не случилось прежде с нами.
Спросите у сопы¹ про чудо-юдо,
Что означает эта панорама?”.

Сопы сказал: “Меджнун молился небу,
Просил Аллаха на свою потребу.
И во спасение невесты от нападок
Взмолился о пожаре, не колеблясь”.

В ответ Меджнун: “Просил о том я бога,
Чтоб сохранить любимой рать немного”.
И здесь Науфал воскликнул, умоляя:
“Каис, молчи, не осуждая строго.

Сражаюсь здесь, чтоб привести к любимой.
Победа с честью тут неотделимы.
Из-за тебя же происходит битва:
Нам отступление назад необратимо”.

Закончив речь, он сам возглавил войско,
Как волк среди овец, разил геройски.
Отца Лейли случайно захватили,
Хоть вел себя он пред врагами стойко.

Тогда Науфал к нему и обратился:
“Чего ты пред джигитом возгордился?
Не замечаешь, как народ горюет,
Увидев, что умом преобразился?”.

“Ойхой, батыр, позволь сказать мне слово.
Оберегать святую честь не внове.
О том, что вырастил с грехом девчонку,
Оповестить молва всегда готова.

Потом Каис представился бродягой.
Но кто захочет видеть дочь беднягой?

¹Сопы – священник, предсказатель.

Совсем недавно заезжали сваты,
О чем людей спроси, хоть под присягой.

Не умолчать мне и под пыткой смерти,
Что сватался к ней Ибн Салам, поверьте.
Здесь пахнет дело молодою жизнью.
Решай, сынок, коль пожелаешь жертвы”.

Кипела кровь, в глазах — огонь Науфала
И в гневе прикусил он даже палец.
Меджнун взмолился, обращаясь к брату:
“Не надо жертвы, кровного начала.

Обуревают бесконечно сплетни.
Письмо Лейли я написал намедни.
Гонцу его доставить поручите
И больше нет подспудных намерений”.

Науфал исполнить просьбу ту решился,
Поскольку в праведном роду родился.
К себе он вызвал смелого Зайта,
К нему с доверием особым относился.

Отец Лейли, всю правду излагая,
Раскрыл себя, как видно, связь такая.
Определив, что это — воля божья,
Батыр Науфал ушел с чужого края.

Опять Меджнуна одолело горе,
Как-будто мир обрушился со взгорья.
Пускай покамест странствует, как прежде.
Лейли переживает, с духом спора.

* * *

В беспомысленности остались два влюбленных.
Лейли сидела в позе полусонной.
Она Меджнуна долго дожидалась,
Накинув шаль с кистями утомленно.

Собравшись с мыслями, и Меджнун проснулся.
Увидев шаль, обнял и встрепенулся.
В такой момент замечен был Науфалом,
И тот, переживая, обернулся.

Лейли сидела взаперти, сгорая.
Кружилась бабочка пред лампой, облетая.
Она пред ними излагала тайну
Всю эту ночь, ресницы не смыкая:

“Эх, бабочка, влюбилась в нашу лампу.
Не получить нам за любовь оплату.
Сгорая, не помри, как я, напрасно:
За круг один погибнешь однократно.

Терпение погасит твои муки
И свыкнешься в душе с бедой разлуки.
Годами проноси обет супруги.
Зачем ему, чтоб наложила руки?

Эх, лампа, догораешь, пламенея,
Как-будто чувствами обиженными млея.
Прикована ты к месту, в черной шапке,
И к небу обращаешься, краснея.

Одна горишь, волнуя светом ночью,
И отдыхаешь днем, погаснув впрочем.
А я сгораю беспрерывно с горя,
Что всю меня заполонило очень.

Облитая горячими слезами,
Любовью исстрадалась даже днями.
В твоих очах нет слез, глядишь, сияя.
Питаешься ты маслом между нами.

Противник – ветер, масло – не подмога,
Что угасаешь, прогорев немного.
Приятель – муки, благо – мой противник,
Сравнятся ли тебе со мной убогой?”

Пред лампой так обиду изливала.
Письмо в руке кого-то увидала.
Взглянув, узнала вожделенный почерк.
Что вне себя от радости читала.

С письмом Заит внезапно объявился.
Проворен он и своего добился.
Меджнун писал, коль я смогу дословно
Подать, чем лист бумаги испещрился:

“Любовь моя, Лейли, дороже жизни,
Тоскую по тебе без укоризны.
Но если ты по воле вышла замуж,
То поздравляю, отогнав капризы.

Возрадуюсь, коль обрела ты радость.
Мне тень твоя приносит в жизни сладость.
О, милая, ты в радости иль горе?
Раскрой мне тайну, успокой на благо.

Лукавства нет в том для блаженства круга.
Я не хочу отринуть от супруга.
Коль ты согласно обратилась к браку,
Хотел бы оказать свою услугу.

К тебе любовь в моей груди засела.
Коль любишь ты другого, нет мне дела.
Но сердце помнит о невесте:
Пришлось письмо отправить оробело.

Я ожидаю от тебя ответа.
Покуда сердце бьется несусветно.
Скажи мне правду только ради бога, -
Душа моя не хочет жить на свете.

С ответом не тяни, пиши по сути,
Пока землей засыпан прах не будет.
Коль замужем, не миновать мне смерти,
Иной дороги нет на перепутье”.

Письмо Меджуна прочитав дословно,
Лейли решила дать ответ подробно.
Причем она любовными слезами
Чернила замешала, словно кровью:

“Удивлена, что ты легко поверил.
Пронизана душа моя вся верой.
Как можешь, свет очей моих, такое
Мне написать, отринув честь на свете?”

Как я смогла бы одного оставить?
Не смей подобное себе представить.
Отец на брак взаправду согласился,
На что не сможет он меня заставить.

Услышав, приготовилась я к смерти,
Из-за тебя погибнуть в круговерти.
Подумав, сил нашла остановиться,
Чтобы Аллах нас удостоил сверки.

Природа родила нас друг для друга,
Что мне лишь Бог в судьбе моей порука.
Не выйду замуж в жизни за другого,
За что всевышнему простерла руки.

К тебе любовь мне подарил он с детства.
Что плакала, ища с тобой соседства.
Зачем ты написал, забыв бывшее,
Как-будто с небом не в ладу совместно?

Мы друг для друга рождены, мой милый,
Что зря глаза другого устремились.
Огонь любви зажег в нас сам всевышний
С тех пор, как мы с тобой на свет родились.

И то, что предначертано судьбою,
Придется испытать вполне с тобою.
Не сомневаясь в том ни на иоту,
До смерти сохраним любовь такую.

Прошу тебя, отбрось иные мысли.
Приди на встречу, мчась на полной рыси.
Тогда ты по глазам моим узнаешь
Все то, что признается бескорыстно”.

Опять Заит с письмом назад помчался,
Чтоб долг влюбленных в нем не оставался.
Но там Меджнун лежал, теряя память,
Что в тот момент с письмом не разобрался.

Заит попал к нему в такую пору,
Когда беспамяństwo причудилось по взору.
Меджнун письмо в карман засунул просто,
Глазами устремляясь без разбору.

Тогда лишь понял, что Меджнун был болен.
Стоял, не отходя, как на приколе.
Но кто-то сообщил: “Твоя в недуге”.
Пришлось Заиту отойти неволью.

Заит ушел, Меджнун своей болезнью
Преодолея недуг, как парень трезвый.
Тогда он вспомнил про письмо в кармане,
Что ждал давно и бесконечно грезил.

Пришел в себя, узнав в письме о сути:
Изъяна никакого, как ни крутит.
Теперь и о Лейли пристало слово,
Пока Меджнун с письмом, как на запруде.

* * *

Лейли из-за Меджнуна вся пылала.
Готовит свадьбу Ибн Салам удало.
Однажды он оповещает тестя,
Что посетить невестин дом предстало.

На званный пир пришло немало люду.
Подарков зятя обрели повсюду.

Представила богатому Саламу
Лейли лихая баба, как на блюде.

В постели муж сказал Лейли тихонько:
“О, милая, зачем сидишь в сторонке?
Сними одежду и приходи в объятие:
Порвется то, что пребывает тонко”.

Она пошла на женское лукавство:
“Необходима мне мужская ласка.
Но у меня есть с детства пери, фея,
Которая приблизилась с остражкой”.

Мгновенно муж на месте встрепенулся:
“Где эта фея?” Сразу обернулся.
Хотя Лейли настроилась на хитрость,
Внезапно дух какой-то подвернулся.

Огромный нос, губа весит до пола,
И голос зазвучал, как эхо дола:
“Ты – не супруг Лейли, всевышним данный.
Не потерплю такого произвола”.

“Не подходи к ней близко, - дух продолжил.
Чужую суженую обходить ты должен.
Но если вдруг нечаянно коснешься,
То к смерти будет путь тебе проложен.

Лейли отпустишь - возвратишься к жизни.
Хоть пальцев тронешь, не стерплю каприза.
Пусть будешь ты живуч тысячекратно,
Не пощажу, коль подвернется близость”.

Поклялся Ибн Салам: “Отныне скрыто,
Завесой тайны будет все покрыто.
Поскольку суждено не быть мне с нею,
На жертву не пойду никак открыто”.

Вновь дух сказал: “Святое это слово”
И улетучился, во тьме исчезнув снова.
Хоть изнутри Салам и задышался.
Держал секрет, что затаил до гроба.

Батыром слыл он тоже смелым, храбрым.
Огнем любви он запылал взаправду.
Не в силах был отречься от любимой,
Но ноги пятятся, что нет управы.

Не чудо пери, святость уговора
В делах батыров – вечная опора.
Преобразился лик, покрывшись желчью:
Изменится и камень от разбора.

Придя к Лейли, он не ложится рядом.
Взглянув, не может есть и днями кряду.
Любовь батыра превратилась в тряпку,
Пропитанную болью, будто ядом.

Любовь сжигала сердце, все пылая.
В душе с печалью жил, изнемогая.
Когда недуг довел его до грани,
Определил, что пропасти у края.

Лекарства нету для такой болезни, -
Лечение врачам всем неизвестно.
Поняв, что смерть грозит ему с порога,
Позвал Лейли, чтоб объясниться честно:

“Я для тебя не муж, а близкий родич,
Убитый горем, в мир иной проводишь.
Не бойся, не стесняйся, встань поближе,
Чтоб я простился, ум на месте врое.

Не знал, не ведал о любви к Меджуну:
В душе твоей не стал бы трогать струны.
Известно было о Меджнуна страсти,
Но о твоей не знал я, как ни грустно.

Судьба раскрыла вожделенно двери:
Поведала твои секреты пери.
Решил от брака этого отречься, –
Не восприми лжецом по крайней мере.

От пери не устроил я побега:
Готов и к смерти, отлучась от неги.
Остановил себя, узнав о тайне,
Чего святее чувств на свете нету.

Храню я слово крепко и надолго.
До смерти буду человеком долга.
При встрече передай привет Меджнуну,
Поистине мы – сверстники поскольку.

Меджнуну написал письмо отменно,
Доставь заветом друга, непременно.
Пушкой почтит меня своей молитвой,
Простите Ибн Салама в мире тленном.

И ты забудь нелепые поступки:
Залечивать мне некогда зарубки.
Добившись милости судьбы привольно,
Живите ладно голубем с голубкой.

Достигнешь гроба, находясь в печали.
Доверившись судьбе, расцвел в начале.
Мечтал в том духе обойти всю землю,
Но умираю, не увидев дали.

Припомнив вас, споют о нас потомки.
Земля сырая не одарит кромкой.
Доволен тем, что все ж по божьей воле
Не унесут безвестно нас потемки.

Останется сказание на память,
Поскольку жизнь возносится кругами.
Покаяться хотел бы пред Меджнуном.
Дано ли мне увидеться очами.

Один я был в семи коленах предка.
Обиду не держи на сердце, детка.
Всецело отвращаюсь от калыма:
Пускай отец приемлет скот при этом.

Настигнет в самом деле смерть с косою
Мечтателя от брачных уз с тобою.
Не буду представлять для вас преграду.
Меня жалея, не играй с любовью.

Скажи Меджнуну, чувство безответно
И в жизни отрешенность несусветна.
Пусть от души прильнет к своей невесте,
Иначе изживет себя со света.

Приблизилась Лейли к нему умильно,
Но охватило холодом могилы.
“Простите и прощайте”, - краткий выдох,
Где властвовали неземные силы.

Судьбой распорядился так всевышний.
Пришлось Лейли прощальный стон услышать.
На вскрик Лейли, донесшийся из дома,
Охранники сбежались тут с одышкой.

Произошла кончина Ибн Салама.
Народ собрался с горькими словами.
Произведя прощальную молитву,
Воздвигнет он с почетом купол храма.

Но в мыслях у Лейли один любимый,
Тоскует не о муже так ранимо.
Прикрывшись этой смертью при народе,
Излить всю горечь ей необходимо.

Меджнуна не забыть до самой смерти,
Стеная лишь о нем, как на поверке.
Народ как плач по мужу принимает,
Поскольку слезы льются достоверно.

Однажды и Меджнун приходит в город,
Чтоб встретиться с любимой, скинув горе.
Сковав цепями старика-бедняжку,
Пинал мужчина, волоча за ворот.

Скорее подбежав, Меджнун взмолился:
“В чем виноват, за что в него вцепился,
Прилюдно, дядя, учинил расправу?
Ты выбиваешь дух, а он скрутился”.

“Отца старик убил, забив камнями.
Попал в висок ему булыжник прямо.
Отдал убийцу в руки сам исправник,
Чтоб месть свершил и забросил в яму.

Отметка будет в нормах шариата.
Таскать я буду. милостыня – плата.
Пытать могу, чтоб не убить внезапно.
Подсунув голову, могу отсечь на плахе”.

“Старик-бедняга, грех взвалил к чему же?
Твоя беда разбередила душу.
Насколько затаил в себе обиду,
Чтоб смертью отплатить в борьбе тщедушной?”.

“Забросил камень, сам себе не веря:
Вполне случайно проломился череп.
Обрел такую долю по ошибке.
Зачем я уподобился бы черви,”.

“Не мучай старика, оставь побои.
Могу я заменить его собою.
Перенести необходимо муки
Да милостыню соберу побольше”.

Вот так Меджнун освободил и деда.
Путы на ноги им самим одеты.

Держа на привязи не старца, а джигита,
Повел тот от соседа до соседа.

“Лейли” твердит, не сдерживая слезы.
Монеты на ладони, словно блески.
Увидев из окна Меджнуна в плаче,
Лейли упала, вывалившись просто.

На землю гулко девушка упала.
И сразу сердце в ней Лейли признало.
Едва живой итак Меджнун тащился,
Что здесь мгновенно памяти не стало.

В беспамятстве лежит он неподвижно.
Хозяин, ошалев, подходит ближе.
Когда Меджнун вздохнул, явилось пламя,
Что в сердце накопил, как стал обижен.

Хозяину не нужен сумасшедший, -
Ножом отрезал недоуздок с шеи
И цепи снял, освобождая ноги.
Одна лишь смерть обвила хорошенько.

Лежали долго, не придя в сознание,
Покуда оба как одно создание.
Так сладостна в тиши ночная встреча,
Что изливается сердечное признание.

“Мой дорогой, - Лейли вдруг прошептала. -
Бери все то, что так оберегала.
Обняв, ощупай, разминая груди,
По меду с языка истосковалась.

О, мой Меджнун! Влюблен – не сомневайся
И предо мной всецело раскрывайся.
Предельно жажду я сердечной ласки:
Язык сокрыть, целуя, не пытайся.

Я умереть готова, коль в разлуке,
И никогда не позабуду друга.
Принять могу, чтоб находился в здравье
В объятия свои пожара муки.

Подать язык хотел Меджнун влюбленный,
Он тоже извивался оголенно.
Но сразу охватило снова пламя,
Едва губов коснулся отрешенно.

Здесь он вперед метнулся, взяв в объятие.
Сгореть в пожаре не в его понятии.
За талию схватив, не отпускает,
Поскольку смерть витает, как проклятие.

Но все ж невыносимо было пламя.
Что разойтись пришлось, всплеснув руками.
Следил за ними некто в это время,
Кто вынудил расстаться со слезами.

Не отстаёт нисколько чудный странник.
За городом догнал он, как ни странно.
Под ухо прошептал: "Остановитесь",
Хотя Меджнуну ни к чему охранник.

Остановился, чтоб увидеть облик.
Лейли, возможно, вспоминали оба.
Предстал джигит какой-то с кротким видом,
С кем не имел знакомства никакого.

Приветствуя, заговорил печально:
"Увидел вас в объятиях сначала.
Когда вы сблизились, огонь взметнулся,
Что и меня подобно отличало.

Любовь известна мне не по наслышке
И о твоей я знаю много слишком.
Следил нарочно, чтоб придти на помощь,
Иначе в пепел превратили б вспышки.

Не прячешься от смерти по лазейкам
И не отдашь ты душу за копейку.
Когда умрешь страданием задавлен, -
Вот это в мире худшая статейка.

Не обнимаясь, посмотри в лицо:
Огонь не всполошит в конце концов.
Когда же время сблизиться наступит,
Всевышний сам определит кольцо.

Огонь преодолеть она не в силах,
Причем тебя бы только осрамила.
Мужчины женщина стократ нежнее,
Поэтому судьба с Лейли немила.

Была и у меня своя невеста,
И я страдал, когда бывал не вместе.
Из-за любви она и впрямь погибла,
Как вспомню, нет покоя повсеместно.

Я не умней тебя, но знал дорогу,
Которая дала тоски премного.
С возлюбленной расставшись поневоле,
Растерянно брожу один в итоге.

Не посчитайте ярим пустословом.
Хочу предостеречь в самой основе.
С твоею не сравнится наша доля, -
Твоя заветной во стократ, особа.

Привержен ты, как я, в душе к несчастью.
Как друг Лейли, тоскуешь безучастно.
Могу снабдить тебя хотя бы вестью.
Ты знаешь, кто к судьбе твоей причастен?

Запомни имя, звать меня Заитом,
Страданиями, как камнями, битый.
Я девушку Зейнеп случайно встретил,
Что стал любовью по уши обвитым.

Зейнеп скончалась, я живу вдовою,
Лишь посещением могилы стал доволен.
Чтоб быть твоим товарищем по жизни,
Преследую тебя пешком невольню.

Давно с тобой в душе, как друг, поклонник:
Носил я письма, был не посторонний.
В ту пору ты ходил умалишенным,
Поэтому бывал всегда в сторонке.

Тогда и донеслась та весть до слуха,
Что залегла Зейнеп с болезнью глухо.
Несчастный, я безудержно умчался,
Когда с умом ты обходился туго”.

Однажды предложил Заит задорно,
Чтоб отыскать Леили скорей, проворно,
Меджнун представился незрячим нищим,
А он повел бы за руку подворно.

Заит Меджнуна превратил в слепого,
То взвалит на спину, то в жмурках строго.
Подсунув в руку ивовую палку,
По городу водил совсем убого.

* * *

Измаялась Лейли в тоске предельно,
Сгорает от любви на самом деле.
С одной из девушек выходит на прогулку,
Чтоб не валяться целый день в постели.

Лейли в слезах, что тоже горше стали.
Искать возлюбленного и глаза устали.
На небе облаку всю тайну раскрывая,
Лейли освобождалась от печали:

“Горюешь, тученька, как я, невольню.
Неужто недовольна своей долей?”

Иль, как Лейли, лишенная Меджуна,
Выискиваешь дар природы в поле?

Чернеешь, наливаясь тяжелой грустью,
Вздыхаешь, разрывая что-то с хрустом.
Пуская вспышки, слезы льешь ручьями,
Подобно мне, кому на свете пусто.

Ты иногда грохочешь, свирепея,
Показывая мощь, исходишь пеной.
Выбрасываешь пламя, даже стрелы,
Не думая о смерти, что мгновенна.

Нельзя не в меру смертному кичиться.
Коль влюблена, не надо торопиться.
Несешь то возмущение, то благо
Не по уму, причем нам не сравниться.

Зачем ты солнце плотно укрываешь,
Чем думы горемыки умножаешь?
Когда земля лучами обогрета,
Любовь такую мигом отнимаешь.

Безумная, как это бессердечно!
Земля без солнца сникнет вековечно.
От солнечной любви трава ликует,
От нелюбви большое сердце в сечи.

Цветок без солнца вскоре не завянет?
Без солнечных лучей опять воспрянет?
Будь милостив и обернись водою,
Чтоб горе смыть, пока светило глянет.

В тени и зелень сразу потемнела.
Не видишь, как земля вся посерела?
Слезами обливаясь, выдай влагу,
Но градом не беснуйся ошалело.

Ты уплыви, не закрывая своды,
Где солнце устремляется к свободе.
Цветок под тучей, как Лейли в печали,
Кто грезит о Меджнуне в непогоду”.

В тоске Лейли стояла одиноко.
Два пешехода подошли к ней сбоку.
Один из них Зайтом был, который
Водил Меджнуна, как слепца, у окон.

Незамедлительно Заит промолвил:
“Мой старший брат, лишенный глаз, при мольбах,
Чтоб каждый оказал посильно помощь”.
Поблизости к Лейли стоят невольню.

Слепцу протягивают люди подаяние.
Находчивость Зайта – оправдание.
К Лейли слепой тихонько обратился:
“Окажешь, милая, мне доброе внимание?”.

Лейли признала в нем Меджнуна сразу,
Переживала, что попался сглазу.
Достала вмиг письмо свое с печатью
И в руку сунула как по заказу:

“В укромном месте посчитаешь сколько:
Я положила денег, просто скомкав.
Не пожелала хвастаться открыто,
О чем есть предписание пророка”.

Слепец мгновенно взял ее бумагу.
В карман упрятал, не раскрыв ни малость.
Хоть милостыню получил в достатке,
Не в силах был он сделать с места шагу.

Не может оторвать при этом взгляда.
Заит кружился с мольбами изрядно.
Меджнун, не шелохнувшись тут упорно,
Изрек, чтоб навести в душе порядок:

“Глаза мои потеряны взаправду.
Воспринимайте сущность слов, как надо.
В несчастье окунулся с головою
И нет в душе убогой просто лада.

Потерей зрения внутри страдаю.
Лейли лишившись, воздух обнимаю.
Блуждая в горьких муках каждодневно,
Глаза засыпятся землей, что знаю.

Живу на свете, не познав блаженства.
Одна Лейли – вершина совершенства.
Другая не заменит в этом мире,
Поэтому живу, влюбившись с детства.

Глаза мои одна лишь ты исцелишь.
Душа на грани смерти, коль поверишь.
Но гибель с горя не войдет в анналы,
Поэтому живу в сердцах, как дервиш.

О, милая! Мне сгнуть иль не надо?
Лекарство предоставишь ли в награду?
За исцеление очей моих на радость
Отдать ли душу, вырвав, как усладу?

Бедняжка, порожденный с громким плачем,
Как одержимый, без конца судачу.
Имеется ли средство для недуга?
Глаза целы, чтоб осмотреть удачу”.

Он приподнял завязанный платочек.
Лейли уловку принимать не хочет.
В глаза всмотреться подошла поближе,
Чтоб в божьем благе убедиться впрочем.

Меджнун пред нею притворился снова,
Заговорил, подыскивая слово:
“Слепому нелегко стоять, качаясь,
За стан обнять позволь, взглядевшись в оба”.

Когда обнял за талию с вниманием,
Лейли упала, потеряв сознание.
Любовь внутри настолько зажигало,
Что началось снаружи возгорание.

Увидев пламя, прибежали люди.
Зант слепого утащил отсюда.
Местами сразу обгорело платье,
Что поразило всех такое чудо.

Собравшись с мыслями под крышей дома,
Спешила пояснить такое скромно:
“В кармане у меня лежали спички, -
Слепец и чиркнул ими неудобно...”.

На теле девичьем следы ожога
С огнем внутри усилились намного.
Со временем настолько разболелась,
Что не могла переступить порога.

Меджнун был уведен от глаз подальше.
С Лейли в разлуке мучился без фальши.
Письмо заветное в укромном месте
Рассматривал, как любопытный мальчик.

Кольцо там было, два письма отдельно.
Одно от Ибн Салама, как хотела.
Лейли сама другое написала,
Где другу сердца объяснилась смело.

Не всем пригодны, хоть звучат стихами,
Огонь и лед, и сущность между нами.
Здесь нужен разум, а не только уши.
Читатели, в том разберетесь сами:

“Мой дорогой! Одно письмо залогом,
Приветствует тебя не раз, а много.
Он чувством одержим, но долгу верен.
Прости бедняжку за ошибки в слоге.

Второе от меня к тебе попало.
Молитвенно пишу, что мне досталось.
Глаза твои люблю, не плачь, мой милый.
Я ухожу, любовь с тобой осталась.

Мой дорогой, с преградой не добаться.
Хотелось, встретившись с тобой, отдаться.
Не думай, что по-прежнему болтлива, -
На этом свете нам не повидаться.

Я, милый мой, не знала о поджоге:
Мне б целоваться ежедневно строго.
Касаясь телом, сразу загоралась.
Но в мире том не будет нам подлога.

Я не смогла перенести накала.
Жалею, что, обнявшись, не лежала.
Что делать, если женщина нежнее
И стойкостью мужской не обладала?

Победа за тобой, а я в накладе:
Душой расплачиваюсь в том, как надо.
Чтоб ты в тоске рассматривала палец,
Колечко оставляю, как награду.

В тот раз вослед засеменил мужчина.
За городом догнал, ступая чинно.
Зайтом оказался этот странник.
Зачем ушел, скрываясь беспричинно?

Тогда бы мы и встретились с тобою,
Готова умереть в твоей обойме.
В объятиях достигнув высшей меры,
Не быть бы мне довольною судьбою?!

От сожаления середного убита.
Найдется ли нам друг верней Зайта?
При жизни нам увидеться желанно
Найдет уловку, чтоб остаться квиты.

Не время размышлять о том подолгу.
Промедлишь, - в жизни не добиться толку.
С умом в ладу, что у него в порядке:
Зейнеп не ищет, как в стогу иголку.

Скажи Заиту, чтоб придумал выход.
Нужна его смекалка, словно выдох.
Пугает сердце, застучав неровно,
Что, опоздав, застигнешь свыше вызов.

Будь в здравии, коль не дано встречаться.
Соединит нас бог на судном часе!
Любви моей, объявшей с малолетства,
Нет ничего дороже и прекрасней!

Из-за меня Меджнумом стало имя.
Твоя любовь в груди невыносима.
В глазах – лучи от нежности, мой светоч!
Пусть письмецо не жгет неотвратимо.

Из-за меня в бродягу превратился,
В ущельях и долинах находился.
Мой милый, встретимся в загробной жизни.
На свете рок еще не закатился?

Мой милый, я не возвратила долга.
Ты тоже должен не вносить залога.
Аллах всемилостив, чтоб стать легендой,
Врачующей людей в молитвах долго.

Мой милый, все же другую не приемли,
Не вызывай сомнения пред всеми,
Чтоб мы с тобой в потустороннем мире
Не встретились людьми совсем не теми.

О заданной кончине прежде зная,
Без близости мне стала жизнь пустая.
По случаю тебя предупреждала, -
Убеждена, что честь твоя святая.

Из-за меня скитаясь, прибыл в Мекку.
Обрел болезнь, что трудно человеку.
Из жизни ты уйдешь не просто смертным,
А в памяти оставшись жить навеки.

Судьба влюбленных может повториться,
Но так любить, как мы, и не приснится.
Уверена, что назовут потомки
“Любви блаженством в благородных лицах”.

Посмертно приходи, любя, к кумбезу¹.
За мной другая будет ли полезней?
Любовь бессмертна, хоть меня не будет.
Мне каждодневно ждать, хоть буду в бездне.

Мой дорогой, дана мне бабья доля.
При жизни мог насытиться довольно.
С тоскою посещай мою могилу, -
Набравшись сил, предстану даже голой.

О, боже, не смогла на этом свете
Обнять его женой. за что в навете.
Когда Меджнун придет, изнемогая,
Могилу рассеки, чтоб вышла встретить.

Мой дорогой, от слов душа сгорает,
Недуг тоскливо силы отнимает.
Живи, не проливая слез излишних.
Аллах в том мире в ложе повстречает”.

От этих слов Меджнуну стало трудно.
Душа истосковалась вся подспудно.
Глаза полны не слез, а прямо крови,
Что красным стало и письмо подруги.

Не в силах одолеть любовной страсти,
Что не имеет над собою власти.

¹Кумбез – надгробный памятник с куполом

Рыдая, безнадежно распластался,
Письмо прижал к лицу в больной напасти.

Зачем одна ушла, его оставив?
Письмо целует, словно для забавы.
Зайт, застав Меджнуна в этом виде,
От слез не удержался, хоть не вправе.

Похоже помутнен его рассудок:
Ушла любовь и стало не до шуток.
Хоть будет человек собой могучим,
Не выдержит письма из ниоткуда.

К Зайту подсознание вернулось.
Письмо сердечных струн его коснулось.
Меджнуну говорит с большой надеждой:
"Она жива, в ней чувство встрепенулось."

В письме не умоляет ли о встрече?
О чем-то скверном нет в помине речи.
Нам надо подготовиться к визиту,
Не взваливая тяжкий груз на плечи.

Ненадобно оплакивать впустую.
Под громкий плач помочь я не рискую.
Коль сгибнешь, посчитав ее умершей,
То разыграешь шутку с ней худую.

Заметно по письму, что вся здорова,
Что пламенем любви пылает снова.
В сердцах обоих чувств разгул в достатке.
Как вслед не будет умереть готова?

Поверь моим словам на милость бога,
Воспринимай как заповедь благого.
Пока живой, устрою вашу встречу,
С невестой будешь вместе хоть немного.

Вначале сам я разыщу то место,
Куда потом отправимся совместно.
Тогда уж с ней согласно уговору
Окажешься в объятии прелестном”.

Отправился Заит с такой надеждой,
Чтоб в городе Лейли увидеть прежде.
Но мучило сомнение Меджнуна,
Что вера успокаивала реже:

“Увижу ли, жива иль нет на свете,
Увидев, обниму в любви заветной?
Иль не дождавшись от любимой вести,
Определюсь в могиле беспросветной”.

Представишь ли, Меджнун в каком ударе?
Горит все тело, как в огне пожара.
Весь пожелтел, за голову хватаясь,
Себя не ощущает, как в угаре.

Последнее стенание как-будто,
Со вздохом пламя засверкало жутко.
Когда рыдал он, всхлипывая громко,
Свернулся калачом в своей закрутке.

То смотрит в небо томными глазами.
Неведомо, что высказал устами.
“Лейли” лишь только слышится порою, -
Лица залито красными слезами.

Встряхнувшись иногда от смертной позы,
Дрожащей головой сулит угрозу.
Не смог представить полную картину,
Когда рука дрожит, как ветка розы.

Сумел ли передать тщедушный облик?
Такое не представишь в малой пробе.
Но если прочитает сам художник,
То кистью передаст сие особо.

Джигиты, пробивает сердце жалость.
Сочувствие к бедняге есть хоть малость?
Ни сердцем, ни душой не в силах даже,
Чтоб описать, как это проявлялось.

Но если сгинет сразу, нет досады.
Из двух смертей свою считал наградой.
Пока Заит прибудет с новой вестью,
Сумеет кто со временем уладить?

Любой батыр подобное не стерпит.
Меджнун – бедняга ждал по крайней мере.
Когда полуживым сидел в накладе,
Какой-то пешеход шел соразмерно.

Шагал он с остановками попутно,
Неся из города ответ Лейли по сути.
А юноша, живущий вечно в горе,
Сегодня ожиданием опутан!

Заит идет без суеты излишней,
Не поднимая головы, потише.
Меджнуну показался он суровым,
Как ангел вести с потаенной ниши.

Эге, Заит, пришел с какою вестью?
Суров, сосредоточен неуместно.
Скажи всю правду, хоть в живых и нету.
Настаивал ты сам на сей поездке.

Товарищ мой, выкладывай, что видел.
Меня жалея, не томись в обиде.
По облику заметил смерть любимой.
Как сверстник не крутись в лукавом виде!”

Заит ответил: “Ах, жива-здорова!
Но как мне быть, коль не поверишь снова.
Назавтра уговор о встрече сладил:
В саду на вечер подготовься ровно.

С тобою мы у кладбища присядем.
Там пригородный сад раскинут рядом.
Под сумерки Лейли пребудет в сквере:
Сама определила с милым взглядом”.

Заит добился веры в нем словами.
Меджнун ожил влюбленными глазами.
Ту ночь без сна провел в пречудной грезе,
Облив лицо вновь красными слезами.

Мучение за благо принимают
Влюбленные сердца, чем жизнь питают.
Заит всю ночь до самого рассвета
Зейнеп припоминал, от чувств взлетая.

До утренней зари Меджнун пусть млеет.
Забыть не можем о Лейли, что греет.
Упоминалось, что лежит в постели,
От мук любовных девушка болеет.

Без сна, покоя утомилась больше,
Причем разлука продолжалась дольше.
Почувствовав недуг в девичьем теле,
Решила рассказать о горькой доле:

“Отец и мать, я вам открою тайну.
Спаستись от смерти можно ли случайно?
Настроилась расстаться откровенно,
Покуда час прощальный в точке крайней.

Забилось снова бедное сердчишко,
Была юна, а он еще мальчишка,
Как стала пленницей любви Меджнуна,
Овечкой, небом избранной с излишком.

К нему я устремлялась в самом детстве.
Оберегали – никуда не деться.
Пред смертью вас совсем не осуждаю:
Дана судьба такая мне в наследство.

Теперь раскрою эту тайну прямо,
На что толкает сердце все ж упрямо.
Мертвец стыдится ли живым признаться?
Не жить мне в этом мире с вами рядом.

Любовью не охвачена попутно:
Блаженство предназначено мне скудно.
Когда, не устояв пред поцелуем,
Сошлась, пожаром охватило жутко.

Вам замуж захотелось сразу выдать.
Гуляла свадьба, уносясь, как выдох.
Избавились, но предпочел Меджнуну
Сберечь мое достоинство всевышний.

От Ибн Салама есть скоту расписка:
В письме калым оставил полным списком.
Не довелась ему со мною встреча,
Чем бог и спас, не подпуская близко.

Письмо то сохранилось у Меджнуна,
О чем толкуют бабы – говоруньи.
Погиб Салам в тоске, скрутившей сердце,
Которое ко мне стремилось втуне.

Безудержно Меджнуна полюбила,
Бессонница при этом утомила.
Я смертью Ибн Салама прикрывалась, -
Все горе изливая, голосила.

Отец и мать, помру, чтоб вы тужили:
Единственную дочь со света сжили.
В беспамятстве совсем я не узнаю,
Как целовать в последний раз спешили.

Но не целуйте ни лицо, ни тело.
Возлюбленный один обнимет смело.
Покойницею огонь во мне пребудет,
Не обожгитесь, как бы ни хотели.

Единственной дочерью считая,
Родители, простите, понимая!
Прощаясь, умоляю, не целуйте.
Меджнун один прильнет ко мне, алкая.

Меджнуна не считайте супостатом.
Бродил он от зари и до заката.
Отринув все на этом белом свете,
Меня лишь полюбил он неотвратно.

Когда меня схороните в могиле,
Прошу, чтоб все скорее отходили.
Меджнун немедленно ко мне прибудет.
Пускай хоть там мной насладится милый.

Когда Меджнун прибудет со стенанием,
Пускай никто не портит нам свидание.
Не надо при невероятной встрече
Глазеть бесстыдно с ложным оправданием.

Придет ко мне, раскрыв свои объятия,
За шею обоймет Меджнун приятно.
Хоть будет он в одежде, а я голой,
К лицу ли находиться просто рядом?

Могилу для меня копайте шире,
Чтоб уместиться нам вдвоем в том мире.
С Меджнуном встретимся по божьей воле
И будем рады, как на дружном пире.

Исполнится на деле это слово.
Хоть чудо, но поверить я готова.
Не трогайте, когда со мной приляжет.
Пускай народ воздаст молитву снова.

Письмо Меджнуну отправляла прежде,
Писала обо всем, вдыхая нежность.
Приветствуйте при встрече троекратно,
Устройте мой уход в тот мир прилежно”.

Все просьбы обещал отец исполнить:
“Твои слова мне будут вещим долгом.
Мы с матерью как-будто онемели, -
Теперь и нам осталось жить недолго”.

С молитвами глаза прикрыл дивчине.
В слезах родители с большой кручиной.
“Меджнун!” – произнесла Лейли три раза,
Пока душа не вылетела чинно.

На свете жизнь настолько быстротечна,
Что люди все, как гости в нем извечно.
Лейли от прелести топила камень,
Прожив так мало в мире человечьем.

Оплакивал народ, Лейли жалея,
Когда любовь достигла апогея.
Отца в округе люди обвиняли,
Из-за любви Меджнуна к ней болея.

Назавтра хоронили честь по чести.
И стар, и млад переживали вместе.
Покойницу устроили в кумбезе
Что мрамором был выложен чудесно.

При этом на слова я не скупился.
Тут в памяти Меджнун опять явился.
В условленном саду он дожидался.
Теперь о нем, чего в любви добился.

Сидел он в ожидании рассвета.
Возошло и солнце, близок час обеда.
Но вдруг Меджнун лицом преобразился,
Хотя и увлекла его беседа.

Глаза направил он к небесной сини.
Зайт кружил с ошеломленной миной.
Меджнун промолвил: “Зов Лейли я слышу.
Душа ее с другими как в помине.

Заит, скажи, с Лейли была ли встреча,
Меня оставив, не ушла ли в вечность?
Известно стало о Лейли кончине.
Когда смогла от бытия отречься?”

“Мой дорогой, - сказал Заит спокойно. —
Когда пришел, она было покойной.
В ту пору сообщить счел неуместно,
Чтоб смерть не унесла тебя, как двойню.

Узнав вчера, примчался бы ты сразу
И бросился к покойнице в экстазе.
Подумал, что проститься можешь с жизнью,
Поскольку смерть не пропускает лаза.

“Заит родной! Зачем сидим беспечно?
Ничем я без нее не обеспечен.
Душа любимой кружит надо мною:
Скорей веди на кладбище для встречи”.

Направился туда без остановки,
Могилу обнаружил очень ловко.
Как беркут, припадающий к лисице,
Упал, обняв, крича скороговоркой:

“О, милая! Оставив кавалера,
Зачем ушла, сгубив во цвете веру?
Три года добивался своей цели,
Но не добился ничего из меры!

О, милая! Зачем опередила?
Душа моя что только не сносила!
Она твоей нисколько не дороже,
Жалеет, что тебя не сохранила.

Мне дороги все девичьи забавы.
Отдав за них себя, не буду ль вправе?
При мне бы умереть тебе пристало,
Чтоб умер я с тобой, обняв на славу!

Любимая, мне стало одиноко.
Душа твоя – доверенное око.
В могиле ты, а я стою пред нею.
Хочу залечь с тобою рядом, сбоку.

О, дорогая! Встала бы немного.
Возьмешь с собой переступить порога?
В письме сама ты прямо предсказала:
“Телами прикоснемся волей бога”.

Средь нежити в любви не отрекаюсь,
От страсти человеческой спасаюсь.
В письме прощальном, если не кокетство,
Писала: “Ты придешь – я раскрываюсь”.

Ушла одна, а я один остался.
Живую вспомнив, с места порывался.
В словах при жизни не было огрехов.
От них поныне я не отказался.

Просила языка – давал, целуя.
Свидания бывали в срок, не всуе.
Ушла ты от меня с напрасным долгом.
Не зрел ли я твой лик, в душе ликуя!

Не говори, что “умерла, не мила”.
Ты лучше открывай свою могилу.
В обнимку ляжем в постоянной ложе,
Хоть я одет, ты в чем на свет явилась”.

Раскрыл могилу в этот миг всевышний.
Обнял Лейли Меджнун и тяжело дышет.
Опять закрылась, как сундук, обитель.
Вот так сошлись бедняги волей свыше.

Стоял Заит у вечного приюта.
Не мог он с места сдвинуться по сути.
Вот так в шестнадцать лет Лейли с Меджнуном
Закончили земное перепутье.

Народ благословил любовь молитвой.
Немало слез поклонников пролито.
Безжалостная смерть неодолима,
Что даже от пророка не отбита.

Родители Лейли-Меджнуна к чести
С Заитом чтили розно и совместно.
Взрастившая Меджнуна та старуха
Все слезы излила на этом месте.

* * *

Джигиты, завершить хочу особо.
С Лейли в душе произнесу я слово.
Моя эпоха не вдали Меджнуна,
Из-за нее болею сердцем кровно.

Влюблен не в девушку, в сущность жизни.
В ее пяти чертах нет укоризны:
Любовь, свобода, честность повседневно,
Наука, справедливость к дальним, близким.

Никто, возможно, не ведет и ухом,
Но воспринять обязан скрытым слухом!
Не думай, что нет вовсе их не свете.
Боюсь, казахи отвернулись духом.

Не думай, что черты те не хранимы,
Что степняки не пользуются ими.
Уму подвластно многое на свете, -
Все пятеро с ним будут совместимы.

Любовь погибла раньше, я остался.
Собакам многим на оскал достался.
Имея счастье и богатство впрочем,
Убогим предстаю, как ни старался.

Нет справедливости и верной чести,
Что смерть была бы для меня уместной.

Чем жить среди двурушников притворных.
Пускай мне бог скорее даст повестку!

Не требую я ни за что оплату.
Коль так поймешь, подобен супостату.
Нет сердца чистого, за что в обиде,
И тягу к честности народ утратил.

Откуда будет у казахов разум,
Когда науку отпихнули разом?
Одни льстецы, пройдохи, скоморохи
На те пять черт относятся с отказом.

Я тоже справедливость избегаю,
Чтоб палачей рассредоточить стаю.
Тем самым приобрел и недостатки.
Скажите, есть лекарство. умоляю?

И я пытался быть непостоянным,
Укрыться от молвы в глухой стоянке.
Но ничего из этого не вышло, -
Пришлось в ответ стрелять, как окаянный.

Повсюду люди вновь с ума сходили,
Неудержимо сплетни заводили.
Со временем душа вся холодела,
Что выходить к народу я не в силе.

Никто в округе одолеть не может.
Но эта бездуховность сердце гложет.
Не надо мне подобной ханской чести,
Когда уродство на любовь похоже.

Беда моя с Меджнуна злом сравнится?
Не с горя ль сник, что, как туман, клубится?
Ни чина, ни богатства мне не нужно.
Сполна мне бог дал рану, что сочится!

Свобода – вот что для поэта надо.
Владеть собой – первейшая награда.
Откуда у казахов та манера,
Чтоб привнести и горе, и усладу?

Ни хитрости, ни злости не имею.
Идти на подлость за себя не смею.
Коварство окружило в жизни плотно,
Что ситуацией разумно не владею.

Меджнун всем сердцем полюбил реально.
Сходил с ума из-за Лейли нормально.
А мне, бедняге, мнится только призрак.
Не хуже ль рок достался изначально?

В степи по чести есть большой ученый?
На смерть он будет ими обреченный.
Не с призраком ли в жизни я связался,
Что, как Меджнун, от мира отрешенный?

На вид здоров, внутри я сильно болен.
Пока живой, кто будет мной доволен?
Считай меня отныне просто мертвым.
Желаю всем родным не этой доли.

Никто всерьез не относился к слову.
Услышав, за свое берется снова.
Давно слова разбрасывал на ветер,
Не знал, что смерть забрать с собой готова.

Страну объехав, не нашел я честность.
Взывая к людям, приобрел известность.
Как-будто посетил Лейли могилу,
И для своей подыскиваю местность.

Недуг не воспаляйте, преградите.
Отпетым хвастуном не назовите!
Тогда совсем обглоданные кости
Сжуете за собаками сердито.

Пускай грызет останки кто попало.
Досыта наедитесь, если мало.
Греховно человеческое мясо:
Конец известен подлого начала.

Доволен, что досталось в пору мясо.
Сдирай, как волк, когтями опоясав.
Что полностью не утомишь свой голод,
Глаза песком засыпав, станет ясно.

Глотай еще, пока живот не вздую.
Не успокоишься без вздоха ни в какую.
Но в судный час, когда весы в настрое,
Раскрою рот и громко обличую!

ОБ ОСНОВНЫХ ДАТАХ В ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ШАКАРИМА КУДАЙБЕРДИЕВА

Крупнейший поэт, философ, историк и композитор Шакарим Кудайбердиев родился 11 июля (по старому стилю) 1858 года в Чингисской волости Семипалатинской губернии. Об этом писатель и ученый Мухтар Магауин в предисловии «Младший брат Абая» констатировал: «Шакарим родился 1858 году. Известно, что будущий великий поэт Абай был одним из семерых братьев. Отец Шакарима Кудайберды являлся из них самым старшим. Здравомыслящего, доброжелательного и великодушного старшего брата Абай особенно уважал. Кудайберды скончался, когда Шакариму было всего шесть лет. Впоследствии Шакарим не ощущал сиротской заботы и по особому смышленого с малолетства, Абай берет под свою опеку. Традиция родного очага и окружающая среда всячески способствовали становлению его как поэта». (Шакарим. Стихи и поэмы. Алматы, «Жалын», 1988, с. 7. Перевод наш – М.С.).

Абдильда Тажибаев и Шамшиябану Сатпаева в предисловии к другой книге писали: «Шакарим Кудайбердиев родился 11 июля (по старому стилю) 1858 года у подножья Чингисских гор в нынешнем Абайском районе Семипалатинской области. Его отец Кудайберды родился от первой жены – байбише Кунанбая, которую звали Кунке.

Им Шакарим приходится внуком, а для Абая – внучатым младшим братом. Сведения о родителях Шакарима пока нам неизвестны». (Шакарим Кудайбердиев. Сочинение. Стихи, дастаны, проза). Алматы, «Жазушы», 1998, с. 7 перевод наш – М.С.).

Фактически с опубликованием постановления о снятии запрета на творческое наследие Шакарима 14 апреля 1988 года после шестидесятилетнего забвения в течение одного года сразу в двух издательствах были выпущены в свет две книги поэта, которые казахский народ ожидал с благоговением. Поэтому вполне понятно то, что многие сведения по биографии хаджи Шакарима Кудайбердиева были утеряны и забыты.

После этого спустя шесть лет в журнале «Абай» стали публиковаться о родословном древе Шакарима материалы его сына Ахата Кудайбердиева, правнука ученого-историка Тауфика Досаева и др. В генеалогии Ахата Шакаримулы под названием «Потомки сыновей Кунанбая» о родителях Шакарима есть такие сведения: «Первая жена Кунанбая – дочь бия Аганаса по имени Кунке из ответвления Сыбан. Она родила единственного сына Кудайберды.

Старшая жена Кудайберды, которую звали Даметкен (Толебике), была дочерью бия Алдабергена из ответвления кедей рода Каракесек. У нее были сыновья Омар, Муртаза, Шаке (Шахмардан), Шакарим (Шакарим)» - «Абай» № 9 за 1994 г., с.40.

Итак. Сведения о предках и родителях Шакарима Кудайбердиева достаточно прояснились.

В 1866 году Кудайберды Кунанбайулы в возрасте 37 лет внезапно скончался. Мальчик Шакарим, оставшийся без отца в возрасте восьми лет, всецело оказывается на попечении деда Кунанбая, Абая и других родственников. Начиная с шести лет, он обучался грамоте у аульного муллы. По мере взросления Шакарим, посещая уроки Абая, воспринимая наставления. Пополнял свои знания в его богатой библиотеке.

Здесь снова обратимся к Ахату Шакаримулы. Слова своего отца он приводит так: «Как-то я прибыл, - рассказывал отец мой. Шакарим, - в аул Абая на джайляу. В юрте было полно аксакалов возраста Абая. Когда я вошел и поприветствовал их, Абай сказал: «Как говорится, о ком подумаешь, тот и приходит. Хорошо, что ты пришел, Шакарим. Здесь я поведал аксакалам, что сам, охваченный бытом, не смог податься в поиски знаний. Во имя исполнения своей заветной мечты хочу тебя, Шакарим, отправить за наукой! Человек,

до сорока лет пополняя знания, в том возрасте достигает настоящей зрелости, обретает совершенства мыслей и разума, полноты силы воли! Через три года тебе исполнится сорок лет. Ты овладел восточными языками. Теперь в течение трех лет познавай русский язык. Все расходы возьму на себя, а ты готовься к поездке. Скажи, согласен на это?». Я ответил: «Если все расходы будут от вас, почему бы мне не поехать за приобретением знаний. Но куда мне ехать?». На это Абай пояснил: «Афино-греческие знания сосредоточены в Стамбуле. Там их найдешь. Арабские знания собраны в Мекке. Но в Медине, по-моему, можно больше найти, чем в Мекке. Еще тебе надо побывать в египетской библиотеке имени Александра. Побывав в этих четырех местах, осмотрев исторические достопримечательности, собрав нужные книги, возвратишься с обогащенными знаниями. Деньги на покупку книг и дорожные расходы в достатке предоставлю. Подай руку, если ты на это согласен. Тут я подал руку со словами: «Если расходы будут от вас, приобретение знаний – от меня, то поеду»? Абай, взяв мою руку и обращившись на присутствующих, заявил: «Вы все – свидетели. Шакарим дал согласие!». Сидевшие аксакалы промолвили: «Видим».

После этого я со всем усердием принялся за серьезное овладение русским языком. По сравнению с другими годами эти годы были особенно полезными. Восточные языки, в которых был сведущ, осваивая глубже, также совершенствовал. (там же, с.с. 36-37).

В подобных сентенциях невольно припоминается то обстоятельство, что Шакарим Кудайбердиев никогда и ни в каком учебном заведении не обучался. Тем не менее в истории мировой литературы были замечательные представители, начиная с Гомера, которые, благодаря своей гениальности, оставили бесценное наследие. Не обращаясь вглубь истории, возьмем классика русской литературы Максима Горького. Рано лишившись родителей, он вырос круглым сиротой и благодаря своей пытливости, трудолюбию и незаурядному таланту оставил после себя творческое наследие в тридцати томах. Обычно в энциклопедиях относительно образования молодого Алексея Пешкова говорится всего в двух словах: «занимался самообразованием». Но впоследствии, став Максимом Горьким, своим художественными литературными произведениями, как Лев Толстой, А.П. Чехов. Знаменитые писатели Европы, как Ромэн Роллан, Анатоль Франс, Бернард Шоу, высоко оценивали вклад Горького в мировую литературу. Здесь будет не излишне упомянуть о том, что сын Абая

Турагул в свое время перевел на казахский язык рассказ Горького «Челкаш» и в 1925 году опубликовал в журнале «Тан» - «Рассвет». Вот к этому Горькому при жизни в тридцатых годах, выражая свое почтение, специально в Москву, к своему собрату по перу в гости, приезжал Ромэн Роллан. Впоследствии многие казахи, восхищаясь таким уважительным отношением к пролетарскому писателю великого сына Франции, называли его именем своих детей.

Как сам поэт освидетельствовал в одном из своих стихотворений, Шакарим побывал в Париже, где пополнял знания в тамошней библиотеке. Но пока нет доподлинной даты, документально подтвержденной. Теперь остановимся на датах посещения Шакаримом Мекки и Медины. В статье «Кажылык сапары» - «Дорога паломничества» Ахат Кудайбердиев, приводя слова отца, пишет: «Итак, в преддверии 1906 года, осенью 1905 года, отправился в путь. Это путешествие по совету Абая оказало значительное воздействие на мое просвещение и становлению как человека. В этой поездке мне довелось побеседовать с учеными разных национальностей, обмениваться с ними мнениями и собрать множество необходимых книг. А эти книги посылками отправлял в Семей на имя Анияра (Молдабаева – М.С.).

В Стамбуле побывал в архивных хранилищах истории, где пришлось задержаться на 13 дней, чтобы покопаться в фондах. Там приобрел полностью сочинения древних поэтов, писателей и мыслителей Востока. Также набрал книги греческих мыслителей – философов, начиная с Гомера, и произведения ученых ранней Турции. Словом, путешествие помогло пробуждению моего самосознания и достижению заветной мечты! Это тоже явилось плодом наставлений и поучений, данных мне Абаем. Из Стамбула направился в Мекку, где ознакомился с историческими местами и получил необходимое познание. Побывал в Медине. Там ознакомился с трудами и приобрел книги таких древних ученых Аравии, как Абу Суфиян, который жил за 200 лет до пророка Мухаммеда. Но не смог добраться до библиотеки имени Александра в Египте. Встретившись в Мекке с ученым, проработавшим много лет в той библиотеке, переписал научные трактаты, коих у меня не было. На обратном пути нас одолел недуг и один месяц нам пришлось находиться в Стамбуле. Договорившись с доктором, опять-таки обходил исторические места Стамбула, обменивался мнениями с учеными Индии, Персии. Наконец, познал нотную грамоту у турецкого музыканта. Благодаря

свободному владению персидским языком, беседуя с докторами Персии и Индии, обучался многим приемам врачебного лечения». (Там же, стр. 37. Перевод наш – М.С.).

Произведения музыкального творчества Шакарима составляет отдельное наследие. В 1989 году увидела свет его книга «Аманат» - «Поручение», куда вошли 40 песен. Составитель данной книги, искусствовед Талига Бекхожина во вступительной статье «Композитор Шакарим Кудайбердиев» указала такую дату паломничества в Мекку: 1906-1907 годы. (Шакарим. Аманат, «Өнер» - «Искусство», 1989, с.с. 9-10),

В данном случае мы приводим два различных указания с целью, чтобы и эта дата достаточно прояснилась. Вместе с тем о пребывании Шакарима на обратном пути в Стамбуле в одной публикации сказано, что он там пробыл один месяц, в другой – 13 дней.

Шакарим Кудайбердиулы, занимавшийся с юных лет сочинением стихов, в 1888 году написал поэму «Калкаман и Мамыр». После этого в 1891 году из-под его пера вышла поэма «Енлик и Кебек». Далее в 1907 году, обращаясь к поэме Физули «Лейли и Меджнун» и воспользовавшись традиционным восточным приемом «назира», делает вольный перевод или создает свой вариант распространенного сюжета дастана. В 1921 году, когда Мухтар Ауэзов собрался отправиться на учебу в Ташкент, Шакарим это свое произведение отдает ему с целью материальной помощи, чтобы там, опубликовав его, получил гонорар. Итак, поэма «Лейли и Меджнун» в 1922-1923 годах была опубликована в журнале «Шолпан» (Ташкент).

В 1911 году в Оргенбурге были выпущены книги «Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий» и «Долг мусульманина» - «Мұсылмандық шарты».

В 1912 году в татарском издательстве «Ярдам» - «Помощь» Семья увидели свет отдельными изданиями «Калкаман и Мамыр», «Енлик и Кебек», сборник «Қазақ айнасы» - «Казах в зеркальном отражении» и др.

Свой философский труд «Три истины» Ш.Кудайбердиев писал тридцать лет (1898-1928). Известно, что при совершении хаджа для этого глубокомысленного сочинения было собрано множество бесценных материалов.

В 1925 году написан роман «Адилъ и Мария».

Вполне очевидно, что в одном обзоре невозможно охватить все известные даты творческой жизни Шакарима Кудайбердиева.

Собрание всех известных и невыясненных дат, приведение их в определенную систему и создание библиографии творческой биографии поэта – одна из важных задач будущего. На сей раз будет вполне уместным завершить данную тему датой трагической кончины выдающегося поэта, указанной патриархом абаеведения, известным шакаримоведом, почетным профессором Каюмом Мухамедхановым. Наш незабвенный наставник истинную правду об этом безапелляционно излагал: «...Для того, чтобы уничтожить повстанцев, напавших на районный центр, с целью вылавливания скрывшихся беглецов и наказания их выступил отряд во главе с начальником ГПУ Карасартовым. В тот день Шакарим направился в райцентр и по пути встретил Карасартова с его приспешниками. Они, завидев его издали, не произнося ни слова, начали стрелять в Шакарима. С пуль в груди, лежа с ранением, Шакарим едва произнес: «Отвезите меня в район...». Но в этот момент кто-то другой еще раз выстрелил. Поэт умирает. Это злое событие произошло 2 октября 1931 года. Итак, поэт Шакарим в возрасте 73 лет, став безвинной жертвой, пал от кровавых рук жестокосердых палачей красной империи.

Палачи, расстреляв поэта, тело его сбросили в старый иссохшийся колодец в безлюдной степи и отправились восвояси». (Каюм Мухамедханов. Абай мұрагерлері. – Наследники Абая. Алматы. «Атамекен», 1995, с. 55. Перевод наш – М.С.).

И вот теперь независимый и суверенный Казахстан, о котором мечтал Шакарим Кудайбердиев, готовится широко и всенародно отметить его славный 150-летний юбилей. В связи с этим наша первейшая задача – собрать по возможности бесценное наследие Шакарима, опубликовать и содействовать переводу на другие языки для дальнейшей пропаганды и соответствующего признания.

2008 г.

Миржакуп ДУЛАТОВ

НАУРЫЗ

На небе солнце светит
Земля тепла от света.
В аул вселилась радость:
Рукой подать до лета.

Кругом снуют ребята
Цветеньем степь объята.
Посев начнем на пашне,
Возьмем зерна богата.

Зовут друг друга в гости,
Отары все в приросте.
В ауле мяса вдоволь:
Сурпа в кашежки льется.

Летят к нам птицы с юга,
И с озера, и с луга.
Назад отходит холод.
Поременному кругу.

Пока в пути кочевье
Слышны в степи напевы.
Весна тропит лето,
Овец пополнив в хлеве.

Внизу ручей искрится
И молодняк резвится.
У озера аулы
Решили поселиться.

Как расцветут бутоны,
Так соловьи стозвонно.
Разбудят муравейник
Земли неугомонной.

Красавица не в духе:
Не по нутру ей слухи.
Ее одна лишь поступь
Мила, как нежность, пуха.

Джигит, косясь, однако
Еще далек от брака.
Прозвав парнишку «Младшим»,
Женге¹ балует всяко.

На небе солнце светит,
Земля тепла от света.
В аул вселилась радость:
Рукой подать до лета...

Перевод с казахского М. Султанбекова.

ПЕРЕВОДЫ О ПОЭМЕ АКЫЛБАЯ «ДАГЕСТАН»

Автор поэмы «Дагестан» Акылбай Ибрагимұлы Кунанбаев (1861-1904) был одним из талантливых поэтов-учеников Абая. Поэма Акылбая написана по прямому указанию Абая.

Тема поэмы «Дагестан» взята из жизни кавказских горцев. Она написана в духе романтических поэм под несомненным влиянием Лермонтова. Это особенно заметно на примере описания пейзажа Кавказа, а также – обрисовки характеров героев поэмы. Сюжет ее заключается в трагической истории возвышенной и пламенной любви юноши Жебраила к девушке Закире. Отец Закиры – завистливый, злой и мстительный Жусуп романтически противопоставлен юным героям поэмы, как разрушитель их счастья и убийца.

Соблюдая все традиции романтической поэмы, Акылбай рисует своих героев людьми сильных переживаний, ярких характеров, бурных страстей.

Поэма содержит страстный протест против обычаев старины, против деспотической власти родителей, против всего строя патриархально-феодального общества.

¹ Женге (каз.) – жена старшего брата.

Гуманистические принципы и демократические настроения Абая, которые воспринял Акылбай, нашли здесь свое полное и яркое отражение.

Поэма переведена на русский язык в 1958 году молодым поэтом Муратом Султанбековым, студентом историко-филологического факультета Семипалатинского пединститута в виде курсовой работы.

**Каюм МУХАМЕДХАНОВ,
ученый-абаевед, профессор, лауреат
Государственной премии Казахстана.**

Такен Алимкулов – Расулу Гамзатову

Дорогой Расул! Приветствую тебя!

Я тогда работал в Союзе писателей СССР в качестве «титularного советника», ко мне зашел молодой литератор Мурат Султанбеков и показал свой перевод дастана Акылбая Кунанбаева «Дагестан». Я его показал Ярославу Смелякову, который, бегло прочитав, похвалил. Сказал, что это – вполне квалифицированный перевод. Его характер тебе известен, он не мог кривить душой. Мурат Султанбеков уехал в свой аул, взяв с собой рукопись. Очевидно, он внес кое-какие поправки, а, может, снова переделал. Мне кажется, что его перевод в нынешнем виде можно опубликовать. В ту далекую пору, во времена Абая Кунанбаева, казах писал о Дагестане, это – явление! Это ты знаешь лучше меня. Помоги молодому литератору, ради аллаха!

Теперь о себе. Я учился в литинституте вместе с тобой, когда ты стал лауреатом, послал поздравительное письмо. Переехав в Казахстан, я стал писать прозу. Выпущено несколько книг на казахском и русском языках. Родной аул для меня – богатейший материал, а Москва – мастерская. В настоящее время я живу в ауле и работаю над новым романом. Лелею мечту (прости за красивое слово!) приехать в Москву в следующий год для издания своих книг на русском языке.

Желаю тебе здоровья и дальнейших успехов!

С дружеским приветом – Такен Алимкулов.

12/09-1980 г.

Адрес: 487712, Казахская ССР,
Чимкентская область, Сузакский район,
Совхоз «Джарты-тюбе».
Алимкулов Т.

Акылбай
КУНАНБАЕВ

ДАГЕСТАН

Поэма

Кавказ, Дагестан. люди горной страны,
Вы в душу вошли, в мои думы и сны.
Восславлю величие гор и красу:
Легенду о горцах я в сердце несу.
Читатель, известна мне критиков резвость.
Ты – главный судья и суди меня трезво.
В степи эту песню я выпустил в свет,
Как друг – собеседник, а не как поэт.
Звучит по-казахски Кавказ кратко «Кав»,
Его бог особой красой наделил.
Там с ревом, беснуясь, как сильный удав,
Сквозь горы путь Терек могучий пробил.
Природы венец – бесподобный Кавказ,
Любуешься им, хоть ты видел не раз.
Народ Дагестана, отважный народ,
У гор этих, с ними сравнившись, живет.

I

Начну свой рассказ я о горной стране,
Встречает врага она лишь на войне.
Поныне... раздастся обидное слово –
К сражению сабля джигита готова.
(А повесть кавказская ниже начнется).
Традиция эта от предков ведется, -
Во гневе в нем стоит крови заиграть,
Высокий Кавказ легкой дымкой одет,

С вершин снеговых светло-синий льет свет.
Лучи осыпаются с дремлющих гор
В лога и долины – на мирный простор.
От сна пробудились певцы-соловьи,
Подобны подснежники ранним они.
И пух поправляют, и голос – на лад,
Пропеть до жары свои песни спешат.
На квинту настроившись, вот залились.
Дар божий чудесные звуки неслись.
А птички, стараясь, звучнее поют.
Пусть песни всю грусть, всю печаль унесут.
Ночь спрятала шаль свою – черный покров,
И слышится пение горных певцов.
Склонившись, внимают деревья, цветы.
Кавказ гордый слушает их с высоты.
Возможно, в строках этих что не сказал,
Но гений России все тап описал.
А вот города Дагестана видны,
Терпевшие беды не раз в дни войны.
В одном из разрушенных тех городов
Дом старца Юсупа стоит среди домов,
Пред ним – сам Юсуп, на лице – горя след.
Не слышит он птиц, гор не видит он, нет.
Вдруг женщина вышла из дома одна,
Спешит, озабочена чем-то она.
- Звала? – Юсуп тихо, с тревогой спросил.
- Родную хочу видеть, нет больше сил.
- Ей плохо, - ответ был, - ей плохо совсем,
Еще не простила, пришла я ни чем.
Когда я спросила, позвать ли тебя, -
Ни слова, и слушать не хочет меня! –
Как будто вздох сильный часть горя унес,
Но были глаза старика полны слез.
На память дела роковые пришли.
Промолвил: «Возмездье за горе Эли»,
Горячие слезы из глаз потекли.
Морщины препятствовать им не могли,
Сейчас не узнать его черных усов:
Лежит на них жгучий белесый покров.

Красавицу-дочь не увидеть ему.
Молитву проклятья он вспомнил к тому.
И стали пред ним проходить чередой
Дни горя и слез, только в жизни чужой.
Как рос Юсуп в юности, был он каким,
Прожил он как жизнь, жизнь какая за ним.
Где горя начало, причина его.
Теперь по порядку дойдем до всего.

III

Юсуп – батыр юга, герой Дагестана
Щедроты от жизни берет неустанно.
И шуток не терпит он, гордая грудь,
Он думает: выше других его путь.
Я начал с конца, друзья, повесть свою.
Кавказские горы воспел, что люблю.
Теперь расскажу я о людях страны,
Хоть дивной красы эти горы полны.
Весна оживленье в природу внесла,
Но людям земля их как будто тесна.
Раздоры и распри, и гибель людей...
И страшен Кавказ, когда горцы в беде.
Юсуп неподвижен, суров его лик,
Под грузом несчастья он в скорби поник.
В преклонные годы он горе познал,
Покинули силы, друзья и кинжал.
Юсуп с детства сверстников опередил.
Он смел, испугать его нет в мире сил.
Батыр с непокорной отважной душой.
Он, смерть побеждая, жил в славе земной.
В бою он сражался, ничуть не робея.
Соперник ему не встречался сильнее,
Могучие мускулы духу подстать.
Кто скажет, что можно его испугать?
Похож на Юсупа, гроза пред врагом,
Джигит молодой слыл отличным стрелком.
Единственный сын он старухи Эли
И звать Ибрагим... Они вместе росли.

Легко говорил он, умело шутил
И публику юмором тонким смешил.
Язык, говорят, до беды доведет.
Бывает, что шутку иной не поймет.
В традиции было у горцев в ту пору
Устраивать жизненный той, на котором
Кто в играх народных победу возьмет –
Того прославлял, торжествуя, народ.
Соперника нет Ибрагиму в стрельбе
И в джигитовке, и в жаркой борьбе.
- Где б ни был среди лучших ведь место его, -
Так сына народ восхвалял своего.
Здесь что-то Юсупу сказал Ибрагим.
Задел не на шутку он словом своим,
И ссора случайно в тот миг началась,
Со злобой не сводит Юсуп с него глаз.
Не вынес ровесника шутку Юсуп,
Судьбой разбалован, и горд он, и груб.
Другой улыбнулся б, ответил как мог,
Но сердце Юсупа – лишь гнева исток.
С Юсупом нельзя дружелюбно шутить,
Рискованно шуткой врага в нем нажать.
Он стал Ибрагиму отныне врагом.
За саблю хватается молча, тайком.
Закончился той, разошелся народ.
Смеясь, Ибрагим беззаботно живет,
Решил он в один из безоблачных дней,
Пойти на охоту на диких зверей.
Юсуп – среди гор, он завистлив и зол,
Архара увидел, пригнулся, пошел.
Крадется, за камнями прячется он.
Азартом охотничьим был заражен.
В волнение неверно ружье зарядил,
И вот, притаившись, курок он спустил.
Но пуля его не задела козла,
Вспугнула добычу и вдаль угнала.
На выстрел Юсупа бежит Ибрагим,
Архар на вершине горы – невредим.
Успеет он справиться с ним и потом...

Юсуп его встретил не другом-врагом.
В ружье вложил снова Юсуп свой заряд.
Но кто же теперь на прицел его взят?
Архар далеко. Все же спущен курок.
Что видим? Упал Ибрагим. О, мой бог!
Но жив Ибрагим, его слово, как бич:
- Искусство мое тебе ввек не постичь!
А мимо стрелять не в манере моей,
Стреляю без промаха – ты так сумей –
И власть потерял над собою Юсуп.
В ком гнева не в меру – нередко тот туп.
Не помня себя, он в момент подскочил
И в сердце собрата кинжал свой всадил.
Кинжал Ибрагима был тоже при нем,
Он мог бы сразиться с коварным врагом.
Но сердце пробито – и жизни конец,
И мать зарыдает, и старый отец...
Едва прошептал Ибрагим: «Все ж убил,
С тобой я по-дружески, просто шутил.
За мной мать родимая тоже умрет.
Ну, радуйся. Что ж, пусть душа запоет.
Ужасная смерть – от врага умереть.
У бога мы встретимся – будешь жалеть».
Убит Ибрагим, на земле он лежит,
Юсупа кинжал его кровью облит.
За шутку убит в стороне от людей...
И прочь удаляется черный злодей.
О, свет, кто хвалу тебе песней воздаст,
Такие награды готовишь для нас?
Вины нет и лжи, честно думал он жить.
Нет, жизнь молодую ты должен хранить,
А жить справедливо ты учишь нас всех.
Свершил Ибрагим что? И в чем его грех?
Вновь юное сердце ты кровью омыл.
Ты правдой нигде никому не служил.
Давно Ибрагим неподвижно лежит.
Его дней земных час последний пробит.
Два дня спустя проходил путник здесь,
Нашел труп, принес людям горькую весть.

Лишилась сознания старуха Эли.
С гор труп Ибрагима домой принесли.
- О боже! – взмолилась несчастная мать. –
Убийцу прошу отыскать, наказать...
О боже, была я твоею рабой.
Назвать меня некому больше родной.
Всесильный пророк, - все до власти твоей,
Пусть кару испытает злодей.
Дай матери горе, получит пускай,
Пусть летится оно для нее через край.
Отцу его тоже и детям родным,
Чтоб вечно покоя не знать больше им.
Каноны прочла все, наверно, Эли.
Молитвы до звездного неба дошли.
Отныне Юсупу несчастье – брат,
Он в саклю бежит от слов жгучих, как яд.
Эли после сына семь дней прожила,
И в пятницу с белого света ушла...
До смерти аллаха просила с мольбой
Врагу обернуть его дело бедой.
Не дни пролетели, а годы с тех пор.
Проклятья – проклятья, они – не укор.
Но мысли Юсуп те отбросил, забыл.
В заботах житейских спокойно он жил.
О жизни Юсупа хочу рассказать.
Не стану нажитое перечислять.
Подобные львам, росли пять сыновей
И дочь Закира. Поведу речь о ней.
Единственной дочерью богом дана.
Средь женщин красива она так одна.
С любовью ее породил бог на свет,
Как в лучшем зерне. Недостатка в ней нет.
Увидев однажды – теряешь покой:
В глазах огонек, брови тонкой дугой.
Все люди на девушку с лаской глядят.
«Она – земной ангел», - ей вслед говорят.
Играет в ней кровь половодьем весны,
Ей косы густые природой даны.
В улыбке от губ отражается свет.

У гор и в горах Закире равной нет.
Средь трав иногда в поле роза цветет...
Вот так Закира среди братьев растет.
Движенья быстры, легка, как коза.
- Газель, - раздаются ей вслед голоса.
Волнистые волосы нежны, как шелк.
На них равнодушно смотреть ты б не смог.
Как ночь, только полные света глаза.
Ее не назвать совершенством нельзя.
И зубы, и нос, и ресницы... Да что ж,
Из тысяч никто на нее не похож.
Еще украшает характер людей.
Поступки ее нам расскажут о ней.
О, щеки с румянцем, как снег, белизной,
Сорвется ли с губ твоих слово «родной?»
Увидев ее, не свернешь ты с пути,
И, как заколдован, нет сил отойти.
О ней без конца б говорить, говорить.
Но право дано одному с нею быть.
И ум, и характер, и внешность даны,
На редкость с душой чистой в ней сплетены.
Отец обеспечен одеждой, едой.
Есть дочь, сыновья в его сакле родной,
Али и Муса, Джагифар и Таяр,
Рахим – самый младший. Таков божий дар.
Призов обладатели в каждой игре.
Герои в сраженьях, кровавой борьбе.
Сказали бы, что трудности им трын-трава.
Но есть еще в мире судьба. Есть судьба.
Идут состязанья... кто приз заберет?
- Юсупа сыны, - отвечает народ.
Бесстрашны они и в горячем бою.
Выступают в него среди первых в строю.
В ту пору побед и успехов больших
Отважный джигит стал товарищем их.
Из рода бедняцкого был Джабрахил,
Но умный, красивый. Героем он слыл.
Родился по воле аллаха, подрос.
Усы, брови – крылья, с горбинкою нос,

Широкие плечи – так выглядит он.
Нет горца такого, с кем был бы сравнен.
И он, Закиру увидав, в тот же миг
Влюбился в нее, головою поник.
И он умереть иль жениться решил.
Взнуздаешь судьбу свою? Хватит ли сил?
Он встретил любовь, попал в сети любви,
Страдания сердце терзают, как львы.
Нельзя подружиться с богатой никак.
В бессилии злобном твердит? «Я – бедняк!»
Влюбленное сердце не в силах молчать.
Богатство нажить бы иль чудом достать!
- Украли горянку! – разносится весть,
Сынов Дагестан поднимает на месть.
Огнем гордой чести джигиты зажглись.
Бесстрашные духом на клич собрались.
Пусть силу расплаты почувствует враг.
Кто ночью пришел к ним, как вор, - не кунак,
Али и Муса отправлялись вдвоем.
Им удали хватит в огне боевом.
И с ними идет на врага Джабрахил.
Ключи своей жизни он долгу вручил.
В поход проводил Юсуп сразу двоих,
Али и Мусу. Там немного таких.
Но если судьбой уготована смерть,
Любого заставит судьба умереть.
Герои Кавказа, оставив свой дом,
Идут в наступленье сразиться с врагом.
Увидев ту битву, кто там не рожден,
- Пришел конец света, - твердил бы сквозь стон.
Как рой саранчи, из ущелья ордой
Вдруг туча людей вышла с шумом на бой.
Пугая, кругом звучно пули свистят.
В дыму огонь гаснет, то вспыхнет опять.
Без устали раненых тянет земля.
Как рыбы в грязи, бьются павших тела,
Там пятеро были из стана врагов,
Без счету они посрезали голов.
Пальнув по врагам, на покой в небеса

Отправили души Али и Муса.
Но головы этих тотчас поволок
Безжалостный враг и воткнул их в песок.
Батыр Джабрахил не жалеет себя.
От ноющей раны зубами скрипя,
Он в сторону вынес убитых с трудом,
Бесстрашие, силу увидели в нем,
Страданья и муки судьба принесла...
А многих на гибель сюда привела.
Домой побрели, но без брата, отца,
И падали слезы на землю с лица.
Теперь бесполезно вину признавать:
Молитва Эли о себе дает знать. —
- Всевышний обоих унес сыновей, -
Отцу сообщили о смерти детей.
Юсуп побледнел, помрачнел его вид.
Он вспомнил, что им Ибрагим был убит,
- Но кто за один свой грех дважды платил?
Чем бога прогневал я, чем разозлил? —
Не в силах никто смертный час свой продлить,
И в том бесполезно пророка просить.
Юсуп перестал слезы лить, и, скорбя.,
Познал: не воскреснут теперь сыновья,
Лишился Юсуп так двоих из шести.
Проклятья наступит, от них не уйти.
Однажды пошел, взяв ружье Джагифар,
Пошел на охоту, и с ним — брат Таяр.
Но снова беда: из-за гор к ним плывут
Свинцовые тучи, несчастье несут.
Предсмертные мольбы, старухи наказ
Юсуп на себе испытал уж раз.
Тяжелыми тучами взят небосвод.
Незримая сила ведет их в поход.
И, двигаясь, кажется, рушит Кавказ.
Небесная битва начнется сейчас.
Под грохот раскатистый ливень полил
И камни пудовые он покати,
В минуту десяток взвивается стрел.
Любой человек бы в тот миг оробел.

Не в духе Юсуп, не сидится ему.
Кто горе познал, горе мнится тому.
И вправду, ушедшие перед грозой
Охотники не возвращались домой.
«Где братья? Спросила отца Закира, -
Грозы я боюсь; им вернуться пора.
И сердце с тревогою бьется в груди:
- О, как бы в горах им не сбиться с пути! -
Юсуп отвечает ей: «Дождь переждут,
Домой невредимые оба придут.
И каждый дорогу к спасенью найдет».
Предчувствием тяжким тревожится сам.
Не верит, не верит своим же словам.
Сказав что-то дочери, вышел во двор
И смотрит с волнением в сторону гор.
Юсупу поверила дочь не совсем,
Глаза покраснели ее между тем.
К отцу подошла с побледневшим лицом,
Махнула рукой, что, мол, без толку ждем.
От мыслей мучительных стала слабеть.
За нежную руку Юсуп ее взяв.
Повел, уложил, состоянье поняв,
А где Джагифар и Таяр – его брат?
Никто не уйдет от судьбы, говорят...
Когда проходили они над рекой,
Их сбило обоих одною волной.
Смерть братьев в ловушку сою завела,
Истерла камнями утопших тела,
И волны, их выбросив дальше бегут.
Родные и трупов теперь не найдут.
Отправились утром искать земляки,
И кто-то с трудом их нашел у реки.
О, глупая смерть! Из всех худшая смерть.
Уж лучше в открытом бою умереть!
По саклям разнесся пугающий слух.
Сжал сердце Юсупа смертельный недуг.
Не в силах проклятий Эли избежать, -
Земля для Юсупа, как зеркала гладь.
...На кладбище братьев давно погребли.

С тех пор много дней, даже годы прошли
И как-то Юсупа единственный сын
Пошел на охоту, пошел он один.
Из жаркого боя вернувшись домой,
Лежал Джабрахил, не владея собой.
Лечился... и встал через дней пятьдесят,
И он в этот день шел зверей пострелять.
Они не встречались друг с другом давно:
Им встретиться было в горах суждено,
- Рахим, к тебе просьба одна у меня,
Сойдем же с коней, ее выскажу я. –
Слезает с коня кое-как себялюб
И горд, и заносчив он, как и Юсуп.
Считая неравным себе бедняка,
Он слушает, молча все и свысока.
- С тобою мы – сверстники, вместе росли,
Сердечные муки меня извели.
Другая родится ли, как Закира,
Она как родная мне, хоть не сестра, -
Сказал Джабрахил это не без труда.
Мгновенно вспотел он, горя от стыда
Не знал ни сомнений, ни робости он.
Но ныне робеет, любовью пленен.
Рахим – в возмущенье. Он гневно ведет:
«С такими, как ты, не родился мой род.
И знаю красу Закиры без тебя.
Ты хочешь, чтоб в жены отдал ее я».
И вновь Джабрахил покраснел, быстро встал
И тихо, но твердо Рахиму сказал:
- Да, правда. Хочу ее руку просить.
Я тоже родился на всеет, чтобы жить. –
- согласие свое я не дам ни за что.
Хоть сможешь отца совратить ты на то
Такие, как ты, живут в слугах у нас.
Но я застрелюсь. Если только отдаст. –
Горячие споры опасны при них,
Поэтому и сторонились все их.
- Я вынес из боя Али и Мусу,
Когда была смерть на виду, на носу. –

Рахим, как Юсуп, начал сердцем черстветь.
Литую свинцом в руках держит он плеть.
Наотмашь ударил, с насмешкой сказал:
- Услуга большая, не знал я, не знал. –
О, гордый глупец, пред тобой Джабрахил,
Средь горцев не трусом, батыром прослыл.
Губу прикусил он. Шумит в голове.
И алые капли текут по губе,
От боли ревет Джабрахил, как кабан.
Где сын твой, достойный его, Дагестан?
Взметнулась рука, и – кинжал на кинжал,
И чью-то судьбу этот день предрешал.
Рахим бьется в схватке, как будто шутя,
А силам противников смерть тут судья.
Бедняк – не богач, но искусный боец,
И правду докажет кинжал. наконец.
Ведь каждому жизнь тут своя дорога,
Но здесь нужны силы, и глаз, и рука.
Вонзил Джабрахил и распорот до ног
Упал сын Юсупа и вскрикнуть не смог.
Скажи, Джабрахил, что таил ты в груди.
И что пережито в нелегком пути?
Рахима нашли среди гор, принесли,
Четырежды губы раскрыться смогли:
- Отец...
Закира!
Джабрахил...отомстить -...
И больше не в силах был он говорить.
Дал клятву Юсуп пред Рахимом в слезах,
Чтоб мстить, пока жив и есть силы в руках.
- Проклятий боялся до боли в висках.
- За кровную месть! – повторял я в сердцах.
- И ты поклянись, - говорит Закире.
Она поклялась: брат на смертном одре.
Уходит, навек попрощавшись, Рахим,
Дороги Кавказа закрыты пред ним.
Бредет Закира. Оказалась средь гор,
Сплетениям судеб есть в жизни простор.
Прислушайтесь к слову и в слове моем

Найдете вы правду. Не выдумка в нем.
Несчастье застыло слезами в глазах,
(Следа не бывало горянок в горах).
Казалось, достигла орлиных вершин,
Бежит Закира от коварства долин.
Но что это с нею: ни явь и, ни сон?
Что сердце стучит: «это он», «это он?»
- Газель, - ей послышалось. – Можно присесть?
А голос, как песня, как добрая весть.
Взволнованный голос без слов ей сказал,
Что в сердце джигита огонь запылал.
Хотя поспешила скорее уйти,
Вопрос: «Кто же это?» твердила в пути.
Домой Закира прибежала. И что ж?
От страсти любви все равно не уйдешь.
Закроет глаза – он пред нею стоит.
«Кто это? Кто это?» - в ней сердце стучит.
Случайно любовь пробудилась и в ней.
И девчье сердце стучит все сильней.
Стоит он пред нею всю ночь до утра,
В любовных мученьях теперь Закира.
Назавтра к горам поспешила опять,
И, к счастью, его удалось повстречать.
Расстались друзьями, чтоб встретиться вновь,
Любовь началась. Молодая любовь.
И цели заветной достигла любовь.
Лишь только расставшись, встречаются вновь.
- Родная, здесь жить невозможно теперь.
Уехать нам надо, уехать, поверь.
- Отец разрешит – и я стану твоей.
К нему обратись с этой просьбой скорей.
Но если тебе он согласья не даст,
Пойду я сама, - не разлучит он нас,
- В глаза попадись ему я. Джабрахил,
Ничуть не колеблясь, меня б он убил.
И ты поклялась, чтобы мне отомстить.
Я – здесь, пред тобой, если хочешь убить. –
От слов этих девушка в ужас пришла:
- Судьба, значит, с недругом нашим свела.

Забыла я брата Рахима, видать.
О, подлая я! – и хотела бежать.
- Исполни сейчас обещанье свое,
Возьми мой кинжал и бей сердце мое.
Уйдешь – я умру и убьешь – мне не жить.
Но я не виновен. Как в том убедить? –
Взяла Закира в руки острый кинжал:
- Ну, что ж, Расскажи, как мой брат умирал? –
Любовь победила в ней злобу и гнев.
Кинжал уронила она, ослабев:
- О, бог, справедлив кто из нас, из двоих?
Мне душу не трогал никто из земных.
Иль в сердце мне правду вложил, чтоб прозреть?
Судьбой я опутана. Боже, ответь! –
Слова Джабрахила смогли ей внушить,
Что он не виновен, что вместе им жить!
И долго бродили беспечно они,
Познав всю безмерную радость любви.
Однажды Юсуп Закире говорит:
- ты знаешь, мой сын и твой брат кем убит?
Я слышал, что с кем-то он бродит средь гор.
Смотри, чтоб он нас не обрек на позор.
Сказал так Юсуп Закире. И она
Ответила, горькой тревоги полна:
- Кто видел? Не знаю, не видела я.
Отец, говорить понаслышке нельзя.
Мамыту Юсуп, пастуху он сказал:
- Чтоб ты, Джабрахила увидев, знать дал.
Я ввек не забуду меньшого наказ.
Увидишь – смотри, чтоб не скрылся он с глаз. –
Прошло много дней, и идет, как всегда,
На смену спокойствию снова беда.
Мамыт, чтоб ослеп он, к Юсупу спешит.
- Я видел врага твоего, - говорит,
- Своими глазами увидел, узнал.
Недавно ушел он за тот персвал.
Ты тверд в исполнении воли своей.
Бегу и бегу, вот и я у дверей. –
Окликнул Юсуп своих слуг в тот же миг.

- Кто хочет награду? – спросил он у них.
Захватим в кольцо Джабрахила втроем.
Не слушая слов оправдания, уьем. –
Касен с Кусаином с ним вместе пошли.
И эти – не люди: у них нет души.
- Кинжал как? – Юсуп у Касена спросил.
- Недавно провел по овце – разделил. –
- И мой не промажет, сказал Кусаин,
Могу я сразиться без вас с ним, один. –
Такой кровопивец что мог пожелать?
Кинжал лишь вонзить хочет рукоять.
Сверкают глаза, - Юсуп мстью горит.
Нахмурены брови и кровь в нем кипит.
Засунув за пояс кинжалы свои,
Схватить Джабрахила рванулись они.
На камне, собравшись идти, он сидел.
Пред ним – Закира, он в глаза ей глядел!
Обняв в поцелуе, расстался он с ней,
Чтоб встретиться завтра у тех же камней.
Но странные звуки до них донеслись,
Иль люди, иль звери, пойми, разберись.
- Пойду, до свиданья, идти мне пора, -
И с места метнулась домой Закира.
Вдруг скрежет какой-то раздался за ней.
То был наводящий страх скрежет ножей.
И шепчет она: «Без него мне не жить»,
И снова к заветному месту бежит.
Увидев вокруг Джабрахила троих,
Узнала отца своего среди них.
- Убьете, отец – я умру вместе с ним, -
Не голосом крикнула, сердцем своим.
И вот окружен Джабрахил с трех сторон,
Один от троих защищается он.
Искусно всех пальцев Касена лишил
И ранить себя не дает Джабрахил.
Теперь нападают вдвоем на него.
Но дни сочтены, - не спасет бог его.
Зачем ему мольбы любимой сейчас
И слезы, что льются из девичьих глаз?

- Зачем прибежала! — в душе он не рад.
Удар получил, чуть отвел от них взгляд.
Случайно отвлекся на плачущий крик,
От крови стал красным чапан его вмиг.
Лишаясь сознания, упал Джабрахил.
Когда Закира обняла, был без сил.
- Прощай, — он едва любимой сказать успел.
Как горько в такие лета умирать...
- Отец, до могилы довед ты меня.
Без матери вырастил, думала я.
Теперь уничтожил со мною наш род:
Во мне, не родившись, ребенок умрет.
- Но этим злодеем твой брат был убит,
Чего ты не можешь забыть и простить.
Давно за коварным врагом я следил.
Хватило едва на него у нас сил.
- Отец, не хочу больше видеть тебя.
Убил ты безжалостно внука, меня.
Домой побрела кое-как, чуть дыша,
Узнав, что оставила друга душа.
И эта беда Закиру извела.
Несчастья любви пережить не смогла.
Вначале Юсул перед саклей стоял.
Как видим, прощенья дочери ждал.

* * *

Под тяжестью горя Юсул говорит:
- Уйдет Закира и меня не простит. —
Она все же простила пред смертью его. —
Сказала: «Прости Джабрахил мой того».
И жизни дороже большая любовь,
За что умереть мы готовы без слов.
Когда за тобой остается она,
То смерть молодому, и то не страшна.
Влюбленное сердце не знает преград.
Не честь ли, друзья, вместе встретить закат!
С отвагой безмерной не каждый бы смог
Решиться на шаг через препятствий, поток.

Душа Закиры, как и друга, чиста.
А кара! Юсупу дана неспроста:
Убил человека злодей без причин,
Распята прищипа, и... остался один.

Каюм МУХАМЕДХАНОВ

Считая дни, сидели мы в темнице.
Там ночь без сна защелый год ходится.
Там лишь в мечтах являлся сей напиток,
Теперь им можно благостно залиться.

Ударил час мой и пришло то время:
Взрастало надеждой я свободы семя.
И солнце, прорываясь в облаках,
Сверкнуло, обогрев лучами тьма.

Крылом коснулось отнятое счастье.
Судьбе не покромось, хоть и впал в ненастье.
Все пытки мне ты можешь неспасать!
Но сердце не дано, чтоб жить под властью.

Лишив свободы непомерной силой,
Морщин добавила, отняв от милой.
Загнав в себя живую справедливость,
Молчать покаялся до самой мотилы.

В огне горел, перебивая пламя,
По духу оказался ровень с львами.
И все-таки я вышел закаленным —
В ладу с судьбой, и радость между нами.

Карлаг, 1952 г.

ПЕРВОМУ УЧИТЕЛЮ

Когда открыл впервые двери школы
И в жизнь вошел, робея, в первый раз,
На небосводе знаний, как на поле
Луной взошел учитель в светлый час.

Метался я беспечным жеребенком
И непонятен был судьбы язык.
Но чист душой, совсем еще ребенком
Пришел к тебе, чтоб познавать азы.

Мои мечты сплелись в пределах детства
И нет известной цели впереди.
Раскрыв глаза мои, чтоб оглядеться,
Ты наставлял, чтоб не упасть в пути.

Так в восемь лет я грамоте обучен,
Добро от зла пытался различать.
Ты завлекал на скалы, что покруче,
И обучил птенца орлом летать.

Твоими буквами сложил я слово «мама», -
Ты Родину, как мать, учил беречь,
Абая имя написал, кто с нами,
Чтоб мысли гения из словес извлечь...

Несипбек АЙТОВ

Каюму (Габдулкаюму) Мухамедханову

В поисках встречи

С годами все больше
и зримее скука:
Теряешь то брата,
то лучшего друга.
Когда приезжаем мы

в Семипалатинск,
Встречаем Каюма,
отринув разлуку.
Не думать о нем,
не искать невозможно.
Не встретишь - уедешь
пустым и порожним.
«Весь Семипалатинск
вместился в него», -
Так молвят и степь,
и родник придорожный.
Не прост наш Каюм –
то улыбчив, то грозен.
А мысли его,
как созревшие гроздьи.
Врубаясь в историю,
как рудокоп,
Находит и дарит
полезную россыпь.
Узнаешь о многом,
коль встретишься взглядом.
Невежду никак
не посадишь с ним рядом.
В Семипалатинске он –
академия.
Один он живет
своим личным подрядом.
Он – и музей, и архивы,
и школа.
Давно отдалился
от шумных застолий.
Один от столиц вдалеке,
как Абай,
Он в мыслях познал,
что такое раздолье.
О сложности жизни
я знаю отныне.
Подножке поддашься, -
исчезнешь в пучине.

Он был и в неволе
за крепкой решеткой,
В сибирских морозах
окреп, как мужчина.
Не дрогнул он там,
клеветою запружен.
Наукой силен,
бесконечно с ней дружен.
Ему эстафету
Мухтар передал.
Известно, как он
в том Семее всем нужен.
Мухтара он чтит,
как иные – пророка.
Вершит свои замыслы
к нужному сроку.
Каюм не сходил с самой
узкой тропы,
Хоть многих сбивали
с дороги и с толку.
С годами нажил
осторожность кулана.
И то, что упущено,
ноет, как рана.
В груди его, кажется,
есть еще слово,
Что в будущем
вырвется силой вулкана...

1988 г.

*Перевод с казахского
Мурата Султанбекова*

ПЕСНЬ ВЕЧНОЙ ЛЮБВИ

Поэма

Письма Халиме

На весь Алаш восславлю
Твою любовь ко мне.
В пример потомкам имя
Оповещу стране.

Великий итальянский поэт Франческо Петрарка ,назвав свою книгу «О жизни и смерти мадонны Лауры », написал ее в виде отдельных сонетов. А мои «Письма Халиме» приближены к белым стихам. Оба сочинения посвящены любимым женщинам. Конечно , я не могу себя приравнять к таланту Петрарки. Возможно , во сто крат, даже в тысячу раз мое творение слабее. Но могу вступить в спор в одном , что Халима ни на гран не уступает Лауре.

1

Тоска

Если судьба предсказала
Душу отдать в должный срок,
Хоть великаном шагаешь,
Гробик окажется впрок!

В жизни добро собирая,
Время упустишь свое.
Все здесь осталось, супруга,
Вкупе и сердце мое.

Раньше готовился к смерти:
Звал тот неведомый свет.
Все же меня оттесняя,
Прежде ушла ты на нет.

Скорбно, что души раздельны.
Вслед не ушел я едва.
Слезы меня одолели:
Их не доводят слова.

Если бы знал, что увидимся,
Вмиг я готов умереть.
Под руку взял бы в томленьи,
Чтобы, как в жизни, запеть.

Нет, не вернется то время.
Быстро промчались те дни.
Тихо заляжем в могиле
Общее бремя нести.

Там не копать в архивах,
В поисках по городам.
Будут покойники рядом,-
Зреть не дано это нам.

- Смерть не нагрянет с косою, -
Вслед за женой не стремись!-
Так завещала подруга,
Сетуя дальше на жизнь:

-Будь за двоих им опорой,
Детям, покуда слабы.
Сможешь догнать меня впору,
Не уходя от судьбы.

Только не сможешь отныне,
Встретившись, нежно обнять.
Благо, что дружно мы жили,
То, что дано, не отнять!..-

Голос любимой супруги
Прерван был властной судьбой.
Но сохранится навечно:
В жизни он будет со мной.

13.09.2001.

Вспоминая тебя, пребываю в тоске.
Преклоняюсь пред духом твоим ежечасно.
Заскучав, обнимаю тебя на холсте:
Я целую твой лик, что молчит безучастно.

Расставания с Тобой мне никак не понять.
Так и тянет к Тебе в эти снежные горы.
Как примчусь, припадаю к надгробной плите,
Обливаясь слезами великого горя.

Прихожу я к Тебе за неделю два раза:
Возлагаю живые цветы, непременно.
Отвернувшись, тайком от детей и внучат
Избавлюсь от слез пред собой откровенно.

Ты была для меня как целебный напиток,
Покрывая с умом все мои недостатки.
Наступила зима, скрыв могилу под снегом.
Замерзаешь, любовь моя, всуе, украдкой.

Сохраняла всегда благородную скромность:
Не носила браслетов, колец и сережек.
Обращаясь с детьми справедливо и нежно,
Слово «Мать» для Тебя было жизни дороже!

Так меня берегла и в душе обожала,
Чтоб ничуть не коснулось змеиное жало!
При болезни всегда устремлялась в палату,
Отгоняя свой сон, мое сердце спасала.

Взявшись за руку, всюду ходила со мною,
С юмором в дружбе, склонялась и к шутке.
Узнавали твой голос и по телефону,
Потому что была Ты к друзьям всегда чуткой!

Словно двойня-ягнята, вели себя смирно,
Чтоб никто не знал бы при встрече одышки.

Непреклонно отняв мою верную пару,
Так меня обуял горем горьким всевышний!

* * *

Была ты смышленней меня,
Скрывая свое превосходство.
Я рад, если рядом с тобой
Обрел хоть какое-то сходство.

Во Пскове, Москве, дальше в Бресте
Сидели подолгу в архивах.
Пятнадцать тетрадей заполнив,
Строчили пером мы на диво.

Когда же болезнь свалила,
Взялась за дежурство в палате.
В статьи превносила правки,
Сдавая все гранки в порядке.

Общительная с друзьями,
Родных моих Ты отыскала.
В душе было так спокойно,
Что млея от такого счастья.

В предчувствии смертного часа,
Обняв, не хотела расстаться.
Вселяла всю жизнь в меня радость,
Что с горем пришлось побрататься.

Никак не могу твоей смерти
Поверить, супруга, поныне.
Порою реву я тоскливо,
Как-будто в безводной пустыне.

Ушла потихоньку из жизни,
Чтоб не было долгой тревоги.
Но гнездышко свив в моем сердце,
Вселилась в меня, словно боги.

Ты в мыслях и в чувствах, во плоти
Осталась любимой навечно.
Повсюду со мной, как при жизни,
Хотя оказалась далече.

Была с добротой повсеместно:
Тянулись к тебе стар и млад.
Для блага родного народа
Вносила посильный свой вклад.

Бесшумно ведя себя в буднях,
Оставила Ты мне богатство:
Детей, даже внуков, правнучку,
Ценней того нет, коль признаться.

Лелея, взрастила Ты деток.
Теперь они – в жизни опора.
В груди у них милое сердце,
В тебе отстучавшее скоро.

Мы были с Тобой с уговором
Из жизни уйти в одночасье.
Тебя повстречать бы в том мире:
Не надо мне большего счастья.

Сама уговор тот отторгла.
-Живи, для детей будь подмогой,
В делах вдохновляя. - за двоих
Сказала с улыбкою строгой.

И вот я сижу среди потомков,
Совсем околдован заветом.
Живу без тебя, как наощупь,
Хоть зряч, ослепляем светом.

Всечасно томлюсь и скучаю,
Безвольно вздыхая, тоскую.
Судьбинушка так уж всеильна, -
Никак не приемлет другую.

Супруги уходят из мира,
Но раньше придется кому-то.
Удел по велению Бога
Туманом собою окутал.

23.12.2001.

3

При встрече даже на базаре,
Имея юмор через край,
- Здорово, Тетя Кыз Жибек¹, -
Зывал прилюдно Туманбай².

Как-будто злостный негодяй
Меня ножом полосовал,
На фотографии Тебя
Обняв, в слезах я тосковал

* * *

Как два ягненка-близнецы,
Как лебеди, мы были в паре.
Один остался вопреки,
Стеная в горестном ударе.

Как только вспомню, что скрывать,
Из глаз слезинки льются сами,
И прерывается дыхание,
Как-будто вновь прильнул устами.

29.12.2001.

4

**Сегодня двести двадцать второй день
проходит без Халимы.**

Ты телефонов номера
Друзей, родных, вплоть до вокзала,

¹ Кыз Жибек – (букв.) Шёлковая девушка (из народного эпоса).

² Известный казахский поэт Туманбай Молдагалиев.

Лекарствам цены всем на диво
Доподлинно на память знала.

Мы лишь к Тебе и обращались.
Когда такси нам вызвать надо.
Ты облегчала нашу участь.
Откликнувшись, моя отрада.

Поэтому между собою
Тебя «компьютером» прозвали.
Отсчет уму и трудолюбию
Всегда с тебя мы начинали.

Хожу один иной порою
По нашим улицам знакомым.
Блуждаю взглядом по асфальту,
Ища твои следы пред домом.

Скрывая слезы от прохожих,
Я отворачиваюсь сразу.
Порой тоскую неотступно,
Что от бессонницы нет спасу.

Ходили мы по жизни вместе,
Воркуя, шестьдесят три года.
Хоть нет тебя со мною рядом,
Отнюдь любовь не на исходе.

Как-будто Ты среди родимых,
Своей фигурой возвышаясь.
Я преклоняюсь пред Тобою,
Как пред Тенгри, моя святая!

Любовь неслыханна к умершей,
К живым всплывает это чувство.
Мне суждено прослыть в анналах
Таким вот рыцарем, хоть грустно!

05.03.2002.

Двести тридцать три дня

Известны впрок влюбленных пары:
Козы Корпеш с Баян прекрасной
И Толеген с Жибек премилой.
Их песни к нам не безучастны.

Запомнил мир Енлик-Кебека,
И Калкаман Мамыр достоин.
Но рано, не познав уюта,
Ушли из жизни с тяжким стоном.

Знать, нелегко таким быть вместе
И жить в любви под новой крышей.
Пришлось довольствоваться малым,
Таясь от тех, кто волком рыщет.

А мы с тобою тысячекратно
Счастливей их прожили вместе.
Теперь вполне осознаю я,
Что пронесли Любовь, как песню.

Найдется ли такой писатель,
Чтоб написать о нас с Тобой?
Я сам, как перекасти — поле,
Старик со светлой головой!

06.03.2002.

6

Двести сорок дней

Вот 240 дней отныне
Живу, Тебя лишь вспоминая.
Хоть бы раз увидеть облик
Желаю, участь проклиная.

О, Халима, предел мечтаний -
Руки твоей рукой коснуться.

За что мне в вечную разлуку,
Судьба дала так окунуться?

Скучаю по глазам лучистым,
Каких отнюдь не встречу больше.
Указ: «Живи, не умирая!»
Я сохраню как можно дольше.

А белозубая улыбка
Подолгу снится мне ночами.
Во сне лишь радуюсь порою.
Представь пред милыми очами.

С тобою, как малое дитя,
Я раззадоривался ловко.
Припомнив умный взгляд, тоскую
По рассудительным уловкам.

Добро Ты сеяла повсюду,
Что выворачивала душу.
Не забывая человечность,
Обет свой в жизни не нарушу.

Не раз от смерти избавляя.
Ты, как волшебница, спасала.
И, право, райскою усладой
Обитель нашу наполняла.

Твои советы и подсказки
Будили новые идеи.
Тогда казались ниже ростом
Меня подюже грамотей.

Ах, айналайын, Халима-ай!
Тоскую по душе и телу.
Весь изводясь слезами глухо,
Взываю к духу в самом деле.

23.03.2002.

Прошло двести дней, где раз сорок
 На кладбище ездил с поклоном
 Пристанище нет будто в мире,
 Душа рвется к горному склону.

К тебе, как к живой, устремляюсь
 Чтоб встретиться снова, как прежде.
 Но только обнявши могилку,
 Опять усомнился в надежде.

Склонившись, не слышу ни звука,-
 Как-будто, заснув, приумолкла
 И вновь убеждаюсь в реальном,
 Прижавшись к земле втихомолку.

Но грунт - это не одеяло, -
 С глубин не исходит ни звука.
 Опять я в своем одиночестве
 Ожил от сердечного стука.

Придя с Алматы я с цветами,
 К тебе возложил с умилением.
 И как наяву милый голос:
 - Взбодрись! – поддержал в то мгновенье.

Тебя представляя живую,
 С приветствием впрямь обратился:
 - Все дети живы и здоровы, -
 Поведал, чего я добился.

Как глас Кереку и Семья¹,
 Хантай² двух принес я приветы.
 Саки, соболезнуя тоже,
 Прислала слова – амулеты.

¹ Палодар и Семинпалатинск.

² Хантай Елубаева и Саки Бекбаева – подруги Халимы по детскому дому и интернату. Хантай Омарбаева – жена нашего друга.

От тех, кто нас чтит неизменно.
Которых мы впрочем не знали.
Принес от души пожелания.
Такую любовь мы снискали.

Сайын обратился по-братски,
Приехавший из Мангистау.
Обмерив твой вечный участок,
Задумал он купол поставить.

Надгробье стронтель воздвигнуть
Решил из актауского камня.
Среди облаков на Алатау
Возвысить обитель на память.

Теперь собирает он камни,
Нисколько себя не жалея.
«Козы Корпеш и Баян» сродни
Предстанет, ничуть не робея.

Тебя вспоминая повсюду,
Придется уйти мне из жизни.
Тогда и наступит то время
Для встречи на памятной тризне.

«Живые желаем вам Счастья!»-
Мы благословляя оттуда,
Лежать будем далее рядом,
Охвачены миром покуда.

В безмолвии доносится голос
Прислушайтесь к нашим заветам:
«Коль вы заскучали по старцам,
На горы взгляните ответно.

Обвит Алатау облаками,
Которым могли б поклониться.
Мы будем довольны, предвидя
Живых благородные лица.

Мы будем довольны, коль сами
Находитесь в полном согласии.
И если, отвергнув неприязнь,
Живете, сдружившись со Счастьем!

Любовь-это смысл всей жизни,
Что вы осознаете впрочем.
Влюбленные, мило сживаясь,
Совместно грустят и хохочат.

Когда ветерок с гор подует,
До вас донесется как отзвук
Наш голос, его воспримите,
Хоть он и невидим, как воздух!»

Припав я к могиле от грусти,
Витаю в неведомой дали.
Уж 240 дней как прошло,
А я нахожусь все в печали.

Родная моя, Халима-ау,-
Ты в жизни поныне опора.
А сердце, что Ты залатала,
Покамест стучит без укора.

Прощай, айналайын, до встречи
Приеду сюда очень скоро,
Не раз и не два, а частенько
До смерти для переговоров.

А после кончины по - праву
Я рядом смогу примоститься
Тогда не придется подолгу,
В тоске изнывая, молиться.

Могилу твою обнимаю!-
В сердцах произнес напоследок.
Готов, дорогая, навечно
Пойти за любимую следом!

23.03.2002

8

Храню в своем сейфе из желчи
Изъятые камешки тоже.
Я глажу их в горьком раздумье,
Тоску разгоняя, что гложет.

9

Двести сорок восемь дней

Оставшись без милой супруги.
Вдовцом коротаю я дни.
Прожившие восемь десятков
Рабам пред судьбою сродни.

31.03.2002

10

Томление

Дней двести пятьдесят проходят
С тех пор, как рядом нет Тебя.
Слетело счастье с изголовья,
И днем, как ночью, ознобя.

Живу, как-будто нет мне солнца, -
Живой, но смертная тоска.
Желанной нет на этом свете:
Жалею сам в себе вдовца.

Когда совместно мы ходили,
Считал себя счастливей всех.
Совместный смех друзьям на диво
Дороже был других утех.

Когда была со мною рядом,
Я жил в довольстве и добре,
Как тот степняк, который вдоволь
Развел скота в своем дворе.

И посещало вдохновенье,
Пожалуй, каждый день и час.
Детьми такими одарила,
Что поражаюсь я сейчас.

И наши, дети, собираясь,
За мной ухаживать спешат.
От добрых чувств такая благодать,
Как-будто вводят в летний сад.

Познал, что жизнь все ж преходяща,
Вдовцом оставшись на земле.
Мазар¹ воздвигнуть я мечтаю,
Чтоб он виднелся и во мгле!

Обожествлен сегодня доллар,
Что принялся его искать.
Письмо послал и Президенту,
Я призываю помогать!

Тихонько и министру все же
Посмел я "покрутить ушко".
Давным-давно лежат два тома,
Что вывести б на солнышко.

Коль мне стипендию всецело
Отдать укажет Президент,
Вложу ее опять в копилку
На твой надгробный монумент.

Не зная устали, с бумаги
Не сходит каждый день перо.
С Тобою мысленно встречаюсь,
Волнуюсь от душевных строк.

С улыбкой смотришь в кабинете
Ты с фотографии своей.

¹Мазар – надгробный памятник, гробница.

И милым взглядом озаренный,
Смотрю на снимок веселей!

На полках дороги мне книги,
Что Ты подписывала в дар.
Слежу за книжными шкафами,
Где рук твоих хранится жар.

А на обложке каждой папки
Знакомый почерк узнаю.
Так благосклонно и в в порядке
Оставила среду свою.

Приводят в трепет каталоги,
Что переписаны Тобой.
Автографов и фото сотни
Перебрала, о Боже мой!!!

Перебирать все те бумаги
Терпения хватило как?
Смогу ли выписать я толком
Заветный смысл из всех бумаг?!

Уж 250 дней проходят.
Как я остался без Тебя.
И каждый день от горькой думы
Все тяжелей уходит вспять.

Тобой взлелеянного сада
Плоды достались мне сполна.
Ты, одарив таким богатством,
Навечно милая одна!

Двести пятьдесят дней

Открыл твой гардероб сегодня,
Где есть души твоей следы.
Пересчитав в уме одежду,
Хотел порядок соблюсти.

Тебя представил в разной форме,
Когда ходили мы вдвоем.
Перебирая все наощупь,
Ушел в заботу целиком.

Из прошлого иные сцены
Пришли на память, ободрив.
Как наяву, у тех поездок
Мне вспоминался свой мотив.

Вот тот камзол, что дан в ауле,
В котором Ты росла с детьми.
Земля Абая провожала¹,
Безмерно радуя людьми.

В алтыбакан и с белой костью²
Играла ночью молодежь.
Вводя и нас, что беспрестанно
Вселяло радостную дрожь.

А утром в белокрылой юрте
Опять абайцы собрались. -
И продолжался той, ликуя,
Бурлил кумыс, что был искрист.

Здесь по обычаю пред всеми
Шакер³ с напутствием предстал.
Старик, раскрыв свои ладони,
Добра нам в жизни пожелал.

Когда из персональной юрты
Мы выходили с Халимой,
Растрогав, люди затанули
"Жар-жар", как паре молодой.

¹ В 1992 году, когда мне исполнилось 70 лет, мы ездили в родные места Халимы в Абайском районе бывшей Семипалатинской области.

² качели на шести шестах и белая кость – национальные игры.

³ Шакер Абенев – Народный акын.

Вот так Абайского района
Ты ощутила ритуал.
Была прощальная поездка,
О чем тогда я и не знал.

Теперь мне трудно добираться
В твои родимые края.
Чтоб, вновь с хребта Журекадыра
Любуясь, вспомнить и Тебя.

Смогу ли снова я увидеть
Твоих тех аульчан глаза?
Мне посетить бы хоть однажды
Там Карахан-аты¹ мазар!

В поездке той в Семипалатинск
Заехать тоже довелось,
Где в интернате средь подружек
Росла, не зная жизни врозь.

Придя к одиннадцатой школе,
Зашли в знакомый с детства двор.
Мы здесь подростками делились
Мечтой судьбе наперекор.

Прожив шесть лет в том интернате.
Что стал родным, как отчий дом.
Она хотела то гнездовье
Увидеть, вспомнив о былом.

... Вот здесь я, встретившись впервые
И стал знакомым с Халимой.
Сперва кивала лишь головкой,
Потом коснулся чуть рукой.

Припоминаю нежный трепет
При каждом слове с губ твоих.

¹Карахан – прадед Халимы.

Глаза с улыбкою премилой
Меня пленили в тот же миг.

Оставив мне слова надежды,
Ушла тихонько в интернат.
Слова твои, задорный голос
Звучали в сердце, как набат.

В тот раз, придя в свободе полной,
Ушел, попав в негласный плен.
Вот так в груди затрепетала
ЛЮБОВЬ, как пламя, в этот день!

И девять лет с огнем желанным
Не расставаясь, а горел.
Четыре года был на фронте,
С врагом сражаясь, не робел.

С фашистами мы бились смело,
Где выжил с мыслью о Тебе.
Ты вдалеке, а я пред боем.
С надеждой вверившись судьбе.

Мне приходили постоянно
По почте письма из Москвы.
Откуда вести присылала,
Отгородив от злой молвы.

А фото, к сердцу прижимая.
Хранил в кармане нагрудном.
Войну закончив, стали вместе,
О чем мечтали мы вдвоем!

Вдали нередко вспоминали
Крутые волны Иртыша.
Хотели так смотреть с обрыва,
Что изнывала вся душа.

С благоговением поклонились,
Приветствуя Иртыш родной.
Смотрела Ты прощальным взглядом
На мост с поникшей головой.

Рассматривая Чингистау,
Причесывался как всегда.
А Ты с оглядкой от Семеня
Не отрывала глаз тогда.

Камзол, подаренный в ауле,
Сидел, как сшитый на заказ.
Когда в шкафу его увидел,
Все это вспомнилось про нас.

08.04.2002

13

В том декабре тридцать восьмого,
Как помню, третьего числа.
Впервые Ты на горизонте
Звездой пожизненной взошла.

В глаза попав, как по тоннели,
Проникла в сердца глубину.
С тех пор ношу в груди бессменно
Мою любимую одну.

В июле двадцать седьмого,
В две тысячи первом году
На Алатау с Тобой проститься
Пришлось, что было на роду.

Я девять лет ходил влюбленным,
Чтоб пятьдесят лет быть с тобой.
Была Ты ангелом семейным
И воплощенной мечтой.

Твои фото повсюду дома,
Но только нет самой Тебя.
Всевышний в сердце милый облик
Определил нести, любя!

Тебя я помню днем и ночью,
Что не отходишь ни на миг.
Точь-в-точь, как в жизни, пред глазами
Мелькает твой прекрасный лик.

Не слышен твой приятный голос,
Всегда звучавший по уму.
Я вспоминаю взгляд умильный. —
Лекарство сердцу моему.

Тоскую по твоим повадкам,
По жестам рук, что хороши.
Как без Тебя живу на свете,
Храня терпение души?!

10.04.2002.

14

ВЗАИМНОСТЬ

О тех влюбленных в трех дастанах¹
Мы с детства знали наизусть.
Чего они добились в жизни,
Даря в наследство свою грусть?

Предельно мучаясь любовью,
Они познали только яд.
Совсем уж юными из жизни
Ушли, пополнив скорбный ряд.

Пробыли мы в любовном море
С тобой пѣлсотни с лишним лет.

¹ Народные поэмы о Толегене и Кыз Жибек. Козы Корпеше и Баян. Кебеке и Енлик.

Живя в согласии и благе,
Считали, что счастливей нет.

Порою думая об этом,
Слезу пускаю, Халима.
Мне успокоиться пристало,
Чтоб довести все до ума.

Живя со мною душа в душу,
Мне подарила пять детей.
Переноса все муки молча,
Звездой была судьбы моей.

В тот день, проснувшись ранним утром,
В блаженстве полном пребывал.
Больница не была и в мыслях,
Пока я в грезах возлежал.

Ты, ласково ко мне прижавшись,
Шептала: "Обними меня.
Коль есть в тебе остаток пыла,
Сегодня не жалей огня!".

Не приходилось видеть в жизни,
Чтоб нами властвовала плоть.
Во мне такое пробуждалось, -
Вдруг неуместное пороть.

Ты проявляла лишь взаимность,
Покорно следуя за мной.
Ты столько жертвовала снами,
Что с жалостью смотрел порой.

Ты сознавала неужели,
Что радость жизни отреклась,
И пожелала напоследок,
Чтоб память я хранил о нас?

А я не думал даже вовсе,
Помимо благодных минут,
Что Ты хотела мне на память
Оставить их навечно тут.

Все ж я, бедняга, склонный к шуткам,
Не прочь был даже поострить.
Но через шесть часов всего лишь
Пришлось на скорой проводить.

Врачи ответственно, бесспорно
Тебя в больницу увезли.
И вот опять один, тоскуя,
Остался, будто был вдали.

Ты на ногах переносила
Болезнь стойко много лет.
И все же печень доканала,
Душа моя, спасенья нет.

В реанимации подспудно
Лежала Ты тринадцать дней.
Я, ежедневно посещая,
Кружил с надеждою своей.

Но смерть безжалостно следила,
Лишь дав проститься мне с Тобой.
Как тот солдат, кто в муках плена.
Ушел я в горе с головой.

Уж двести пятьдесят и девять
Раз одиноко были дни.
Влачусь один я горемыкой,
Хоть в окружении родни.

11.04. 2002

Двести шестьдесят дней

Дней двести шестьдесят сегодня,
Как овладело горе мной.
Привыкнуть, Халима, не смог я
К беде, свалившейся горой.

Ночами, просыпаясь как-то,
Впустую я искал не раз.
Бывает, что, обняв подушку,
- Душа моя, - шептал подчас.

Твой жест последний как подарок
Я не забуду никогда,
Но что поделать, не догонишь,
Когда взлетела ввысь звезда.

Одну любовь храню я в мыслях.
Осознаю, что нет Тебя.
Та медсестра к нам приходила
И с пальца кровь взяла опять.

Твое тепло ношу на теле:
Не трогала ничья ладонь.
А медсестра - иное дело,
Других пугаю, как огонь.

Я проживу остаток жизни,
С твоей беседуя душой.
И все заветное твое лишь.
Что не достанется другой.

12.04. 2002

Одна казахская девушка

О Беатриче и Лауре
Лишь Данте с Петраркой дано спеть.
Не зная внутреннего пыла,
Пришлось им внешне обзреть.

Обеих сладкого угара
Не суждено в любви познать.
Ни дня, ни часа даже вместе
В обнимку не пришлось витать.

Им не дано взлететь к зениту
Обеспокоенной любви.
Поэты пели, внешне только
Их красотой себя обвив.

Какая польза от красавиц
Без ощущений близких тел?
Не приложив к груди ладони,
Вздыхать я вовсе не хотел.

Теряя самообладание,
Любимую как не обнять?
От перепада чувств привольных
Мог необъятное объять.

Душа пронизываясь в душу,
Преображались в цельный сплав.
Мы столько лет прожили вместе,
Единым духом свет познав!

О боже, истинно с любовью,
Облагородившею нас!
Пусть с красотой будет вместе
Любовь, встречаясь в добрый час!

Досталась мне любовь, какую
Не ведал Данте, изведаясь.
Все шестьдесят три года, Бог мой,
Не порывал со счастьем связь.

От Беатричи и Лауры
Все лучшее нашел в Тебе:
Характер, ум и даже внешность
Даны на счастье по судьбе.

С Тобой я, Халима, с Тобою,
А Ты — души моей звезда!
Не итальянка, а казашка
Поработила навсегда!

12.04. 2002

Расставшись с Халимою,
В восемьдесят я стал вдовцом.
Все снохи сильно уважают,
А сыновья здесь молодцом.

От дочерей хватает ласки
Подстать им также каждый зять.
Подробности их обихода
Нельзя словами передать.

Ата¹, ата, - зовут и внуки.
Не отступая ни на шаг.
Несут написанное мною
И на компьютер, и на факс.

Добром по-праву обсыпая,
Ко мне идут со всех сторон.
И поцелуями правнучки
С восторгом детским наделен.

Твое достоинство — все это,
Твои уроки, Халима.
Когда плоды я пожинаю,
От умиления без ума.

Коль в жизни Ты бы не любила
Меня от всей своей души,
Познал бы чувства так обильно
Детей, хоть вправду хороши?

Твоими и трудом, и лаской
Я стал внимателен ко всем.

¹Ата – дедушка.

Когда-то Ты не повстречалась,
Остался бы совсем ни с чем.

Как поздно понял я, подруга,
Что вовсе нет Тебе цены!
Молюсь пред духом, дорогая,
Хоть тем не искуплю вины.

12.04. 2002

18

Снова вспоминаю

Теперь я снова вспоминаю,
Как приезжали мы в Москву
И под опекой Казпостпредства¹
Восторг познали наяву.

Бывали мы на Главпочтамте,
Где Ты работала в войну.
И все места мы осмотрели
Блаженной памяти в плену.

С Тобой в Москве на главной почте
Встречались в юности своей.
Нашли, приветствуя, тот столик,
Где мы сидели среди друзей.

Отправив в дальнюю дорогу,
Не удержалась Ты от слез.
Как стол поглаживала с грустью,
Потом услышать привелось.

В Москве дела свои закончив,
В Подольск², отправились с Тобой,
Где, находясь примерно месяц,
В бумагах рылись день-деньской.

¹ Постоянное представительство Казахстана.

² Подольск – город под Москвой, где хранились архивы Министерства обороны СССР.

Там было много документов
О злключениях войны.
И строки о бригаде сотой¹
В тетради перенесены.

Ох, апырай², в военном пекле
Как только выжить удалось? —
И после этих слов, прижавшись,
Не удержалась вновь от слез.

Я все рассказывал украдкой
О жутких рейдах на войне.
А Ты записывала факты,
Предавшись склонности вдвойне.

Твои слова: "Давай запишем
Бойцов погибших имена.
Пусть о подвигах безвестных
Узнают люди, вся страна!"

И целый месяц переписку
Вела твоя рука с пером.
Там был Маншук листок наградный,
И Сулейменова³ притом.

В Великих Луках и во Пскове,
В Новосокольниках еще
Сражались истинно герои,
И Невель входит в этот счет.

Там воевали и Бимурзин,
И Ерназаров посреди,
Где и Баймолдин, и Баишев⁴
Как командиры впереди.

¹ Сотая бригада, сформированная в 1941 году в Алматы из 18-19 летних юношей и девушек.

² апырай – возглас удивления.

³ Ибрагим Сулейменов – прославленный стрелок сотой бригады.

⁴ Абдрахман Бимурзин и Мырзаби Ерназаров – герои бригады. Абилхаир Баймолдин – командир бригады.

Сактаган Баишев – заместитель командира.

Их заносила по порядку
В свои тетрадки, не спеша.
На пять романов ценных фактов
Ты набрала, моя душа.

Вот так мы, радуясь находкам,
Назад в Москву вернулись вновь.
Метро оставив, к Грибоедову¹
Пошли, к кому была любовь.

Твою ту помощь как могу я
На этом свете позабыть,
Ты в мыслях с крыльями как пери
Всегда, избранница судьбы.

Звала домой надежным тылом,
А рядом - крепость для ума.
Повсюду Ты была опорой,
О чем не ведала сама!

С Тобой пылал я, словно пламя,
Беря из жизни много благ.
Теперь, лишившись того жара,
Сгораю медленно, как шлак.

19

С кем могу сравнить?

Среди поэтов, чью супругу
С Тобою, милая, сравнить,
Красавицам, не раз воспетым,
Твою красу все ж не затмить.

Христину Гете можно разве?
Нет знаний, узок кругозор.

¹ Памятник А.С.Грибоедову перед метро на Чистотрудном бульваре. Помнится, в одном из писем на фронт Халима прямо писала: «Азиль, ты – мой Грибосдов!»

Не потому ли та бедняжка
Скончалась пьяницей в укор?

Тебя с дипломом института
Тянуло к знаниям всегда.
Отринув крепкие напитки,
Была веселой без труда.

Матильда Гейне между прочим?
Коль по начитанности брать.
Ничто из сочинений мужа
Не удосужилась читать.

А ты читала залпом книги,
Что были выпущены мной.
В процессе тонко обсуждая,
За них болела всей душой.

Редактор и корректор дома,
Бывала критиком подчас
И не вступая в спор излишне,
Поправки я вносил не раз.

Зачем Вольтер Эмилию
«Подобна божеству» назвал?
«Любя » его, с пятью мужьями
Устраивала карнавал.

Пятнадцать лет совместной жизни
Не удержали от измен.
В конце концов ушла из жизни,
Преобразившись в падший тлен.

В такую женщину влюбившись,
По сути не было жены.
Судьбой бездетного Вольтера
Мужчины все поражены.

А мы прожили сверх полсотни
Лет вместе дружною семьей.
Никто из тех творцов великих
При этом не чета со мной.

Да многим по перу собратьям,
Могу здесь смело заявить,
Не повезло, помимо быта,
Душою душу вдохновить.

Лишь только Ты в моих твореньях
Умело помогала мне.
Когда делилась своим взглядом,
Горел я в творческом огне.

Один, как-будто в полуслове
Прервали доброго певца.
К несчастью, нет твоей подмоги:
Обобран путник до конца

Кто, Халима, с тобой сравнится?
На целом свете нет такой.
Могу сравнить Тебя лишь только
На небе с солнцем и луной.

Могу сравнить еще с вершиной
Манящей ввысь земной горы.
В мое сознание приходишь
В таком кругу до сей поры.

Без всяких умыслов, догадок
Понятен был твой каждый жест.
Оставшись без такой супруги,
В печали жить придется здесь.

13.04. 2002.

Со слезами ухожу

Избегала разных сплетен,
Находясь сама собой.
Все премудрости уловок
Обходила стороной.

На того, кто стал ловчее,
Закрывала Ты глаза.
- Да ну вас! - махнув рукою.
От болтуний шла назад.

Хоть имела как-то зависть,
Сохраняла при себе.
Если были свои тайны,
Нет и речи о мольбе.

К детям относилась ровно.
Не кричала никогда.
Видя, что такая мама,
Обходила их беда.

Никого из них и в детстве
Не отшлепала ладонь.
Обходилась лишь словами,
Не пугая, как огонь.

Содержала все прилично:
И одежду, и еду.
За уроками следила,
Чтоб готовили в ладу.

Физику и алгебру
Просто знала назубок.
Повторя даже химию,
Ты использовала впрок.

Опыт в прошлом педагога
Кстати пригодился тут.
Четверо детей в порядке
Поступили в институт.

Ты к зятьям, как и к невесткам.
Относилась от души.
Заразившись твоим чувством,
Все отменно хороши.

Оделив их нужной долей,
Помогла им и с жильем.
Подсчитать твою заботу
Невозможно ни на чем.

Обихаживая внуков,
В них вносила знаний клад.
Знают так язык казахский.
Что ораторам подстать.

Поражаюсь я заслугам,
Что ума не приложу.
Поразмыслив на Кенсае,
Со слезами ухожу.

21

Двести шестьдесят пять дней

Скоро дней уж будет триста,
Как живу я без Тебя.
Снова нет во мне покоя,
Грустью сердце огрубя.

То я голову склоняю,
Чтобы выразить печаль.
То, как памятник, с любовью
Застываю, глядя вдаль.

Так и есть, на Алатау,
Словно памятник, стою.
"Вечная любовь!" — взываю
Про избранницу свою.

17.04.2002

22

Такою прелестью была?!

Не смог я вовремя вернуть
Перед Тобой долги сполна.
Ты даже памятью своей
Преображаешь, как весна.

Как только вспомню каждый шаг,
Тоскую, сидя сам с собой.
И только лишь склонюсь к листу,
Стихи польются чередой.

Такою прелестью была,
Что помогала всюду мне?!
И после смерти духом здесь,
Не оставляешь в стороне.

Воспевать свою жену
Незачем, только честь?!
Одолее ли хандра,
Если рядом дух твой есть?

18.04.2002

23

Двести семьдесят дней

Двести семьдесят уж дней
Я тоскую по Тебе.
Привыкая, Халима,
Покориться бы судьбе.

В сердце я ношу твой лик, -
Вот такая колыбель.
Не разбудит чувств никто,
Хоть в душе стоит метель.

Дважды мне Дихан сказал:
"Пожениться бы пора".
Прежде звал Дихан-баба¹,
Но как речь его остра?

Сердце-люлька мне дана
Поместить Тебя одну.
Пока зряч, смотрю фото.
Тронув тонкую струну.

Имя буду повторять.
Ощущая в жилах кровь.
Только Ты, узнав меня,
Подарила мне любовь.

Озабочен только тем,
Чтоб восславить всю Тебя:
Как супругу и как мать,
На вселенную трубя.

Постараюсь жить и жить,
С одиночеством борясь.
Пред кончиной обращусь:
"Халима!" в последний раз.

22.04.2002

24

Отчаяние

Ты была на белом свете
Лучшей среди матерей.

¹ Дихан-баба – (букв.) предок Дихан.. 95-летний Народный писатель Казахстана.

Ты несла, волнуя души,
Луч надежды для людей.

И умом, и шуткой в меру
В жизни светочем была.
И примером в каждом деле
Жилку доблести несла.

Я б сказал, что среди сверстниц
Только Ты была подстать.
О достоинствах заметных
Хорошо могла сказать.

Ты всегда моей болезни
Находила саму суть.
Оставляя одного
Без согласия моего,
Ранила сердечно в грудь.

От инфаркта шестикратно
Избавляла Ты меня.
Но сама ушла навечно,
Неожиданно рая.

При Тебе я веселился
И смеялся от души.
А сейчас никак не в силах
Боли в сердце заглушить!

Если Ты предстала рядом,
Излечила бы тотчас.
А я вот в густом тумане
Нахожусь в недобрый час!

25

Давали детям имена

Я вспоминаю, как с Тобою
Давали детям имена.

Чужих имен, как Жанна, Артур
Мы избегали, как огня

Жанар назвали первенца,
Что означает свет очей.
Вторую дочь Жаннат назвали,
Чтоб мы душой воспрjali с ней.

А сына нарекли Арнуром,
Как совесть общая он рос.
Само собой Жаннур - наш младший,
Как песня, ввысь наш дух вознес.

Восприняты с лихвой друзьями
Все эти наши имена.
"Вполне достойно!" — восклицали,
Что нам находчивость дана.

Придя домой, коль мы согласны,
С женой Шапау Музафар¹
Своих детей назвали также
Арнур, Жаннур, приняв как дар.

Жена и Галимжана² тоже
Произвела двух сыновей.
Поскольку были близнецами,
Арнур, Жаннур всех ближе ей.

Найти так имена удачно
Нам свyше, Халима, дано.
Имен Жанар, Жаннат отныне
У девушек полным-полно!

В двухтысячном году однажды,
Когда и Ты была жива,

¹ Супруги Алимбаевы. Музафар Алимбаев – Народный писатель Казахстана.

² Галимжан Макашев – журналист Павлодарской областной газеты «Кызыл ту» - «Красное знамя» (ныне «Сарыарка самалы» - «Ветер Сары-Арки».

Жанар подруженька Людмила¹
Не знала внука как назвать.

Остановилась на Арнуре,
Согласия испросив у нас.
Такая радость охватила:
Какой здесь может быть отказ!

На свет явился так Арнурчик,
Приняв подарочный пакет.
Ткала из пуха тубетейку
Отраде пухленькой в ответ.

Ночами, сплошь недосыпая,
Взрастила четверых детей.
С таким добром их воспитала,
Что честно служат для людей.

Все четверо. представ по кругу.
Благочестиво дарят свет.
Окрепли крылья, что мне с ними
Недосягаемого нет.

Я вижу в них твои повадки,
Твои любимые черты.
За мной такой уход устроив,
Волнует сердце, как мечты.

В глазах у каждого, взглядевшись,
Вновь нахожу знакомый взгляд.
Мне нравятся их шутки, юмор,
Поскольку схоже говорят.

Ах, Халима, моя супруга,
Уму несметному поклон:
Ты четверых дала в наследство,
Чтоб был покой со всех сторон!

24.04.2002.

¹ Людмила Алексеевна Катаева – преподаватель КазНУ им.Аль-Фараби.

Твой заветный гребешок,
Не девая никуда,
Сохраняю навсегда.
Все поступки налицо,
Не забуду никогда.
Справедливость берегла,
Что и я уберегу.
Все надежды на меня
Оправдаю на веку.
Да и верность лишь к Тебе,
Как святыню, берегу.
Развлечения презрев,
Как бывало, не бегу.
Все плохое я топчу,
Раздражаясь, как врагу.
Подлость наотрез отбив,
Не бываю с ней в долгу.
К чести с блеском серебра
Праведен, ничуть не лгу.
Дело мерзких ловкачей
Осуждаю, как могу.
"Будь наставником детей!" -
Завещала, уходя.
Помню это я всегда,
Как девиз, слова храню,
Повторяя иногда.
Ты мне снишься каждый день:
Вижу явственно во сне.
Просыпаясь от тоски,
Трепыхаясь, как в огне.
Возвышается кумбез,
Где есть место посреди.
Как наступит смертный час,
Встречусь с верностью в груди.
Попрощаюсь с Алматы,-
И в обители вдвоем

На предгорье Алатау
В бесконечность мы уйдем!

4.08.2002

27

Всему казахскому народу
Супруги имя возвестил.
Тебя прославлю я по свету
Во мне насколько хватит сил.

30.09. 2002

28

Шестьсот пять дней прошло с тех пор,
Как я остался без Тебя.
И все ж безжалостна судьба,
Что гложет душу, теребя.

Опять вот наступила ночь,
К постели подошел прилечь.
Печаль обуревала вновь,
Что сердца здесь не уберечь.

Все думы только о Тебе, -
И сон мой как рукой сняло.
Как- будто на морское дно,
За шестьдесят лет унесло.

В Москве в то время Ты жила,
А я на фронте был тогда.
При получении письма
Летал от счастья в никуда.

Однажды, получив фото,
Достиг макушкой до небес.
Смотрели милые глаза,
Проняв, как чудо из чудес.

Тебя хвалили все бойцы,
Джигиты грозной полосы.
Я представлял твой нежный,
Преградой став от пуль красы.
Я перед тем, как грянет бой
На фотографию смотрел.
И там, за огненной чертой,
Борясь за жизнь, с Тобой был смел.

С мечтой в груди я воевал,
Достиг победного конца.
На пятьдесят четыре зим
Теплом овеяла бойца.

Поныне сохранил фото,
Но все ж Тебя не уберег.
Как- будто с фронта я пишу,
Держа окрепшее перо.

Ах, не дойдут мои слова,
О чем жалею, осознав.
За полночь время, пред зарей
Глаза прикрою, задремав.

24.03. 2003.

29

С Тобою был я в райских кущах,
А без Тебя мне, как в аду, Халима!
Как Данте, Мильтон описали,
В "Потерянном раю" бреду, Халима!
Мы жили вместе душа в душу,
Познал я радостный уют, Халима!
Теперь так горесть обуяла,
Что птиц не слышу, хоть поют, Халима!

* * *

Ты мне оставила богатство:
Детей четыре, внуков пять.

Бывая врозь, а чаще - рядом,
Заботу сыпят, не объять.

Но по сравненью с их заботой
Дороже мимолетный взгляд,
Которым Ты с улыбкой кроткой
Умела мило одарять.

Твои манеры и твой голос
Храня, сгораю от тоски.
Но возвратить все то обратно
Совсем не в силах, не с руки.

"Моя бесценная!" - порою
Со вздохом я произношу.
Писать, читать и эти дети —
Три ценности в себе ношу.

Перо в руке держу я днями,
Тома листаю ввечеру.
На полки с книгами твоими,
Как на сокровище, смотрю.

Как в назидание молодежи,
На телевидение хожу.
И по радио выступаю,
На что я силы нахожу.

На вечерах бываю тоже, -
Маршрут мой: школа, институт.
И вспоминаю добрым словом
Тебя и наш совместный путь.

В пример я ставлю женский разум,
Как Ты находчивой была.
Потом иду домой довольный,
Вновь ощущая два крыла.

Но вознамерились иные
Меня за это осуждать.
Все ж не забуду я до смерти
Тебя как женщину и мать.
В работе нахожусь, как прежде,
Ни часа не найду порой.
Воздвигнув купол белый-белый,
Доволен я самим собой.

Узнали люди о кумбезе
В статьях с рисунком из газет.
Пусть тот, кто недоволен мною,
Жену так славит на весь свет!

24.03. 2003.

30

Здоровы, Халима, все дети наши,
Сияет солнце мирно над страной.
И Алматы, и Астана все краше,
А я о мире в думах день-деньской.

Заветный мир - народное богатство.
К нему стремятся люди на земле.
Опять нарушены и мир, и братство,
Когда Ирак растерзан в жуткой мгле.

Америка, где Буш сегодня правит,
Берет чужие страны на прицел.
Прикрывшись словом мести, не по-праву
Он для овец предстать серке¹ посмел.

И тот "серке", рога нацелив, страшен,
Что под бомбежкой рушит города.
Немало самолетов, с силой вражьей
Посеяв смерть, мобильны, без стыда.

¹серке – вожак отары.

Насторожились в мире мусульмане.
Как в море, взбудоражил их прибой.
Чудовищу подобно, как ни странно.
Всецело Буш погряз в крови людской.

Да в чем вина Ирака в этом мире.
Чтоб Буш его кошмаром обволок?
Крылов не показал в своей сатире.
Как обвинял ягненка сильный волк?

Та басня стала образцом в народе, -
Ссылались почитатели не раз.
Матерый волк, оправдываясь вроде,
Ответил злом не в бровь, а прямо в глаз:

"Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы все мне зла хотите.
И, если можете, то мне всегда вредите.
Но я с тобой за их разведуюсь грехи».

"Ах, я чем виноват?" - "Молчи! Устал я слушать
Досуг мне разбирать вины твоей, щенок!
Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать,
- Сказал и в темный лес Ягненка поволок».

Ирак сегодня стал таким ягненком.
Свирепый Буш, все правила презрев,
Прекинулся безвинным вороненком.
Чтоб высосать, как кровь, чужую нефть.

Не по себе мне стало от захвата,
Не только я, а содрогнулся мир.
И о таком разбое супостата
Заполнены газеты и эфир.

И я в газету написал об этом,
Ссылаясь на мыслителя слова.
Но не поспоришь с вышедшей газетой,
Где сократили, ущемив права.

Как фронтовик, я не склонюсь пред силой,
Разгрому не намерен потакать.
Но понимаю кротких журналистов
Что надо и себя оберегать.

Поэтому я не виню их вовсе,
Хоть ненавистью и они полны.
Желают, чтобы в диком парадоксе
Осколки не были и к нам занесены.

Союзники – мои американцы,
Мы к смерти Гитлера все ж привели.
Боюсь, что молодые новобранцы.
О том не зная, глубоко зашли.

Отечество от гнета избавляя,
Мы, Халима, войну прошли с Тобой.
Младенец даже вторит, умоляя:
«Спаси, господь, от третьей мировой!»

24.03.2003

31

Я с тобой веду беседу,
Довожу свою печаль.
Может, кто-то посмеется,
Не поняв меня, а жаль.

Халима, Ты мне дороже
Тех друзей, в ком нет души.
Развелось их несусветно,
Кто в измене за гроши!

25.03.2003

32

Тебе приписывают счастье,
Завидуя твоей судьбе.
И млад, и стар, но нет им дела,
Что снова грежу я в мольбе, Халима!

Я сокрушаюсь часто все же,
Что счастье не принес вполне,
Что благ земных не дал, как надо,
Поскольку не был на коне, Халима!

Насколько мне хватало силы.
Я обихаживал Тебя.
Но вот курортом ежегодно
Не обеспечил, так любя, Халима!

На это благо, как ни печально,
Не позволял мой низкий чин.
Да по инстанциям мотаться
Не мог свободно сам один, Халима!

Обком¹ не жаловал в ту пору
Корреспондентов всех мастей.
Мы не могли достать путевки,
Хоть были чтимы среди людей, Халима!

Но если б мне досталось кресло,
Была бы няня при Тебе.
Моих сотрудников, коль надо,
Сзывала б, словно по трубе, Халима!

К Тебе такое не пристало, -
Кого-то где-то унижать.
Хоть кто-то золото протянет,
Не стала бы Ты в руки брать, Халима!

Тебе завидовать не впору
Роскошным шубам знатных жен.
Удел своим трудом добиться, -
Знать, на роду определен, Халима!

¹Областной комитет Компартии Казахстана, в чьем ведении как собственный корреспондент газеты «Социалистик Казахстан» по Павлодарской области я находился.

Пришлось мне разъезжать в машине,
Когда начальником ¹ я стал.
Но ничего себе не сделал,
А лишь работой загружал, Халима!

Я предлагал Тебе однажды
В машине съездить на базар.
Но Ты пошла, качнув головкой,
Пешком на ближний тротуар, Халима!

Стремилась вместе со всем людом
Попасть в автобус городской. —
Удобно это мне, - шутила.
Ты мне запомнилась такой.

Всегда лишь обо мне заботясь,
И днем, и ночью берегла.
- Не надо мне твоей машины,
Не раз обмолвилась без зла, Халима!

- Не будет повода для сплетен!
Предупреждала Ты меня.
Могла заранее предвидеть
Очаг нелепого вранья, Халима!

Так много без меня трудилась,
Как-будто Ты - моя раба.
А я ходил, ступая гордо,
Что нынче каюсь про себя, Халима!

Ты для меня была светилом,
Что ободряет дух с небес.
Награды все прошли бы мимо,
Не будь Тебя, скажу как есть, Халима!

Достойная научных званий,
Была бы доктором наук.

¹ Упоминаю некоторое время, когда я был заместителем редактора газеты «Социалистик Казахстан» и главным редактором газеты «Казак адебиети». В ту пору женам руководящих лиц не разрешалось ездить в их машинах.

Я просто долго размышляю,
Чтоб скрасить горесть тяжких мук, Халима!

Иные говорят, что счастье
Принес Тебе желанный брак.
А я вот мучаюсь порою,
Что проявлялось все не так, Халима!

Переживаю от укора,
Что счастье не принес вполне.
Ушло упущенное время,
Лишь вижу облик твой в окне, Халима!

30.03. 2003.

33

Вспоминаю, что было,
В те последние дни.
Догорающей лампой
Впились в память они.

Часто-часто ложилась
Даже днем, утомясь.
Чай сама подавала,
Лишних сплетен боясь.

Иногда уставала,
Что не в силах привстать.
Приходили иные,
Чтоб автографы брать.

Подошел как-то ближе
И увидел в глазах
Серебристые капли,
Что и вызвало страх

- Почему прослезилась? –
Я спросил между тем.
И, целуя по щекам,
Удручился совсем.

Ты тихонько сказала,
Глажа руку рукой:
-Так судьба благосклонна,
Встретив в жизни с тобой.

Мне до самой кончины
Надо бы помогать.
О тебе днем и ночью
Я могла хлопотать.

А теперь бесполезно
Вот лежу пред тобой.
Переписку оставив,
Корректуру - пустой.

У тебя бумаг много, -
Обойтись нелегко.
Будто снова в разлуке,
Нахожусь далеко. -

Поделившись печалью,
Дала волю слезам.
Я шептал: "Успокойся,
Айналайын, справлюсь сам!".

Своей легкой рукою
Ты любила писать.
От любой перебранки
Успевала спасать.

Дастархан расстилала,
Встретив уйму гостей.
Старики удивлялись,
Оглядев круг друзей.

Я с такою супругой
Овладел сонмом благ.
Жизнь продолжила снова,
Отгнав мой инфаркт.

Без Тебя не достиг бы
Этих званий, наград.
Нипочем мне с Тобою
Никакой супостат
Больше, душенька, в жизни
Что я мог пожелать?!
Умоляю, отныне
Перестань изнывать.

После слов откровенных
Обнимал, целовал.
От твоей той улыбки,
Ах, как счастье познал!

- Отчего эти слезы,
Я скажу, не тая.
Так обидно, что гости
Сожалеют, придя.

Если мне бы чуть силы,
То поставила чай.
Как хочу, чтобы с ними
Смех твой вместе звучал! —

Голос твой так печально
Произнес между тем:
- Мои мольбы до Бога
Не доходят совсем!

Занимайся ты делом,
На меня не смотри. —
Снова руку погладив,
Задыхалась внутри.

Даже гладила спину,
Указав кабинет.
Я запомнил тот облик,
Излучающий свет.

Твой указ не забуду,
Халима, полюбя.
Я сажусь за работу,
Помня только Тебя
Ты была со мной рядом,
Дух вселяя перу.
Без Тебя даже утром
Дремлет, как ввечеру.

У забытой машинки
Рукописи лежат.
В нераскрытых конвертах
Письма глухо молчат.

Хоть иные открою,
Не могу дать ответ.
Без Тебя так страдаю,
Что и книг новых нет.

Я Тебе подражая,
Утром рано встаю.
Если кто и заглянет,
Лишь конфеты даю.

Чай поставить не в силах,
Нету хватки на газ.
О крючке забываю,
Дверь оставив подчас.

Халима дорогая,
Не приемлю беду, -
И в преддверии мая
Вновь на встречу приду.

В мае месяце дважды
Я Тебя посетую.
Девять, десять¹ - те числа,
Коиx не пропущу.

¹ День Победы и день рождения Халимы.

Помнят их наши дети,
Свято чтут эти дни.
Молодыми когда-то
Были мы, как они!

В женский праздник, что в марте,
Я в мазаре сидел.
Как коран, из Абая
Твои строки отпел.

А потом только память
Будоражила вспять.
Ты приносишь нам радость,
Как начнем вспоминать!

02.04. 2003.

34

Ты в последние те годы
Стала больше все болеть.
- Полежала бы в больнице, -
Молвил я, чтоб усмотреть.

Говорить об этом трудно
Было каждый раз с Тобой.
Нет! - качала головою,
Отходя сама собой.

- Полечиться бы немного, -
Обратился как-то вновь.
- Кто ухаживать? - и слезы
Пролила, волнуя кровь.-

Кто тебя кормить три раза
Будет каждый день подряд?
За тобой, как я, присмотрит,
Уловив твой каждый взгляд? —

Не хотела лечь в больницу
По причине той простой.
И тогда вдруг мысль однажды
Овладела головой.

Я сказал: "Давай-ка вместе
Ляжем на стационар.
Там уход и пища будут,
И поправка нам, как дар.

Там отринут все пробежки
На базар и в магазин:
Повседневные заботы
Тяжелей из всех причин.

Полчившись в двух палатах,
Станет вместе хорошо.
Ежечасно будут встречи.
Что здесь надобно еще?

Прежде из своей больницы
Ты звонила трижды в день.
Беспокоилась все время,
Что другой подумать лень.

И всегда с одним вопросом:
- Голодал ли без меня? —
А о детях постоянно:
- Как они и как семья? —

Если будем вместе, рядом,
Обретешь в душе покой.
И с лекарствами на пользу
Полегчает нам с Тобой.

В этом Ты со мной согласна?
Дай мне руку, - я сказал. —
Айналайын, будь солидарна,
Чтоб в восторге запылал! —

На мольбу мою такую
Улыбнулась Ты в ответ:
—Что ж, вопрос не в пище даже:
Я согласна, спору нет. —

Вот таким своим манером
Мы лечились и не раз.
Почему судьба лихая
Отвернулась в этот час?

В год последний почему-то
Ты в больницу ни ногой.
—Надоели процедуры:
Нет подвижки никакой! —

С этой тихой отговоркой
Залегла совсем пластом.
Приготовив пищу трижды,
Приздумалась притом.

Оказать хотел я помощь,
Что отвергла Ты совсем.
Не присев ни на минуту,
Ты смотрела, как я ем.

А потом, чтоб пустошь скрасить,
Рядом села за столом.
Вместе встала и взглянула
На постель, что под окном.

Придержав Тебя подмышкой,
Я до места проводил
И подал учтиво книгу,
Что читала, хоть нет сил.

С подозреньем превеликим
Я смотрел, как Ты легла.
Про себя твердил: "Что станет?"
Словно знал, что тянет мгла.

Так, душа моя, негласно
Ты ушла в безвестный край.
А меня объяло горе,
Хоть придешь в самый рай.

В одиночестве чурбаном
Я остался в тупике.
Без Тебя мне нет довольства
В этом мире вдалеке.

Предоставили все дети:
Их заботой окружен.
Но Тебя ищу повсюду,
Видя дух со всех сторон!

03.04.2003

35

Ты помнишь, как в Семипалатинск
Поехал в далеком году?
На тое акына Кобдикова¹
И я был в почетном ряду.

В Аягозе, остановившись,
Рассказывал и о Тебе.
Охотно прислушались люди,
Сочувствуя трудной судьбе.

Потом одна женщина вскоре
К нам в дом прямым прибыла.
Средь тех дорогих провожатых,
Как поняли, вместе была.

В голодных тридцатых постарше
Сестра так попала в детдом.
Сама, находясь где придется.
Едва распростилась со злом.

¹Толеу Кобдиков (1874-1954) – Народный акын Казахстана, столетний юбилей которого проводился в Шубартуском районе бывшей Семипалатинской области

Спросила с умильной надеждой:
- Не Вы ли родная сестра? -
Узнала, что Ты ей чужая
И в горе была до утра.

А Ты снарядила ей платье,
Набросив на плечи камзол.
Снабдила билетом на поезд,
Чтоб чуть отвратить произвол.

Два дня пребывая как гостя,
Уехала с грустью домой.
С Тобой не могло быть иначе,
Поскольку Ты стала родной.

Тот давний волнующий случай
Откуда в сознании всплыл?
Здесь чудо от телеэкрана,
Когда как на крыльях я взмыл.

В пылу своих воспоминаний
Пришел тогда на "Акжунис"¹.
Родных находя по "Хабару",
Смогли люди снова сойтись.

Звонил незнакомый мне зритель
И голосом с дрожью спросил:
Мне про Халиму уточните,
Не там родилась, где я жил?

Попала в детдом алматинский
Когда-то родная сестра.
Из виду упущена вскоре,
Как съехала та детвора.

Здесь отчество сходится прямо
Да имя такое у ней.

¹Программа агентства «Хабар» казахского телевидения.

Всю ночь мне сестра представлялась,
Которой нет в мире родней.

Окажется если сестрою,
Тотчас поклониться приду.
Кумбез дорогой обнимая,
Хотя б поцелую плиту! –

Такими словами мужчина
Дрожащий свой голос прервал
И горестный вздох незнакомца
Печалью меня обуял.

Простите, ага¹, – и он бросил
Безвинную трубку свою.
Невольно припомнив былое,
О мире и благе молю.

В мгновенье нежданно при этом
Та женщина вспомнилась мне.
В сердцах вызывая свой отклик,
Судьба так объемна извне.

Потом позвонил домой также
Со студии брат Кусанбек² :
– О вас кто-то осведомился,
Настойчивым был человек.

Он тоже сестру ищет впрочем.
Потерянную в жуткий год.
Услышал рассказ по "Хабару"
Про голод, что брал в оборот.

И если сестра все ж найдется,
Которую зритель искал.
Мы снова хотели б с экрана
Поведать о том в свой канал.-

¹ага – старший брат.

²Бейбит Кусанбек – заведующий отделом Казахского телевидения.

Я, все объяснив досконально,
Бейбита' поблагодарил.
Так снова пришло мне на память
Все то, что не раз пережил.

Готовлю я книгу к печати,
Название есть "ХАЛИМА".
Тебе посвящу все, покуда
Возможность ношу для письма!

03.04. 2003.

36

Когда сегодня шкаф открыл
Увидел книгу "Консуэло"¹ .
Я этой книгой дорожу,
Поскольку Ты иметь хотела.

Два тома я к груди прижал
И долго простоял в раздумье.
Не заметил я и сам,
Как простоял в слезах угрюмо.

Как- будто в поисках листал
Страницы книги сам собою.
И не найдя там ничего,
Поник уныло головою.

А дело здесь лишь только в том,
Что эту книгу Ты держала.
И потому, волнуясь так,
Я гладил, что душа дрожала.

...Припомнил, как в сорок седьмом
Году с Тобою поженились.
Чтоб обстановку создавать,
Мы вещи собирать стремились.

¹ «Консуэло» - известный роман французской писательницы Жорж Санд (Авроры Дюпен) (1804-1876). Главная героиня романа – Консуэло – испанка по национальности, получила итальянское воспитание и вела цыганский образ жизни. Этот роман про удивительную певицу Халима читала с большим интересом. Позже, разыскивая специально, нашла продолжение романа «Графиня Рудольштад и тоже прочитала.

Стояла пред портретом рюмка. –
Плескалось в ней твое вино.
Тебя назвав, благие гости
Нас поздравляли заодно.

Волнение было беспредельно,
Что обращался как к живой,
И наши гости, расставаясь,
Вино делили рюмки той.

Портрет поглаживали жены
Со словом нежным "апатай!"
То было лучшее лекарство,
Когда есть радость через край!

06.04.2003

38

Не скинуть восемьдесят лет.
Волос на темени просвет.
Тебя припомнив плачу вновь:
Слезам в глазах преграды нет.

Я в шестьдесят и пятьдесят
Ходил как- будто налегке.
И эти взрослые года
Остались впрочем вдалеке.

"Крепись, мужайся!" - говорю
И все ж не верю сам себе.
Лишь дети - мне источник сил, -
Живу за здоровье их в мольбе.

Я их, как ценность, берегу,
Считая счастьем на земле.
Они, как золото, Тобой
Накоплены за много лет.

Они мне скопом помогли
Поднять, возвысив, твой кумбез.
Тот белый храм, что на горе,
Увидят тысячи окрест.

Все те писали много раз.
Кому известно про любовь.
Козы Корпешем и Баян
Прозвали нас с Тобою вновь.

- Похож на памятник любви
На всем Кенсае ваш кумбез, -
Так отозвался и министр.
Кому чужда иная лесть!

10.04.2003

39

Как счастлив тот, кто ходит рядом
С навечно суженой своей.
Скажу Тебе такую новость,
С которой поделюсь скорей.

И Президент читал ту книгу,
Что смог назвать я "Халима".
В твоём характере при этом
Познал черты, как вся сама.

Не знал, что сможет величаво
И Президента взволновать!
Иначе он, отмерив время,
Письмо не смог бы написать.

Он написал своей рукою:
- Уверен, станет образцом
Такая дивная легенда
Для тех, кто вышел в нас лицом! -

В такой восторг письмо то ввергло,
Что молодец я на глазах!
С Тобою встретился со взглядом,
Как в жизни, с песней на устах.

Ходил часами, словно пьяный,
Как- будто вдоволь пил вино.
Сомнений груз сменил на радость:
Не знал такую честь давно.

Как здесь не радоваться вместе,
Коль Президент подал урок.
Я представлял, как на бумаге
Слагал слова своим пером.

Я рад за то, что взволновали
Твои гуманные дела.
Они внимания достойны,
Поскольку праведно жила.

Доволен тем, что свято имя.
Как возвестил на всю страну.
А благодарность Президенту
Остатком жизни возвращу.

Всецело по Тебе тоскую,
Вот так и радость познаю.
Бываю в школах, где на встречах
Всю нашу жизнь передаю.

По радио интервью бывает,
И на экране речь держу.
Все это долгом пред народом
И молодежью нахожу.

Пишу в газеты по заказу
Воспоминания свои.
Друзей погибших было много:
Прошли жестокие бои.

Тебе все это излагаю.
Никак иначе не могу.
Наступит и мое то время,
Когда совсем придти смогу.

Но до того, пока есть силы,
Стране своей я потружусь.
Потом, взлетев душою в небо,
С Тобой опять, любя, сойдуся.

11-12.04. 2003.

40

В юности далекой
Расцвела цветком.
В старости такую
Ты была притом. Халима!

Встретишь негодяя. -
Холодна, как лед.
И скалой бывала.
Если льстец придет. Халима!

Благость принимала
От иных людей.
Сразу различала
Недругов, друзей. Халима!

Отвергая сплетни.
Берегла себя.
Золотое благо
Не влекло Тебя. Халима!

Добрая к сиротам.
Долг смогла отдать.
Распознав, что будет. -
Дело предсказать. Халима!

Разум отличался
Тонкостью чутья.
Сроду не пугала
Трудность бытия, Халима!

Избегала ссоры,
В дружбе — благодать.
Не могла не к месту
Просто хохотать, Халима!

Иногда Ты в шутку
Поострить могла, -
И меня по жизни
Мудростью вела, Халима!

Не приемля лести,
Отгоняла прочь.
И Тебя богатство
Хмурило, как ночь, Халима!

Не в твоей манере
Время отнимать.
Научилась дельно
Мысли отвлекать, Халима!

Вырвав драгоценность,
Дальше жизнь течет.
Скорбь в немилость ввергла,
Без Тебя проймет, Халима!

12.04. 2003.

41

Все забудется вскоре:
Пыл восторга и мук.
Но услада любимой
Есть в объятиях рук.

За тебя всей душою
Встать могла, как броня.
Прилагая все силы,
Берегла от огня.

Если ты заболеешь,
То лечилась с тобой.
Пред наплывом злословий
Представала горой.

Озабочена мужем.
Как любимым дитя.
Согревала сердечком.
Когда надо, шутя.

Халима дорогая,
Ты была мне женой.
С кем легко было в небо
Взмыть под верной рукой.

При Тебе, золотая,
Был ли хуже кого?
Но зачем отрядила
Жить меня одного?

Принимаю неволью
Участь эту Судьбы.
Хоть ничуть я не лучше
Отгудевшей трубы.

Выполняя заветы,
Понемногу хожу.
Утихая вне дома,
Здесь я часто жужжу.

Иногда, как ни странно,
Отругаю детей.
Как, себя пересилив,
Стать для них подобрей?!

Дочки все ж безупречены,
Парни водочку пьют.
Алкашей как увижу,
Так нервишки сдают.

Чтоб такими не стали,
Бога ради молю.
В день, когда выпивают,
Сам собою скорблю.

Коль обходят спиртное,
Нет вины никакой.
Их успехи мне в радость:
Каждый – сам деловой.

Если пьянство начнется,
Выхожу из себя.
Коль бывает раз в месяц,
Соглашаюсь, любя.

- Будь при чести. - сказала, -
Воротник в чистоте.
Повода не давая
Никому срамоте!

Приведешь молодую. -
Сам сгоришь в том огне.
Целоваться лишь с тенью
Будешь, словно во сне.

Ни один среди старших
Блага в том не познал.
Подражая подобным,
Как бы в срам не попал.

Оставайся примером,
Сохрани чистоту.
Увидав мое фото,
Вспомни любо чету.

Но не плачь, вспоминая,
Чтоб не вызвать тем смех.
Сохраняй свое горе
При себе и при всех. -

Таковы те заветы,
Что храню как могу.
Пред любовью извечной
Новой песней в долгу!

Женщину заприметить
Может много мучжин.
Но в заветное царство
Унесен лишь один.

Полюбили друг друга,
Вместе гласно прожив.
Закатилась, как Солнце,
Чувств потоком пролив!

У любви нет предела:
Прибавляет мне сил.
Твое имя при сердце,
Сколько б я не прожил.

Жизнь полна интереса. -
Мнится в ней огонек.
Без любимой супруги
Счастья нет с ногтей!

Радость, клад и богатство —
Вся их сущность в жене!
Отмотав восемьдесят,
Убедился вполне.

Воротник мой отменный,
Не сгибаясь, хожу.
Рапортую по-воински,
В чем покой нахожу.

Вдаль такую сержанта
Прозвучит голос мой?
Хоть по званию старше,
Честь отдал ей рукой!

16.04. 2003.

42

Пробирает нелегко
Обожание человека.
Труд не виден, хоть весом.
Повелось уж так из века.

Как открыл я гардероб,
Мысль такая обуяла.
И воспрянул духом вдруг
Словно рядом Ты стояла.

Начал гладить джемпер свой.
Что для мужа Ты соткала.
И былое представлял,
Как с газетой дед, вникая.

Ты связала эту вещь
В том Подольске, где в архиве
Перепиской занялись
И упорно, и учтиво.

Луцев¹ - лучший генерал
Тайники открыл пред нами,
Словно мы в осенний сад
С фруктами попали сами.

Дня сражений на войне
Пред глазами замелькали.
Цифры в горестном ряду
Овцами гуртом предстали.

¹Н.И.Луцев – генерал-майор, начальник военного архива.

О бригаде сотой много
И дивизиях других
Мы собрали материалов,
Как основу новых книг.

Каирбаев и Баукен¹,
Алия, Маншук и Малик,
Наградные их листы
Записав, мы все узнали.

В тех бумагах я искал
Маршалов и генералов.
Как Панфилов, Чистяков
Тех героев воспитали.

Повстречался и комфронта —
Рокоссовский удалой.
Даже Жукова приказы
Появились предо мной.

Днем, усаживаясь рядом,
Мы писали без конца.
Вечером, уйдя с архива,
Отметали пот с лица.

Я в гостинице, разлегшись,
Книги разные читал.
Ты, присев на том диване,
Джемпер ткала, что искал.

Вот и время пролетело:
Целый месяц, рад весьма.
Я Тобою был доволен. -
Ты, как ангел, Халима.

Обнимая и целуя,
Я сказал Тебе: «Рахмет!

¹Бауыржан Момышулы. Махмет Каирбаев. Алия Молдагулова. Маншук Маметова и Малик Габдуллин - Герои Советского Союза

Джемпера сего дороже
Ничего на свете нет».

У Тебя была идея,
Зародилась эта мысль:
- Мы собирали здесь богатство,
Где отсутствует корысть.

Сохраняя наш обычай,
Надо отблагодарить.
Есть чапан для генерала
И камзол, чтоб подарить.

В люкс жилой в Постпредстве нашем
В гости следует позвать.
Надо нам закончить дело
Благородно, так сказать.

Пусть достойные супруги
Обретут добро в ответ:
Одеянием казахским
В них сердцах оставим след.

Мы так правильно поступим? —
Улыбающийся взгляд.
Как додумалась, родная,
Не прибавить, не отнять!

Мы, придя в московский люкс,
Наши блюда сотворили,
Что казахский бесбармак
«Чудо-блюдом» окрестили.

Гость желанный Николай
Луцев с милой генеральшей
Наши почестям тогда
Бесконечно были рады.

Песни пели от души:
Удалось блеснуть талантом.
Удивился генерал,
Что была в войну сержантом.

Вмиг вскочив из-за стола,
За руку схватил, целуя.
И его жена, обняв,
Восхищалась, нас волнуя.

Только той поре своей
Не могла придать значения,
О Маншук и Алие
Говорила с восхищением.

- А я просто здесь, в Москве,
С письмами была, как цензор.
И гордиться мне ничем,
Хоть на то и нет претензий.-

Говоря о службе так,
Ты всегда бывала скромной.
Но на самом деле кто
В жизни знает, что весомо?!

Привязавшись, износил
Облюбованный твой джемпер.
Не хотел я дольше жить
Без Тебя в унылом темпе.

Может быть, еще живу,
Чтоб предать дела огласке.
Скромным людям суждено
Уносить с собой, как в сказке.

16.04. 2003.

Освободили город Брест
Мы от фашистов наглых
И вышел прямо к реке Буг, -
Граница перед нами.

«Мы» - это наша Первая
Стрелковая дивизия.
Отбили Крепость мы едва, -
Возложенная миссия.

Там не на жизнь, а насмерть все
Сражались, что почетно.
Но потеряли все ж троих
Из моего расчета.

Четыре дня крушить пришлось,
Использував все силы.
Измотанные, наконец,
Мы Крепость захватили.

В дивизионе из бойцов
До сорока в наградах, -
И орден «Слава» наш комдив
Мне прикрепил, как надо.

С тех пор прошло уж сорок лет,
И снова в Брест попали.
Вдвоем, немало дней пробыв,
Мы сведений собрали.

В той Крепости большой музей
Аулом нам казался.
Среди защитников нашли
Мы множество казахов.

Там перед самою войной
Три тысячи их было.

И командиры с Алатау
Героями прослыли.

Известны стали имена:
Поступками гордишься.
При обороне Крепости
Здесь не было затишья.

Актангалиев Зейнолла!
Шакерт наш Омирханов!
В меня вселился и восторг.
Признав в них аульчанов.

Пред нами были списки тех,
Кто пал тогда при Бресте.
Узная об их такой судьбе,
Переживали вместе.

Спросила: «Этот вот боец
Калидоллы ли папа?!»
Не удержав себя, твердил:
- Да, да, не надо плакать. -

Смахнула капли Ты с лица
Рукою незаметно.
Слезинки эти и меня
Расстроили конкретно.

Мне Зейнолла близок был
По нашей родословной.
Водил комбайн он порой.
Но тракторист в основе.

Его призвали пред войной
На службу по повестке.
Парней за запад увезли,
Что оказался в Бресте.

Когда уехал Зейнолла,
Ребенку было годик.
Ревела тетя Токтасын¹
Судьбу предвидя вроде.

Грозю пронеслась война,
Выходят замуж вдовы.
Растила бабка сироту,
Хлебнувши горя вдоволь.

Калидоллы ребенок рос
И был он семилетним,
Когда Ты, прибыв из Москвы,
Осталась неприметно.

Мы в Акбузау пришли пешком:
Жилось тогда всем трудно.
Обычай сохраняя. Ты
Всем кланялась прилюдно.

Невестку встретив, женщины
Бросали в нас шашу.
«А твой шутливый голосок
Их поразил чуть-чуть. —

- Ты значит помнишь те слова,
Что я сказал так крепко?
Ей расшибете голову?! -
Вскричал, махая кепкой.

Те женщины, оторопев,
Взглянули удивленно.
Но вскоре, снова зашумев,
Ввели в избу влюбленных.

Вошли мы в дом, где нет давно
Родителей в помине.

¹Это была мать Зейноллы Актангалиева, героически пошибшего при защите Бреста.

Веселье было аульчан
При лампе с керосином.

Мы пили чай без молока,
Талкан¹ - дедам, пшеница
Трещала в молодых зубах.
- Очаг отца дымится. —

Промолвил только лишь старик,
Как козочка вскричала.
Ее втащила за рога
Старуха для начала.

Сказала тетя Токтасын:
- Родные аульчане,
Шесть лет пустует этот дом,
Невестка светом станет!

Коль был бы жив брат Нуршаих,
Устроил той с размахом.
Наевшись мяса, старики
Вздыхали бы со вкусом.

Коню откуда жировать,
Не отойдя от джута?
Кому скотину содержать,
Коль без мужчин от смуты?

Я привела на той козу,
Чтоб состоялся праздник.
Не буду с вами голодать,
Когда вселилась радость!

Джигиты, взявшись за ножи,
Не соизвольте спорить.
Мою козулю заколов,
Должны казан наполнить!

¹ Талкан – толокно.

Уважив свадьбу для невестки,
Не обходите дастархан.
Пусть той послевоенный,
Наш первый, сокровенный
Запомнят все, как Азильхан.

Едва пришедшую с войны
Невестку все встречайте.
Не в благость ли душе даны
Улыбки изначально?! -

Наверно, в памяти твоей
Хранятся эпизоды.
- Не забываю никогда:
То время сказки вроде!.. -

Еще Ты после этих слов
Отозвалась слезами.
Воспоминание вот так
Овладевало нами.

- Тот Зейнолла – твоя родня,
Который в горьком списке.
Он – сын, погибший на войне,
Старухи нашей близкой.

Калидолла – героя сын
Стал азаматом ныне.
Живет сейчас он в «Акбузау»,
Лихой, что кровь не стынет. -

«Нашли» немало мы родни
Вдвоем при разговоре.
Пятнадцать дней определив,
Мы снова были в сборе.

В обкоме транспорт брать пришлось,
Осведомив о цели.

По Белоруссии найти
Места боев сумели.

- Освободители пришли! –
Вскричали белорусы.
На школьных встречах дети нас
Приветствовали дружно.

Конфеты раздавала им
Степенным жестом щедро.
И сувениры Алматы
Как-будто сдуло ветром.

Давались диву, увидав
Алатау силуэты:
Апорты будто навесу
В саду в разгаре лета.

Значки Маншук и Алии
Ты раздавала в придачу.
Узрел, как после слов твоих
Иные люди плачут.

Там Старовыжевск, Ковель есть,
Известные лесами.
Мы партизанских троп узлы
Увидели глазами.

Припомнили в какой-то миг
Токтагали с Адием¹
Владимир Фурсов и Габбас²
Бои здесь проводили.

Как гид у нас Ласкович³ стал,
Определен обкомом.

¹Токтагали Жангельдин. Али Шарипов – партизаны Белоруссии, писатели.

²Владимир Фурсов и Габбас Жуматов – тоже партизаны.

³В. В. Ласкович – научный сотрудник музея «Брестская крепость», кандидат филологических наук.

И он, как бывший партизан,
С лесами был знакомым.

Оставив чашу, бурелом,
Мы добрались до Бреста.
Благодарили от души
За помощь, что уместна.

Ни разу Ты не подала
Усталости примету.
Что придавало больше сил,
Подобно в сердце свету.

От благ твоих я отлучен, -
Уходит вдохновение.
Отметив восемьдесят лет,
Познал любви значение.

Без женщин в жизни света нет:
Для всех людей – опора!
Любви знамена в их руках,
Поднявших на просторе!

Я на вопрос: «А где любовь?»
Отвечу: «В сердце женском!»
Коль о блаженстве есть вопрос,
Отвечу: «В слове веском!».

- Всего на свете что сильнее?
- От женских слов отвага. -
Всевышним женщины любви
Порождены для блага!

17.04. 2003.

44

Лишь Ты одна – моя Джаконда,
И всю Тебя мне не объять.
Хоть сколько б лет не проходило,
Не мог к «умершим» причислять.

...В годах еще восьмидесятых
Мы в Невель прибыли с Тобой.
А там Маншук с Абилхаиром¹
Лежали под одной плитой.

Мы взяли землю с той могилы,
В которой рядом брат с сестрой
Потом нашли тут Ибраима²
Кто нам известен как герой.

В честь Дня победы майским утром
Организован митинг здесь.
Так дружно вышли горожане,
Что мемориал заполнен весь.

Вначале слово генералу, -
Припомнил павших Карпелюк³.
Поникли люди головою
От холода военных вьюг.

Затем и мне досталось слово.
Я вспоминал своих друзей.
Сражалась сотоя бригада,
Прославив мужество парней.

В Москву приехали мы снова,
Чтоб посетить твои места:
Лубянку, Язу и главпочту
Ты называла неспроста.

Три года здесь была как цензор,
Любила по Москве ходить.
Была ефрейтором по службе,
Смогла сержанта получить.

¹ Абилхаир Баймолдин (1909-1944) - полковник, командир сотой стрелковой бригады, потом командовал первой Невельской стрелковой дивизией.

² Ибраим Сулейменов (1911-1943) - знаменитый снайпер сотой казахской стрелковой бригады, уничтоживший около 300 фашистов.

³ Карпелюк Андрей Иосифович - генерал-майор, командир первой стрелковой (впоследствии Брестской) дивизии, сформированной на основе прежних 31-ой, 100-ой стрелковых бригад.

В одном киоске, что на почте,
Купили мы цветной альбом.
Об этих днях себе на память,
Чтоб помнить в возрасте любом.

Придя в гостиницу, дивились
На репродукции картин.
Владелец кисти гениальной
Творил шедевры сам один.

Я на «Джаконду» Леонардо
С восторгом явным посмотрел.
От удовольствия такого
Тебя с ней приравнять посмел:

Улыбка, как Твоя, уж точно,
Похожа даже на лицо. -
- Да ну тебя! – рукой махнула,
Хотя почудилось родство.

Вчера меня тоска объяла,
Не знал куда себя девать, Халима!
Увидев на фото улыбку
Нашел джаконодической подстать, Халима!

В моей судьбе другой Джаконды
Вовек и не было, и нет, Халима!
Звездой сияющей на небе
Ты излучаешь яркий свет, Халима!

Лишь Ты одна – моя Джаконда,
И всю Тебя мне не объять, Халима!
Хоть сколько б лет не проходило,
Не мог к «умершим» причислять, Халима!

С другими книгами на полках
Альбомов десять берегу, Халима!
Осталась вечно сохраненной
И Ты в груди, пока смогу, Халима!

Собрал все лучшие портреты,
Копировал, чтоб уберечь, Халима!
Хотел бы памятную книгу
Издать, чтоб радостью облечь, Халима!

Иные снимки из тех фото
На камне высечены впрок, Халима!
Чтоб каждый, будучи в кумбезе,
Увидев, вспомнить Тебя смог, Халима!

Скучаю по Тебе изрядно,
Джаконда и душа моя, Халима!
Чтоб долго так не огорчаться,
Добравшись, лягу рядом я, Халима!

Но до того роман, коль в силах,
Хотел бы посвятить Тебе, Халима!
Пусть будет пред любовью нашей
Угодно время дать Судьбе, Халима!

26.07.2003.

45

Сегодня уж два года
Живу я без Тебя.
Мы вместе не шагаем,
Прогулки люблю.

Сегодня уж два года,
Как погружен в тоску.
И каждый день мне больно,
Никак не отвлекусь.

Известны дни по счету¹,
Но не проходит боль.
Тоска сдает душу
Невидимо, как моль.

¹ В оригинале точно указаны семьсот тридцать дней.

Не скрою, даже плачу:
Вокруг ни звуков нет.
Хотя Ты однажды
Откликнулась в ответ.

Хотелось бы в объятия,
Как прежде, заключить.
Но не было и в мыслях
Тебя в том заменить.

Ни на кого так нежно
Не довелось глядеть.
Представив милый образ,
Желаю лишь воспеть.

Сегодня отчитаться
Надумал пред Тобой.
Хоть от меня далека,
Величествен покой.

Когда с Тобой прощались,
Едва закончил речь.
Такое было горе,
Что мог я рядом лечь.

- Душа ушла, - промолвил, -
Наполовину с ней!
Оставшись сиротою,
Говорю средь людей! –

Еще сказал: «Тоскливо
Стою в прощальный час.
Возьми с собою сердце:
Оно с Тобой как раз! –

Прислушались мне люди
И не скрывали слез.

Сана¹ пустился в голос,
Трясаясь, к Тебе прирос.

... Потом в кафе поминки
Благословлял имам
Я восемьдесят книжек
Раздал в подсчет годам.

... Была сороковина,
Где слово произнес.
Оно во всем народе,
Как притча, разнеслось.

Журнал «Жулдыз» представил
Поэму «Халима»,
И в четырех газетах²
Прочтет народу тьма.

Звездой телеэкрана
Хочу назвать Тебя,
О жизни, что совместна,
По радио трубя.

Писал еще стихами,
Поэму сотворил.
Строк около двух тысяч
Любимой посвятил.

Назвав стихи отдельно,
Как «Письма Халиме»,
Я выпускаю книгу:
Нуртай с подмогой мне.

Закончив здесь с отчетом,
Прощаюсь, Халима.

¹ Габдулсана Садыков - инженер, кандидат технических наук, двоюродный брат Халимы.

² «Халиму» из журнала «Жулдыз» перепечатали газеты: республиканская «Касс-кагым сат», Павлодарская областная «Сарыарка самалы», городская «Семей таны», и международная «Турик алемин» - «Тюркский мир».

Коль жив-здоров я буду,
Создам еще роман.

Мы все, вчера собравшись,
В былое унеслись.
За камень в изголовье
Так рады, как ни в жизнь.

Не все еще с кумбезом
Нам удалось в чести.
Здесь памятник навечно
Хотим мы возвести.

27.07.2003.

* * *

Вот сегодня под утро
Я увидел во сне:
«Азильхан!» - как живая,
Обратилась ко мне.

С телефона как-будто
Мне звонила домой.
- Ты откуда? – невольно
Повторял сам не свой.

Телефон тот несчастный
Несуветно хрипел.
И, мгновенно проснувшись,
Я печально смотрел.

Отыскав свою ручку,
Начал тут же строчить.
Так стихи создавались,
Что спешу подарить.

Находила разгадку
Только Ты моим снам:
- Никому не поведай,
Понимая лишь сам! –

Так и сны опекала.
Чтоб окреп на коне.
Мы с Джамбулом скакали.
Соревнуйся, во сне.

- Умолчи, - подсказала, -
Удивительный сон!
Коль Джамбул посещает,
То поддержит и он. -

Говорил ей однажды:
- Снился сам Президент. -
И шутил, и смеялся,
Приизнес комплимент.

- Не воспримут иные
Твои сны и твой труд:
Там, где властвует зависть,
Честь превратно поймут.

Есть враги поневоле,
Что известно давно.
Даже сны вот такие
Народят их полно.

Никому не вскрывая,
При себе сохрани.
Без того из-за правды
Удручают враги. -

Беспокоясь душевно,
Так давала совет.
Кто осмыслит отныне
Мои сны или нет?

27.07. 2003.

46

Прости на милость, Халима,
Не завершил я это дело.

Все силы прилагал, как мог,
К постройке приступая смело.

К поминкам годовым как раз
Кумбез возвысился отменно.
Все дети наши сообща
Копили деньги низменно.

Вполне закончить в этот срок
Не удалось, хотя и больно.
Но доведем мы до ума,
Что будешь, милая, довольна.

Одна волнует сторона,
Где есть проектные доделки.
Из-за нехватки нужных средств
Сбегают временные стрелки.

Поставлен памятник Тебе
Из прикаспийского гранита.
Тому безмерно был я рад,
Хоть торопил порой сердито.

Покрыть гранитом мы должны
Всю придорожную сторонку.
До лета оградим кругом,
Чтоб расцвели цветы вдогонку.

И все-таки на третий год
В готовность приведем обитель.
Когда закончится проект,
Достигну цели как хранитель.

Известно, «нет суда на нет»,
Ты знаешь это досконально.
Еще лишь годик потерпи:
В Тебе с терпением нормально.

Иные воздвигают «Кремль»
За месяцы, что не угнаться.
Нам лучше быть самим собой.
Мне надо быть, а не казаться.

Прости меня, душа моя,
Что не изжил нерасторопность.
Между Тобой и хвастовством
При жизни находилась пропасть.

И поэтому, согласовав,
Мы занялись кумбезом малым.
Как юрта белая. стоит. -
В степи пристанище усталым.

Коль превосходство среди других
Мне захотелось бы отметить,
То твой кумбез, как у Баян,
Как парус в море, бел и светит.

Прости меня, моя Баян,
За откровение такое!
Признаюсь снова. что в долгу
За наше чувство неземное.

27.07. 2003.

47

Тебя увидев, Халима.
Увидев в мыслях, восторгался!
И у колен твоих присев.
Обнять невольно порывался.

Вчера все дети собрались,
Когда прошли уже два года.
Мы вспоминали лишь Тебя,
Что прояснилась непогода.

Пришли к нам Турсынбек с Куляш¹
В кругу с которыми отрада.
Сердца настолько бились в лад,
Что горе в нас сменила радость.

Мы к телевизору потом
Подсели, чтобы вновь увидеть,
Как мы гуляли от души
В былые годы не в обиде.

“Видеокассета” дала
Возможность вспомнить время точно,
Когда родные и друзья
Сидели рядом праздной ночью.

... Вот семьдесят моих годков¹
Мы в “Акбузау” отмечали.
На трех машинах легковых
В родной аул мой приезжали.

Девчата вышли нас встречать
В нарядных, в вышивках, костюмах.
С домброй веселья через край:
Кругом звучали песни, юмор.

Мы помним игры аульчан:
Борьбу, кокпар, лихие скачки.
Родная степь как колыбель,
Где есть зародыши удачи.

Одна невестка в этот день
Вдруг разрешилась первой дочкой.
И Халимой назвав ее,
От радости попала в точку.

¹ Турсынбек Какишев считал Халиму родной старшей сестрой. Куляш Садыккызы Ахметова – вторая супруга Турсынбека, на который женился после кончины Кубиры Аубакировой.

² Подобно другим писателям, не приходилось мне праздновать 50-60-летние юбилеи. На 70-летие друг Турсынбек, несмотря на мои возражения, повёз в родной аул «Акбузау», где земляки устроили той.

Восторженно смеясь, вдвоем
Пришли домой к новорожденной.
Отвесив землякам поклон,
Рекла коленопреклоненно:

- Ты – МАТЬ моя, отныне – МАТЬ!
Ты осветила мое имя.
Потом , причмокнув малыша.
Сказала слово побратима:

- Покуда тезка подрастет,
Следить я буду верным оком. -
И к этой дате каждый год
Подарки слала по тем срокам.

...Из Акбузау прибыв в Абай¹ ,
Где проводила свое детство,
Мы получили в Кундызды²
Живых обычаев в наследство.

...В тот девяносто седьмой год
Была и золотая свадьба.
Нас восхваляли, например,
Умильно все, как сестры, братья.

Когда-то фильм Халил³ снимал
О нас с Тобой на память детям.
И вот тогда повсюду вместе
Какишевых чета уместно
Попала в кадры ленты этой.

...Вот так пробыв здесь два часа,
Сидел с понишкой головою,
“Куда, куда..., златые дни”⁴ , -
Лишь повторял я сам собою.

¹ Абайский район бывшей Семипалатинской (ныне Восточно-Казахстанской) области.

² Кундызды. Журекадыр – родные места Халимы в том районе

³ Халил Омаров – кинорежиссёр В 1994 году он снял о нас с Халимой двадцатиминутный документальный фильм «Годы радости и любви».

⁴ Слова монолога Ленского из поэмы Пушкина «Евгений Онегин».

Среди надежных стен один
Был погружен во тьму печали.
Но это детям³ за “видео”
Сказать спасибо не мешало.

28.07. 2003.

Стельки для моей обуви

Встал я рано поутру,
Чтоб к фотографу пойти,
Кто с фото твой облик мог
До портрета возвести.

Второпях одев костюм,
Ноги быстренько обул.
Но почувствовал внутри,
Что ступню стручок кольнул.

...Ты однажды принесла
Стельки в шишках для меня.
Пояснила: “Здоровей
Будут ноги с того дня”.

Трудно стала мне ходить:
Стручки давят на ступни.
- Что купила, - пробубнил. -
Если можно, замени. —

Между тем я про себя
Недовольство затаил.
Улыбнувшись, Ты в ответ
Разъяснила в меру сил.

Понимаю, осознав,
Что болела за меня:
Под ступнями шишаки
Были нервам, как броня.

³ Имею ввиду сыновей Арнура, Жаннура и племянника Сакена, которые на 70-летию были с нами и снимали на кассету всю поездку.

Говорила Ты тогда:
- Нервы будут ощущать.
Что несут какой-то вес,
Икрам пухлости не знать.

Как подспорье долгих лет,
Исключительная вещь!
Потому и стельки те
Боли ног должны отвлечь.

О здоровье есть журнал,
Где написано вот так.
Значит, он и виноват.
Коль не нравится никак.

Но, по-моему, стерпеть
Надо, чтоб покой привить.
Девяносто лет тогда
Сможешь доблестно прожить! –

Я запомнил те слова,
Как бальзам на душу мне.
Стельки так нужны ногам,
Будто шторы на окне.

Их ношу лет тридцать три,
Не теряя милый дар.
Летом в тапки подкладу,
В сапоги – зимой, хоть стар.

Стельки эти волшебством
Подают в меня тепло,
Что и в этот самый раз
В мир стихов и занесло.

Возвышают даже рост.
Добавляя сантиметр.
Говорю иным друзьям,
Что забот подобных нет.

Рядом слышал Туманбай¹,
Как расхвастался при нем.
- Моей тети каждый шаг, -
Заявил. - мы воспоем! -

Нашу сагу твой браток
Пуще прежнего познал.
Одеваясь, ныне вот,
Вспомнив, вновь я простонал.

Стельки эти, признаюсь,
Так привычны стали мне.
Изнываю всей душой,
Что навек Ты в стороне.

Пальцы искушать готов,
Сожалея вплоть до слез,
Почему, любя Тебя,
Стельки в дар не преподнес!..

28.07. 2003.

49

Твой платок

Непомерно длинный стол
Разместился поперек.
Яства полон он всегда,
Что не есть никто не мог.

Мебель ту облюбовав,
Ты в квартиру занесла.
Сам Ауэзов гостем был,
Угошала, как могла.

Здесь Габит и Абдильда
Отдыхали средь гостей.
Музафар и Турсынбек
Да Ади¹ живых живей.

¹Туманбай Молдагалиев – поэт. Народный писатель Казахстана. Он обычно к Халиме обращался «моя тётя – менің апам».

Чтобы видеть их в лицо,
Мы сядились здесь рядком.
Рюмки и фужеры враз
Проносились с ветерком...

Стол заветный сохранен,
Не бывает без гостей.
Только нет Тебя вблизи:
Дома в памяти моей.

Вновь оглядываю стул,
Где расправлен твой платок¹, -
В пестрых крыльях предо мной
На подушках голубок.

Не садится там никто:
Назван тулом² конь такой.
Коль привычка неспроста,
Не проходит сам собой.

Спинка стула мне – спина.
Глажу тихо, как во сне.
Зацеплю платок рукой, -
Вздрагивает все во мне.

Наступает тот момент,
Будто рядом Ты со мной.
И в невольном забытьи
Я тянусь к Тебе рукой.

Проговаривая тост,
Уловить могу твой тон:
Стул с платком и твой портрет
Помогают с двух сторон.

¹Габит Мусрепов (1902-1985), Абдильда Тажибаев (1909-1998), Ади Шарипов (1912-1993) - видные деятели казахской литературы XX века

²Летний шёлковый платок Халимы и маленькие подушки, сшитые ею самой.

³Тул – одинокий, бесплодный.

Происходит так порой,
Что поглаживаю грудь.
Потому что твой платок
Может на сердце прильнуть.

В сердце и на стуле враз
Умиляют два платка.
Точно рядом Ты со мной.
Хоть на время, хоть пока.

Если сердце ноет сверх,
Уезжаю на Кенсай.
Там, могилку преобняв,
Раскрываюсь через край.

Помогает, как бальзам,
Белокаменный кумбез
А в квартире твой платок
Заглушает прямо стресс!

28.07. 2003.

50

Помнишь, Халима, тот день,
Как пришел домой в расстройстве?
Вмиг взглянула на меня,
Обратившись в беспокойстве.

- Что случилось, расскажи? –
Ты твердила неотступно.
Я признался: “С Алией¹
Разминулись мы подспудно.

Ей отвесил я поклон:
Отошла, не тут-то было.
Хоть сказала б: “Кайнага²”,
Мой привет”, коль не забыла.

¹ Алия Бейсенова – одна из моих уважаемых снох, супруга нашего давнего друга Серика Кирабаева. Впоследствии Алия стала членом – корреспондентом, а Серик – действительным членом Академии наук Казахстана.

² Кайнага – старший брат мужа.

Мы звались: “Невестка!” “Брат!”
Где и юмор был уместен.
Как родные и друзья,
Думал, вечно будем вместе.-

Ты на время замолчал,
Призадумалась немного.
Я иное ожидал,
Что осудишь ее строго.

В жизни впрочем жены все
Не трепещут за супругов?
Их противников подряд
Не винят твои подруги?

Хоть твоей подмоги ждал,
Ты ответила иначе:
- Алию не обвиняй,
В нас самих вся неудача!

Сам подумай хорошо,
Как дружили в одно время?!
Столько было в нас забот,
Что довольны были всеми! –

...Замолчал и я тогда
После горького упрека.
Вспоминаются те дни
Независимо от срока.

Мы росли среди друзей
Вместе под крылом устаза¹
Уважения полны,
Что не ссорились ни разу.

Подружил Мукан² юнцов,
Кто писать имел наклонность.

¹ Устаз – учитель, наставник.

² Мукан Иманжанов (1916-1958) – известный казахский писатель.

Набралось нас полный дом,
Что порой теряли скромность.

Зейнолла, Серик, Хамит
Собирались в том жилище.
Кайнекей, Музафар, Токен¹
Также были под той крышей.

Проживая в Кереку²,
Брать пример у них старался.
Духом сильным, как магнит,
У Мукана набирался.

Приезжая, каждый раз
Мчался, словно ветром сдуло,
Торопился рассказать
О житье-бытье аула.

Запозднившись находил
И у Серика стоянку
Не забыть, как Алии
Стол ломился спозаранку...

Но безжалостно судьба
Увела от нас устаза.
Разлетелись из гнезда,
Что расколото, как ваза...

Помолчала Ты чуть-чуть
И сказала между прочим,
Обеляя Алию,
Не расстраиваясь очень:

- Алматы услышав зов,
Прощались с Павлодаром.

¹ Зейнолла Кабдолов, Серик Кирабас, Музафар Алимбас, Хамит Ергалиев (1916-1997), Кайнекей Жармагамбетов (1918-1974), Токен Абдрахманов (1917-1990) – писатели, сгруппировавшиеся вокруг Мукана Иманжанова.

² Керекү – Павлодар. Тогда я был корреспондентом газеты в Павлодарской области.

По прибытии к друзьям
Заходили с пылом, с жаром.

Серика же с Алией
Пригласить мы не сумели.
Не дождавшись доброты,
Отвернуться и посмели.

В гости нам бы их позвать,
Позабывшись вначале.
Как-то сразу не смогли,
Там с работой подкачалю.

По природе человек
К чувствам трепетным навязчив.
“От щепотки табаку,
Говорят, до ссоры вящей”.

- В гости надо бы позвать.
Здесь не надобно и медлить. -
Ты сказала: “Позовем,
То обдумала намедни!”.

- Коль уж треснет вдруг стекло,
Можно ли представить целым?
Сил не хватит никаких,
В чем уверился на деле.

Истинны твои слова, -
Убедился в этом вскоре.
Неприметный треск “стекла”
Обернулся мне укором.

Написав большой обзор
Об успехах каламгеров¹,
Друг Серик мой упустил,
Позабыв меня, наверно.

¹Каламгер – служитель пера.

И в энциклопедии¹
Помещен солидный очерк,
Где назвал моих коллег,
Не упомнив друга впрочем.

Это он вступить в Союз²
Мне давал рекомендацию.
Расхвалив по-праву, вдруг
Как бы выгнал в эмиграцию.

Неужели он успел
Позабыть мои романы?
Если братья неверны,
Как поверить в талисманы?

Да еще и Бекежан³
Обойден в его обзоре.
Вот лишь только нас двоих
“Вознамерился позорить”.

В чем виновен Бекежан
Мне доподлинно известно.
Не сулил ничем вреда,
Чтоб наказывать совместно.

Как увидел я вчера,
Серика, про это вспомнил.
Только я с Тобой делюсь,
Как когда-то прежде дома.

Находились мы вдвоем
По соседству в двух палатах.
За одним столом присев,
Мы питались, словно братья.

¹ Казахская литература. Энциклопедия. Печатный дом «Билим», А., 1999, с.368.

² Рекомендации дали Серик Кирабаев и Мукан Иманжанов.

³ Бекежан Тлегенов (1934-1998) – известный писатель, автор нескольких романов.

Про обиду, умолчав,
Не сказал ему ни слова.
Преобняв, поцеловал,
Не держа зла никакого.

“Ссор излишних избегай”, -
Говорила, завещая.
Наставления твои
Исполняю, дорогая.

Халима, теперь позволь
Причитание закончить.
Умница моя, с Тобой
В жизни не бывал уклончив!

29.07.2003.

51

Сегодня ночью я опять
Тебя во сне увидел.
Крутила Ты веретено.
- Зачем? - спросил при виде.

- Из пуха козьего тебе
Носки связать хотела.
Зимою будешь при тепле
Здоров на самом деле! -

Вот так ответила Ты мне,
Премило улыбаясь.
Какой-то звук из-за окна
Прервал мой сон, врываясь.

Проснувшись, гладил от тоски
Твою подушку рядом.
И про себя я пожалел:
- Тот сон продлить бы надо! -

О, ненаглядная моя,
Заботы столько было,
Что мне казалось иногда,
Предугадав, творила.

Вязала, шила для меня.
Испытывая радость.
“Своею фабрикой!” назвать
Надумал шутки ради.

Моим богатством Ты была,
Которого лишился.
Обобранный безжалостно,
Я в бедность облачился.

Твоей подушки нежный пух
Я только ощущаю.
Подушка рядом, Тебя нет, -
Как горе снять, не знаю.

Потерянно лежу без сна
С раскрытыми глазами.
С Тобой я был как хан, султан!
Теперь объят слезами.

52

Недавно был я на Кенсае.
Чтоб вечный камень примостить.
По сторонам там оглянулся
И смог Кумбез твой оценить.

Когда Тебя похоронили,
Остался только бугорок.
Печально думал, что поставить
Высокий памятник не смог.

Теперь я вижу минареты
Кругом, подобные лесам.

И тут невольно заключаю.
Что это нам не по зубам.

Здесь при одной из тех могил
Построен целый городок.
Он обнесен сплошной стеною:
Кремлю сподобить кто-то смог.

Там Нуркадилов по соседству¹
И Сапарбаев в том ряду².
Я не богат, но что поделать, -
И за Турысовым³ бреду.

Им не завидую нисколько.
Лишь излагаю все, как есть.
Зачем мне дело до ретивых,
Когда ответствен за честь.

Притом министры, бизнесмены,
Устроив гонку, ввысь глядят.
Швыряя деньги безоглядно,
Друг друга ослепить хотят.

Но все скупые по натуре,
Что нищим не дадут копыя.
А в устремлении ко славе
Из них любой, как в скачках, рьян.

Старо, как прежде, в этом мире
Тебе знакомое житье.
Есть баи, бедняков хватает,
Одетых в жалкое тряпье.

Мы, хоть соседи с Заманбеком,
С ним не общались никогда.

¹ Нуркадилов Заманбек - бывший Аким Алматы и Алматинской области.

² Сапарбаев Бердибек - бывший Аким Кзыл-Ординской и Южно-Казахстанской областей, затем был председателем республиканского таможенного комитета. Его сын, погибший от автомобильной аварии, похоронен на пригорке неподалёку от кумбега Халимы, возле мазара Нуркадиловых.

³ Турысов Каратай - дважды депутат Маслихата РК.

Он окружен таким почетом,
Что свысока смотрел всегда.

Опять соседями мы стали.
Но здесь одни права у всех.
Потом хотя бы пообщались,
Раскрыв секреты для утех.

Однако прежнее начальство
Себя возвысить мог и там.
Нас много и не лыком шиты,
И незачем проситься нам.

С Тобою рядом мое место.
Нам суждено здесь вместе быть.
Мы с песней о любви навечно
Повенчаны, что не забыть.

Общаться будем мы с Жунисом¹,
Сосед отменный, давний друг.
Мы будем вспоминать о детях,
Беседы расширяя круг.

Не знаю, кто пойдет курганы
Чинов высоких обозреть.
Но молодежь, Кумбез увидев,
Свернет, волнуясь, осмотреть.

На камне надписи читая,
Дойдет до высеченных книг.
Страницы их потом листая,
И нас представит хоть на миг.

КУМБЕЗ ЛЮБВИ, вполне возможно,
Сердца влюбленных назовут.
Как о Козы с Баян прекрасной,
Легенду нашу понесут.

¹ Жунис Ибрасв (1928-2002) - писатель, журналист, наш старый друг.

Ты избегала слов красивых.
Что ныне мне пришли на ум.
Во мне фантазия такая.
Что все ж сказал не наобум.

Насколько нам с детьми известно.
Распространился добрый слух.
Мариям-анай¹ твоя сказала
При людях так, возвысив дух:

- Мне по душе, что ты в наследство
Построил памятник любви. -
Добавив: "Предков это чувство
Несешь, наверно, ты в крови!".

Изрек еще один писатель² :
- Придут паломники сюда! -
И гости³ были из Тараза.
Придя, чтоб почести воздагь

Молитву прочитать пресвято
Бывал и братец Отеген⁴ .
Не перечислить поименно
Поклонников у белых стен!

05.08. 2003.

53

Еще скачу, себя стегая:
Проносится за годом год.
Тебя никак не забывая.
С бессонницей заря встает.

¹ Мариям Кожаметкыны - жена классика казахской литературы Сабита Муканова, прозванная по-праву «Матерью казахских писателей»

² Капан Камбаров (1921) - автор романов «Любовь двух сердец», «Пристанище любви», который о кумбезе Халимы мне писал: «Рано или поздно этот кумбез станет постоянным местом посещения молодежи после регистрации во дворце бракосочетания».

³ На похороны трагически погибших детей Каратая Турсыова из Тараза в Алматы прибыло множество людей. Одна группа из около двадцати людей, возглавляемая аксакалом Утагаем Алимкожаевым, мужем покойной Майры Ибраевой (прототип Майры Абаевой из моего романа «Голы радости и любви») посетила кумбез Халимы.

⁴ Отеген Кумисбаев - поэт, профессор Казахского Национального университета имени Аль-Фараби.

За восемьдесят лет с уклоном
Мне удалось перевалить.
В меня привносят дети радость,
Что успевай благодарить.

Я пред Тобой в долгу поныне
За то, что в здравии живу!
Ты пятьдесят четыре года
Улыбкой грела наяву!

В долгу за то, что на распутье
Давала вовремя совет.
Мои все трудности делила.
Упорно двигаясь вослед!

За то, что вместе и в больнице
Превозмогала недуг свой!
И днем, и ночью Ты в палате,
Отринув сон, была со мной!

За то, что прилагала силы,
Чтоб мне здоровье вернуть!
За то, что, отлучив от смерги,
Мне помогла продолжить путь.

За то, что, вытащив с инфарктов,
По жизни снова повела!
За то, что о сиротской доле
Напомнив, отвлекать могла!

За то, что гордость подарила,
Овеяв славой в полный рост.
Держала счастье на ладонях,
Чтоб я, приняв, его понес!

В долгу за то, что шла по жизни,
Трудясь лишь только для меня!
Тебя воспеть я обещаю,
Насколько хватит мне огня!

08.08. 2003.

Сегодня прибыв из Ташкента,
Зашли Жанар и Алия¹.
По возвращении помчались
В Кенсай приветствовать Тебя.

Увидев там Твое надгробье,
Они пришли в большой восторг.
Что ликование такое
Душой воспринял я, как мог.

С цветами приходили дети,
Что им сопутствует всегда.
Снимает горе с меня на день
Приход без всякого труда.

Мы здесь к Аскарову свернули,
Кого могила по пути.
Герой Труда, отец подруги:
Его нельзя нам обойти².

Увидели министра дворик,
Что по соседству был к нему.
Склонивши голову, супруге³
Салем отдали посему.

Мы любовались красотой
И блеском дорогих камней.
За Сулейменовых довольны,
Что почеть сделали по ней.

Поблизости там Нуркадилов,
Аскаров был недалеко.

¹ Жанар – наша старшая дочь, Алия – младшая внучка, которые ездили погостить в Ташкент к моей внучатой племяннице Сабине

² Аскаров Леанбай (1922-2002) – известный государственный деятель, Герой Соц.труда. Наши первенцы Жанна и Жанар росли подружками.

³ Надгробье жены бывшего министра Иностранных дел Т.Сулейменова покойной Светланы Сулейменовой

Блестящим куполом кумбеза
И Ты вспорхнула высоко.

- Как оказались среди элиты,
На погребении чинов?
Как мы попали на пространство,
Что перекрыто на засов?! -

Жанар, душа моя, дивилась,
Что свыше определено.
- Апа достойно заслужила! -
Решила Алия давно.

“Да будет так!” - негласно вторил.
Тут, безусловно. Твой успех!
Как-будто братья и родные,
По-доброму встречала всех.

Твой благодетельный характер
Судьба отметила вполне.
“Благому Бог помог!” - нередко
Напомнила Ты и мне.

Ах, чудо, золотце, родная.
Чиста была Ты, как хрусталь!
“Примеру жить!” - я повторяю,
Как заповедь, что так проста.

С Гобою молча попрощавшись.
Вернулись в дом свой городской.
С усолшими нас по дороге
К общению влекло порой.

Работы за столом премного:
Статьи, ответы, интервью.
Чтоб все исполнить в свое время,
Поможет дух Твой, как в бою!

09.08. 2003.

Ты, как Тенгри, повсюду рядом!
 В Тебя я верю и молюсь.
 Когда же снова вспоминаю,
 Твоим всецело становлюсь.

Недавно, раскрывая книгу,
 Увидел: смотрит сам Сырбай¹.
 А рядом - Кульжамал, супруга.
 Вздыхнул с приветом невзначай.

Сырбая подвело сердчишко.
 Куда деваться, знать, судьба.
 Я вспомнил как-то на досуге
 Твои приметные слова.

Разлегшись навзничь, я в постели
 Болезнь свою одолевал.
 И вдруг, звеня на всю квартиру,
 Наш телефон к себе позвал.

Едва достав его рукою,
 Я трубку к уху приложил.
 Ты находилась в кабинете,
 Где телефон и мой звонил.

- Кто это? - голос раздраженный
 Неукоснительно спросил.
 Какой-то женщины обиду
 По тону сразу уяснил.

- Я - Азильхан, - ответил просто.
 Здесь голос с визгом поносил:
 - Коль Азильхан, чтоб к чорту сгинул,
 Чтоб пулей Бог тебя сразил.

¹ Сырбай Мауленов (1922-1993) - народный писатель Казахстана, крупнейший поэт.

Чтоб околел! Пускай засыпает
Глаза твои сухим песком!
Пусть рай и близко не подпустит,
Чтоб в ад попал ты напрямиком!

- Кто это так меня поносит?
И чем я кару заслужил?
Уж для таких-сяких проклятий
Вины зловещей не нажил. -

- Кто я? Я - Кульжамал, отравя.
Ты проявил собачью прыть.
По слухам, очернил Сырбая,
Чтоб благороднее прослыть.

- Нет, Кульжамал, ты успокойся.
Совсем написано не так.
Ты прочитай сама нарочно,
А слухам верит лишь простак.

- Читать не буду твои бредни,
Больные домыслы твои.
Он в жизни молока белее
Держался честно за троих! -

- Ты, Кулеке, отринь от гнева.
Не расходись, вся трепеща.
Упомянул о том попутно,
Когда не вынесла душа... -

- Чтоб ты теперь на этом свете
Навечно потерял покой!
Я за любимого Сырбая
Предстану каменной стеной! -

Не знал тогда куда деваться
От оголтелых горьких слов.
И вдруг неожиданно, выручая,
Ты защитила мирный кров:

- Ах, Кулеке, спервоначалу
Скажи, как дети, как семья?
Ты в этой трудной перестройке.
Наверно, крутишься, как я?

Сперва ты выслушай спокойно.
Подруга милая, остынь.
Обиды от тебя, родная.
Принять готова и простить.

Меня ругай за Азильхана.
Причем готова умереть.
Твои проклятия на деле
Приму, хотя не одолеть.

Я на своей машинке в целом
Все ж отпечатала роман.
Знакомы мне слова Сырбая.
Что внес ЦеКа в свой темный план

Всю горесть той молвы Сырбая
Всецело я перенесла.
Поверишь, дети голодали.
В глазах рябило, так жила.

В такую горестную пору
Тебя бы стала проклинать?
Мы молча все переносили.
Не замышляя обвинять.

Хоть Сыр-ага ступал излишне,
Не обделен был и умом.
Потом он сам пред Азильханом.
Прося прощения, бил челом!

Нельзя больного человека
Своим укором добивать.
Ты, Кулеке, не будь такая,
Зловредной склочнице подстать.

Ты, золотко, отменной крови.
Так оставайся золотой.
Не поддавайся злобе,
(Ахмет-ате¹ подобно).
Подумай умной головой... -

С такими вящими словами
Ты рассудительна была.
Остерегался вашей ссоры,
Хоть обходительной слыла.

А слово "золотко" уместно
Настолько вырвалось тогда.
Что рад был я, как от салюта.
От телефонного гудка.

Потом, приблизившись тихонько,
Проговорила между тем:
- Мой дорогой, не огорчайся,
Забудь ее слова совсем!

Она, бедняжка, зла от горя:
У ней вся горесть не прошла.
Чтоб как-то выплеснуть печали,
На нас и сердце сорвала.

Здесь одолели ее сплетни,
Которых вечно пруд пруди.
Не унывай, поверь с надеждой,
Что будет ясность впереди. -

Поскольку твердо настояла,
Чтоб я забыл тот разговор,
В "Казах адебиети"² вчерашней
Упомянул их на подбор.

¹ Ахмет Байтурсинов (1873-1938) – государственный деятель, поэт и ученый, основоположник казахского языкознания и литературоведения, родной старший брат отца Кульжамал, поэтому Халима обратилась «Ты, золотко, отменной крови».

² Республиканская газета «Казахская литература».

Про Кульжамал сказал хвалебно:
“Поэта чудная жена”.
Сырбаю даже дал оценку:
“Среди поэтов нар¹ сполна”.

“Супругой быть поэту трудно,
Зато дарует и почет”, -
Так написал и я уверен.
Что поддержала б мой учет.

Я слышу возглас твой: “Разумно!”
И “Гениально!” иногда.
Так преклоняюсь пред Тобюю,
Как пред Тенгри. сполна всегда!

11.08.2003.

56

Ты, собирая мысли вкупе,
Не торопилась раскрывать.
Старалась, прежде все обдумав,
Вполне уверенно ступать.

Ты для любимого супруга,
Своих детей и всех друзей
Все трудности одолевала
Сама, без стука у дверей.

Имея под завязку знаний,
Не выставляла напоказ.
При неожиданной невзгоде
Хранила сдержанность подчас.

Поджав прелестно свои губы,
Не выражала лишних слов.
Однажды выбрав путь правдивый,
Обескуражила лгунов.

¹ нар - одногорбый верблюд, символ мощи.

Метлой поганой выметала
Из дома сплетен черный хлам.
И каждый день мои печали
Душой делила пополам.

Ты, Халима, была супругой,
Какую в мире не сыскать.
Одна любовь дана навечно,
Что помогла мне осознать.

Такую женщину святую
Любить мне было суждено.
Превыше даже новой книги
Тебе лишь радовать дано!

Судьбу в одном лишь осуждаю.
Что разлучила навсегда.
Любовь, когда была в зените,
Слетела тихо, как звезда.

11.08. 2003.

57

Сегодня младшей внучке
Уже шестнадцать лет.
Все дети были в сборе:
Веселью края нет.

Несли свои подарки
Из близких стар и млад:
Глаза у ней от счастья,
Как яхонты, горят.

Как лучшее богатство.
Ты накопила книг.
Шестнадцать, подбирая,
Я выбрал среди них.

Сказал Алие¹ : “Бабка”
Купила для тебя!
“Абай ели”² там было,
Где родина твоя.

И пояснил подробно:
-Там вырос и Абай!
Там Халима-бабуля
Оставила свой край.

Там Кундызды речонка
Взрастила под луной
Великого Абая
С любимой³ заодно.

Когда альбом откроешь,
Бабулю вспоминай.
Приятное с полезным
Умело сочetaй.

Акын Шакер считался
Для бабушки отцом.
Стихов, поэм немало
Он написал притом.

Известна его слава,
Могила на холме.
Коль побывать придется.
Почтить его сумей. –

Вот так сказав сегодня,
Исполнил дед свой долг.
Твое родство припомнив,
Испытывал восторг.

¹ Алия Арнуровна Нуршаихова – наша с Халимой младшая анучка

² К 150-летию поэта-мыслителя Абая Кунанбаева в 1994 году издательство «Өнер» выпустило альбом-летопись «Абай ели» - «Земля Абая».

³ На местности между Кундызды – Журекадыром и Аягозам находился род Сыбан из племени Найман. Когда Абай побывал там, полюбил девушку Куандык, дочь известного акына Сабырбая. Это событие изображено в эссе М.Ауэзова «Путь Абая». Халима была из этого рода Сыбан.

Альбом Алие вручая,
Подумал о Тебе:
“От гения Абая
Все лучшее в судьбе!”.

Куда там до Абая,
Но гений мой, как приз.
Хоть среднего Ты роста,
Была мне, как Чингис¹.
11.08.2003.

58

Ты помнишь, как от парня
Из недалеких мест
Пришло письмо такое,
Что смог безвинно сесть.

- Кто это, япырау? –
Дивились без конца.
Меня, чтоб заступился,
Просил он как отца.

Шофер тот провинился
Не так, чтоб срок давать.
Послав корреспондента,
Помог я оправдать.

Когда лежал в больнице,
Пришел он к нам домой.
Обросший и в лохмотьях,
Здоровался с Тобой.

- Я с помощью газеты
Тюрьмой освобожден.
“Помог мой Бог”, как видно,
Коль дядей возвращен.

¹ Чингис – Чингистауские горы, протянувшиеся между Абайским и Шубартауским районами, высотой 1000-1100 метров.

А звать меня Кенесом.
Спешу к себе домой.
Сперва вам поклониться
Решил я сам собой! –

Промолвил тот бедняга.
Едва произнося.
Ты встретила как брата,
Обрадовавшись вся.

Сварила даже мясо.
Коньяк был на столе.
Приняв в кульке конфеты.
Ушел навеселе.

Сказала: “Дядя болен.
Поклон твой доведу”.
Вот так Ты отводила
Тюремную беду.

Вновь зажил он в “Ожете”¹.
Наш Байтереков сам.
Узнав твою кончину,
Здесь волю дал слезам.

Звонит по телефону
И держит с нами связь.
Прослыл он и поэтом:
Печатался не раз.

Тебе же посвящая.
Стихи он написал.
Еще в году прошедшем
В газете² прочитал.

¹ «Ожет» – аул неподалеку от Алматы.

² В газете «Кызах адабияты» за 26 апреля 2002 года опубликовано стихотворение Кенеса Байтерекова, посвященное нам с Халимой.

Кенес – наш братец славный
Сегодня заходил.
С молитвой на Кенсае
Кумбез твой посетил.

Охватывает радость,
Услышав о Тебе:
“Бесценная, родная!”
Преграды нет молве.

Хорошее, что слышу
Так греет душу мне...
Твои автопортреты¹
Как четверо планет.

У четырех портретов
Есть копии² еще,
Присутствие которых
Волнует горячо.

12.08. 2003.

59

Семьсот пятьдесят дней сегодня,
Как нет Тебя, о, Халима.
Никак не выпущу при жизни
Тебя из сердца и ума.

Семьсот пятьдесят дней сегодня
Тоскую только по Тебе.
Живу вдовцом закоренелым,
Предавшись полностью судьбе.

Семьсот пятьдесят дней сегодня,
Как сердце в ноющей тоске.
Ищу твои следы по свету,
Плывя тихонько, как в реке.

¹ Под автопортретами имею ввиду наших с Халимой детей Жанар, Жаннат, Арнура и Жаннура.

² Это наши внуки и правнуки Сабина, Сакен, Дина, Алма, Алия, Халима и Ясмина.

Семьсот пятьдесят дней сегодня
Слагаю о Тебе стихи.
Река надежды иссыхает
От каждой чувственной строки.

Семьсот пятьдесят дней сегодня
Не вижу милый облик Твой.
Себя не чувствуя порою.
Иду потерянно домой.

Семьсот пятьдесят дней сегодня
Как голос Твой совсем умолк.
С тех пор безжалостным кинжалом
Мне полосует сердце дол.

Семьсот пятьдесят дней уж точно
С Тобою рядом не прилег.
Любви большой и вековой
Последней капли не извлек.

Хотя бы кончиками пальцев
Слегка коснулась Ты меня.
твоей души и сердца пламя
Ушло, лишив меня огня.

Обширный мир на белом свете
Мне без Тебя настолько мал,
Что я за прядь и ноготочек
Его бы смело променял.

Чтоб лишь прославить твое имя,
Я приложу остаток сил.
Теперь мне надо жить по мере,
Пока твой образ не ожил.

Поскольку я живу на свете,
И Ты, душа моя, жива.
Уверен в том, что в материнстве
Примером стать есть все права!

Когда и я уйду из жизни.
Тебя немудрено забыть.
Забвение наступит следом.
Прощаясь с тем, чему не быть.

Хоть будут вспоминать и дети,
Совсем не так, как помнит муж.
А для Тебя на белом свете,
Как твой супруг, не будет душ.

Я говорю им многократно:
- Не забывайте Мать свою!
День ангела и день кончины
В уме держите, как в раю!

Пока они все вспоминают
Твои поступки и дела.
Но постепенно, как бывает,
За светом вновь наступит мгла.

Супруг надежный не забудет,
Лелея в сердце каждый день.
В его лишь памяти совместно
Жива, склонившись на плетень.

О, мир изменчивый, покуда
Живешь, довлеет теснота!
На свете лучше всех супруга,
С которой Жизнь – сама мечта!

16.08. 2003.

60

Любовь – единственное диво,
Как жизни символ золотой.
Любимые по всем законам
Идут дорогой столбовой.

В любви прожившие прекрасно
Уходят скоро в забытье.
Бывает здесь своя причина:
Абсурдны жизнь, само бытие.

А я по-прежнему питаю
Одну любовь к своей жене.
И всю оставшуюся жизнь
Причастен буду к ней вдвойне.

Пред ней даю святую клятву!
Меня послушай. Халима.
Воздам Тебе такую славу.
Что и за мной не скроет тьма.

61

Когда тоскую, сдвинув брови,
Печаль рассеить не могу.
Я, по Тебе всегда скучая,
Ума вполне не сберегу.

18.08. 2003

62

Ты золотых часов не стала
Носить, как водится, при всех.
Не переполнена шкатулка
Изделий ценных для утех.

Ты не смеялась неуместно.
Прелестна сдержанность твоя.
Делилась всем, что накопила,
С чужими тоже, как родня.

Колечко с драгоценным камнем
На палец не могла одеть.
Не принимала вещь благую,
Чтоб самоцелью не задеть.

Была подальше от завидок,
От сплетен сильно береглась.
Умом Ты просто различала
Добро и худо всякий раз.

Тобой довольны были дети.
Гостям отзывчиво всегда.
Жила с друзьями душа в душу.
Найдя подходы без труда.

Стремилась делать людям благо.
Как птица тянется в полет.
А то, что ссоры избегала.
Не каждый правильно поймет.

За пятьдесят четыре года
Мне душу ранить не смогла.
Земного ангела живого
Тупая смерть как унесла?!

Теперь тоскую днем и ночью.
Такое чудо потеряв.
Ищу места, где Ты бывала,
Но успокоюсь ли навряд.

Передо мною твои фото,
На них без устали смотрю.
Твоя прекрасная улыбка,
Как в жизни, будит поутру.

Тебя целую на портрете,
Моя любимая жена!
Но что поделать мне, бедняге,
Когда нужна лишь Ты одна.

19.08. 2003.

В самолете

Лечу в Семипалатинск.
А в мыслях только Ты.
Сижу один, как лебедь
Без пары и мечты.

Всегда бывали вместе
На зависть чужакам.
И самолет, и поезд
Неслись на радость нам.

Тоскую я невольно
По дням, что не вернуть.
Умчалось то пространство,
Куда заказан путь.

Семей¹ был колыбелью,
Куда стремился враз.
Из бедствий и сиротства
Вытаскивал он нас.

Как мать, Иртыш нас грудью
Поил, отняв наш страх.
Как дома, в интернате
Росла Ты на глазах.

По улице Советской²
Носились просто так.
Мы в Гоголевке³ нашей
Встречались, - добрый знак.

¹ Семей – казахское название Семипалатинска.

² Бывшая улица Советская – ныне проспект Абая.

³ Семипалатинская библиотека имени Н.В.Гоголя, открытая в 1883 году, где читателем в свое время был Абай (Ибрагим) Кунанбаев.

Нередко посещали
“Пролеткино”, “Восток”⁴
Мы разузнали остров,
Войдя в людской поток.

С той улицы Советской
Вдвоем ушли на фронт.
В войне четыре года
Отбыли, словно сон.

Теперь ищу местечки,
Где есть твои следы.
Надежды не теряю,
Что встречу вновь черты.

Дойду до интерната,
Чтоб поклониться сам.
За то, что здесь я встретил,
Привет и небесам.

Ты выростала розой
В пришкольном том саду.
Детей спасал в невзгодах
Твой интернат в роду.

Признательно, с душою
Открыть бы двери те.
Хочу держать перила:
Касалась в суете.

Вернувшись снова юность,
Смягчит мою печаль.
Как-будто Ты, встречая,
С улыбкой смотришь вдаль.

Паря по небу птицей,
В Семей наш я лечу
Ту юность дорогую
Приветствовать хочу!

10.09. 2003.

⁴Кинотсатры Семипалатинска той поры.

Ты и пальцы, как и уши
Не хотела украшать:
Привлекала в самом деле
Естественном природа – мать.

Возомнив “аристократкой”,
Ты гордыней не слыла.
Помню, как на кухне с книгой
По возможности была.

Не носила в сумке краски
Для лица и нежных губ.
Чтоб сурьмой сводила брови,
Я припомнить не могу.

Не отращивала ногти,
Чтобы пальцы удлинить.
И шампанское со мною
Не желала все же пить.

Как иные, взяв за моду,
Не срезала свой подол.
Расширяя платья вырез,
Не стремилась в светский холл.

Ты взяла себе в привычку
Не размахивать рукой.
Сохранять везде обычай
Все старалась день-деньской.

Сверстниц многих почитая,
Выделялась среди них.
Хоть Тебя и нету в жизни,
Преклоняюсь каждый миг!

11.09. 2003

Столетний юбилей справляя
 Мой колледж¹, где учился.
 К вершинам знаний в стенах тех
 Когда-то устремился.

Мухтар, Каныш, Алькей-ага
 Там тоже обучались.
 И Жусипбек, и друг Шакен²
 С искусством здесь общались.

Тут Шыракбек, Абдухамит³
 Среди шакирдов тоже.
 Узнав Героями иных,
 Стремись стать похоже.

В том колледже по всей стене
 Открыли наши доски.
 Увидев самого себя,
 Услышал отголоски.

Среди больших выпускников
 Я небольшого роста.
 Смотрю, в себя не приходя,
 Остолбенело просто.

Мухан⁴ мне бросился в глаза:
 Величие знакомо.
 И промелькали снова дни,
 Минувшее припомнив.

...Баянаул и Кереку,
 Приехали мы ночью.
 В гостиницу, где был Мухтар,
 Заходим утром впрочем:

¹ Семипалатинский педколледж имени М.О. Ауэзова. Там вначале была учительская семинария, потом — педтехникум. В 1940 году, когда автор учился, называлось педучилище имени Абая.

² Мухтар Ауэзов, Каныш Сатпаев, Алькей Маргулан, Жусипбек Аймаутов, Шакен Айманов.

³ Генерал Шыракбек Кабылбаев и бывший министр просвещения Абдулхамит Сенбаев.

⁴ Это белый бюст Мухтара Ауэзова во дворе колледжа.

-Мой сын, Арнуром¹ его звать,
Пришел как раз за вами.
Приветствие само собой,
Идемте в гости с нами. -

С Муханом были мы пять дней:
Совместная дорога.
Поэтому я, осмелев,
Позвал домой с порога.

- Пали², как мне не пойти, -
Ответ был у Мухтара. -
Арнур – свет чести, так сказать.
Не откажусь от дара!

Вот так наш дорогой Мухтар
Был гостем в доме нашем.
С ним вместе были сын Ернар
Со спутником Абдрашем³.

Не зная шляпу куда деть,
Я в спешке закрутился.
Учтиво встретив Ты гостей,
На тор⁴ всех пригласила.

Мухтар Ауэзов, наш Мухан,
Воспел судьбу народа.
Какое счастье, что сидит,
Как солнце на восходе!

Спросил немного погоды:
- Ты дочь какого края, -
Добавил дальше поясней:
- Училась где, родная,

¹Тогда Арнуру было 6 лет.

²Пали – возглас удивления.

³Абдрашит Ахметов – ответственный секретарь газеты «Казах адабиети», писатель-переводчик, сопровождавший М.О.Ауэзова.

⁴Тор – почётное место.

- В краю Абая родилась,
В Семее я училась. -
Ответила и кротко взгляд
Ты на меня скосила.

Воспринял сразу твой намек,
Чтоб отвечал я дальше.
Про Детский дом и Интернат
До рассказал без фальши:

- Живой вернувшись и с войны,
ЖенПи пройти успела. -
Проговорив, увидел вдруг,
Что смотрит обомлело.

Мухан, вздохнув, расправил грудь
И молвил величаво:
- Хлебнула горюшка сполна,
Чтоб взять на счастье право! -

Дала гостинца для женге¹,
Костюм Ернару строго.
- Кумыс в пути необходим, -
Сказала у порога.

Вложила в сетку и бидон,
И три стакана вместе.
Признав находчивость твою,
Я обомлел на месте.

Как видно, тронут был Мухан:
Простился веселее.
Такой чудесный эпизод
Всплывает все живее...

Припомнил те благие дни,
Ты тоже словно рядом.

¹ женге – жена старшего брата.

С Тобою только до сих пор
Проймет меня отрада.

В одном из классов Канекен¹
Предстал, как-будто в яви.
Невольню отдал я салею
Портрету против правил.

Лучами светятся глаза
В улыбке Алекена² .
Какая смерть их унесла
Великих неизменно,

Здоровались мы по рукам
С Алькеем многократно.
Я вспомнил то почтенье,
Свершенное украдкой.

...В Сарыагаше³ мы с Тобой
Остановились в люксе.
Здесь Алекена повстречал
Внизу в проходе узком.

Повыше не осталось мест:
Устроился на первом.
А номер сумрачный такой,
Что стало как-то скверно.

Позвали в комнату свою
И угостили чаем.
- Какой прекрасный номер ваш! –
Проговорил случайно.

Прогулки были там у нас
Да с Алекеном вместе.

¹Каныш Сатпаев – первый президент Академии наук Казахстана.

²Алькей Маргулан – академик.

³Сарыагаш – курорт в Южно-Казахстанской области.

Ходили около трех дней.
Гуляя повсеместно.

Не смог дожидаться Алекен,
Чтоб поменять свой номер.
Тогда, жалея мудреца,
Сказала Ты весомо:

- Осталось нам всего шесть дней
Для отдыха по сроку.
Пусть мое место он займет, -
Ты будешь как с пророком.

Поеду я одна в Ташкент,
Куда отсюда близко.
С друзьями как Хантай, Мукан¹
Давно лишь переписка.

Уехала тогда легко,
Чтоб встретиться в Ташкенте.
Я Алекуна поселил
В своем апартаменте.

Родная, вспомню ли я все,
Что делала как лучше.
В Семипалатинске один
Я вспомнил только случай.

12.09. 2003.

66

Твоя улыбка, как подарок,
Была отрадой для меня, Халима!
Я от кокетливого взгляда
Горел внутри, как от огня, Халима!

¹ Омарбаев Мукан – мой фронтовой друг, с которым 4 года был вместе в период В.О войны. Хантай – его супруга. Они по военной службе в ту пору жили в Ташкенте.

Могла Ты теплыми словами
Обвить, как дух Сары-Арки, Халима!
Коль уговор, стеной Китайской
Была нападкам вопреки, Халима!

Когда Ты начинала дело,
Впрямь доводила до конца. Халима!
Одно движение на пальцах
Подстать рисунку у творца, Халима!

Коль в руки Ты брала иголку,
То мастерски умела шить, Халима!
На даче всюду, где ступала,
Могла цветами восхитить, Халима!

Коль проходила средь деревьев,
То обрастали все листвою, Халима!
Их, протянув повсюду шланги,
Питала чистою водой, Халима!

Не раз, задумавшись минутку,
В семью вносила благодать, Халима!
Ты все, что мне необходимо,
Умела вовремя достать, Халима!

Ты заменяла руки, ноги
И даже сердце, что в груди, Халима!
В моем движении по жизни
Звездой светила впереди. Халима!

При каждой осложненной теме
Энциклопедией была, Халима!
- Сейчас подумаю, отвечу, -
Так помогала, как могла, Халима!

Определяя корень слова,
Была готовым словарем, Халима!
Твоим подсказкам удивляясь,
Легко работалось вдвоем, Халима!

Да ладно, - отвечала кротко,
Махнув на похвалу рукой, **Халима!**
Когда болел, уж тут и ночью
Без сна кружила надо мной, **Халима!**

В глаза бросаться не стремилась:
По скромному себя вела, **Халима!**
Когда иные хохотали,
Ты лишь улыбкою цвела, **Халима!**

Сумела сохранить всемерно
Обычай, что нам сродни, **Халима!**
Ты их примерно исполняла,
Что благоволили они, **Халима!**

Что в жизни хорошо иль плохо,
Определяла без труда, **Халима!**
И примечательные фразы
Не забывала никогда. **Халима!**

Все лучшее не перечислить:
Достоинств уйму знаю я, **Халима!**
Добро даря окрестным людям,
Угасла, милая моя, **Халима!**

Но ничего мне не поделать,
Во мне, бедняге, свой напев:
Как Халима, пусть у казахов
Побольше будет светлых дев!

15.09. 2003.

67

Я в гардеробе поместил
Одну твою одежду, **Халима!**
Коровой нюхая тулуп¹,
Привержен к ласке прежней, **Халима!**

¹ Тулуп – шуба, чучело, которое становится перед дойной коровой, потерявшей теленка.

Слегка поправив воротник,
Принюхиваюсь даже, **Халима!**
Подол не трогаю совсем,
Стесняясь, будто вмажет, **Халима!**

- Есть "От Кореи руки прочь!"¹
Всему нужна раскрутка. -
Так говорила, отогнав...
С тоскою вспомнил шутку, **Халима!**

Считая днем то за позор,
Могла не целоваться, **Халима!**
Чтоб не расстроить, в светлый час
Не стал Тебя касаться, **Халима!**

Нас приближала только ночь,
Когда мы обнимались, **Халима!**
И я, припав к твоей груди,
Орлом кружился в вальсе, **Халима!**

Я окрылялся каждый день,
Ко звездам улетаю, **Халима!**
Роман, рассказы и статьи
Писал, не уставая, **Халима!**

Произведений всех моих,
Считаю, Ты – соавтор, **Халима!**
От замечаний по уму
Взмывал я космонавтом, **Халима!**

Была Ты осведомлена
Во всей литературе, **Халима!**
Начав со школы верный путь,
Приобщена к культуре, **Халима!**

Оказывая помощь мне,
Ты одарила счастьем, **Халима!**

¹ Лозунг середины XX века, когда США напали на Корею

Благодаря Тебе, достиг
Высоких званий власти. **Халима!**

Осознавая добрый труд,
Я вечно не забуду, **Халима!**
На имени твоём пятна
Малейшего не будет. **Халима!**

16.09. 2003.

68

Богатством Ты моим была, -
Лишился в одночасье, **Халима!**
Моими крыльями была, -
Сломались в день несчастный, **Халима!**

Была Ты счастьем для меня,
Что в небо улетело. **Халима!**
Дарила радость каждый день, -
Тоскую оробело, **Халима!**

Ты – вдохновение мое,
Чего имел в избытке, **Халима!**
Уходит море, где и волн
Становится в убытке. **Халима!**

Вносила мысли без конца:
Теперь их не хватает, **Халима!**
Скрывать не стану, что сейчас -
И вес мой убывает, **Халима!**

Родня толпилась при Тебе, -
Заметно поредела, **Халима!**
Открытый прежде мне простор
Доступен лишь в пределах, **Халима!**

Развилась в жизни, как тулпар,
Которого не стало, **Халима!**
Лишь только думать о Тебе
Несчастному пристало, **Халима!**

Когда потрогал платье вновь.
Не удержал я слезы. **Халима!**
Одна лишь Женщина несет
Все счастье, а не грезы, **Халима!**
21.09. 2003.

69

Стихи о халате

Твой воротник пальто целую,
Увидел рядом свой халат.
Сегодня то происходило,
Что вспомнил я Тебя опять.

Объяло вмиг тепло халата,
Введя меня в немой восторг.
Припомнился известный случай,
Который дорог мне с тех пор.

...Тогда лежала Ты в больнице.
К чему привыкнуть я не мог.
Оповещал о неприятном
По телефону голосок:

- Ай. Азильхан, меня послушай.
Прошу Тебя, не поругай. –
- Душа моя, за что, как можно,
Враз успокойся, излагай. –

- Я утром встала спозаранку.
Пошла в халате на УЗИ.
И там его в одно мгновенье
Унес какой-то паразит.

Оставила халат на месте,
Не приложу никак ума.
Возможно, кто-то по ошибке
Одел нечаянно впотьмах.

От старшей медсестры я скрыла,
В отчаянии сама горю.
Все избегаю ее взгляда,
Как-будто выстрел усмотрю.

Мне очень совестно пред нею
Вдруг скажет: "Спрятала сама".
Хоть и готова на оплату,
Заволокла печали тьма.

Чтоб возместить мою потерю,
Не принесешь ли свой халат?
Тихонько я бы заменила,
Не ведая в душе утрат.

- Не беспокойся, дорогая,
Халат я принесу с собой, -
Сказал и, быстренько собравшись,
Помчался пущенной стрелой.

Принес халат в желанном свертке:
Я млею от радости твоей.
Избавив милую от боли,
Как-будто стал и сам милей.

- Куплю обновку, - повторила, -
Когда с лечения вернусь, -
Ты, айналайын, так старалась
Честнее быть, отвергнув грусть.

Потом, как впрочем обещала,
Купила новенький халат.
Я берегу твою обновку,
Хоть было много лет назад!

От каждой нитки этой вещи
Я ощущаю ток тепла.
В одежде, что сама держала,
Есть сила взлета для орла!

Хочу ее порою гладить,
Чтоб рядом ощутить Тебя.
Уйду из жизни, обнимая,
Поскольку сохранил, любя!

24.09. 2003.

70

В последний день Ты полчаса,
Обняв меня, со мной прощалась.
Язык отнялся, сердце мне
Любовь тихонько отстучало.

Прижавшись горестно к груди,
Сердца прощались в то же время.
Стонала так, что никогда
Мне не забыть такое бремя.

Ты вздрогнула, чтоб как-то встать,
Но покидали Тебя силы.
И после этого совсем
Земного бытия лишилась.

И все же почему тогда
Не приподнял Тебя, жалею.
Возможно, Ты б осталась жить,
Приняв от мужа панацею?

Пришлось увидеть, чтоб ослеп,
Твою последнюю минуту.
Уж лучше бы душа моя
С твоей взлетела в небо круто?!

Так почему я за Тобой
Остался с неземной тоскою?
Уж почему, Судьба моя,
Живу я с долею такою?

- Родиться можно в один раз,
Но смерть приходит все же порознь! –
Так предки молвили давно,
Что, видно, справедливо впору!

24.09. 2003.

Стихи о тое

Вечером на той большой
Люди в театр собрались.
Семипалатинский народ
Зал заполнил с криком “бис”.

Знаешь Ты театр тот,
Назван именем Абай.
Он дарил искусство всем,
Прибывавшим в этот край.

Превосходно здание то:
В новом стиле целиком.
И внутри – одна краса,
Благородная притом.

Ты с подругами была,
Видела “Енлик-Кебек”¹
Из-за гибели любви
Слезы капали из век.

Выступал на сцене той,
Аплодировали все.
Волновался сильно сам:
Так стоял во всей красе!

Речь о колледже родном
Произнес здесь на виду.
От семнадцати девчат
Нес подарки, как в бреду.

¹ Спектакль по пьесе М. Ауэзова «Енлик и Кебек». Его Халима смотрела вместе с подругами из интерната, после чего всю дорогу плакала.

Для меня был главный приз, -
С ханского плеча чапан.
От себя принес им в дар
“УНИС”¹, выглядев, как пан.

Как-то были мы в Москве, -
Ты сама купила мне
Та машинка до сих пор
Проработала вполне.

Твоего аула дочь,
“Журекадыра”, звать Шаган².
Подарив сестре часы,
Был восторгом обуян.

Прицепляя ей часы,
Прикоснулся я к руке.
Не сестренку, а Тебя
Ощутил, хоть вдалеке.

Поцелуй твоей сестры
О Тебе напомнил мне.
- Ах, была бы Ты сама?! -
Бормотал, горя в огне.

Находясь на сцене, в зал
Разбросал визиток³ сто.
По обычаю шашу
Пусть летят в людской простор!

В земляках – переполох,
Быстро начали читать:

¹ Пишущая машинка «УНИС», которой пользовался в последние 20 лет. Её в одной из поездок в Москву купила Халима. В Семипалатинском педучилище (ныне педколледж имени М.О. Ауэзова), где я учился, один класс назван моим именем. Когда приехал на 100-летний юбилей колледжа, с собой привёз 13 вещей, одной из которых была моя пишущая машинка.

² Шаган Жанасва – педагог-указ колледжа.

³ В виде гостинца на 100-летие колледжа заказал 100 визиток со своим портретом и привёз с собой в Семипалатинск.

Там Ауэзов, Назарбаев
И Олжас молве подстать.

Два портрета и твоих
В книжном виде преподнес.
Пояснил: “Мою любовь
С педучилища унес”.

Стоя, зал рукоплескал,
Восхищение вселив.
Головой кивал, пока
Не утих такой прилив!

Не подумай, что хвалюсь:
Лишь Тебе раскрыл секрет, -
Поделиться захотел
’адостью иных побед.

Алматы, Чимкент, Тараз
Мне оказывали честь.
Славой я не обделен!
Говорю все так, как есть.

Колледжа столетний той
Так примерно проходил.
Как покинули театр,
Белый дождичек полил.

Это – мой Тебе отчет
О поездке в отчий край.
От Семеня, Халима,
Шлю приветы, принимай!

12.09. 2003.

г. Семипалатинск,
гостиница “Семей”, люкс N 318.

Стихи о табарике¹.
Сегодня из Семипалатинска
Поехал я на Чингистау.
Не обозреть единым взглядом:
Кругом такая красота.

Ты не могла не прослезиться
Пред стелой "Енлик и Кебек"².
Не можешь ей не поклониться.
Коль ты – влюбленный человек.

Предстали две Орды³ пред нами.
Промчался вскоре промеж них.
И оказался в Жидебае.
Где царствовал Абая стих.

Вошел я в дом-музей Абая.
Где сохранился вечный дух.
Невольно сердце волновалось.
Впитав поэзию вокруг.

Нас Гульсара⁴ отменно встретив.
Сама экскурсию вела.
Усталость от дорожной встряски
Так постепенно отошла.

- Седлом сим Айгерим⁵ владела.
Отделанное серебром.
Ружье вот это тем бесценно.
Что отдал Таубе⁶, сам барон.

А это – кабинет Абая,
Где он читал, писал, творил.
Здесь за столом пером гусиным
Немало строк на свет родил.

¹ табарик – ценный поларок или гостинец.

² Памятник Енлик и Кебеку, установленный в долине Ералы в Абайском районе.

³ две горы в цепи Чингистау на семейской стороне, которые называются Большая Орда и Малая Орда.

⁴ Гульсара Кусаинова – экскурсовод Дома-музея Абая в Жидебне.

⁵ Вторая жена Абая.

⁶ Барон Таубе Максим Антонович – генерал-губернатор Западной Сибири в конце XIX века.

На этом стародавнем кресле
Сидел не раз Абай-ата.
Свои бессмертные творенья
Он создавал тут неспроста.

В шкафу классические книги –
Тома всех гениев земли.
Их по заказу для Абая
Из Семипалатинска везли! –

- А можно краешек погладить.
Поскольку кресло, словно трон? –
Спросил я безо всякой мысли.
Хотя заботой окружен.

Она, спокойно улыбнувшись,
Вмиг покачала головой.
Я здесь немного растерялся,
Засуетившись сам собой.

- Не позволяем прикасаться
Здесь драгоценным тем вещам.
Присесть вам даже разрешаем,
Чтоб память сохранилась нам. –

Не зная, верить иль не верить,
Я посмотрел в ее лицо:

- Так почему другим запретно,
Что выгляжу я молодцом? –

- Вы сохранили том “Абая”
В огне войны, неся домой,
Одной строкой стихов Абая
Назвав роман, в любви большой!..

А “Годы радости”... поныне –
Роман святой, как “Иманшарт”¹⁰¹.

¹⁰¹ «Иманшарт» - свод правил пророка Мухаммеда

Герои как Ментай с Ерболом¹
Для молодежи – верный старт.

Для нас всегда священной Меккой
Была зимовка Жидебай.
Потрогать вам мы разрешаем
Все вещи, что держал Абай. –

Я в этом заповедном кресле
Запечатлелся на фото.
Настолько было благородно,
Что воспарил душой притом!

Кровать особая из кости,
Украшенная серебром...
На ней всего лишь две подушки,
Что были Айгерим добром.

На торе, возле той кровати,
Была трехструнная домбра.
- Ата на этом инструменте
Все песни создавал с утра! –

Сказала Гульсара с восторгом,
Домбру мне в руки положив.
И снова аппарата вспышкой
Засняли, время уловив.

С таким волнующим почетом
К мемориалу повели.
Я вспомнил, что кумбез преславный
Санна руки возвели.

И твой кумбез – его творенье,
Прекрасный мастер из Актау.
Он прибыл на Кенсай воздвигнуть
Наш купол для Тебя подстать.

¹ Ментай и Ербол – главные персонажи романа «Годы радости и любви».

Сперва вошел я внутрь кумбеза,
Чтоб поприветствовать ату.
Обняв при всех надгробный камень,
Исполнил давнюю мечту.

Обмотан камень белой тканью,
Ее я гладил заодно.
Такую встречу с корифеем
Я запланировал давно.

Когда прощались, вдруг хранитель¹
Сложил в пакет тот материал.
Вручая мне, он восхищенно
Всю ткань заветную подал.

- Что это? – молвил удивленно.
На что хранитель заявил:
- Вам табарик аты святого.
Чгоб талисманом вас хранил! –

Кто из писателей такого
Почтенья видел испокон, **Халима?!**
Сегодня в лоне Жидебая
Объяла радость, будто сон, **Халима!**

Потом, отбыв из Караула²
В Журекадыр приехал я, **Халима!**
Считала Ты отцом Шакера:
Сходил на кладбище, молясь, **Халима!**

Мазаром Саина дивился,
Что для него поставил он, **Халима!**
Светился белою красою
В родной степи со всех сторон, **Халима!**

Пренебрегая сильный ветер,
Валивший тут с усталых ног, **Халима!**

¹ Турдыгали Мукашев – хранитель мемориального комплекса Абая и Шакарима в Жидебае.

² Караул – центр Абайского района Восточно-Казахстанской области.

Бродил по улицам аула,
Где начинался твой исток, **Халима!**

Готов был увезти в машине
Аул твой весь, как сердолик, **Халима!**
Страдал я то осознавая,
Что нет здесь родичей твоих, **Халима!**

Так близких братьев и балдызов
Хотелось мне расцеловать, **Халима!**
Но не осталось их и все же
Мне трудно было уезжать, **Халима!**

Какой-то камушек нарочно
Поднял с земли своей рукой, **Халима!**
И положил в карман, чтоб тоже
На память увезти с собой, **Халима!**

“Возможно, ножки твои в детстве
Его задели, хоть слегка”, ... **Халима!**
Такая мысль во мне возникала,
Что одолеть не мог никак, **Халима!**

Былые годы представляли
Твоей девической поры, **Халима!**
Потрогать камушек в кармане
Сам по себе возник порыв, **Халима!**

Подолгу находясь в дороге,
Под вечер прибыл в Караул, **Халима!**
Там к дяде твоему Камену¹
С большим салемом заглянул, **Халима!**

Мне соболезнуя, расстроен
Он был до трогательных слез, **Халима!**
Барана прямо закололи,
Хоть от меня и не был спрос, **Халима!**

¹ Камен Оразалин (1920-2008) — писатель, автор четырёхтомного романа «После Абая», земляк Халимы по аулу Журекадыр Абайского района.

Порою “зятём” называя,
Он оказал почет вполне. **Халима!**
Но то, что старость одолела,
Засело горестью во мне. **Халима!**

Помчались мы в Семипалатинск:
Опять дорога вдаль звала. **Халима!**
Адай, Айбек¹ - твои братишки
В поездке были два крыла. **Халима!**

13.09. 2003.

Семей.

73

Приехав снова в славный город,
Опять в двух встречах побывал:
В “Семей таны” среди журналистов,
Финколледж в тот же день позвал.

За конференцией назавтра
Устроен был солидный той.
Собрался весь Семипалатинск,
Заполнив ресторан с лихвой.

Затем был день опять в поездке:
Пришлось мне съездить вновь в Абай.
И только вог сумел сегодня
Прийти во двор, где птичий грай.

Здесь интерната нет в помине
И школы нет давным-давно.
Все здание приходит в ветхость:
В нем запустение одно.

Когда-то было общим домом
Оно для страждущих детей.

¹ Адай Азаматов – тогда начальник Семипалатинского городского управления культуры, Айбек Сапышев – поэт. Они вдвоем сопровождали меня в поездке по Абайскому району.

Попав в безжалостные руки.
Стоит, как после грабежей.

Узнал, что кто-то вознамерен
Сломать его на кирпичи.
Чтоб где-то в пригороде близком
Свой скотный двор заполучить.

Когда-то в школе двухэтажной.
Длиною в квартал, я робел.
Как-будто в Мекку попадаешь,
Где каждый должное имел!

Своим обжитым интернатом
Она была другим в пример.
На всевозможных олимпиадах
Могла добиться первых мест.

Я во дворе вот этом самом
От чувств впадал в душевный страх.
Впервой охваченный любовью
Блаженством таял на глазах.

Внимание всецело было
Обращено лишь на Тебя.
Увидев ясную улыбку,
Я млел, не чувствуя себя.

Не раз до двери интерната
Под стук сердечный провожал.
Погладив ветхие ступени,
Печаль немного отогнал.

Считая, что рукой касалась,
Приник губами к косяку.
Порой казалось, что выходишь
Навстречу юной к старику.

И я, как здание, довольно
За эти годы одряхлел.
Себя вполне осознавая,
Вздыхнув, признал, что постарел.

Но сердце снова встрепенулось,
Когда ступил на тротуар, **Халима!**
На этой улице остались
Следы той школьницы как дар, **Халима!**

Я завтра утром улетаю
И вскоре буду в Алматы, **Халима!**
Приду и рапорт свой представлю,
Чтоб успокоилась и Ты, **Халима!**

Семипалатинск.
гостиница "Семей".

14.09. 2003.

74

Сегодня дней уж восемьсот
Томлюсь козленком-сиротой. **Халима!**
Как-будто в доме нежилом
Обескуражен пустотой, **Халима!**

Тебе я письма все пишу,
Обеспокоенный, как мать, **Халима!**
Угомониться не могу:
Еще найдется что сказать, **Халима!**

Ты чистоплотной была,
Не запятнав себя ничуть, **Халима!**
Меня с иголочки одев,
Желала только добрый путь, **Халима!**

И у детей был внешний вид
С младенчества отменно чист, **Халима!**

- Примерная Жена и Мать! –
Так славил тот, кто был речист, **Халима!**

Соседи все, и стар, и млад,
В Тебе не чаяли души, **Халима!**
Всегда готова одолжить,
Не трепетала за гроши, **Халима!**

Коль кто-то забывал про долг,
О нем могла не толковать, **Халима!**
Помимо пищи, тканей, книг,
Излишне не стремилась брать, **Халима!**

Без исключения для всех
Ты не жалела свой поклон, **Халима!**
И даже к нищим по пути
Грустинкой взгляд был наделен, **Халима!**

Привычки милые твои,
Тоскуя, в памяти храню, **Халима!**
Не перестану вспоминать,
Неся по жизни, как броню, **Халима!**

5.10. 2003.

75

Сопереживание

Послушаешь ли, Халима,
Печальные песни мои?
С Тобою я лишь поделюсь,
Раскрыв втуне мысли свои.

Сегодня по парку ходил,
Где разные думы познал.
Одну из которых Тебе
Решил изложить допоздна.

Мы, будто бессмертны, порой
Готовы и смерть осуждать.
То ходим, что грудь колесом,
То лаем, как пес, так сказать.

Мы сами, интригу создав,
Сплетаем корыстную сеть.
На зависть вещей понабрав,
Не можем предела узреть.

Садимся, гордясь, в “Мерседес”,
Чтоб где-то промчаться с лихвой
И коршуном ринуться вниз
На утку красы неземной.

Расстроившись впрямь иногда,
Зальемся вином через край.
Схватив все ж болезнь, наконец,
Страдаем, хоть тут пропадай.

Совсем обабдели в деньгах:
Пред ними готовы трястись.
О вырубках только в мечтах
Проходит бессмысленно жизнь.

Бежим без оглядки на той:
Особый к нему интерес.
Не зная, что будет потом,
Транжируем карманы, как бес.

Заботы о будущем нет.
Куда это время идет?
Подумаешь о бедняках, -
От жалости вправду трясет.

Но как мы добудем расцвет,
Культурой своей дорожа?
Никто не стремится о том
Заботиться, сердцем дрожа.

Ведя себя долго впотьмах,
К разору мы явно придем.
Как лес, преумноженный люд
Мы к счастью когда приведем?

Умеем хвалиться сполна,
Хороших людей очернить.
Когда никого не клюем,
Нам трудно становиться жить.

Мы, будто бессмертны, порой
Готовы и смерть осуждать.
Казахам, что жизнь коротка,
Когда же придется познать?!

С лентой не слоняйся, казах,
О нации думай сперва.
Забудь те привычки в укор,
Чтоб светлой была голова.

Земля благодатна, вода!
Чего больше надо еще?
От зависти Степь береги,
Будь зорок, любя горячо!

9.10.2003.

76

Всю ночь с твоей подушкой
В обнимку провожу, **Халима!**
С бессонницей залетной
Опять в тоске лежу, **Халима!**

14.11. 2003.

77

Девятьсот дней

Девятьсот дней сегодня,
Как обуян тоской.
Как от меня, супруга,
Укрылась Ты землей.

Девятьсот дней сегодня,
Как сердце гложет грусть.

Как я, обняв одежду,
Не слышу слов из уст.

Девятьсот дней сегодня
Печалюсь без конца.
Вздыхаю ежедневно
По милости творца!

Девятьсот дней сегодня
Тоскую по Тебе.
Душа моя трепещет,
Подвластная судьбе...

13.01. 2004.

78

**Отдельные строфы, написанные
в разные дни на разных листках**

Была любимой женой,
Исполнив нашу клятву!
Себя сполна мне посвятив,
Ушла, призвав к порядку!

27.03. 2002.

Пятьдесят четыре года
Руку гладил я рукой.
Не истратил свое чувство,
Находясь в любви такой!

Девять лет я ждал ответа,
Что измучился, страдал.
И поэтому, наверно,
Каждый день Тобой дышал.

30.04. 2002.

Девять лет ходил с любовью,
Чтоб просить твоей руки.
Свет очей, добившись цели,
Я вознесся по-людски.

Камни тонны шестьдесят
Из Актау завезены.
Как Корпеша и Баян.
Твой Кумбез – краса весны.

16.06. 2002.

Я вспомнил поездку:
Хотели вдвоем
Прибыть в твой Аягуз.
Хоть близких найдем.

Райком дал машину
В Тансыкской тиши
К Баян и Корпешу
Пришли от души.

22.06. 2002.

79

Тысяча дней

Сегодня ровно тысяча дней.
Как я Тебя лишился. **Халима!**
Как лебедь, раненый в крыло,
Во вдовий стан прибился. **Халима!**

Позволь и плакать, и стенать,
Выплескивая песни. **Халима!**
Печали столько набралось, -
В груди ей стало тесно. **Халима!**

Вздыхая тяжело, каждый день
Подробно вспоминаю.
Хоть знаю, что возврата нет,
Все ж с грустью пребываю.

Порою я на стук в двери
Бегу, как ошалелый.

Увидев, что совсем не Ты,
Хорьком ползу несмело.

Дверь иногда сама собой
Отстукивает звуки!
Бегу туда – нет никого,
Что опускались руки.

Хоть этой вздорной беготне
Мне пред собою стыдно,
Тут успокаивает мысль:
“Витает дух твой скрытно”.

* * *

Ушел бы вместе с ним в закат.
Коль солнцем в небо станешь.
Смотрел бы на восход всю ночь,
Взывая беспрестанно!

* * *

Твою подушку иногда,
Что с наволочкой красной,
Ночами обнимаю так,
Что ободрюсь, как лаской!

* * *

Из жизни лебедь отойти
Торопится за парой.
Не лучше ли мне умереть,
Чем жить с обидной карой?

* * *

Увидев женщин целый рой,
На улицу как выйду,
Я думаю: “Она среди них
Идет отвлечь обиду?!”.

* * *

Я помню то, моя душа,
Как мило улыбалась.
И поражаюсь сам собой:
“А мало ли досталось?”

* * *

Но отлучившись от Тебя,
Судьбою недоволен.
Прожив с Тобой полсотни лет,
Как миг, считаю с болью!

* * *

На слово Счастье есть ответ:
Всех слов любимой слиток.
При ней доступен в жизни трон
С ее премилой свитой!

* * *

Когда супруга погладит,
Познаешь рахат и лаззат¹
Уйдут и чины, и богатство,
Когда перестанет ласкать!

* * *

О, смерть, последняя злодейка,
Мою супругу унесла!
Чем видеть тело бездыханным,
Зачем глаза не скрыла мгла?!

* * *

О, мир изменчивый, суетно
Меня от милой отвлекал.

¹ Рахат и лаззат – удовольствие и наслаждение.

Как это я и не заметил,
Что вдруг вдовцом невольно стал!

* * *

Ты унеслась в такую бездну,
Что не дотянется рука, **Халима!**
Отныне это твое место
Уж не займет никто никак, **Халима!**

* * *

Лицо, что гладила порою,
Истосковалось по губам, **Халима!**
Останусь лишь твоим Азилем,
Об этом зная только сам, **Халима!**

* * *

Познал я свежий ветерок, -
Твой голос спозаранку!
А без него весь светлый мир,
Как ночь, где стал подранком.

* * *

Я у Кумбега посадил
Две сосенки на память, **Халима!**
Здесь, как прикаянный, кружусь:
Пусть будут вечно с нами, **Халима!**

* * *

Смотрю приковано на них
И представляю просто,
Как мы, зеленые в любви,
Так ожидали роста!

* * *

Любовь – это бурное море:
Всецело уносит стремглав.
Беснуются волны накатом,
Пока доберешься к ней вплавь!

Немало пришлось мне проплавать,
Чтоб встретить Тебя, Халима.
Десятки лет были мы вместе:
От счастья я был без ума.

Теперь это море иссохло,
Пустыней предстало оно.
Охвачен я волнами горя,
Что слез удержать не дано.

* * *

Ты была мне Солнцем днем,
Объяв лучами с головой.
Чтоб ночью душу осветить,
Вставала вечером Луной.

Теперь во мраке нахожусь:
Не стало Солнца и Луны.
Хоть пользы нет, но дни мои
Одними вздохами полны.

* * *

Когда из дома выхожу
Я вижу много женщин.
Хотелось встретить среди них
Тебя, ничуть не меньше.
Но это - лишь одни мечты
Им никогда не сбыться.
На тоях просто так смеюсь,
Чтоб изредка забыться.

* * *

Всю ночь готов был обнимать:
Ушли те праведные ночи.
Твой тихий отклик: "Милый мой!"
Любил я слышать между прочим!

Мне даже воздуха в обрез:
Теперь совсем иное время.
Взвалили думы о Тебе
Сполна бессонницу, как бремя.

* * *

Когда иссохнет весь Иртыш
И потеряет свое русло,
Когда исчезнут горы все
И на природе станет пусто,

Тогда лишь вечная любовь
В груди со мной погаснет вместе.
Вослед потомки запоют
О нас с Тобой душевно песни.

* * *

Я часто-часто все пишу,
На пальцах даже есть мозоли.
Но коль погладить бы смогла,
То ничего не надо больше.

* * *

Нынче ездил в санаторий,
Побывал я в "Алматы".
Вспомнил, как с Тобой вздыхали
От природной красоты.

Мы ходили всюду вместе:
Все завидовали нам.
Обходил былые точки
По низинам и горам!

Мне хотелось поклониться
Той березке, что жива.
На асфальте, где ходила,
Закружилась голова.

Белый беркут¹ смотрит также,
Крылья в небе распластав.
“Их погладим”, - губы шепчут,
Попусту Тебе позвав.

* * *

При Тебе казались краше
Улицы все Алматы,
Люди были веселее
И духовно не пусты.

Улицы, хотя и те же,
Уже стали для меня.
Люди выглядят мрачнее
Сторонясь, как от огня.

Нет! Не сузились проспекты,
Люди ходят как всегда.
Без Тебя смотрю угрюмо,
Словно властвует беда.

* * *

Не забуду никогда,
Ты вся в памяти моей:
В жилах, в клетках и в крови,
Во плоти души моей!..

¹Белокаменное изваяние беркута у санатория «Алматы».

* * *

Годы мчатся неуклонно:
Ты все дальше от меня.
А я мучаюсь привычно,
Близость духа сохраняя.

* * *

Белый твой Кумбез сияет
На зеленом склоне гор.
Каждый раз при виде млею,
Будто там лежу с тех пор.

* * *

Знаю, камни Алатау
Как подушки станут мне.
Я найду приют однажды
Рядом в этой стороне.

* * *

Не скрывайте склоны, тучи,
Забираясь до вершин!
Заволакивая купол,
В сердце вбили острый клин!

* * *

Не скрывай от глаз Кумбеза,
Новоявленный туман!
Поклонюсь с отрадой в пояс,
Коль уйдешь на задний план!

* * *

В том Кумбез белоснежном
Обрела жена приют!
И моя душа за нею
Прилетит, ища уют.

* * *

Взявшись за руки, ходили,
Восторгаясь без конца.
Сотню лет хотели вместе
Жить с отвагою борца!

О согласии и дружбе
Мысли были в нас с утра.
“Делать благо разным людям!” —
Мы твердили от добра!

Сном единым пролетели
Эти благостные дни.
На “Кенсае” Ты, я дома,
Разобценные одни.

* * *

Поднимая подбородок,
Я смотрю на небосвод.
Нахожу, что твои брови,
Словно лунный разворот.

В новолунии обычно
Вижу я твое лицо
И здороваюсь с поклоном,
Представляясь молодцом.

Соловей, о, сладкозвучный
Залетел ли далеко?
Ты у белого кумбеза
Заливайся высоко!

* * *

Чтоб коснулись твои лапки,
Посадил я две сосны.

Халиме со мной подобны,
Дружно в рост пойдут с весны.

* * *

Ты опять во сне явилась
И дарила звонкий смех.
Удивительно, что мило
Не чуралась всех утех...

Вмиг, проснувшись, начал гладить
Разволновано постель.
Но Тебя опять нет рядом, -
Вот такая канитель!

* * *

Когда теряет лебедь пару,
Слетает замертво с небес!
Какой любовью обладает,
Чтоб испытать подобный стресс!

Природа наградила чувством
Таким чудесным лебедей!
Так почему я после смерти
Не устремился вслед за ней?!

* * *

Ты поселилась в моем сердце,
Что нелегко Тебя отнять.
Но как живу на белом свете,
Посмеив навечно потерять?!

* * *

Умерших люди забывают:
Им подавай живущих жен.

К Тебе одной, моя родная,
До смерти буду я влюблен!

* * *

Мужчины в сущности желают
Живую женщину любить.
А Ты – мой гений, кто лишь сможет
Земную жизнь мою продлить!

* * *

Ты от меня ушла далече,
Куда ногами не дойти.
Но чувство в сердце неизменно.
Что вечно сохраню в пути!

* * *

Когда настигнет сильный град,
Птенца укроет лебедь,
Хотя в тот миг со всех сторон
Невзгода растеребит.

Большие крылья распластав.
Возляжет неподвижно.
Такую участь лебедь-мать
Несет, как честь, не ниже...

Все трудности взвалив сполна,
Сродни Ты с лебедями.
Птенцом лебяжьим сберегла
Меня от всякой ямы!

Была в лихие времена
Укрытием, спасая.
Как Мать, лелеяла меня,
Ко славе продвигая!

* * *

Мне восемьдесят с лишним лет
С восемью горами.
Рахат, лаззат – к ним интерес
Далеко за нами!

* * *

Пятьдесят четыре года
Жили мы одной душой:
Света много, потому что
Халима была со мной!

* * *

Пальто ладонью глажу,
На платье есть чутье, -
И будто Ты приходишь,
Преобразив житье!

* * *

Но сколько бы не гладил,
Ни слова мне в ответ.
И здесь опять горюю,
Что дома Тебя нет.

Земная жизнь так преходяща
Ее становится мне жаль.
Была Ты светочем всей жизни, -
Погасла, устремившись вдаль.

* * *

Как в доме, где погасла лампа,
Сижу один я в темноте.
По сторонам опять взираю,
Хотя подвержен слепоте!

* * *

Прохладно нынешней весной.
Тепла мы ждем себе в угоду!
Уже деревья под листвою,
Но не смягчается погода.

Когда бывали мы с Тобой,
Не ощущал я так морозы!
Теперь сижу себе один,
Ворча на метеопрогнозы.

* * *

Мы с Тобой, мечтая,
Дачу обрели.
Яблони с цветами,
Травы подросли.

Все деревья наши
Вытянулись в рост.
Ставит даже ветка
О Тебе вопрос.

Горестно деревья
Узнают, что нет.
Старенькая груша
Плачет много лет.

Около кумбеза
Целый рой цветов.
Духом представляя,
Глажу их без слов.

Тут окрест "Кенся"
Расцвели цветы.
Снова озираюсь,
Словно ходишь Ты.

* * *

Ходил на вертолетную площадку¹,
Что в двух шагах от пригородных дач.
Там на лугу трава росла густая,
Где я прилег, свернувшись, как калач.

Ковыльную траву люблю я с детства
Прижавшись, ощутил твое лицо.
Ощупывая мягкую лужайку,
Ушел в твои объятия с концом!

Склонился лбом, коснувшись трав тихонько:
Нам нравилось друг друга так ласкать.
Мне не хотелось с луга отрываться,
Чтоб быстро тот момент не упускать!

Сюда с Тобой не раз мы приходили.
Теперь я одиноко здесь стою.
Чтоб встретились душа с душой совместно,
Я бережно храню Любовь свою.

Но поиски Тебя самой напрасны.
Волнуют лишь знакомые места.
Уверен, что такой заветной парой
Не ступит здесь никто и никогда!

* * *

Пред весенним первым громом
Вспыхнет молния на миг.

¹ Участок Казпотребсоюза, где мы с Халимой частенько бывали. Сейчас находится в собственности конфермы.

Словно молния на небе,
Кто догонит милый лик,!

* * *

- Весна пришла! Весна! – повсюду
Заликовали голоса.
Но Халима – весна навечно,
Взлетела тотчас в небеса!

* * *

- Приду я завтра! – заявила
И в поликлинику ушла
Прождал я долгими годами...
Как возвратиться не смогла?!

* * *

“Вчера” произнесешь покуда.
“Сегодня” смотрится в окно.
Пока глаза, закрыв, раскроешь,
Вся жизнь промчится все равно.

* * *

Ты была моей супругой
Пренадежной, Халима.
Вдруг ушла так незаметно,
Жизнь мою продлив сама.

* * *

Тысяча дней для живущих немало,
Все ж протекли, как сквозь пальцев вода.
С Тобой принимал аппетитно пищу.
Теперь, как яд, отвращает еда!

Сегодня в школе был на встрече
И просидел там пять часов.
Когда я знал, что ждешь Ты дома,
Прочь избегал излишних слов!

* * *

Посмотрел по сторонам, -
В зелени деревья.
Словно стало веселей,
Улучшая зрение.

* * *

Ничего не стоит все
Пред твоей улыбкой.
Без Тебя, мелькая, Жизнь
Кажется мне зыбкой.

* * *

Не раз мы на лужайке
Сидели налегке
И вспоминали детство,
Как песню вдалеке.

* * *

По берегу скакали
Своей родной реки.
В детдоме были драки
И ночи коротки.

* * *

Найдя Твое то место,
Лежу, его обняв.
С Тобой я был в почете, -
Осмыслил, потеряв...

* * *

Коль дерево качает,
На нем листок дрожит,
Подобно мне, бродяге,
Кто без вести лежит.

* * *

От дерева сорвавшись,
Листок к земле летит.
Там, в мусор превратившись,
Не станет ядовит?

* * *

Кумбез – твоя обитель!
Издалеку смотрю.
С Тобою рядом лягу,
Когда уж догорю.

* * *

Ойхой, Кумбез заветный
Сияет белизной!
Хотел бы, чтобы вечно
Блистал моей ордой!

* * *

Ойхой, Кумбез отменный!
Я думой воспылал,
Когда же с Халимою
Меня сведешь, чтоб знал?!

* * *

Когда-то мне из Жизни
Придется уходить.

Тогда прилягу рядом,
Что не отгородить!

* * *

Ойхой, Кумбез заветный!
Приду сюда и я.
Тогда, бесспорно, будет
Обитель и моя!

* * *

Ты будешь малым Тадж-Махалом
Здесь, благородный наш Кумбез!
Молюсь, чтоб не было бы сглаза,
Когда излишний интерес!

* * *

За тысячу дней накопилось:
Не выскажешь толком и враз.
Как воин, дающий свой рапорт,
Пред фото стою я подчас.

* * *

Смотрю, взволновавшись изрядно,
Как-будто Ты вдруг ожила.
Поправлю прическу невольно:
Ты зеркалом милым была!

* * *

Парит на просторе “Кенся”,
Как чайка, наш светлый Кумбез.
Потомки придут не однажды
С поклоном на фоне небес!

* * *

- Что за кумбез? – с таким вопросом
Не попадешь совсем в тупик.
Там Нуршаихов как писатель:
Романы вспомни среди книг!

22.04. 2004.

* * *

Когда я был на фронте,
Вестей от милой ждал.
И радости предела
От писем тех не знал.

Казалось, что в Семее
С Тобюю нахожусь,
В той Гоголевке вместе
Я с книгами вожусь.

Когда бывали в зале,
Я Пушкина беру.
Евгения¹ все фразы
Мне были по нутру.

В твоих руках увидел
Там “Горе от ума”².

- Грибоедовым будешь! –
Сказала мне сама.

Охотников до книги
Немало, пруд пруди.
И все ж мы покупали,
Хоть бедность впереди.

Читающие дети
Забыть могли еду.

¹ Главный герой поэмы Пушкина

² Комедия А.С.Грибоедова.

И с начатою книгой
Носились, как в бреду.

Хранили мы обычай:
Не соблазнит и мед.
Равнялись на великих,
Что стыд не разберет.

Равнение на славных
Никто не осуждал.
И в нас жила надежда,
Где дух нам помогал.

Тогда “моей Татьяной”¹
Посмел Тебя назвать.
Отвергнув псевдонимы,
Могла в упор стоять.

Взмахнув рукой, сказала:
“Зовите Халимой!”
Но мне дала Ты имя,
Что было в лад с мечтой.

Потом договорила:
- Все ж Пушкин далеко.
Грибоедовым будешь,
Что тоже нелегко! ..-

Еще письмо на почте
Я взял, оторопев.
Припомнив вновь надежды,
Читал как твой напев:

“Живем мы на Лубянке,
Где есть наш общий дом.
Военная цензура:
Читали все с умом.

¹ Персонаж поэмы «Евгений Онегин» А.С.Пушкина.

Метро там остановка
Есть “Чистые пруды”.
Главпочта недалеко,
Пешком легко дойти.

Мы из солдатских писем
Язык свой¹ отобраз,
Проверку производим
По мере своих прав.

Вникая в эти письма,
Читаем целый день:
То радостны бываем,
То грусть наводит тень.

Кому-нибудь награда –
Мы радуемся все.
Когда боец повержен, -
В печали, не в красе.

Оглядываюсь вправо
Раз десять у метро.
Там Грибоедов смотрит,
Поднявшись в полный рост.
Порою подбегаю
И глажу пьедестал,
Как волосы живые,
Чтоб тоже славным стал.
Во мне то неспроста!”.

Так нежно Ты писала
В письме одном ко мне.
Слова твои запали
На память в глубине!

Когда мы были вместе,
Ты гладила меня.

¹Язык свой – в смысле письма, написанные на разных языках. В период ВОв для проверки фронтовых писем около ста девушек разных национальностей были военными цензорами. Халима была одной из них.

От той сердечной ласки
Я не сходил с коня.

Ты баловала в жизни
Меня подстать дитя.
Теплом души согретый,
Достал свой пьедестал.

Хотя не Грибоедов,
По-своему в чести.
Тебе уж доводилось
Все трудности нести!

Увидев в старом томе
Писателя портрет,
Твой слова живые
В стихах возвел на свет.

Все лучшее, что было,
Как довести вполне?
При жизни не закончу,
Но встретиться бы мне!

* * *

Ты помнишь, Халима,
Походы на базар?
Наполнив сеток две,
Едва брели назад.

Не уступая мне
Из сеток ни одну,
Твердила: “Сердце, сердце”,
Как-будто враз согнушь.

Тогда я по судьбе
Инфаркты перенес.
Наложен был запрет
На груз – вот перекося!

Сердечные врачи
В заботе обо мне
Сказали: "Три кило,
Не поднимать извне!"

Две сетки в двух руках
Сама несла домой.
Позволить не могла,
Чтоб я помог, больной.

- Когда иду с тобой,
Мне пуд нести не в счет! –
Шутливо изрекла.
Взбешен был я, как чёрт.

Сердился от стыда,
Что руки так пусты,
Что после на твоих
Появятся рубцы.

- Тогда иди вперед,
Как-будто кто другой.
Спокойно, без расстройств
Пойду сама собой. –

Сказав мне просто так.
Поставила свой груз.
Остановившись тут,
Я чувствовал не грусть.

Вдвоем мы в тот момент
Вступили в легкий спор.
Те шутки по душе
Я помню до сих пор:

- Обычно называл:
О, солнышко мое!
Но некто скажет вдруг,
Что в рабство ввел ее!" –

- Рабыней быть могу,
Когда любовь во мне.
Для женщины с умом
Иного счастья нет!

Молва не в силах в нас
Любви поколебать.
Любовь в груди царит —
И это благодать!

Молва не в силах в нас
Любви поколебать.
Как Родину, любовь
Готова защищать!

Сочувствие душой
От рабства далеко!
На улице давай
Не рассуждать легко. —

Похлопав по плечу,
Ты завершила речь.
Какое счастье все ж
Не смог я уберечь!
Здесь сетки в руки взяв,
Ты подарила взгляд.
Мне было суждено
Так с ангелом стоять.

Судьба, такой момент
Не возвернешь назад?!
Во благе был, за что
Я бесконечно рад!

Уж тысяча вот дней
Я прошагал один, **Халима!**

Без ангела души
Хотя и не кретин, **Халима!**

Опора в жизни есть
Одна моя любовь, **Халима!**
При имени Твоем
Трепещет в сердце кровь, **Халима!**

80

Откровение

С пути однажды я сбивался:
Признался откровенно в том.
Но не позволила в отместку
Себе раскаяться потом.

Хотя и мучила обида,
Смогла оплошность мне простить.
На сердце ревностное пламя
Сумела вскоре потушить.

- Об этом никому ни слова, -
Предупредила, - не сболтни! -
Отныне мне порукой честность
Была, коль в близости одни.

За пятьдесят четыре года
Ни разу не пришлось краснеть.
Ты до конца совместной жизни
Смогла со мной лишь прогореть!

Немало женщин есть на свете,
Готовых на любой скандал.
Лицо царапают не те ли,
Коль муж случайно обижал?!

Хотя земля вдруг затрясется,
Не изнывалась надо мной!
Жена бесценная старалась,
Любя, прикрыть проступок мой.

Тебе не нравились нисколько
Излишней славы крик и шум.
Умом, характером, делами
Полна добра, как толстосум.

Была одной из лучших женщин,
Кого прозвали золотой.
В двадцатом веке, айналайын!
Пред духом, Халима родная,
Склоняюсь низко головой!

Тоску наружу выдавая,
Уменьшить тяжесть удалось.
На этом песню – плач закончу,
Что спеть сегодня довелось.

22-24.04. 2004.

81

Три года

Золотое Твое сердце
Воссияло от любви:
Человечности премного,
Уважение в крови.
Вся прекрасная по виду
И ума не занимать.
Поведение на людях
Твоей совести подстать.

Если Ты бывала рядом,
То сопутствовал покой.
Если пить мне подавала,
То напиток был с душой.

Вот прошли уже три года,
Как тоскую по Тебе.
Я повержен “слепотою”,
Что не вижу при мольбе.

Грудь мне распирает горе
И в глазах одна печаль.
Не взойти на ту вершину,
Где находишься, а жаль!

В беспокойстве жил три года,
Воздвигая твой Кумбез.
Все равно я не считаю,
Что исполнил долг свой весь.

Ты дарила смех и радость,
Подарила мне детей.
Сколько б жизнь не продолжалась,
Быть в долгу любви Твоей!

27.07. 2004.

Очередное письмо

Находясь на дальнем фронте,
Знал, что ждешь в Москве письма.
Хоть, дойдет мой треугольник,
Беспокоилась, как мать.

Отправляю ныне письма
От Земли, где мирный фронт,
Где живущие здесь люди
Знают радость и урон.

I

Мы столетие кончины
Отмечали в эти дни,
Как Абай, простившись с миром,
На том свете стал сродни.

Посвящая этой дате,
Ас¹ устроил брат Мухтар.²
Уважаемые люди
Собрались: и млад, и стар.

Говорили люди речи,
Славя гения перо.
Как Иртыш наш в половодье,
Заливались все порой.

Также мне досталось слово
На поминках тех больших.
Вспомнил о твоём завете,
Что сказала в скорбный миг:

- Ты не знаешь сур корана.
Пусть заменит их Абай.
Из его стихов любые,
Как молитву, прочитай! —

- Я читаю, посещая,
Из Абая наизусть.
Завещание супруги
Свято так хранится пусть! —

А Тебя на этом асе
Громогласно помянул,
Словно в вечности любви
Вновь прилюдно присягнул.

II

Поминки годовые
Прошли у Турсынхан.
Четыре ее дара
Мы возвели, как сан.

¹ Ас — поминки.

² Мухтар Кул-Мухаммед.

Невица, поэтесса,
Ученая и друг, -
Те качества, которых
Познали все вокруг.

Довольный за Сабита¹,
Я тоже говорил:
О ней, как о народной
Любимице твердил.

III

На асах и тоях иных
С ровесниками пребываю.
Повсюду, ладони раскрыв,
По-своему благословляю:

- Земля, что на карте Казахстана,
ДА БУДЕТ БЛАГОПОЛУЧНА!
Страна, что на этой земле находится,
ДА БУДЕТ БЛАГОПОЛУЧНА!
Матери, которые казахов:
Рожают,
Взрастили,
Умножают,
Окрылили,
ДА БУДУТ БЛАГОПОЛУЧНЫ!

Дети, рожденные матерями,
ДА БУДУТ БЛАГОПОЛУЧНЫ!
Выросшие из детей джигитами,
На коне крепко сидящие азаматы
ДА БУДУТ БЛАГОПОЛУЧНЫ!
Родной язык, сохраняющий
Казахский народ на уровне нации,
ДА БУДЕТ БЛАГОПОЛУЧЕН!
Определяя внутреннюю и внешнюю

¹Писатель, поэт, драматург, лауреат международной премии имени М.А.Шолохова Сабит Досанов – названный сын Турсынхан Абдрахмановой.

Политику Государства,
Избавляя от столкновений,
Отводя от воин,
Ведущий народ к расцвету
По мирной стезе вперед
Наш Президент Нурсултан
ДА БУДЕТ БЛАГОПОЛУЧЕН!

Ученые люди, поднимающие все выше
экономику,
культуру,
искусство страны,
ДА БУДУТ БЛАГОПОЛУЧНЫ!
Пусть все сказанное неуклонно сбудется!
По-казахски говоря,
Кабыл болсын!¹
По-арабски прозвучит:
- АМИНЬ! –

* * *

Дорогая Халима,
Спутница до гроба.
Передал покамест все,
Где причастны оба.

Еще немало впереди
Делов, что поручила.
Мне в жизни надо преуспеть
За то, что разлучила.

22.09. 2004.

Перевод с казахского Мурата Султанбекова.
Журнал «Абай» №2, 3 за 2006 год.

¹ Пусть исполнится.

ҚҰТТЫҚТАУ ХАТ Мұрат Рақымжанұлы СҰЛТАНБЕКОВКЕ

Аса қымбатты Мұрат інім!

Сізді 70 жылдық мерейтойыңызбен шын жүректен құттықтаймын.

Сіз ұлы орыс тілін өз ана тіліңіздей меңгеріп, қазақ әдебиеті туындыларының шетелдерге шырқауына елеулі үлес қосып келесіз. Әсіресе, Абай өлеңдерін, Абай баласы Ақылбайдың «Дағыстан» поэмасын, Абайдың ұлы інісі Шәкәрімнің «Қалқаман-Мамыр», «Еңлік-Кебек» поэмаларын орыс тіліне тамаша аударуыңыз әдебиетіміздің алыптарын сырт жұртқа танытуда табысты еңбек болды. Сіз аққу қанатты орыс тіліне аударған ол шығармалардың енді өзге тілдерде де самғауы сөзсіз!

Әдебиетіміздің алыптарын аударған үлкен аудармашы Сіздің менің «Мәңгілік махаббат жыры» деген қарапайым кітабымның «Халимаға хат» бөлімін орыс тіліне ойдағыдай аударып, аруақты «Абай» журналына жариялатқаныңызға тәнтімін. Мың рахмет Сізге! Қазақ әдебиетінің халықаралық абыройы үшін ұзақ жасап, жемісті еңбек ете бергейсіз.

Шыңғыстау тәрізді тамаша талантыңызға бас иіп, бала-шаға, құрметті келін бәріңіздің әмісе аман-саулықта болуларыңызға тілектестік білдіремін.

Сіздің ерен еңбегіңізді ерекше бағалап, тойыңызды ойдағыдай өткізіп жатқан дос-жолдастарыңызға, қала мен облыс басшылығына алғыс сәлемімді жолдаймын.

Зор құрметпен,

Әзілхан НҰРШАЙЫҚОВ,
Қазақстанның халық жазушысы,
Абай атындағы мемлекеттік сыйлықтың лауреаты,
А.А. Фадеев атындағы халықаралық
сыйлықтың лауреаты;
М.О.Әуезов атындағы Семей университетінің
Құрметті профессоры.
Алматы,
14.01.2008 жыл.

ЭЛЕКТРОННОЕ ПИСЬМО

(Вместо послесловия)

ПОЗДРАВЛЕНИЕ

Мурату Рахимжанулы СУЛТАНБЕКОВУ

Многоуважаемый, мой младший брат Мурат!

Вас от чистого сердца поздравляю с 70-летним юбилеем.

Вы, овладев великим русским языком, как своим родным, вносите заметный вклад в дело распространения творений казахской литературы в других странах. Особенно успешным трудом в ознакомлении с титанами нашей литературы других народов стали ваши прекрасные переводы на русский язык стихов Абая, поэмы Акылбая сына Абая «Дагестан», поэм великого младшего брата Абая Шакарима «Калкман и Мамыр», «Енлик и Кебек». На русский язык с лебедиными крыльями переведенные вами эти произведения теперь и на других языках, безусловно, воспарят в свободном полете!

Благодарен как большому переводчику титанов нашей литературы за то, что Вы, удачно переведя на русский язык раздел «Письма Халиме» из моей скромной книги «Песнь вечной любви», опубликовали в досточтимом журнале «Абай». Тысячу раз спасибо Вам!

Желаю долгой жизни и плодотворной работы для международного авторитета казахской литературы.

Склоняя голову перед, словно Чингистау, вашим прекрасным талантом, детям, семейству, достопочтенной снохе выражаю пожелание в том, чтобы все были в полном здравии.

За то, что, особо оценивая ваш значительный труд, проводят на достойном уровне юбилей, шлю благодарственное приветствие вашим друзьям и товарищам, руководству города и области.

С большим уважением

Азильхан НУРШАИХОВ,
народный писатель Казахстана,
лауреат Государственной премии
имени Абая, лауреат международной
премии имени А.А.Фадеева,
Почетный профессор Семейского
университета имени М.О.Ауэзова.

Алматы,

14.01.2008 год.

(Перевод с казахского наш – М.С.)

Личная печать А.Н.

Данное письмо в оригинале на казахском языке опубликовано в газете «Семей таңы» от 24.01.2008 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИРИКА

МАТРОССКАЯ МУЗА

Весело, как с парашотной вышки.....	6
Тревога.....	6
Ответ на песню «Мы вас подождём».....	8
Новогодняя вахта.....	8
Заслужил.....	9
На службе флотской.....	10
На рыбалке.....	10

РОДНАЯ ПОЛОСА

Выпускники школы.....	11
Буду рад.....	12
В школе.....	13
Улица Комиссарская.....	14
Звезда. БРАТУ САМАТУ.....	15
Открытка.....	15
Приобщение к театру.....	16
Возвращение птиц.....	17
Молодое лето.....	18
В осеннем парке.....	19
Осень на иртышском острове.....	20
Старожил.....	21
Прощание с театром.....	22
Ещё одна зима.....	23
Первые друзья.....	24
Ожидание весны.....	25
Возвращение в Прииртышье.....	25

За Иртышом,	27
Дорога.....	28

ЗВЕЗДОЙ ОСЕНИТ...

(ПОСВЯЩЕНИЯ)

Слово об улане Машрапе.....	30
Незабвенный Зарыкбек.....	31
Помня о Турлыхане Касенулы	32
Братьям Даукеевым.....	33
Ризе Молдашевой – в память о Бекболате.....	34
Вспоминая Сулеймена Накышулы Уйсумбаева.....	35
Звезда Жакии Чайжунусова	36
К 50-летию юбилею Каюма Мухамедханова.....	37
Саламалейкум, Герман Титов.....	38

Цикл стихотворений о Мухтаре Ауэзове

Прощание с аулом.....	40
Приезд в Семипалатинск	41
Первый спектакль в степи.....	42
На иртышском ветру	44
К новой эпохе.....	45

Из цикла «Материнское сердце».

Обновление.....	46
Возвратился.....	47
Первый снег.....	47
Прощание с матерью.....	48

ЗА ГОРИЗОНТОМ

' (Стихи разных лет)

Родной дом.....	48
-----------------	----

Новогодние звезды.....	49
Эхо детства.....	50
Наш Достоевский.....	50
Тропа к Абаю.....	51
Ильяс Жансугуров.....	52
У памятника Мухтару Ауэзову.....	53
На тое Абая.....	54
Линия судьбы.....	55
Немало вех.....	56
На перроне.....	57
Мирный город.....	58
В дружбе и согласии.....	58

ПОЭМЫ

Окно соклассницы.....	61
Моряк с крейсера «Киров».....	83
Защищая город на Неве.....	86
Батыр Мамай хана Аблая.....	90
За стезёй Абая.....	95
Живи во славу, Астана.....	99

ПЕРЕВОДЫ

АБАЙ КУНАНБАЕВ

(1845-1904)

Времена года.....	
Лето.....	104
Осень.....	105
Зима.....	106
Весна.....	107
Стихи Абая о четырёх временах года.....	109

ЛИРИКА

Безветренной ночью луна.....	128
Не исцелить.....	128
Сколько б тебя ни хвалили.....	129
Тикают часы.....	130
Жила одна красотка во дворце.....	130
Сердце моё.....	131
Что чувствуешь, сердце, скажи-ка.....	132
Становятся тени длиннее.....	133
Н.Алексеев. Открытие Абая продолжается.....	134

ШАКАРИМ КУДАЙБЕРДИЕВ

(1858-1931)

Поэтам.....	136
Песня, в которой новейший мотив.....	137
О молодости.....	139
О старости.....	143
Насихат.....	145
Песни, которые спел для себя после кончины Абая.....	148
В году овцы.....	152
Наступит лето, отселив невзгоды.....	154
Плохих казахов нет в помине.....	155
Мечта.....	155
Мулла гяуром назовёт чужого.....	157
Простишь иному недостатки.....	158
Бездушным став, обрёл какую пользу?	158
И я уйду, навечно сгину	159
Три вида жизни знаю	159
Мысли на горной вершине	159
Вначале охота	160

Владею тюркским	161
Ноль	162
Поверь науке	162
В какой-то год	166
Казах в зеркальном отражении	167
Иные вторят	169
Не подходите близко	169
И ни о чём мне словопрение.....	171
Прощай	171
Лейли и Меджлун. Поэма	173
Об основных датах в творческой биографии Шакарима Кудайбердиулы.....	230
Миржакуп Дулатов. Наурыз.....	236
О поэме Акылбая «Дагестан»	237
Каюм Мухамедханов и Такен Алимкулов	238
Акылбай Кунанбаев. Дагестан. Поэма.	239
Каюм Мухамедханов. Считая дни, сидели мы в темнице.....	255
Первому учителю	256
Несипбек Айтов. В поисках встречи (Каюму Мухамедханову).....	256
Азильхан Нуршаихов. Песнь вечной любви. Поэма. Письма Халиме.....	259
Электронное письмо (вместо послесловия)	439

Мурат СУЛТАНБЕКОВ

Чайки Прииртышья

Стихи, поэмы, статьи и переводы
Избранное

Редактор Олжас СУЛТАНБЕКОВ
Дизайнер-верстальщик Фарида КАРСАКОВА
Корректор Кульзада МАГАУИЯКЫЗЫ
Компьютерный набор Умит ШЫБЫКБАЕВА

Цена договорная
Отпечатано с готовых диапозитивов
Отпечатано в ПК «Семей Печать»
Тел.: 56-62-18

**Мурат Рахимжанулы Султанбеков с внуком Амиром Ержанулы.
Астана. Лето 2010г.
У полотна Ж. Кайрамбаева
“Провозглашение Аблая ханом” (2009 г.),
находящегося в фойе Дворца Независимости.**